

Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Российская Академия Наук

Институт российской истории РАН

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт истории и археологии УрО РАН

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Сургутский государственный университет

Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок

Академическая ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 3

Югра в составе
Московского государства

Ханты-Мансийск
Издательский дом «Новости Югры»
2024

Авторы

Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов, Е. М. Главацкая, И. Л. Манькова, Н. И. Никитин,
О. В. Семенов, В. Д. Пузанов, Я. Г. Солодкин, В. В. Трепавлов

Редакционный совет издания «Академическая история Югры»

Сопредседатели: губернатор Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Н. В. Комарова,
директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров, С. М. Косенок (заместитель сопредседателей),
А. В. Шипилов (заместитель сопредседателей), А. А. Пономаренко (секретарь)

Члены совета: И. Вашари, Г. П. Визгалов, М. К. Волдина, А. В. Головнёв, Е. И. Гололобов, В. А. Гусев,
С. В. Журавлёв, Н. Л. Западнова, В. Н. Захаров, А. В. Кениг, М. Ф. Кириленко, В. С. Кольцов, Е. В. Шумакова,
Р. В. Кучин, В. А. Манин, Р. Г. Пихоя, И. В. Побережников, И. С. Саркисян, В. И. Сподина, П. С. Фокин,
Н. М. Чаиркина, Я. С. Черняк, Г. И. Шмаль

Редакционная коллегия издания «Академическая история Югры»

Р. Г. Пихоя (главный редактор издания, председатель), С. В. Журавлёв (заместитель председателя),
А. И. Прищепа (заместитель председателя), В. А. Манин (ответственный секретарь)

Члены коллегии: Г. П. Визгалов, Е. М. Главацкая, А. В. Головнёв, М. Ф. Ершов, В. Н. Захаров, Е. Ю. Зубкова, А. В. Кениг,
С. В. Кодан, В. В. Кондрашин, Г. Е. Корнилов, В. К. Нехайчик, Е. А. Пивнева, И. В. Побережников, Д. А. Редин,
И. С. Саркисян, Д. Свак, К. А. Соловьёв, Я. Г. Солодкин, В. И. Сподина, В. А. Тишков, В. В. Трепавлов, Н. М. Чаиркина

Редакционная коллегия 3-го тома

В. В. Трепавлов (ответственный редактор), Е. М. Главацкая (ответственный секретарь),
Г. П. Визгалов, И. Л. Манькова, Н. И. Никитин, О. В. Семенов, Я. Г. Солодкин (редактор)

Рецензенты

д. и. н. А. А. Борисов, д. и. н. Д. В. Лисейцев

А38 **Академическая история Югры** : в 8 т. / Под общ. ред. Р. Г. Пихоя. — Ханты-Мансийск :
АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. — Том 3. Югра в составе Московского государства /
Отв. ред. В. В. Трепавлов. — 416 с. : ил. — 4000 экз. — ISBN 978-5-4422-0084-3.

ISBN 978-5-4422-0084-3 (т.3)

ISBN 978-5-4422-0090-5

Третий том «Истории Югры» посвящён начальному этапу присоединения и стремительному освоению огромной территории за Уралом, включая и ту, что находится в современных границах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. На материалах законодательных, делопроизводственных и летописных источников, а также данных, полученных в ходе проведения археологических работ, в томе последовательно освещаются ключевые события истории Югры, начиная с Сибирской экспедиции Ермака и до начала Петровских реформ. Коллективом авторов реконструируются история присоединения Сибири и этапы развития институтов государственной власти в Югорском крае; исследуются противоречия в отношениях пришлого русского и коренного населения; функционирование системы связи и транспортных коммуникаций; изменения в религиозном ландшафте: начальный период распространения православия. Особое внимание уделяется воссозданию деталей повседневной жизни людей, сделавших Югру в XVII в. частью Российского государства.

УДК 94(571.122)«15/16»
ББК 63.3(2Рос–6Хан)4

© Коллектив авторов, 2024
© АНО «Центр «Моя история», 2024
© Подготовка к изданию и оформление —
АО «Издательский дом
«Новости Югры», 2024

ISBN 978-5-4422-0084-3 (т.3)

ISBN 978-5-4422-0090-5

Оглавление

Введение

Основные проблемы изучения истории Югры конца XVI–XVII вв. (В. В. Трепавлов, Я. Г. Солодкин)	7
---	---

ЧАСТЬ 1. ВХОЖДЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава 1. «Ермаковы казаки» на Югорской земле (Н. И. Никитин)	22
Глава 2. Колонизация края служилыми людьми и начало становления административной системы (Я. Г. Солодкин)	34
Глава 3. Северо-Западная Сибирь в Смутное время (Я. Г. Солодкин)	60

ЧАСТЬ 2. СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ С НАЧАЛА XVII В. ДО ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

Глава 1. Административная структура Югорского края (Е. В. Вершинин, В. В. Трепавлов)	80
Глава 2. Коренное население Югорской земли: состав, численность, расселение (Е. В. Вершинин, В. В. Трепавлов)	113
Глава 3. Протестные движения коренного населения (Е. В. Вершинин, В. В. Трепавлов)	142
Глава 4. Служилые люди и их роль в освоении Югорского края (Н. И. Никитин, В. Д. Пузанов)	180
Глава 5. Система правительственной связи: самаровские и демьянские ямщики (О. В. Семенов)	214
Глава 6. Государственные повинности коренного населения. Ясачный режим (Е. В. Вершинин, В. В. Трепавлов)	259

Глава 7. Религиозный ландшафт Югры: начало распространения православия (Е. М. Главацкая, И. Л. Манькова).....	281
Глава 8. Хозяйство и материальная культура русского населения Югры (Г. П. Визгалов).....	331
Заключение (В. В. Трепавлов, Я. Г. Солодкин).....	356
Источники и литература.....	367
Указатель географических названий.....	394
Именной указатель.....	401
Сокращения.....	415

Введение

Основные проблемы изучения истории Югры конца XVI–XVII вв.

С середины XVI в. Русское государство начинает стремительное — по историческим меркам — территориальное расширение в восточном направлении. Границы России продвигались за Волгу, за Урал, через великие азиатские потоки — Обь, Енисей и Лену, и во второй половине XVII в. достигли Тихого океана. Под властью московских монархов оказались владения, размеры которых многократно превосходили прежнюю Русь на Восточно-Европейской равнине. Основное пространственное приращение Московскому государству в то время дала Сибирь.

В историографии велась и по сей день ведётся длительная дискуссия вокруг характера присоединения к Русскому государству Сибири, в том числе Югры¹. Наиболее продолжительной по времени трактовкой было завоевание. Это началось с сибирских летописцев XVII в. Они рассматривали «Сибирское взятие» с точки зрения провиденциализма — проявления Божественной воли. Такую трактовку подхватили и развивали историки XVIII — первой половины XIX вв. Впрочем, самый заметный из них — Г. Ф. Миллер, хотя и оперировал понятиями завоевание и покорение Сибири, признавал, что оно сочетало насильственные и мирные формы, когда местные народы подчинялись русским без сопротивления. Как писал современник Миллера, историк И. Н. Болтин, «...многочисленные дикие племена... почти безоружные, более на зверя, чем на человека похожие пигмеи спасали жизнь свою или бегством, или покорностию»². Аналогичный подход виден у других историков той эпохи, которые расходились во мнениях по поводу того, кому приписать главную заслугу покорения — государству или вольным ватагам казаков и землепроходцев.

Решающим основанием для концепции завоевания был, конечно, начальный этап продвижения России за Урал — военный разгром Сибирского ханства. При этом в стране господствовала идея цивилизаторской миссии русских, которые несли язычникам православную веру и возможность жить в пределах обустроенного «регулярного государства». Это можно увидеть у Н. М. Карамзина, П. И. Небольсина, а также у П. А. Словцова, который после Миллера впервые написал связную историю Сибири.

---

¹ Из недавних работ с подробным обзором мнений по этому вопросу см.: Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007.

² Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. СПб., 1788. Т. 2. С. 145.

С середины XIX в. стала набирать силу теория славянской колонизации Сибири. Наиболее авторитетным на сей счёт было мнение С. М. Соловьёва. В его многотомной «Истории России» сибирские события были, конечно, не главными, но именно Соловьёв стал расценивать присоединение Сибири как часть общего процесса расселения русских и хозяйственного освоения ими новых территорий. Впоследствии концепцию России как «страны, которая колонизируется» развил В. О. Ключевский.

В тот период в отечественной историографии стала постепенно угасать идея насильственного покорения, хотя многие авторы продолжали уподоблять Ермака и вообще казаков и служилых людей испанским конкистадорам, как некогда предлагал Карамзин. Герцен даже придумал понятие бескровного завоевания Сибири, т. е. определение завоевание всё-таки сохранялось, но историки (Н. Я. Данилевский, Н. И. Костомаров, Н. Н. Фирсов и др.) уже описывали налаживание взаимодействия русских с местными народами как постепенный и по большей части бесконфликтный процесс. Экспессы же объясняли жестокостью, издевательством, притеснениями со стороны местных русских властей.

Взгляд на присоединение Сибири как на преимущественно мирный процесс наиболее отчётливо проявился в сочинениях П. Н. Буцинского и в известной степени А. В. Андрианова, М. К. Любавского и А. Е. Преснякова.

Советский период характерен господством в историографии официальных точек зрения, которые на протяжении 70 лет неоднократно менялись. Ранняя советская историография (до 1940-х гг.) с её неперменными оценками царской России как «тюрьмы народов», цитадели реакционного самодержавия, однозначно трактовала продвижение в Сибирь как колониальные захваты. К концу 1920-х гг. утвердилось объяснение вхождения национальных регионов в состав России как «абсолютного зла» для местных народов. «Военная оккупация русскими завоевателями» вызывалась, дескать, интересами первоначального накопления капитала — в русле распространённой в те годы теории «торгового капитализма» М. Н. Покровского. Подобные оценки можно встретить в ранних текстах С. Б. Окуня, С. А. Токарева, М. О. Косвена и др.

При этом представители старой профессуры (М. К. Любавский, С. В. Бахрушин, С. Ф. Платонов) продолжали придерживаться или хотя бы предлагали учитывать прежний взгляд на присоединение Сибири как на колонизационный процесс, который сочетал насилие и мирное взаимодействие.

В середине 1930-х гг. после реабилитации историков, осуждённых по «Академическому делу», возвращения в науку тех, кто выжил, и возобновления преподавания так называемой гражданской истории акценты поменялись. Так, появилась формулировка о присоединении новых территорий к России как о «наименьшем зле» в сравнении с тем, что осуществлялось колониальными державами в отношении завоёванных территорий и порабощённых народов. Хотя концепция «абсолютного зла» из науки ушла, завоевательные устремления царизма, в том числе в Сибири, не отрицались. Они продолжали обличаться в 1940-х гг. в работах А. П. Окладникова, С. В. Бахрушина, С. А. Токарева и др.

После Великой Отечественной войны состоялся радикальный идеологический поворот. Пропаганда советского надэтнического патриотизма и неоимперского строительства сопровождалась насаждением доказательств однозначной прогрессивности присоединения народов к России, соответственно, сопротивление коренных народов стало расцениваться

как реакционные движения. Местные партийные и советские власти уловили новые веяния, и по национальным регионам в 1950-х гг. прокатилась волна юбилеев «Добровольных вхождений в состав России», в частности Горного Алтая, Хакасии и Якутии. Так, на четыре десятилетия в советской науке воцарилось «добровольное вхождение» (иногда писали о «мирном присоединении»). Хотя некоторые авторы ещё продолжали по инерции писать о завоевании Сибири, к 1970-м гг. сложилась терминологическая определённость. Фактический глава советских сибиреведов В. И. Шунков предложил считать наиболее адекватным понятие присоединение, которое охватывает и добровольное вхождение, и факты прямого завоевания³. Но в действительности на первый план стали выдвигаться именно мирные формы. Выступления же «иноземцев», «иноверцев», «инородцев» трактовались, во-первых, как проявления обязательной для царской России классово-борьбы; во-вторых, как направленные исключительно против гнёта казённого начальства, но ни в коем случае не против рядового русского населения; в-третьих, как спровоцированные якобы реакционной патриархальной знатью из числа представителей местного населения аборигенов.

Так категория завоевание полностью исчезла из научного дискурса, и, можно сказать, произошёл возврат к давней колонизационной теории. Неслучайно всё чаще стали писать даже не о присоединении, а об освоении Сибири русским пришлым населением. Ясно, что в условиях фактически директивной установки на «добровольность» из исторических трудов стали исчезать свидетельства противоположного свойства, которые не соответствовали ей. При этом на первый план вышли успехи хозяйственного освоения русскими сибирских угодий, и проблема собственно присоединения ушла на задний план. Одновременно появилась и в 1980-х гг. набрала силу ещё более нейтральная и, можно сказать, общеприимная формулировка вхождения Сибири в состав Российского государства.

В постсоветский период наблюдается разнообразие мнений⁴. Встречаются сторонники интерпретации присоединения Сибири как результата преимущественно насильственных, военных кампаний, т. е. завоевания, так и преобладания ненасильственных методов. Возродились, главным образом в национальных республиках, дефиниции экспансия и колониальная политика. Большинство историков, признавая сейчас противоречивый характер присоединения Сибири, условно разделяются на приверженцев нескольких концепций:

- 1) преимущественно мирное вхождение Сибири и ее отдельных регионов в состав России;
- 2) ставшее уже традиционным присоединение Сибири как мирным, так и военным путем (иногда заменяется вхождением и колонизацией);
- 3) возродившееся завоевание.

Сейчас в сибирской региональной историографии всё громче раздаются голоса, утверждающие, что Россия поработила Сибирь, что подчинение местного населения имело характер агрессии, завоевания, даже реанимировали характеристику Ермака как «русского Кортеса». Подобный разнотон свидетельствует о полнокровной жизни российской исторической науки, пока свободной от жёстких идеологических установок, и зависит, прежде всего, от персональных взглядов конкретных исследователей, их историософских представлений, трак-

---

³ Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 231.

⁴ Зувев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. С. 96–104.

товки ими источников, различного понимания исторического развития народов Евразии. Всё же представляется, что понятие *присоединение* наиболее общо и объективно отражает сложный процесс трёхвекового территориального расширения России на карте Евразии. Этот нейтральный термин подразумевает (если вновь вспомнить В. И. Шункова) как насильственные методы, так и мирные процессы. Тем более что и во время прихода Ермака, и после него не было в Сибири ни геноцида, ни массового насильственного крещения, как в заокеанских владениях Испании.

Каждый регион, вошедший в состав России, проходил через несколько этапов адаптации:

- 1) собственно *присоединение*, т. е. установление российского подданства;
- 2) постепенная *инкорпорация* в структуру государства;
- 3) *ассимиляция*, которая со временем всё более активизировалась и порой трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации.

Теперь посмотрим всё-таки не на Сибирь в целом, а на Югру. Критерии присоединения — вопрос, который, на первый взгляд, не возникает: вот пришёл Ермак, обложил ясаком местное население... И всё-таки: с какого времени Югру можно считать частью Московского государства?

В историографии есть попытки определить объективные параметры принадлежности региона государству. Для периода XVI–XVIII вв. изучение подданства осложняется размытостью критериев этого института. Одни владения входили в состав государства реально, другие — номинально. Причём степень реальности/номинальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на так называемых национальных окраинах.

В контексте изучаемой эпохи маркерами подданства, как правило, являются:

- 1) территориальная включённость региона в высшую государственную символику — большой царский титул или большой государственный герб;
- 2) налогообложение в пользу единого государства;
- 3) распространение на регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям;
- 4) принадлежность региона к одному из административных подразделений государства.

С XVIII в. можно также учитывать закрепление новых территорий за Россией в результате международных договоров.

Очевидно, вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она обзаведётся хотя бы тремя из перечисленных четырёх критериев. Иногда в этот перечень предлагается включать также официальное объявление о переходе в подданство — в случае Сибири это государево жалованное слово и шерть (присяга). Однако известно, что такого рода присяги принимались и нарушались столь часто, что едва ли могут служить надёжной точкой отсчёта пребывания в подданстве. Здесь наглядно проявлялось противоречие между взглядами на принимаемые обязательства, с одной стороны, русских политиков и управленцев и, с другой стороны, — шертящих «иноверцев». Попытаемся применить перечисленные выше четыре признака к Югре.

Югра, безусловно, была включена в высшую государственную символику. Формула «Югорский» появилась в титуле Ивана III после присоединения Великого Новгорода как часть бывших новгородских владений. Значимым основанием для включения Югры в московский титул послужили поход воеводы Ивана Салтыка-Травина в вогульские земли в 1483 г. и его переговоры с югорскими князьями, которые обязались платить Москве дань. Сейчас считается, что формула «Югорский» впервые фиксируется в объектной части титула Ивана III в его грамоте в Кафу таманскому князю Заккари Гизольфи в 1484 г.

После похода русских воевод в 1499 г. на Северный Урал и нижнюю Обь в титуле появились также обозначения земель, примыкавших к Югре: «Обдорский» и «Кондинский». В духовной грамоте Ивана III от 1504 г. Югра перечислялась среди областей, предназначенных в наследство старшему княжичу и отцовскому соправителю Василию.

В государственной геральдике Югра удостоилась особого отображения. В конце 1570-х гг. на Большой печати Ивана Грозного среди эмблем прочих земель и царств появляется пушная зверушка, более всего похожая на белку, обрамлённая надписью «Печать Югорская». В следующем столетии её сменил отвлечённый символ: две руки, выходящие из облаков, напротив друг друга сжимают перекрещённые копыта; над ними надпись «Югорский», т. е. критерий присутствия Югры в государственной символике отмечается с конца XV в.

Остальные критерии — налогообложение, общероссийское законодательство, подведомственность правительственным органам и включённость в административные подразделения государства — определяются основанием Берёзова и Сургута в 1593–1594 гг. Русское население этих городов и новообразованных одноимённых уездов выполняло обязанности российских подданных по уплате податей и несению повинностей, подчинялось столичным ведомствам: сначала Посольскому приказу и Казанскому дворцу, затем Сибирскому приказу.

Если говорить об аборигенном населении, то первоначальное сохранение местных патриархаль-

Рис. 1. Великий князь Иоанн Васильевич // Корень Российских государей (Царский титулярник). 1673 г. // РНБ, Ф. 885, Эрм. 440. Л. 33.
URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=E43F34DE-AB4B-4891-9B5F-DDB52238975F>

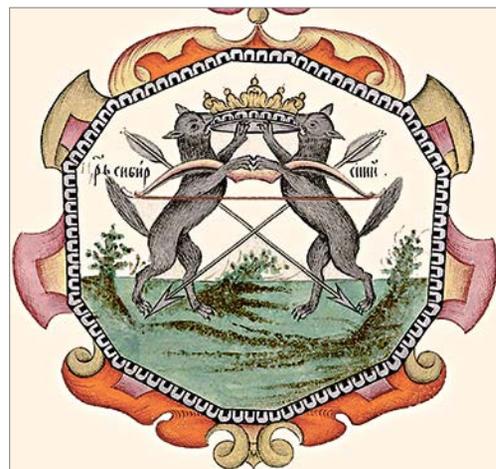

Рис. 2. Герб-эмблема Сибирских земель // Корень Российских государей (Царский титулярник). 1672 г. // РНБ, Ф. 885, Эрм. 440. Л. 50.
URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=E43F34DE-AB4B-4891-9B5F-DDB52238975F>

ных элит, родовых владений и угодий, нерегулярные ясачные выплаты не позволяют столь же чётко установить его статус по отношению к центральной власти. Например, если взять критерий налогообложения. Уплата налогов в государственную казну, на первый взгляд, служила материальным подтверждением и самым наглядным показателем подданства. Коренные народы Сибири облагались податью под названием ясак. Порой ясак облекался в архаичные формы дарообмена. В разных местностях и в разное время он видоизменялся, да и понимался неодинаково. Если русские власти однозначно видели в нём обязанность подданных по отношению к государю, то плательщики ясака трактовали его или как способ меновой торговли, особенно в тех местностях, где до прихода русских не существовало налогообложения, или как дань побеждённых победителю. Так что применять критерии подданства к коренному населению Югры XVII в. сложно. Тем не менее анализ жизнеустройства русских поселенцев в Югорском крае приводит к заключению, что с 1590-х гг. его можно считать полноправной составной частью государства, на которую распространилась власть московского государя.

Однако важно учитывать, что это время прочного и окончательного вхождения Северо-Западной Сибири в состав Московского государства. Если же ставить вопрос о начале этого процесса, то в сибиреведческой литературе бытуют три мнения. Отсчёт предлагается вести от:

- 1) югорских походов конца XV в. и появления Югры в титуле и в завещании Ивана III;
- 2) прихода на Иртыш Ермака в 1582 г.;
- 3) основания в 1585 г. первого русского стационарного поселения в этих краях — Мансуровского городка на Оби.

Все эти даты могут быть обоснованы, но в целом приоритет в историографии остаётся за Ермаком. Его так называемое Сибирское взятие послужило началом новой эпохи в истории всей Сибири, в том числе Югры. При составлении планов академической серии изданий «История Югры» именно это событие легло в основу хронологического разграничения II и III томов.

В первые два десятилетия после похода Ермака в Северо-Западную Сибирь было основано полтора десятка опорных пунктов. К военным, политико-дипломатическим и фискальным функциям поселенцев (присоединение и оборона новых «землиц», сбор ясака) добавились экономические. В местах, где земледелие было невозможно, новые городки жили рыбным и пушным промыслом, оттого югорские уезды обрели наименование «непашенных». Однако в других местах требовалось заводить пашню и огороды, осваивать сенокосы. Поэтому из первоначально занимаемой лесной зоны с 1620-х гг. началось постепенное «сползание» населения к югу, на более плодородные земли по рекам Тобол, Исеть, Миасс, Вагай и Ишим⁵.

Ожесточённые конфликты с татарскими царевичами, набеги ногаев, башкир и калмыков приостановили этот дрейф в степь. Русло освоения направилось на восток, где местные племена были более слабыми и разрозненными. Правда, в середине XVII в. в верховьях Енисея вновь возник сильный противник — монгольские Алтын-ханы. Поэтому до начала следующего столетия воеводы в основном направляли подчинённых казаков и служилых людей для объясачивания очередных «иноземцев» на восток и на север.

---

⁵ Русские. М., 1999. С. 29.

С 1580-х гг. — со времени экспедиции Ермака или, согласно другому мнению, вскоре после неё — Северо-Западная Сибирь стала дальней окраиной Московского государства, но сравнительно быстро превратилась в его внутренний регион.

В истории освоения Югорской земли конца XVI–XVII вв. можно выделить два этапа: пора недолгого существования Обского (Мансуровского) городка, т. е. острога, первые годы существования Берёзова и Сургута со сложившимися вокруг этих городов уездами; и последующие десятилетия, когда Северное Приобье уже являлось органической частью России.

Географические контуры Югры периода конца XVI–XVII в. определяются в основном границами Берёзовского и Сургутского уездов. Эти границы, сформировавшись в конце XVI в., вскоре несколько изменились, поскольку ряд ясачных волостей был передан в ведение воеводам Берёзова и Сургута, или же, напротив, изъяты из сферы компетенции администраторов первых городов Нижнего и Среднего Приобья, по причине чего оказался в составе образованных позднее соседних Томского, Кетского и Нарымского уездов. В силу географической близости и этнической принадлежности коренного населения (остяки-ханты, вогулы-манси и самоеды-ненцы) к названным трём уездам примыкал Пелымский уезд, который граничил с ними на юге, а также западная часть Мангазейского уезда. То было время административного оформления единой территории Югры.

Разнообразные аспекты истории русского населения севера Западной Сибири в конце XVI–XVII столетий уже давно привлекают внимание исследователей. Г. Ф. Миллер, следуя главным образом Ремезовской летописи, указал на противостояние остяков и вогулов Ермаку в битве у Чувашева мыса, раскрыл перипетии казачьего похода в Югру (до Самарова городка и Белогорья) и существования Мансуровского городка. «Отец сибирской истории» установил время основания Берёзова и определил, что Сургут мог быть «поставлен» в 1593 или следующем году, выяснил, в сооружении каких городов и острогов принимали участие берёзовцы и сургутяне, остановился на взаимоотношениях русского и коренного населения Обь-Иртышья.

Первые десятилетия существования Берёзова и Сургута почти через полтора века после Миллера были разносторонне представлены в исследованиях П. Н. Буцинского. Он обнаружил в архиве наказ о возведении Сургута и уточнил время его строительства, обратился к истории населения Берёзова, Сургута и их уездов, показал роль местных служилых людей в колонизации соседних территорий Сибири.

Пребывание в Югре «Ермаковых казаков», возникновение Мансуровского городка, первые десятилетия существования Самаровского яма послужили, в частности, темами изысканий Х. М. Лопарева. Вопросы об основании Берёзова и Сургута рассматривались видным историком и архивистом рубежа XIX–XX вв. Н. Н. Оглоблиным. Крупнейшего историка-сибироведа первой половины XX в. С. В. Бахрушина интересовали судьбы остяцких и вогульских княжеств XVI–XVII столетий, размеры, формы и значение ясака в Сибири, в том числе Северо-Западной, становление там с приходом русских новой административной системы.

Такие вопросы, как поход ермаковцев в Обь-Иртышье, начало русских укрепленных поселений в этом крае, экономическое развитие Берёзова в первые десятилетия его существования, не раз привлекали внимание В. И. Сергеева. Основанию «Берёзова города» и его торговым связям в XVII в. посвящены статьи и монография В. М. Леонтьева. О положении в Югорской земле в годы «Ермаковой эпопеи», возникновении Мансуровского городка и Берёзова,

военно-административной структуре Северо-Западной Сибири с конца XVI в. говорится и во многих работах Н. А. Миненко. В трудах Н. И. Никитина нашли развёрнутое отражение источники формирования гарнизонов Берёзова и Сургута, их численность, структура и функции со времени их основания и до конца XVII столетия.

Широкий круг проблем позднесредневековой истории Югры рассмотрен в десятках исследований А. Т. Шашкова: главные события экспедиции Ермака, начало Мансуровского городка, Берёзова, Сургута, острогов на землях Сургутского уезда, появление Самаровского яма, судьбы местных княжеских династий, в частности кодской, походы служилых людей, градостроительство, возникновение и деятельность клира православных храмов и монастырей.

Другого уральского историка Е. В. Вершинина занимали вопросы административного устройства и формирования территории Берёзовского и Сургутского уездов; складывания там русского населения, его взаимоотношения с коренными жителями — остяками, селькупками, ненцами; истории служилого люда, включая судьбы казачьих династий; строительства укреплений городов-крепостей, обь-иртышского судоходства.

В. Д. Пузановым подробно изучены многие сюжеты военной, административной и экономической истории Берёзовского и Сургутского уездов со времени их образования до начала XVIII в. Ряд аспектов церковной организации Северо-Западной Сибири рассматриваемого периода получил отражение в исследованиях И. Л. Маньковой, а проблемы политики в отношении коренных народов Югры, их взаимоотношений с пришлым русским населением и первых религиозных контактов — в исследованиях Е. М. Главацкой.

Едва ли не большинство проблем истории Югры в составе «русской» Сибири на протяжении конца XVI–XVII в. остается при этом дискуссионным или малоизученным.

Повторное обращение к ним предполагает и расширение источниковой базы, в том числе за счёт давно опубликованных материалов, многие из которых выпали из поля зрения учёных, и совершенствование приёмов анализа данных, уже введённых в научный оборот — в особенности это относится к сведениям о раннем прошлом «русской» Сибири. До сих пор отсутствуют монографические труды по источниковедению и историографии Югры как части Московского государства, в том числе работы, посвящённые отдельным группам источников (документальным или повествовательным, к примеру летописным) и вкладу ряда видных исследователей (Г. Ф. Миллера, П. Н. Буцинского, Н. Н. Оглоблина, С. В. Бахрушина, Д. Я. Резуна, А. Т. Шашкова) в изучение судьбы Югорского края на протяжении конца XVI–XVII столетий.

Предметом споров является вопрос о том, с какого времени началось присоединение Югорского края к России и когда он окончательно вошёл в её состав. Некоторые историки были убеждены в том, что Югра превратилась в одну из северо-восточных окраин Московского государства уже в ходе экспедиции Ермака, другие же исследователи между тем указывали на сооружение Обского (Мансуровского) городка либо на строительство Берёзова и Сургута и образование уездов вокруг них. Ещё недостаточно ясны хронология и география пребывания «Ермаковых казаков» на Югорской земле, цели и результаты их экспедиции в Обь-Иртышское междуречье, а также неизвестно, сражались ли остяки и вогулы с русской дружиной на стороне Кучума в битве у Чувашева мыса; сделались ли многие угорские политии самостоятельными, после того как уцелевшие казаки с гибелью своего предводителя оставили татарскую столицу Искер, или же признали зависимость от вернувшегося туда султана Али,

а затем бека Сейдяка (Сеид-Ахмеда) из прежней княжеской династии Тайбугидов; на какие земли распространялась власть московского государя со времени возникновения Мансуровского городка, основания Тюменского и Тобольского острогов, а вскоре Берёзова и Сургута.

По-разному определялись в историографии источники формирования русского населения Северо-Западной Сибири на раннем (с конца XVI в.) этапе её колонизации и их соотношение, очевидно, не являвшееся стабильным (выходцы из Поморья, Центра, Запада и Северо-Запада Европейской России, Среднего Поволжья и Приуралья, из других сибирских уездов, потомки первых жителей Берёзова и Сургута). Часто не принималось во внимание, что вначале гарнизоны двух первых городов Югры сформировались из служилых людей, набранных в Москве или на пути из неё за «Камень», а гарнизоны Сургута — ещё и из тех, кто накануне «годовал» в заложенном воеводой И. А. Мансуровым остроге на Оби либо был переведён, как предполагалось, на время из Пелыма.

До сих пор недостаточно ясна численность гарнизонов городов Северного Приобья в конце XVI в. и её динамика в последующие десятилетия, а также персональный состав местных служилых людей. Требуется раскрыть судьбы представителей династий берёзовских и сургутских казаков и стрельцов, их роль в социальном и экономическом развитии городов-крепостей Югорской земли. Нуждается в дальнейшем исследовании и структура служилого населения края, явно не остававшаяся статичной, особенно в частности судеб «иноземных» контингентов («литвы», черкасов, «немцев», новокрещёнов), причём в Берёзове и Сургуте она, насколько известно, во многом различалась, и важно установить причины этого.

Историки не единодушны в определении целей основания Берёзова и Сургута, роли их гарнизонов в дальнейшей колонизации Сибири, в частности в строительстве Мангазейского, Кетского и Енисейского острогов, Томска и Якутска, в освоении Приамурья. География «годовой» службы берёзовцев и сургутян, её значение в колонизации сибирских земель и процесс привлечения на русскую службу представителей коренного населения (что далеко не всегда сопровождалось переходом в православие) также заслуживают особого внимания. В задачи исследования входит — очертить чрезвычайно широкий круг функций (помимо сугубо военных) местных служилых людей, а также выяснить, роль каких из этих функций была устойчиво важной, а каких уменьшалась и почему. Надлежит установить, как и почему менялась роль Берёзова и Сургута в военно-административной системе «русской» Сибири, к примеру их значение как городов-крепостей. При этом следует отследить изменения в территориальном составе и структурах Берёзовского и Сургутского уездов (отдельные волости то присоединялись к этим уездам, то передавались в ведение администраторов Томска, Нарыма, Кетска, Мангазеи; были ликвидированы аборигенные Бардаково и Кодское княжества).

Рис. 3. Ермак Тимофеевич. Портрет XVIII в. Холст. Масло. // Омский историко-краеведческий музей

Формирование (на рубеже XVI–XVII вв.) и последующая эволюция на Югорской земле новой административной системы, место в ней аборигенных структур, каналы их взаимодействия с органами воеводской власти, специфика местного управления, в частности особенности воеводских полномочий и структуры управления в масштабах Тобольского разряда, Сибири, да и всей России, тоже нуждаются в раскрытии. Желательно выяснить мотивы назначения на должности воевод и письменных голов Берёзова и Сургута, а также определить, как службы в этих уездных центрах сказались на последующей карьере их администраторов.

Многообразна тематика истории Русской православной церкви на севере Западной Сибири: церковное и монастырское строительство, обеспечение храмов, формирование и состав приходского духовенства, место Берёзовского, Сургутского и Пелымского уездов в системе регионального епархиального управления.

Безусловно, следует продолжать исследование вопросов хозяйства, быта и духовной культуры русских людей, которые поселились в Среднем и Северном Приобье. Они, с одной стороны, несомненно, испытывали влияние коренного населения, и, с другой, сами оказывали на него воздействие. Обзаводиться хозяйством в суровом сибирском крае русским переселенцам приходилось, адаптируясь к местным природным условиям. Хотя для выходцев из Европейского Севера они были не в новинку, всё же осваивать Югорские земли было нелегко. Процесс осложнялся значительными колебаниями климата. Наиболее теплым и комфортным для сельского хозяйства в Югре XVII в. было лишь двадцатилетие 1650–1670-х гг. Потепления сменялись похолоданиями, в том числе экстремальными — с ранними и поздними заморозками и гибелью урожая на полях и в огородах (1642, 1685, 1696, 1698 гг.). Это бедствие на протяжении одиннадцати лет подряд (1633–1642 гг.) переживала почти вся Сибирь. Под воздействием долгого природного катаклизма не только переставала плодоносить почва, но и менялись пути миграции диких животных и рыбы, что приводило к голоду среди местного коренного населения. Жители же русских поселений, спасаясь от многомесячного холода, чаще, чем обычно, топили печи, отчего происходили многочисленные пожары, которые, случалось, уничтожали целые города⁶.

Следует рассмотреть также экономические связи северо-западных уездов Сибири с соседними, в том числе располагавшимися на Русском Севере, а также пути сообщения в Обь-Иртышье, историю градостроительства в Берёзове и Сургуте, в частности необходимо выяснить, какие укрепления, храмы, административные здания и другие сооружения там появлялись, например, после страшного берёзовского пожара 1642 г.

Специального внимания заслуживает положение коренного населения, в жизни которого с конца XVI в. стали происходить существенные изменения. Занимаясь в тайге и тундре охотой, рыболовством и разведением оленей, расселяясь на родовых землях и будучи полностью независимыми, народы Югры тяжело приспосабливались к новой для них государственной системе России. Традиционная структура их социального устройства не предполагала какого-либо подчинения единому верховному правителю, за исключением относительно кратких периодов зависимости некоторых политий от сибирских ханов. Трудно было привыкнуть к мысли, что род обязан выплачивать ясак дотоле неведомому

---

⁶ Ваганов Е. А., Шиятов С. Г., Мазепа В. С. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике. Новосибирск, 1996. С. 90; Мыглан В. С. Климат и социум в Сибири в малый ледниковый период. Красноярск, 2010. С. 36–37.

и далекому царю, отправлять заложников к русским начальникам, отправляться по их приказам на войну во враждебную тундру. У народов Поволжья, Южной Сибири и Центральной Азии ко времени их присоединения к России уже имелся наработанный опыт своей или чужой государственности, поэтому для них подчинение вышестоящим вне- и надродовым властям было не новым явлением⁷. Однако таким опытом не обладали некоторые народы Северо-Западной, а также всё население Восточной Сибири вплоть до Тихого океана. В XVI–XVII вв. они находились на догосударственном или в редких случаях раннегосударственном этапе социального развития.

Историки уже неоднократно высказывали важное наблюдение о непонимании или, если выразиться осторожнее, абсолютно различном понимании коренным населением названных территорий самого феномена государственной власти⁸.

Ко времени прихода русских казаков и служилых людей на территории Югры находилось несколько квази- и раннегосударственных образований (княжеств), подробно описанных во втором томе «Истории Югры». Перед местной русской администрацией встала задача не только наладить отношения с прежде независимыми осяками, вогулами и самоедами, но и убедить/принудить их к выполнению обязанностей подданных-налогоплательщиков. Это удавалось не сразу и не везде. Наиболее бесконфликтным способом было внушение югричам пользы или выгоды от сотрудничества с русскими, когда исправные плательщики ясака могли получить помощь и защиту от враждебных соседей. Однако неоднократно возникали ситуации, когда «иноземцы» могли передумать, насторожиться, озлобиться из-за агрессивных действий служилых людей или чрезмерных запросов ясачных сборщиков. В таком случае ранее достигнутые договорённости рушились, и всё приходилось начинать сначала. Русские управленцы были склонны объяснять столь необязательное отношение аборигенов к соглашениям их «азиатским непостоянством», «лукавством», «древней легкомысленностью»⁹ и т. п. На самом же деле причина крылась в различных, порой противоположных взглядах на смысл и предмет договоров.

Например, институт шерти с публичным торжественным объявлением обязательств активно применялся и успешно зарекомендовал себя в южных степях, в отношениях Московского государства с тюркскими правителями. Однако в северной тайге и тундре он давал сбои.

---

⁷ С. В. Бахрушин отметил, что в тех землях, которые когда-то подвергались монголо-тюркским завоеваниям, русская власть прибегала к использованию местных традиций ясачного обложения; в той части Сибири, которая никогда не пребывала в составе Монгольской империи или татарских ханств, объяснение проходило с большими трудностями (Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 52, 62). Л. И. Шерстова склонна распространять идею подобных ордынских заимствований русской администрацией на практику шертования и заложничества-аманатства (Шерстова Л. И. Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 23). Соглашаясь в принципе с этим тезисом, всё же уточним, что речь следует вести, скорее всего, о поздней Золотой Орде (XV в.), а также, вслед за С. В. Бахрушиным, о «постордынских» ханствах.

⁸ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002; Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII вв. Новосибирск, 2017; Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб., 2017.

⁹ Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сб. архивных документов. Л., 1935. С. 95, 183.

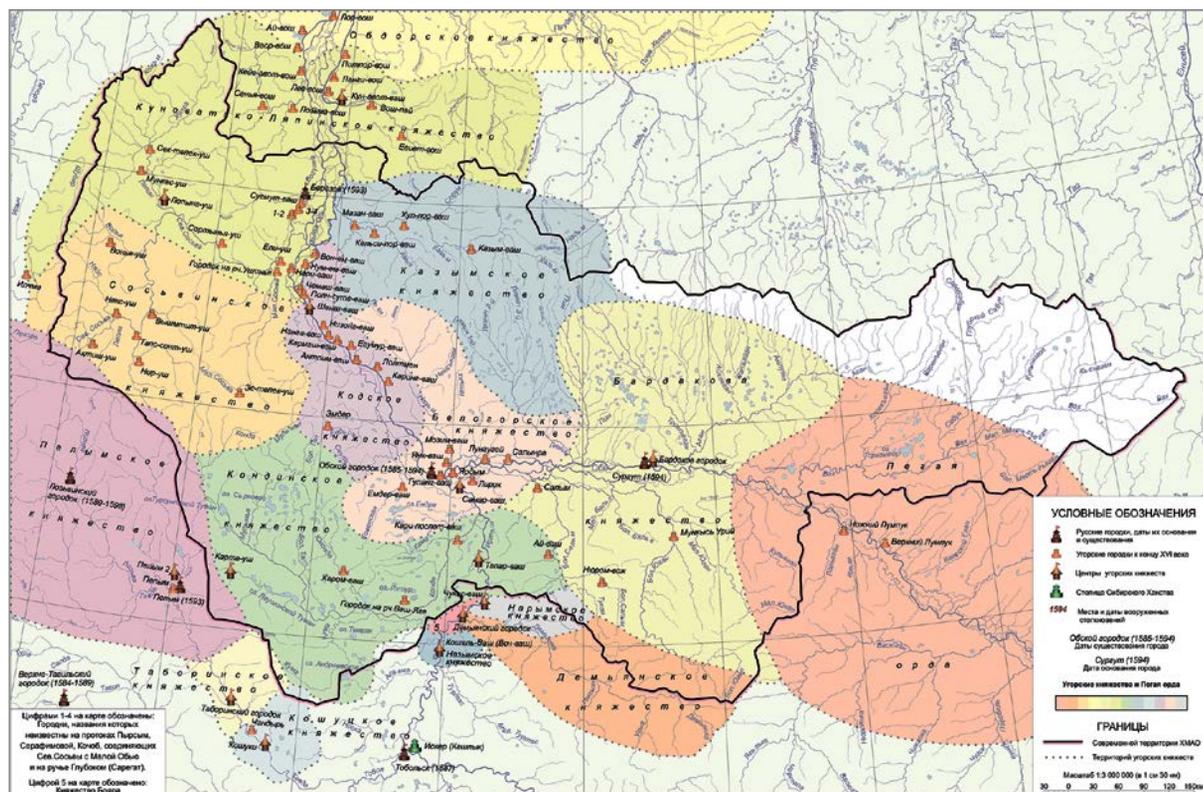

Рис. 4. Угорские и первые русские городки. Конец XVI в. Карта / Авт. В. И. Байдин, компьютерная вёрстка С. И. Цеменкова, Е. В. Кузнецова // Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ханты-Мансийск; Москва: Полиграфист, 2006. Т. 1. Историко-культурное наследие. С. 22

Не особенно помогали попытки властей опираться на силу обычаев, авторитет традиционной знати или придуманные ими искусственные обряды принесения клятв с применением языческой символики. Рассмотрев межэтнические отношения в Северо-Западной Сибири более позднего периода, Н. А. Миненко сделала выводы относительно ненцев (самоёдов), но её заключение можно распространить и на более раннее время, и на другие народы Югры. По их представлениям присяга была поступком унижительным для человеческого достоинства и находящим применение лишь в качестве наказания преступников. Нарушения «иноземцами» клятв были частыми и привычными, а обычаи не предусматривали наказания за это: считалось, что сам факт приведения к присяге, неважно, искренней или ложной, служит для виновного своего рода публичной казнью. «Русские власти, — пишет Н. А. Миненко, — исходя из иных представлений о сущности присяги, заставляли “шертовать” сибирские народы, не зная, что тем самым подвергают их беспричинному наказанию и унижению¹⁰».

Среди негласных установок внутренней политики в Московском государстве было сотрудничество с элитами народов, включённых в его состав. Репрессии против высших слоёв, их истребление или насильственное отстранение от власти могли иметь место на первых

¹⁰ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 214, 215.

этапах формирования многонационального государства. В основном же налаживалась взаимовыгодная кооперация российской администрации на разных уровнях с социальными верхами новоприсоединённых подданных. Подчиняясь превосходящей силе русских и смиряясь с ней, правящие круги «иноземцев» и «иноверцев» соглашались с установившимся режимом существования в едином государстве. Однако с течением времени лидирующие позиции верхов ослабевали и в конце концов утрачивались. Это могло происходить по причине как целенаправленных административных мероприятий, так и в силу объективных социальных трансформаций.

Когда в регионах расселения аборигенов складывалась безопасная и стабильная обстановка, российские власти приступали к выстраиванию мирных отношений с их предводителями. В целом, такие отношения можно свести к принципу взаимных соглашений: за традиционными элитами частично сохранялись их «дороссийские» властные prerogatives и привилегии, им поручался контроль за населением и иногда вменялось в обязанность несение военной службы, а взамен предоставлялась возможность пользоваться ресурсами государства посредством получения «государева жалованья» и повысить социальный статус — иногда вплоть до вхождения в ряды российского дворянства. По мере укрепления и развития на окраинах государственных институтов, социальное и материальное благополучие патриархальной знати всё более начинало зависеть не от изначальной родovitости, накопленных предками богатств и количества подвластных холопов, а от лояльности к российской администрации, готовности выполнять её предписания.

Порой складывались ситуации, когда обстоятельства менялись, и насущная необходимость в сотрудничестве с местной традиционной элитой становилась неактуальной. К примеру, под началом остяцких князей Коды находилось ополчение в несколько сотен человек, и это представляло собой большое подспорье для русских властей за Уралом. Если у местных воевод не хватало сил усмирить немирных «иноземцев», которые отказывались платить подати, или с этим не могли справиться ясачные сборщики, против мятежников могли послать кодских хантов. Но после начала административного и хозяйственного освоения русскими Восточной Сибири стало невозможно и нерационально отправлять ополченцев Коды в столь дальние экспедиции (ходить туда воевать было «тем остякам... не за обычай»), и Кодское княжество оказалось в глазах властей бесполезным. В 1644 г. его упразднили. Та же участь со временем постигла и другие княжества Югры.

Часть 1

Вхождение Северо-Западной Сибири в состав Московского государства

Глава 1

«Ермаковы казаки» на Югорской земле

Значение сибирского похода Ермака для судеб России давно и по достоинству оценено историками, и с течением времени оно становится всё более очевидным. Как заметил академик А. П. Окладников, «есть события, величие которых не только не меркнет с веками, а наоборот, лишь время высвечивает всю их значимость. Именно таким событием является Сибирская экспедиция атамана Ермака Тимофеевича и его героической дружины»¹. И по мнению известного специалиста по российской истории XVI–XVII вв. Р. Г. Скрынникова, «освоение Сибири, начало которому было положено экспедицией Ермака в Зауралье, явилось крупнейшей вехой в русской средневековой истории. Казаки Ермака сделали первый шаг, открыв пришедшим на смену им землепроходцам путь в глубины неведомого и огромного азиатского материка»².

Более эмоциональны и образны высказывания на тему «Сибирского взятия» у мастеров художественного слова. «Словно брешь пробил Ермак в стене, сдерживавшей напор колоссальных, пробудившихся в народе сил, — хлынули в Сибирь ватаги жаждущих свободы, суровых, но бесконечно выносливых и безудержно смелых людей...» — писал Игорь Забелин. Николай Коняев называл Ермака человеком, «продвинувшим Русь в сибирские просторы». Широко разошлись и слова Валентина Распутина, заметившего, что именно благодаря Ермаку и его дружине Русь обрела Сибирь и «стала Россией»³.

В Московском государстве конца XVI–XVII вв., конечно, вряд ли кто мог осмыслить всю важность «Сибирского взятия» для будущего страны. Лишь много лет спустя М. В. Ломоносов понял, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном»⁴. Однако и на современников Ермака его поход произвёл сильное впечатление, и они возвели «покорителя Сибири» в ранг одного из самых почитаемых народных героев.

¹ Окладников А. П. К 400-летию похода Ермака в Сибирь // Колесников А. Д. Ермак. Исторический очерк. Омск, 1983. С. 4.

² Скрынников Р. Г. Ермак. М., 1992. С. 3.

³ Никитин Н. И. Атаман Ермак как фигура раздора (Историографические заметки) // Проблемы новой и новейшей истории России. М., 2022. С. 29–30.

⁴ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 498.

Ключом к пониманию этого феномена является отнюдь не «великодержавный шовинизм», который, как полагают авторы некоторых работ на «ермаковские» темы, якобы был издревле присущ русскому народу, а слова нашего выдающегося историка С. М. Соловьёва: «Надобно перенестись в XVI век, чтобы понять всю силу впечатления, какое производили на современников эти слова: завоёвано Татарское царство»⁵. Хотя в этом случае речь шла о Казанском царстве, известие о разгроме и взятии Сибирского царства наверняка вызвало в народе такой же отклик, ведь зауральский поход Ермака также являлся одним из завершающих эпизодов тяжелейшей, изнурительной борьбы Руси с наследием ордынского ига и воспринимался народом не иначе как отмщение за столетиями причиняемое ему зло.

После свержения ига в 1480 г. царства, образовавшиеся на развалинах Золотой Орды, в числе которых был и Сибирский юрт, ещё долго терзали русские земли опустошительными набегами, сжигая сёла и города, уводя в рабство или убивая самым жестоким образом множество мирных жителей. В 1571 г. во время очередного набега крымскими татарами даже была сожжена Москва. В целом же о масштабах урона, наносимого стране «осколками» Золотой Орды, можно судить хотя бы по таким данным: в Казанском ханстве накануне его завоевания Иваном Грозным находилось не менее 100 тысяч русских пленников. Не считать, сколько их к тому времени было продано в рабство на рынках Крыма, Средней Азии и Северной Африки. В Крым с территории Московского государства лишь за первую половину XVII в. было угнано не менее 150–200 тысяч человек⁶. Это огромные потери для страны, численность населения которой на период с середины XVI по середину XVII вв. составляла всего 6,5–7 миллионов человек.

Для защиты мирного населения от татарских набегов правительство шло на беспрецедентные по масштабам и дороговизне меры: от польской границы до предгорий Урала была построена непрерывная цепь укреплений, состоящая из крепостей, валов, частоколов, надолб, засек. Вдоль этой «черты», представлявшей собой древо-земляной аналог Великой Китайской стены, прикрывавшей Поднебесную от вторжений кочевников, были размещены внушительные военные силы и до совершенства отлажена разведывательно-сторожевая служба, однако полностью пресечь вражеские вторжения эти меры не помогли. Покончить с исходящей от «осколков» Золотой Орды опасностью удавалось только после их включения в состав России. Поэтому нетрудно представить, какой отклик должна была получить

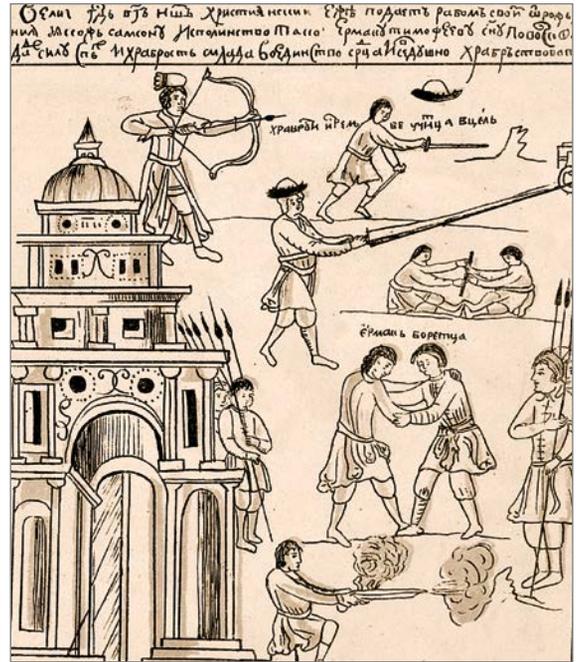

Рис. 1.1. Ермак в описании летописца.
Рисунок С. У. Ремезова. Конец XVII в. //
Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880

⁵ Соловьёв С. М. Сочинения. М., 1989. Кн. 3. С. 460.

⁶ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 436; История СССР с древнейших времён до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 167.

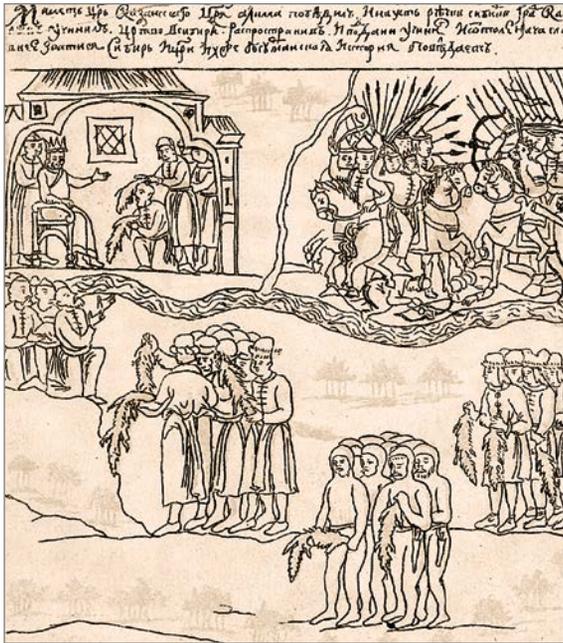

Рис. 1.2. Сибирское царство.

Рисунок С.У. Ремезова. Конец XVII в. //

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880

в стране весть о том, что уже не грозный царь и его воеводы, а выходец из простых людей — казачий атаман — сокрушил ещё одно татарское царство.

На большей части российской территории реальная сторона событий, связанных с именем Ермака, постепенно забылась, но память о нём как великом ратоборце, народном заступнике и герое навеки осталась, воплощаясь даже в былинные образы — вплоть до превращения «покорителя Сибири» в соратника самого Ильи Муромца. Как заметил один из лучших знатоков русского фольклора Л. Н. Пушкарёв, «сам факт превращения казачьего атамана в русского богатыря следует рассматривать как феномен народного сознания, как оценку подвига исторического деятеля народом...»⁷

Уделила внимание этому вопросу и крупный специалист по истории Сибири М. М. Громыко. «Большой популярностью пользовалась у крестьян фигура Ермака Тимофеевича, — пишет она в своей монографии о крестьянском менталитете. — Особенно значитель-

ным было его место на Дону и в среде уральских и сибирских крестьян. Здесь он приобрёл даже некоторый ореол святости. Во второй половине XVII в. голландец Николай Витсен писал о Сибири: «Русские, живущие в этой стране, ещё до сего времени молятся на этого Ермака, смотря на его дело как на святое...» В 1842 г. П. И. Мельников-Печёрский в «Дорожных записках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» рассказывал о Приуралье: «Ермак живёт в памяти жителей Пермской губернии, много преданий и песен о нём сохранилось до сих пор. В сёлах и деревнях у всякого зажиточного крестьянина, у всякого священника вы встретите портрет Ермака...» Это же отметил позднее П. И. Небольсин для Тобольской губернии»⁸.

Заметим, что никто из первопроходцев, шедших по проложенному Ермаком пути, уже не был удостоен подобной славы. Однако надо признать, что она оказала медвежью услугу исследователям «Сибирского взятия», поскольку породила о нём множество легенд и мифов, которые, попав на страницы так называемых сибирских летописей — главного источника по истории похода Ермака, — крайне затрудняют, а нередко делают просто невозможной работу по отделению в них правды от вымысла. По этой причине почти всё, что связано с историей покорения Сибири, является по сей день дискуссионным. У историков нет единого мнения ни о точных датах начала и завершения экспедиции, ни о её ходе, ни о числе участников. А те сведения, которые признаются большинством исследователей достоверными,

⁷ Пушкарёв Л. Н. Ермак в кругу богатырей русского эпоса // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 19.

⁸ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 134, 138–139.

позволяют составить лишь весьма схематическую картину связанных с походом Ермака событий.

Она такова. В 1555 г. прибывшие в Москву послы правителя Сибирского юрта (Едигера) передали Ивану Грозному просьбу их государя о покровительстве. После долгих переговоров прошение было одобрено, и в 1557 г. к титулу русского царя прибавился ещё один — «вся Сибирская земли повелитель». Однако в 1563 г. братья Ахмад-Гирей и Кучум при поддержке Бухары и ногайцев захватили Сибирский юрт, убив правивших там вассалов Москвы. Внешнеполитический курс их государства резко поменялся, особенно после того, как Кучум в 1569 г. стал единоличным правителем ханства. Первое время он ещё сохранял вассальные отношения с Москвой, но, узнав о её сожжении во время крымского набега в 1571 г., разорвал их и начал вести антирусскую политику.

Стремясь распространить своё влияние на народы не только Уральского, но и Поволжского региона, сибирский хан стал переподчинять себе находившееся в российском подданстве вогульское население, подстрекал черемис к антирусскому бунту, а в 1573 г. бросил открытый вызов Москве: по его приказу был убит вместе со своей татарской свитой царский посол Третьяк Чебуков, направлявшийся к казахскому хану Хакк-Назару. На уральские владения Московского государства начались регулярные вооружённые нападения со стороны Сибирского ханства, его вассалов и союзников. С 1572 по 1582 г. было совершено не менее пяти опустошительных рейдов по русской территории, которые возглавляли то вогульские князья (Бегбелей, Кихек), то родичи самого Кучума (племянник Маметкул, сын Алей). Они «предавали огню и мечу» русские и вогульские поселения по Чусовой, Сылве, Косье, Каме. От этих набегов в первую очередь страдали владения купцов и солепромышленников Строгановых, жаловавшихся царю, что «сибирцы» у них угоняют скот, выжигают деревни, убивают и захватывают в «полон» людей, «и промыслы у них в слободах отняли, и соли варити не дадут». Но кучумляне разоряли и другие земли русского Приуралья, осаждали даже Чердынь — главный город Пермского края, а Соликамск сожгли, вырезав почти всех жителей⁹.

Для защиты своих владений Строгановы пригласили волжских казаков — 540 человек во главе с Ермаком. Он, понимая, что «лучшая оборона — наступление», предпринял поход за Урал, получив от Строгановых подмогу в виде продовольствия, боеприпасов, вооружения и людей. По реке Чусовой и её верхнему притоку Серебрянке Ермак поднялся до водораздела

Рис. 1.3. Казачье войско.

Рисунки С. У. Ремезова. Конец XVII в. //

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880

⁹ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 193–198; Андреев А. Р. Строгановы. XIV–XX века. Энциклопедическое издание. М., 2000. С. 239–244.

бассейнов Камы и Иртыша, пролегающего по Уральским горам, перешёл его по волоку до текущей на восток реки Жаровки, впадающей в Баранчу, по ней спустился в Тагил, а далее двинулся по Тавде, Туре, Тоболу и Иртышу к столице Сибирского ханства, разгромил его главные силы в решающем сражении у так называемого Чувашева мыса, после чего 26 октября 1582 г., в «Дмитриев день», вступил в резиденцию хана Кучума, оставленную им без боя, — «град Сибирь».

Ермак известил Ивана Грозного о своей победе, отправив посольство в Москву, и по царскому указу на подмогу казакам двинулся отряд из 300 стрельцов, возглавляемых князем Семёном Болховским. Пока он добирался до Сибири, «Ермаковы казаки» совершили несколько походов, в том числе самый длительный — до Оби, взяли «с боем и без боя» ясак с ряда родоплеменных объединений, ранее подчинявшихся хану Кучуму, но в то же время нашли среди них немало союзников. Благодаря одному из них казакам удалось захватить в плен главного военачальника Сибирского ханства — «царевича» Маметкула, племянника Кучума, который был вскоре отправлен Ермаком в Москву с новым посольством.

Прибывший к Ермаку поздней осенью («по последней воде») отряд князя Болховского оказался не столько подмогой, сколько обузой: стрельцы отправились в Сибирь без нужного запаса продовольствия, и в русском стане начался голод, унёсший множество жизней, в том числе самого Болховского. Положение усугубилось тем, что русский лагерь оказался в длительной и плотной осаде войском Карачи (бывшего ближнего советника Кучума). После устроенной казаками ночной вылазки блокада была снята, но общие потери русской стороны к тому времени оказались крайне велики, в том числе среди командного состава экспедиции. Был

убит атаман Иван Кольцо, попавший вместе с 40 своими товарищами в ловушку, устроенную Карачей, также погибли атаманы Никита Пан и Яков Михайлов, есаул Богдан Брязга. Это сильно снизило боеспособность казачьего войска, тем не менее его предводитель счёл нужным предпринять (видимо, как ответ на предательские действия Карачи) поход на юг — вверх по Иртышу, и казаки дошли до впадения в него реки Шиш. Вскоре, однако, Ермак сам попал в расставленную татарами западню. Они распространили слух о бухарском торговом караване, якобы задержанном Кучумом на Вагае, притоке Иртыша, и Ермак отправился выручать бухарских купцов. Не обнаружив их, казаки на обратном пути остановились отдохнуть на островке в устье Вагая и ночью во время сильного дождя были атакованы кучумлянами. В этом бою Ермак погиб: утонул, пытаясь добраться до стоявших у берега судов.

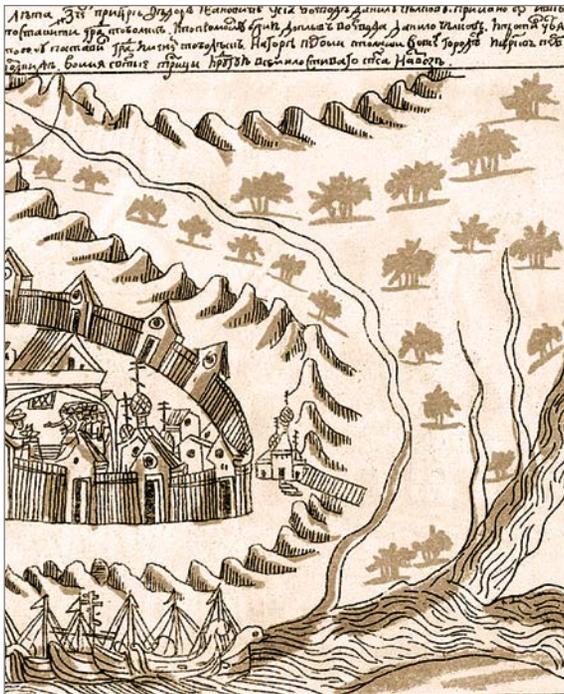

Рис.1.4. Город Тобольск.

Рисунок С. У. Ремезова. Конец XVII в. //

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880

Оставшиеся в живых казаки ушли из Сибири «на Русь» северным «чрезкаменным» путём, не зная, что им на помощь уже подходит царское войско, возглавляемое воеводой Иваном

Мансуровым. Не застав казаков Ермака на месте, он проплыл по Иртышу до Оби, перезимовал там в наскоро построенном городке, успешно отразил нападение местных племён и весной 1586 г. тоже вернулся «на Русь» тем же северным «чрезкаменным» путём. Покорение Сибири надо было начинать заново, что и было сделано новым войском, в которое были включены и уцелевшие «Ермаковы казаки». Сильно ослабевшее к тому времени и, по сути дела, уже распавшееся Сибирское ханство не смогло оказать русским серьёзного сопротивления, и в 1586 г. был беспрепятственно основан русский город Тюмень, а в 1587 г. — будущая сибирская столица Тобольск.

Такова схема «Сибирского взятия», принимаемая большинством его исследователей. Но для нашей работы представляют особый интерес, прежде всего, те обстоятельства экспедиции Ермака, которые непосредственно связаны с историей Югры. Относительно них у исследователей тоже нет единого мнения, и далеко не все эпизоды «северного» похода казаков Ермака трактуются в научном сообществе однозначно. Поэтому ниже будет представлен лишь один из вариантов развития событий в Нижнем Прииртышье и Приобье в ходе «Сибирского взятия» — тот, который представляется нам, исходя из летописных сообщений и работ известных историков, наиболее достоверным¹⁰.

***

Взятие Ермаком столицы Сибирского ханства ещё не означало подчинения русским всех некогда зависимых от Кучума территорий, по этой причине часть казачьего войска, перезимовав в Искере, отправилась в так называемый ясачный поход на север. Поскольку реки ещё не вскрылись, первую часть пути казаки проделали, двигаясь вниз по Иртышу на лошадях.

Первым селением, оказавшим сопротивление ермаковцам, был Аремзянский городок. Казаки взяли его приступом, казнили правившего там татарского мурзу и его приближённых (расстреливали, подвесив за ногу), остальных жителей привели к шерти (присяге) по их вере, заставив целовать окровавленную саблю, а собранные в качестве дани-ясака меха и съестные припасы отправили своим товарищам в «град Сибирь».

Учинённая над непокорными правителями Аремзянского городка расправа, видимо, произвела должное впечатление на их соседей, и следующие на пути казаков татарские улусы — Надцинский и Карабинский — подчинились им без боя. Однако в Туртаской волости ермаковцам пришлось опять сражаться, и успех вновь был на их стороне. Дальше начинались владения остяцких князцов, и первый их городок — Назымский — тоже пришлось брать штурмом.

На территории Демьянки вдоль притока Иртыша, помимо князца Бояра, одним из первых присягнувшего Ермаку на верность, правил князец Демьян (Нимньюан), настроенный к русским враждебно. К нему на помощь с Конды прибыл вогульский князец Роман, и сборное остяко-вогульское войско укрепились на вершине большой горы. «Городок» этот оказался «велик и крепок», и казаки три дня не могли взять его. Вскоре выяснилась и главная причина крайне упорного сопротивления противника. Как оказалось, в крепости находилось особо почитаемые аборигенами божество — идол, вылитый из золота и сидящий в чаше с водой (некоторые исследователи отождествляют его с «Золотой Бабой» — легендарным божеством

---

¹⁰ Нижеследующий текст написан с использованием в основном следующих изданий: Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 325–326, 333–336; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 240–253; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 229–244; Копылов Д. И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 150–158.

Рис. 1.5. Взятие Аремзянского городка.
Рисунок С.У. Ремезова. Конец XVII в. //

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880

народов Югры). Выпив этой воды, воины считали себя неуязвимыми и потому сражались отчаянно. Однако потери, понесённые ими за три дня обороны, заставили многих усомниться в чудодейственности исходящей от идола силы, и, когда казаки в надежде захватить его пошли на новый приступ, большинство защитников городка просто разбежались, унеся «золотого идола» с собой, а князец Роман попал в плен. Он шертовал русским на верность, однако вскоре бежал в пределы Пелымского княжества.

Между тем наступила весна, в апреле реки вскрылись, и казаки в ожидании конца ледохода стали строить суда, «легкие струги», одновременно принимая присягу и ясак от возвращавшихся на прежние места обитания жителей. Когда Иртыш очистился ото льда, ермаковцы продолжили свой «ясачный поход».

Возле устья реки Рача они неожиданно наткнулись на большое скопление остяков, собравшихся в священной роще на пиршество. Увидев русские суда, они, бросив жертвенных животных, быстро скрылись в лесу, а казаки,

так и не дождавшись возвращения аборигенов, через сутки поплыли дальше, но возле Цынгальской горы попали в хитро устроенную западню. Остяки сделали на Иртыше завал из деревьев и, когда суда казаков быстрым течением вынесло к обрывистому берегу, стали цеплять их крюками. Залп из пищалей заставил нападавших ретироваться. За поворотом реки казаки обнаружили селение, по которому в страхе метались покинутые воинами женщины и дети. К вечеру мужчины стали «по одному, оглядываясь», возвращаться в свой «городок» и с удивлением обнаруживали, что казаки «не бьют жен их и детей, точию ласкают». Нечасто, видимо, им доводилось сталкиваться с таким великодушием тех, кого они недавно пытались перебить... Согласно летописцу, к утру все жители Цынгальских юрт собрались вместе и поклонились казакам Ермака богатым ясаком.

Далее на пути ермаковцев лежала Колпуховская волость, знаменитая своим «шайтанским мольбищем». Её обитатели, видимо, всерьёз рассчитывали на помощь своих божеств и почти три часа яростно отбивались от казаков, но в конце концов были побеждены и уплатили ясак. Затем настала очередь князца Самара, владения которого были одними из самых крупных в регионе и тоже включали в себя весьма почитаемое святилище. Самар призвал себе на помощь восемь зависимых от него князцов, но оказался плохим военачальником. Он даже не смог организовать караульную службу: когда казаки на заре через протоку Иртыша подошли к хантыйским юртам, то застали охрану городка спящей и тут же перебили её. Воспрявший ото сна Самар тоже был убит, остальные князцы бежали, а оставшиеся на месте жители «с поклоном» принесли казакам ясак.

Ермаковцы провели в самаровском городке неделю и за это время обрели верного союзника в лице кодских остяков. Правивший ими князец Алачей сам явился к казакам, был объявлен

властителем всей округи и отпущен «честно». В дальнейшем кодские остяки много лет верно служили России...

Пройдя устье Иртыша, казаки вышли в Обь и три дня провели на Белогорье — ещё в одном священном для местных племён месте. Оно было связано с некоей богиней, которая, по легенде, восседала на стуле вместе с сыном и в ответ на приносимые ей дары помогала охотникам и рыбакам в их промыслах. Казаки застали местных жителей как раз во время жертвоприношения, но те, испугавшись русских, разбежались, унеся с собой почитаемое божество. Ермаковцы решили, что далее им идти «не по што»: пустынные и редконаселённые берега Оби не сулили богатой добычи. Казачья флотилия повернула назад и, уже не встречая на обратном пути никаких препятствий, а, наоборот, лишь изъявления покорности, в скором времени благополучно вернулась в «град Сибирь».

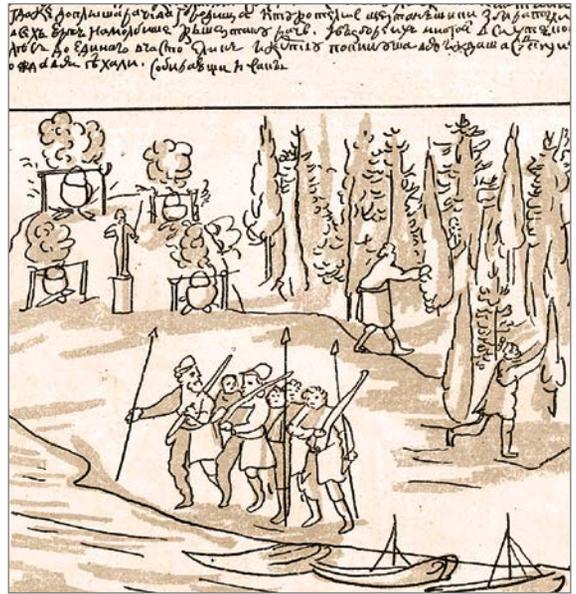

Рис. 1.6. Казаки на священном месте остяков Рачево городище.
Рисунок С.У. Ремезова. Конец XVII в. //
Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880

Однако военная кампания Ермака в то лето не свелась лишь к «ясачному походу» на север, и мы должны остановиться ещё на одном эпизоде «Сибирского взятия», тоже связанном с историей Югры, — на так называемом Пелымском походе. Правда, некоторые исследователи считают его от начала и до конца вымышленным и аргументируют это главным образом тем, что он известен нам лишь по Кунгурской летописи, написанной на основе казачьих «сказов» (преданий) и сохранившейся только в составе Ремезовской летописи, составленной на рубеже XVII и XVIII вв. Однако многие детали описания Пелымского похода выглядят вполне правдоподобно, и, видимо, поэтому большинство историков считают, что оно в целом отражает реальные события, хотя, возможно, порой и расцветчивает их народной фантазией.

Итак, согласно Кунгурской и, соответственно, Ремезовской летописям, Ермак двинулся на стругах вверх по Тавде в земли, заселённые племенами татар и вогулов. О целях похода судить трудно. Ясак вряд ли был главной из них: эта территория не так богата ценными мехами, как Нижнее Прииртышье и Приобье. В Кунгурской летописи говорится, что Ермак таким путём хотел «возвратиться вспять в Русь»¹¹. Историки, как правило, не доверяют этой записи, логично рассуждая, что для ухода из Сибири вполне подходили уже знакомые казакам маршруты: либо тот, которым они пришли, либо северный «чрезкаменный». Но, полагаем, что некоторые основания доверять летописцу в этом случае всё-таки есть. Казаки наверняка жаждали помощи от Москвы, у них уже должны были кончатся боеприпасы, и Ермак, зная настроения дружины, вполне мог дать ей надежду на скорое завершение экспедиции, направив струги в «русскую сторону» для «проведывания» новых, может быть, более удобных, чем уже известные, путей через Урал. У атамана могли быть

¹¹ Сибирские летописи. С. 325.

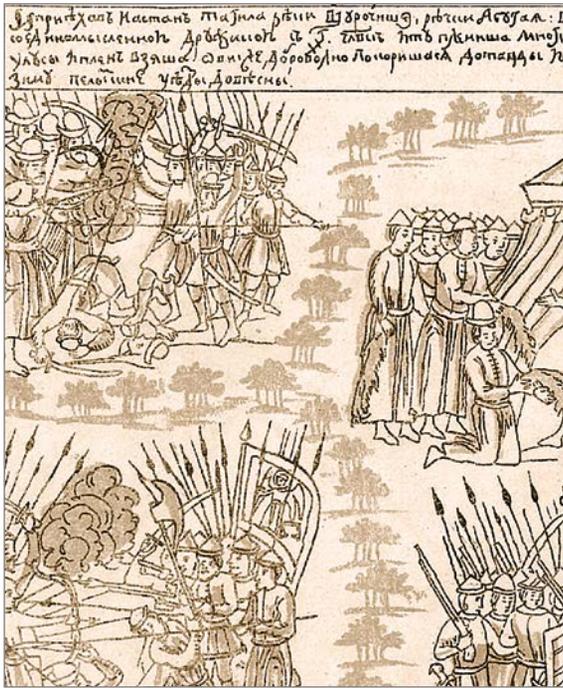

Рис. 1.7. Подношение ясака.

Рисунок С. У. Ремезова. Конец XVII в. //

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880

и другие намерения, например ударить «с тыла» по Пелымскому княжеству, постоянно досаждавшему русским владениям на Урале своими набегами.

Как бы то ни было, согласно Ремезовской летописи, в начале августа казаки вошли из Тобола в устье Тавды, «развоевали» Красноярскую и Калымскую волости, без особых усилий разгромили войско татарского князца Лабуты, но на реке Паченке встретили уже серьёзное сопротивление. Произошёл «великий бой», в ходе которого многие казаки получили ранения, а противостоявшие им татарские воины пали все до единого, включая их предводителя — князца Паченегга (Печенегга). Их тела, согласно преданию, заполнили целое озеро, называвшееся с тех пор Поганым, и «донныне оно полно костей человеческих», — счёл нужным отметить летописец¹².

Следующие на пути Ермака вогульские волости с «городком» Чандырь покорились казакам кто «боем», кто «добровольно со старейшинами их». Ермак решил пообщаться с авторитетным в тех краях шаманом, и тот, согласно летописи,

продемонстрировав своё умение оставаться живым и невредимым, протыкая себе живот то саблей, то ножом, заявил атаману: «А чрез Камень хотя и думаешь, не пройдешь, и дороги нет»¹³. Но дорога «на Русь» из тех мест, конечно, была, и вогулы о ней, безусловно, знали. Причины этой дезинформации, как нам кажется, верно объяснил Р. Г. Скрынников, заметивший, что старейшин вполне устраивало русское присутствие в столице Сибирского ханства, препятствовавшее восстановлению власти Кучума над ними¹⁴.

Захваченный в плен в тех же краях «есаул» Ичимка (Ичимха) был допрошен на предмет того, «есть ли боевые люди» выше по течению Тавды, и, видимо, получив нужные сведения, Ермак двинулся вверх по реке далее на север. Остановки для сбора ясака были у казаков на этот раз недолгими: они действовали по принципу «что мимоходом урвал, то и наша добыча»¹⁵. Небольшой бой «на малые часы» казакам пришлось принять у Табаринского городка, примечательного для летописца тем, что там был убит (после попытки взять живым) вогульский «богатырь две сажени высоты».

Наконец, Ермак вступил в пределы Пелымского княжества, достигнув, правда, не его столицы, а лишь городка князца Патлика. Его воины, спрятав женщин и детей «в урочище

¹² Сибирские летописи. С. 325.

¹³ Там же. С. 326.

¹⁴ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 244.

¹⁵ Сибирские летописи. С. 326.

Рис. 1.8. Возвращение казачьего войска с победой. Рисунок С. У. Ремезова. Конец XVII в. // Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880

неприступное», сражались отчаянно, но были наголову разбиты. Пленные так же заявляли на допросах, что отсюда «пути нет за Камень в Русь». Тогда Ермак повернул струги назад — на новую зимовку в Сибири, оказавшуюся для очень многих его соратников роковой. На обратном пути с занимавшихся земледелием жителей Табаринской волости казаки предусмотрительно взяли ясак не мехами, а хлебом. Но, как мы знаем, это не предотвратило страшный голод, выкосивший зимой в русском лагере едва ли не половину войска...

Нетрудно заметить, что основные потери дружина Ермака несла не в открытых боях, не в полевых сражениях и не при взятии крепостей, а из-за голода, болезней и попадания в умело устраиваемые врагом ловушки. Это объяснимо, но не столько «превосходством ружья над луком», обеспечивавшим казакам победы при минимальных потерях со своей стороны, как полагали (и до сих пор полагают) некоторые историки, сколько причинами иного рода. Огнестрельное оружие, конечно, давало казакам серьёзные преимущества над не имевшим его противником, но значение «огненной стрельбы» в походе Ермака не следует преувеличивать. С ней татарские и вогульские воины сталкивались и ранее, совершали, невзирая на неё, успешные набеги на русские земли, поэтому гром выстрелов не вызывал у «сибирцев» суеверного ужаса, как это поначалу было у американских индейцев при столкновениях с европейцами. Казачьи пищали представляли собой тяжёлые, однозарядные, заряжаемые с дула ружья, в основном с фитильными замками, бесполезные во время дождя и бившие на расстояние не более 100–120 метров. Главное их преимущество перед скорострельным луком заключалось в том, что пуля, в отличие от стрелы, пробивала практически любой доспех. Однако из-за своей низкой скорострельности в сражениях с многократно превосходящим по численности противником пищали обеспечивали в бою лишь определённый паритет сторон, который, впрочем, нарушался в неизбежных при такой скорострельности рукопашных схватках, ибо в холодном и защитном вооружении казаки перед воинами Сибирского

Рис. 1.9. Битва казаков Ермака с вогулами княжества Пельимского.
Рисунок С. У. Ремезова. Конец XVII в. //
Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками.
СПб. 1880

ханства, как правило, преимуществ не имели, что убедительно показано недавними исследованиями¹⁶.

Важную роль в «Сибирском взятии» играла и применяемая казаками тактика, которую условно можно назвать «судовой войной». Татарским и остяцким воинам, не имевшим развитого речного флота, было трудно ей что-либо противопоставить. В своих «плавающих крепостях», недоступные ни татарской коннице, ни пешим ополчениям остяков и вогулов, казаки могли беспрепятственно проникать даже в самые удаленные уголки Сибирского юрта, чтобы нанести сокрушительные удары по врагу. Эта тактика успешно применялась казаками и по другую сторону Уральских гор (нам известны жалобы правителей некоторых «орд» на то, что «казаки приходят на них водяным путём... а на воде над ними промыслу никоторого не умеют учинить»¹⁷), но Сибирь с разветвлённой речной сетью подходила для неё идеально.

Но всё-таки главная причина казачьих побед заключалась в другом: в полководческом таланте Ермака и высоком боевом духе, мужестве и воинском умении его войска.

Оно состояло в основном из вольных казаков, а для них «воинский промысел» являлся постоянным занятием, заставлявшим всё время совершенствовать своё ратное мастерство.

В казаки уходили, как правило, люди молодые, выносливые, «рисковые» и «бедовые», говоря современным языком — пассионарные, а суровый воинский быт казачьих общин, беспощадно «выбраковывая» слабых и малодушных, лишь усиливал эти пассионарные качества. Недостаток живой силы для противостояния окрестным государствам и ордам казаки успешно компенсировали умелой, во многом оригинальной тактикой военных действий, владением как русскими, так и татарскими боевыми приемами, а также своей отчаянной (на грани разумного) храбростью. Казаки умели не только совершать набеги, но и брать хорошо укрепленные города, были привычны к сражениям как в пешем, так и в конном строю, как на воде, так и на суше, в совершенстве владели и лучным, и «огненным боем». И все эти навыки они наглядно продемонстрировали во время своей сибирской экспедиции.

После её завершения, согласно Погодинскому летописцу, в живых осталось около сотни соратников Ермака (некоторые исследователи увеличивают это число до двух сотен).

¹⁶ Худяков Ю. Хан Кучум и его воины // Родина. 2000. № 5. С. 72–75.

¹⁷ Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005. С. 130.

Они были приняты на царскую службу и, вернувшись в Сибирь, вместе с другими ратными людьми продолжили начатое их атаманом дело: строили за Уралом первые русские города, «громили» остатки войск Кучума вплоть до его смерти около 1600 г., сдвигая всё дальше на восток пределы государства Российского. Сподвижники Ермака пользовались глубоким уважением в сибирской служилой среде. Там более всего ценился боевой опыт, а его им было не занимать. Например, из челобитной казака Гаврилы Иванова мы узнаём, что он ещё до сибирского похода был казаком «на Поле 20 лет у Ермака в станице и с ыными атаманы»¹⁸.

Примечательно, что если кому-то из сибирских служилых доводилось сражаться вместе с «Ермаковыми казаками», то в своих челобитных на царское имя они считали необходимым указать на это, а присутствие соратников Ермака среди монастырских постриженников отмечалось даже в официальных документах¹⁹. И этот авторитет ещё более возрос с тех пор, как по распоряжению прибывшего в Тобольск в 1621 г. первого сибирского архиепископа Киприана, ознакомившегося с настроениями своих прихожан, Ермака и его павших соратников стали регулярно поминать во время богослужений²⁰.

Больше всего казаков Ермака оказалось, по-видимому, в Тобольске. Однако источники отмечают их присутствие и в других городах: в Тюмени, Верхотурье, Берёзове, Таре. Восточную же Сибирь покоряли уже дети и внуки некоторых участников «Сибирского взятия». По выражению известного исследователя истории Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаева, соратники Ермака стали «тем цементом, который связал между собою традициями первых покорителей вновь образованные казачьи станицы»²¹. Безусловно соглашаясь с этим, добавим, что воспитанные на ермаковских традициях служилые люди сибирских гарнизонов XVII в., в свою очередь, создали среду, которая в XVIII–XIX вв. помогла сложиться за Уралом полноценному казачьему сословию, отличавшемуся как крепкой хозяйственной хваткой и предприимчивостью, так и характерной для него воинской доблестью.

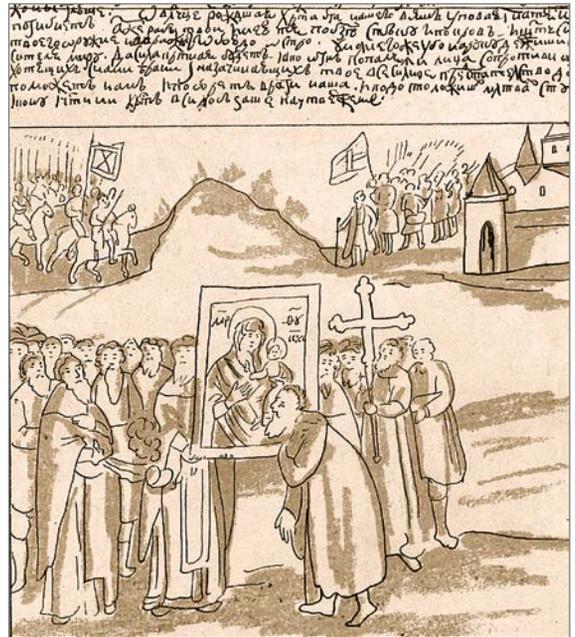

Рис. 1.10. Крестный ход.

Рисунок из Кунгурской летописи С. У. Ремезова. Конец XVII в. // Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880

¹⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Приложения. № 100. С. 455–456.

¹⁹ Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 51–87; Каменецкий И. П. Сподвижники Ермака и их потомки на «государевой службе» в Сибири в XVII в. // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность : инф.-анал. служба. URL: <http://ruskline.ru>>Архив>...ermaka_i_ih_potomki_na... (дата обращения: 24.02.2021).

²⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 19–20.

²¹ Катанаев Г. Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып. 1. С. 58.

Глава 2

Колонизация края служилыми людьми и начало становления административной системы

Рис. 1.11. Берёзовский и Пельымский уезды
на чертеже С.У. Ремезова конца XVII в. // НЭБ :

URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/atlas-sibiri-semena-remezova>

Проблемы колонизации Западной Сибири при участии служилых людей Берёзова и Сургута получили весьма разностороннее освещение в историографии, тогда как вопросы формирования административной системы в Югорской земле, ставшей отныне частью России, на рубеже XVI–XVII вв. сравнительно редко занимали исследователей. Хотя складывание административной структуры в первых уездах Северо-Западной Сибири в пору их образования, функционирования и взаимоотношения местных властей с администраторами других сибирских городов, прежде всего с Тобольском, имеет значительную историографию. Так, были составлены и систематизированы перечни воевод и письменных голов Берёзова и Сургута на рубеже XVI–XVII вв., определены места Коды, Бардакова и некоторых других княжеств Югры в русской управленческой структуре Сибири в последние годы XVI – начале XVII вв. и т. д.¹

Г. Ф. Миллер, первым обратившийся к этой тематике еще в XVIII в., отмечал, что вскоре после основания Берёзова и Сургута местные служилые люди стали продвигаться на восток

¹ См об этом в работах Е. В. Вершинина, А. Т. Шашкова, Е. В. Переваловой и др.

для объяснения «иноземцев», заложили, подчас вместе с тоболяками, тюменцами, пелымцами — Нарымский, Кетский, Мангазейский, Маковский, Енисейский (Кузнецкий или Тунгусский) остроги, а также Томск. Сургутяне и в ещё большей степени берёзовцы сыграли важную роль в освоении севера Енисейского края, прежде всего бассейна Таза, в том числе в качестве годовальщиков — людей, находившихся на царской службе, которых временно, чаще всего на год, направляли в другой уезд, острог или на какие-то промыслы².

Об участии служилого населения Берёзова и Сургута в русской колонизации Западной Сибири на протяжении конца XVI — начала XVII вв. и складывании тогда в Югре новой административной системы свидетельствуют весьма разнообразные документальные источники. О воеводах и письменных головах этих городов того времени сообщается и в большинстве редакций Сибирского летописного свода.

Самые ранние из сохранившихся наказов первым сургутским администраторам позволяют узнать об их составе и обязанностях, а наказ «градодержателям» Мангазеи (1603 г.) — о количестве и функциях берёзовцев, нёсших там «годовую» службу. Аналогичные сведения приведены в отписке в Казанский приказ разрядного воеводы Ф. И. Шереметева, где содержится наказ, который от него получили письменные головы князя В. М. Мосальский (по прозвищу Рубец) и С. Т. Пушкин, отправленные в Мангазею в 1601 г. с известиями об участии берёзовцев и сургутян в предыдущей экспедиции, возглавляемой князем М. М. Шаховским и Д. П. Хрипуновым, на реку Таз, когда был заложен Мангазейский острог.

Ряд грамот сообщает о разгроме берёзовцами под началом казачьего головы И. Змеева Большой Конды зимой 1593–1594 гг.; о готовившемся в Сургуте походе против предводителя Пегой Орды — князца Вони; о походе берёзовцев к Верхнему Нарыму, когда было захвачено немало пленных (их следовало возвратить казакам); о «посылке» сургутян в 1601 г. «ставить» острог

Рис. 1.12. Чертеж г. Тобольска. Рисунок С. У. Ремезова начало XVIII в. // НЭБ.
URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/atlas-sibiri-semena-remezova>

² Деятельность годовальщиков была исследована П. Н. Буцинским, С. В. Бахрушиным, М. И. Беловым, Б. О. Долгих, В. А. Александровым, В. Д. Пузановым, Е. В. Вершининым. Проникновение сургутских служилых людей на Енисей получило отражение и в трудах А. И. Андреева, А. Т. Шашкова, А. Е. Ульяновой, в Томское Приобье (накануне основания Томска) — в исследованиях З. Я. Бояршиновой, В. С. Синяева, Д. Я. Резуна. Многие историки (З. Я. Бояршинова, Д. О. Скульмовский, А. В. Полетаев, В. Д. Пузанов) писали об участии берёзовцев и сургутян в «поставлении» Томска и формировании его гарнизона. Про основание этими служилыми либо также казаками и стрельцами некоторых других сибирских городов, а то и кодами Обдорского (Носового), Нарымского, Кетского (Кунгопского), Кунацкого, Маковского и Енисейского острогов довольно подробно, хотя при ряде расхождений в датировках и определении последствий этих событий, сказано в работах А. Т. Шашкова, Е. В. Вершинина, Н. Н. Симачковой, О. В. Внуковой, А. А. Бродникова. «Годовая» служба берёзовцев и сургутян стала предметом исследований В. Д. Пузанова и Д. О. Скульмовского.

Рис. 1.13. Царь и Великий князь Всея Руси Борис Фёдорович // Царский титулярник (Большая государева книга). 1672 г. // РНБ, Ф.885, Эрм. 440. Л. V об. – 38.
URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=E43F34DE-AB4B-4891-9B5F-DBB52238975F>

на Енисее, видимо, Кетск; о формировании отряда, три года спустя выстроившего Томск во владениях эуштинского князя Тояна.

В некоторых отписках идёт речь о первых походах служилых людей, в том числе берёзовцев и сургутян, в «Мангазею и Енисею», про подготовку экспедиции, в ходе которой был основан «Томский город». Разрядные книги содержат данные о составе администраторов Берёзова и Сургута, а также закладке Кетского острога.

В челобитной берёзовцев во главе с атаманами Я. Чермным и И. Пешим сказано об их походе 1600–1601 гг. на берега Таза. Бывший челом Л. Аргунов сообщал, видимо, о следующей мангазейской экспедиции, в которой принимал участие его отец Савва (Истома). Ещё в одном документе такого рода, относящемся к 1626 г., перечислены многочисленные службы самого известного сургутского атамана Т. Фёдорова, в том числе в Притомье и на Енисее. В составе «выписки в доклад», подготовленной в Казанском приказе для царя Михаила Фёдоровича, имеется переданная в Тобольскую приказную избу в 1636 г. челобитная кодских остяков, в которой повествуется, хоть и с нарушениями хронологической последовательности и отдельными неточностями, об их более чем четвертьвековых службах, часто вместе с берёзовскими казаками.

Служилые люди Берёзова и Сургута уже на первых порах выполняли многообразные военные, административные, фискальные поручения. Очевидно, их круг был столь же обширен, что и у пелымцев, о которых в царской грамоте от 14 декабря 1595 г. сказано: «Служат они на Пелыми всякие наши службы конные и пешие, и на караулах в городе и в остроге, и на всякие их посылки посылают... и наших служилых людей провожают... и за нашими запасы посылают»³.

Уже при «поставлении» Берёзова ратные, которых насчитывалось три сотни, «были... на отводных караулах от остяков (когда даточные люди сооружали городские укрепления) и в розсылке на государевых службах»⁴, видимо, приводили к шерти «иноземцев» и взимали с них ясак, а также вместе с кодскими остяками совершили поход до городка Войкара Обдорского

Уже при «поставлении» Берёзова ратные, которых насчитывалось три сотни, «были... на отводных караулах от остяков (когда даточные люди сооружали городские укрепления) и в розсылке на государевых службах»⁴, видимо, приводили к шерти «иноземцев» и взимали с них ясак, а также вместе с кодскими остяками совершили поход до городка Войкара Обдорского

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 1. С. 364; М., 2000. Т. 2. С. 356, 514. См. также: Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. С. 126–127.

⁴ Очерки истории Коды (далее — ОИК). Екатеринбург, 1995. С. 102; Первое столетие сибирских городов: XVII век (далее — ПССГ). Новосибирск, 1996. С. 74; Очерки истории Югры (далее — ОИЮ). Екатеринбург, 2000. С. 125; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 13.

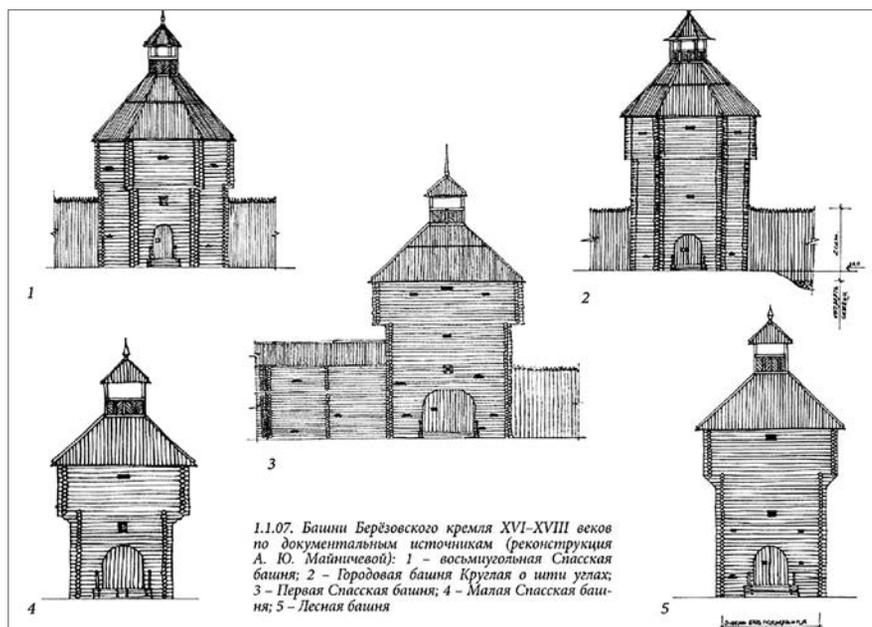

Рис. 1.14. Башни кремля в г. Берёзов. XVII в. // Берёзов: первый русский город Югры XVI-XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 23

княжества⁵. Как сетовали в 1610 г. местные воеводы С. И. Волынский и Ю. Я. Стромилон, «служивых людей за мангазейской и за годовыми службами, и за посылками остается на Берёзове меньше одной трети, и те с караулов не бывают». В 1635 г. берёзовский воевода А. М. Толочанов доносил в Москву, что подчиненные ему «служилые люди живут на... государевых службах ежегод в розсылках, и за службами летом остается на Берёзове служилых людей человек по тритцати и менши, и те живут на городе и на остроге на караулах без перемены»⁶. Очевидно, так было и раньше.

Берёзовцы нередко привлекались к строительству либо ремонту укреплений в городе, где несли постоянную службу. В 1600 г. новые администраторы Берёзова воевода И. Г. Волынский и письменный голова И. П. Биркин «город и башни покрыли... да и острог поставили новой», очевидно, силами местных казаков и «литвы». В ответ на воеводскую отписку о том, что «Берёзов город ветх», «служилые люди живут на... службах все в розсылках, а в городе остаются немногие люди», из Москвы 10 апреля 1607 г. последовало распоряжение «лесу выронити служивым людям, как с службы съедутся», «у города... худые места поделати и (о чём просили берёзовцы) острогу прибавити». В том же году местные казаки и «литва» укрепляли городские стены и копали ров на случай осады (когда возникла угроза мятежа «иноземцев»), за что были пожалованы царём Василием Шуйским. Он же грамотой от 16 июня 1610 г. предписал берёзовским служилым запасти лес для расширения острога, вы-

⁵ Шашков А. Т. К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI-XX веков: Материалы третьей регион. науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 13; ОИЮ. С. 129.

⁶ ПССГ. С. 73.

Рис. 1.15. Сургут на чертеже С.У. Ремезова конца XVII в. //
Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 г.: Факсим. изд. Т. 1. М., 2003

копать ров и «надолбы около острогу... поделать». В 1617 г. берёзовцы всем городом ставили острог и Лесную башню⁷.

Казачи и стрельцы возводили укрепления Сургута, в том числе в 1594/95 и 1596 гг., т. е. в первые месяцы после основания крепости⁸, где им предстояло служить. В 1611 г. сургутянам поручалось выстроить новый острог взамен Нарымского и Кетского острогов (или же одного Нарымского, постоянно заливаемого водой⁹), в возведении которых они участвовали в конце XVI — самом начале XVII вв. Ранее они совместно с берёзовцами приняли участие в возведении Мангазейского острога, а затем Томска¹⁰. Берёзовские казаки под началом головы М. П. Норова и атамана Д. Базарова, наряду с выступившим из Москвы отрядом письменного головы В. В. Аничкова, с пелымскими (а затем и тобольскими) служилыми, а также годовавшими в Мансуровском городке кодскими остяками «ставили» Сургут. Примечатель-

⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 379; т. 2. С. 230, 240, 255. См. также: Сергеев В. И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 118; ПССГ. С. 75; Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов (далее — ОКМ). Екатеринбург, 2004. С. 161, 162; Берёзово (очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 69–70; История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1. Кн. 2. С. 214, 215.

⁸ ПССГ. С. 156; Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: исследовательские материалы и документы (далее — РСНЮ). М., 2007. С. 315.

⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 428–432; Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 102; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 17; Ульянова А. Е. Функции сургутских казаков в конце XVI–XVII вв. // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв. Вып. 1. Нижневартовск, 2005. С. 48.

¹⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 386, 387, 402; Бояршинова З. Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. С. 31, 32, 42; Солодкин Я. Г. «Сургутский город» и присоединение к России сибирских земель в конце XVI – начале XVII вв. // Северный регион: наука, образование, культура (далее — СР). 2004. № 1 (9). С. 31–38; Берёзово ... С. 82–83.

но, что накануне этим берёзовцам столичные власти велели выдать годовое жалованье¹¹, видимо, потому, что поход в Среднее Приобье мог затянуться. Сургутяне до образования там собственных гарнизонов (в 1625 и 1633 гг. соответственно) несли «годовую» службу в Нарыме и Кетске, в Томске с Енисейском¹², а также в Обдорском и Куняцком острогах¹³.

Одной из важнейших функций сургутских и берёзовских казаков был сбор ясака¹⁴. Он взимался с Пегой Орды и до её окончательного разгрома (1597 г.), и позднее. Как писал Г. Ф. Миллер, из Берёзова уже в начале его существования стали совершаться походы для исследования земель, лежавших к востоку — по Пуру, Тазу и Енисею. Служилые люди этого города собирали ясак и поблизости, на Сосьве, и с жителей Муалымского городка «с усть Иртыша», пока их не переподчинили сургутским воеводам в 1610 г. В первые годы XVII в., «годаю» в Мангазейском остроге, атаман Истома (Савва) Аргунов и казак Михаил Кашмылов объясачили эвенков на Подкаменной (Средней) и Нижней Тунгусках¹⁵. Несколько берёзовских казаков зимой посылали в Обдорский (Носовой) городок принимать ясак у тундровых ненцев¹⁶. Сургутским казакам, являвшимся годовальщиками в Кетском остроге, удалось объясачить жителей бассейна Чулыма¹⁷ (самого крупного правого притока Оби), подвластных князям Урнуку и Намаку, верхнего течения Кети, «Макуцкой волостки», «Кемской вершины», Ямыцкой землицы», наконец, «Тюлькиной землицы», где обитали аринцы и качинские татары. В 1601 г. сургутский атаман Б. С. Зубакин и князец Тонема (или Кинема), сын Бардака, посылались на реку Пур-Юган «с жалованным словом» к кузнецким самоедам для приведения их к шерти¹⁸.

Уже летом 1593 г. берёзовские служилые люди и кодские остяки, подвластные Игичею Алачеву, вторглись в Обдорское княжество, дабы обеспечить безопасность пути через Сось, и захватили городок Войкар. Казаки под предводительством казачьего головы И. Змеева зимой

---

¹¹ РСНЮ. С. 311.

¹² Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 204, 253, 254, 260; Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1901. Ч. 4. С. 140; ПССГ. С. 55; Пузанов В. Д. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII веке // Северный регион: наука, образование, культура. 2005. № 1 (11). С. 98, 99, 104; Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут, 2011. С. 69, 102, 103, 105, 107, 108, и др.

¹³ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 234, 285, 290–292; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 20.

¹⁴ Скульмовский Д. О. Функции казаков сибирских городов и острогов на рубеже XVI–XVII вв. // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв. Нижневартонск, 2006. Вып. 2. С. 58.

¹⁵ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 303, 308, 422, 423; т. 2. С. 29, 248; Белов М. И. Мангазея. Л., 1969. С. 46; Эскин Ю. М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири до советского периода. Новосибирск, 1986. С. 46, 51; ОИЮ. С. 203; Ульянова А. Е. Функции сургутских казаков... С. 47; История Ямала. Т. 1. Кн. 2. С. 147. А. И. Андреев и В. А. Александров считали, что ясак с населения бассейна Подкаменной Тунгуски стал взиматься с 1620-х гг. (см.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 696; Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. С. 19, 20. Ср.: С. 35, 37).

¹⁶ История Ямала. Т. 1. Кн. 2. С. 115, 149.

¹⁷ Объясачивание этих жителей началось не со времени основания Кетского острога, как представлялось Л. И. Шерстовой, а в первые годы существования «Сургуцкого города». См., например: Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI–XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. С. 76.

¹⁸ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 308, 404, 405; т. 2. С. 47–48, 244, 247, 252–254, 256, 259–260, 264–266, 280–282, 284, 285; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1875. Т. 2. С. 201; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 21; РСНЮ. С. 333. Подчас упомянутая «посылка» сургутян неточно приурочивалась к следующему году. См., например: Буцинский П. Н. Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 89; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 142.

1593/94 г., недавно включённые в состав гарнизона крепости близ устья Северной Сосьвы, вновь вместе с кодичами совершили поход в Большую Конду, разорив её столицу¹⁹. Местные князья — Агай с братом Косякмой и старшим сыном Азыпкой — оказались в русском плену. Вскоре берёзовским казакам во главе с сыном боярским П. Змеевым и выборным дворянином Г. У. Норовым довелось сопровождать в Москву бывшего кондинского правителя и его родственников, а также их «животы»²⁰. В последние недели весны или в начале лета 1596 г. отряд князя П. И. Горчакова, «присланный» за «Камень» для подавления восстания «иноземцев» Берёзовского уезда, вместе с кодичами и, вероятно, местными служилыми людьми, разгромил Обдорское княжество, правитель которого, в крещении Василий, подобно Игичею Алачеву и Бардаку, сделался вассалом московского самодержца. При этом заброшенная прежде столица княжества «Пулинг-авот-ваш» на Ангальском мысу превратилась в Обдорский (Носовой) острог, и отныне в качестве годовальщиков несколько берёзовских казаков собирали там ясак с тундровых ненцев²¹.

Со времени основания Берёзова местных казаков отправляли за ясаком «по годовой сбор» «в кунную самуюдь» (называвшуюся также кунемской и кузнецкой) — к предкам лесных ненцев из рода Пяков²², обложенных ясаком ещё сургутским князем Бардаком.

Около 1592 г. в числе «нарымского полона» был захвачен один из сыновей правителя Пегой Орды Вони — Урунк, которого позднее держали в Тобольске. Воня внёс ясак (за 1592/93 и 1593/94 гг.) и благодаря этому выкупил сына. Выкупив сына, он снова отказался платить дань. Русских «ясачников к себе не пустил, а взял к себе одного» из них — «Иванка Ясыря», которому «ясаку» за 1594/95 и 1595/96 гг. «с себя и с людей своих не дал и к Быковым детям», что в парабельских волостях, «не пропустил и ему отказал»²³.

Тогда в Москве не позднее зимы 1595/96 г. решили снарядить отряд в поход против Вони, способного «с братьею и з детьми» выставить до 400 воинов²⁴. Вскоре, в середине мая 1596 г., в Сургут прибыл Тонема (Кинема) и сообщил воеводе О. Т. Плещееву, что, как стало известно от ваховского остяка Нона Тандыбина, а тому в свою очередь «от лунпокольских остяков»²⁵. Воня князь... ясаку дати не хочет, а хочет де, собрався с своими людьми и с дальними

¹⁹ По утверждению А. Г. Нестерова, Игичей на протяжении 1594–1595 гг. участвовал в разгроме Пелыма и Конды (История татар с древнейших времен: в семи томах. Казань, 2014. Т. 4. С. 209). Однако Пелымское княжество было покорено войском князя П. И. Горчакова в 1593 г., кодичи же тогда участвовали в походе на Войкар.

²⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 354.

²¹ ОИЮ. С. 130; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 14, 16; Берёзово... С. 65, 99, примеч. 6; Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 83, 116.

²² Шашков А. Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI – начале XVII вв. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. Тез. окр. науч.-практ. конф., посвящённой 40-летию Сургутского краеведческого музея. Сургут, 2003. С. 33; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 21. В оценке М. А. Зенько приведенное мнение является слишком упрощённым (Зенько М. А. «Этническое лицо» лесных ненцев: проблемы формирования традиционной культуры // Самодейцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 114–115).

²³ Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 135, 136, 144.

²⁴ Д. М. Исхаков и З. А. Тычинских неверно определили в 400 человек население Пегой Орды. См.: История татар... Казань, 2014. Т. 5. С. 132.

²⁵ Городок Лунпук Вышней располагался выше Сургута по течению Оби.

волостми, приходите» к этому городу, причём вместе с Кучумом, который «подкочевал» к Пегой Орде²⁶.

В соответствии с предписаниями царской грамоты от 31 августа 1596 г., ставшей ответом на отписку сургутских властей (её отправили в Москву вскоре после 14 мая того же года), весной следующего года, с прибытием в Сургут новых администраторов — воеводы князя С. М. Лобанова-Ростовского и письменного головы И. Н. Ржевского, начался поход «в войну» к Верхнему Нарыму²⁷. Вряд ли это произошло раньше мая, когда Обь стала освобождаться от ледяного покрова.

Русские служилые люди, кодские и сургутские остяки, «извовав» Пегую Орду, могли заложить Нарымский острог летом — в начале осени 1597 г. С. М. Лобанов-Ростовский, отправившийся в Сибирь не позднее ноября 1596 г.²⁸, как и решили в Москве, предводителем похода назначил казачьего или стрелецкого голову И. И. Колёмина.²⁹

Сводный отряд, включавший служилых людей из Берёзова (70 во главе с атаманами И. Пешим и И. Аргуновым) и Сургута (годом ранее предполагалось, что их будет сотня), кодищей, старшими из которых являлись сыновья Игичея³⁰ — Пётр и Иван, а также «Бардаковых людей», под предводительством головы И. И. Колёмина заложил Нарымский острог возле

---

²⁶ Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века... С. 135–136, 139. Летом 1596 г. Кучум, однако, кочевал южнее Тары, у Чановских озёр, т. е. на правом берегу Иртыша, за Омью (Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. СПб., 2018. С. 20–22, 37, 133. Ср.: С. 27), так что версия о намерении «сбитого с куреня» хана совместно с Воней, ставших якобы союзниками, напасть на Сургут (см., напр.: Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 2. С. 87–89, 121; История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 34; История Сибири (Учебное пособие). Томск, 1987. С. 110; Головнёв А. В., Зайцев Г. С., Прибыльский Ю. П. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале, 1994. С. 27; Павлов А. П. Щербатый Меркурий Александрович, князь (ум. ок. 1601) // Власть в Сибири. XVI – начало XX вв. Новосибирск, 2005. С. 384; Пилипчук Я. В. «Пегая Орда». К вопросу о средневековой истории селькупов // Культура: Наука: Образование: Проблемы и перспективы: Материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2016. Ч. 2. С. 239; Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царевичи в истории России. С. 23, 57, 58; История татар... Т. 5. С. 132; Тюменское и Сибирское ханства (далее — ТСХ). Казань, 2018. С. 139, 140, 268; Курносое В. В. Роль аборигенных народов в завоевании Русским государством Западной Сибири // Пять столетий Югры. Проблемы и решения. Итоги и перспективы. Нижневартовск, 2022. Вып. 3 (10). С. 25), как уже отмечалось, — это слух, едва ли заслуживающий доверия (Бродников А. Труды и дни зауральского центра // Тобольск и вся Сибирь. № 10: Триста лет учреждения Тобольской губернии. Тобольск, 2008. С. 161; Литвинчук М. С. Формирование локальной группы русских в г. Сургуте и Сургутском уезде в XVII – начале XX вв.: этнонациональная характеристика // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (27). С. 117, и др.). Недаром в царской грамоте от 31 августа 1596 г. предписывается, чтобы участники будущего похода против Воня допытывались у пленных, «ссылается» ли он с Кучумом, где тот кочует, есть ли у правителя Пегой Орды «люди» хана, отказывающегося покориться русским.

²⁷ Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 17, 18. В соответствии с упомянутой царской грамотой в этом походе должны были участвовать 50 казаков и 100 юртовских татар из Тобольска, 50 казаков и 100 остяков из Берёзова, 80 или 100 сургутских казаков, 150 остяков из волостей, где «нельзя ожидать измены» (Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века... С. 136–137).

²⁸ РИБ. Т. 2. Стб. 129, 133. Не стоит полагать (см.: Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 22), что Нарым, как и Кетский острог, были основаны князем Ф. П. Барятинским и В. В. Аничковым.

²⁹ В чине казачьего головы В. В. Аничков нёс службу в Сургуте как минимум до начала 1597 г. См.: Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века... С. 144.

³⁰ С. В. Бахрушин назвал его «русским подручником» (Бахрушин С. В. Указ. соч. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 146).

взятой приступом резиденции Вони³¹. В этой экспедиции к Сургутскому уезду были присоединены четыре новые волости³². Служилым людям удалось взять в плен большое количество «татар». Из острога на Средней Оби, ставшего спустя полтора десятилетия уездным центром, русским открылись пути на Томь, Кеть и Енисей.

Примечательно, что, когда отряд И. И. Колёмина овладел Верхним Нарымом, «кучумлян» поблизости не оказалось.

Часто разгром Пегой Орды считается заключительным эпизодом в её истории³³. Однако в 1600/01 г. письменного голову Сургута А. М. Курлакова с отрядом в 50–60 человек московские власти предписывали отправить в бывшее княжество Вони, точнее в Нарымский

³¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 400; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 17, 18; Пузанов В. Д. Военная политика... С. 114, и др. Основателем или первостроителем Нарымского острога, как и Кетского, зачастую объявляется Т. Фёдоров (Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Указ. соч. С. 209, 211; Древний город на Оби... С. 122; ОИК. С. 106; Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 158, 163; ОИЮ. С. 146, 199; Пузанов В. Д. Гарнизоны городов Югорской земли: формирование и службы в конце XVI – начале XVIII в. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) (далее — ОИ). М.; Ханты-Мансийск, 2020. С. 152). Такую роль, думается, относительно Нарыма следует отвести И. И. Колёмину (Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018. С. 126–127), Тугарин же может считаться первым приказным этого острога (Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 205; Вершинин Е. Жил-был раньше такой атаман // Родина. 2004. № 5. С. 31–32).

Подчас Т. Фёдоров даже выдавался за сургутского воеводу, заложившего и Нарымский, и Кетский остроги (Зиновьев В. П., Лбова Л. В. Томская область // Историческая энциклопедия Сибири (далее — ИЭС). Новосибирск, 2009. Т. С–Я. С. 270). Неверно и мнение, будто Нарым строили сургутские годовальщики (Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень, 2006. С. 74): они появились там вслед за его возведением.

³² Согласно сысковой десятина Водской пятины Новгородского уезда за май 1619 г., местный дворянин Р. И. Неелов участвовал во «взятии» Пегой Орды при царе Борисе (что неточно, это произошло накануне) и «Колыманской землицы с волостями» (Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов (далее — НДР). М., 2003. С. 268). Утверждать, будто Орда, где правил Воня, — одно из татарских княжеств или ханств, а «Колыманская землица» — видимо, область Колывань на Алтае (Там же. С. 401, примеч. 8, 9; с. 475), не стоит. Русские появились на юго-востоке Западной Сибири, где находилась Колывань, гораздо позднее, а освоение этого края началось уже в XVIII столетии. Едва ли следует думать, что в упомянутой сысковой десятина речь шла о «Колмацкой», т. е. Калмыцкой, земле (Ср.: Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 2. С. 425; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 68, 75, 97, 159, 203. Примеч. 78–79; С. 255. Примеч. 67–68, 76–93). Возможно, что в этом документе подразумевается какая-то делившаяся на волости татарская «землица», название которой было искажено подобно «скаске» Неелова. Не исключено, что в его показаниях, зафиксированных в десятина 1619 г., имелась в виду одна из таких волостей — Калым (или Келема). См. о них: История татар... Т. 4. С. 776; т. 5. С. 202, 203; ТСХ. С. 113, 195, 304. Известно, что тобольский сын боярский Р. И. Неелов, которого в 1596 г. назначили в экспедицию против Вони, вскоре после коронации Бориса Годунова вёз в Сибирь грамоты «о царском богомолии и о крестном целовании» (Обозрение столбцов и книг... Ч. 4. С. 136; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века... С. 136, 138) и с конца 1598 г. мог вновь нести там службу. Указанная сысковая десятина позволяет допустить, что новгородский дворянин, вернувшийся «на Русь» при Василии Шуйском, участвовал в походе к Верхнему Нарыму в составе отряда, включавшего тоболяков, сургутян, берёзовцев и кодских остяков.

³³ Древний город на Оби... С. 102–103; Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 2. С. 315, примеч. 27; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 14–19; Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 83–87.

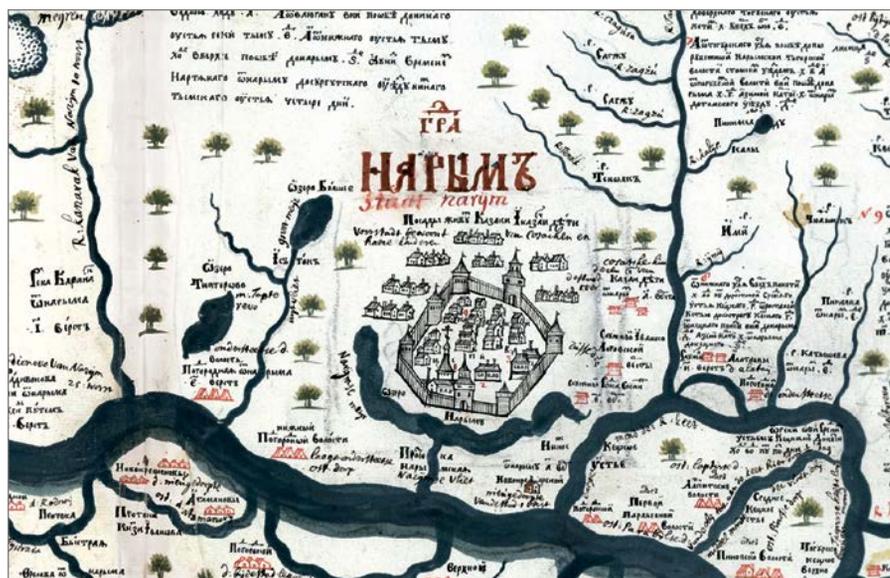

Рис. 1.16. Нарым на чертеже С. У. Ремезова конца XVII в. // НЭБ : сайт.
 URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/atlas-sibiri-semena-remezova>

острог, для сбора ясака³⁴, что, вероятно, не удалось сделать двум-трём десяткам годовальщиков. С появлением этого острога, стало быть, Пегаая Орда окончательно ещё не подчинилась «белому царю». Вплоть до 1602 г. Воня «оказывал жесточайшее сопротивление русским»³⁵.

Летом 1603 г. новый сургутский воевода Ф. В. Головин расспрашивал Сегея, сына Воня, о причинах бунта, накануне вспыхнувшего в Нарымском крае. Другой сын Воня — Тайбохта до 1610 г. продолжал владеть Верхним Нарымом³⁶. Поэтому не исключено, что в 1597 г. Воня, подобно Игичею Алачеву, Бардаку³⁷ и Кичею, был вынужден признать себя вассалом Москвы и тем самым обеспечил своим детям сохранение привилегированного положения в Нарымском Приобье, пусть уже и во многом номинального.

Царская грамота от 18 сентября 1601 г., посланная в ответ на челобитную сургутян, содержит указание на «посылку» 50 местных служилых «ставить» острог «на Енисею»³⁸, возможно,

³⁴ Обзорение столбцов и книг... М., 1900. Ч. 3. С. 213.

³⁵ Пилипчук Я. В. Указ. соч. С. 239.

³⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 421, 423, 492; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века... С. 147; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 18; Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири ... С. 89.

³⁷ Известно, что 17 мая 1598 г. Бардака с сыном Туником (точнее Тонемом или Кинемой), четырьмя их «людьми», т. е. слугами, и толмачом в сопровождении двух сургутских казаков и тобольского атамана Т. Панютина «отпустили» из Москвы в Сургут (Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. (далее — ВГ). М., 1982. Вып. 1. С. 28). Возможно, при дворе недавно избранного на престол Бориса Фёдоровича князь пытался оградить свои владельческие права.

³⁸ Обзорение столбцов и книг... Ч. 3. С. 231; Александров В. А. Указ. соч. С. 34; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века... С. 146. Что это за острог, порой историки даже не пытаются определить. (См., например: Пузанов В. Д. Военная политика... С. 103, 106; Пузанов В. Д. Гарнизоны городов Югорской земли... С. 152).

Рис. 1.17. Мангазея (старая) на чертеже С. У. Ремезова конца XVII в. // НЭБ.
URL: <https://kr.rusneb.ru/item/reader/atlas-sibiri-semena-remezova>

Кетского³⁹. Вероятно, отряд возглавлял Т. Фёдоров, а «начальным человеком» ратных людей, выстроивших Кетский острог, был М. В. Лодыгин, отправленный в Пегую Орду из Берёзова⁴⁰.

Видимо, в последние недели 1600 г., при участии казаков, стрельцов, «литвы», служивших в Берёзове и Сургуте, а также тоболяков, князь М. М. Шаховской и Д. П. Хрипунов в среднем течении Таза (на его восточном берегу, в 200 верстах от устья) zaloжили Мангазейский острог. Возникновению этой крепости предшествовала «посылка» дворянина Ф. Дьякова (Диакова) (помещика Алексинского и Тульского уездов) с двумя целовальниками из Тобольска «проведать» «Мунгазею и Енисею»⁴¹, чтобы привести к шерти самоедов и собрать с них ясак. Подготовка экспедиции началась в первые недели 1598 г. Очевидно, её собирали в Тобольске, где при местных администраторах нёс службу Дьяков. Оттуда отряд из нескольких десятков служилых и, вероятно, промышленных людей двинулся в Берёзов, где мог пополниться казаками и «литвой», а следом, на трёх кочах «для морского ходу» — к Обской губе и в низовья Таза. Русские провели там 1598/99 г., перезимовали в одном из мангазейских городков и в начале следующего года вернулись в Берёзов и в Тобольск, ставший отныне столицей «Сибирского царства». Весной Дьяков мог отправиться в Москву⁴². Однако ему едва ли удалось собрать ясак в значительных размерах и добиться шерти от большинства «иноземцев», что и обусловило

³⁹ Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах... С. 21, и др. По предположению А. А. Бродникова, вместо острога на Енисее в 1602 г. был выстроен острог в верхнем течении Кети (Бродников А. Указ. соч. С. 163). Вывод А. С. Хромых о том, что «посылка» сургутян на Енисей в 1601 г. потерпела неудачу, остался без аргументации. Вряд ли оправданно думать (см.: Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Указ. соч. С. 135. Ср.: Древний город на Оби... С. 122; ОИЮ. С. 200), что русские достигли Енисея только в самом начале XVII в.

⁴⁰ Солодкин Я. Г. Когда и кем построен Кетский острог? // Сургут в отечественной истории. Сургут, 2005. С. 11–14; Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири... С. 5, 20, 40, примеч. 19; с. 58, 62.

⁴¹ Под этим краем, очевидно, понимались низовья Енисея. См.: Александров В. А. Указ. соч. С. 17.

⁴² Утверждение, будто Ф. Дьяков предпринял экспедицию «на Берёзов», неверно (Головнев А. В., Зайцев Г. С., Прибыльский Ю. С. Указ. соч. С. 31).

решение московских властей направить в Енисейский край весьма многочисленную экспедицию, главной целью которой стало сооружение «государева» острога. После не слишком удачного похода Дьякова было сочтено необходимым послать на Таз отряд письменного головы князя М. М. Шаховского и Д. П. Хрипунова.

Для этой экспедиции в Берёзове изготовили четыре морских коча и две коломенки. Полсотни местных казаков и «литвы» во главе с атаманом Я. Чермным⁴³, присоединившись к тоболякам (их было столько же) и примерно двум десяткам сургутян⁴⁴, двинулись к «Мангазейскому морю». Во время этого похода обе коломенки прибило к берегу, «крупы и соль потонули»; за Пуром русских «громила самоядь (обдорская или тундровая. — Я. С.)», и, потеряв три десятка казаков, скорее всего ранее служивших в Тобольске, а может быть, и в Сургуте⁴⁵, с помощью князца кунных (лесных) ненцев Нили служилые люди «поднялись на оленях». Затем на лыжах отряд М. М. Шаховского достиг среднего течения Таза и «срубил» острог⁴⁶.

Всех 50 берёзовцев, которым посчастливилось выжить в этой чрезвычайно тяжёлой экспедиции, вскоре пожаловали: «для... дальние службы и для бедности», полностью выдали оклады за 1600/01 г. и разрешили, поскольку «они де у смерти» во время боя с самоедами «обещались к соловецким чудотворцам молиться», человека «по 2 и по 3» отпускать в знаменитую обитель на Белом море⁴⁷.

В 1601 г. в Мангазейский острог прибыли две сотни служилых (100 из них набрали в Тобольске, 70 — в Берёзове, возможно во главе с И. Аргуновым⁴⁸, 30 — в Сургуте) под началом письменных

⁴³ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 386; РИБ. Т. 2. Стб. 158–159; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 170. Разделяемое Д. О. Скульмовским и С. В. Туровым утверждение Е. В. Вершинина, будто берёзовцами в этой экспедиции руководил И. Аргунов (ОИЮ. С. 202; Вершинин Е. Жил-был раньше такой атаман. С. 31; История Ямала. Т. 1. Кн. 2. С. 112, 142), не подкреплено свидетельствами ранних источников.

⁴⁴ Солодкин Я. Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 31; Солодкин Я. Г. «Беседуя к вашей любви...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск, 2017. С. 288. Тобольские летописцы утверждали, что в распоряжении М. М. Шаховского и Д. П. Хрипунова находились сотня казаков, стрельцов, «литвы», а также сын боярский и атаман (ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 191, 259, 316, 369).

⁴⁵ Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири... С. 20, 41. Нет оснований утверждать (см.: Бродников А. Указ. соч. С. 162), будто из отряда, насчитывавшего сотню тоболяков и полсотни берёзовцев, уцелели 60.

⁴⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 303, 386, 389; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сборник документов. М., 1951. С. 52; Белов М. И. Указ. соч. С. 32, 33; Пузанов В. Д. Военная политика... С. 116.

⁴⁷ РИБ. Т. 2. Стб. 159. Кстати, некоторые берёзовские казаки с разрешения московских властей принимали постриг. См.: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг. Новосибирск, 1993. Т. 1. С. 208.

⁴⁸ По словам С. В. Турова, «на сибирской службе» Истома (или Савва) Аргунов «превращается в личность легендарную в прямом смысле», т. к. участвовал в экспедициях, в ходе которых был разгромлен князь Воня; основана Мангазея и началось объясачивание эвенков на Подкаменной Тунгуске (Туров С. В. Берёзовские казаки — потомки сподвижников Ермака (к вопросу об истоках складывания исторического самосознания русского населения Сибири) // Меншиковские чтения (далее — МЧ) 2019. Материалы Рос. науч. конф. Тюмень, 2019. Вып. 12. Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра). С. 95). Заметим, однако, что в двух первых из этих экспедиций участвовали десятки берёзовцев, Мангазейский острог возник, вероятно, при участии атамана Я. Чермного, а при взимании ясака с «иноземцев» на севере Енисейского края отличились многие сослуживцы Истома (Саввы), к примеру казак М. Кашмылов в бассейне Нижней Тунгуски, где обитали эвенки-буляши (Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 29).

голов князя В. М. Рубца Мосальского и С. Т. Пушкина. Сотня этих ратных людей (50 тоболяков и столько же берёзовцев, вероятно, из числа новоприбывших) теперь уже в качестве годовальщиков сменила вернувшихся обратно с сотней тоболяков, сургутян, берёзовцев, казаков, стрельцов, «литвы» князя М. М. Шаховского и Д. П. Хрипунова⁴⁹.

Благодаря царской грамоте от 15 ноября 1603 г. «на Верхотурье» известно, что бывший в Мангазее толмачом Шумко Васильев ездил в Ярославль и Вологду с В. Хомутовым⁵⁰, чтобы найти «для мангазейского ходу судовые снасти»; после того, как их доставили в Верхотурье, Ш. Васильева, «дав ему подводу», следовало отпустить «на Берёзов»⁵¹. Вероятно, этот толмач являлся берёзовским казаком. Не исключено, что Ш. Васильев участвовал в одной из первых экспедиций в бассейн Таза, возможно, побывал в «Мангазейской стране» ещё до 1600 г. с отрядом Ф. Дьякова.

Сургутяне, помимо Нарыма и Кетска, служили в Куняцком остроге, «срубленном» вскоре после 1597 г. на пути с Тромъёгана и Агана в верховья Пура (в начале XVII в. этот острог перестал существовать). Казаки, стрельцы, «литва» из Сургута и Берёзова часто возили отписки в Тобольск и другие сибирские города, ездили в «царствующий град» с ясаком и документами, а обратно нередко доставляли денежное и хлебное жалование, государевы грамоты и ссыльных. Сургутский атаман Т. Фёдоров, возвращаясь «из Руси», в 1607 г. вёз из Верхотурья в Тобольск печати (тобольскую и берёзовскую), 10 грамот, ткани, 2 000 мунчаков⁵², топоры, мёд и сопровождал при этом калмыцкого мирзу Тогоная Купчиева, которого «прислали» из Москвы с пелымским сыном боярским П. Албычевым. Известно также, что в 1598 г. тобольский атаман Т. Панютин и два сургутских казака сопровождали из Москвы князца Бардака, во владениях которого был заложен Сургут, с сыном Туником (Тонемом или Кинемой) и четырьмя их слугами, а несколько лет спустя пятидесятник Т. Деев, служивший в крепости, «срубленной» возле устья Сальмы, вместе с князем Нижнего Нарыма Кичеем ездил от Нарымского острога до Туринского (Епанчина)⁵³.

Казаки, стрельцы, «черкасы» и «литва» Сургута и Берёзова подобно ратным людям многих других сибирских городов участвовали в почти ежегодных экспедициях за солью к Ямышевскому озеру⁵⁴. По 10 берёзовцев временами направляли годовать в «Кодский острог»⁵⁵,

⁴⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 304, 389; т. 2. С. 203, 204. М. И. Белов заблуждался, полагая, что в мангазейскую экспедицию 1601 г. отправилась сотня сургутян; И. С. Шемановский же о последних вообще не упоминал. Её участниками были не 200 тоболяков, как, подобно П. Н. Буцинскому, представляется В. Д. Пузанову (Шемановский И. С. Избранные труды. М., 2005. С. 127; Белов М. И. Указ. соч. С. 37; Пузанов В. Д. Гарнизоны городов Югорской земли... С. 146, и др.), а вдвое меньше.

⁵⁰ Он был в то время ярославским выборным дворянином. См.: Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее — БСР). М., 1979. Ч. 1. С. 201.

⁵¹ АИ. Т. 2. С. 411–412.

⁵² С тюркс. — бусы.

⁵³ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 232; ВГ. Вып. 1. С. 28. Мунчаки — это камни. См.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 293. В феврале 1608 г. в Нарым собирались послать из Тобольска взамен прежнего головы «кого пригоже» на «годовую службу» (Обозрение столбцов и книг... Ч. 4. С. 140). Это обстоятельство заставляет усомниться в достоверности известий СЛС о том, что со времени основания до приезда в Нарым первого воеводы М. Т. Хлопова приказным в остроге, «поставленном» близ резиденции князя Вони, был Т. Фёдоров.

⁵⁴ РИБ. Т. 8. СПб., 1884. Стб. 377–378, 419; ПССГ. С. 55; Ульянова А. Е. Функции сургутских казаков... С. 51; Пузанов В. Д. Военная политика... С. 107; ср.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 259. В Берёзове несли службу казаки с «литвой», в Сургуте, кроме того, — стрельцы и черкасы.

⁵⁵ РИБ. Т. 2. Стб. 172. Берёзовских казаков перестали посылать туда в 1610 г. или накануне.

т. е. в главную резиденцию князей Алачевых, полвека являвшихся вассалами московских государей.

Наконец, служилые городов Северного Приобья могли выполнять и отдельные разовые поручения. Так, в Москву следовало сообщить о «поставлении» Сургута; два берёзовских казака посылались, чтобы узнать про судьбу экспедиции князя М. М. Шаховского и Д. П. Хрипунова «в Мунгазею и Енисею»; в 1607 г. адресованной «на Берёзов» царской грамотой предписывалось отправить атаманов и казаков — 20 «или сколько пригож» — к Роговому городку, устроенному пустозёрцами для торговли с самоедами, «под Камень». В 1610 г. берёзовский атаман И. Мокринский ездил в Устюг за железом «в сибирские города», а его сослуживец В. Юрьев в течение нескольких лет (до 1621/22 г.) являлся приказчиком у туринских пашенных крестьян. В 1611 г. Т. Деев, ставший уже атаманом, с казаком Ю. Вахромеевым посылался из Сургута «на Роздор» (Кетское или Тогурское устье) Оби «дозирать и чертеж чертить для города», т. е. выяснять, можно ли там взамен Нарымского и Кетского острогов «поставить» один острог или город⁵⁶. Берёзовцы и сургутяне с конца XVI в. стали привлекаться местными, а со временем и тобольскими администраторами к несению этого вида службы.

Считается, что в Нарыме годовали сургутяне⁵⁷. Возможно, однако, что там временную службу несли и берёзовцы, поскольку некоторые из них в 1620-х гг. имели прозвище «Нарымец». В 1601 г. на основании царской грамоты 50 сургутян послали «ставить» острог на Енисее⁵⁸. Речь наверняка шла не о Енисейском остроге⁵⁹. Возможно, в грамоте царя Бориса имелся в виду Кетский острог, сначала называвшийся Кунгопским⁶⁰, располагавшийся во владениях князцов Урнука и Намака. Администраторам этого острога были подведомственны чулымские, киргисские, мелесские, верхнекетские городки и волости. Согласно разрядной книге князей Барятинских, один из них, Яков Петрович, воеводствовал в Сургуте, в 1600–1601 гг. послал «ставить» острог в Пегую Орду письменного голову М. В. Лодыгина, а князя И. А. Мещерского с отпиской об этом — в Москву, что было средством поощрения⁶¹.

---

⁵⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 387, 430, 431; т. 2. С. 235, 254, 255; Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 189; РСНЮ. С. 311.

⁵⁷ Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 2. С. 100; Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности). Томск, 1980. С. 98–99; Ульянова А. Е. Функции сургутских казаков... С. 48, 52. До 1610 г. Нарым, отныне ставший уездным центром, состоял в ведении сургутских администраторов.

⁵⁸ Александров В. А. Указ. соч. С. 34; РСНЮ. С. 330.

⁵⁹ Ульянова А. Е. Функции сургутских казаков... С. 50. Напомним, что этот (или Кузнецкий, Тунгусский) острог возник в 1619 г.

⁶⁰ Г. Ф. Миллер и А. И. Андреев с должными основаниями, следуя, в частности, отписке кетского письменного головы П. А. Бельского за конец сентября 1604 г., отождествляли Кунгопский острог, названный по остяцкой волости Пумпокольской или Панпукольской Урнуковой в верховьях Кети, с Кетским острогом (Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 405, 406, 496, 615, 616; т. 2. С. 45, 46, 285, 664). Населявших берега верховьев Кети пумпокольцев, объясаченных в первом десятилетии XVII в., считают кетоязычной группой селькупов или даже особой народностью. См.: Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. С. 72–85. Е. В. Вершинин и отождествлял Кетский и Кунгопский остроги, и сомневался в существовании Кунгопского (Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 88–90).

⁶¹ Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1. С. 187; Анхимюк Ю. В. Указ. соч. С. 335. Последний из этих дворян относился к новгородской корпорации. См., например, Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Имп. Академии Наук (далее — ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. С. 227, 370.

Помимо сургутян, в Кетске могли годовать казаки и «литва» из «Берёзова города»⁶², в частности, принявшие участие в «поставлении» этого острога (вслед за разгромом вместе с кодыскими остяками «кецких изменников»)». Чаще всего в Нарыме и Кетске годовали сургутские служилые, количество которых исследователи определяли по-разному, несмотря на то, что документы с соответствующими данными были опубликованы ещё Г. Ф. Миллером. П. Н. Буцинский заключил, что в начале XVII в. в оба острога отправлялось по 20 годовальщиков⁶⁴. Таковую же цифру применительно к Нарыму указывали А. Т. Шашков, А. Е. Ульянова, Н. Н. Симачкова, Д. О. Скульмовский, а относительно Кетска — К. Б. Газенвинкель и Н. Ф. Емельянов. По мнению Н. А. Миненко и О. В. Внуковой, в этих острогах находились по 10–20 сургутян⁶⁵. Как можно полагать, в первые годы после основания Нарыма и Кетска там годовали по 20 и 10 человек соответственно⁶⁶, собирая ясак с «иноземцев» и предпринимая карательные походы на тунгусов (эвенков).

В 1601 г. полсотни берёзовцев остались в заполярном остроге на перепутье Оби и Енисея. Через два года их сменили столько же казаков и «литвы», прибывших в Мангазею в отряде воеводы Ф. Ю. Булгакова и письменного головы Н. Г. Елчанинова. В начале XVII в. берёзовские казаки И. Москвитин и Б. Телицын, отправлялись «вверх по Енисею для государева ясаку, да по Енисею вверх посылан был для государева дела по остяцких толмачей берёзовский казак пустозёрец Тренка Жестея... а посланы де они на Пур реку для асидской самояди»⁶⁷, что та самоядь государю ясак не платили». Известно, что «с Тренею» жил «в одной избе и артели» берёзовский литвин Семён (Семейка) Луцкий.

⁶² Обычно за кетских годовальщиков принимаются только сургутяне (Пузанов В. Д. Военная служба годовальщиков... С. 98–99; Пузанов В. Д. Военная политика... С. 102–104, 108; Ульянова А. Е. Функции сургутских казаков... С. 49, и др.).

⁶³ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 187; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 20, 22–23, 28. В 1611 г. по нашедшему поддержку в Казанском приказе предложению (в оценке Б. О. Долгих, разумному) Т. Фёдорова и казака, возможно, из его станицы П. Колпашника намечалось уничтожить Нарымский и Кетский остроги и взамен «срубить» один острог или даже город «на Роздоре» либо Тогурском устье Оби (Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 427–432), т. е. объединить управление обширным краем. Это предложение, основанное на личных впечатлениях или также рассказах сослуживцев, «годовавших» в Нарыме и Кетске, не было осуществлено.

⁶⁴ Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 2. С. 96–97, 100, 108. Утверждение, будто годовальщики лишь зимовали в Нарымском и Кетском острогах (Древний город на Оби... С. 98), разумеется, неверно.

⁶⁵ По убеждению О. В. Внуковой, на первых порах в Нарыме и Кетске «своих» служилых не было совсем (Внукова О. В. О служебных обязанностях ратных людей Западной Сибири // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки (далее — ЗС). Тюмень, 2003. Вып. V. С. 31). Но в царской грамоте от мая 1610 г. имеется распоряжение о несении службы в Нарымском остроге (с назначением жалованья) князем Пегой Орды Тайбохтой Воиним. Из Кетска в 1609 г. вместе с сургутскими казаками и стрельцами во главе с десятником И. Кайдаловым и «тутошними» «ясашными» остяками «тунгусов воевать» посылались зыряне. См.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 423; т. 2. С. 48, 247, 248. Вывод о том, что 20 из них годовали в Нарыме, а 10 — в Кетске, попытался оспорить В. Д. Пузанов. По его заключению, в каждом из этих острогов до основания Томска служили 30 годовальщиков (о чём сообщили сургутяне, побывавшие в 1611 г. в Москве); затем их количество уменьшилось до 20 (в 1611 и 1625 гг. соответственно).

⁶⁶ Солодкин Я. Г. Сколько сургутян годовали поначалу в Нарымском и Кетском острогах? (Опыт нового прочтения нескольких документов из миллеровской «Истории Сибири») // Материалы и исследования по истории России. Нижневартовск, 2019. Вып. 7. С. 30–33. Не исключено, что в Нарымском остроге временную службу несли и берёзовцы.

⁶⁷ Это известная русским, по крайней мере с 1597 г., одна из групп кунных (лесных) ненцев, проживавших в верховьях Пура, подведомственная сначала сургутским, а затем берёзовским воеводам (Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 20–21, и др.).

На Енисей в 1607 г. был отправлен из Мангазеи казак (возможно, берёзовский) П. Борисов. В начале XVII в. годовавшие в этом остроге, затем получившем городские укрепления, берёзовцы А. Гаврилов, Д. Иевлев и Я. Щетинин собирали ясак с остяков, живших по берегам Сыма, Каса и Енисея⁶⁸.

В строительстве Томска, завершившемся 27 сентября того же года, под руководством письменного головы Г. И. Писемского участвовали тобольяки, тюменцы, пелымцы, берёзовцы, сургутяне, кодичи, которых возглавлял князь Онжа Юрьев; также остяки из Подгородной волости Берёзовского уезда и «ясашные» остяки (татары). Позднее сургутяне несли в Томске «годовую» службу⁶⁹.

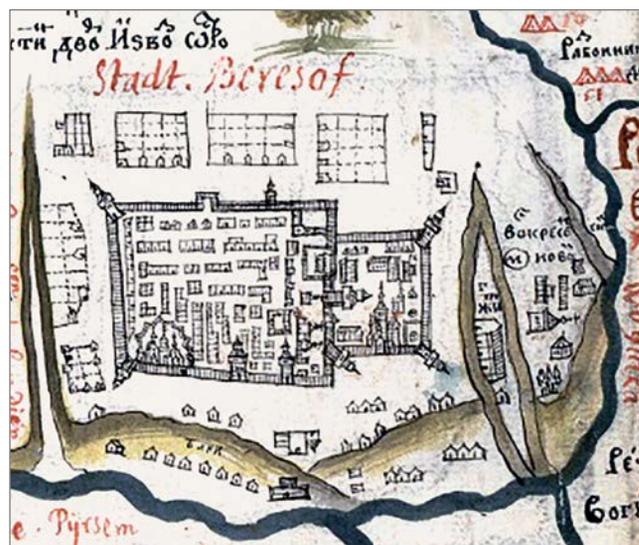

Рис. 1.18. Берёзов на чертеже С. У. Ремезова конца XVII в. // НЭБ.
URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/atlas-sibiri-semena-remezova>;
Нефтеюганск; Сургут, 2022. Вып. 20. С. 44–45

Круг служебных обязанностей казаков, стрельцов, «черкасов» и «литвы», составлявших гарнизоны Сургута и Берёзова, как можно заметить, являлся чрезвычайно широким. Среди этих обязанностей определяющими могут считаться военные и фискальные, связанные, в частности, с объясачиванием «иноземцев», не подвластных московскому государю или же нарушавших принесённую ранее шерсть. Подавление мятежей коренных жителей и ликвидация «шатости» среди них должны были содействовать закреплению новых «землиц» за Московским государством.

Уже в конце XVI в. отдельные представители знати «остяцкой страны» стали принимать христианство, что имело существенное политико-правовое значение, ибо тем самым «туземные вожди» превращались в полноценных подданных⁷⁰. Считалось, что «несение службы новокрещёнными остяками являлось для Сургута большой редкостью»⁷¹. Известно,

⁶⁸ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 253, 254, 260; Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 46, 51–53; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2002. Т. 3. Об этих берёзовских казаках см.: Берёзово... С. 85, 87; Малов А. В. Приезды в Москву берёзовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По материалам прихода-расходных книг Казённого приказа // МЧ 2015. Материалы Рос. науч. конф. СПб., 2015. Вып. 10. Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра). С. 165, 167, 170. В 1649 г. кодские остяки заявляли, что «города и остроги по всей Сибири ставили... и на всяких ослушников служили... с тобольскими и берёзовскими казаками заодин ходили» (Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 123–124). Поскольку обычно сослуживцами кодичей являлись берёзовцы, приведённое известие свидетельствует об участии последних не только в основании Сургута, Нарыма и Томска.

⁶⁹ Пузанов В. Д. Военная политика... С. 69, 105, 107, 108.

⁷⁰ Конев А. Ю. Неизвестный источник о крещении Лобана (Онжина) Алачева: к истории кодских князей и их потомков // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2018. № 4. С. 19. С конца XVI в. Сибирь официально считалась «новопросвещённой землёй». См.: Новосадский И. В. Возникновение печатной книги в России в XVI в. // Иван Фёдоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 46.

⁷¹ Древний город на Оби... С. 120. О. В. Внукова повторила это мнение. П. Н. Буцинский же полагал, что среди сургутских «инородцев» новокрещёнов не было (Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 2. С. 95).

Рис. 1.19. Берёзов конца XVI века: у городской башни. Рисунок-реконструкция. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов. // Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. Вып. 20. С. 37

однако, что в 1609 и 1613 гг. за ясаком в Кетский уезд и соседние с ним «улусы» посылался толмач «Карпик» Аманатка⁷², который числился в рядах гарнизона этого города ещё в середине 1620-х гг. Толмачом являлся и новокрещён Семён Тумач (Тумачев), с 1609 г. не раз собиравший ясак на реках Кас, Сым и Енисей. За 1610 и 1611 гг. известны и принявшие христианство сургутяне «Олешка» Апатков и «Урнучко Онтонов»⁷³. Эти факты свидетельствуют о том, что новокрещёными становились в конце XVI – начале XVII вв. не только представители элиты, как ранее считали историки, но и рядовое аборигенное население.

В пору основания и в первые годы существования Берёзова и Сургута там, как и на территории «русской» Сибири в целом, складывается воеводская система управления⁷⁴. На первых порах после основания Мансуровского городка Обь-Иртышь частично находилось

в ведении «начальных людей» этого острога, а вскоре было включено в состав новообразованного Тобольского уезда. Следом территория Северного Приобья была разделена между Берёзовским и Сургутским уездами.

Некоторые исследователи предполагали, что одним из первых воевод в Берёзове был князь П. И. Горчаков, основавший Пелым⁷⁵, поскольку, согласно царской грамоте от 10 декабря 1618 г., тобольскому воеводе, боярину и князю И. С. Куракину, «в Казанском дворце (ведавшем тогда Сибирью в московском приказе) ... князь Пётр Горчаков сказал... как де он был на Берёзове «тому с 20 с 5 лет», и до него и при нём торговые всякие люди со всякими товары зимним путем ходили на Берёзов с Выми через Камень на собаках»⁷⁶. Судя по этой «скаске»,

⁷² Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 252, 264–266. Считать этого новокрещёна литвином (Там же. С. 740) нет оснований. Скорее всего, Карп, вероятно, побывавший в аманатах, принадлежал к коренному населению Сибири.

⁷³ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 253, 254, 260, 297; АВП. С. 79; Ульянова А. Е. Сургутское казачество... С. 35. Возможно, новокрещёном был ясатчик Иван Ясырь, посылавшийся в 1595 г. из Сургута к князю Цу Воне, а в 1613 г. находившийся в Кетском остроге, где обычно годовали сургутяне (Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века... С. 135; Ульянова А. Е. Функции сургутских казаков... С. 48).

⁷⁴ Возникшая в Казанском крае в период его присоединения к Московскому государству, она была распространена на другие территории России не в начале XVII в. (История татар... Т. 5. С. 145, 192, 197), а в последние десятилетия предыдущего.

⁷⁵ Андреев А. И. Заметки по исторической географии Сибири XVI–XVIII вв. // Известия Всесоюзного географического общества. 1940. Вып. 2. С. 154; Александров В. А. Указ. соч. С. 25; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 34, 119.

⁷⁶ РИБ. Т. 2. Стб. 1068.

однако, Горчаков мог являться берёзовским воеводой после подавления восстания остяков и самоедов, которые в 1595 г. «подступали» к основанному двумя годами ранее городу. На протяжении 1594–1597 гг. его старшим администратором был В. С. Волынский. Не исключено, что вместе с ним некоторое время, до похода на Обдорское княжество весной 1596 г., Берёзовом управлял Горчаков.

Сообщение из разрядной книги о том, что Н. В. Траханиотова в Берёзов перевели из Тобольска, ошибочно, т. к. накануне закладки города близ устья Северной Сосьвы этот воевода находился в Чердыни и, вероятно, занимался организацией похода за Урал⁷⁷. В январе 1593 г. он выступил из Чердыни и через Лозьву, верховья Туры, Тобол, Иртыш и Обь достиг Северной Сосьвы, где возле городка Сугмут-ваш (Халь-уш) весной – летом 1593 г. заложил Берёзов. Тем же летом из Лозьвы на Тавду отправился князь П. Горчаков, основавший Пелым⁷⁸.

С 1593/94 г. берёзовским письменным головой был А. И. Благой (Благово). Осенью следующего года он в одиночку ведал городом⁷⁹. В 1582 г. А. И. Благой состоял среди дворовых Ивана Грозного, при царе Фёдоре, будучи выборным дворянином по Ржеву; посылался в Новгород, где шло формирование армии, двинувшейся вскоре против шведов; затем являлся стрелецким головой в Ивангороде, только что занятом русскими войсками. Вернувшись из Сибири, был приставом у папского посла, управлял посадом в Ярославле, участвовал в неудачной экспедиции на Северный Кавказ, где «в Шехвалской земле» попал в плен.

В 1594/95 г. ведать «Берёзовым городом» послали воеводу В. С. Волынского⁸⁰, письменного голову В. С. Толстого и дьяка Е. А. Жукова. Первый из них, принадлежавший к мещевскому «выбору», при Фёдоре Ивановиче (до назначения в Берёзов) и вскоре после воцарения Бориса Годунова управлял Белевым, собирал ратных людей в поход против шведов к Нарве (Ругодиву), служил в Новгороде-Северском и был определён «в сени» государя. В. С. Толстой — выборный дворянин Зубцовского уезда, владевший землями также близ Ржева и Торжка, — в середине 1590-х гг. воеводствовал в Пелыме, что позднее назвал ссылкой («мучением») ⁸¹. Е. А. Жуков, по прозвищу Пешек, Пешко, Пешка, в 1572–1573 г. в ранге гонца ездил в Речь Посполитую, в 1573–1582 гг. был дворовым царя Ивана, затем — ржевским сыном боярским и дьяком, участвовал в шведской кампании 1589–1590 гг. и в обороне Мо-

⁷⁷ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 77.

⁷⁸ Шашков А. Т. К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов ... С. 177, 178; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края ... С. 29; ОИЮ. С. 124, 131; Шашков А. Славен град Берёзов! (История создания города в Нижнем Приобье: гипотезы и факты) // Родина. 2003. № 7. С. 44–45; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Указ. соч. С. 12–14, и др.

⁷⁹ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 277–278, 284, 350, 354; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 487; Вершинин Е. В. Воеводское управление... С. 151; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков... С. 12, и др. Предшественником А. И. Благого в должности письменного головы Берёзова обычно считается И. Змеев, который, как говорилось ранее, мог являться коломенским городовым дворянином. Вскоре после основания этого города сослуживец Н. В. Траханиотова и М. П. Волконского уже в чине казачьего головы совершил поход в Большую Конду (зимой 1593/94 гг.). Н. Н. Оглоблин считал, что в 1594 г. берёзовским письменным головой являлся М. П. Норов (Обозрение столбцов и книг... Ч. 4. С. 123). Но тогда, в походе на Сальму с целью «поставления» Сургута, Норов, очевидно, как и ранее, служил казачьим головой.

⁸⁰ Е. В. Вершинин начало «сидения» В. С. Волынского в Берёзове предположительно отнёс к 1596 г. (Вершинин Е. В. Воеводское управление... С. 151).

⁸¹ Солодкин Я. Г. Воеводы и головы Берёзова с первых лет его существования // «Западная Сибирь: история и современность». Краеведческие записки. Тюмень, 2001. Вып. 4. С. 11.

сквы от крымских татар летом 1591 г.⁸² Примечательно, что и ранее, и в последующие десятилетия дьяки в Берёзов, да и в Сургут, не назначались.

В 1595/96 г., наряду с В. С. Волынским, берёзовским письменным головой являлся Г. И. Микулин, прежде служивший в том же чине в Пелыме. Известный с 1571 г., когда он входил в свиту царевича Ивана Ивановича, Микулин принадлежал к опричному и дворовому окружению Ивана IV, владел землями под Москвой и в Вяземском уезде (по которому числился в «выборе»), в качестве посланника царя Бориса ездил в Англию, сравнительно рано перешёл на сторону Лжедмитрия I, пожаловавшего ему думное дворянство⁸³.

С конца 1596 до весны 1599 г. «начальными людьми» Берёзова являлись В. Т. Плещеев и А. П. Нащокин. Первый из них, сын опричника, в 1572 г. участвовал в Ливонском походе, позднее воевал у Пскова, вошёл в число дворовых людей Ивана Грозного, был приставом у английского посла; при царе Фёдоре в чине дворянина московского воеводствовал в Гдове, не раз служил на «крымской украине», был головой «в ясаулах» — в кампании 1589–1590 гг. со Швецией, выполнял дипломатическую миссию в Кахетии. Известный по документам ещё с 1564–1565 гг., А. П. Нащокин, принадлежавший к числу ржевских выборных дворян, по-видимому, тоже являлся участником похода к Нарве (Ругодиву). Умершего в Берёзове «Олешу» сменил Т. М. Лазарев, переведённый из Тобольска, куда его послали как письменного голову в декабре 1596 г.⁸⁴ Этот выборный дворянин Суздальского уезда, воевавший со шведами в конце 1580-х гг. и вскоре направленный против вторгнувшихся в южнорусские уезды крымцев, в Смутное время управлял Холмогорами и Арзамасом.

В 1599–1600 гг. в Берёзове несли службу И. Г. Волынский и И. П. Биркин. Первый из них ко времени назначения в город на Северной Сосьве имел внушительный «послужной список». Волынский, дворянин московский, начиная с 1575/76 г., в конце царствования Ивана IV и при его преемнике, воеводствовал во многих городах Прибалтики (в Коловери, Лихоборе или Лиговери, Вильяне) и Среднего Поволжья (в Чебоксарах, Казани, Свияжске, Саратове), а также в Новосили, приглашался на последнюю свадьбу «яростиваго» самодержца, в 1604 г. снарядил шесть конных воинов в поход против самозваного царевича Дмитрия. И. П. Биркин, являвшийся в Берёзове письменным головой, ещё в 1581 г. был дворовым жильцом; помещик Рязанского уезда, в «выборе» которого он состоял как минимум с конца того же десятилетия до начала XVII в., при царе Борисе служил головой в Пронске, был награждён за участие в обороне Новгорода Северского, осаждённого войсками первого Самозванца. В 1606/07 г. И. П. Биркин, накануне являвшийся писцом в Галичском уезде, относился уже к числу московских дворян⁸⁵.

С осени 1600 г. во главе администрации Берёзова находились князь И. М. Барятинский (Манка) — выборный дворянин Суздальского уезда, и Г. П. Викентьев — ярославский выборный дворянин, имевший вотчину в Подмосковье. Иван Михайлович, воевавший с кон-

---

⁸² Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 109; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 185–186, 578, и др.

⁸³ Микулин Н. В. Г. И. Микулин — государственный деятель конца XVI – начала XVII века // ВИ. 2000. № 3. С. 135–138; Солодкин Я. Г. К биографии Григория Микулина // ВИ. 2000. № 9. С. 172–173.

⁸⁴ РК. Т. 3. Ч. 3. С. 116–117.

⁸⁵ АМГ. Т. 1. С. 66; БСР. Ч. 1. С. 143, 208, 259, 284; НДР. С. 92, 139. В Боярской книге 1615 г. значится стряпчий с платьем Иван Биркин (АМГ. Т. 1. С. 141), но это Иван Иванович, бывший мангазейским воеводой, а не прежний берёзовский «градодержатель». См., напр.: ААЭ. Т. 2. С. 298, 302.

Рис. 1.20. Берёзовское городище. Первые постройки на посаде. Конец XVI в. Рисунок-реконструкция. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов. // Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. Вып. 20. С. 50

ца 1570-х гг. с поляками у Пскова, Великих Лук, Ржева, Торопца, затем посылавшийся на мятежную «луговую черемису»⁸⁶, в 1588 г. имел чин жильца, десятилетие спустя — выборного дворянина. Барятинский управлял Ямом, возвращённым России шведами, и входил в число участников Земского собора, принявшего решение о возведении на престол Бориса Годунова. Вернувшись из Сибири, князь воеводствовал в Воронеже, получил назначение на старейший Земский двор и приказ доставить артиллерию из Москвы к Кромам — городку, который удерживал казачий отряд, верный Лжедмитрию I. Барятинский, состоявший к маю 1606 г. среди московских дворян⁸⁷ и владевший землями в Суздальском, Арзамасском, Алатырском уездах, посылался царём Василием Шуйским в поход против болотниковцев, а также в Касимов, чтобы собрать ратных людей и повести их к Суздалю⁸⁸. Доставленный в качестве пленника в Тушино касимовским царём, князь Иван сделался членом «Воровской» думы, удостоился (по Л. М. Сухотину) чина окольного, а когда Лжедмитрий II перебрался в Калугу, получил задание сделать Воронеж новой «царской» резиденцией⁸⁹. Власти Первого народного (земского) ополчения назначили Барятинского на воеводство в Арзамас, откуда князь бежал, когда местные жители присягнули Лжедмитрию III. В 1611–1613 гг. вновь вое-

⁸⁶ РК. Т. 3. Ч. 1. С. 131, 150, 158, 175–176, 180, 205; ч. 2. С. 5, 6, 9, 25, 26, 38, 99.

⁸⁷ ААЭ. Т. 2. С. 44, 51; Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (1713–1721 гг.). М., 1907. С. 3, 4, 80, 136, 199; БСР. Ч. 1. С. 111, 198, 257; РК. Т. 3. Ч. 3. С. 80.

⁸⁸ По указаниям И. О. Тюменцева, князь Иван при Василии Шуйском являлся то стольником, то дворянином московским. См.: Тюменцев И. О. Смутное время в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 292, 348.

⁸⁹ Глазьев В. Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI–XVII веках. Воронеж, 2018. С. 37. И. М. Барятинский, однако, не был воеводой Лжедмитрия II в Воронеже, как представлялось И. О. Тюменцеву (Тюменцев И. О. Указ. соч. С. 362, 537, 610). Известный волгоградский историк находил, что в Тушинском стане князь Иван носил прежний чин дворянина московского.

Рис. 1.21. Тюмень на чертеже С. У. Ремезова конца XVII в. // НЭБ.
URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/atlas-sibiri-semena-remezov>

водствовал в Берёзове, а позднее ездил в Данию с известием о воцарении Михаила Фёдоровича; управлял, являясь столичным дворянином, Путивлем и Великими Луками.

В течение 1603–1604 гг. власть московского самодержца на берегах Северной Сосьвы представляли Ф. А. Татев и Ю. И. Кобяков. Татев, происходивший из стародубских князей, в конце 1580-х гг. посылался в Новгород, очевидно, для участия в походе против шведов. В 1597 г. в Данкове вёл сыск казаков, напавших на ногаев, которые гнали табуны лошадей в Москву. В период царствования Бориса Фёдоровича князь Фёдор Андреевич, относившийся к столичным дворянам, сопровождал государя в походе к Серпухову, был объезжим головой в Москве, воеводой в Осколе. Ю. И. Кобяков, являвшийся рязанским выборным, в конце XVI в. служил стоялым головой «на Поле», в Ельце, Шацке, Осколе; «в судовой рати» сопровождал запасы хлеба, предназначенные для гарнизона Царёва-Борисова⁹⁰, а по возвращении из Сибири воеводствовал в Рязани⁹¹.

За первое десятилетие существования Берёзова там сменились 16 воевод и письменных голов. Трое из них (М. П. Волконский, И. М. Манка Барятинский, Ф. А. Татев) имели княжеский титул, четверо (Н. В. Траханиотов, В. Т. Плещеев, И. Г. Волынский, Ф. А. Татев) представляли московское дворянство, остальные — выборное, причём двое относились к ржевской коалиции, столько же — к рязанской, суздальской и, возможно, мещевской, другие числились по Вязме, Зубцову, Ярославлю и, видимо, Перемышлю⁹². Примерно таким же статусом обладали воеводы и письменные головы в других западно-сибирских городах. Даже

⁹⁰ Солодкин Я. Г. Воеводы и головы Берёзова... С. 12–13; Трепавлов В. В., Беляков А. В. Указ. соч. С. 356.

⁹¹ ААЭ. Т. 2. С. 169; НДР. С. 168.

⁹² Ф. Е. Елчанинов (участвовавший в основании Самары) и В. М. Хлопов, лишь назначенные письменными головами в Берёзов, тоже относились к «выбору» (по Ростову и Ржеву соответственно).

казацьи головы М. П. и Г. У. Норовы значились среди коломенских выборных дворян. Однажды в «начальные люди» Берёзова попал дьяк, что для сибирских крепостей рубежа XVI–XVII вв. было редкостью. До «присылки» в этот город в должностях воевод и голов успели послужить Н. В. Траханиотов, М. П. Волконский, А. И. Благой (Благово), В. С. и И. Г. Волынские, Г. И. Микулин, В. Т. Плещеев, А. П. Нащокин, Т. М. Лазарев, Ф. А. Татев, Ю. И. Кобяков, возможно, И. Змеев. Покинув Берёзов, такие же должности занимали, насколько известно, Н. В. Траханиотов, М. П. Волконский, А. И. Благой (Благово), В. Т. Плещеев, И. П. Биркин, И. М. Манка Бяратинский, Т. М. Лазарев. Служба в единственном тогда русском городе Нижнего Приобья, надо думать, содействовала их административной карьере.

Следует вспомнить, что возведением Сургута руководил письменный голова В. В. Аничков, к которому вскоре присоединился воевода князь Ф. П. Бяратинский. Они же поначалу и управляли уже тогда весьма обширным уездом. Фёдор Бяратинский, принадлежавший к захудалой ветви черниговских князей — Рюриковичей⁹³, в чине жильца упоминается с осени 1588 г. Год спустя князь участвовал в «немецком» (шведском) походе с братом Яковом «в подрындах... у большого саадака». Вскоре их отец П. И. Бяратинский, дворянин московский (в прошлом опричник), получивший назначение в Новгород, в опале за местнический спор с П. Н. Шереметевым отправился на восточную окраину страны, причём вместе с детьми, и стал воеводствовать в Тюмени и Тобольске. Возможно, князь Фёдор помогал отцу управлять названными сибирскими городами, которым предшествовали остроги. В Сургуте он провёл менее года. Такой срок предположительно объясняется тем, что на Русь могли одновременно вернуться и П. И. Бяратинский, и остальные его сыновья. По возвращении из Сибири в «царствующий град» Ф. П. Бяратинский подписался за братьев в «Утверждённой грамоте» об избрании на трон Бориса Годунова; примерно тогда же князь удостоился звания дворянина московского.

Заложивший стены и башни Сургута В. В. Аничков по наказу от 10 февраля 1595 г. оставался там уже не письменным, а казацким или стрелецким головой, причём единственным, и его следовало «посылать на всякие посылки» с «литвой и казаками добрыми», «с вогненным боем»⁹⁴. Аничков, награждённый за сибирскую службу годовым окладом (6 рублей), в Смутное время воеводствовал, причём вместе с сыном Фирсом, в Саратове, Балахне, Уфе и участвовал в успешном походе к Арзамасу, признавшему власть Тушинского вора, а также привёл казацьи отряды в Псков, которому угрожали шведы. Владимиру Владимирову сыну, не позднее 1610/11 г. ставшему дворянином московским, поручили руководить обороной Водяных ворот Белого города на случай подхода к столице войск королевича Владислава.

Второй по счёту воевода Сургута О. Т. Плещеев — сын опричника, дворянин, происходивший из многочисленного рода старомосковских бояр, ведал этим городом с уездом как минимум до начала осени 1596 г. Участвовал в последней свадьбе Ивана Грозного, в конце 1580-х – начале 1590-х гг. воевал со шведами «в ясаулах», посылался к Ракобору и Выборгу, «на море на Росну», выполнял функции второго воеводы в Гдове, воевал с крымскими татарами, подступившими к Москве⁹⁵, затем нёс «береговую» службу, несколько лет управлял Астраханью, в частно-

⁹³ С прозвищем «Борец», которым наделили Ф. П. Бяратинского некоторые историки, начиная с Е. В. Богдановича (см., напр.: Тюменцев И. О. Указ. соч. С. 417, 420, 649), этот князь в источниках конца XVI – первой трети XVII вв. не упоминается.

⁹⁴ Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. Прилож. С. 2, 6, 7.

⁹⁵ РК. Т. 3. Ч. 1. С. 174; ч. 2. С. 213; ч. 3. С. 18, 20, 48.

сти распоряжался острогом. Осип Тимофеевич погиб в 1605 г. в «шевкальском» походе, где являлся вторым воеводой большого полка, с детьми — Богданом и Львом.

Сослуживец О. Т. Плещеева по Сургуту И. И. Колёмин был помещиком Рязанского уезда, происходил из местных дворян. В 1580-х гг. Иван Иванович служил стрелецким головой в Кузьмодемьянском остроге, у Клина и в Астрахани; в самом конце XVI в. числился единственным выборным дворянином Тарусского уезда. В стрелецкие головы Колёмина пожаловали из сотников⁹⁶, отчего можно предположить, что он нёс военную службу уже в 1570-х гг. В конце 1598 г. Колёмин находился в Москве, а в 1601 г. в числе многих голов в «судовой рати» сопровождал хлебные запасы из Валук в построенный накануне Царёв-Борисов⁹⁷. Известие о его гибели в боях с отрядами И. Болотникова на Угре в сентябре 1606 г.⁹⁸ ошибочно, т. к. Ивана Ивановича пожаловали вотчиной за «московское осадное сиденье» при царе Василии, а в боярском списке 1606/07 г. Колёмин опять числился выборным по Тарусе, как и его сын Артемий. В 1610 г. бывший сургутский голова воеводствовал в Галиче⁹⁹, что можно считать пиком служебной карьеры Колёмина.

В 1597 г. воеводскую администрацию Сургута возглавляли князь С. М. Лобанов-Ростовский и письменный голова И. Н. Ржевский (оба они принадлежали к рязанскому «выбору»)¹⁰⁰.

Под началом Е. В. Бутурлина в будущей сибирской столице нёс службу и И. Н. Ржевский¹⁰¹. Выборный дворянин по Дорогобужу В. Г. Колединский во второй половине мая 1597 г. – марте 1598 г. упоминается как сургутский письменный голова. Вопреки сообщениям сибирских летописцев, он и Ржевский «сидели» в Тобольске не вместе, а порознь¹⁰². Вероятно, с санкции московских властей эти дворяне поменялись местами службы, т. е. первый из них отправился из Сургута в Тобольск, а второй — из «града», ставшего вскоре «началнейшим» в Сибири, в крепость, недавно заложенную в Среднем Приобье.

Рязанский выборный дворянин С. М. Лобанов-Ростовский в пору бегства из-под Москвы крымских татар, разгромленных у села Молоди в 1572 г., служил головой у обоза в Серпухове. Семён Михайлович участвовал в заключительных операциях войны в Прибалтике, был наместником в Брянске, управлял Новгородом, Порховом, Деделовым, Рязанью, Воронежем, Ряжском, воевал со шведами, в том числе у стен Нарвы в первые недели 1590 г., порой нёс «береговую» службу у «наряду» и проводил смотр ратных людей¹⁰³.

⁹⁶ ТКДТ. С. 217, 324; БСР. Ч. 1. С. 189.

⁹⁷ Фоминов А. В. Нерешённые вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валук и гибель Царёва-Борисова // Очерки феодальной России. М. ; СПб., 2013. Вып. 16. С. 208.

⁹⁸ Станиславский А. Л. Брянский край и восстание И. Болотникова // Феодальный город. Брянск, 1993. Вып. 1. С. 22, 26.

⁹⁹ Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М. ; Л., 1950. С. 528; НДР. С. 146.

¹⁰⁰ Обзорение столбцов и книг... Ч. 4. С. 33, 125, 144, и др. Князь С. М. Лобанов-Ростовский должен был располагаться в «большом городе», а И. Н. Ржевский — в остроге (Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века... С. 142).

¹⁰¹ Трепавлов В. В., Беляков А. В. Указ. соч. С. 212.

¹⁰² Обзорение столбцов и книг... Ч. 4. С. 131, 135–137, 211; Корецкий В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). Сборник статей памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М., 1973. С. 50; ВГ. Вып. 1. С. 20; Симачкова Н. Указ. соч. С. 39, 82, 96. В 1598/99 г. И. Н. Ржевский проезжал через Верхотурье (ВГ. Вып. 1. С. 43), видимо, когда был отозван в Москву.

¹⁰³ РК. Т. 3. Ч. 2. С. 49, 57–58, 99, 147, 158, 201, 234; ч. 3. С. 13–14.

В 1599–1600 гг. при содействии письменных голов А. И. Голохвастова и А. М. Курлакова Сургутом с уездом управлял Ф. Т. Долгорукий из рода князей Оболенских. Его имя есть в перечне дворян, оставленных в Москве летом 1585 г., когда Фёдор Иванович выехал в Троице-Сергиев монастырь. Спустя несколько лет Долгорукий был назначен в Новгород, откуда русская армия выступила в поход против шведов, затем служил на южной границе и у Тулы в ожидании крымского вторжения. Был участником избрания Бориса Годунова на трон. В начале XVII в. воеводствовал в Курске и, будучи уже боярином, в Рязани. Встречал под Москвой Лжедмитрия I, присутствовал на его свадьбе. Ф. Т. Долгорукого «с товарищи» в Сургуте сменили князь Я. П. Барятинский и В. В. Пивов.

Рис. 1.22. Город Верхотурье. Гравюра конца XVII в. // Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Н. Витсен; пер. с голландского В. Г. Трисман. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 954

В 1603–1605 гг. Сургутом с уездом ведали Ф. В. Головин и Г. И. Писемский. Ф. В. Головин происходил из знатного рода, издавна близкого к московским самодержцам. Он состоял в свите Ивана IV в одном из ливонских походов, был приглашён на последнюю свадьбу царя и входил в состав государева двора. Г. И. Писемский, принадлежавший к дворянскому роду, известному с XV в., в конце 1580-х гг. состоял в жильцах, полтора десятилетия спустя относился к тульским выборным дворянам. В 1604 г. ему вместе с тобольским сыном боярским В. Ф. Тырковым поручили «ставить» Томск и остаться там «начальным человеком», видимо, в письменных головах, а не воеводах, как часто утверждается.

В течение 1594–1604 гг. Сургутским городом и быстро сложившимся вокруг него уездом ведали, сменяя друг друга, 14 воевод и письменных голов. Четверо из них (Ф. П. и Я. П. Барятинские, С. М. Лобанов-Ростовский, Ф. Т. Долгорукий) имели княжеский титул, пятеро относились к московскому дворянству, семь — к выборному (по Рязани, Дорогобужу, Белой, Вязме, Туле, Ярославлю), один (В. В. Аничков) был «жильцом», ещё один (И. И. Колёмин) принадлежал к городovým служилым людям.

На раннем этапе освоения Сибири в каждом сибирском городе, например в Берёзове и Сургуте, в Пелыме, Верхотурье, было два воеводы¹⁰⁴. Ближе к середине XVII в. представителями центральной власти являлись один воевода и один письменный голова.

Служба за Уралом, даже в высокой должности письменного головы, считалась нелёгкой. Так в 1601 г. в берёзовские письменные головы был определён В. М. Нагай Хлопов, тут же попросивший освободить его от этой обязанности, поскольку только что отслужил «на Таре», замещая воеводу князя Ф. Б. Елецкого.

¹⁰⁴ Древний город на Оби... С. 98; ОИЮ. С. 140.

С. В. Бахрушин, имея в виду документы по Сургуту и Таре, констатировал, что с 1590-х гг. «все сношения Москвы с администрацией вновь присоединенных областей» стали вестись через Тобольск¹⁰⁵. Уже летом 1596 г. сургутский воевода О. Т. Плещеев получил указ царя Фёдора Ивановича «писать» о «вестях» в будущую столицу «русской» Сибири¹⁰⁶. Власти Берёзова и Сургута, которым следовало «ведати судом и управою и ясаком» облагать население обширных уездов¹⁰⁷, однако, не утратили права обращаться в московские приказы и после образования в 1599 г. Тобольского разряда. С основанием Мансуровского острога, затем Берёзова и Сургута, с формированием уездов вокруг названных городов и становлением административной системы в них, Югорская земля целиком вошла в состав России.

По мнению В. И. Сергеева, русские заложили Берёзов, чтобы окончательно закрепиться в Нижнем Приобье и включить его в сферу деятельности тобольских администраторов. Можно предположить, что с 1593 г. московское правительство перестало довольствоваться вассальной зависимостью местных князьев и решило распространить свою власть на их территории. Югорская земля, которой накануне ведал чердынский воевода¹⁰⁸, «переходила в подчинение тобольских воевод, в состав организующегося Тобольского разряда, и лишалась своего традиционного названия»¹⁰⁹.

Утверждение (оно восходит к выводу А. А. Дмитриева), что «Югорский край с 1593 года превратился в Берёзовский уезд»¹¹⁰, следует признать неверным, т. к. о Югре подчас говорится и в документах начала XVII в.¹¹¹ Хотя уже с середины 1590-х гг. Тобольску всё более настойчиво отводилась ведущая роль в административной системе Сибири. Разряд, центром которого он сделался, сложился через несколько лет, в 1599 г., с назначением на воеводство

¹⁰⁵ Бахрушин С. В. Указ. соч. Т. 3. Ч. 1. С. 253. См. также: Обзорение столбцов и книг... Ч. 4. С. 138–139.

¹⁰⁶ Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века ... С. 139, и др.

¹⁰⁷ Там же. С. 130.

¹⁰⁸ По мнению А. А. Дмитриева и В. И. Сергеева, до конца XVI в. чердынские воеводы (вслед за великопермскими наместниками) официально ведали Югорской землёй. См.: Дмитриев А. А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Пермь, 1894. Вып. 5. С. 43, 91; Сергеев В. И. Основание городов Западной Сибири (до середины XVII века). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962. С. 3; Сергеев В. И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 174. Ср.: ТСХ. С. 134.

¹⁰⁹ Сергеев В. И. Первые сибирские города... С. 115; Сергеев В. И. Правительственная политика в Сибири... С. 177, 179; Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 22. В первой из этих статей соответствующее решение отнесено к 1592 г., когда якобы возник замысел строительства Пелыма. А. П. Павлов разделял приведённые суждения В. И. Сергеева. См.: Павлов А. П. Лобанов-Ростовский Фёдор Михайлович, князь (ум. ок. 1600) // Власть в Сибири: XVI – начало XX вв. Новосибирск, 2005. С. 383.

¹¹⁰ Дмитриев А. Указ. соч. С. 92.

¹¹¹ См.: АИ. Т. 2. С. 101, 425; Шепелев И. С. Указ. соч. С. 169; Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 55–56, 85; Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Указ. соч. С. 139, и др. Российских государей называли «Югорскими» в течение всего XVII в., вплоть до Петра I (ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 19, 147, 182; АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 4; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. II. С. 539), подобно их предшественникам, на московском престоле. См., например: ААЭ. Т. I. С. 427; АИ. Т. II. С. 70, 81, 101, 180, 184, 190, 197, 215, 219, 227, 239, 248, 257, 280, 330, 336. В относящейся к 1614 г. записке англичанина В. Гордона Югорией (Югрией) называется территория, расположенная к западу от Северного Урала, в бассейне Печоры. См.: Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья вторая // Записки имп. Академии наук. СПб., 1869. Т. 15. Приложение. С. 199–200, 202.

в «первоимянитый» отныне город «далечайшей государевой вотчины» окольного С. Ф. Сабурова¹¹². (Мнение, будто Сургутский уезд был образован в 1594 г. в составе Тобольского разряда¹¹³, — очевидная неточность).

Известно, что к Тобольскому уезду с первых лет его существования относились все русские владения по нижнему Тоболу, Иртышу, Оби, Тавде и Конде¹¹⁴. Тобольск превратился в центр отдельного уезда, скорее всего, не в 1588 г., когда этим городом стал управлять воевода князь В. В. Кольцов-Мосальский¹¹⁵, а годом ранее, уже при основателе будущей сибирской столицы письменном голове Д. Д. Чулкове.

До возникновения Берёзова собирать ясак в Нижнее Приобье посылались служилые люди из Тобольска. Вплоть до возникновения разряда с центром в Тобольске Берёзов и Сургут обладали в значительной степени административной самостоятельностью. Постепенно она сокращалась в пользу властей будущей столицы «русской» Сибири.

---

¹¹² Солодкин Я. Г. Возникновение Тобольского разряда (к истории регионального управления в России конца XVI века) // История государства и права. 2013. № 19. С. 54–57.

¹¹³ Литвинчук М. С. Указ. соч. С. 117.

¹¹⁴ Пузанов В. Д. Военная политика... С. 51, и др.

¹¹⁵ Там же. С. 49; Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. СПб., 2010. С. 117.

Глава 3

Северо-Западная Сибирь в Смутное время

Становление сибирской администрации в начале XVII в. пришлось на крайне тяжёлый для России период Смутного времени. Политическая нестабильность в центре грозила утратой позиций на недавно завоёванных территориях. Тем не менее представители русской администрации в Сибири и служилые люди сделали всё возможное, чтобы сохранить не только сложившуюся систему управления, но и суверенитет своей страны. Многообразные службы, выполнявшиеся казаками, стрельцами, «литвой», черкасами Берёзова и Сургута в пору «межъусобной брани», были исследованы в работах А. И. Андреева, М. И. Белова, Ю. М. Эскина, Я. Г. Солодкина, О. В. Внуковой, А. Е. Ульяновой, Д. О. Скульмовского. Организация доставки берёзовцами и сургутянами пушной казны в Москву на исходе «разорения русского» привлекла внимание К. Б. Газенвинкеля и А. В. Малова. Вопрос о материальном обеспечении гарнизонов двух первых городов Приобья был изучен Н. И. Никитиным, О. В. Семеновым, А. Е. Ульяновой.

Об участии сибиряков в событиях Смуты писали С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров, С. Ф. Платонов, позднее И. С. Шепелев и Я. В. Леонтьев. В. А. Александров, Н. Н. Покровский, А. Т. Шашков, Е. В. Вершинин указывали на то, что служившие в Сургуте и Берёзове Т. Фёдоров и И. Аргунов, доставившие в Москву соболиную казну, оказались вовлечёнными в противоборство правительственных войск и отрядов И. Болотникова, Лжедмитрия II, а первый из названных атаманов сражался с интервентами и в рядах Второго земского ополчения.

О судьбе Югорской земли в годы Смуты известно главным образом по документальным источникам, среди которых самыми важными являются грамоты и отписки. В грамотах, в частности, сообщается о «городовом деле», т. е. о строительстве укреплений служилыми людьми Берёзова в 1607 г. на случай осады города «иноземцами»; о «шатости», совершённой остяками и самоедами в том же году, и о последующей расправе властей над инициаторами готовившейся «измены»¹ (обстоятельства антирусских движений последующих лет на северо-западе Сибири, вплоть до 1618 г., раскрыты, в частности, в трудах С. В. Бахрушина, И. С. Шепелева, А. Т. Шашкова, Е. В. Вершинина, А. Е. Ульяновой); о посылке хлеба и денег из Перми и с Выми в Сургут; о сборе ясака, снижении его размеров в ответ на челобитные коренного населения; о зачислении новокрещёнов на службу; о производстве пятидесятника Т. Деева в атаманы Сургута; переводе оттуда в Томск сына боярского И. Пущина;

¹ Подробно о протестных выступлениях коренного населения Югры см. ниже, в специальной главе этого тома.

о сопровождении ссыльных берёзовским атаманом И. Галкиным. Также в отписках говорится о намерении (оно осталось нереализованным) вместо Нарыма и Кетска построить с участием сургутян один острог или даже город; о присылке денежного и хлебного жалованья в Берёзов и Сургут из Пермского края; об участии служилых в походах против «государевых непослушников по соль» к Ямышеву озеру с целью «срубить» новые остроги — Маковский и Енисейский. Из отписки князя М. В. Скопина-Шуйского, доставленной жителям Сургута, можно узнать о победах войск царя Василия над тушинцами. Обращение (память) вологодского воеводы Г. Г. Пушкина к игумену местного Спасо-Прилуцкого монастыря Тихону от 25 ноября 1612 г. даёт основания считать, что накануне берёзовские и сургутские казаки находились в столице, возможно, участвовали в её освобождении.

Приходно-расходные книги Казённого приказа фиксируют, в том числе, факты награждения служилых людей Берёзова и Сургута «за сибирский приезд» с ясаком и документами. Разрядные книги позволяют определить состав администраторов этих городов во времена Смуты. В челобитных Т. Фёдорова и Л. Аргунова сказано о пребывании сургутского и берёзовского атаманов «на Руси» в годы восстания И. Болотникова, движения «Тушинского вора» и польско-литовской оккупации Москвы. Несколько челобитных князцов Сургутского уезда содержат сведения о ясачных повинностях и походах на «государевых изменников».

В большинстве редакций Сибирского летописного свода (далее — СЛС) имеются перечни администраторов Берёзова и Сургута, в отличие от разрядов не отличающиеся точностью. В наиболее ранней из этих редакций — «Книге записной» (далее — КЗ) — кроме того, сообщается о попытке «иноземных князцов» завладеть городом в Нижнем Приобье в пору воеводства там князя П. А. Черкасского и об освобождении Берёзова от осады отрядом головы И. И. Зубова (это известие тобольского летописца следует признать ошибочным). Продолжавшаяся полтора десятилетия Смута, которую современники выразительно прозвали «бедой во всей России», «пленением и запустеньем», «межъусобной бранью», «всеконечным разорением», затронула население «далечайшей государевой вотчины» (ею Сибирь стала в конце XVI в.), прежде всего служилых людей первых русских городов и острогов, основанных в бывших владениях хана Кучума. Так, хотя центральные власти старались обеспечить гарнизоны «непашенных» Берёзова и Сургута денежным и хлебным жалованьем, оно поступало (с Выми, из Соли Вычегодской, Пермского края, Вятки, Устюга Великого, Казани,

Рис. 1.23. Стрелец. Рис. XVII в. // Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 г. Санкт-Петербург : Ломоносов, 2012

Москвы) нередко со значительными опозданиями, отчего население сибирских уездов часто переживало «голод великой».

Сибирские служилые люди, как и ранее, доставляли ясачную казну² (что в пору лихолетья приобрело гораздо большее значение, чем до неё) и разнообразную документацию поначалу в Москву, а во время её осады тушинцами и, затем, в период польско-литовской оккупации — в распоряжение земских властей и князя М. В. Скопина-Шуйского, который представлял царя Василия в северо-западных уездах и Поморье. Сибирские ратные люди приняли участие и в боевых действиях «на Руси», в рядах правительственных войск и ополчений, последовательно сражаясь с болотниковцами, тушинцами и поляками. Не стали исключением казаки и стрельцы Сургута и Берёзова.

Согласно челобитной Тугарина Фёдорова от ноября 1626 г., он — известный атаман Сургута, участвовавший ещё в «поставлении» крепости во владениях князя Бардака, создании Пелымского острога, покорении Пегой Орды, объясачивании енисейских остяков и обитателей Притомья, — посланный «к Москве» с «соболиною казною», «в полку» князя М. В. Скопина-Шуйского «бился явственно с государевы изменники» под Калугой³, где и «языки многие имал», как и при взятии Лихвинской засеки, находясь в сотне Г. Посевьева, потом «многожды был ранен» под Москвой, где «сидели... литовские люди», будучи «с бояры без выезду»⁴. По мнению Н. Н. Покровского, в челобитной Т. Фёдорова имеются в виду «знаменитый поход к Москве войска кн. М. В. Скопина-Шуйского и бои ополчения Минина и Пожарского под Москвой»⁵. Он, однако, сначала явно вспомнил о событиях 1607 г.⁶, когда сражался под Калугой и Лихвинской засекой против болотниковцев⁷, а следом — о боях с «литвой» и русскими

² АИ. Т. 2. С. 299; Акты, относящиеся до юридического быта древней России (далее — АЮБ). СПб., 1864. Т. 2. Стб. 677.

³ Писавшая об этом А. Е. Ульянова вместе с тем полагала, что Т. Фёдоров участвовал в осаде Калуги (Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI–XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. С. 56, 79).

⁴ Покровский Н. Н. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 187. В этом издании челобитной Т. Фёдорова, в отличие от других, подготовленных А. Т. Шашковым (см.: Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири (далее — МИИЭСЗ). Екатеринбург, 2002. С. 172–173; Русское старожильческое население Югры конца XVI – середины XIX вв.: исследовательские материалы и документы (далее — РСНЮ). М., 2007. С. 385), сотенный голова Г. Посевьев (см. о нём, например: Осадный список 1618 г. (далее — ОС). М.; Варшава, 2009. С. 469), ошибочно назван Поздеевым. Речь должна идти именно о Лихвинской засеке (см. о ней, напр.: Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (1713–1721 гг.). М., 1907. С. 9; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. (далее — БСР). М., 1979. Ч. 2. С. 78, 80; Разрядная книга 1475–1605. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 75), а не Лихвинской засечной черте, как представлялось Р. В. Овчинникову. См.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 гг. Сборник документов (далее — НДР). М., 2003. С. 365, примеч. 4.

⁵ Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 181. Считается, что Фёдорова послали в Москву сдавать ясачную казну «после 1604 г.» (Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 81). Судя по рассматриваемой челобитной, это случилось осенью 1606 г.

⁶ Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 205–206.

⁷ Вершинин Е. Жил-был раньше такой атаман... // Родина. 2005. № 4. С. 32; Солодкин Я. Г. Две сибирские челобитные второй четверти XVII в. // Документ в контексте универсальных практик. Сборник статей по материалам Второй Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2010. С. 45. В боях под Лихвином (летом 1607 г.) участвовал и новгородский дворянин князь В. П. Кропоткин. См.: НДР.

«ворами» в рядах не Нижегородского ополчения, как считает А. Т. Шашков, а Первого (иначе говоря, «подмосковных полков», ибо указал на осаждавших столицу бояр⁸ — подразумеваются И. М. Заруцкий и князь Д. Т. Трубецкой).

Как думалось ряду исследователей, отправленный «в Москву сдавать соболиную ясачную казну» Т. Фёдоров «на много лет стал участником событий Смутного времени» — «по меньшей мере с 1607 до 1612 гг.»⁹. Известно, однако, что в 1607 г. (до 17 июня) Тугарин через Верхотурье выехал в Тобольск с привезёнными из столицы печатями «первоимянитого града Сибирского царства» и Берёзова, а также сукном, однорядками, мёдом, мунчаками и тополами¹⁰. Стало быть, вскоре после разгрома «воров» у Лихвинской засеки сургутский атаман вернулся за Урал. Однако через несколько лет Т. Фёдоров вновь попал «на Русь».

По мнению А. Т. Шашкова, весной 1611 г. Тугарин и ряд сургутских казаков, среди которых упоминается П. Колпашник, в приказе Казанского дворца советовали оставить Нарымский и Кетский остроги и выстроить один город или острог на левобережье Оби, близ Тогурского устья Кети (на «Роздоре»)¹¹. Воеводы Нарыма и Кетска получили соответствующие отписки сибирского наместника князя И. М. Катырёва-Ростовского, подготовленные на основании царской грамоты в Тобольске 31 мая 1611 г.¹² Очевидно, Т. Фёдорова «с товарищи» расспрашивали в столице о целесообразности основания новой крепости взамен упомянутых острогов до «московского разорения» 19 марта 1611 г., тем более что в переписке сибирских администраторов по этому поводу говорится о «государевой грамоте»¹³. Возможно, Тугарин и часть сургутских казаков вновь приехали в «царствующий град» до наступления весны 1611 г. Сургутяне могли покинуть столицу до её разорения и следом присоединиться к отрядам спешившего к ней на помощь Первого, или Рязанского («Ляпуновского»), ополчения, в составе

С. 261, 400, примеч. 19. А. Т. Шашков же утверждал, будто под Калугой атаман воевал с тушинцами. См.: (Шашков А. Т. Участие сургутских служилых людей в военных походах и экспедициях конца XVI–XVII вв. // Великий подвиг народа: исторические чтения, посвящённые 50-летию победы в Великой Отечественной войне. Тез. докл. Екатеринбург, 1995. С. 49.

⁸ Известно, что атаман Д. Юрьев, в 1595 г. переведённый из Тобольска в Тюмень и «ставивший» Томск, в 1608 г. разбил ногаев и тогда же с сибирскими царицами, очевидно, жёнами хана Али, отправился в Москву. В 1609 г. Юрьев и тобольский атаман Гроза (Иванов) участвовали в походе князя М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода в Москву, в частности, в сражении под Торжком. Тюменский служилый Б. Малышев, по-видимому, ермаковец (в будущем татарский голова и стрелецкий сотник), бравший в плен Али, его жён и детей, в 1608/09 г. был отправлен с ними «на Русь» и полтора года воевал под началом М. В. Скопина-Шуйского. Вскоре тюменский воевода С. И. Волынский послал Малышева, вернувшегося в Сибирь, к «царствующему граду с сметными списки». Бывший соратник Ермака И. Дурыня принял участие в осаде занятой поляками столицы. «На Руси» с М. В. Скопиным-Шуйским и затем под Москвой «при боярех» находился и десятник тюменских конных казаков Ф. Яковлев. См.: Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1875. Т. 2. Стб. 349–350; Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 37, 38, 174, 175, 231, 243, 617–618; Резун Д. Я. Указ. соч. С. 55–56; Миненко Н. А. Тюмень. Летопись четырех столетий. СПб., 2004. С. 56, 57; Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 189.

⁹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 81; Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4. С. 56.

¹⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 232.

¹¹ Древний город на Оби. История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 123; Очерки истории Югры (далее — ОИЮ). Екатеринбург, 2000. С. 201. Вскоре по возвращении в Сибирь, в 1614 г., Т. Фёдоров вместе с Г. Р. Моржом — позднее казачьим десятником и целовальником — годовал в Кетском остроге (Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 269–270; РСНЮ. С. 370, 380, 384); умер атаман четверть века спустя.

¹² Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 427, 429, 431.

¹³ Известна грамота царя «Владислава Жигимонтовича» в Томск от 10 марта 1611 г. См.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 257.

которого, как и тобольский атаман Иван Дурыня с казаками его станицы, они оставались, по крайней мере Фёдоров, вплоть до «очищения» Москвы от оккупантов, т. е. до последних чисел октября 1612 г.

Берёзовский атаман Истома (Савва) Аргунов — если верить челобитной его сына Лазаря, являвшегося приказным Индигирского острога, — будучи посланным с ясаком в Москву, был пленён тушинцами и доставлен в лагерь Лжедмитрия II, но сумел бежать в столицу и вернулся в Сибирь¹⁴.

Согласно отписке в Кетский острог из Сургута от 16 февраля 1610 г., М. Осипов передал местным властям сообщение от князя М. В. Скопина-Шуйского о победе над тушинцами у стен Белой 6 августа предыдущего года¹⁵. Новостью было событие полугодовой давности, которое явно затмил разгром «литвы» и «воров» в Калязинском сражении 18–19 августа 1609 г. Упомянутая отписка, видимо, появилась вскоре после того, как в окружении царского племянника, в считанные годы ставшего самым крупным русским военачальником, узнали про неудачу, постигшую тушинцев близ Белой. Сургутские администраторы не сразу, как приехал Осипов (возможно, в декабре 1609 г. или в следующем месяце), смогли известить кетских жителей, а М. Осипову в условиях «смятения во всей Русской земле» понадобилось гораздо больше времени, чем обычно, чтобы добраться до города, где он служил.

Быть может, Осипов приезжал на Русь не один¹⁶, и его спутники, подобно трём верхотурским стрельцам (о чём можно узнать из отписки «на Верхотурье» целовальника Карпина от 12 августа 1609 г.), добравшись до Вологды, оставили там соболиную казну и влились в состав рати М. В. Скопина-Шуйского¹⁷.

¹⁴ ОИЮ. С. 203. Царские грамоты, между прочим, опровергают представление Д. Я. Резуна, будто в Смутное время «никому в Москве абсолютно не было дела до того, что делалось в Сибири» (Резун Д. Я. Предисловие // *Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное*. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 4; Резун Д. Я., Шиловский М. В. *Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. Новосибирск, 2005. С. 5. Ср.: С. 28). В Ярославле в 1612 г. был даже создан отдельный приказ Казанского и Мещерского двorcов, в задачи которого, между прочим, входило обеспечение денежным жалованием и хлебными запасами населения сибирских городов. Так, 26 мая 1612 г. «на Верхотурье» послали грамоту «бояр и воевод», включая князя Д. М. Пожарского, о доставке хлеба в эти города. См.: АИ. Т. 2. С. 402–403; Козляков В. Н. *Земское ополчение в Ярославле в 1612 г. // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле*. Материалы Междунар. науч. конф. М., 2012. С. 22.

¹⁵ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) (далее — АВП). М., 1914. С. 79. Из отписки князя М. В. Скопина-Шуйского жители Сургута, а затем Кетска могли узнать не только о победе над тушинцами у Белой, но также о ходе и результатах Калязинского сражения 18–19 августа 1609 г. (Шепелев И. С. Указ. соч. С. 470, 472, 483, 487).

¹⁶ Разрядный воевода князь И. М. Катырёв-Ростовский в 1609 г. (не ранее 9 июля) сообщал администраторам Томска, что тоболяки выполняют служебные поручения во многих других сибирских городах, а иные «на Москве» (Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 420). Возможно, имелась в виду «посылка» с ясачной казной или сметными списками (Ср.: Там же. Т. 2. С. 617).

¹⁷ АИ. Т. 2. С. 299. В 1608 г. сибирский царевич Алтанай, выехавший из Тобольска в Москву, когда стало известно, что столица окружена тушинцами, из Вологды по распоряжению Скопина-Шуйского направился к Новгороду Великому. В 1607/08 г. и князец Пегой Орды Тайбохта Вонин, «отпущенный» по царской грамоте в столицу «бити челом о своих нуждах», поскольку проехать туда, как выяснилось в Вологде, «было не мочно», повернул к Новгороду. Из Вологды в Новгород, а не в Москву, вопреки намерению тобольских властей, попали и хан Али, его жёны, родственники царевича Азима. См.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 423; т. II. С. 37, 617; Беляков А. В. *Участие сибирского ца-*

и замосковных городов, ранее воеводствовал в Мангазее, — привёл стрельцов с собой²¹. И. О. Тюменцев, ссылаясь на костромского историка второй половины XIX в. И. Миловидова, утверждал, что осаждённые в этой обители тушинцы (большинство из них составляли костромские и галичские дворяне и дети боярские²²) сдались Д. В. Жеребцову²³. Предпочтительнее вывод И. С. Шепелева, не подкреплённый, однако, аргументацией: сторонники Лжедмитрия II удерживали Ипатьевский монастырь до начала весны 1610 г.²⁴, т. е. ополченцы под предводительством Д. В. Жеребцова в 1609 г. не смогли завладеть самым известным костромским монастырём.

Наказ преемнику Д. В. Жеребцова на мангазейском воеводстве И. Ю. Нелединскому относится к 16 февраля, а память ему, составленная в Казанском приказе, — к марту 1608 г.²⁵ Одновременно произошла смена обоих воевод в Тобольске, Сургуте, Таре, Томске, а только второго воеводы — в Тюмени, Верхотурье, Пелыме, Туринском остроге²⁶. Мангазею (о чём писал и Я. В. Леонтьев) Д. В. Жеребцов мог покинуть летом 1608 г. Где он находился до мая следующего года — неизвестно. Примечательным является то, что, по сведениям Н. Д. Вельяминова,

---

Краеведческие записки. Вып. 6. Кострома, 2003. С. 25–26. С. М. Соловьёв, не упоминая о появлении ополчения у стен Ипатьевского монастыря, писал о том, что посад Ярославля от тушинцев обороняли (30 апреля – 1 мая 1609 г.) 600 архангелогородских и 1 200 сибирских стрельцов (Соловьёв С. М. Сочинения. Кн. 4. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 7–8. С. 513). На взгляд Я. В. Леонтьева, последнее свидетельство «требует уточнения» (Леонтьев Я. В. Первое Северное ополчение 1609–1610 гг. и его предводители (князь М. В. Скопин-Шуйский и воевода Д. В. Жеребцов) // МнЧ. Тр. науч. конф. Нижний Новгород, 2007. С. 86). По мысли этого исследователя, сибирские стрельцы состояли в войске Жеребцова, С. М. Соловьёв же упоминал о сибиряках как участниках обороны ярославского посада. Приведённая великим отечественным историком цифра (очевидно, восходящая к показанию тушинских военачальников, стремившихся подчеркнуть свои заслуги) должна считаться сильно завышенной. В начале XVII в. 1 200 стрельцов, вероятно, не насчитывалось и во всех сибирских городах и острогах, тем более что в Берёзове и Мангазее тогда служили лишь казаки и «литва», а в Туринском остроге стрельцы появились в 1614 г. (Пузанов В. Д. Военная политика... С. 62, 63, 86, 88, 90, 114, 122, 142, 144, 145, 152–154, 159, 166, 172). Не исключено, что сибирские стрельцы прибыли в Ярославль, как и под Кострому, миновав по дороге Вологду, через которую в ту пору обычно шёл путь из Москвы за Урал и обратно. См., напр.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 343, 344, 346; Трепавлов В. В., Беляков А. В. Указ. соч. С. 278.

²¹ Шепелев И. С. Указ. соч. С. 392, примеч. 1; Леонтьев Я. В. Указ. соч. С. 78, 93, примеч. 23. В отписке Н. Д. Вельяминова Я. Сапеге — единственном источнике, сообщающем о том, что рать Д. В. Жеребцова возле Ипатьевского монастыря включала и сибирских ратных людей, — напомним, говорится о стрельцах и казаках. О. В. Семенов высказался осторожнее, чем И. С. Шепелев и Я. В. Леонтьев: такие ратники находились в составе отряда бывшего мангазейского воеводы Жеребцова (Семёнов О. В. К вопросу о положении городов и уездов Зауралья накануне и в годы Смуты // МнЧ. Тр. науч. конф. С. 61).

²² Шепелев И. С. Указ. соч. С. 379. См. также: АИ. Т. 3. С. 11.

²³ Тюменцев И. О. Смута в России... С. 494. Вместе с тем волгоградский историк указал на то, что ещё при жизни Лжедмитрия II Н. Д. Вельяминов-Зернов стал служить польско-литовскому королю (Там же. С. 535). См.: АИ. Т. 2. С. 372. Мнение И. О. Тюменцева о взятии Ипатьевского монастыря ополченцами во главе с Д. В. Жеребцовым повторил А. П. Павлов.

²⁴ Шепелев И. С. Указ. соч. С. 493, 516. 28 июня 1609 г. в Москве ещё не знали, «седают» ли осаждённые Д. В. Жеребцовым «воры и литовские люди» в Ипатьевском монастыре (ААЭ. Т. 2. С. 239).

²⁵ Эскин Ю. М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири до-советского периода. Новосибирск, 1986. С. 44, 45, 50.

²⁶ Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1901. Ч. 4. С. 128, 131, 140, 144–146; Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 175, 249–250. Д. В. Жеребцов управлял Мангазеей с начала 1606 г. (подобно воеводам других сибирских городов). См.: Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 241–242.

сибирские стрельцы и казаки прибыли к Ипатьевскому монастырю из Вологды. Этот крупнейший город Поморья служил центром сопротивления «Тушинскому вору» на севере страны. По словам С. Ф. Платонова, Скопин-Шуйский направлял туда письменных голов руководить «всей операцией против тушинцев», которые весной 1609 г. «уже совсем были вытеснены с левого берега Волги»²⁷. Не исключено, что одним из таких голов (скорее всего, всё же воеводой) и являлся Жеребцов²⁸.

В период противостояния Москвы и Тушина действовал ещё один отряд (на пути от Вологды до Ипатьевского монастыря) сибирских стрельцов и казаков, присоединившийся к ополчению галичан, костромичей, нижегородцев, который возглавлял Д. В. Жеребцов. Второй отряд из трёх сотен сибирских казаков во главе с атаманом тобольского гарнизона Иваном Грозой (Грозой Ивановым), который считается одним из ближайших сподвижников Ермака, участвовал в походе Скопина-Шуйского из Новгорода в Москву, отличившись в боях возле Стромьинского острога (он располагался на пути между Троице-Сергиевым монастырём и столицей). Сослуживцем И. Грозы в этом походе был тюменский атаман Дружина Юрьев. Под началом одного из них тогда служил туринский пушкарь А. Фролов, если верить его челобитной, сражавшийся с «ворами» и «литвой» под Торжком, Переславлем Залесским, Александровой слободой, также он «ставил», будучи в отряде воеводы Ф. И. Леонтьева, острог «на Стромьине», где «литву побиили»²⁹. Не исключено, что среди этих служилых были и сургутяне с берёзовцами.

Грамота возглавлявшего Второе земское ополчение князя Д. М. Пожарского в Новгород (май 1612 г.) содержит упоминание о том, что «с сибирской многой ратью», включавшей татар и казаков, накануне из Ярославля пришёл царевич Араслан³⁰. Следуя этому свидетельству, многие историки считают сына сибирского хана Али участником возникшего в Нижнем Новгороде земского ополчения³¹. О действиях рати Араслана до конца 1612 г. сведений

---

²⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995. С. 254, 255, 259; Платонов С. Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 424. Напомним, что ещё в начале 1609 г. вологжане добивались отправки к ним сибирских казаков из Устюга, и эта просьба могла быть удовлетворена.

²⁸ Предполагать, что Д. В. Жеребцов состоял в «понизовой рати» боярина Ф. И. Шереметева, не стоит, т. к. она лишь в июне 1609 г. из Чебоксар (где зимовала) на судах прибыла в Нижний Новгород. Во время осады Ипатьевского монастыря отряд Жеребцова, переправившись 11 июня 1609 г. через реку Кострому, нанёс серьёзное поражение «ворам» и «литве», а впоследствии участвовал в Калязинском сражении. См., напр.: Шепелев И. С. Указ. соч. С. 404, 472, 493, 516.

²⁹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 81–82; Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 189. Об этом походе рати Скопина-Шуйского см., например: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1965. Т. 14. С. 90–92; М., 1978. Т. 34. С. 250–252. В челобитной А. Фролова речь идёт о сооружении Стромьинского острога Фёдором Исаковым.

³⁰ Он именуется также Алп Арсланом ибн Али, Арсланом, Арасланалеем. Тремя годами ранее этот старший сын хана Али (Алея), сделавшийся в 1614 г. касимовским царём, жил в Нижегородском крае.

³¹ Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 114; Корецкий В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). Сборник статей памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шункова. М., 1973. С. 58–59; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 58; Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 365, примеч. 30; Пузанов В. Д. Военная политика... С. 67; Беляков А. В. Чингисиды в Смуту. С. 69, и др. Утверждать, подобно Р. Г. Скрынникову, будто Араслан Алеевич участвовал в освобождении Москвы, однако, нет оснований (Солодкин Я. Г. Из истории Сибири первой

не сохранилось, известно лишь, что в ноябре того же года он находился в Ярославле и воевал с казаками (по-видимому, «воровскими»), а в следующем месяце привёл в Вологду «для обереганья» большой отряд дворян, детей боярских, татар и казаков³². Сообщая о пополнении войском сына Али³³ ярославской рати, Д. М. Пожарский «с товарищи», возможно, стремились подчеркнуть многочисленность земских сил, включавших даже «сибирцев».

14 января 1613 г. находившиеся во главе временного правительства князь Д. Т. Трубецкой и князь Д. М. Пожарский послали в Пермь грамоту, предписав местным властям выдать годовое жалование отпущенным из Москвы в Сибирь тарским и берёзовским казакам Бажену Кулаку и Ивану Бессмертному «с товарищи»³⁴. Эти казаки накануне могли привезти в столицу недавно освобождённую от войск Речи Посполитой ясачную казну. Так как в грамоте, составленной всего за неделю до избрания на царство Михаила Романова, речь шла о годовом жаловании, не исключено, что названные сибирские служилые люди, как и атаман сургутских «литвы» и черкас Т. Деев, принимали участие в осаде Китай-города и Кремля, завершившейся 27 октября 1612 г. капитуляцией оккупационного гарнизона³⁵. Примечательно, что месяц спустя, 25 ноября, игумену вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Тихону местные власти приказали выдать «на корм» сибирским казакам атаману Бажену Кулаку «с товарищи» — 61 человека, и в тот же день, по памяти воеводы Г. Г. Пушкина, казаки Иван Булгаков, Семён Черной, Фёдор Поморец, Нехороший Тогуркин, Фёдор, Иван и Томило Вычегжане, Третьяк Корела, Анисим и Яков Ивановы взяли муку в житнице обители (15 четвертей с полуосминой)³⁶. Перечисленные казаки могли служить в разных сибирских гарнизонах, в том числе берёзовском и сургутском. Нельзя исключать, что Тогуркин — это прозвище, данное по Тогурскому устью Кети, где бывали сургутяне, в том числе годовальщики. (В 1611 г. там предполагалось выстроить острог, даже город взамен Кетского и Нарымского острогов)³⁷. Казаки же, имевшие прозвища «Вычегжанин» и «Корела», уже с конца XVI в. встречались в рядах сургутского гарнизона³⁸.

половины XVII в. (военно-политический, административный и культурный аспекты) // *Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки* (далее — ЗС). Тюмень, 2004. Вып. 6. С. 28, примеч. 31), как и думать вслед за В. И. Корецким, что до весны 1612 г. происходил сбор сибирских служилых людей для «посылки на Русь».

³² Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 104; Беляков А. В. Чингисиды в Смуту. С. 69; Трепавлов В. В., Беляков А. В. Указ. соч. С. 362, и др.

³³ Подпись этого царевича имеется на грамоте к шведскому наместнику Новгорода Я. П. Делагарди с запросом «опасного листа» для проезда туда посольства «Совета всея земли» во главе с С. Л. Татищевым.

³⁴ ААЭ. Т. 2. С. 375–376. В публикации грамоты сказано о Бажене Иванове, Кулаке и тарском казаке Иване Бессмертном. Появившийся ранее документ, прежде не привлекавший внимания (о нём речь пойдёт следом), позволяет заключить, что Кулак — это прозвище Бажена Иванова. Об этом атамане см. также: РИБ. СПб., 1884. Т. 9. Стб. 187.

³⁵ Солодкин Я. Г. Из истории Сибири... С. 12. О Т. Дееве см., напр.: Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 401, 428, 430, 431; Древний город на Оби... С. 120. Известно, что тогда под началом боярина князя Д. Т. Трубецкого с «литвой» сражался и тобольский атаман И. Дурья. См., напр.: Никитин Н. И. Указ. соч. С. 77.

³⁶ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 364. Насколько известно, Б. И. Кулака не было среди берёзовских и сургутских атаманов.

³⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 427–431; Буцинский П. Н. Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 97–98.

³⁸ Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века... С. 135, 198–202; Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий: очерки ранней истории. Нижневартовск, 2018. С. 13, 16, 30, 32, 33.

Таким образом, в пору лихолетья, пережитого Московским царством в начале XVII в., служилые люди первых русских городов на Нижней и Средней Оби не только раз за разом передавали ясачную казну в распоряжение правительства Василия Шуйского и земских властей, но и участвовали на их стороне в боевых действиях против отрядов И. Болотникова, «Тушинского вора», польско-литовских захватчиков, тем самым они содействовали преодолению самого тяжёлого политического кризиса в истории средневековой России, который создавал угрозу потери государственного суверенитета.

Обстановка в самой Западной Сибири, в том числе Югорской земле, в Смутное время тоже была беспокойной. «Иноязычные люди» знали, что русские «меж собою секутца»³⁹, и в зауральских уездах тлела идея возрождения татарского государства «как было при царе Кучюме, пока в России царя нет»⁴⁰. Это способствовало подготовке выступлений против администраторов Берёзова и Сургута, представлявших часто сменявшихся московских государей, с целью восстановить юрт, существовавший «при Кучюме царе»⁴¹.

В летописном тексте конца XVII в. сообщается об «измене», случившейся при воеводе князе П. А. Черкасском. Тогда, по словам летописца, город Берёзов был осажден, и многие люди «побиты». На помощь берёзовцам из Москвы был послан отряд под предводительством И. И. Зубова, который прорвал осаду, освободил город, пленил и казнил «изменивших» присяге остяцких князцов⁴². С середины XVIII в. до настоящего времени бытует версия, получившая особенно широкое распространение в советской историографии, о восстании 1607 г. остяков и самоедов Берёзовского края, когда «иноземцам» вновь, как и в 1595 г., удалось осадить уездный центр. Однако Е. В. Вершинин оспорил оценку событий 1607 г.⁴³ в Берёзовском уезде как восстания остяков и обдорских самоедов. В своих работах он убедительно показал, что заговорщики лишь намеревались с двухтысячным войском подойти к Берёзову. Казаки берёзовского гарнизона сообщали (о чём известно по царской грамоте от 10 января 1608 г.), что они, когда ясачные люди этого уезда выступили против русских, «на Берёзове сидели в осаде два месяца, и около города ров копали ... и многих изменников переимали». По восьми ясачным волостям Берёзовского уезда князь П. А. Черкасский разослал казаков для поимки «пущих воров». В то же время часть гарнизона занималась укреплением города на случай его осады. Восстание так и не вспыхнуло, а «заводчиков» готовившегося мятежа арестовали и по приговорам воеводы и самого царя казнили. Василий Шуйский распорядился выдать берёзовским служилым людям по полтине на человека, но только за «городовое дело», о других службах в государевой грамоте не сказано.

В период «разорения русского» (как определил В. Н. Татищев лихолетье, пережитое Россией в 1604–1618 гг.), когда правительство испытывало особую потребность в «пушной валюте»,

³⁹ Буцинский П. Н. Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 286–287; Шепелев И. С. Указ. соч. С. 276; Миненко Н. А. Указ. соч. С. 57.

⁴⁰ АИ. Т. 3. С. 1; Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 181; Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Указ. соч. С. 321.

⁴¹ Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 1. С. 290; Трепавлов В. В., Беляков А. В. Указ. соч. С. 72.

⁴² ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 143. В других редакциях СЛС этого известия нет.

⁴³ Об этих событиях (которые порой датировались 1606–1608 гг., см.: Наш край в документах и иллюстрациях. Б. М., 1966. С. 42) нам в основном известно по грамоте царя Василия «на Берёзов» от 10 января 1608 г., и относить их к тому же году, как поступил А. С. Хромых, не приходится. Подробнее см. ниже, в разделе II настоящего тома.

сургутяне (например, в 1614 г. стрельцы А. Лызлов, Ф. Аменов, Д. Данилов) и берёзовцы, в том числе годовавшие в Нарымском остроге, постоянно ездили в Москву с челобитными либо с «ясачной» казной и документами. В апреле 1608 г. царские грамоты из Москвы «на Верхотурье» привёз давно служивший в Берёзове М. Кашмылов, а через полтора года И. Аргунов, накануне сумевший бежать в Москву из тушинского плена, доставил такую грамоту в Пермь; по пути, в Соли Камской он сообщил горожанам о поражении «Тушинского вора» близ Москвы и вступлении отрядов М. В. Скопина-Шуйского в Троице-Сергиев монастырь. Как писал А. В. Малов, особенно частыми «дальние инкассаторские службы» сибирских служилых становятся с первых месяцев царствования Михаила Фёдоровича. Ровно за шесть лет, начиная с 29 декабря 1613 г., свыше 70 человек, т. е. почти каждого четвертого (трое из них являлись целовальниками, а 20 — мангазейскими годовальщиками), и 31 служилого и жилецкого человека (в том числе двух целовальников), прибывших в Москву из Берёзова, Тобольска и Мангазеи, наградили сукнами «за сибирский приезд» в Казённом приказе, причём 15 из них — дважды⁴⁴, а казака Г. Чоглокова — трижды. Интенсивность посещений сибирскими служилыми людьми Москвы, опять-таки с соболиной казной, заметно возрастает с 1617 г.⁴⁵ «Пики» награждений берёзовцев приходятся на 1616 и 1619 гг., когда ясак в «царствующий град» мог доставляться как минимум два-три раза в год.

Берёзовцев и сургутян, приезжавших в Москву, часто жаловали одновременно со служилыми Тобольска, Томска, Тары, Тюмени, Верхотурья, Кетского, Нарымского, Туринского острогов. Это обстоятельство позволяет думать, что станицы, направлявшиеся с «ясачной» казной в столицу в последние годы «межъусобной брани», объединяли служилых из двух и более уездов «далечайшей государевой вотчины».

Поездки в Москву, являвшиеся в то время средством поощрения, «имели для казаков существенное экономическое значение», ведь там им выдавали полугодовое жалованье за текущий год, подённый «корм», в том числе на обратный путь (6–8 рублей в сутки), отрез сукна, а также предоставляли (при отъезде) казённые подводы, чтобы везти приобретённые товары — «покупочную рухлядь»⁴⁶.

В начале XVII столетия берёзовцы продолжали годовать в Мангазее, более того, служба там рассматривалась как самая важная среди тех, которые выполнялись казаками и «литвой» первого русского города в Нижнем Приобье⁴⁷. Как сетовали воеводы, именно из-за этого

⁴⁴ Среди них был служивший «на Берёзове» едва ли не со времени его основания, по меньшей мере с 1607 г., казак В. Юрьев, следом в течение нескольких лет являвшийся приказчиком туринских пашенных крестьян. См.: АЮБ. Т. 2. С. 294–295, 300; т. III. Стб. 372; Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 240; Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 189; Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири... С. 109–110.

⁴⁵ ААЭ. Т. II. С. 375; АИ. Т. II. С. 313; АВП. С. 44, 368, 369; Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. I. С. 417; т. II. С. 240; РИБ. Т. II. Стб. 179–180, 191; Первое столетие сибирских городов: XVII век (далее — ПССГ). Новосибирск, 1996. С. 39; Древний город на Оби... С. 116; Ульянова А. Е. Структура сургутского казачьего гарнизона... С. 19–20; РСНЮ. С. 154, примеч. 8; с. 342, 343; История Ямала. Т. 1. Кн. 2. С. 147; Малов А. В. Приезды в Москву берёзовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным приходо-расходных книг Казённого приказа) // МЧ: Материалы Рос. науч. конф. СПб., 2015. Вып. 10. С. 159, 162, 163, 165–168.

⁴⁶ Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 91. Ср.: Пузанов В. Д. Военная политика... С. 83.

⁴⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. I. С. 420; т. II. С. 255; РИБ. Т. II. С. 288. В 1607 г. «на тундре... на Енисее» годовал П. Борисов, по допущению Ю. М. Эскина, берёзовец (Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 52). Берёзов-

подчас в Берёзове не оставалось и третьей части гарнизона. В 1610 г. сургутские казаки, быть может возвращавшиеся из Москвы или Пермского края, сопровождали беглых крестьян из Туринска в Тюмень⁴⁸.

Берёзовцы не раз занимались ремонтом и сооружением новых укреплений своей крепости. Царской грамотой от 10 апреля 1607 г. удовлетворялась просьба жителей Берёзова, построивших 15 дворов близ Воскресенского храма, сооружённого двумя годами ранее за пределами города⁴⁹, «острогу прибавити», что должны были сделать сами казаки, «как с службы съедутся». В течение двух месяцев берёзовцы «около города ров копали, и во рву острог (часть кол. — Я. С.) ставили, и город крепили» на случай повторной осады его «иноземцами» (как показал Е. В. Вершинин, до этого дело не дошло). 16 апреля 1610 г. царь Василий приказал расширить в Берёзове острог, «поделать» около него надолбы и выкопать ров⁵⁰, очевидно, силами местных служилых, можно предположить, опять-таки из-за «шатости» среди остяков и самоедов. В 1617 г. «всем Берёзовым городом» его жители — 330 служилых, ружников и обротчиков — «ставили острог и Лесную башню». Десятилетием прежде в Мангазее «ставили городо[вую] стену и острог крепили»⁵¹, очевидно, с участием не только промышленных и торговых, но и служилых людей — годовальщиков из Тобольска и Берёзова.

В пору «разорения русского» Берёзовым и Сургутом сперва (так бывало и прежде) управляли по одному воеводе и одному письменному голове, затем — по два воеводы⁵², для многих из которых пребывание на сибирской «украине» стало немаловажной вехой административной, да и военной карьеры.

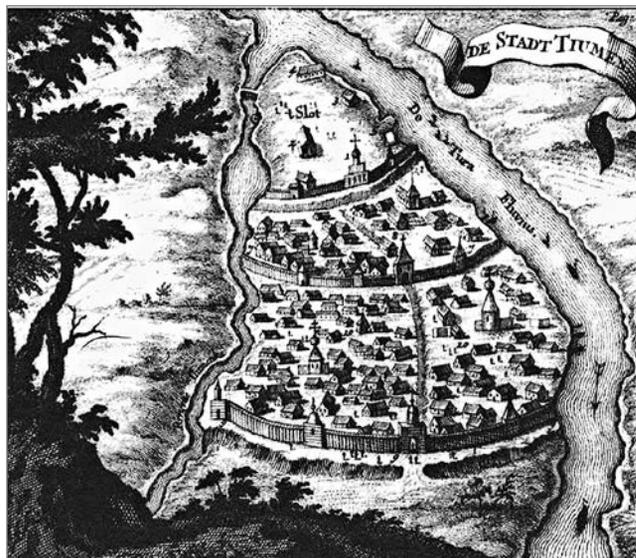

Рис. 1.25. Город Тюмень. Гравюра конца XVII в. // Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Н. Витсен; пер. с голландского В. Г. Трисман. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 1043

цев «командировали» в Мангазею до начала 1630-х гг. (РИБ. Т. VIII. С. 353; ОКМ. С. 137, 176; Пузанов В. Д. Военная политика... С. 69, 117, 118).

⁴⁸ ААЭ. Т. II. С. 279.

⁴⁹ В Сургуте в 1612/13 г. внутри острога (кремля) была построена Свято-Троицкая церковь (Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в. // СР. 2020. № 1 (45). С. 118, 122, 124, 125), вероятно, взамен обветшавшей за предыдущие годы. В 1607 г. в Берёзов и Сургут с Руси, как и раньше, для нужд храмов посылали церковное вино, воск, ладан, писчую бумагу, книги. См.: Манькова И. Л. Указ. соч. С. 230, 232.

⁵⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. II. С. 240, 255.

⁵¹ Эскин Ю. М. Указ. соч. С. 46, 50.

⁵² Полагать, что в Берёзове наряду с Тобольском в первые годы XVII в. была сосредоточена «главная администрация» Сибири (Шепелев И. С. Указ. соч. С. 278), явно не приходится.

Рис. 1.26. Берёзовский кремль.
 Вид с реки Северная Сосьва. Конец XVI в. Рисунок-реконструкция.
 Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов //
 Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков
 (краткие результаты комплексного археологического исследования).
 Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого /
 Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Ханты-Мансийск ;
 Нефтеюганск ; Сургут, 2022. Вып. 20. С. 146–147

Ороли воевод и письменных голов на необозримых пространствах, раскинувшихся за Уралом, выразительно сказано в грамоте царя Бориса верхотурским администраторам князю И. М. Вяземскому и Г. С. Салманову от 25 июня 1599 г.: «Во всем есмь положили наше дело на вас»⁵³. В условиях вскоре наступившей Смуты роль воевод в управлении краем ещё более возросла.

В 1605–1608 гг. от имени московских государей крепостью, расположенной близ устья Северной Сосьвы, распоряжались воевода князь П. А. Черкасский и письменный голова И. И. Зубов⁵⁴. П. А. Черкасский упоминается в документах с 1585/86 г., когда был направлен в Новгород, где шла подготовка к походу против шведов. Три года спустя, накануне очередной русско-шведской войны, князя снова собирались «прислать» в Новгород. В «разрядах» за 1592/93 г. П. А. Черкасский значится среди воевод

«у Спаса на Неве», т. е. в местности, которая служила ареной боевых действий в ходе этой войны. Также он фигурирует в перечне «дворян больших с Москвы» — членов Земского собора, избравшего в 1598 г. Бориса Годунова на царство⁵⁵.

В поход против Лжедмитрия I П. А. Черкасский снарядил шесть всадников, что может свидетельствовать о размерах его земельных владений. Ко времени сибирской службы, которую считать ссылкой нет оснований⁵⁶, знатного князя из стольников произвели в московские дворяне⁵⁷. Вернувшись «на Русь», П. А. Черкасский оказался в составе «воровской» администрации Ярославля, но в июне 1609 г. перешёл на сторону царя Василия⁵⁸.

И. И. Зубов принадлежал к кругу видных смоленских дворян. По возвращении из Сибири, в конце ноября 1608 г., он приехал в Тушино, где его пожаловали в думные дворяне, затем «напросился» в Смоленск, чтобы привести этот город к присяге на имя Лжедмитрия II,

⁵³ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 373.

⁵⁴ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 151; ОКМ. С. 160–162, 180. Они получили назначение в эту крепость при Лжедмитрии I (Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 78, 242).

⁵⁵ Мордовина С. П. К истории Утверждённой грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 141; БСР. Ч. 1. С. 125; Разрядная книга 1475–1605. М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 65; ч. 3. С. 49; Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI–нач. XVII вв. М., 1994. С. 158.

⁵⁶ Ульяновский В. И. Российские самозванцы. Лжедмитрий I. Киев, 1993. С. 93, примеч.; Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Фёдоровича. М., 2005. С. 61.

⁵⁷ БСР. Ч. 1. С. 255; Ч. 2. С. 91; Тюменцев И. О. Смута в России... С. 348–350, 356, 380, примеч. 191.

⁵⁸ ААЭ. Т. 2. С. 236.

однако был арестован в Дорогобуже как виновник «смуты». Если верить «Новому летописцу», в 1618 г. И. Зубов посылался королевичем Владиславом к Москве «для того, чтобы прельстить» её жителей, но польского эмиссара опять схватили и сослали⁵⁹.

В течение 1608–1611 гг. администраторами «Берёзова города», который накануне одновременно с Верхотурьем получил собственную печать⁶⁰, являлись Степан Волынский (родной брат второго тюменского воеводы примерно того же времени) и письменный голова Юрий Стромиллов.

С. И. Волынский, владевший вотчинами в Луховском уезде, в начале царствования Михаила Фёдоровича воеводствовал в городе Болхове, защищая его. Позже, в ранге посланника, побывал в Англии. Он принимал участие в обороне Москвы от войск королевича Владислава, находился на «берегу» («на Туле») в ожидании вторжения татар, в 1620/21 г. служил на Тереке. Вернувшись в Москву, он доложил в Казанский приказ, который тогда управлял землями на востоке страны, о прежней «шатости» остяков и «самояди» в Берёзовском и Сургутском уездах. Итогом его сообщения стало то, что в городах Югры было решено сохранить постоянные гарнизоны и не заменять их годовальщиками⁶¹.

«Сиденье» в Берёзове, таким образом, может считаться пиком административной карьеры П. А. Черкасского и И. И. Зубова, а стольнику С. И. Волынскому, как и его сослуживцу Ю. Я. Стромиллову, сделавшемуся дворянином московским, приобретённый в одном из первых городов Северо-Западной Сибири опыт управленческой деятельности позволил затем небезуспешно выполнять аналогичные функции в европейской части страны.

В 1611–1613 гг. администрацию Берёзова возглавлял князь И. М. Барятинский⁶², в котором (как говорилось ранее) воеводствовал ещё в 1601–1602 гг. Любопытно, что в 1611 г., видимо, будучи в Берёзове, он настойчиво добивался от Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого, вождей земского ополчения («подмосковных полков»), возвращения своей бывшей вотчины в Юрьевецком уезде — сельца Палашкино и деревни Середниковой, которой с 1602 г. владел владимирский Рождественский монастырь⁶³.

В помощь воеводе И. М. Барятинскому князья Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский в октябре 1612 г. отправили С. И. Чемоданова (Шестакова), ранее воеводствовал в Соли Выче-

⁵⁹ АИ. Т. 2. С. 161–162, 173; Мальцев В. П. «Ключ государства Московского» // Исторические записки. М., 1940. Кн. 8. С. 79–81; Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 9, 169–173; ПСРЛ. Т. 14. С. 141; Шепелев И. С. Указ. соч. С. 320–321; Тюменцев И. О. Смута в России... С. 456, 535, 592.

⁶⁰ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 230. «На Берёзов» С. И. Волынского и Ю. Я. Стромиллова назначили в феврале 1608 г. См.: Белокуров С. А. Разрядные записки... С. 49, 249, 250.

⁶¹ Книги разрядные по официальным оных спискам (далее — КР). СПб., 1853. Т. 1. Стб. 682–686; Акты Московского государства (далее — АМГ). СПб., 1890. Т. 1. С. 140; РК. Т. 2. Вып. 2. С. 281, 328; БСР. Ч. 1. С. 252; Боярская книга 1627 г. (далее — БК). М., 1986. С. 68; ТАД. С. 184; Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Ч. 1. С. 182, 198, 201, 202, 291–295; ОС. С. 38, 127, 231.

⁶² Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 74; Солодкин Я. Г. О начальном этапе сибирской ссылки // ЗС. Нижневартовск, 1998. Вып. 1. С. 19; Солодкин Я. Г. Воеводы и головы Берёзова с первых лет его существования // Там же. Тюмень, 2001. Вып. 4. С. 12–13. И. Д. Шабалина вслед за А. П. Барсуковым утверждает, будто С. И. Волынский и Ю. Я. Стромиллов управляли Берёзовым до 1614 г. (Шабалина И. Д. Берёзов в подлинных рисунках и документах // МЧ 2009. Берёзово, 2010. С. 79).

⁶³ Кистерев С. Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий (далее — РД). М., 2000. Вып. 6. С. 146–147.

годской⁶⁴. С. И. Чемоданов, выборный суздальский дворянин с высшим окладом (600 четвертей), участвовал в заседаниях «избирательного» Земского собора 1598 г.⁶⁵ Весной 1605 г. из-под Кром, когда правительственная армия перешла на сторону Лжедмитрия I, бежал в Москву. От царя Василия Шуйского получил в вотчину костромские и нижегородские земли, очевидно, за столичное «осадное сиденье» 1608–1610 гг. Он (умерший в 1630 г.) принадлежал к «сильным людям» времени Михаила Фёдоровича, был тогда близок ко двору⁶⁶.

«Сургуцким городом» в «смутные лета» поначалу, во второй половине 1605–1608 гг., ведали воевода князь И. Ф. Жировой-Засекин и письменный голова Г. И. Тушин⁶⁷.

И. Ф. Жировой-Засекин, принадлежавший к альянсу ярославских князей, в 1583/84–1584/85 гг. нёс службу на «берегу» в ожидании нападений крымских татар, в 1588/89 г. посылался в Новгород, очевидно, в намечавшийся поход против Швеции. В 1590/91–1599/1600 гг. вновь отправлен в поход против шведов — у Копорья и возле устья Невы, близ Нарвы (Наровы), потом воеводствовал в Осколе, Михайлове, Рязани, Пронске, Крапивне, Ельце, Ливнах, а в Серпуховском походе нового царя Бориса был головой в государевом полку⁶⁸. В течение 1603–1604 гг. князь являлся одним из воевод выдвинутого против крымских татар сторожевого полка, размещавшегося в Орле, Новосили, Мценске и Брянске, а в первые месяцы 1605 г. управлял Переславлем-Залесским. В боярском списке 1606/07 г. И. Ф. Жировой-Засекин назван среди московских дворян⁶⁹. В мае 1610 г. И. Ф. Жировой-Засекин получил жалованную грамоту на вотчину в Рязанском уезде за участие в обороне Москвы от войск Лжедмитрия II⁷⁰.

⁶⁴ Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958. С. 59.

⁶⁵ Мордовина С. П. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 года // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 61; БСР. Ч. 1. С. 112, 186, 197; Разрядная книга 1475–1605. Т. III. Ч. II. С. 161. Известно, что в царствование Фёдора Ивановича подмосковные владения С. И. Чемоданова и его брата Ивана были «отписаны на государя». Тем не менее в 1597/98 г. С. И. Чемоданов дал богатый вклад в Троице-Сергиев монастырь (Писцовые книги XVI века. Отд. I. СПб., 1872. С. 77; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 125–126).

⁶⁶ РИБ. Т. 9. Стб. 523; т. XIII. СПб., 1909. Стб. 42; Гурлянд И. Приказ сыскных дел // Сборник статей по истории права, посвящённый М. Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Киев, 1904. С. 91, 95; Бенешевич В. Чемоданов, Семён Иванович // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 23. С. 145; ОС. С. 39, 498; Рос. гос. архив древних актов. Ф. 181. Оп. 1. Д. 86. Л. 4 об.

⁶⁷ В Сургут этих администраторов назначили в царствование Лжедмитрия I (Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 242), вероятно, вскоре после того, как в Москву новоявленным «цесарем» был отозван Ф. В. Головин (Эскин Ю. М., Граля И. «Новины Московские». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 475, примеч. 31), прежний сослуживец которого Г. И. Писемский с осени 1604 г. управлял Томском. В составленном Е. В. Вершининым перечне сургутских «градодержателей» конца XVI–XVII вв. Г. И. Тушин не значится (Вершинин Е. В. Воеводское управление... С. 166), хотя упомянут в ряде документов. См.: Обозрение столбцов и книг... Ч. 4. С. 128; Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 423.

⁶⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 416, 438, 439, 441, 461, 464, 480, 482, 483, 490, 496, 499, 523, 528–529; БСР. Ч. 1. С. 123; Разрядная книга 1475–1605. Т. 3. Ч. 2. С. 193, 195; ч. 3. С. 4, 26, 44, 46, 48, 82, 100, 105, 112; Глазьев В. Н. Структура власти в городах-крепостях на «Поле» в конце XVI века // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Воронеж, 1997. Вып. 2. С. 7, 10; Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 61, и др.

⁶⁹ РК. Т. 2. Вып. 1. С. 143, 154, 157, 164, 179, 199, 201, 209, 216; БСР. Ч. 1. С. 255; Разрядная книга 1475–1605. М., 1994. Т. 4. Ч. 1. С. 55, 60, 65, 67, 81, 100.

⁷⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1998. Т. 2. С. 153–154.

Г. И. Тушин числится в нескольких документах, начиная с 1588/89 г., как выборный по Ржеве Владимировой с окладом 500 четвертей⁷¹. Снова оказавшись «на Руси», Тушин вошёл в состав администрации Ярославля, подвластного Лжедмитрию II, но в июне 1609 г. перешёл на сторону царя Василия⁷².

Согласно наказу от 16 февраля 1608 г., Сургутом стали управлять воеводы Ф. В. Волынский (Щепа) (одновременно его брат Василий занял пост первого томского воеводы) и И. В. Благой (Благово)⁷³. Ф. В. Волынский в 1598/99 г. являлся стряпчим, в 1604–1613 гг. — стольником. Вскоре после вторжения отрядов Лжедмитрия I в южнорусские уезды будущий сургутский воевода, снарядивший в поход против Самозванца одного всадника, послался за служилыми людьми в Рязьск. Ф. В. Волынский участвовал в осаде Калуги, занятой болотниковцами, по предположению П. Г. Любомирова, сражался с поляками и «литвой» в рядах нижегородского ополчения, видимо, был членом Земского собора 1613 г., после чего отправлен на воеводство в Коломну, затем, будучи отныне московским дворянином с окладами 135 рублей и 1100 четвертей, возглавил гарнизон Новгорода-Северского⁷⁴. В 1617 г., когда войска королевича Владислава вторглись в Россию, Ф. В. Волынский защищал Можайск, за что был награждён вотчиной в Нижегородском уезде. В 1620-х гг. видный дворянин был воеводой в Самаре, Вязьме, Архангельске. В 1632–1634 гг., т. е. во время Смоленской войны, Ф. В. Волынский командовал гарнизоном Дорогобужа, в 1641 г. уже в чине окольного руководителя комиссией дьяков и подъячих, осуществивших правительственную ревизию Троице-Сергиева монастыря, и верстал новичков — детей боярских и некрещёных татар⁷⁵.

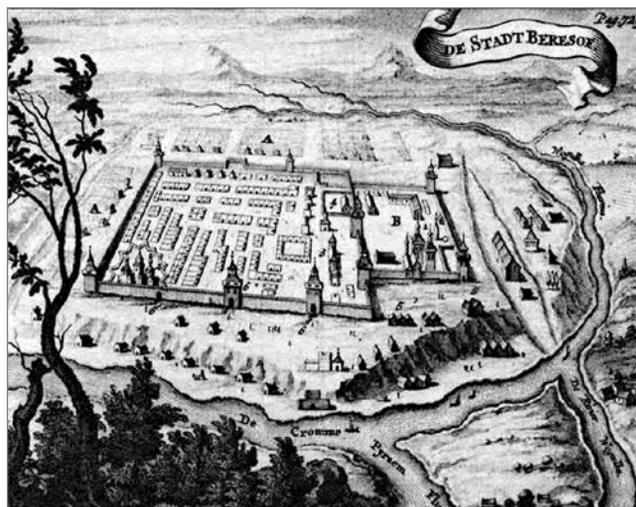

Рис. 1.27. Город Берёзов. Гравюра конца XVII в. // Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Н. Витсен ; пер. с голландского В. Г. Трисман. Амстердам : Pegasus, 2010. Т. 2. С. 910

⁷¹ БСР. Ч. 1. С. 138, 202, 282, 310, 334.

⁷² ААЭ. Т. 2. С. 236.

⁷³ Обзорение столбцов и книг... Ч. 4. С. 128, 144. Об их воеводстве см., например: Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 421, 423, 428–431; АВП. С. 363–374; ПССГ. С. 38–41. Мнение о «посылке» Ф. В. Волынского на сургутское воеводство в опале (Павлов А. П. Указ. соч. С. 133, примеч. 44) неверно. В одной разрядной записи сказано об отправке в 1607/08 г. годоватей воеводами И. В. Благого «на Берёзов», а Ю. Я. Стромиллова — в Сургут (Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 250). Остальные документы, в том числе «разряды» (см.: Там же. С. 49, 92, 94, 122, 148, 149, 175), а также СЛС обнаруживают ошибочность таких сведений.

⁷⁴ ДР. Т. 1. Стб. 1189; Сторожев В. Материалы... Вып. 2. С. 79; Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 260, 277; РК. Т. II. Вып. 2. С. 281, 288–289; БСР. Ч. 1. С. 181, 249; Ч. 2. С. 30; Разрядная книга 1475–1605. Т. 4. Ч. 1. С. 80.

⁷⁵ ДР. Т. 1. Стб. 565–566, примеч. 2; Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 363, 369, 374; АМГ. Т. 1. С. 495, 497, 523, 524, 606; ПСРЛ. Т. 14. С. 144, 145; РК. Т. II. Вып. 2. С. 302, 328, 330, 336, 339, 375; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. С. 193, 194; Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004. С. 31, 36, 39, 71–72; ОС. С. 43, 127, 231.

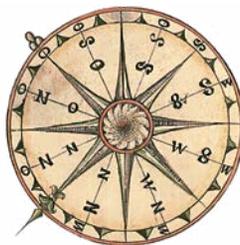
Рис. 1.28. Визель А.Г. Ермак Тимофеевич. Линогравюра 1985 г.

После отъезда Ф. В. Волынского (не раньше мая 1612 г.) и до прибытия в город «вверх Оби» Е. Ф. Корсакова и И. Ф. Зубатова (март 1614 г.) Сургутом в одиночку ведал И. В. Благой (Благово)⁷⁶ — дворянин московский, рязанский вотчинник. Всего в нарушение сложившейся административной практики он провёл в этом городе свыше шести лет, что, разумеется, объясняется условиями «межъусобной брани» в Московском государстве.

Согласно распоряжению царя Василия, И. В. Благой оказался в Сургуте после того, как, будучи назначенным в Берёзов, он вступил в местнический спор с определённым туда на воеводство С. И. Волынским⁷⁷.

По возвращении из Сибири И. В. Благой управлял Вагой, что в Поморье, участвовал в обороне Москвы от польско-литовских войск, «сидел» в Севском остроге. Во второй половине 1620-х гг. находился в сторожевом полку на южной окраине страны в ожидании татарского набега, ведал Крапивной и Вязьмой⁷⁸.

В заключение можно с уверенностью сказать, что в сложные годы истории Российского государства Югорские земли стали для Москвы источником регулярного получения «мягкой рухляди», своего рода валюты этого времени. Многие служилые люди, деятельность которых была связана с участием в строительстве городов и укреплений в Западной Сибири, стали участниками борьбы за сохранение независимости страны, воевали в составе ополчений.

⁷⁶ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 432; т. 2. С. 262, 264, 265; Акты времени междоусобия (17 июля 1610 – 1613 г.). М., 1915. С. 50, 61; Древний город на Оби... С. 116. В последней книге Ф. В. Волынский почему-то именуется Михайловичем. Свидетельство о том, что Ф. В. Волынский и И. В. Благой управляли Сургутом в 1613/14 г. (ДР. Т. 1. Стб. 154), неточно, как и утверждение (см.: Вершинин Е. В. Воеводское управление... С. 166), будто И. В. Благой (Благово), ведал этим городом до 1613 г.

⁷⁷ КР. Т. 1. Стб. 891–892; Разрядная книга 1475–1605. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 5. А. П. Барсуков, использовавший одну из поздних редакций СЛС («Записки, к сибирской истории служащие»), ошибочно полагал, что князь Ф. А. Козловский и А. И. Ширин в Берёзове, а Ф. В. Волынский и И. В. Благой в Сургуте «сидели» дважды — то в 1600–1601 и 1623–1624 гг., то на протяжении 1598/99–1599/1600 и 1600/01–1605/06 гг. См.: Списки воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 14, 15, 221.

⁷⁸ ДР. Т. 1. Стб. 459; КР. Т. 1. Стб. 387, 524, 719, 761; АМГ. Т. 1. С. 208, 213, 292; РИБ. Т. 28. М., 1912. Стб. 799–800; РК. Т. 2. Вып. 2. С. 343, 349; ПСРЛ. Т. 34. С. 265, 266; БК. С. 87; ОС. С. 37, 118, 216, и др. Местнический спор И. В. Благово с князем И. Ф. Шаховским остался «невершённым» (РК. Т. 2. Вып. 2. С. 346, 347).

идеть на вою првса Мисирь сволод ртви ница птаилъ пбра пала Д
они живеть во блити рздатъ на олтнхъ полдресе лпотоболъ ж
атара рздатъ алошхъ инаоныхъ Атоболъ палъ поуртвишь мна
пво близъ устоа Ликоше птаара Тртовишь палъ повь. Аше ртви
моръ Дома устоа Апоши живеть сстяем ксамозде рздатъ на олт
хъ Лпориатея рьбамн Апостери Карыши илвншамс мназатъ ора
на олтвльва Лпориатея сротомъ.

Часть 2

Северо-
Западная Сибирь
с начала XVII в.
до Петровских
реформ

Глава 1

Административная структура Югорского края

Рис. 2.1. С. В. Иванов. Стрельцы. XVII в.
Ил. из кн.: Картины по русской истории,
изданные под общей редакцией С. А. Князькова. Москва, 1909

Сначала делами Сибири ведал Посольский приказ, позже — Казанский, а в 1637 г. был учреждён приказ Сибирский — высшая правительственная инстанция для этого региона. Постепенно, но достаточно стремительно на зауральском пространстве стала распространяться общероссийская система административно-территориального деления. К концу XVII в. в Сибири образовалось четыре разрядных воеводства с двадцатью уездами. Разряды и уезды управлялись воеводами, назначавшимися из столицы. Они получали указы (особые инструкции), согласно которым их основными обязанностями были: поддержание мирных отношений с коренным населением

на подведомственных землях, обеспечение полной и своевременной выплаты ими ясака, пресечение злоупотреблений со стороны низовой администрации, объясачивание новых племён и территорий.

В самом начале освоения Сибири государственная администрация игнорировала традиционное для коренных народов деление, за исключением нескольких княжеств бассейна Оби. В результате чего, когда новые построенные города, остроги и зимовья становились уездными центрами, в одном уезде могло оказаться несколько местных родов или один род мог быть расчлёнён между двумя-тремя уездами. Однако, столкнувшись с проблемой рациональной организации ясачных выплат, правительство решило оставлять в неприкосновенности территории древних родоплеменных единиц, а также достаточно прочных и лояльных к правительству групп коренного населения. Так появились ясачные волости, т. е. административные округа, границы которых совпадали с расселением родов и племён. По мере

приведения к шерти новых народов Сибирь покрывалась сетью таких волостей. Земли, где население оказывалось слишком редким и не имело более-менее постоянной оседлости, не объединяли в волости, а приписывали к ближайшему русскому населённому пункту.

В Западной Сибири хантыйские владения и их княжеские династии существовали долгое время и после вхождения в состав России: у кодских хантов — до 1640-х годов, у обдорских — до второй половины XIX в. Территории уездов в Сибири формировались постепенно, по мере основания городов, которые становились уездными центрами. Прежние туземные княжества Югры превращались в ясачные волости, которые и составляли территорию уезда. В городах «беспашенных» уездов Северо-Западной Сибири сосредотачивались русские поселенцы, и внимание местных управленцев было направлено главным образом не на территории уездов как таковых, а на их коренное население, плательщиков ясака.

Процесс складывания уездной территории можно проиллюстрировать следующим примером. Воевода Сургута князь Я. П. Борятинский в 1601 г. отправил к реке Пур атамана Б. Зубакина с отрядом для приведения к шерти родов местных самодейцев, обязав тех платить ясак и приезжать для этого в Сургут. Воевода ещё не был осведомлён, что в том же 1601 г. князем Шаховским была заложена Мангазея, а самоеды, которые проживали по рекам Пур и Таз, уже стали свозить ясак в это новое поселение. Я. П. Борятинский сообщил об этом московским приказным служителям, на что они ответили простым решением: «А будет им ясак платить ближе в Монгазейский острог, и вы б им велели ясак платить в Монгазейский острог и о том в Мангазею отписали»¹. Следовательно, территории уездов поначалу складывались по принципу объясачивания коренного населения по инициативе воеводского начальства того или иного города.

Уже в конце XVI в., по мере продвижения России в Сибирь, формируются органы управления территориями за Уралом. В период основания в Сибири первых русских городов восточные уезды находились в компетенции Посольского приказа, который возглавлял дьяк А. Щелкалов. После его отставки в июне 1594 г. эту должность занял его брат В. Щелкалов. Однако вскоре были образованы новые приказы — чети (четверти), и приуральские и зауральские земли были поделены между ними. С июня 1596 г. по декабрь 1598 г. Сибирью ведала четь дьяка И. Вахромеева, с 1599 г. восточные владения перешли под начало приказа Казанского дворца², из которого в феврале 1637 г. был выделен Сибирский приказ, созданный по тому же территориально-функциональному принципу.

В Московском государстве XVI в. наблюдалось разнообразие форм и органов местного управления. В первой половине столетия были распространены традиционные для Руси того времени наместничества с кормлениями, отменённые в ходе земской реформы 1555/56 г. Однако отмирание подобной системы произошло не сразу. В некоторые города наместники с правом кормления назначались вплоть до 1580-х годов. В ряде регионов, особенно северных, местной властью стали земские выборные органы. В тот же период, во второй половине XVI в., появилась воеводская форма местного управления. Особенностью её становления был постепенный, эволюционный характер. Внедрение воеводского управления не было порождено какими-либо централизованными правительственными мерами,

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 113–115.

² Вершинин Е. В. Местное управление на землях Приуралья в XVI в. // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2003. С. 18.

сопровождавшимися законодательным подтверждением. А. А. Зимин отмечает, что во второй половине XVI в. «власть наместников-кормленщиков постепенно заменилась воеводским управлением» и что «ход этого процесса должен послужить предметом специального исследования»³. Однако с тех пор выявленная проблема пока так и не стала предметом конкретно-исторического изучения. Из более поздних исследований по истории Европейской части России той эпохи ближе всего к решению этого вопроса подошли, вероятно, И. П. Ермолаев и А. П. Павлов.

И. П. Ермолаев первые попытки установления власти воевод соотнёс с налаживанием управления в Казанском крае после его завоевания. По его мнению, именно там, в Среднем Поволжье, «сформировалась система воеводского управления», которая в начале XVII в. была введена уже во всё государство⁴. В целом, эта мысль лишь развивает взгляды историков XIX в. — Б. Н. Чичерина, И. А. Андреевского и А. Д. Градовского, которые увязывают генезис института городских воевод с территориальным расширением России во второй половине XVI в. и со специфическими задачами политики правительства в новоприсоединённых владениях. Воевод посылали «на управление инородными племенами, где сбор податей не мог обойтись без военной руки»; «в Казани, Астрахани, Сибири после их покорения учреждены были воеводы», так как там «нужна была крепкая власть»⁵. Но подобные констатации не раскрывают причин, почему городские воеводы в начале XVII в. превратились в основное звено местного управления по всей стране.

По нашему мнению, дело заключалось в следующем. Земская реформа Ивана IV с отменой кормлений планировалась и начала осуществляться в сравнительно спокойный период развития русского государства. Однако потрясения второй половины столетия (опричный террор, долгая и разорительная Ливонская война, стремительное расширение территории страны на востоке, тяжёлый хозяйственный кризис 1570–1580-х годов) оказали деформирующее влияние на проведение реформы и её результаты. Кризис проявился, в частности, в том, что произошли «резкая убыль населения и громадное опустошение земель, которые, в свою очередь, повлекли за собой изменения во всей социально-экономической жизни страны»⁶. Уменьшение сельскохозяйственной продукции и работоспособного населения вынудило правительство увеличить податной гнёт, а также прибегнуть к закрепостительной политике. Именно в таких экстремальных обстоятельствах сбор налогов, вверенный некогда земским выборным властям, мог оказаться неэффективным⁷.

А. П. Павлов справедливо отмечает: «Становление и утверждение воеводской системы было обусловлено всем ходом социально-политического развития страны в конце XVI – начале XVII вв. ... Внешние же факторы не могли сами по себе привести к утверждению той или иной формы управления»⁸. Начальную стадию формирования системы воеводского управления А. П. Павлов датирует последней четвертью XVI – началом XVII вв. (до 1605 г.). Также автор

---

³ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 435.

⁴ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 5, 52.

⁵ Андреевский И. А. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 38; Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 52–53.

⁶ Колычёва Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 172.

⁷ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 4–9.

⁸ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 243.

Рис. 2.2. Город Тобольск. Гравюра конца XVII в. из кн.: Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Амстердам, 2010. Т. 2. С. 1043

указывает на появление в центральных районах и на севере страны в 1580–1590-х годах администраторов — «судей» и «приказных людей». А. П. Павлов, очевидно, прав, считая их прообразом воеводского управления, так как по существу это уже являлось воеводской формой власти, а в период Смуты лишь сменились термины⁹.

События Смуты породили ещё один комплекс неблагоприятных факторов, которые окончательно определили утверждение системы приказного воеводского управления. В эпоху гражданской войны и внешней интервенции власть воевод оформлялась во внутренних районах страны одновременно с утверждением самого термина «воевода» в значении регионального управленца, сочетавшего в уезде военную и гражданскую власть. Непосредственно после окончания Смуты, когда резко увеличились размеры налогообложения, такой местный администратор стал необходим в качестве «правительственного агента по финансовому управлению». Это определение принадлежит М. М. Богословскому, который утверждает, что земские выборные власти не располагали аппаратом принуждения, достаточным для надлежащего воздействия на налогоплательщиков. Кроме того, эти власти «слишком близко стояли к обществу», и «интересы плательщиков, их избирателей... были им ближе и дороже интересов государственного казначейства»¹⁰. По неполным данным, в 1614 г. воеводы управляли в 103 уездных городах, в 1616 г. — уже в 138¹¹, т. е. складывание воеводской формы управления являлось не единовременным процессом, а растянулось на несколько десятилетий.

Этот экскурс в историю административного устройства Московского государства был важен для констатации факта: становление общероссийской системы воеводского управления происходило в первые десятилетия присоединения и освоения Сибири. Как центральные,

⁹ Там же. С. 239–246.

¹⁰ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 266.

¹¹ Градовский А. Д. Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 2. С. 359.

так и местные органы управления зауральским пространством уже с самого начала не являлись какими-то особыми «колониальными» учреждениями. Воеводская администрация в Сибири складывалась в соответствии с теми же принципами и обладала теми же основными функциями, что и в европейской части России, хотя в местном управлении, конечно, присутствовали и специфические черты, порождённые этническим и природно-географическим разнообразием края¹².

Отличительным признаком местного управления в Сибири было учреждение разряда — административно-территориальной единицы более крупной, чем уезд. С 1590-х гг. главным городом региона стал Тобольск, основанный в 1587 г. С осени 1599 г. он являлся центром разряда.

Воеводам других западносибирских городов надлежало «обо всяких о тамошних делах обсылаться и писати в Тобольский город к воеводам, чтобы в сибирских городах меж воевод всякие дела были ведомы»¹³. С. В. Бахрушин объясняет создание Тобольского разряда удалённостью осваиваемой территории и, соответственно, необходимостью для московского правительства учредить единый административный центр на востоке государства, который координировал бы всё региональное управление. Сам термин «разряд» свидетельствует прежде всего о военных функциях администрации разрядного города¹⁴, которые превышали полномочия подчинённых ей воевод в уездах. При этом в Тобольск назначались два воеводы — главный и его «товарищ», — и только на первого возлагались функции разрядного воеводы. Такой порядок организации местного управления в конце XVI – начале XVII вв. был необычен для Центральной России, но сибирским уездным воеводам пришлось привыкать к нему.

До учреждения в 1629 г. Томского разряда сибирские уезды входили в состав Тобольского разряда, а их воеводам предписывалось по всем административным делам обращаться прежде всего в Тобольск и следовать распоряжениям главного разрядного воеводы. Но задуманная для Сибири последовательность инстанций (уездное начальство — разрядный воевода — центральный приказ) в действительности не всегда соблюдалась. В инструкциях уездным воеводам указывалось, что «о больших делах» они могут сноситься непосредственно со столицей, в то же время отправляя аналогичные донесения разрядному воеводе. В связи с расплывчатой формулировкой «о больших делах», власти уездов активно использовали это право, стремясь таким путём обойти разрядных воевод в случае разногласий с ними. Московский же приказ, со своей стороны, в грамотах к уездным воеводам информировал об их содержании также и разрядные власти, а те были обязаны продублировать столичные указания «от себя». Ещё С. В. Бахрушин заметил, что при подобном порядке «получалась какая-то двойственность», которая «вносила известную дезорганизацию» в управление¹⁵. Такая неоднозначность объяснялась в некоторой степени привычкой администраторов к управленческой системе, выстроенной в Центральной России, где уезд подчинялся

---

¹² О воеводском управлении в Сибири см. подробно: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 252–265; Lantzeff G. V. *Siberia in the seventeenth century. A study of the Colonial Administration.* Berkley and Los Angeles. 1943. pp. 47–61; Копылов А. Н. История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 124–138; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 107–141.

¹³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 253. До 1629 г. Тобольский разряд был единственным в Сибири.

¹⁴ В компетенцию Московского разрядного приказа входила военная служба дворян.

¹⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 261.

непосредственно Москве. Отчасти объяснение можно видеть также в желании уездных властей обойти среднее звено (Тобольский разряд) для скорейшего решения вопросов.

Пелым, Берёзов, Сургут и Мангазея после 1629 г. продолжали состоять в Тобольском разряде, а Нарым и Кетск отошли к Томскому разряду. С учреждением в 1677 г. Енисейского разряда в его состав вошла Мангазея (Туруханск, Новая Мангазея). В 1687–1693 гг. существовал ещё и Верхотурский разряд, в состав которого входил Пелымский уезд.

Состав сибирской местной администрации был невелик, как и в остальном государстве. В Москве назначались и оттуда приезжали воеводы, дьяки, подьячие «с приписью», письменные головы. В состав первоначальной администрации-основательницы Берёзова входили воевода Н. В. Траханиотов, его товарищ князь М. К. Волконский и письменный голова И. Змеев. Впоследствии в Берёзове находились только воевода и письменный голова.

У историков не сложилось единого мнения насчёт возникновения должности письменного головы и его функций в сибирской администрации. Н. Н. Оглоблин полагает, что письменные головы служили при сибирских воеводах «чиновниками особых поручений» с обязанностью представления письменных отчётов о выполнении разнообразных дел¹⁶. Нам представляется верным иное объяснение. Возможно, словосочетание «письменный голова» указывает на изначально военный характер этой должности, которая появилась раньше, чем воеводское управление. Понятие «письменный голова» могло произойти от «списка» (рописи, перечня) служилых людей, поступавших в распоряжение «головы» (командира) на период военного похода¹⁷. Хотя ранние указы воеводам Берёзова не сохранились, но известны указы конца XVI в. воеводам Тары, основанной в 1594 г., и Сургута. В указе 1597 г. тарским воеводе С. В. Кузьмину и головам А. М. Воейкову и П. В. Пивову имеется любопытная фраза, которая подтверждает эту трактовку: «Воеводе... быть в городе, а головам Андрею и Петру быть в остроге, а стояти им на прежних воеводских дворах; а которым детям боярским и ратным людям у кого быти — и тому послана с ними роспись... по тому их и ведати». Указ от того же года сургутским воеводам С. М. Лобанову-Ростовскому и И. Н. Ржевскому содержит аналогичные положения: «А самим им быть в городе в Сургуте: в большом городе быти воеводе князю Семену Михайловичю, а в остроге быти голове Ивану. А ратных людей ведати им по росписи, какова с ними роспись послана»¹⁸.

В начальный период существования русской администрации в Сибири письменные головы оказывались, в сущности, товарищами воевод — они имели право на совместное с ними решение дел. В 1597–1599 гг. в Тобольске служили воевода Е. В. Бутурлин и двое письменных голов. В «Книге записной» значится: «А в грамотах с Москвы писано к Ефиму Бутурлину с писмянными головами вместе»¹⁹. В том же источнике имеется малопонятная фраза, связанная с письменными головами Верхотурья: «А писмянные головы писали»²⁰. Очевид-

¹⁶ Оглоблин Н. Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 203.

¹⁷ На происхождение должности «письменный голова» может указывать следующий пример. В 1619 г. воевода Пронска, посылая против татар «рязанскую сотню», назначил её головой А. Левашева «и список ему писанный дал», т. е. перечень служилых людей, которыми Левашеву поручалось командовать (Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М. 1994. С. 192–193). Следовательно, «письменный голова» происходил от «списка» служилых людей, а не от «письменного отчёта».

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 11. Л. 33; кн. 1. Л. 37 об.

¹⁹ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 140.

²⁰ Там же. С. 142.

но, её следует понимать в контексте цитаты, приведённой выше: хотя помощники воевод и подвизались в чине письменных голов, входящие и исходящие документы должны были содержать их имена. В таком случае по правилам современного русского языка выражение звучало бы: «А письменных голов писали» (в указах, грамотах, отписках и т. п.).

Кардинально меняют прежние взгляды на соотношение придворных чинов (стольников, стряпчих) и чина московского дворянина работы А. П. Павлова. Он пишет, что по большей части «не дворяне московские производились в стольники, а стольники жаловались в московские дворяне». Относительно же родовитости выясняется, что на начало XVII в. из 200 московских дворян 76 % принадлежало к княжеско-боярской аристократии. С 1604 г. по 1650 г. количество московских возросло более чем в 7 раз (с 200 до 1431 человека). А. П. Павлов также пишет: «В отличие от стольников и стряпчих, нёсших преимущественно придворную службу, служба московских дворян имела более “общегосударственный” характер. Служебные назначения московских дворян были самыми разнообразными — они служили воеводами в полках и городах, судьями в московских приказах, являлись послами и посланниками за рубеж... В значительной мере именно на московских дворянах держался аппарат управления страной»²¹.

Количество сибирских воевод, произведенных из стольников, резко увеличивается в последней четверти XVII в. Объясняется это, исходя из вышесказанного, не повышением статуса города, например Берёзова или Сургута, в глазах чиновников Сибирского приказа, а скорее, наоборот. Надо учитывать, что в период царствования Фёдора Алексеевича и правления царевны Софьи происходит «девальвация» чина стольника: количество стольников увеличивается в несколько раз, а их состав «демократизируется». Если в 1671 г. их было 419, то в 1682 г. — 1307, а в 1686 г. — 1938 человек²².

Служилые люди по отечеству могли удостоиться воеводской должности или через назначение «сверху», или напросившись на неё сами. Однако сложно выявить соотношение между сибирскими воеводами, назначенными по царскому указу, и теми, что были поставлены на воеводство по их челобитным. В материалах Сибирского приказа челобитные грамоты лиц, претендовавших на воеводские места, встречаются редко. Причина этого могла заключаться в том, что такие документы подавались в Разрядный приказ, который дол-

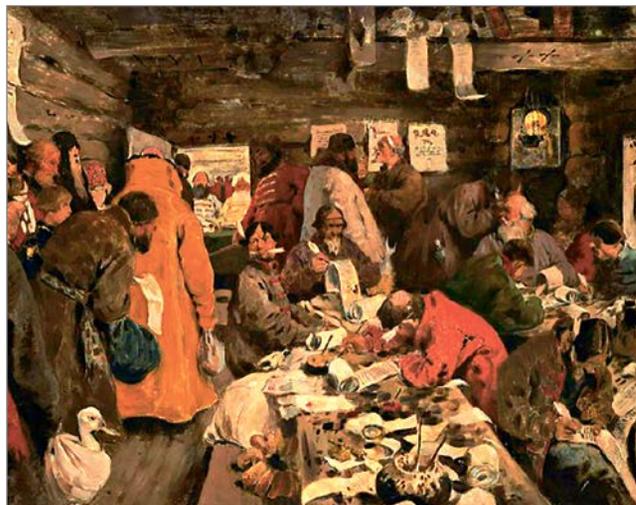

Рис. 2.4. С. В. Иванов. В приказе московских времён. XVII в.
Ил. из кн: Картины по русской истории,
изданные под общей редакцией С. А. Князькова. Москва, 1909

²¹ Павлов А. П. Московские дворяне и их роль в системе государственной власти России в первой половине XVII века // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9. Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. С. 217–219.

²² Айрапетян И. Ю. Стольники как одна из категорий феодальной аристократии в 80-х годах XVII в. // Вестник МГУ Серия 8. История. 1980. № 6. С. 69–70, 80.

жен был дать согласие на назначение служилого человека на воеводское служение, а впоследствии эти челобитные могли не передаваться в Сибирский приказ. Ещё в середине XVII в. два указанных принципа назначений имели для Сибирского приказа определённое различие.

Челобитные о производстве на воеводство рассмотрены в книге В. А. Александрова и Н. Н. Покровского²³. Добавим к ним челобитную князя А. В. Кропоткина от ноября 1648 г. о назначении его воеводой в Сургут, в которой он писал, что 15 лет исправно служил прежним государям, принимал участие в постройке Белгородской черты вместе «со своей братьей». Эта «братия», т. е. дворяне, была достойно пожалована — посажена на воеводства, как указывает Кропоткин. При этом Кропоткин знал, что сургутский воевода князь С. Г. Демский несёт там службу уже третий год (вместо положенных двух), и тем усиливал аргументацию своей просьбы. Его челобитная была удовлетворена²⁴.

Абсолютно необходимым звеном воеводского аппарата являлись дьяки и подьячие с приписью, которые официально были товарищами воевод и отвечали за делопроизводство канцелярий — съезжих (с 1680-х гг. приказных) изб. Именно они, как и местные подьячие, придавали делопроизводству бюрократический (насколько этот термин применим к XVII в.) характер. Г. А. Леонтьева и Н. Ф. Демидова осветили вопросы формирования в Сибири кадров подьячих, образование из них местных династий и сам характер приказной работы. На протяжении XVII в. подьячих в Сибири не хватало, и воеводы постоянно жаловались на это. В 1640-х годах в городах Сибири числилось 63 подьячих (из них 23 служили в Тобольске); в 1690-х годах — 118 (43 в Тобольске). В Пелыме с 1630-х годов и до конца столетия в штате воеводской избы значились 2 подьячих²⁵.

Символом статуса воеводы было владение официальной печатью. До 1635 г. таковые имелись только у воевод Тобольска, Томска, Верхотурья и Берёзова. Последние два города получили печати в 1607 г. по причине, очевидно, их расположения на легальных проезжих путях, по которым потоки торговых и промышленных людей направлялись в Сибирь²⁶. Ни сами печати, ни описания их не сохранились. Ещё в десять городов Сибири и на Обдорскую заставу городовые серебряные печати были присланы в 1635 г. До тех пор сибирские воеводы запечатывали тюки с ясачной пушниной и скрепляли важные документы своими личными печатями, в Москве «неведомыми». Городовую печать запрещалось уносить домой, её предписывалось держать «в ящике» в съезжей избе за своей личной печатью. Г. Ф. Миллер приводит их словесное описание по обнаруженной им росписи в архиве Тобольска. На печати Сургута были изображены две лисицы и соболь между ними, Берёзова — соболь и стрела, Мангазеи — северный олень, Пелыма — лось²⁷.

Указывая на кормленческие черты, сохранявшиеся в воеводской системе управления XVII в., историки практически не интересовались обеспечением воеводской службы —

---

²³ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 112.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 318. Л. 254–254 об.

²⁵ Леонтьева Г. А. Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX вв. Новосибирск, 1986. С. 3–19; Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 71–75.

²⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. Приложения. С. 229–230.

²⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 89. Приложения. С. 211–217.

в первую очередь денежным жалованьем. Сам по себе ранг городского воеводы никак не был связан с фиксированным размером жалованья. В XVII в. оно соответствовало не должности, за что ему выплачивалось «окладное жалование», который в тот момент получал служилый человек по отечеству занимая различные посты в государственно-административном аппарате и в войске, получал одно и то же (окладное) жалование.

Московские приказные служители колебались в вопросе, платить ли жалование воеводам. Эти сомнения выражали общественное отношение к последним как к преемникам кормленщиков прошлого: уж коли воеводство — это служба у «корыстовых дел» и если эта должность получена в результате прошения, то следует ли платить такому администратору положенный ему оклад? Однако в конце концов должность городского воеводы стала расцениваться как государственная служба, заслуживающая оплаты из казны.

Схема выплаты денежного жалованья отчасти описана Г. Котошихиным: «Когда кому бывает служба посольская и воинская и иные посылки, и им (дворянам всех чинов — Авт.) жалование даётся по окладам их; а когда служеб и посылок не бывает, им жалованья годового не бывает, а живут с поместий своих и с вотчин»²⁸. Жалование выдавалось за два-три года вперёд; такой порядок для сибирских воевод установился с начала XVII в.²⁹ В конце 1612 г. земское правительство во главе с князьями Д. Т. Трубецким и Д. М. Пожарским назначило воеводой в Пелым Ф. А. Годунова, указав получить ему окладное жалование по дороге — в Тотьме и Устюге. Однако там ему денег не дали, о чём он бил челом. Правительство в январе 1613 г. распорядилось, чтобы верхотурский воевода выдал Годунову положенное жалование за 1612–1613 гг. (70 рублей) и записал это в расходные книги³⁰.

Денежное жалование выплачивалось заранее также и прочим сотрудникам воеводской администрации, назначенным из Центра, — дьякам, подьячим, письменным и стрелецким головам. Задержка с его выдачей случилась только в 1647 г. — для лиц, удостоенных назначения «по подписным челобитным», после чего прежний порядок был восстановлен. Денежное жалование могло дополняться хлебным, которое давалось лицам, не имевшим вотчин и поместий.

Перед отъездом в Сибирь будущие управленцы направлялись в свои вотчины или поместья, чтобы заготовить в дальнюю дорогу на восток разнообразные запасы. Сибирский приказ строго регламентировал их количество. Столь же дотошно оно проверялось при проезде обоза через Верхотурье. С. В. Бахрушин подробно описывает набор продуктов и вещей, который обычно воеводы везли с собой³¹. Запас провизии, одежды, бытовой утвари и прочего брали с таким расчётом, чтобы его хватило на весь срок службы как воеводе, так и его семье с сопровождавшей их дворовой челядью. Количество дворовых людей в услужении могло быть значительным. В 1635 г. вместе с мангазейским воеводой Б. И. Пушкиным к месту назначения следовали священник и 32 человека дворовых слуг³². Провоз запасов к месту служ-

²⁸ Котошихин Г. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 250.

²⁹ В 1603 г. назначенным в Тобольск Н. М. Пушкину и в Туринск И. Ф. Лихареву было дано жалование на два года — соответственно 40 и 25 рублей (см.: Сухотин Л. М. Четвертчики Смутного времени (1604–1617) // ЧОИДР, 1912. Кн. 2. С. 7, 12).

³⁰ АИ. Т. 2. СПб., 1841. С. 407.

³¹ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 162. См. также: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. М., 1982. Ч. 1. № 70–73, 77, 78.

³² Lantzeff G. Siberia in the seventeenth century. P. 49.

бы не расценивался как личное дело воеводы, поэтому под них предоставлялись казённые подводы: от 12 в «ближние сибирские города» до 30 в Якутск³³.

Воевода XVII в., направляющийся в предназначенный ему уездный город с длинным обозом своих припасов, значительно отличался от кормленщика-управленца середины XVI в., которого местное население обязано было непосредственно содержать. В новом же столетии этим занималось государство. Денежное жалованье, а также поместье в форме полученных с него продуктов были двумя взаимодополняющими разновидностями обеспечения государственной службы приказных людей и дворян. Представляется, что именно таков был взгляд центрального правительства на службу дворян в должности городских воевод. Однако в действительности воеводам часто не хватало окладного жалованья, а при покупке продуктов и вещей для сибирской службы, они, случалось, влезали в «великие долги»³⁴. Надо полагать, дворяне, добившиеся воеводского места в Сибири, рассчитывали поправить там своё материальное положение.

Взаимоотношения в среде служащих сибирской администрации значительно отличались от тех, что предписывались им в воеводских наказах. При весьма несложной административной структуре указы регламентировали три порядка субординации: между главным воеводой разряда и его товарищами, между разрядными и уездными властями, а также между двумя воеводами одного города. Северные уезды Западной Сибири находились в подчинении главного разрядного воеводы в Тобольске. На протяжении XVII в. не было замечено никаких серьёзных конфликтов между воеводами этих уездов и тобольским воеводой; впрочем, иногда уездный воевода мог получить из Тобольска выговор («и то ты делаешь негораздо»).

Более конфликтными (да и то далеко не всегда) были отношения между администраторами, направленными в один уездный город. Назначение на воеводское место сказывалось на карьере не только самого служилого человека. За этим назначением пристально наблюдали его родственники, для которых имели важное значение повышение или понижение, выигрыш или потеря позиции в системе местнической «чести». Так, в середине XVII в. сыновья Г. Г. Пушкина в местническом споре с одним из князей Долгоруких были вынуждены «оправдывать» своего отца за то, что в 1601–1603 гг. он был товарищем первого воеводы Пелыма, князя В. Г. Долгорукого. Они настаивали, что отец их «на князь Василья Долгорукого в отечестве бил челом и дела с ним не сидел, а жил всё у себя на дворе и в съезжую избу к нему не ездил». В. И. Корецкий установил, что Пушкин был послан воеводой в Пелым, находясь «в опале» у царя Бориса Годунова; очевидно, что он не желал заниматься административными проблемами небольшого сибирского города³⁵.

Вражда разгорелась в Мангазее в 1606–1608 гг., между воеводой Давыдом Жеребцовым и головой Курдюком Давыдовым. Последний неохотно выделял деньги на постройку городских стен, зато активно занимался обустройством собственного двора. Воевода донёс в Тобольск, что «Курдюк де Давыдов корыстуетца, емлет посулы, а ему де, Давыду, в государевом деле не помогает, а государевым ясаком де и десятинную пошлиною, и над самоедью с служивыми и с промышленными людьми промышленяет он, Давыд, один». Голова ссужал деньгами

³³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. С. 163; РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 630.

³⁴ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 23–24.

³⁵ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII вв. М., 1986. С. 243.

под проценты служилых людей, отчего они «донага» проигрывались в зернь. Жеребцов обличил было Давыдова перед служилыми, но тот лишь разозлился: «И он де, Курдюк, похвалялся его де зарезати ножом, да говорит, что он на него носит два ножа»³⁶. Впрочем, Жеребцов смог благополучно дожить до воеводской смены в 1608 г., а новому воеводе было из Москвы велено расследовать преступные действия Давыдова с азартными играми и скупкой пушнины.

Крупная ссора разгорелась в 1620-е годы между администраторами Сургута. Воеводы Н. Е. Пушкин и Б. И. Белкин получили назначение в феврале 1625 г. Слаженного совместного управления городом и уездом у них не получилось, что, впрочем, в практике местного управления Сибири случалось нередко. Неизвестно, по какой именно причине воеводы столкнулись, но, скорее всего, основания для вражды коренились в их взаимоотношениях ещё до назначения в Сургут. Оказавшись коллегами по воеводству, оба принялись сочинять доносы друг на друга, выискивая всевозможные резоны для дискредитации противника³⁷. Войдя в раж взаимных обличений, оба воеводы попутно создали любопытные картины нравов XVII века, к тому же отмеченные спецификой далёкого сибирского города.

Реальная власть в городе сосредоточилась в руках Н. Е. Пушкина. Он умело воспользовался слабостями недруга — пристрастиями к выпивке и прекрасному полу. По донесениям Пушкина, Белкин вёл себя безответственно как администратор и безобразно как человек. Если судить по подробному перечню провинностей, Богдан Белкин действительно вёл нескучный образ жизни. К примеру, 25 марта 1626 г. в караульную ввалился «пьян казак Мишка Леонтьев сын и десятников и казаков, которые стоят на карауле, лаял матерно и хотел бить». По приказу Пушкина буяна отвели в тюрьму, но тем же вечером Белкин, «идучи от вечерни пьян, ис тюрьмы тово Мишку взял к себе на двор». Вероятно, подобными действиями Белкин подбирал себе сторонников из сургутских казаков, к тому же сходных с ним по наклонностям.

Летом того же года некая просвирница известила Пушкина, будто дворовые люди Белкина разломали часть городской стены и сделали лестницы на других её сторонах. Смысл этих действий представляется нам неясным, каковым, впрочем, и для воеводы Пушкина. На его вопросы Белкин отреагировал в сильных выражениях и, более того, якобы заявил: «я де так заворую, что меня велят, сковав, взять к Москве». Может быть, второго воеводу настолько охватила ностальгия по столице, что он был готов явиться туда даже в оковах?

Пушкин многократно рапортовал в Тобольск и в Москву, что Белкин не приходит в съезжую избу — присутственное место воевод. Вероятно, тому было действительно не до административных дел, так как в его доме разыгрывались любовные страсти. Проезжая через Тобольск по пути в Сургут, Богдан Белкин «подговорил» там и увёз с собой некую Ирину, жену тобольского стрельца Макара Ортемьева, который в то время участвовал в далёком походе к степному озеру Ямыш, месту добычи соли. По возвращении Макар обнаружил, что, помимо исчезновения жены, из его дома пропало «живота ево — платия и денег на 60 рублей». Стрелец обратился с жалобой к архиепископу Макарию и тобольскому воеводе князю

³⁶ Эскин Ю. М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири до советского периода. Новосибирск, 1986. С. 50–54.

³⁷ Конфликт Пушкина и Белкина изложен по документам: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 8. Л. С. 76–77, 80–81, 92–95, 106–108, 115–121, 125–131, 166–169, 175–182. Публикацию см.: Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 165–171, 177–180.

А. А. Хованскому, и те распорядились, чтобы Пушкин произвёл «выимку» неверной жены со двора Белкина. Воевода должен был при свидетелях допросить стрельчиху, а затем её саму и допросные речи выслать в Тобольск.

Белкин решил не уступать женщину без боя. Один из его дворовых людей донёс воеводе Пушкину, что «Богдан де Белкин позвал нас всех, людей своих, к себе в горницу и говорил де им: не выдайте де меня, как придет ко мне на двор Микита Пушкин с служилыми и с своими людьми выимать у меня жонки, и вы де порадейте, мимо всех служилых людей и Микитиных людей убейте из лука или из пищали прежде Микиту Пушкина, а в том де я государю за вас отвечаю... Емлите де себе пищали и сабли и держите у себя готово; а ему де, Ивашку, дал остяцкой лук и стрелы». Из слов доносчика выяснилось, что у Белкина живет ещё и другая «подговорная жонка» — татарка, которую он переманил от муллы, неизвестно каким образом оказавшегося в Сургуте.

Бой за Ирину разразился 18 октября 1626 г. на дворе Богдана Белкина. Для изъятия стрелецкой жены Пушкин отправил солидную процессию, включавшую священника соборной Троицкой церкви Илинарха, подьячего Афанасия Кондакова (одного из двоих подьячих, подвизавшихся тогда в Сургуте), атамана Тугарина Фёдорова, некоторого количества казаков и двух целовальников из торговых людей. Старый атаман Фёдоров, который начал службу в Сибири ещё в 1591 г., был среди них наиболее колоритной и уважаемой личностью.

Навстречу им Белкин вышел на крыльцо «пьян» в сопровождении своих людей Митьки Тютчева и Ефремки Петрова, вооружённых саблями и пищалями. Заявив, что никакой «подговорной жонки» у него нет, Богдан принялся воеводских посланцев «лягать матерны и подьячего Офонасья Кондакова убил до полусмерти и за бороду драл и на голове волосы выдрал». Кондаков через несколько дней подал челобитную, в которой уточнил: «И, убив меня за мертва, покинул и оглушил». Кроме Кондакова, досталось десятникам Ивашке Арапу и Максиму Валцову, битых и колотых саблями. Затем Белкин со своими «соратниками» укрылся в доме, запер двери и окна сеней и заложил дверь в горницу. Казаки же, не растерявшись, проникли в задние сени, ворвались в горницу и обнаружили там «в залавке» двух прячущихся женщин — ту самую Ирину и татарку Кузаку. Обоих вместе с холопами Белкина привели в съезжую избу.

На допросах выяснились любопытные подробности частной жизни холостого воеводы. Кузака показала, что в её «похищении» активно участвовала жена Богдана Зубакина — второго сургутского атамана наряду с Фёдоровым. Жила татарка «в горнице с Макарковою женою с Оринкою и спали вместе с Богданом Белкиным. И хотел де Богдан с Макарковою женою и с нею итить в мыльню паритца». На следующий день Кузака уточнила детали совместного проживания, а именно то, что с Ириной Белкин «жил, что с прямою женою, и спал с нею вместе». Что же до самой Кузаки, то она за десять недель пребывания в его доме сшила ему из соболей кафтан. Это позволяет предположить, что она, вероятнее всего, была при воеводе прислугой, каковой она являлась, видимо, и у муллы.

От самой Ирины не удалось получить никаких показаний, так как в съезжую избу её доставили в предельно больном состоянии. Единственная произнесённая ею фраза свелась к тому, что Белкин «окормил ее кореньем», и «потому де она больна и не говорит и опухла вся».

Однако нам ситуация представляется более тонкой. Очевидно, Белкин искренне любил «подговорную» женщину, поскольку, когда Ирина занемогла, он лечил её, прибегнув к мерам на-

родной медицины. По словам Кузаки, «как де Макаркова жена учала быть больна, и Богдан де и от своих людей почал таитца и казать Макарковы жены не стал, а на двор де и в мыльну носил ее сам». Лечение Ирины от неопределяемой сейчас болезни выглядело следующим образом. Белкин отправил своего человека к казаку Ивану Бесперстово за травами, и тот передал «коренья иру степного». На допросе травник Иван сообщил, что с этого лекарства «люди не пухнут, нешто де будет Богдан ей иное коренье лихое давал». Затем Белкин призвал на помощь двух казачьих жён. Одна из них, Оксютка Кайдалиха, на допросе описала трогательную сцену. Явившись на двор к Белкину за неделю до «выимки» Ирины, она увидела, что та лежит «больна, брюхо де у ней опухло... А сам де Богдан у той Оринки груди и брюхо и рожу мажет мазью и, стоя де над нею, плачет». Кайдалихе он объяснил, что использует в качестве целебной мази деревянное масло, и стал умолять, чтобы она вылечила Ирину, пообещав ей: «Что пожалуешь, возьмешь». Кайдалиха смазала медвежьей желчью живот больной. На следующий день пришла другая казачья жена, тоже Ирина, которую Богдан попросил сходить с больной в баню. Однако и это лечение не принесло облегчения. Больную принесли в баню на руках, но она не позволила себя раздеть и «велела вынести себя из бани вон, а велела де себя маслом коровьим по брюху рукою помазать». В итоге все способы исцеления не возыме-ли эффекта, отчего понятны перепады в настроении Белкина — от рыданий до возлияний.

Воевода Пушкин поручил содержать «подговорных жонок» на казачьих дворах, поскольку кормить их было некому. Отправить женщин в Тобольск, следуя приказу свыше, Пушкину оказалось затруднительно. Он сомневался, можно ли выделить им подводы, т. к. это стало бы убыточным для казны. Богдан Белкин же снаряжать подводы в Тобольск за свой счёт отказался. К сожалению, в известных нам источниках не содержится сведений о том, чем закончилась эта история.

Тем не менее у нас есть возможность услышать голос другой стороны, а именно обвинения Белкина против своего противника, высказанные им в двух челобитных, которые были посланы в Москву ещё до описанного выше конфликта. В этих грамотах утверждалось, что 25 декабря 1625 г. прямо в съезжей избе Пушкин со своими людьми напарника-воеводу «лаел позорною лаею и били насмерть». Белкин упрашивал отпустить его с должности или в Москву, или, в ожидании особого указа, хотя бы в Тобольск, но тобольский разрядный воевода приказал ему оставаться в товарищах у Пушкина. Белкин якобы начал было исправно ходить в съезжую избу, но Пушкин распорядился, чтобы подьячие отстранили его от доступа к любой документации. Жаловался Белкин и на то, что воеводские указы и меха, собранные в ясак, Пушкин скреплял только своей печатью (как уже говорилось, у Сургута до 1635 г. не было казённой печати и применялись персональные печати воевод).

Обвинения Белкина сводились, в целом, к обличению его противника в махинациях при сборе ясака и в отправлении своих людей с товарами в ясачные волости уезда и даже за его пределы с целью приобретения высококачественной пушнины, в то время как на это для воевод существовал строгий запрет. В отличие от своего любостяжательного коллеги, Белкин якобы исправно сдал в казну личные поминки³⁸ (44 соболя и красную лисицу), которые поднесли ему ясачные остяки. Едва ли стоит полностью довериться такой самохарактеристике Богдана Белкина как честного и незаслуженно обиженного исполнителя государевой воли. Его увлечение «хмельным питием» превращало его в довольно сомнительного управленца,

³⁸ Первоначально поминки представляли собой добровольный дар, который тем не менее также должен был учитываться в ясачных книгах. Впоследствии перешли в разряд обязательных сборов.

зато он, видимо, обладал талантом быть любимцем у женщин. При допросе «подговорной» татарки обнаружилось, что у Белкина была ещё и третья «подговорная жонка» — жена кузнецкого казака, которую Белкин переуступил казаку из Нарыма. Да и сетования Белкина в челобитной на то, что он «от Микитина убийства... лежал болен», не вызывают большого доверия.

В Боярской книге 1627 г. оба эти сургутские воеводы записаны как московские дворяне. И если материальное положение Пушкина там не обозначено, то в отношении Белкина имеется информация о денежном окладе в 15 рублей и поместном окладе в 600 четей³⁹. Можно предположить, что острое противостояние двух воевод послужило одной из причин появления указа от 1627 г. об упразднении должности второго воеводы в ряде городов Сибири. Таким образом, в том же году в Сургут прибыл уже один воевода — князь М. С. Гагарин.

С. В. Бахрушин в своих монографических трудах подробно описывает, пожалуй, самый громкий для Сибири того времени конфликт — между мангазейскими воеводами Г. И. Кокоревым и А. Ф. Палицыным в 1629–1631 гг. Их рознь дошла до вооружённых стычек и вызвала разрушение немалой части городских построек⁴⁰. С 1633 г. в Мангазею стал назначаться один воевода, а в качестве его помощника — дьяк. Интересен нетипичный казус нарушения субординации в отношении воеводы местным туруханским подьячим. В 1644 г. воевода князь П. М. Ухтомский переехал в Туруханское зимовье из скудной, голодной ресурсами Мангазеи. Там он столкнулся с непокорностью подьячего съезжей избы Нехорошка Никифорова. На Никифорова воеводе был подан «извет» (неизвестного содержания) от таможенного подьячего Родиона Васильева. Ухтомский приказал доставить Никифорова в съезжую избу для допроса. Тот заносчиво заявил воеводе: «Тебе де, князю Петру, до того какое дело?» Воевода обозвал подьячего мужиком, на что получил ответ в таких словах и действиях: «Мужик де я и есть, и ухватя перед ним срамные уды, потряс», ругал князя «вором» и «говорил с бранью матерны». Ухтомский намеревался было ему «поученье дать», но Никифоров закричал, что у него есть на воеводу «государево дело», о чём он будет подавать челобитную. В. А. Александров и Н. Н. Покровский убедительно показывают, что в подобных случаях воевода мог воззвать к мнению всего «общинного мира» и в его присутствии выслушать предъявляемые обвинения⁴¹. По словам Ухтомского, подьячий на него так и не подал челобитную — ни в таможенную, ни к выборным мирским властям. В июле 1644 г. бил челом на Никифорова стрелец Ярофей Петров. В 1639 г., когда он отбыл в Москву с обозом ясачной казны, подьячий присвоил 9 четей муки его окладного жалованья, а в голодном 1643 г. Никифоров продавал пуд муки по 1,5 рубля (очевидно, Петров оказался не единственной жертвой его алчности); жене Петрова пришлось купить у Никифорова пуд муки за 2 рубля. Стрелец в челобитной просил взыскать с Нехорошка 95 рублей: 45 пудов муки жалованья и 40 рублей как проценты на имущество, заложенное семьёй Петровых. Ухтомский всё-таки заточил Никифорова «за пристава до указа», но по иному делу: тот подговаривал служилых людей ограбить дьяка Обобурова. Воевода отправил в Москву челобитные с изложением этих происшествий и к ним приложил свою грамоту с просьбой «учинить указ, чтоб ему в позоре не быть». В столице приняли решение послать к таможенным головам Мангазеи указ бить подьячего батогами за бесчестье Ухтомского⁴².

³⁹ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 70, 97.

⁴⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 175–197.

⁴¹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 130–131.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 134. Л. 458–464.

Столкновения случались и между служителями съезжих изб. В августе 1642 г. на обеде у пелымского воеводы князя П. Ф. Волконского присутствовали два священника, шесть служилых и местные подьячие — Путилко Степанов и Кузьма Орлов. Последние двое принялись браниться. Степанов заявил Орлову: «Ты де какой человек, откуда ты взялся?», на что получил ожидаемый ответ: «Сам де ты какой человек?» Степанов парировал: «Я де старый подьячий, на Пелыме сижу у государева дела 50 лет». Кузьма же сказал, что служит подьячим второй год. Тут Путилко произнёс неосторожные слова: «Черт де тебе велел быть в подьячих». Кузьма возразил, что пожаловал его в подьячие великий государь царь Михаил Фёдорович и по царскому указу воевода Пётр Фёдорович Волконский.

Степанов зачем-то трижды спросил Орлова, какой царь его пожаловал. Кузьма всякий раз резонно отвечал, что царь у них один. Этого было достаточно, чтобы Волконский донёс о словах Степанова в Тобольск. Вызванный туда на допрос старый подьячий, действительно прослуживший в Пелыме со времён основания города, объяснил, что хотел лишь узнать, по какой именно грамоте Орлов назначен подьячим. По имевшимся у него сведениям, Орлов получил должность подьячего съезжей избы лишь по желанию воеводы, который взял его из церковных дьячков и приказал служить в новом качестве до государева указа. Степанов помнил многих царей и, очевидно, не без сарказма полюбопытствовал, какой именно царь наделил службой Орлова, поскольку грамоты от Михаила Фёдоровича у того не было. Отписка с допросными речами Степанова была отослана в Москву, откуда последовало указание «нещадно» бить ветерана подьяческой службы (вероятно, батогами — более лёгким по сравнению с кнутом наказанием) и отправить из Тобольска обратно в Пелым⁴³.

***

В историографии проанализированы разные стороны деятельности сибирских воевод, их обязанности и полномочия, определявшиеся в первую очередь наказами. Наказы содержали перечень только общих и главных функций воевод; для повседневного же управления важное значение имели специальные распорядительные грамоты, которые посылались из столичного приказа. Наказы сибирским воеводам при подробном их разборе оказываются не очень разнообразными и информативными. В своём исследовании Е. В. Вершинин сравнивает более чем 40 наказов воеводам разных сибирских городов, поэтому здесь имеет смысл ограничиться лишь некоторыми основными выводами⁴⁴.

Рис. 2.5. Царь и Великий князь Михаил Фёдорович Всея Великия России Самодержец // Царский титулярник (Большая государева книга). 1672. РНБ, Ф. 885, Эрм. 440. Л. 7 об. — 40.
URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=E43F34DE-AB4B-4891-9B5F-DDB52238975F>

⁴³ Там же. Стб. 123. Л. 472–478, 482.

⁴⁴ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 65–80.

М. М. Богословский в своё время изучил указы, выданные воеводам Поморья. Во всех этих инструкциях учёный заметил «общую модель, слегка только изменяемую по месту и времени»⁴⁵. Различия были скорее формального, чем содержательного характера. С. В. Бахрушин, исследуя воеводское управление Сибири, приходит к такому же выводу: «основной текст наказов был общий для всех сибирских городов с незначительными дополнениями для каждого города в отдельности: в виде приложения к наказу приписывались памяти по каким-либо специальным вопросам, касавшимся данного города»⁴⁶. Он использует указы для описания задач, которые ставились перед административными главами Тобольска, Томска, Красноярска и Якутска.

В результате сопоставления текстов было выявлено, что в указах уездным воеводам нет таких пунктов, которых бы не было в указах разрядным воеводам. С. В. Бахрушин обоснованно делит текст каждого распоряжения на «основной корпус» и конкретные «памяти». Их содержание формировалось постепенно с учётом как местной, так и общероссийской практики. Указы воеводам Северо-Западной Сибири, рассмотренные Е. В. Вершининым (не учитываются нетипичные, нестандартные указы основателям городов), хронологически выстраиваются в следующей последовательности: Сургут — 1594, 1595, 1597, 1608; Пелым — 1631; Мангазея — 1603, 1627, 1631, 1635, 1641; Берёзов — 1691.

Из этих ранних наказов можно заключить, что формуляр инструкций к тому времени был уже разработан и, очевидно, вошёл в практику после завоевания татарских ханств Поволжья. Заметим, что в них сначала обозначается маршрут следования в Сибирь, затем, к 1620-м гг., эта статья исчезает. Путь за Урал к тому времени уже стал «наезженным», и отпала необходимость каждый раз пунктуально уточнять его. По достижении места назначения новым управленцам надлежало взять у прежних воевод документы о «всяких государевых и земских делах», городские ключи, принять наличные порохи и свинец, «всякие пушечные запасы», хлеб в житницах, ясачные, приходные и расходные книги, а также сличить служилых людей в городе «на лицо» со списком местного гарнизона. Лишь после этих мероприятий по принятию города можно было отпускать прежних воевод в Москву.

Значительную долю времени при обозначенной процедуре занимало ознакомление с документацией съезжей избы. Именно в создании преемственного и упорядоченного делопроизводства местных канцелярий заключалось радикальное отличие воеводского управления от наместничества. В период распространения последнего наместник мог свободно забирать казённые документы, включая кормленную грамоту, в свой семейный архив. Пережитки или рецидивы подобной практики наблюдались и в начальный период воеводского управления. Так, воевода Мангазеи И. Ю. Нелединский (в 1608–1613 гг.), отбыв с места сибирской службы, забрал с собой грамоту, которой он вызывался в Москву, и приложенную к его наказу память. Ю. М. Эскин предполагает, что Нелединский прибрал второй документ «в свой личный архив, так как счёл его полезным на случай местнических споров» (он и сохранился в копии конца XVII в. именно среди бумаг семьи Нелединских)⁴⁷. В наказе пелымскому воеводе И. С. Урусову от 1631 г. имеется специальная статья, по которой наказ надлежало оставить

⁴⁵ Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Москва, 1909 г. Т. 1. С. 270.

⁴⁶ Бахрушин С. В. Воеводское управление Якутии // Якутия в XVII веке (очерки). Якутск, 1953. С. 221.

⁴⁷ Эскин Ю. М. Документ о Мангазее в смутное время. С. 44–45.

«в государевой казне на Пелыме», а не забирать его с собой в Москву, равно как и прочие документы⁴⁸.

С течением времени, по ходу увеличения объёма документации, процесс приёма её новой администрацией становился всё более долгим и трудоёмким. О весьма ответственном отношении некоторых региональных управленцев к канцелярской сфере работы свидетельствует следующий факт. В сентябре 1639 г. в Мангазею прибыли князь Н. М. Борятинский и дьяк Б. Обобуров, назначенные на смену воеводе Б. Пушкину и дьяку П. Спиридонову. Извещая Москву о приёме дел в городе, они писали: «А что, государь, воевода Борис Пушкин да дьяк Пятой Спиридонов с приезде съезжей избы всяких старых давних лет со 109-го году в роспись под росписным списком особою статьею написали, как росписывались с воеводою з Григорьем Орловым да з дьяком с Васильем Атарским, — и те, государь, дела драны и ветхи, а у книг начала и концов нет, и которые дела бывали в столпах, и те также изодрались и изветчали, и многих столпцов нет же, а иные вчерне писаны и не составлены и не склеены, ни конца, ни начала у них нет же; повязаны в связках по столпцу и по два и по полустолпца. И нам, холопом твоим, принять их нельзя». Судебные дела «старых лет» тоже не имели ни начала, ни конца. Авторы отписки указывали, что впредь ново назначенным воеводам документацию в таком виде принимать нельзя⁴⁹.

Обратимся вновь к содержанию наказов. По окончании приёма города новому воеводе вменялось в обязанность собрать перед съезжей избой русских жителей, затем «лучших людей» от подведомственного ясачного населения и объявить им — на каждом из этих собраний по отдельности — «государево жалованное слово». С. В. Бахрушин по этому поводу пишет: «Церемония приёмов и содержание речей было твёрдо и раз навсегда установлено в наказах. Года через два, когда появлялся новый воевода, он с тем же пафосом сообщал о том, что его предшественник грабил и притеснял своих подчинённых и что в виде милости государь назначил на его место говорящего»⁵⁰. У служилых и торговых людей имелось право бить челом на прежнюю администрацию, обвинять в обидах, насилии и несправедных поборах; наказ вменял новым воеводам обязанность «давать суд и управу чинить безволочитно» по таким делам. То же относилось и к ясачным плательщикам, представителей которых после оглашения «жалованного слова» нужно было «напоить и накормить довольно» и отпустить восвояси.

Рис. 2.6. Воеводская усадьба в г. Берёзов. XVII в.
Рисунок-реконструкция. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков... С. 40–41

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 30. Л. 30.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 88. Л. 277. Цитируемый источник ещё раз доказывает, что основание Мангазейского острога произошло весной-летом 1601 г., поскольку дела в съезжей избе хранились с 7109 г. (7010 г. начался 1 сентября 1601 г.).

⁵⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. С. 164.

С. В. Бахрушин расценивает эту часть наказа как малозначащий стереотип. А. А. Преображенский же видит в «милостивом слове» один из приёмов правительственной политики, которая включала элементы демагогии, направленной на сознательный обман народных масс⁵¹. Представляется, что в объявлении царского «жалованного слова» имелся реальный социальный смысл как для столичных ведомств, так и для жителей Сибири. Первым оно официально позволяло обличать злоупотребления и корыстолюбие местных администраторов, а для вторых создавало возможность напрямую получить информацию о деятельности воевод в крае. В глазах коренного населения «жалованное слово» служило периодическим подтверждением его пребывания в «вечном холопстве» у московского государя и вместе с тем права на защиту с его стороны от внешних врагов и произвола русской администрации⁵².

В первые три-четыре десятилетия русского освоения Сибири «памятей», прилагавшихся к наказам, было значительно больше, чем в дальнейшем, так как к середине столетия в правительстве уже чётко определились с задачами и принципами управления осваиваемыми окраинами, а неожиданных ситуаций, случавшихся по ходу освоения, становилось всё меньше. Формуляр наказов, особенно в уездные города, включал неизменные, «застывшие» положения, что иногда приводило к некоторой несогласованности. Так, в 1691 г. воеводе Берёзову указывалось «с калмыцкими людьми на Берёзове задору не всчинать». Аналогичная статья имеется в наказах того же года в Туринск и Тару⁵³. Однако она выглядит уместной лишь в последнем случае (для степной границы), а в остальных двух была механически списана с образца.

При всей своей стереотипности, наказ был необходим для управленца, впервые попавшего в Сибирь. На протяжении службы дворяне могли неоднократно получить воеводскую должность в разных провинциях государства, и тогда в своих действиях они руководствовались, прежде всего, статьями наказов. Так, в 1635 г. Шишкин и дьяк Строев, товарищи томского воеводы князя Н. И. Егупова-Черкасского, обвинили главного воеводу в том, что он, «приехав в Томской город, государеву указу нам не показывал», держал его «у себя на дворе» и не сделал с него копий, в то время как его товарищам «многие статьи не памятны»⁵⁴. Сургутский же воевода Л. А. Вельяминов в 1683 г. вскоре после своего прибытия к месту назначения специально известил Москву о неукоснительном выполнении стандартных пунктов наказа⁵⁵.

По нашему мнению, воеводские указы обозначили новый этап в складывании общегосударственных административно-правовых основ. Если раньше в уставных грамотах наместнического управления (выдававшихся населению, а не самим наместникам) акцент делался главным образом на судебных прерогативах наместников и порядке взимания кормов, то указы, с их регламентацией широкого круга вопросов, имели уже исполнительно-распорядительный характер воеводской власти. Наказ являлся разновидностью правового акта (это проявилось и в оформлении образцов наказов), который устанавливал принципы

---

⁵¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 351–352.

⁵² Подробный анализ института «жалованного слова» в Сибири XVII в. с максимальным учётом историографии и детальным разбором процедуры его оглашения см.: Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск, 2017. С. 146–163.

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1108. Л. 64, 150, 231.

⁵⁴ Там же. Стб. 66. Л. 301.

⁵⁵ Там же. Стб. 936. Л. 315–319.

местного управления и одновременно служил должностной инструкцией административному лицу. Анализ формуляра и содержания воеводских наказов в Сибирь позволяет заключить, что они были более разнообразны и оригинальны, если адресовались воеводам новообразованных городов. Со временем тексты наказов как бы «застывают», и новые статьи появляются редко.

Наказы также могли сопровождаться наказными памятями — дополнительными статьями, которые представляли собой реакцию Москвы на конкретные ситуации, разбиравшиеся в столичных инстанциях. Оперативное управление Сибирью со стороны центральных учреждений выражалось именно в наказных памятях, которые иногда носили общий характер и составляли часть наказа.

Рис. 2.7. С. В. Иванов. Приезд воеводы. XVII в.
Ил. из кн.: Картины по русской истории,
изданные под общей редакцией С. А. Князькова. Москва, 1909

С. В. Бахрушин справедливо замечает, что «наказы дают далеко не полную и очень бледную схему» реальной деятельности воеводской администрации. Однако красной нитью через все указы проходит мысль, которую сибирские воеводы не могли не усвоить — необходимо выполнять свои функции в соответствии с тем, «как государеву делу прибыльнее», чтобы «впредь та прибыль была прочна и стоятельна». Выражение «как государю прибыльнее» присутствует уже в сургутском наказе 1597 г.⁵⁶ Именно на это были нацелены пункты наказов с требованием взимать ясачные недоимки, о переписи коренного населения с учётом роста его численности, о запрете насильственного крещения и похолопления аборигенов, о контроле над ясачными сборщиками и о запрете русским людям вести торговлю в ясачных волостях, а сотрудникам администрации приобретать меха и вывозить их за Урал, за исключением меховой одежды «про свой обиход». Максимальное увеличение доходов казны было главной целью органов местного управления, и эффективность работы воевод оценивалась в Москве прежде всего с фискальной точки зрения. В историографии, благодаря подробному исследованию С. В. Бахрушина⁵⁷, более других известна деятельность по приумножению государственной казны двух тобольских воевод — Ю. Я. Сулешева (1623–1625 гг.) и П. И. Годунова (1667–1669 гг.). Е. В. Вершинин обнаружил в фонде Сибирского приказа РГАДА материал, освещающий подобную же деятельность двух десятков других сибирских воевод⁵⁸.

Заслуги воевод по обеспечению казны фиксировались в их отписках и челобитных. Конечно, не все они соответствовали реальному состоянию дел. Для проверки фактов, описываемых

⁵⁶ Там же. Кн. 1. Л. 38.

⁵⁷ Бахрушин С. В. Научные труды. Т 3. Ч. 1. С. 265–296.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 457. Л. 1–790; Вершинин Е. В. «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1989. № 3. С. 60–70; Он же. Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 82–102.

в воеводских прошениях о пожаловании за службу, следует использовать и иные документы, например «прибылые дела», в которых порой содержится уникальная биографическая информация, а также многообразные факты об освоении Сибири. Изучение этих источников — в определённом смысле отчётов воевод о своём успешном правлении — позволяет полнее представить их деятельность и степень оригинальности использованных ими административных практик. Реальная работа сибирских воевод позволяет судить о том, как дворяне понимали свои задачи на посту царских представителей в регионах. Поощрение воевод за сибирскую службу (обычно в виде существенного повышения поместных и денежных окладов) ставит проблему заинтересованности дворян в исправном исполнении пунктов наказа, в проявлении личной инициативы, роли сибирской службы в их дальнейшей карьере и материальной обеспеченности.

Наиболее ранние челобитные сибирских воевод с просьбами о пожаловании и росписями «прибылых дел» относятся ко второй четверти XVII в. Подобная документация предшествующего времени была уничтожена пожаром 1626 г. К счастью, в приказе Казанского дворца действовал порядок, по которому при рассмотрении каждой новой челобитной нужно было отыскать прецеденты решений по аналогичным поводам («на пример»), и если документа не сохранилось, то проводился розыск и опросы. Например, в 1627 г. в приказе были опрошены бывшие воеводы Туринска С. Д. Апухтин и Сургу́та Ф. Г. Шишкин. Именно благодаря этому в распоряжении историков имеется информация о нескольких пожалованиях за воеводскую службу, зафиксированных до гибели приказного архива.

Ф. Г. Шишкин служил в качестве сургутского второго воеводы при И. Р. Безобразове в 1623–1625 гг. В Казанском дворце он показал, что они вдвоём «перед прежними годы учинили государю прибыли... во всякой мяхкой рухляди 3 000 рублёв, да в своей поминочной рухляди учинили государю прибыли 942 рубли, ясачных людей приискали вновь 230 человек». За результативную службу воеводы в 1626 г. были пожалованы: Безобразову вручили соболиную атласную шубу ценой в 114 рублей и серебряный кубок; Шишкину — серебряный кубок, 40 соболей и 10 аршин лазоревой камки⁵⁹. Впрочем, вскоре выяснилось, что столь щедрое награждение воевод имело весьма зыбкие основания. Сменившему их в Сургуте воеводе Н. Е. Пушкину стало известно, что его предшественники обманули приказных дьяков. По утверждениям остяцких князцов и «лучших людей», Безобразов и Шишкин обязали платить ясак 256 человек, находившихся на иждивении взрослых ясачных плательщиков, — неплатёжеспособных больных, калек, стариков и малолетних. Вероятно, некоторое исключение составляли жившие при самих князцах захребетники и холопы. Они являли собой социальный реликт истории до прихода русских в Сибирь и служили напоминанием о более высоком общественном положении когда-то независимых остяцких предводителей. Обложение ясаком этих зависимых от князцов людей бесповоротно подрывало экономическую основу и авторитет патриархальной элиты перед их сородичами. Проникнувшись истиной, открывшейся из остяцких челобитных, Пушкин известил Москву, что без жёстких насильственных мер с аборигенов Сургутского уезда полный объём ясака по новым спискам Безобразова и Шишкина собрать не удастся.

В приказе Казанского дворца для ответа на донесение Пушкина пригласили Ивана Безобразова. Тот продолжал утверждать, будто учтённые им новые ясачные люди вполне способ-

---

⁵⁹ Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII вв. Новосибирск, 2000. С. 75–76.

ны к уплате подати, а ранее они избегали этого исключительно по своей злонамеренности. Приказных служителей убедили заверения Безобразова. Главным доводом в пользу его правдивости послужил тот факт, что реакция сургутских остяков на некорректность переписи оказалась запоздалой. Московским дьякам представлялось, что в случае несправедливого ясачного обложения «иноземцы» должны были обжаловать его немедленно, то есть бить челом на Безобразова и Шишкина тобольскому разрядному воеводе.

Со стороны Москвы несложно было оценить локальные условия: ханты Средней Оби, не имевшие письменности и расселявшиеся небольшими общинами на огромном пространстве, не могли предпринять незамедлительные действия. В приказе бытовало мнение, что Пушкин сам научил остяков подавать обвинительные челобитные: «И то знатно, что он, Микита, о том пишет ко государю для своей корысти, чтоб ему ясашным людям полехчить, а в государеве бы ясаке недобор учинить, и чтоб ему ясашных людей описать и складна учинить». В итоге воеводе Сургута был сделан суровый выговор, который гласил, что в случае возникновения ясачной недоимки по спискам Безобразова недоборный ясак будет взыскан с самого Пушкина и его товарища по воеводству Белкина, «да им же за то быть от государя в опале»⁶⁰.

В этом споре воевод сложно было бы встать на чью-то сторону, если бы не иные свидетельства. В «Ведомости сибирских городов» 1701 г. насчёт недобранного ясака говорится: «А в доимке на прошлые годы, со 133-го по 208-й год (1625–1700 гг. — Авт.), 136 533 рубли 5 алтын 4 деньги»⁶¹. Значит, долг остяков Сургутского уезда из-за неполной уплаты ясака начал увеличиваться как раз с 1625 г., и это заставляет усомниться в доходности для казны переписи, проведённой Шишкиным и Безобразовым.

Дворяне, желая выслужиться в должности городского воеводы, иногда сталкивались с таким неприятным фактом, как невыгодное место назначения. Так, в 1627 г. бывшие берёзовские воеводы князь Л. М. Волконский и И. И. Зубов (1625–1627 гг.) били челом о пожаловании. Они оценили прибыль (в пушнине и деньгах), полученную за время их правления, в 1 900 рублей. Большая часть этой суммы набралась вследствие того, что они обложили ясаком 107 остяцких захребетников и подростков. Остальные деньги воеводам пришлось собирать буквально по крупицам. Администрация Берёзова старалась учесть всё: «игровые заповеди на играцах взято 2 рубли 4 алтына»; «у берёзовских служилых людей вынято продажного сытного меду 14 ведр, и тот мед продан, взято за 14 ведр 3 рубли 26 алтын». Воеводы были вынуждены искать источники прибыли в непашенном городе, почти все жители которого были либо казаками, либо членами их семей. Поэтому назывался и такой доход: «Отдаваны государевы мелкие суды в наем берёзовским служилым людям для рыбного промыслу, взято 40 алтын». В результате активность воевод была одобрена: Волконский был награждён шубой ценой в 100 рублей и кубком, Зубов — 40 соболями, серебряным ковшом и 10 аршинами камки⁶². Из этого случая следует, что в 1620-е годы пожалования сибирским уездным воеводам чаще делались в виде единовременных даров мехами, драгоценной посудой и тканями, а не прибавлений к денежным и поместным окладам.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 8. Л. 2–8, 23–39.

⁶¹ Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 157.

⁶² Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII вв. С. 97–102.

Информации о пожалованиях за службу в Сибири в 1630-х годах не имеется. За период 1640–50-х годов известно 15 случаев, когда отслужившие воеводы добились значительного увеличения поместных и денежных окладов. Так, награждения получили два берёзовских воеводы подряд. По сведениям из челобитной стольника М. С. Лодыженского, он за время своего воеводства (1647–1650 гг.) обложил ясаком 406 человек, добрал на 700 рублей ясачных недоимок за предыдущие 12 лет, привёл к покорности тундровых самоедов, численность которых им определялась в 3 150 человек. В Москве эти достижения высоко оценили: кроме подарков от имени государя, денежный оклад Лодыженского был увеличен с 18 до 70 рублей, а поместный — с 500 до 750 четей⁶³. По тому же пути — в сторону приумножения количества ясачных плательщиков — шёл в поисках прибыли и следующий воевода Я. Н. Лихарёв (1650–1652 гг.). Число обложенных ясаком остяков и самоедов он увеличил на 472 человека, с которых в 1652 г. в ясак, на царские и воеводские поминки было собрано пушнины на 1 488 рублей (по сибирской цене). Челобитье Лихарёва примечательно перечислением заслуг на прошлой службе, на воеводстве в Курмыше (1645–1648 гг.), когда он фактически заново отстроил городские и острожные укрепления. Лихарёв, как и Лодыженский, был жалован подарками от государева имени, а его оклады с прибавлениями в сумме составили 800 четей и 55 рублей⁶⁴.

В. А. Александров и Н. Н. Покровский убедительно показали, что сибирский воевода все не был самовластным правителем, бесконтрольно злоупотреблявшим своей должностью. Его администрации приходилось учитывать мнение мирских сообществ (крестьянской и посадской общин, «войска» — казачьей организации города), которое выражалось как в подаче челобитных на имя государя, так и в прямых действиях. Можно согласиться с авторами, что «на протяжении всего XVII в., вплоть до окончательной победы абсолютизма, государственная власть признавала на праве обычая сословные корпоративные сообщества существенным звеном во всей системе государственного феодализма и прежде всего в местном управлении». В рамках сформировавшегося в Сибири порядка «население обладало правом непосредственного, хотя и с ведома воевод, обращения к высшей власти в Москву с далеко идущими просьбами — оставить воеводу на новый срок воеводства, сменить его до окончания этого срока и с жалобами, коллективными и индивидуальными, на злоупотребления воеводской администрации»⁶⁵.

В XVII в. челобития от населения с прошениями об отставке воевод «на другую перемену» — общероссийское явление (хотя и достаточно редкое), наиболее заметное к концу столетия. В отношении Сибири нам известно о пяти подобных обращениях, одно из которых было связано с берёзовским воеводой И. Ф. Грибоедовым. В 1688 г. жители Берёзова просили оставить Грибоедова у них на воеводстве на третий год. Они писали, что Иван Фёдорович, «будучи у нас воеводою, всякие дела делает и меж нами... росправу чинит по вашему великих государей указу вправду... налог и обид не чинит». Эту просьбу правительство удовлетворило. Тогда же сургутские оброчники, ружники и казаки ударили челом о продлении воеводских полномочий Ф. И. Потёмкина, их инициатива также была встречена благосклонно⁶⁶.

---

⁶³ Там же. С. 215–222.

⁶⁴ Там же. С. 233–240.

⁶⁵ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 127, 124.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1588. Л. 3; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 125; Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 120.

Однако заметим, что к каждому факту подобного рода следует подходить осторожно. В 1698 г. вскрылся подлог, учинённый верхотурским воеводой Д. П. Протасьевым, мечтавшим ещё на один год остаться в должности. Выяснилось, что поступившая в Москву «общемирская челобитная» была составлена на воеводском дворе, но Протасьеву, несмотря на давление, не удалось добиться необходимых подписей земских старост⁶⁷.

Произвол и злоупотребления сибирских воевод многократно и ярко описаны в специальной литературе. Мирские жалобы на местных администраторов обычно содержали однотипные обвинения лишь с некоторыми отличиями, связанными с расположением города и с особенностями социального состава населения уезда⁶⁸. В северных городах, где совсем отсутствовали пашенные крестьяне и посадские или их было мало, алчности и самоуправству воевод могла препятствовать лишь организация служилых людей («войско»), унаследовавшая и сохранившая традиции самоуправления вольных казачьих общин. Длительный конфликт между воеводами, служилыми людьми и крестьянами Пелыма разгорелся в первой четверти XVII в. Воевода И. М. Вельяминов (1623–1625 гг.) кратко обрисовал истоки и ход этих событий. Воеводами, пострадавшими во время противостояния, он назвал И. М. Годунова (1605–1609 гг.), И. Я. Вельяминова и Г. Н. Орлова (1616–1620 гг.), П. Н. Вельяминова (1621–1623 гг.). Правление самого Ивана Матвеевича у пелымцев тоже вызвало недовольство. В 1624 г. они послали к разрядным властям в Тобольск двух стрельцов, вручив им челобитную «ото всего города». Воеводу обвинили в изъятии земель у крестьян и служилых людей для нужд собственного хозяйства; в попытках принудить их работать на это хозяйство; во взятках мехами; в обращении ясачных в холопы и др. Из Тобольска с заданием досконально разобраться («считать воеводу») были направлены сын боярский И. Шульгин и подьячий Т. Васильев⁶⁹. Неизвестно, состоялось ли в конце концов следствие по челобитным, но стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. В 1621 г. Пелым выгорел от пожара. Новый воевода И. М. Вельяминов активно взялся возводить новые городовые и острожные стены, к работам привлекались фактически все взрослые пелымцы (около 80 человек). Летом 1623 г. город и острог были восстановлены. В марте следующего года в столице была подписана похвальная грамота И. М. Вельяминову за эту деятельность.

Рис. 2.8. Воевода с семьёй. г. Берёзов. XVII в.
Рисунок-реконструкция. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков... С. 68–69

⁶⁷ Языков С. А. «Выборы» посадских общин Сибири XVII – начала XVIII вв. как исторический источник // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 175–176.

⁶⁸ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 193–194.

⁶⁹ Там же. С. 235–236.

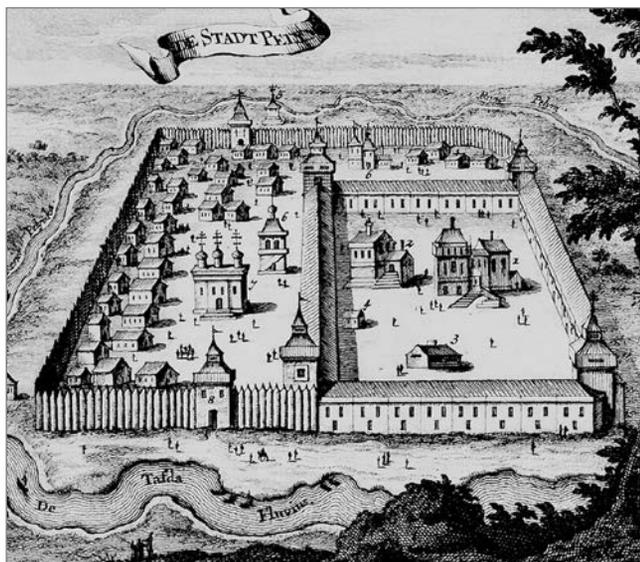

Рис. 2.9. Город Пелым. Гравюра конца XVII в. из кн.: Северная и восточная Тартария... С. 1043

Ему наказывалось и впредь «искать прибыли во всём» и сулилось царское пожалование⁷⁰. Именно повинность по «городовому делу» могла породить раздражение жителей Пельма; в Москве же на их жалобы предпочли закрыть глаза из-за его энергичных действий по восстановлению города.

Чтобы наглядно показать, каким образом проводился сыск по претензиям населения к воеводе, обратимся к делу берёзовского воеводы А. А. Плещеева-Мешкова (1633–1635 гг.), сохранившемуся среди архивных документов⁷¹. К моменту назначения на воеводство он уже был человеком в годах и состоял в чине московского дворянина. Весной 1634 г. главный разрядный воевода князь А. А. Голицын отрядил в Берёзов из Тобольска письменного голову Т. С. Вла-

дычкина и подьячего Б. Ушакова. Они должны были разобраться с делом воеводы Плещеева-Мешкова, на которого поступило несколько жалоб (от новокрещёна Григория Ваюсева, казака Васки Серебрянникова, посадского человека Антипа Киприянова, нескольких торговых людей и ясачных остяков). В целом, вменяемые ему провинности были вполне заурядными. Тем не менее сыск проводился с большим размахом — «большим повальным обыском», т. е. с поголовными опросами берёзовцев и окрестных остяков. На допросах «разных чинов люди» давали показания отдельными группами в соответствии с чинами. Были допрошены священник Воскресенской церкви Стефан Иванов, священник соборной Троицкой церкви Тимофей Михайлов, три пономаря, софийский сын боярский и церковный десятильник Григорий Иванчин, пушкари Иван Торлопов и Потап Алексеев, таможенный подьячий Дмитрий Шахов, а также 64 казака, служивших в гарнизоне Берёзова. Всего служилых людей в 1630 г. насчитывалось там 295 человек⁷². Однако большая часть казаков в течение года отправлялась на всевозможные «посылки»: в военные походы, на таможенные заставы, в ясачные волости и прочее. В самом городе в июне 1634 г. оставалось только 64 казака. Кроме них, следственная комиссия привлекла к опросу полтора десятка «гулящих людей» и двух торговцев. Показания взяли и у ясачных остяков из всех волостей Берёзовского уезда. В материалах сыска перечислены имена 144 остяков, но ими коренное население не исчерпывалось, поскольку «лучшие люди» и рядовые остяки, которые попали в поле зрения следователей, сообщали требуемые сведения и от лица сородичей («в товарищей своих место»).

⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1673. Л. 1-9.

⁷¹ Там же. Стб. 36. Л. 1-213. Кратко эти материалы уже рассматривались в литературе (Буцинский П.Н. Сочинения. Т. 1. Тюмень, 1999. С. 305–308; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 277–278).

⁷² Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 29.

Ко всем свидетелям сыщики Владычкин и Ушаков обращались с одинаковыми вопросами: «не устраивал ли воевода Плещеев-Мешков за время своего правления “изгони” ясачным плательщикам?», «давал ли он задание казакам приводить остяков к нему на двор?», «изымал ли бобров и чёрных лисиц у ясачных людей? А если так случалось, то брал сколько и у кого?» Эти вопросы проясняют, кто именно и по какому поводу подавал жалобы на воеводу. Так, у подгородного остяка «Паштиринкова сына» Плещеев-Мешков приобрёл чёрную лисицу, дав за неё 3 рубля; у остяка Мозянского городка воевода за 1 рубль взял двух чёрных соболей; у остяка Тимьянского городка — за 4 рубля чёрную лисицу. Подобных эпизодов набралось около десяти. Воевода оказался относительно «честен»: в отличие от других местных начальников, промышлявших тем же самым, он расплачивался за пушнину хоть какими-то деньгами.

В то время, как в Берёзове шёл «повальный обыск», служилые люди стали постепенно возвращаться в город из «посылок». Их сразу подключили к дознанию. Сын боярский Алексей Лихачев и казак Никита Шахов сообщили следователям, что Плещеев-Мешков посылал их собирать ясак, но действовали они по отношению к ясачным строго в соответствии с «наказной памятью», не допускали насилия и от воеводы не получали каких-либо заданий сомнительного свойства. В своих однообразных ответах допрашиваемые оправдывали Плещеева-Мешкова. На их фоне показания служилого человека Гришки Елистратова выглядят несколько неожиданными. По его словам, зимой 1634 г. он вместе с ещё одним казаком был послан в погоню за посадским человеком Антипом Киприяновым. Казаки нагнали того в Шоркарском городке, что в двух днях пути от Коды. Киприянов сказал им, что нанялся сопровождать до устья Иртыша посадского человека Петра Щепельницына. Казаки арестовали и обыскали Антипа. Пушной груз у него оказался довольно небольшим, но к нему прилагались четыре челобитных на воеводу Плещеева-Мешкова: от новокрещёна Григория Ваюсева, «гулящего человека» Карпика и две — от ясачного остяка Куноватской волости Шилика. Киприянова доставили обратно в Берёзов, где на допросе у воеводы он сознался, что отправился в Тобольск тайком, поскольку Плещеев не отпускал его туда с челобитьем (воеводам надлежало переправлять все челобитные выше по инстанциям, даже если те содержали жалобы на них самих). Плещеев разозлился и лично принялся избивать Антипа посохом. Тому не оставалось ничего другого, как прибегнуть к обычному в таких ситуациях способу: возопить, будто известно ему, Антипу, «великое государево дело», но отказаться его сообщать. Больше Елистратов не мог ничего рассказать.

Как выяснилось, Антип Киприянов поехал в Тобольск с челобитной грамотой от своих родственников, берёзовских жилецких людей Бажена и Осипа Киприяновых. Вызванные на допрос, они обвинили Плещеева в отнятии у них рыбных ловель и в принуждении к выполнению на своём дворе всяких «изделий».

Был допрошен Владычкиным и Ушаковым ещё один челобитчик — Карпунька Иванов. Его воевода, имевший помещичьи замашки, также приневоливал работать на себя, вымогал деньги и даже сажал на цепь. Воеводский сын, избивая Карпа «топтунками», сломал ему руку. Среди жертв Плещеева-Мешкова оказался торговый человек Исаак Пантелеев, которого воевода заточил в тюрьму. Увидев, как нарастает череда разоблачений, пришёл жаловаться остяк Подгородной волости, у которого Плещеев-Мешков забрал десятирублёвую шубу, заплатив ему меньше рубля.

Особенно взывал к справедливости остяк Шилик, отправивший с Антипом в Тобольск целых две челобитных. Он обвинил Плещеева-Мешкова в несправедном воеводском суде.

Случилось так, что сын Шилика и его холоп были убиты другим остяком, Аймой. Не полагаясь на обычаи, Шилик обратился к суду берёзовского воеводы. В русском уголовном законодательстве за умышленное убийство предписывалась смертная казнь. Однако Айма преподнёс воеводе пять соболей, двух чёрных бобров, одну чёрную лисицу (всего пушнины на 17 рублей), благодаря чему избежал разбирательства.

Однако чуть ли не основным действующим лицом следственного дела и главным противником воеводы стал новокрещённый остяк Григорий Ваюсев. Он известен тем, что ещё в 1607 г. донёс берёзовскому воеводе князю П. А. Черкасскому на своего отца Ваюся и других «лучших» остяков, будто те пытаются организовать антирусский мятеж. За столь важные сведения он был крещён и пожалован в казаки. В 1629 г. Григория «за старостью» отстранили от службы⁷³.

В соответствии с православным бытом, утвердившимся в Сибири в виде официальной религиозной политики, крещёным «иноземцам» запрещалось проживать со своими сородичами-язычниками. Поэтому отставник Ваюсев был обязан поселиться в Берёзове, но жалованья за службу ему уже не полагалось. Он начал промышлять рыбной ловлей и разводить домашних лисиц, мех которых ценился выше, чем мех зверя, убитого на охоте. Об этом занятии Григория воевода Плещеев-Мешков узнал вскоре по прибытии к месту службы.

Григорий держал лисиц у себя в загородных юртах, куда он удалялся для рыбного промысла. Туда к нему явились посланные воеводой казаки и увезли двух черночеревых и трёх чёрных лисиц. По словам Ваюсева, Плещеев-Мешков сверх того отобрал у него 50 беличьих и 20 горностаевых шкур. Помимо фактического ограбления старого новокрещёна, воевода взял к себе на двор и жену Григория, поручив ей шить шубы для его семьи. Самого же Ваюсева обязал выполнять в своём хозяйстве некие «зделья». У него имелись более чем веские основания оскорбиться, так как он верой и правдой служил русскому государю, предав даже собственного отца.

Своё недовольство любостыжательным берёзовским правителем Ваюсев высказывал публично, постоянно припоминая историю с чёрными лисицами (особо ценные меха надлежало сдавать или продавать в казну, а их утайка или присвоение расценивались как преступление). Справедливо опасаясь подачи Ваюсевым челобитной на себя, Плещеев-Мешков стал подыскивать повод для расправы над ним. Подгородные остяки Помытко и его брат Резанко донесли, будто Гришка Ваюсев «веры крестьянской отбыл и верует в их остяцкую веру, молитца шайтанам, и к жертвам остяцким с остяки ходит вместе, и зделал де он себе особно два шайтана деревянных»⁷⁴. Отречение от православия относилось к числу крайне серьёзных проступков, что позволило Плещееву-Мешкову арестовать Ваюсева и передать десятильнику Иванчину в церковное «смирение». Оно было нелёгким: сначала десятильник три дня морил провинившегося голодом, а потом продолжительное время держал «у себя на погребке, сковав руки и ноги». Поскольку дело происходило в зимнее время, можно представить страдания арестанта. В конце концов Григорий был выпущен десятильником и вместе с другими недовольными вручил Антипу Киприянову, собиравшемуся в Тобольск, челобитную на Плещеева-Мешкова, но бдительный воевода, как говорилось ранее, сумел перехватить грамоты.

⁷³ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. С. 29.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 36. Л. 211.

После этого Ваюсев вознамерился самостоятельно искать правды в ведомстве разрядного воеводы. В конце весны 1634 г. он приехал в сибирскую столицу, привезя с собой не только своё прошение, но и челобитную остяков Куноватской волости. В ходе повального обыска куноватские остяки объяснили, что неприятностей они ни от Плещеева, ни от прежних воевод не видели, а челобитие их было связано с ясачными сборщиками из служилых людей Берёзова. Те принимали пушнину «дешевой ценой, вполовину и меньше». Жалобщики сетовали, что «от того они вконец погибли и задолжали великими долги, женишка и детишка свои испродали, на лес стало им ходить нечем, ныне де у них у десяти человек один котел да топор»⁷⁵. Впрочем, воевода тоже приложил руку к разорению остяков. Прибывающих в Берёзов ясачных он насильно задерживал, вымогая у них поминки. Однако тобольским сыщикам куноватцы отказались давать показания и тем самым дезавуировали свои претензии.

Следствие, проведённое Владычкиным и Ушаковым, закончилось практически безрезультатно: служилые люди города поддержали воеводу, к тому же на него не было подано ни одной коллективной челобитной. Отписка Плещеева-Мешкова в Тобольск с опровержением всех обвинений, выдвинутых против него, была приобщена к документам сыска. Видимо, для него всё закончилось благополучно, и он смог спокойно дождаться своего преемника в 1635 г.

Что же до Григория Ваюсева, то он утверждал в Тобольске, что православной вере не изменял, идолов не делал и не молился им. По его уверению, доносчик Помытко подал извет «по наученью» воеводы Плещеева-Мешкова, а приверженность Григория христианству могут подтвердить все остяки, за исключением тех, кто клеветал на него. Трудно сказать, действительно ли этот новокрещён бесповоротно отказался от языческих верований. Возможно, он действительно тайно ваял изображения остяцких богов, которые, по преданиям, наполняли леса зверьём, а воды — рыбой. Однако точно можно сказать, что именно его появление в Тобольске ознаменовало начало следствия о должностных проступках воеводы Плещеева-Мешкова. Сведений о том, вернул ли Ваюсев своих лисиц, нет (вероятно, они оказались в государственной казне), зато имеется документ, повествующий о том, что в 1657 г. он просил о пожаловании на казачью службу своего сына, «чтобы мне, бедному, з женишкою и з детишками вашим государевым жалованьем, сынишка моего окладом, прокормитца и голодную смертью не умереть»⁷⁶.

Характерно, что в непашенных уездах Югры отмечено меньше конфликтов между воеводами и русским населением (почти исключительно служилыми людьми), чем в тех уездах, где, кроме служилых, образовались посадские и крестьянские общины. Есть данные о столкновении между сургутским воеводой Измайловым и служилыми людьми в начале 1646 г. по причине требования казачьего «войска» отпустить трёх человек, включая казачьего голову Семёна Иванова, в столицу с челобитными (неизвестного содержания) и выделить им подводы. Измайлов ответил, что готов отпустить их вместе «по водному пути» весной с грузом ясачной казны. Казаки принялись возмущаться и угрожать воеводе, отчего тот сбежал из съезжей избы и укрылся у себя на дворе. В Тобольск он направил отписку, на её основании три «пущих заводчика» были доставлены в ведомство разрядного воеводы и наказаны

⁷⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 36. Л. 202.

⁷⁶ Акишин М. О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 128.

батогоми ещё до ответа из Сибирского приказа. Впрочем, в указе из Москвы предписывались такие же карательно-воспитательные меры: битьё батогоми, дабы впредь служилым было неповадно воровать и «на воевод в съезжую избу невежеством и с шумом и с угрозами приходиться»⁷⁷.

Для воевод городов Северо-Западной Сибири конфликты со служилым миром могли обернуться неприятностями. В 1645 г. станица (отряд) казаков во главе с сыном боярским Алексеем Лихачевым везла из Берёзова в столицу ясачную казну. В Устюге один из приставленных к пушнине казаков, Семён Кокоулин, заявил местному таможенному голове Рагозину, что у них на судне «объявилась коробка, неведомо чья и с какою кладью». Эта коробка была взята в таможду, и за ней пришёл некий В. Степанов — человек берёзовского воеводы М. К. Квашнина (1643–1647 гг.). Оказалось, что это он погрузил на судно коробку, взятую на реке Вычегде у зырянина Нечая Чекичева. В ней обнаружили ценные меха, которые нелегально «вывозил на Русь» воевода Квашнин: 10 горностаевых шуб, 15 беличьих и 20 чёрных бобров⁷⁸. Изъятая пушнина была отправлена в Москву с этой же казачьей станицей. Может быть, берёзовские казаки и замолчали бы воеводские несправедливые «нажитки», но в Москве они собирались подавать челобитную на Квашнина (что по приезде туда и сделали). О её содержании можно приблизительно узнать только со слов самого Квашнина: неправда то, что он, воевода, дескать, «чинит служилым людям обиды и убойства». Для своего оправдания Квашнин принял ответные меры. Поскольку коллектив берёзовских служилых явно был настроен против него, воевода написал фальшивую челобитную якобы от имени остяков Куноватской, Сосьвинской и Обдорской волостей, князцы которых скрепили её своими «знамёнами» (родовыми и семейными знаками). Откровенная апологетика, выраженная в челобитной, наивный верноподданический тон фраз выдаёт искусственность текста, сочинённого будто бы остяками. Грамота гласила, что они, остяки, ни малейших обид от воеводы к служилым людям не видали, но они твёрдо заявляют, что воевода «с нас, сирот твоих... во все годы ясак собирал с великим раденьем»⁷⁹. Следовательно, за отсутствием в городе посадской общины и крестьян воеводе приходилось ссылаться на мнение (пусть и вымышленное) ясачных плательщиков.

Область судебной компетенции сибирских воевод весьма слабо выражалась в наказах, однако она была первостепенной для населения. В средневековом сознании категории «власть» и «суд» превращали воеводскую администрацию в судебную инстанцию даже без формальных предписаний законодательства. Из-за повышенной сложности или невозможности рассмотрения дел в московских приказах, воеводский суд для населения Сибири приобретал большую значимость, чем для жителей центральных уездов. Несмотря на подозрительное, ироничное и скептическое восприятие воеводского суда (неправедного «Шемякина суда»), для подданных Московского государства он всё же был необходим, поскольку в повседневной жизни порой случались и имущественные тяжбы, и бытовые конфликты, и уголовные преступления. Например, престарелый и болезненный сургутский воевода Л. М. Вельяминов-Зернов (1697–1701 гг.) в 1701 г. просил о замене. Наряду с его прошением в Сибирский приказ была доставлена челобитная служилых людей Сургута. В ней они позитивно оценивали воеводство Вельяминова-Зернова, но высказывались за удовлетворение просьбы, поскольку ныне-де он «застарел и за болезнью своею во всяких твоих великого государя делах меж

⁷⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 263. Л. 516–518.

⁷⁸ Там же. Стб. 130. Л. 565.

⁷⁹ Там же. Стб. 263. Л. 312–313.

грацкими всяких чинов жители росправы не чинит, и от того его неуправления между нами чинитца неустроение»⁸⁰.

В распоряжении воеводы находился немногочисленный судебно-полицейский аппарат, включавший «выимного объезжего голову», «запличного мастера», приставов, тюремных целовальников и сторожей. На целовальников возлагалась обязанность следить за соблюдением тюремного режима: они отпускали для сбора милостыни тех, кто пребывал в заточении «в небольших делах» (и только их); следили за тем, чтобы заключённые не обзавелись бумагой и чернилами; диктовать челобитные тюремные сидельцы могли лишь в присутствии целовальников; под контролем последних находились также посещения заключённых.

Рис. 2.10. С. В. Иванов. Суд в московском государстве. XVII в.
Ил. из кн.: Картины по русской истории,
изданные под общей редакцией С. А. Князькова. Москва, 1909

В небольших городах тюрьмы могли и отсутствовать. Только в 1644 г. по приказанию из Тобольска была построена тюрьма в Пелыме. Воевода князь А. М. Несвицкий извещал Сибирский приказ, что сторожа при ней нет, а прежний палач записался в пашенные крестьяне. Из Москвы ответили, что нет необходимости нанимать специального тюремного сторожа, потому что в Пелыме заключённых мало или совсем нет. Сторожа и палача воеводе рекомендовали выбрать из местных служилых⁸¹.

Тотчас по прибытии на место службы и вступлении в должность воевода был обязан подготовить «статейный список» узников: «хто именем и в каком деле и сколь давно в тюрьме сидят и пытан ли хто и что с пытки... говорил» — и отослать его в столицу. Такой список, составленный мангазейским воеводой И. С. Корсаковым (1652–1656 гг.), был рассмотрен судьёй Сибирского приказа князем А. Н. Трубецким. В тюрьме Мангазеи отбывали наказания 16 человек. Новокрещённые остяки (очевидно, селькупы) Ортюшка Васильев и Ивашко Афонасьев, сидевшие к тому времени уже 10 лет, были осуждены за убийство служилых людей и ограбление ясачной казны. Ввиду серьёзности их преступления Трубецкой велел держать их в заточении и впредь. Целую группу сидельцев образовали 10 разжалованных мангазейских стрельцов, обвинённых в ограблении дьяка Богдана Обобурова (детали этого дела неизвестны). Поскольку они тоже находились в тюрьме 10-й год, то глава Сибирского приказа распорядился выпустить их на поруки, если будет кому поручиться. Промышленные люди Ивашко Андреев Емчанин и Трошка Васильев Пинежанин были признаны виновными в убийстве на реке Хете своего хозяина Никиты Романова Казанца. Материалы расследования по их делу (расспросные речи) за 7 лет до этого были отправлены в Москву. Трубецкой

⁸⁰ Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 77–78.

⁸¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 139. Л. 390–391, 397.

приказал вновь допросить обоих с пристрастием («привести к пытке»), а пыточные речи представить к нему в приказ. По неизвестному «государеву делу» провёл год в тюрьме стрелец Якушко Фомин. Его следственное дело было отправлено в Тобольск, а из Сибирского приказа его запросили в Москву. Наконец, полгода томился в тюрьме промышленный человек Офонька Титов Медведчик, который донёс на стрельца Ивана Семёнова о том, что тот покупал у «иноземцев» соболиные меха ещё до сбора ясака. Семёнов находился где-то на службе, в дальней «посылке», поэтому Москва указала дожидаться возвращения стрельца и устроить ему с «извечником» (доносчиком) очную ставку⁸².

Следующий воевода Мангазеи С. В. Ларионов (1656–1659 гг.) застал в тюрьме только троих узников. Ивана Чепчугова считали виновным в убийстве двух человек. Уже два года находились в тюрьме пономарь Алексей Антонов и сапожник Кузьма Оксёнов, совершившие церковную кражу. Все трое ночью 9 сентября 1656 г. бежали из тюрьмы, но через две недели вернулись в Мангазею, потому что «заблудились в тундрах». За побег подверглись пыткам и битью кнутом. Батогами был наказан и сторож Кирилка Онофриев, отходивший ночью от тюрьмы⁸³.

Имея на руках текст Соборного Уложения, воеводы имели право судить преступников из русского населения, не запрашивая столичный приказ. В феврале 1652 г. к мангазейскому воеводе обратились Бажен Афанасьев и два его товарища, прибывшие из промысловых зимовий. С собой они привели Ивана Фёдорова Галичанина — убийцу, по их словам, трёх промышленных людей. Тот поначалу отпирался, но после истязания «во всем винился». В итоге выяснилось, что в зимовье в верховьях реки Таз он «убил до смерти» жившего с ним его товарища Гришку Чушолу. Затем он несколько месяцев провёл в зимовье у Бажена Афанасьева, которому рассказал, будто Гришка скончался своей смертью. Бажену же Иван «отплатил» за приют тем, что застрелил из лука его брата и племянника. Обвиняемый хотел было умертвить и остальных зимовщиков, которые там находились, но они смогли укрыться «на стану» Бажена (хотя сам Бажен получил ранение стрелой в руку). Осаждаемые душегубом промышленники догадались схитрить: они клятвенно пообещали Галичанину («крест целовали»), что не тронут его и утаят ото всех случившееся, если он явится к ним «добром». Иван, по словам заявителей, поверил крестному целованию. На следствии в Мангазее он показал, что «хотел де он их побить из нажитков — Бог даровал им соболиный промысел добрый», а гибель промышленников приписать осяткам или самоедам. Выяснилось, что Иван являлся владельческим крестьянином двоюродного дяди царя Алексея Михайловича, боярина Никиты Ивановича Романова, но от смертной казни его это обстоятельство не спасло. Воевода И. С. Корсаков приказал повесить Ивашку Галичанина (приговор был «вершен по Уложению»)⁸⁴.

По размеренной адаптации коренного населения Сибири к государственным устоям, в том числе судебным порядкам, и по степени учёта их традиций русской администрацией можно судить, каким образом проявлялись особенности процесса вхождения народов Сибири в состав Российского государства. Вмешательство русского суда в повседневную жизнь ясачных плательщиков имело место или после обращения самих истцов в суд, или при возможности ареста людей, совершивших тяжкие преступления, которые не могли остаться без внима-

⁸² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 408. Л. 394–400.

⁸³ Там же. Стб. 503. Л. 19–21.

⁸⁴ Там же. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 38–39.

ния воеводской администрации. Важным фактором при этом являлась территориальная отдалённость ясачных волостей от уездного центра, что наглядно проявлялось в деятельности, например, пелымских воевод. Таёжная Большая Конда была относительно самостоятельной частью бывшего Пелымского княжества. Ясачные люди этого края ещё в первой половине XVII в. почти не обращали внимания на распоряжения русского уездного начальства. В 1654 г. воевода П. И. Лыков в своей отписке сокрушался: «Да в той же, государь, Кондинской волости в твоих государевых людех меж собою чинится у них великое воровство и убойство: друг на друга ходят разбоем и друг друга грабят и розбивают, и из луков стреляются, и ножи режутся... И те... убойцы, твои государевы ясачные люди, пелымским служилым людям не даются, из луков... стреляют»⁸⁵.

Совершенно иная ситуация возникла в ходе судебного разбирательства в 1639 г., когда пелымский воевода князь П. Ф. Волконский расследовал преступления в Тахтанской и Табаринской волостях. Тахтанская волость находилась на реке Лозьве, к западу от Пелыма, в 1636 г. в ней официально насчитывалось 35 ясачных вогулов⁸⁶. В конце 1639 г. житель этой волости Лукумя Шуин в драке убил другого ясачного, Буйтаха Котыина. Воеводу об этом известил стрелец Иван Толмачев. По приказу воеводы Лукумя и Оська, сын убитого, были доставлены в Пелым. Допрошенный убийца не отрицал своей вины и подал челобитную с изложением причин вражды с семьёй Буйтаха. Есть основания предполагать, что роковое столкновение произошло не столько из-за спора по поводу охотничьих угодий (как описывалось в той грамоте), сколько в ходе борьбы за лидерство в Тахтанской волости — социального конфликта, о котором русская власть и не подозревала. Судя по содержанию челобитной, вогулы признавали за Лукумем Шуиным и Буйтахом Котыиным статус «лучших людей» своей волости.

Открытую борьбу начали Буйтах и его сыновья. Недалеко от юрт Шуина они установили самострелы, из которых была убита его охотничья собака. Возле Буйтаховых юрт была застрелена ещё и лошадь Лукуми. Когда для выяснения отношений Лукумя пришёл к Буйтаху, то услышал грубую отповедь от сыновей последнего: «Хотя де мы и тебя убьем, не боимся ничево». Драку с Лукумем начала жена Буйтаха, к ней присоединился муж, который в итоге и погиб от руки противника. Показания Оськи Буйтахова не расходились с расспросными речами Шуина. Поскольку в то время в Пелыме не было тюрьмы, воевода приказал виновного «дать за пристава», т. е. разместить на дворе какого-нибудь пелымского стрельца.

В то время сибирские воеводы, расследуя уголовные преступления, не имели полномочий приговаривать к казни ясачных, поэтому должны были запрашивать «профильный» Сибирский приказ. Так поступил и Волконский, но одно обстоятельство всё же побудило его вынести приговор по этому делу. Тахтанские вогулы подали коллективную челобитную о том, что Буйтах и Лукумя являются у них «лучшими людьми», а после гибели первого и заточения второго волость оказалась обезглавленной («к твоему де государеву делу в волости у них у ясачных людей промышленника ныне нет»). В понимании воеводской администрации ясачная волость «иноземцев» была таким же «миром», как и русская посадская или крестьянская община. Вогульская челобитная в принципе объективно отражала финансовые интересы казны. Поэтому Волконский приказал Шуина для вида наказать и всё-таки освободить. Лукумя был «нешадно» и публично (в присутствии ясачных из разных волостей) выпорот кнутом и передан на поруки.

⁸⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 150.

⁸⁶ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 29, 31.

Когда у следствия возникал вопрос к ясачному некрещёному населению, русская судебная власть в Сибири, как правило, учитывала нормы обычного права, по которым допускалось взимать «головщину» в пользу родственников потерпевшего. Так, Лукуме надлежало уплатить 4 рубля 13 копеек «поголовных денег». Кроме того, ему вменялось в обязанность выплачивать ежегодный ясак вместо убитого Буйтаха до тех пор, пока не найдёт себе замену для этого в лице какого-нибудь «гулящего вагулетина», способного выполнять ясачную повинность⁸⁷.

Одновременно с расследованием убийства Буйтаха пелымскому воеводе пришлось разбирать дело пашенного вогула Табаринской волости Енабая. Эта волость в среднем течении реки Тавды некогда испытала сильное и продолжительное татарское влияние, что проявилось, в частности, в развитии земледелия и распространении среди её жителей татарских имён. Население волости, насчитывавшее в 1636 г. 104 человека мужского пола, состояло из пашенных и ясачных вогулов. В январе 1640 г. Енабай был прислан в Пелым с сыном боярским Исааком Албычевым. Он был повинен сразу в нескольких преступлениях. Енабай положил глаз на жену вогула Шатанки и стал угрожать ему убийством, чтобы завладеть женщиной. Оскорблённый муж нанёс Енабаю удар по голове. Обоих (кстати, крепко выпивших) разняли, но Енабай тут же затеял новую ссору и ранил ножом вогула Епана. А незадолго до этого, как донесли воеводе, Енабай убил мурзу Ялту. После следствия с пыткой Волконский отослал в Тобольск отписку с тем, что удалось выяснить.

Однако и разрядный воевода князь П. И. Пронский не мог принять окончательного решения по этому делу. Он лишь велел Волконскому возвести в Пелыме тюрьму и дожидаться вердикта из Москвы.

Табаринские вогулы обрадовались аресту Енабая и составили челобитную с просьбой наказать его фактически по русским уголовным законам. Воевода Волконский расценил, что отказ вогулов от какого-либо заступничества за своего соплеменника очень важен, и приобщил их грамоту к материалам дела. В столичном ведомстве судьбу Енабая решили окончательно, приговорив к повешению в Пелыме «на приметном месте» в присутствии ясачных всех волостей⁸⁸. Надо полагать, этот указ был исполнен.

Таким образом, аборигенное население Югры в XVII в. постепенно вовлекалось в сферу общероссийского судопроизводства, и этот процесс был характерен для всей Сибири (кроме территорий тундровых ненцев, Чукотки и Камчатки).

---

⁸⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 88. Л. 37–40.

⁸⁸ Там же. Л. 40–44, 50.

Глава 2

Коренное население Югорской земли: состав, численность, расселение

Коренное население Западной Сибири — предки современных ненцев, манси и хантов, и занимаемые ими земли были известны под несколькими названиями. Югрой в источниках назывались территории, граничащие с Пермью на востоке. Самоядь и Мангазейей именовались земли и племена, кочевавшие от низовьев Оби до Енисея. Название «Югра» исчезло из документов в течение XVII в., что показало изменения ситуации в Западной Сибири: политическое объединение племён, некогда носившее это название, ушло с исторической арены, а сведения об отдельных народах стали более точными. Предки современных манси были известны под этнонимом вогулы от *взгул* — «дикий», заимствованным из языка уже принявших православие коми. Предки хантов именовались остяками от *уштек* — «неверный», заимствованным из языка татар, уже принявших ислам. Отдельные группы этих народов различали по местам сдачи повинности или бассейнам рек.

Судя по информации в русских письменных источниках, ненцы, известные под общим этнонимом «самоядь», разделились на самоёдов Каменной и Низовой сторон позднее XVII в. До этого времени все ненцы, кочевавшие по обеим сторонам Оби (обдорские самоеды), официально были причислены

Рис. 2.11. Казымский городок. XIX в.
Худ. Н. Шахов. Рисунок на ткани. МАЭ. 5753/1

Рис 2.12. Самоеды. Охота на оленей зимой.
Гравюра конца XVII в. из кн.: Северная и восточная Тартария... С. 1128

к Обдорской волости Берёзовского уезда. «Пустозёрской самоедью» именовались их сородичи, проживающие на западе и обязанные выплачивать ясак в Пустозёрск.

В ведомостях ясачных платежей по отношению к самоедам, в отличие от других народов Западной Сибири, применялась категория «род». На основании таких упоминаний Б. О. Долгих определил, что в конце XVII в. у обдорских самоедов насчитывалось 18 родов¹. В историографии существуют различные мнения насчёт рода как основной единицы социальной организации ненецкого народа. С. В. Бахрушин считает, что «кочевой быт способствовал сохранению у самоедов родового строя в его самом первобытном виде»². А. В. Головнёв, напротив, считает, что «ненецкий род, обычно представляемый разлагающимся рудиментом первобытности,

в действительности был боевым и здоровым организмом. Он формировался вокруг вождя и его родичей, представляя собой орду воинов и промысловиков. С развитием крупностадного оленеводства ненецкие роды оказались рассеянными по тундре, множась на ветви под началом новых поколений лидеров»³.

В своё время С. В. Бахрушин составил описание количественного и социального состава ненецкого рода XVII в., с которым согласились и современные историки. По мнению С. В. Бахрушина, возглавляемый вождём (князем) род изначально включал «родников» — близких родственников, но со временем расширялся за счёт пасынков, свойственников (зятьёв, шуринов), «вскормленников». Люди, обладавшие маломощным хозяйством и искавшие защиты и поддержки, также могли быть приняты в род. Кроме того, он расширялся за счёт пленников, особенно женщин и детей, захваченных при военных столкновениях. Ссылаясь на примеры из ясачных книг Мангазеи относительно таймырских родов, С. В. Бахрушин приходит к заключению, что «общая численность рода... считая женщин и детей, определяется обычно в несколько десятков человек»⁴. Однако такой вывод сложно сделать по отношению к обдорским самоедам, к численности ясачных плательщиков из их родов, известной по источникам.

¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 76. Роды обдорских самоедов, фигурировавшие в документах 1695 г.: Карачеи, Яры, Сигуней, Адеры, Анну-Карачей, Сабе и Яптики, Югучейский (Ючи, Еуши), Вынги, Айваседа, Парабы, Сопли и Япти, Пяки, Обдорский, Лодокуйский, Ванюты, Луца-Ванюта, Соль-Ванюта, Пучей.

² Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т 3. Ч. 2. С. 7.

³ Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 56.

⁴ Бахрушин С. В. Научные труды. Т 3. Ч. 2. С. 8–9.

В XVII в. обдорская самоедь (по-иному: юрацкая, кровавая, немирная) выплачивала неокладной ясак, так как русская администрация не имела возможности пересчитать и обложить податью всех кочующих ненцев. Сведения о численности ясачных плательщиков по конкретным родам появились лишь в конце XVII в. В материалах, исследованных Б. О. Долгих, наблюдается значительный разброс в количестве платёжеспособных мужчин из отдельных родов. Например, в роде Большие Карачеи в 1695 г. насчитывалось почти 400 плательщиков ясака, в роде Сигуней — 50, в роде Вынги — всего 3. Обычно роды насчитывали несколько десятков ясачных плательщиков-мужчин, общее количество родовичей в таком случае исчислялось в две-три сотни человек. Цифры, приведённые Б. О. Долгих, явно идут вразрез с положениями С. В. Бахрушина. Вероятно, в источниках, данными которых оперировал С. В. Бахрушин, было записано лишь ближайшее окружение князцов — их семьи, родственники и холопы; посчитать же остальных не представилось возможным, т. к. даже в мирное время члены одного рода могли жить разрозненно, кочевать не в полном составе⁵.

Однако следует учитывать, что в этих источниках мог быть запечатлён процесс дробления первоначальных больших родов на «дочерние» ветви, пока ещё окончательно не оторвавшиеся от «материнского» рода. Образование таких новых родов у тундровых самоедов обычно датируют временем более поздним, чем XVII в., но возможно, что ясачные документы первого столетия освоения Сибири просто не зафиксировали это явление. В этнографической литературе отмечается, что названиями новообразованных родовых ветвей становились имена их родоначальников, которые были, прежде всего, военными вождями. По мнению А. В. Головнёва, «именно в войнах и конфликтах вокруг вождя (*ерв*) формировался род (*еркар*); при тех же обстоятельствах роды разделялись и объединялись»⁶. Этот тезис можно связать с ситуацией XVII века, когда ещё мало сказывались экономические факторы, определяемые в литературе как причины распада первоначальных родов у ненцев (развитие крупностадного оленеводства, установление частной собственности на оленей, растущая социальная и имущественная стратификация, разграничение территорий выпаса оленей). И. И. Крупник правомерно задаётся вопросом о том, какими принципами руководствовалась русская администрация при письменном учёте коренного населения. Так, в XVII в. учёту подвергались только плательщики ясака и те, кто был по разным причинам не способен его платить. С конца XVIII в. в ревизских сказках фиксировался уже семейный состав населения. Однако, как отмечает И. И. Крупник, «ревизии и ясачные сказки ориентировались, прежде всего, на простоту и устойчивость учёта коренного населения для максимально надёжного сбора пушного налога» и потому упрощали изменяющуюся картину родового состава ненцев⁷.

Кроме книг ясачного сбора, сохранились разрозненные материалы иного характера. Они наглядно свидетельствуют о том, что в ясачной документации родовой состав тундровых самоедов XVII в. был зафиксирован частично. Приведём несколько примеров. В историографии существует мнение, будто в ходе разрастания Карачейского (Харючи) рода к 1730–40-м гг. из него выделился род Наречи⁸. Однако в отписке пустозёрского воеводы от 1642 г. о набеге

⁵ Так, осенью 1643 г. вблизи Мангазеи ненец Сензехом из рода Айваседа ловил рыбу и затем «поехал на оленях с реки Таз к своему роду к самоеди ж и наехал де он самоедина своего ж роду имянем Кырпу» (РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 435).

⁶ Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. С. 55.

⁷ Крупник И. И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695–1992 гг. // Древности Ямала. 2000. Вып. 1. С. 141.

⁸ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 135.

сибирских самоедов рода Большие Карачеи на Пустозёрский уезд можно найти уточняющие сведения. В течение целого месяца около двух сотен ненецких воинов разоряли уезд, а затем ушли в тундру. Сразу после этого русские жители уезда, «которых грабили самоедь в деревнях», известили воеводу о том, что «идут де под Пустозёрский острог самоедь воевать нас бои, Ану-Карачея прозвищем Нарицы»⁹. Следовательно, в середине XVII в. Ану-Карачей уже являлся вполне самостоятельным родом по отношению к Большим Карачеям; именно из него и выделился известный в XVIII в. род Наречи.

Н. А. Миненко определила, что к 1730-м гг. от тех же Больших Карачеев отделился род Езынге. Очевидно, истоки и его самостоятельного существования следует датировать немного более ранним периодом, т. к. известно, что уже к 1735 г. у рода Езынге был свой глава — Мачт Тудулин, а также 150 вооружённых воинов¹⁰.

Встречаются упоминания о ненецких родовых ветвях, иллюстрирующие процесс дробления больших родов. В 1636 г. у Надымской губы были убиты мангазейские гонцы, которые следовали в Обдорск. Ходили слухи, что их «побила неясная самоедь, юраки Тьютова роду Юхи»¹¹. По предположению Б. О. Долгих, Юхи — это самодийский род Ючи (лесные ненцы, энцы) и Пучи (тундровые ненцы). В 1656 г. есть упоминание о роде Сотысиды в составе юрацких самоедов¹². Челобитная от 1641 г., написанная племянником одного из убитых мангазейских гонцов, устюжанином Михаилом Кондаковым, позволяет получить представление о том, насколько русские люди, те из них, которые торговали с самоедами, ориентировались в родовой структуре сибирских тундровых ненцев: «Жалоба, государь, мне на Карачею и закаменную самоедь: Большие Карачеи на Немчина, да на Хияна, да на Малово, да на Хозку, да на Трясоголова, да на Урея; да роду Пурыега на Сергу, да на Кривова, да на Кирпета, да на Хромово с товарищи их; Ванютина роду на Яру с товарищы; да на Сабин род; да на Гигиных род; да на Адеры род; да Ану-Карачеин род; на Ялты род... и на все их роды карачейские и закаменные самоеди»¹³. Отметим здесь несколько любопытных моментов. Среди родов тундровых ненцев явно лидирует род Больших Карачеев. Роды Гигиных и Ялты впоследствии не упоминаются. Представляется, что в процитированном тексте зафиксировано время выделения рода Яр (Яры), который существовал до XX в., из «материнского» рода Вануйто. В челобитной «Яр» явно употребляется в качестве имени собственного, что подтверждает версию о происхождении названий малых родов от имён их родоначальников.

Наряду с родом ещё одной единицей социальной организации тундровых самоедов в XVII в. было племя (*тэнз*). А. И. Шренк, побывавший в приуральских тундрах в 1837 г., отметил: «Не только все европейские самоеды, но и сибирские их единоплеменники до Обско-

⁹ Обдорский край и Мангазeya в XVII веке. Сборник докуменoв. Екатеринбург, 2004. С. 23.

¹⁰ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. С. 135; Вершинин Е. В. Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д. Л. Овцына // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2001. С. 97.

¹¹ «Юрацкая самоедь» нередко упоминается в источниках XVII в. По этим документам можно определить, что юраки делились на большие роды и более мелкие, выделившиеся из них. К юрацким самоедам относился и доминирующий клан Большие Карачеи. По источникам, юрацкие самоеды локализуются между Тазом и правобережьем Оби.

¹² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 71; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 246 об.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 88. Л. 369.

го бассейна разделяются на три главных племени: лага, ванонта и харици или харуци, которые, по всей вероятности, считали друг друга за разные народы, потому что слово танз, означающее племя, выражает также понятие народа»¹⁴.

Долгое время считалось, что племя Харючи впервые упоминается в русских источниках в начале XVII в. В 1623 г. тобольские воеводы задавали промышленнику Леонтию Шубину вопросы о морском пути из Поморья в Обскую губу. Тот вспоминал своё первое плавание в 1602 г. по Мангазейскому морскому ходу, включавшему волоки через Ямал. Среди прочего Шубин говорил: «... По обе стороны Мутные реки временем кочует самоедь Карачея и иные роды, а дают та самоедь ясак в Пустоозеро»¹⁵. Принято считать, что племя Логеи (Лэхэ тэнз, у А. Шренка — Лага-танз), которое проживало в тундрах западнее Урала, фигурирует в источниках с конца XVII в. Однако жалованная грамота «самояди югорской», выданная великим князем Василием III в 1525 г., позволяет установить, что ненецкие племена Логеи и Харючи были ещё более древними народами, чем предполагалось ранее. Адресаты грамоты перечисляются следующим образом: «В самоедь Югорскую, что живут по реке по Оби, князю Карачею Седу да князю Лехею, да князю Томылу, да князю Белоголову, да князю Яркоме и всем земским людем самоеди Югорской»¹⁶. Здесь содержатся первые упоминания о племенных объединениях Харючи и Логеи (до этого они представляли собой только большие роды), которые обитали в низовьях Оби, к востоку от Урала.

В грамоте царя Фёдора Ивановича от 1597 г. в Пустозёрск содержится следующая по времени известная нам информация о племенах самоедов. Эта грамота служила ответом на челобитие тундровых «морских самоедов» Хубея Сахина и Седукея Акуева. Они жаловались на внимание с них дани пустозёрскими сборщиками в размере, многократно большем по сравнению с прежним окладом. Помимо этого, челобитчики писали, что «оне де, самоедь, ныне охудали и одолжали: Лохей да Ванюта, да Талынга, да Карачей. А наши де данщики правят и за тое самоедь нашу дань на нём, на Хубее». Впервые в русских текстах встречается племенное название Вануйто. Хубей также жаловался на «безданных» самоедов с родовыми названиями Вонга и Сабый¹⁷, угоняющих его оленей. Из более поздних источников известно, что роды Вынги и Сабы (Сабей) считались ответвлениями первоначального рода Вануйто; у ненцев существует предание о братьях — родоначальниках этих трёх родов¹⁸.

Возможность выяснить этнический состав тундровых самоедов зависит от того, какой версии происхождения самодийцев (в том числе ненцев) придерживается тот или иной исследователь. Г. Д. Вербов, В. Н. Чернецов, Б. О. Долгих, В. И. Васильев, Л. В. Хомич и многие другие авторы придерживаются южносибирской (саяно-алтайской) гипотезы самодийского этногенеза. В соответствии с этой гипотезой, предки ненцев мигрировали с юга и в конце I тыс. н.э. заселили северные области Западной Сибири и Урала. Вступая в брачные отношения с местным населением (которое в преданиях ненцев фигурирует в виде некоего народа сихиртя, ушедшего в землю), они ассимилировали его. Аргументом в пользу этого служит фиксация в историческое время двух экзогамных фратрий с их ответвлениями-родами — Харючи и Вануйто. Приверженцы южносибирской гипотезы видят в объединении Харючи

¹⁴ Шренк А. И. Путешествие к северо-востоку Европейской России. М., 2009. С. 416.

¹⁵ РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1089.

¹⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2338. Л. 6.

¹⁷ Там же. Л. 9–10.

¹⁸ Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. С. 53.

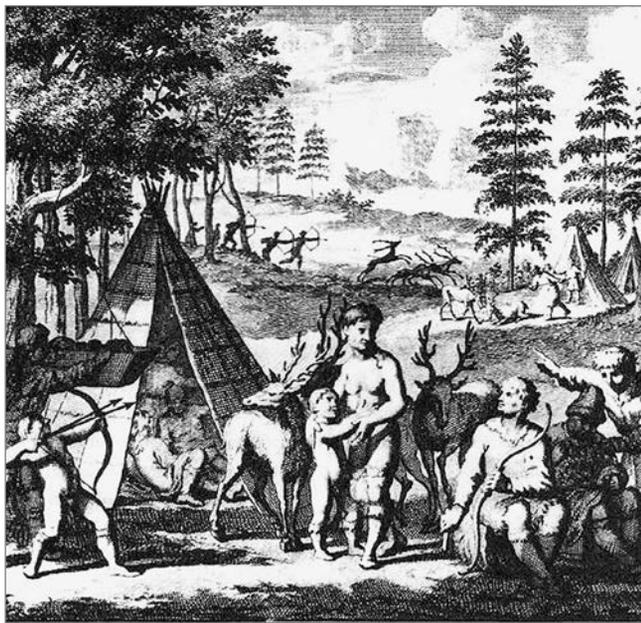

Рис. 2.13. Самоеды. Семья самоедов в летнее время.
Гравюра конца XVII в. из кн.: Северная и восточная Тартария... С. 1128

потомков исконных самодийцев, а группу родов Вануйто — этнически восходящей к арктическому досамодийскому населению, сменившему язык.

Однако, насколько нам известно, пока не выявлены археологические признаки самодийских миграций на север, а в мифологии и фольклоре ненцев отсутствуют какие-либо отголоски их южной прародины. Представляется, что жёсткая дуально-фратриальная структура (например, Харючи — Вануйто) была «обязана» найтись у «первобытных» народов, что во многом сковало мыслительный диапазон исследователей. Также нет данных, которые бы позволили объяснить, с каких пор объединения Харючи и Вануйто стали взаимно экзогамными; в русских текстах XVII в. информация о брачных связях ненцев полностью отсутствует. А. П. Зенько пишет:

«Очевидно, самодийцы, будучи представителями одной родовой группировки, не могли заключать браки друг с другом. Поэтому, оказавшись в Приполярье, стали вступать в браки с аборигенами»¹⁹. Резонно задаться вопросом: с кем вступали в браки самодийцы, продвигавшиеся на север из алтайской прародины? В схеме дуально-фратриальной организации тундровых самоедов не находится место роду (племени) Лэхэ, хотя, как было описано ранее, и Карачеи, и Ванюта, и Лохей существовали и доминировали в среде самоедов уже в XVI в.

Гипотеза о южной прародине в последнее время подвергается критике; одновременно идёт накопление доказательств в пользу изначальной автохтонности предков современных ненцев. Так, Н. В. Фёдорова заключает: «Ненцы ниоткуда — ни с Саяно-Алтая, ни с запада, из Большеземельской тундры — не пришли, а всегда в виде каких-то своих дальних предков присутствовали на севере Западной Сибири»²⁰. А. В. Головнёв убедительно отстаивает версию об исконно северном очаге этногенеза самодийцев: «Самодийская прародина, вероятно, располагалась там же, где в историческое время кочевали ватаги «каменных самоедов» (уральских ненцев) — в северных лесах и тундрах по склонам Уральского хребта, включая Припечорье на западе и Приобье на востоке»²¹.

Что касается загадочных сихиртя, то, судя по преданиям поздних тундровых ненцев, те понимали ненецкий язык. Ненцы-оленоводы и сихиртя, очевидно, являлись носителями двух контактирующих культур, которые некогда зародились в недрах прасамодийской

¹⁹ Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард ; СПб., 2000. С. 101.

²⁰ Фёдорова Н. В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. С. 65–66.

²¹ Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. С. 24.

общности, но со временем использовали разные модели освоения северных территорий, отчего ненцы-оленеводы считали ямальских сихиртя примитивным народом, жившим в землянках, занимавшимся морским зверобойным промыслом и охотой на дикого оленя. Нечто похожее в начале XII в. писал киевский летописец, который характеризовал «культурных» полян, противопоставляя их другим восточнославянским племенам — радимичам, древлянам, северянам, вятичам. Последние селились «зверинским образом» в лесах, «яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто»²². Традиционная обрядность древнеславянского населения осуждалась представителем полян, просвещённых христианством, хотя он и не отрицал родства всех славянских племён.

Большие Карачеи — наиболее крупное объединение тундровых самоедов в XVII в. Оно претендовало на лидерство в северном кочевом мире. В начале XVII в. Большие Карачеи перемещались со стадами по обеим сторонам Северного Урала и по большей части Ямала. Впоследствии Карачеи вместе со своими родовыми ветвями расселились в тундрах между Тазом и Обью и на побережье Обской губы. Их точная численность не поддаётся определению из-за несовершенства ясачного учёта. В 1633 г. лесные (казымские) самоеды сообщали о нападении 300 тундровых самоедов, во главе которых стояли Пидириска и Трясоголовый — братья из Карачеев²³. В 1642 г. 200 воинов из Больших Карачеев во главе с вождём Хулейкой разорили Пустозёрский уезд.

В конце 1649 г. во время выплаты ясака в Обдорском городке берёзовские казаки взяли в аманаты (заложники) князца Больших Карачеев Пося Хулеева и предводителей двух других родов. У Обдорска тогда для сдачи пушнины собралось шесть «землиц» (родов): Большие Карачеи, Сабей, Адеры, Пуруега, Сегуней и Ванюта. По словам казаков Кокоулина и Свешникова, захвативших аманатов, «у тех де шти князцей в их земляцах самоеди 3 150 человек». Берёзовский воевода М. С. Лодыженский, отбывший положенный срок воеводства, в Москве бил челом о награждении, указав, что его радением более двух тысяч тундровых самоедов были обложены ясаком. Это оказалось ложью, которую разоблачили обдорские остяки. Они попросили воеводу, который сменил Лодыженского, выпустить на свободу аманатов и при том сообщили: «А той, государь, карачейской самоеди всех и с началу не бывало двух тысяч человек и нынеча нет ни осьмисот человек — и худых, и добрых»²⁴. В 1695 г. в ясачных реестрах числился 391 человек из рода Карачеев.

В. И. Васильев в своё время писал о ненцах XVII в.: «Власть “князцов” не была наследственной... Как правило, после смерти “князца” или истечения срока его полномочий эту должность мог занять член другого рода из состава данной этнографической группировки»²⁵. Однако из материалов XVII в. выясняется, что лидерские полномочия в элитном роде Больших Карачеев в тот период всё-таки были наследственными. Вышеупомянутые предводители Хулейко и Немчинко, видимо, приходились друг другу родными или двоюродными братьями. Среди тундровых ненцев в 1640–1670-е гг. признанным вождём был князец Больших Карачеев Пось (Поско) Хулеев. Известны его братья: старший Хена (Хесня, Хыня), Хаска (умер после пыток в Пустозёрске в 1652 г.) и Едурейко. Из трёх сыновей Пося Хулеева двое, Маулка

²² Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века. Л., 1983. Л. 28–29.

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 656. Л. 398–402.

²⁴ Там же. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 15.

²⁵ Васильев В. И., Симченко Ю. Б. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII – начало XX вв. М., 1970. С. 188.

и Игонка, стали его преемниками и стояли во главе ненецкого войска (400 человек из разных родов), которое в 1678 г. осаждало Обдорск. Ещё один сын Хены, Корюча, тогда тоже находился под Обдорском, но зимой 1679 г. перешёл «со многими людьми» на Енисей, где истреблял промысловиков и разорял русские зимовья.

Если говорить о линии Пидириски, то в источниках упоминается его внук Одычко Немчинов. Зимой 1696/97 г. он с отрядом из 400 воинов ограбил самоедов, которые везли ясак в Обдорск. Пострадавшие сообщали, что размах грабительских рейдов Одычки был весьма значительным: они происходили в Пустозёрском и Мангазейском уездах; в 1696 г. Одычко посылал 70 воинов на Мезень для угона оленей у местных русских²⁶. Малый род Ненянгов, «созревший», по мнению Н. А. Миненко, к середине XVIII в. внутри рода Карачеев, происходит от поколения Пидириски-Немчинки. В 1735 г. упоминается юрацкий самоед Еней, «прозванием Комар, роду Оды» (комар — ненец. *ненянг*)²⁷. Судя по направлениям военных походов Корючи Хынина и ясачным книгам Мангазеи, обдорские юрацкие самоеды начали продвигаться в направлении левобережья Енисея во второй половине XVII в.

В перечнях ясачных плательщиков 1695 г. члены племени Вануйто находятся на втором месте по численности после Карачеев: собственно род Ванюта — 188 человек, Соль-Ванюта — 30, Луца-Ванюта — 27. Роды Вануйто в XVII в. расселялись к западу и востоку от Северного Урала, отчего причислялись в административном отношении к Пустозёрску и к Берёзову. Сибирские Вануйто занимали побережье Ямала и левобережье Оби, а к востоку от Оби господствовали Харючи. А. В. Головнёв не разделяет предположение, будто большая фратрия Вануйто сформировалась из разрозненных групп досамодийского древнего населения, т. к. «Харючи — тоже северные аборигены, а Вануйто — тоже самодийцы»: «В ненецких преданиях Харючи-тэнз и Вануйта-тэнз противопоставляются не как пришельцы и туземцы, а как богатые оленеводы и бедные промысловики». С точки зрения А. В. Головнёва, две стратегии выживания на Севере — кочевания на огромные расстояния родов-владельцев больших оленьих стад и менее подвижный образ жизни рыболовов и промысловиков — друг друга взаимно дополняли и образовывали внутри ненецкого общества в целом устойчивые социальные и хозяйственные связи, которые со временем расширялись за счёт брачной взаимной экзогамии²⁸.

В 1660-е гг. часть пустозёрских самоедов из родов Ванюта и Пуруега переселилась в Берёзовский уезд и 100 человек из их числа даже участвовали вместе с берёзовскими казаками, обдорскими остяками и карачейскими самоедами в походе на самоедов Пустозёрского уезда. В 1668 г. из Сибирского приказа воеводе Берёзова было велено выслать ненцев, перешедших Урал, обратно в Пустозёрский уезд²⁹. В ясачном учёте конца XVII в. были зафиксированы 1 168 обдорских самоедов-плательщиков ясака из 18 родов³⁰.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 238 об. 242.

²⁷ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. Новосибирск, 1975. С. 135; Вершинин Е. В. Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д. Л. Овцына // Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». 2001. С. 98.

²⁸ Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. С. 60–62.

²⁹ Вершинин Е. В. Русская власть и сибирские самоеды в XVI–XVII вв. // Вестник НГУ Серия: История, филология. Новосибирск, 2003. Т. 2. Вып. 2. История. С. 18; ДАИ. СПб., 1855. Т. 5. С. 377–378.

³⁰ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 76.

Историко-этнографические исследования показывают, что племя Лэхэ с его ответвлениями в XVII в. и позднее кочевало в тундрах западнее Урала³¹ и потому здесь не рассматривается.

Лесные ненцы в XVII в. были известны под именем казымских самоедов и идентифицировали себя как отдельное племя. В русских документах они имеют ещё одно название — «кунная самоедь». Тундровые ненцы называли их старым родовым именем Пяк, или Пян-хасава. Е. В. Перевалова заметила в отношении пределов расселения лесных ненцев: «Определить численность и очертить границы обитания лесных ненцев в XVI–XIX вв., ввиду разрозненности и поразительной мобильности народа, весьма непросто»³². Вероятно, леса в бассейне верхнего и среднего Пура, верхнего Казыма, Надыма и до верховьев Тромъёгана, Лямина, Агана и Пима (правых притоков Средней Оби), а также частично по притоку Таза Часельке и в XVII в. были населены ненцами.

Пяк — одно из самых ранних названий самоедов, которое оказалось знакомо русским. В «Книге Большому чертежу» оно приводится при описании Оби, её притоков и расположенных на них городков. Там говорится: «А в Таз реку пала [река] Пур; протоку Таза реки 890 верст, а реки Пура протоку 460 верст. А по реке по Тазу — Мангазея, самоедь Пяки»³³. В этом комментарии Мангазея и Пяки представляют собой названия самоедских родов. В этом источнике, составленном в 1627 г., отразились реалии более раннего чертежа конца XVI в. Его автору был известен Сургут, основанный в 1594 г., но он не знал о русском Нарыме, заложенном в 1598 г. после победы над селькупской Пегой Ордой. То есть самоеды Пяки значились на русской карте ещё до основания в 1601 г. города Мангазея. Кроме того, можно предположить, что поморы, которые уже в первой половине XVI в. посещали Северо-Западную Сибирь для торговли и промысла, были знакомы с пяками. Ричарду Джонсону, одному из первых англичан, появившихся в 1550-х гг. в Московском государстве, принадлежит любопытная запись, которая, вероятно, была некорректно переведена, что сказалось на восприятии содержащейся в ней информации. Англичанин записал рассказ поморов о том, что за Обью «в трех днях пути по правую руку находится местность, называемая Chorno-lese (Чернолесье — Е. В.)... Неподалеку отсюда живет народ, называемый пеший-конный (Pechey-kony)»³⁴. Можно предположить, что подразумевался не некий странный «пешем-конный» народ, а те пяки (пеки), что обозначались как «кунная самоедь» в русских текстах времён начала освоения Сибири.

Этноним «кунная самоедь» впервые фиксируется в документе 1607 г. По мнению Б. О. Долгих, «в XVI–XVII вв. казымские лесные самоеды (ненцы) назывались также «кунной самоедью», очевидно потому, что платили ясак «кунами» (беличьим мехом)»³⁵. Судя по источникам, в Казымской волости в самом деле добывали белку, а не соболя. Казымские самоеды не только сами выплачивали ясак пушниной, но и меняли меха на рыбий жир и сухую рыбу у остяков Куноватской волости³⁶. Однако объяснение, предложенное Б. О. Долгих, всё же небесспорно. Народ Pechey-kony, который стал известен англичанину Джонсону и который

³¹ Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 96–97.

³² Перевалова Е. В. Беглецы: к истории родов лесных ненцев // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 143.

³³ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 168.

³⁴ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1. С. 125.

³⁵ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 68.

³⁶ Вершинин Е. В. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Екатеринбург, 2004. С. 27.

нами соотносится с лесными «кунными» пяками, в середине XVI в. никак не мог выплачивать ясак русской администрации. Кроме того, понятие «куна», некогда служившее обозначением и животного куницы, и древнерусской счётно-денежной единицы, к XVII в., очевидно, устарело; в текстах того времени белка и называется белкой. По сведениям же Е. В. Переваловой, «лесные ненцы рек Пур и Аган трактуют термин “кунная” как “беглая” (от нен. кунем — беглый)», и «определение “беглая = кунная” отражало исторический момент массового отхода целых этнических групп и отдельных родов лесных самоедов в “дальние места”... в связи с началом русской колонизации Сибири»³⁷.

Вероятно, можно согласиться с мнением Б. О. Долгих, что род Пяк являлся первоначальным для лесных ненцев, а позднее он не фиксировался в ясачных книгах по причине разветвления на мелкие роды. Клановый состав казымских самоедов известен лишь из документов конца XVII в.: Ракай, Айваседа, Ватцыны станицы, Карс, Ниримовы Логочи, Недевятковой станицы. В этом перечне названия рода Пяк нет, но Б. О. Долгих считает, что все они являлись его ответвлениями, кроме Айваседа. В целом же в 1695 г. числилось 192 лесных ненца-плательщика ясака³⁸.

Проанализировав этимологию понятия «кунная», Е. В. Перевалова вместе с тем оставила открытой проблему определения изначальной территории «беглецов» — лесных ненцев. Возможно, местом их расселения была тундра между Тазом и Обью, т. к. именно это пространство представлялось им надёжным укрытием от русской администрации и её требований по выплате ясака. Однако основная часть рода Пяк могла направиться с севера на юг не из-за опасений, что русские однажды их настигнут, а из-за каких-то противоречий с иными самодийскими родами тундры. Можно предположить, что контакты лесных самоедов с русскими были более миролюбивыми, чем с тундровыми ненцами. Например, в 1607 г. берёзовский воевода узнал, что жители Пустозёрского уезда навещают кунных самоедов за Уралом для взимания долгов и ведения торговли. В начале XVII в. Ниля, будучи князем у кунных ненцев, зимой 1600 г. выделил оленей отряду князя Мирона Шаховского, который направлялся к Тазу для основания острога. В 1607 г. Ниля и его сородичи подобрали в тундре двух берёзовских казаков, избитых и брошенных торговцами из Пустозёрска³⁹.

В то же время в источниках отмечены довольно частые конфликты между лесными и тундровыми самоедами. Ранее упоминалось о нападении карачейских самоедов в 1633 г. на казымских лесных ненцев, в результате которого последние понесли существенные потери: 17 человек убитыми, 6 мужчин и 50 женщин и детей уведёнными в плен. Разумеется, боевым столкновениям сопутствовало разграбление имущества. Более малочисленные казымцы обратились к властям Берёзова с просьбой расследовать убийство своих сородичей и заставить карачейских налётчиков вернуть награбленное добро⁴⁰. В 1643 г. казымские самоеды «на лешие промыслы не ходили», так как «бились они с карачейскою самоядью»⁴¹.

Представители рода Пяк в XVII в. отмечаются в среде юрацких тундровых самоедов. Не вполне ясно, кем они были: то ли «осколками» основной массы рода, удалившегося юж-

³⁷ Перевалова Е. В. Беглецы: к истории родов лесных ненцев. С. 143.

³⁸ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 7–72.

³⁹ Вершинин Е. В. Русская власть и сибирские самоеды в XVI–XVII вв. С. 8.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 656. Л. 398–402.

⁴¹ Вершинин Е. В. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 28.

нее, то ли напротив — немногочисленными группами лесных ненцев, переселившимися в тундру у Обской губы. Последней версии придерживался Б. О. Долгих⁴².

Ещё одним родом, известным с конца XVII в. у казымских самоедов, был Айваседа. В 1695 г. в нём числилось 20 плательщиков ясака. В тот же период у обдорских тундровых ненцев род Айваседа насчитывал 62 дееспособных мужчины⁴³. У современных этнографов сформировалось небезосновательное мнение, что миграция Айваседа на лесные владения пяков в XVII в. только начиналась. Так, в 1644 г. самоеды «Евасидина рода князца Шарумы» атаковали русские кочи, которые шли вверх по Тазу к Мангазее. И тогда же обдорский самоед Сензехом «рода Ивасиды» две осени подряд ловил рыбу «на реке на Тазу ниже Мангазейского острога»⁴⁴. Очевидно, что к середине XVII в. род Айваседа от низовьев Таза продолжал постепенно двигаться в лесные районы.

Энцы в наше время населяют низовья Енисея на территории Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Красноярского края, но в прежние времена они жили южнее и западнее. В их состав входят тундровые энцы (самоназвание сомату, ненец. мадо) и лесные (пэ-бай, как их именовали энцы тундры). В XVII в. предки обеих этих групп энцев составляли часть ясачных Мангазейского уезда. Сначала тундровые энцы свозили ясак в Мангазею, а с 1620-х гг. — в зимовье Леденкин шар на нижнем Тазе. Для XVII в. территория их проживания приблизительно определяется от Енисейской губы и правобережья нижнего Енисея до бассейна нижнего Таза. Согласно Б. О. Долгих, в начале XVII в. предков тундровых энцев насчитывалось около 1 640 человек (из них 410 плательщиков ясака), в 1680-е гг. — примерно 110 человек, обложенных ясаком⁴⁵.

Ко времени основания города Мангазеи по верхнему и среднему Тазу селились предки лесных энцев. По сведениям ясачного учёта XVII в., они были объединены в большие роды — Мангазея, Аседа, Селирта, Бай, Ючи и несколько более мелких клановых образований, которые исчезли к концу столетия⁴⁶. Ещё Г. Ф. Миллер этимологизировал топоним Мангазея через наименование тазовских самоедов — мокосе⁴⁷, и в самом деле, в Сказании «О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных» (конец XV в.) уже упоминаются самоеды-молгонзеи, которых анонимный автор расселил «на Восточной стране за Югорскою землею». Таким образом, в районе среднего течения Таза в начале XVI в. проживали предки энцев, называвшие себя монканси. Свою местность они называли соответственно Монканси йа — «земля монканси». Начиная с карты А. Дженкинсона, созданной в 1562 г., на западноевропейских картах долгое время восточнее Оби локализовались названия Molgomzaia и Vaïda. В последнем просматривается происхождение лесных энцев от рода Бай, который оставил память о себе в названиях притоков реки Турухан — Верхняя и Нижняя Баихи⁴⁸. Этот род никогда не отличался многочисленностью и был представлен лишь двумя десятками плательщиков ясака.

⁴² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 71.

⁴³ Там же. С. 76–77.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 143. Л. 291–293; Стб. 134. Л. 435.

⁴⁵ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 129–130.

⁴⁶ Васильев В. И. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан. С. 181.

⁴⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 302.

⁴⁸ Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племён до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. М.; Л., 1943. Т. LXXV. Вып. 5. С. 20–21.

В русских документах XVII в. лесные энцы, что жили выше по Тазу, чем город Мангазея, стали называться верхотазовскими самоедами, потому как сдавали ясак в зимовье по верхнему Тазу. Род Мангазея, селившийся по Худосее, правому притоку Таза, в начале XVII в. доставлял пушнину прямо в город, позже в Верхотазское и недолговечное Худосейское зимовья. На протяжении всего XVII в. численность рода Мангазея сокращалась: с 55 ясачных плательщиков в 1614 г. до 20 в 1682 г.

Ючи, обитавшие в верховьях Таза, являлись одним из основных родов у лесных энцев; в течение XVII в. их численность снизилась с 56 (1607 г.) до 14 (1682 г.) плательщиков ясака. Ючи также входили в состав лесных (Ивши) и обдорских тундровых ненцев (Юхи, Пучи)⁴⁹.

В начале XVII в. у мангазейских самоедов был род «Яши Вологжанина» (в 1609 г. он насчитывал 4 плательщика ясака, в 1614 г. — 15). Этнографы расценивают существование этого рода как свидетельство ранних контактов русских и самодейцев. Однако тот факт, что его название произошло от русского имени Яша, вызывает сомнения среди исследователей. Вероятно, это была ошибка перевода. Дело в том, что во время посещения Туруханска в 1739 г. Г. Ф. Миллер поручил студенту В. Третьякову скопировать тексты ясачных книг Мангазеи, и тот не сумел верно прочесть родовые наименования. В этих копиях, которые хранятся в архиве, на самом деле читается другое словосочетание, хотя и малопонятное: «самоедь роду Яшадолон(м)жакина»⁵⁰. Возможно, здесь зашифровано не имя русского человека Яши, а вариант названия рода Ивши (Еуши), известного у лесных ненцев. Кроме того, в документах XVII в. имя Яша не встречается, а имя Яков имело русскую уменьшительную форму Якунка.

Многочисленный род энцев Аседа расселялся по берегам нижнего Таза. В 1607 г. в нём числился 81 плательщик ясака, в 1682 г. — 22. У него не было конфликтов с западными соседями, тундровыми ненцами. В определённый момент род Аседа перестали фиксировать в мангазейских ясачных книгах. Связано это было с тем, что они перебрались в тундру и стали вылавливать ясак в Берёзовском уезде.

Энцы Аседа в XVII в. не отличались постоянной лояльностью к русским властям. Поначалу они враждебно относились к ним, причиной чего было переселение тундровых ненцев в низовья Таза в первой половине столетия. Как сообщается в отписке воеводы князя П. М. Ухтомского, в 1645–1646 гг. к Мангазее подступили юрацкие самоеды. Они убили восемь промышленных людей и двоих служилых, среди которых был стрелец Савка Андреев. По словам воеводы, в 1645 г. «убил того Савку Андреева Сыраптейко Асидцково роду» со своим зятем из ненецкого рода Айваседа. 20 воинов из двух самоедских родов «многих русских людей побивали и вперед норовятца бити»⁵¹. После того как в 1672 г. центр Мангазейского уезда был перемещён в Туруханск, для ясачного сбора в Старую Мангазею стали отправлять нескольких казаков. В 1679 г. им пришлось спешно покинуть город из-за «шатости юрацких самоедов», к которым примкнули и Аседа⁵².

К установлению ясачного режима более терпимо относились самоеды по верхнему Тазу, нередко они даже помогали русским властям. Когда в 1651 г. в Мангазейский уезд вторглась «воровская юрацкая самоедь» из тундры, на защиту уезда были отряжены 20 стрельцов

⁴⁹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 71, 138–139.

⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 13 об., 15 об.

⁵¹ Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 33–34.

⁵² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 731. Л. 167.

и вместе с ними мангазейские ясачные самоеды⁵³. В 1641 г. верхотазовский князец Ледерейко вместе с братом от имени «всех своих 4-х родов самоеди» просил дозволения привозить ясак в саму Мангазею, а не в Верхтазовское зимовье, поскольку «прикочевала к ним в Верхотазье и Худосею неясачная воровская самоедь юраки»⁵⁴. Около 1647 г. Ледерейко бил челом о лихоимстве воеводы Ухтомского — уже не только от своего рода, но и от «всей самоеди тазовской ясашной»⁵⁵.

К середине XVII в. места расселения различных родов лесных энцев значительно изменились. Это было связано с перемещением на северо-восток южных групп лесных энцев из-за нараставшего давления селькупов, которые в середине столетия распространили свой ареал из Нарымского Приобья на верховья Таза. Около 1652 г. Ледерейко вступил в стычку с селькупам и отнял у них 20 соболей, а в следующем году селькупы убили его вместе с ближайшим окружением. По мнению Б. О. Долгих, роды Мутгади, Бай и Ючи, переселившиеся на нижний Енисей, продолжали говорить по-энецки, а Аседа и Селирта в низовьях Таза постепенно ассимилировались с ненцами⁵⁶.

В конце XVI в., в ходе продвижения по зауральскому пространству, русские в Нарымском Приобье обнаружили ещё один народ — селькупов. После этого они ещё долгое время в русских текстах именовались остяками так же, как и ханты. Однако Г. Ф. Миллер отмечает, что томские и нарымские остяки «особливый народ составляют», в языковом отношении могут быть уподоблены больше самоедам, чем хантам, и представители этого народа лишь «по одному сходству их житья и промыслов остяками называются»⁵⁷. Тем не менее разные группы селькупов назывались в источниках и литературе XVII–XVIII вв. остяками, а в XIX – начале XX в. остяко-самоедами.

До XVII в. селькупы селились по берегам Средней Оби и её притоков (рекам Чулым, Тым, Васюган, Шегарка, Кеть, Чая, Парабель)⁵⁸. Их политическое объединение Пегайя Орда было разгромлено в 1597 г. С основанием русских городов и острогов селькупы были приписаны к Сургутскому, Кетскому, Томскому и Нарымскому уездам. В этих уездах к 1620-м гг. насчитывалось 29 волостей (довольно небольших), населённых селькупам. В них проживало 2 700 человек. Со следующего десятилетия происходит постепенная миграция селькупов в верховья Таза. Этому переселению сопутствовала ассимиляция с местными самодийцами⁵⁹.

К XVII в. оба склона Среднего Урала занимали манси: на западе это верховья Печоры, река Вишера, притоки Камы (Сылва, Чусовая, Косьва); на востоке — река Тавда с составляющими её Сосьвой и Лозьвой и бассейн Конды. Название манси «вогулы» (от взгул «дикий») русские переняли у пермских народов⁶⁰. Уже авторы русских текстов XIV–XVI вв. отличали «вагуличей» от югричей, пермян, татар и самоедов.

⁵³ Там же. Стб. 220. Л. 55.

⁵⁴ Там же. Стб. 75. Л. 594–595.

⁵⁵ Там же. Стб. 303. Л. 36.

⁵⁶ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 143.

⁵⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 41.

⁵⁸ Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энци. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 304.

⁵⁹ Там же. С. 312–315; Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Новосибирск, 1981; Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 73–76.

⁶⁰ Самоназвание манси стало известно только в XIX в.

Рис. 2.14. Вогульские юрты в бассейнах Сосвы и Лозвы. Рисунок С.У. Ремезова конца XVII в. // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 г. М., 2003

С конца XVI – начала XVII в. сибирская часть манси оказалась в составе Пелымского и Верхотурского уездов. Очевидно, территория и коренное население Пелымского уезда приблизительно совпадали с территорией и населением бывшего Пелымского княжества. В сведениях ясачных книг просматривается разделение вогулов этого уезда на три части: собственно пелымских вогулов, которые составляли семь волостей; вогулов Большой Конды; вогулов волости Таборы (на Тавде), издавна испытывавших татарское влияние. В 1598 г. среди собственно пелымских и кондинских вогулов был учтён 481 ясачный плательщик. На протяжении XVII в. количество ясачных вогулов в Пелымском уезде составляло 600–700 человек, причём не менее половины мансийского населения всегда проживало в бассейне Большой Конды — наиболее труднодоступной местности⁶¹.

Гораздо больше сведений в русских источниках XVII в. содержится об угорском населении Югры — предках хантов и манси. Происхождение самоназвания народа ханты (хантэ у северных хантов, канта-ях — у восточных, хандэ — у южных) окончательно не выяснено, хотя существует несколько объяснений его этимологии⁶². С XVI в. ханты появляются в русских источниках под именем остяков. Относительно этимологии слова остяк существуют две распространённые точки зрения: от тюркского *уштек* (неверный, нечистый) и от хантыйского *ас-ях* (*ас* — большая река, *ях* — народ, люди). Первая версия представляется более приемлемой, так как *ас-ях* — это не самоназвание, и едва ли русские в XVI в. настолько близко знали хантов, чтобы именовать их на их же языке «народом большой реки» (Оби).

⁶¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 28–33.

⁶² Народы Западной Сибири. С. 59.

Ко времени прихода русских в Югру ханты расселялись по нижнему Иртышу и по нижней и средней Оби, а также по их многочисленным притокам. Используя фрагментарные данные русских источников XVII в., сложно судить о наличии различных родовых и племенных сообществ у хантов так же, как и у манси. Историкам остается довольствоваться хотя бы тем, что авторы этих текстов отличали остяков от самоедов и вогулов. Впрочем, укажем на известный факт: енисейских кетов и нарымских селькупов тоже называли остяками — возможно, по причине их этнокультурной «малозаметности», близкого сходства хозяйственного уклада с гораздо более многочисленными хантами.

В конце XVI в. ханты были приписаны к Сургутскому, Берёзовскому и в меньшей степени к Тобольскому уездам. В отличие от ясачных самоедов, которых учитывали по родам, остяки были распределены по волостям. За основу каждой волости бралось племя или его локальная группа⁶³. Именно по известным в XVII в. волостям исследователи определяют существование хантыйских территориальных объединений. В Берёзовский уезд включались ханты, жившие по Оби (вместе с притоками) вниз от впадения в неё Иртыша. Распознать, где располагались остяцкие волости того времени, довольно легко, так как их названия совпадали с наименованиями географических объектов. Берёзовские остяки делились на Обдорскую, Подгородную, Сосьвинскую, Куноватскую, Ляпинскую, Казымскую, Белогорскую и Естыльскую волости. В Берёзовский уезд входили также население и городки Кодского княжества. В 1629 г. количество ясачных плательщиков в этих волостях (без кодских городков) составляло 931 человек, в 1691 г. — 1 816 (с Кодой — 2 443)⁶⁴.

К Сургутскому уезду были приписаны ханты, которые жили по Оби и обским притокам выше иртышского устья. Ханты составляли население Салымской, Темличеевой (она же Базьянская), Аслыпской, Селиарской, Бардаковой, Юганской, Ваховской, Васюганской и трёх Лумпокольских волостей. В целом в них в 1624 г. было учтено 693 ясачных плательщика, в 1692 г. — 644⁶⁵.

Более многочисленным было остяцкое население Берёзовского уезда, что, вероятно, являлось следствием относительно поздних миграций и заселения хантами территории Среднего Приобья.

В XVI в. Югра и её князья почти незаметны в русских источниках. До экспедиции Ермака информация о землях за Уралом, населённых хантами и манси, была фрагментарной. В 1525 г. великий князь Василий III в специальной грамоте обещал «самоеди югорской» свою защиту от югорского князя Кутыгея, которому также была отправлена грамота⁶⁶. В Вычегодско-Вымской летописи имеется сообщение от 1531 г. о набеге (безуспешном) «пелынского князя с вогуличи» на Пермь Великую⁶⁷.

1556/57 г. датируется «жалованная и опасная грамота» царя Ивана IV, в которой говорится о Югре. Р. Г. Скрынников верно отметил, что «Москва не только знала приобских хантыйских князьков, но и сносилась с ними до посылки даньщиков» (см. фразы из грамоты Ивана

⁶³ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 68.

⁶⁴ Там же. С. 64–65.

⁶⁵ Там же. С. 80.

⁶⁶ Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 11.

⁶⁷ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 28.

Грозного о провозжании данщиков югорскими князьями «от городка до городка» и оберегании их «во всем по ряду, как преж сего»)»⁶⁸.

В русских источниках, повествующих о походе Ермака и событиях, произошедших вслед за ним, упоминаются остяцкие и вогульские независимые князья. По Есиповской летописи, на четвёртый день после взятия казаками столицы Сибирского ханства — города Кашлыка (Искера) — Ермак принимал там остяцкого князя Бояра, который доставил провизию и преподнёс дары⁶⁹. Согласно источникам XVII в., его небольшие владения располагались недалеко от впадения реки Демьянки в Иртыш. Синодик, посвящённый «Ермаковым казакам», повествует о походе вниз по Иртышу, где казаки «Назим, городок остяцкой, взяша со князем их и со многими их остяками» (те же сведения приводятся в Погодинском летописце и Есиповской летописи)⁷⁰. Этот зимний поход (неясно, конный или лыжный) был предпринят в начале 1583 г. Впоследствии ветераны обозначенных событий вспоминали только об одолении безымянного князька и взятии городка Назыма, который в литературе иногда не вполне корректно отождествляется с Лебауцкими юртами Назымской волости, получившими название по имени князя Лебаута⁷¹.

«Летопись сибирская краткая Кунгурская», вобравшая в себя устные рассказы потомков ермаковцев и людей их круга, упоминает «большого зборного князца Демаяна, город на правом притоке Иртыша Демьянке которого был “велик и крепок”». Тот якобы выставил против казаков двухтысячное войско из татар, остяков и вогулов (явно преувеличенная цифра, если учесть подсчёты ясачных реестров XVII в.). Также в ней упоминается некий князь Роман Славный, бежавший при приближении ермаковцев с Иртыша вверх по Конде. Причём Роман в сопровождении своих сородичей уходил на лыжах и нартах, в то время как казаки по первой весенней воде двигались на стругах. Однако больше никакой информации о нём нет. В местности, позднее образовавшей Белогорскую волость, князец Самар попытался было вступить в бой с казаками, но потерпел поражение и погиб. Как передают кунгурские «сказы», союзниками Самара были восемь других князцов; возможно, к их числу принадлежал Алачей, которого казаки назначили «болшим, яко богата суца, и отпустиша со своими честно»⁷². Несколько удивительно невнимание сибирских летописей к княжеству Кода, предводителем которого был Алачей. Из летописных сообщений нет возможности узнать об обстоятельствах перехода кодского князя в русское подданство.

В 1589 г. тобольские служилые люди приступили к сбору ясака с манси Большой Конды⁷³. Однако выяснилось, что подчинение пелымских и кондинских вогулов было непрочным. Пелымский князь Аблегириим вознамерился оказать поддержку свергнутому сибирскому хану Кучуму, который в 1590 г. совершил нападение на окрестности Тобольска. Летом 1591 г. тобольский воевода князь В. В. Мосальский-Кольцов нанёс поражение Кучуму. В том же году Москва постановила окончательно обезвредить непокорных манси. Против них состоялся военный поход, в ходе которого в 1593 г. были основаны города Пелым и Берёзов. В наказе пелымскому воеводе князю П. И. Горчакову рекомендовалось, в случае враждебных дей-

---

⁶⁸ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 90–91.

⁶⁹ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. С. 56.

⁷⁰ Там же. С. 380, 60, 134.

⁷¹ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 226–227.

⁷² Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 579–580.

⁷³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 364–365

ствий Аблегирима, соединиться с силами берёзовского воеводы Н. В. Траханиотова и выступить против вогулов. Воеводам надлежало, как гласил указ, принять все меры, чтобы разгромить пельмского князя, пленить его вместе со старшим сыном Тагаем и предать казни, как и пятерых-шестерых «пущих заводчиков». При этом запрещалось применять карательные меры против их рядовых соплеменников: «А черных людей всех примолыти и обнадежить, чтоб жили по своим юртам и в город приходили»⁷⁴. Как закончил свои дни Аблегирим, точно неизвестно: либо погиб в бою, либо сдался русским и был казнён. В трудах Г. Ф. Миллера содержится информация, что в 1598 г. младший сын Аблегирима Таутай (Тагай) и внук Учот были захвачены в плен и отправлены в Москву, где находились под стражей. Учот впоследствии крестился, получив имя Александр⁷⁵.

Рис. 2.15. Женщина вогулка с ребёнком.
Гравюра конца XVII в. из кн.: Северная и восточная Тартария... С. 916

В 1586 г. столицу посетил куноватский князь Лугуй, в подчинении которого находились Берёзовый городок на реке Северная Сосьва, городок на реке Куноват, два городка на реке Сыгве и городок Илчма (его местоположение определить не удалось). Царским указом «Лугуя князя с теми его городки пожаловали»: ему позволили лично ежегодно доставлять на Вымь дань в количестве 280 соболей⁷⁶ (вероятно, такова была численность взрослых дееспособных мужчин, которые были подданными у Лугуя, названная им самим).

Перед историками, изучающими политику Югры, встаёт задача определения уровня и стадии политического и социального развития угорского общества накануне и в период проникновения России за Урал. С. В. Бахрушин осторожно рассматривал этот вопрос, учитывая малую информативность письменных источников. В своих монографических трудах он отмечает, что к началу русской колонизации «среди приобских хантов уже имеются некоторые признаки нарождающихся феодальных отношений», а родовой строй «находится в периоде разложения». Тем не менее, по его мнению, «хантские былины, как явствует из их содержания, рисуют быт, в котором феодализация уже сделала большие успехи (т. е. происходила социальная стратификация — *ред.*)»⁷⁷. Квинтэссенция позиции этого автора заключается в одной фразе: «Итак, ещё до появления русских среди хантов и мансей можно отметить признаки зарождения патриархально-феодальных отношений»⁷⁸.

Цитируемая работа С. В. Бахрушина вышла в свет в 1935 г. и сразу вызвала несогласие Н. Н. Степанова, считавшего, что остяки и вогулы той эпохи находились на этапе родо-

⁷⁴ Там же. С. 339–342.

⁷⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 272.

⁷⁶ Там же. С. 337–338.

⁷⁷ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 103–104, 112.

⁷⁸ Там же. С. 151.

го строя с элементами патриархального рабства⁷⁹. Н. Н. Степанов указал на уязвимость подхода оппонента: «известный отрыв конкретного исторического исследования от теоретических положений марксизма о разложении родового общества и генезиса феодализма... С. В. Бахрушин кладёт... в основу анализа феодализма не феодальный способ производства, а явления надстроечного порядка — политическую власть “князей”, иерархию “князей”, явно давая крен в сторону трактовки феодализма как политического явления, а не общественно-экономической формации»⁸⁰. Подобные упрёки в то время вполне могли дискредитировать объект критики. Однако то, что в 1936 г. вменялось С. В. Бахрушину в вину, в наше время можно расценить как безусловное достижение историка. Знаток письменных источников, С. В. Бахрушин не мог их игнорировать — он считал документы Сибирского приказа более репрезентативными по сравнению с эпическими сказаниями обских угров. Благодаря анализу «хантыйских былин» он пришёл к мысли, что угорские «княжества» находились на какой-то особой стадии политического и социального развития. Однако возникает вопрос: на какой именно?

Едва ли нужно всерьёз воспринимать обозначенную дискуссию (хотя односторонние возражения этнографов в адрес С. В. Бахрушина сложно считать дискуссией), ведь в начале 1930-х гг. власти приступили к коллективизации коренных народов Севера вслед за аналогичной кампанией в отношении российской деревни. Это обстоятельство непосредственно сказалось и на научном изучении этих народов. Воцарившаяся схематичная идеология диктовала задачу непременно найти в социумах тайги и тундры классы, борьба которых порождала бы в обществе антагонистическое противоречие — двигатель исторического развития (по марксизму). Эгалитарная общественная структура северян не вписывалась в эту схему. Советские идеологи пытались обосновать причины, возможность и способность быстрого перехода аборигенов Севера к социализму. Однако общества этих народов, существовавшие в реальности, не соответствовали схоластическим понятиям о «первобытном коммунизме». Сотрудники Комитета Севера при ВЦИК, с наработками которых до середины 30-х гг. правительство считалось, столкнулись с принятием трудного решения насчёт того, признавать или нет существование классового расслоения у народов Севера⁸¹. Перед историками эта проблема возникла в ещё более конкретном вопросе: в какой период и к какому общественному строю начался переход северных социумов охотников и собирателей? (Сама марксистская теория последовательной смены формаций находилась вне обсуждения.)

У исследователей кочевников Центральной Азии в те годы родилась концепция «кочевого феодализма». С. В. Бахрушин «обнаружил» у сибирских угров в XVI в. «признаки зарождения патриархально-феодальных отношений» (в 1934–1938 гг. он состоял консультантом Института народов Севера). Однако при этом следует признать некоторое мудрое лукавство профессора дореволюционной школы: он констатировал лишь «признаки зарождения» некоего патриархально-феодального общества, и ничего более. К тому времени, когда на Севере начались преобразования в русле «построения социализма в одной, отдельно взятой стране», эти «признаки» едва формирующегося классового общества у аборигенов

⁷⁹ Степанов Н. Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // Советская этнография. 1936. № 3. С. 19–34.

⁸⁰ Там же. С. 27.

⁸¹ О политике в отношении северных народов в то время и о месте в ней этнографической науки см.: Слёзкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 255–304.

Сибири стали уверенно трактоваться как «пережитки» того самого общества, которое так и не предстало перед учёными на этапе его «феодального» расцвета. Тогда же, в 1930-е гг., теоретики социалистического строительства на Севере стали говорить о переходной стадии от натурального хозяйства к товарному и от родового доклассового общества к классовому, при этом затрудняясь указать её хронологические границы. Как метко заметил Ю. Слёзкин, «малые народы рассматривались как постоянно движущиеся из одной точки в другую, никогда не достигая цели»⁸². Можно сказать, что положения С. В. Бахрушина о феодализации угорского общества являлись не убедительной концепцией, а лишь обязательной данью идеологическому монополизму, воцарившемуся в науке.

Написано довольно много трудов о народах Северо-Западной Сибири (по большей части этнографических), но исследователи, как правило, обходят вопрос о стадии политогенеза, на которой находились местные угры эпохи «княжеств». Вполне определённое мнение по этой проблеме выразили археологи А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров⁸³. Их суждения находятся в рамках схемы последовательной смены общественно-экономических формаций и вкратце сводятся к следующему. Угорские общества «находились на пороге формирования классового общества раннефеодального типа со значительной долей патриархального рабовладения», а их княжества XII–XVI вв. представляли собой раннегосударственные образования, т. е. военно-политические объединения Югры эволюционировали в направлении формирования государственности. Однако этот процесс оказался незавершённым по причине русской колонизации; классообразование в угорском обществе остановилось, и его социальные верхи утратили все свойства, присущие политической элите. Мировой исторический опыт не знает примеров образования государств в обществах с присваивающей экономикой⁸⁴, на что А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров выдвигают довольно смелый тезис, будто угорские «княжества» составляли исключение из общеисторического правила. Правда, отступая от марксистской концепции, они считают, что угорские полигии достигли высокого уровня государственности не в результате внутреннего развития общества, а по причине «уникального стечения внешних обстоятельств»: нарастающей агрессии западных (восточных славян) и южных (тюрков) соседей и вовлечения Югры в систему международной пушной торговли через волжских булгар и Золотую Орду.

А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров делают акцент на социальной стратификации угорского общества, а именно на прерогативах власти военных вождей с их ближайшими родичами, а также на разделении основного населения на свободных общинников и рабов. Стадия же военной демократии, соответствующая высшему уровню родового общества, находится ниже по степени социально-политической сложности социума эпохи княжеств. В этой версии формирования предпосылок угорской государственности безоговорочно можно принять только одно положение: не существовало никаких внутренних причин, которые могли бы стимулировать локальные общины таёжных охотников и собирателей образовать такую сложную политическую структуру, как государство.

---

⁸² Там же. С. 293.

⁸³ Кокшаров С. Ф. Таёжная цивилизация // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 29–39. См. также: История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 2000. С. 84–93.

⁸⁴ Однако у ранних государств и цивилизаций помимо оседлости и земледелия имеются и другие важные черты. См. Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 55–69; Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации // Там же. С. 184–198.

Один из ведущих российских специалистов по истории и культурной антропологии хантов и манси З. П. Соколова обозначает фазу их социально-политического развития в XVI в., а именно «военно-потестарную организацию», — с одной стороны, как заключительную стадию первобытной истории, с другой — как форму становления государственности в условиях увеличения социальной роли войны с родственными племенами и с иноэтничными соседями⁸⁵.

В 1989 г. вышла весьма интересная и познавательная книга трёх этнографов-угроведов «Легенды и были таёжного края», в которой самая большая глава имеет название «Цивилизация на болотах». Однако, отмечая социальную стратификацию таёжного общества, авторы всё же не сформулировали признаки, по которым его можно было бы определить как особую цивилизацию⁸⁶. Очевидно, исследователи, вслед за С. В. Бахрушиным, уже давно, хотя и на уровне интуиции, поняли, что клишированные дефиниции «разложение родоплеменного строя» и «появление признаков классовообразования» далеко не достаточны для определения специфического уровня социальных связей и потестарных отношений в обществе обских угров.

Ответы на некоторые вопросы, возможно, получится найти в теории вождества, которая появилась в 1970-х гг. в западной политической антропологии, а в российской науке последних трёх десятилетий успешно привлекается в качестве инструмента исследования историками-востоковедами и номадистами Л. С. Васильевым, Н. Н. Крадиным, В. В. Тrepавловым и др. В рамках изучения исторического процесса вождеству (от англ. *chiefdom*) как особому уровню социальной интеграции отводится своё место в неозволюционистской парадигме: локальная группа — община — вождество (с его несколькими градациями) — раннее государство — развитое государство. По ряду признаков оно является формой потестарной организации позднепервобытного общества. Среди множества существовавших у различных народов вождеств историки и антропологи выделяют простые, сложные и суперсложные (например, кочевые империи) вождества. К характерным признакам, присутствующим этой форме организации общества, относятся следующие:

- 1) вождество является первым шагом в преодолении автономии локальных общин, поэтому в нём складывается надлокальная централизация;
- 2) в вождестве имеется централизованное управление и наследственная клановая иерархия вождей и приближённой к ним элиты (знати), но в нём отсутствует легальный принудительный и репрессивный аппарат, следовательно, отсутствуют органы налогообложения и управленческая бюрократия даже в зачаточном состоянии;
- 3) у правителя в вождестве ограниченные возможности, а общество может легко перейти на стадию распада;
- 4) в вождестве существует чёткая социальная стратификация;
- 5) в экономике важная роль принадлежит редистрибуции, т. е. перераспределению вождём материальных благ и ресурсов, добытых в результате войн с соседями;
- 6) общие для населения вождества ритуалы и культуры;
- 7) необязательный для всех вождеств, но многократно зафиксированный этнографами теократический характер власти вождя⁸⁷.

⁸⁵ Народы Западной Сибири. С. 133, 260.

⁸⁶ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьёв А. И. Легенды и были таёжного края. Новосибирск, 1989.

⁸⁷ Крадин Н. Н. Империя Хунну. М., 2001. С. 241–246.

Е. П. Мартынова была одной из первых, кто предложил интерпретировать социополитический уровень угорских «княжеств» как вожеств⁸⁸. Однако выявление критериев наличия вожеств у угорских и самодийских народов Западной Сибири осложняется следующими проблемами.

Во-первых, у историков возникает трудность с верной интерпретацией информации из русских текстов XVII в. По справедливому замечанию Е. П. Мартыновой, «при обращении к письменным источникам нужно учитывать тот факт, что они отразили социальное устройство угорского общества уже в период вассальных отношений с Московским государством»⁸⁹. За исключением случаев, когда описание социальной структуры, например, княжества Кода, воссозданное по материалам первой половины XVII в., приписывается и более раннему периоду.

Рис. 2.16. Остяцкий городок Эмдер. XVI в.
Реконструкция А. Зыкова. Художник В. Никитин //
Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001

Во-вторых, затрудняется поиском причин и факторов образования как вожеств, так и ранних государств. Опыт мировой истории показывает, что вожество необязательно трансформируется в государство, ведь на Земле существовало явно больше вожеств, чем ранних государств, когда-либо известных историкам. Однако переход автономных первобытных общин на стадию вожества являлся принципиальным скачком в развитии и усложнении организации социума, тогда как о переходе от вожества к государству возможно судить прежде всего посредством количественных параметров. Н. Н. Крадин сводит наиболее востребованные в социальной антропологии теории политогенеза к двум группам: интегративные (управленческие) и конфликтные (контрольные) теории⁹⁰. Он приходит к заключению, что, например, изученную им Хуннскую державу нельзя однозначно причислить ни к вождествам, ни к государствам, и предлагает ввести категорию суперсложного вожества.

Возникает вопрос: какими конкретными причинами объяснялся переход отдельных локальных общин охотников и рыболовов Северо-Западной Сибири к политической иерархии и усложнению организации социума? Хорошо известен факт дисперсного расселения народов тайги. Площадь аборигенных городищ второй половины I – начала II тыс. н. э., исследованных археологами, варьировалась от 180 до 3 600 м² в Томском Приобье и от 400 до 1 600 м² в Нижнем Приобье⁹¹. Площадь городища Барсов в XV–XVI вв. с цитаделью

⁸⁸ Мартынова Е. П. Обские угры к середине II тыс. н. э. (к вопросу о социально-политической организации в «дорусский период») // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 1999. С. 149–152.

⁸⁹ Там же. С. 150.

⁹⁰ Крадин Н. Н. Империя Хунну. С. 236.

⁹¹ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьёв А. И. Легенды и были таёжного края. С. 114–115.

и посадом составляла 2 930 м²⁹². В конце XVI в. в составе Кодского княжества находился небольшой Эмдерский городок, подробно исследованный А. П. Зыковым и С. Ф. Кокшаровым. В нём одновременно могло проживать 50–70 человек, а оборонительные конструкции городка обновлялись в течение пяти веков⁹³.

Если восстанавливать ход политогенеза в среде оседло-земледельческого населения, то можно заметить ограниченность ресурсов и необходимость контроля их использования. Степные же кочевники создавали потестарные объединения ради добывания прибавочного продукта у оседлых соседей путём эпизодических грабежей в набегах и взимания регулярной дани. Однако какая могла быть цель организации и интеграции у таёжных охотников и рыболовов, ведение присваивающего хозяйства которых требовало, напротив, взаимной удалённости общин? На этот вопрос у исследователей имеется следующий ответ: воздействие соседей, более развитых в цивилизационном отношении. Воздействие происходило посредством торговых связей (обретение импортных престижных предметов неизбежно сказывалось на социальном статусе их обладателей); оно проявлялось в военном деле, военных походах и организации обороны (военно-технические заимствования), что укрепляло общественное положение военных предводителей. Близкое соседство с татарским Сибирским юртом и Пермью Великой, окраинной Московского государства, сформировало, к примеру, известную воинственность вогулов Пелымского княжества и амбициозность его лидеров. Впрочем, в Уставной грамоте наместнического управления для Перми Великой от 1553 г. сообщается о частых поездках вогулов в Пермь для торговли или с «иным которым делом»⁹⁴. Захватывая Пелымское княжество в 1593 г., правительство сочло достаточным лишить власти князя с его наследником и при этом «примолотить» (уговорить) его подданных спокойно жить в своих поселениях, без боязни посещая русский город. Уровень социального развития Пелымского княжества, равно как и прочих угорских политий, вероятно, можно определить как простое вождество.

Наиболее обеспеченным письменными источниками является остяцкое княжество Коды⁹⁵. Оно находилось недалеко от Берёзова, выше по Оби, и его территория простиралась вдоль правого обского берега почти до впадения в неё левого притока Емдырь. В источниках упоминаются 13 городков Коды и княжеская резиденция, которая так и называлась — Кодский городок. Она была основана между Курмышюганским и Нангакарским городками на рубеже XVI–XVII вв. Об обстоятельствах перехода Алача, вождя Коды, в русское подданство никаких сведений нет. Возможно, это гипотетическое событие произошло во временном промежутке осени 1585 г. — весны 1586 г., когда И. А. Мансуров заступил на воеводство в поставленном им Обском (Мансуровском) городке. Косвенное указание на это имеется в царской грамоте от 1586 г., выданной куноватско-ляпинскому князю Лугую, который просил воеводу не воевать «его и племя его все и его людей»⁹⁶. Лугуй опасался атак служилых людей Обского городка, а также нападения с земли Коды, которая располагалась между Обским городком

⁹² Зыков А. П. Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья (Средневековье и Новое время). Екатеринбург, 2012. С. 105.

⁹³ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

⁹⁴ Семенов О. В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. 2008. Вып. 7. Источник и его интерпретации. С. 307.

⁹⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 115–133; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 95–116.

⁹⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 337–338.

и куноватскими городками. В связи с этим, можно предположить, что к тому моменту князь Алач уже признал верховенство российской власти над собой.

Игичей Алачев, наследовавший отцу, в первый раз упоминается в связи с зимним походом берёзовцев в 1593/94 г. на вогулов Большой Конды. Однако по резонному предположению А. Т. Шашкова, ещё в 1592 г. Игичей Алачев повёл в поход на нарымских селькупов одних только кодских остяков⁹⁷. У Игичея было четверо сыновей — Пётр, Григорий, Иван и Михаил, которые могли командовать отрядами вместо него в походах, предпринимаемых по инициативе русских властей. Например, князья Пётр и Иван Алачевы стояли во главе остяков в походе 1597 г. на селькупскую Пегую Орду. Известно, что первыми из семьи князей Коды крестились (не позднее 1599 г.) вдова Алача (в крещении — Анастасия) и сын Игичея Пётр. Им решил последовать и сам Игичей. Он вознамерился отправиться в столицу для обращения в православие, о чём в том же 1599 г. сообщил в челобитной Сибирскому приказу. По дороге он хотел посетить пожалованное ему поместье Лена на реке Вымь. В феврале 1600 г. московские начальство дало разрешение на эту поездку⁹⁸.

Кроме вымского поместья и пожалованных ему в качестве ясачных Васпукольской, Емдырской, Ваховской и Колпукольской волостей, Игичей владел ещё двумя дворами в самом Берёзове. Оба были им приобретены за 20 рублей: первый — у письменного головы Ивана Змеёва, второй («детем и людем своим») — у некоего Воейкова. В 1599 г. князь сетовал, что один из этих дворов используется головами и детьми боярскими для постоя и просил избавить его от этой заботы. Его просьба была удовлетворена⁹⁹.

Другой сын Игичея, Григорий, в 1602 г. объявил о своём желании принять крещение в Москве по примеру бабки, отца и брата, а также просил позволить ему следовать в столицу «прямой дорогой» на Вымь, т. к. ехать через Тобольск и Верхотурье было бы далеко и долго. Разрешение было дано¹⁰⁰. Сам по себе этот факт несколько удивителен, ведь к тому времени в Кодском городке уже действовала церковь Живоначальной Троицы с приделом Николая Чудотворца, возведённая по воле вдовой княгини Анастасии и её внука Петра Алачева. При этой церкви в 1600 г. состоял чёрный поп Евстрат¹⁰¹. Возможно, члены княжеской семьи предпочитали принимать крещение в Москве, потому что надеялись получить по этому случаю подарки от царя¹⁰².

Интересен тот факт, что в грамоте с разрешением на проезд сын Игичея уже назван не остяцким именем, а Григорием. Непонятно, каким образом он, будучи некрещёным, мог быть наречён христианским именем.

Документы от ноября 1602 г. содержат информацию о продолжении возведения Кодского городка — резиденции князей Алачевых. В челобитной княгини Анастасии и двух её внуков,

---

⁹⁷ Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // *Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее*. Сургут, 2004. С. 14–15.

⁹⁸ Миллер Г. Ф. *История Сибири*. М., 2000. Т 2. С. 181–182.

⁹⁹ Там же. Л. 122 об.

¹⁰⁰ Миллер Г. Ф. *История Сибири*. Т 2. С. 203.

¹⁰¹ Там же. С. 181; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 133.

¹⁰² О заведённом в XVII в. порядке щедро награждать «иноземцев» за принятие православия см.: Трепавлов В. В. *Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв.* М., 2018. С. 109–112.

в частности, говорилось: «Ставились де они у себя в Коде на новом месте дворы своими, а на дворах избы и клетки и всякие хоромы. И им деи, остяком, хоромное дело не за обычей, и сена косить для животины не умеют, и им де скоту кормить нечем». Дело в том, что берёзовские власти не позволяли Алачевым нанимать «ярыжных людей» для сенокоса и плотников. Приказ Казанского дворца не возражал против такого найма, однако торговать русским людям в Коде было тем же указом запрещено¹⁰³.

Наследники умершего Игичея столкнулись с притязаниями на власть его двоюродного брата Онжи Юрьева. В прошлом он сопровождал Игичея в походах, во главе сотни кодских остяков участвовал в строительстве Томской крепости. В 1606 г. Онжа бил челом царю Василию Шуйскому о пожаловании его Кодским князем и «палтышем» — некой родовой святыней, ритуальным символом княжеской власти («по их вере... болван»). Последним когда-то владел Игичей, а затем он содержался в казне Берёзова. Царь известил берёзовского воеводу, что кодского остяцкого князя Онжу Юрьева он жалует «прежними его волостками, которые были преж сего за ним же за Онжею... со всеми угоды и ясаком, и наша жалованная грамота ему дана». Воеводе было велено вручить грамоту Онже, чтобы тот на её основании мог «владети и ясак сбирати на себя»¹⁰⁴.

Анна, вдова Игичея, принялась полноценно бороться за наследственные прерогативы своих сыновей. Она приняла участие в попытке антирусского мятежа в 1609 г., о чём речь пойдёт далее, и находилась под стражей по время следствия по остяцкой «изменной думе». Удивительно, но после завершения этого дела князем Коды всё-таки стал её сын Михаил. Видимо, Анна сумела привести местным и столичным властям убедительные аргументы в пользу преимущественных прав её детей на княжение.

Вступив в управление остяками, Михаил уже не водил их в дальние походы, предпочитая оставаться дома. Без него кодский отряд в 1618 г. участвовал в возведении острогов на Кети и Енисее, а в 1627 г. 40 кодских хантов были включены в состав экспедиции Самсона Навацкого на Нижнюю Тунгуску для объясачивания тамошних аборигенов — тунгусов и якутов. Это был последний случай, когда кодичи использовались русской властью в качестве военной силы¹⁰⁵. В историографии неоднократно указывалось, что к концу 1620-х гг. уже не стало нужды привлекать аборигенов Коды к военным предприятиям, т. к. освоение русскими Сибири переместилось слишком далеко на восток, за Енисей.

В 1628 г. тобольское разрядное начальство приказало составить реестр служилых и ясачных, которые проживали во всех кодских волостях. Из переписи выяснилось, что большое количество платёжеспособных мужчин-остяков (495, хотя это число, скорее всего, преувеличено) укрывалось от налогообложения. Дозорщики — сын боярский Савва Францеженин и подьячий Третьяк Левонтъев — были присланы из Тобольска для повторной переписи. Им удалось собрать с укрывавшихся ранее кодских остяков пушную подать и поминки. В московских инстанциях было решено половину этих «вновь обнаруженных» остяков оставить

---

¹⁰³ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 132.

¹⁰⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 407.

¹⁰⁵ Сначала, в конце XVI – начале XVII в. правителям Коды выплачивалось денежное жалованье. Однако после Смуты правительство сэкономило средства, и денежные выплаты кодским князьям заменили на большое хлебное довольствие — сначала для каждого конкретного похода, а затем превратили его в ежегодный оклад. До ликвидации Кодского княжества в 1644 г. его правители снабжали этим хлебом своих подданных (Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 124).

в подчинении Михаила, а остальных «отписать на государя». Самому князю было велено отправиться для объяснений в Тобольск.

Однако вместо этого Михаил решил воспользоваться благовидным предлогом рождения наследника в царской семье и отправился в Москву в сопровождении сына Дмитрия, троюродного брата Лобана Онжина и 13 человек прислуги. Они прибыли в столицу 23 сентября 1629 г. Михаил и раньше бывал в Москве, но, в отличие от прошлых визитов, на сей раз его встретили холодно. Тобольский воевода князь А. Н. Трубецкой успел предупредить его приезд донесением в приказ. Михаил не был допущен к монаршей аудиенции и не получил обычного содержания: ему не позволили «государских очей видеть, и корму давать и выходу не указано». В мае следующего года было решено снова послать в Коду дозорщиков, а до их возвращения князю было велено оставаться в Москве. Тому пришлось на протяжении нескольких месяцев проживать за свой счёт, и, в конце концов, он отправил жалостливую челобитную с просьбой выделить ему казённое содержание, как это бывало при прежних приездах. Челобитная была составлена в мае, но лишь в октябре царю было доложено её содержание. Михаил получил указание семерых челядинцев отослать в Коду, а на всех остальных слуг казна отпускала 9 копеек в день; Михаилу с сыном предназначалось ежедневное довольствие в сумме 18 копеек¹⁰⁶. Только в начале 1632 г. переписчики вернулись из Югры. В то время Михаил ещё находился в Москве, где и умер летом 1632 г.

После смерти отца и отчёта дозорщиков Дмитрий наконец смог вернуться в Коду. Однако долго управлять княжеством ему не удалось, поскольку в 1636 г. против него взбунтовались кодские служилые остяки. В этих непростых условиях князь Дмитрий пытался устроить свою личную жизнь с дочерью сосланного «литвина» Андрея Бернадского, проживавшего с семьёй в Тюмени, под стражей в специально возведённом для этого доме. В начале 1637 г. ссыльную семью было приказано перевести в Кузнецкий острог и содержать там на тех же условиях¹⁰⁷. Бернадские не могли миновать Тобольск, где в апреле князем Дмитрием Алачевым и Андреем Бернадским была составлена «зарядная запись» (брачный договор) насчёт женитьбы князя на Андреевой дочери Федосье, с которой Дмитрий был знаком, судя по всему, со времени пребывания в столице. Источники такого рода для Сибири XVII в. встречаются редко, поэтому приведём полный текст «зарядной записи»¹⁰⁸.

«Се аз князь Дмитрей княж Михайло сын Алачев изволением Божиим и судьбами его святыми, и по совету и благословению государыне свой матушки княгини Катерини Федоровны зговорил есмь у Ондreja Онофреевича Бернацкого женитца на дочери его на девице Федосьи Ондреевны. Строе свадьбе, как государь укажет, потому что ныне Ондрей з женою и з детьми в засылке. А мне, князю Дмитрею, бити челом государю об указной грамоте, чтоб мне женитца государь произволил у Ондreja Бернацкого в Сибири на дечере его. А тем мне, князю Дмитрею, не отниматись, что иногда челобитная помечена или без пометы утеряетца, но прошатись милость государскую, чтобы государь пожаловал, велел дати свою государскую грамоту в Сибирь, чтоб мне в Сибири у Ондreja Онофреевича было женитца безпенно.

А как государев указ будет с Москвы и государь пожалует, велит мне женитца у Ондreja Онофреевича Бернацкого на его дочери, и мне, князю Дмитрею Алачеву, не отниматися

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 27. Л. 269–275.

¹⁰⁷ Там же. Л. 269–275.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 146. Л. 340–341.

ни далным путем, ни местом, ни вотчинными делами никакими и иными причинами. А как государь укажет мне, князю Дмитрею, женитца у Ондreja Онофреевича Бернацкого на его дочери, и яз, князь Дмитрей, не захочу у него женитца, и мне, князю Дмитрею, платить Ондрею заряду две тысячи рублей и убытки, и всякий протор, во что ему станет все поднаться.

А как государь мне, князю Дмитрею, женитца у Ондreja Бернацкого не изволит на его дочери, и мне, князю Дмитрею, на него не бити челом государю ни своего безчестья, ни убытков на нем не искати, и запись не запись, и заряд не к заряду, и вольно мне, князю Дмитрею, женитца, и ему, Ондрею, дочь выдавать замуж. А сию запись зарядную князь Дмитрей Алачев писал своею рукою лета 7145-го апреля в 18 день».

Примечательно, что остяцкий князь настолько хорошо владел русской грамотой, что самостоятельно составил «зарядную запись» (впрочем, может быть, и под диктовку). Опальный «литвин», вероятно, видел в туземном обрусевшем князьке перспективного зятя. Нужно заметить, что тот даже после мятежа его служилых не обеднел. В 1638 г. Дмитрий продал родственнику обдорского таможенного головы 6 сороков соболей, 5 тысяч белок, 20 чернобурых и 60 красных лисиц¹⁰⁹. А его выплата отцу Федосьи в случае нарушения «зарядной записи» исчислялась в солидной сумме даже по московским меркам.

Однако до свадьбы дело так и не дошло; вероятно, разрешения на брак не дал государь. Пути несостоявшихся новобрачных разошлись. В 1644 г. Дмитрия Алачева лишили его «вотчины» и вызвали в Москву. В Сибирском летописном своде сказано, что он уехал туда «с матерью и с женою и со всеми людьми»¹¹⁰. Здесь единственный раз упоминается факт женитьбы князя Дмитрия (в период между 1637 г. и 1644 г.), однако имя супруги осталось неизвестно. Он был пожалован в чин московского дворянина и приставлен к исполнению дворцовых служб; к 1649 г. бывший правитель Коды умер. Летом 1645 г. в Тобольске скончалась Федосья Бернацкая, судя по всему, так и не вышедшая замуж.

При изучении истории Кодского княжества историки непременно задаются вопросом о социальных отношениях в нём. С. В. Бахрушин, опираясь на русские документы конца XVI – первой трети XVII в., приводит довольно спорное мнение на этот счёт. Он предполагает, что общественное устройство Коды сохраняло «старинные порядки, которые до русских, вероятно, существовали среди хантов вообще». С. В. Бахрушин видел в социальной структуре населения Коды четыре группы: княжеский род, служилых хантов (собственно кодские остяки, составлявшие «военную знать»), ясачных хантов и рабов¹¹¹. Однако такое разделение, отразившееся в русских текстах в эпоху, когда Кода подчинялась Московскому государству, едва ли можно экстраполировать на более ранний период. С. В. Бахрушин знал, что Васпукольская, Колпуколская и Ваховская ясачные остяцкие волости являлись царским пожалованием князю Игичею 1590-х гг. До установления гегемонии Москвы социум

¹⁰⁹ Манькова И. Л. Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах в первой половине XVII века // Русское освоение Ямала до начала XX века. Салехард-Екатеринбург, 2005. С. 111.

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 36. С. 154. Перед тем князь на протяжении нескольких месяцев был вынужден жить в Тобольске, где шло следствие о его предосудительных, с точки зрения православия, поступках. Правительство использовало этот сыск как предлог для отнятия у Дмитрия ранга правителя Коды. О пребывании Алачева в Тобольске см. подробно: Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 47–49.

¹¹¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 119.

простого вожества Коды не подразделялся на служилых и ясачных. Остяки превратились в «служилых» только после того, как были включены в сложный социальный контекст Московского государства. Военный предводитель-вождь с его воинами, жившие в городках общинники и некоторое число рабов-военнопленных — так, вероятно, выглядела картина кодского общества до прихода в Югру русских.

Городки Коды занимали невыгодное географическое положение и потому были экономически бедны, что побуждало предводителей кодских остяков к грабительским набегам. Когда русские власти вовлекали кодичей в военные экспедиции, они таким образом лишь поддерживали и стимулировали их привычный «промысел» — захват пленных и имущества. Так, зимой 1593/94 г. русские казаки вместе с кодскими остяками напали на вогулов Большой Конды, что позволило князю Коды Игичею и в последующем снаряжать отряды, чтобы поживиться добычей в Большой Конде. Представители последней жаловались в 1600 г., что «и нынече деи князь Игичеевы люди приходят к ним в Конду, их побивают, и жены их и дети и людей емлют к себе в юрты по-прежнему в холопи, и юрты деи их пустошат»¹¹².

В отписке сургутского воеводы Ф. В. Головина от 1605 г. сообщалось, что в новопостроенном Томске несли службу «княж Игичеевские остяки Онжа Юрьев да Чюней» (последний — несомненно, двоюродный брат Игичея и Онжи Чумей Капландеев). На обратной дороге в Югру эти кодичи «во многих нерымских волостях остяков грабили», убили семь человек и стреляли по лошадям¹¹³. В обозначенном случае кодские остяки могли вспоминать свои «геройства» во время совместного похода с русским отрядом в Нарымское Приобье в 1597 г. Однако на эти происшествия можно взглянуть и шире. Можно предположить, что набеги на вогулов и грабёж селькупов выражали и продолжали традиционный «дорусский» образ жизни остяков Коды. В условиях господства такого жизнеустройства и образовалась полития Кода.

Финальный этап истории княжества Кода детально отображён в историографии, прежде всего С. В. Бахрушиным. В 1636 г. против князя Дмитрия Алачева поднялись его служилые остяки, возмущённые вотчинными «замашками» князя (по всей видимости, сказалось его долгое проживание в Москве и общение с русскими приказными и помещиками). Пока не всё понятно с системой повинностей кодичей в пользу их князя и Московского государства. С. В. Бахрушин полагает, что «неплатёж ясака... был отличительным признаком служилого ханта. Взамен ясака служилые ханты обязаны были нести военную службу». Они платили князю полудобровольные поминки в то время, когда не привлекались на военную службу. Ясачные же остяки из волостей, жалованных Игичею и Онже Юрьеву, выплачивали правителю Коды ясак¹¹⁴.

Служилые остяки в своей челобитной от 1636 г. напоминали, что со времени завоевания русскими Сибирского ханства их предки «давали государева ясаку в Тоболек и на Берёзов по два соболя ясачных с человека на год лет с десять и болши». Впоследствии государевым указом они были освобождены от казённого ясака, но на них возложили обязанность регулярно отдавать Игичею по 30 белок в год с человека¹¹⁵. А затем князь Михаил Алачев повысил размер этих выплат до 100 белок в качестве то ли ясака, то ли «поминок в почесть». То же

¹¹² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 378 (№ 34).

¹¹³ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 137.

¹¹⁴ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 119.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 203. Л. 45.

было и при князе Дмитрие¹¹⁶. Челобитчики однозначно видели в этом требование с них ясака в пользу князя.

Можно предполагать, что социальное положение кодских служилых не соответствовало статусу этой категории подданных Московского государства. Служилыми «иноземцами» в нём являлись касимовские татары, а в восточных регионах — татары в гарнизонах Тобольска, Тюмени и Тары. В Коде же наблюдался парадокс: будучи служилыми по отношению к государству, рядовые кодичи-воины одновременно расценивались правителями Коды в качестве вотчинных людей, обязанных платить ясак и выполнять различные работы на княжеском дворе.

В 1636 г. терпению служилых остяков пришёл конец. 120 вооружённых воинов, недовольных князем Дмитрием Алачевым, сошлись «для мирского совета» в городке Кармыш-Югане. Князь приказал отряду из 40 остяков отправиться в поход к степному озеру Ямыш, где добывалась соль. Подчинившись, они отправились на юг, но по пути, проходя через Тобольск, подали челобитную в канцелярию разрядного воеводы. Перечислив в ней «обиды и насильства» со стороны своего князя, они настоятельно просили, чтобы «государь бы их пожаловал, для их прежних служб велел с них ясак иметь на себя, государя, погодно на Берёзов, или где государь укажет».

Такое же предложение было сделано в следующем году, в грамоте от лица жителей почти всех городков княжества Коды: «А за князем Дмитрием Алачевым в ясаку быть отнюдь, государь, невозможно и быть не хотим»¹¹⁷. Алачев пытался было оправдаться перед тобольским начальством, уверяя, будто наказывает своих вотчинников исключительно заслуженно, за их проступки, но это лишь отсрочило утрату им владельческого статуса. В конце 1643 г. он был вынужден навсегда покинуть Коду, а городки княжества были отписаны государю. Стремление Дмитрия Алачева превратить Коду в некое подобие обычной российской вотчины, включая даже попытки ввести денежный оброк со служилых остяков, закончилось неудачей. Свободные общинники-кодичи «разбрелись по глухим местам, по речкам и по срам».

Имеются сведения об ещё одной линии князей Алачевых, происходившей от Онжи Юрьева. Князь Пётр Алачев, сын князя Никифора (Лобана) Онжина, в начале 1644 г. подал челобитную в тобольскую съезжую избу. В ней говорилось, что в начале 1630-х гг. приехавший в Москву Лобан принял крещение и по государеву пожалованию вступил во владение вотчиной своего деда Онжи Юрьева — «ясашными остяки Колпуковскою да Васпукольскою волостью».

В награду за переход в православие новокрещёну Лобану-Никифору был определён ежегодный хлебный оклад в 50 четей ржи и овса. В 1635 г. Никифор был убит его вотчинным остяком Мангусом Секлеевым, а князь Дмитрий Алачев забрал себе его ясачные волости. Внуку Онжи Юрьева Петру с матерью Агафьей пришлось поистине нищенствовать: «...волочась по остяцким юртам много время, души свои сквернили и крестьянские веры отбыли: живучи по юртам, всякое скверно ели, и нужу великую терпят». Челобитная Петра была переправлена в Москву, где постановили определить его на службу в Тобольске с десятирублёвым окладом¹¹⁸. Ещё один представитель этой фамилии — Сатар Чумеев, племянник

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 203. Л. 61–62.

¹¹⁷ Там же. Л. 49, 69.

¹¹⁸ Там же. Стб. 123. Л. 294, 296, 299.

Онжи и дядя Петра, жил в кодском Низянском городке, обладая потомственной привилегией не платить ясак.

Таким образом, обско-угорские политии-княжества можно определить как простые вождества. Властные prerogatives их лидеров-вождей и их окружения зиждились исключительно на успешных набегах и ограблении соседей. Такими вождествами были Кодское княжество Алача, Пелымское князя Аблегирима, Обдорское князя Василия, Куноватско-Ляпинское князя Лугуя, на Средней Оби — княжество Бардака. Аблегирим потерпел военное поражение; Лугуй, Алач и Цыngoп (Казымское княжество) в 1580-х гг., Василий Обдорский и Бардак в 1590-х гг. перешли в русское подданство.

Если говорить о самодийских политиях, то объединение тундровых ненцев XVII в. во главе с предводителями рода Большие Карачеи, очевидно, представляло собой кочевое вождество — воинственное образование, слабо контролируемое русскими властями. Русские современники называли Пегой Ордой политию нарымских селькупов. По мнению Г. И. Пелих, чрезвычайная активизация пушной торговли (ещё до прихода русских в Сибирь) и возможное участие этого региона в международном обмене ресурсами стимулировали социальное расслоение среди селькупов. Как известно, после разгрома русско-остяцким отрядом князя Вони в 1597 г. Пегая Орда, возглавлявшаяся им, перестаёт фигурировать в источниках. Г. И. Пелих предполагает, что это объединение сформировалось накануне «Сибирского взятия»: «Это могло быть очень примитивное (в таксономическом плане) военно-территориальное объединение со слабой централизацией многочисленных крупных и мелких “княжеств”, которые продолжали какое-то время существовать после разгрома центральной организации».

Исходя из сведений селькупского исторического фольклора, Г. И. Пелих заключает, что в окружении военного вождя начался процесс зарождения первоначальной «администрации» — начальников воинских отрядов, сборщиков дани, исполнителей судебных приговоров¹¹⁹. Эти признаки внутренней организации Пегой Орды при Воне вполне коррелируются с критериями простого вождества. В трудах некоторых этнографов можно обнаружить сожаление по поводу того, что обско-угорская государственность так и не реализовалась; в противоположность такому настроению Г. И. Пелих замечает: «Складывающаяся военно-потестарная система селькупских коков была разрушена в период присоединения селькупов к Русскому государству. В этом отношении интересы простого народа (т. е. рядовых селькупов. — Авт.) и русских властей совпадали: власть коков была ненавистна простым селькупам и опасна для царской администрации»¹²⁰. Это рассуждение историка о том, что общины охотников, рыболовов и собирателей не испытывали необходимости в государственных структурах и органах, достойно внимания.

¹¹⁹ Пелих Г. И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). С. 160–171.

¹²⁰ Там же. С. 174.

Глава 3

Протестные движения коренного населения

Проблема эпизодического противостояния коренного и пришлого русского населения Югры исследована неполно. Различные аспекты этой темы рассматривались в работах М. О. Акишина, С. В. Бахрушина, П. Н. Буцинского, Е. В. Вершинина, Е. М. Главацкой, Г. Ф. Миллера, Е. В. Переваловой, А. Т. Шашкова. Однако всеобъемлющее монографическое исследование пока отсутствует. При этом многие детали событий (датировки, состав участников, причины и последовательность их действий и др.) являются дискуссионными. Объясняется это,

прежде всего, скудной источниковой базой, которая состоит из документов фонда 214 «Сибирский приказ» РГАДА, а также из материалов, опубликованных Миллером в приложениях к первым томам его «Истории Сибири» (воеводские отписки, челобитные русских служилых людей и «иноземцев» и др.).

Для последовательного освещения протестных движений коренного населения Югры следует выявить их формы и причины, определить инициаторов, этнический состав и численность участников, рассмотреть ход событий во время конкретного выступления и показать результаты каждого из них, например, репрессии властей, изменения в фискальной и административной политике и т. д.

По мере освоения русскими пространства Югры коренному населению приходилось привыкать не только к новой власти, но и к негативным проявлениям новых условий жизни под российским правлением: не имея над собой полноценного контроля со стороны далёких столичных инстанций, местные власти нередко нарушали законодательные запреты против дискриминации ясачных.

Рис. 2.17. Обстрел из пищалей остяцкого городка Монкысь урий. 1619 г.
Художник А.С. Кухтерин. Консультант Г.П. Визгалов // Монкысь урий – городок XVI–XVII веков на реке Большой Юган (Краткие результаты комплексного археологического исследования). Вестник «Археология Севера» полевые открытия. Вып.1. Нефтеюганск, 2018. С. 98

Остяки, вогулы и самоеды сталкивались с несправедливостью и обманом со стороны русских. Бывали случаи, когда к выплате положенной нормы ясака (не всегда посылной для плательщиков) принуждали насилем и тюремным заключением. Возникла практика взимания «второго ясака» — сбора шкурок в пользу сибирской администрации и самих сборщиков, хотя служилые люди и без ясачного сбора находили способ пожить, нападая на селения аборигенов с целью грабежа и увода полона.

Случалось обращение ясачного населения в холопов. Росту злоупотреблений способствовало и то обстоятельство, что «иноземцы» иногда привлекали приказчиков и воевод к разрешению конфликтов в своей среде, перестав полагаться на нормы своих обычаев.

Возмущение аборигенов рано или поздно должно было принять форму вооружённого протеста против властей и их объективной опоры — рядового русского населения. Тем более что со временем восторг и ужас, которые возникли у сибирских аборигенов при первой встрече с многочисленными и хорошо вооружёнными русскими, уступили место более рациональному восприятию действительности. Вероятно, военные успехи и быстрота расширения российской территории во многом объяснялись именно этим шоковым эффектом.

При приближении Ермака к стольному ханскому Искеру впереди казаков неслась новость: «...Егда они стреляют из луков своих, ино ис конца дым и огонь исходит и голкнет (гремит — В. Т.) громко, а пробивают наши куюки и бахтерцы (доспехи — В. Т.) навывлет»; «...оружие их не по нашему. Егда ж они стреляют из луков своих... стрел не видеть, а защититися нечем не мочно»¹.

Со временем первоначальная осторожность сменилась любопытством, а затем и желанием научиться стрелять самим. В боях теперь старались добыть пищали и порох, тем более что технологию их использования приходилось наблюдать многократно. Трудоемкость и медлительность стрельбы из оружия весьма ярко запечатлелись в преданиях о событиях XVII в. В хантыйских описаниях боёв с русскими рассказывается, что для стрельбы из пищали требовалось три человека: «один заряжает (в другом варианте: одному на плечо ружье кладут — Авт.), другой целится, а третий поджигает (вариант: третий держит — Авт.)»².

Такая сложная процедура определённо сказывалась на боеспособности противника. В тех же преданиях ханты одерживают победу в сражениях — в немалой степени из-за скорострельности своих луков (не обсуждаем здесь вопрос о реальности такого исхода). Таким образом страшное оружие постепенно, так сказать, десакрализировалось и уже не казалось всесильным. Согласно сказаниями, когда Ермак хвастливо показывает остяцкому богатырю пушку, тот легко сминая её между пальцами: «Вот ваше оружие!»³.

На протестные настроения влияли и внешние факторы. В начале XVII в. известия о Смуте и разорении в Московском государстве породили у коренных жителей этой далекой окраины надежды на избавление от российского правления. К восстаниям против пришлых славян время от времени призывали и сибирские царевичи — потомки хана Кучума, кочевавшие

---

¹ Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36. С. 32, 120.

² Мартынова Е. П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 178; Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 178.

³ Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978. С. 40.

Рис. 2.18. Нападение остяков и самоедов на город Берёзов в 1595 г.
Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 21

в южных степях и мечтавшие о восстановлении своего утраченного государства. Приложили руку к мятежным выступлениям также представители югорской традиционной элиты, которая постепенно оттеснялась русскими властями и лояльными к ним «иноверческими» князьями от управления и распоряжения ресурсами.

Протест выражался в различных формах, самой опасной из которых были вооруженные выступления. Наряду со стихийными вспышками возмущения и противостояния бывали случаи организованных действий, когда «иноверцы» составляли многолюдные отряды под командованием бывалых воинов или местных князей, которые при русском правлении постепенно утрачивали своё элитное положение среди сородичей. Эти отряды осаждали города

и иногда захватывали остроги, убивая их жителей. Многие мятежные настроения становились известны властям, и тогда удавалось предотвратить открытые выступления. В источниках отмечены попытки координации действий одних югорских «смутьянов» с другими, например с коренным населением соседних уездов.

Однако важно учитывать то, что русская колонизация Сибири ни в коей мере не может быть поставлена в один ряд, например, с жестокой испано-португальской конкистой на Американском континенте. Сибирские народы продолжали сохранять за собой места традиционного проживания и способы хозяйствования по той причине, что вскоре после Ермака присоединение и хозяйственное освоение сибирских земель, обращение в подданство и объясачивание местных народов, с одной стороны, были поставлены под жёсткий правительственный контроль; с другой стороны, русские крестьяне-переселенцы самостоятельно осваивались в новых, непривычных для них условиях жизни. Кроме того, обращение в православие коренных жителей края никогда не провозглашалась официально как цель присоединения Сибири.

В документах XVII в., направлявшихся от вышестоящих органов подчинённым инстанциям постоянно встречается неукоснительное требование добиваться перехода аборигенов в российское подданство, но обходиться с ними «лаской и приветом», «лаской, а не жесточью». При этом организация системы ясачных платежей отнюдь не являлась учреждением некоей специфической колониальной системы.

Вне зависимости от сознательных намерений московского правительства, его политика по отношению к народам Сибири объективно выстраивалась так, что они оказывались в относительной изоляции от русских новосёлов и сохраняли за собой родовые угодья (охотничьи территории, водные ресурсы и т. п.). Другое дело, что в московских правительственных

инстанциях система принятия решений, случалось, не поспевала за меняющимися жизненными реалиями.

Функционеры Сибирского приказа в течение долгого времени игнорировали всё более усугублявшееся явление «испромышления» (истребления) ценного пушного зверя в Западной Сибири и продолжали настаивать на ясачных выплатах в соответствии с первоначальными окладами. Невозможность для коренных жителей Югры вносить эту подать в прежних объёмах, разумеется, ухудшала их экономическое положение и приводила к конфликтам. Москва приказывала воеводам ежегодного собирать и сдавать ясак «бездоимочно», долги по его сбору постоянно накапливались, и выхода из этой ситуации не было.

Далее будут последовательно рассмотрены случаи противостояния аборигенных сообществ Югры российским властям и русским новосёлам на ранней стадии их проникновения в край. Большая часть этих фактов неоднократно описывалась в историографии, однако в ряде случаев их интерпретации нуждаются в исправлениях и уточнениях как при описании хода событий, так и при оценке мотивов протестных выступлений со стороны аборигенов.

Берёзовское восстание 1595 г. являлось самым ранним вооружённым выступлением против российского присутствия в Югре. Берёзов был основан для контроля над северными хантами и самоедами, их объясачивания и последующего сбора пушнины. Появление этого укрепления вызвало их недовольство и протест. По воспоминаниям берёзовских казаков, этот город поставили «для того, что в том месте были многие остяки и самоедь, а нашего ясаку с себя не платили. И ис Тобольска де воеводы посылали к тем остяком и к самоеди тобольских служилых людей для нашего ясаку. И те де остяки и самоедь тобольских служилых людей побивали, а ясаку де нам не платили»⁴.

О восстании 1595 г. сохранилось мало документов, и практически все они уже введены в научный оборот. Совместное хантыйско-ненецкое войско весной 1595 г. осадило Берёзов. Из числа его предводителей в источниках зафиксировано лишь имя куноватского князя Шатрова Лугуева. Его присутствие при осаде несколько неожиданно, поскольку за девять лет до тех событий отец Шатрова Лугуй перешёл в московское подданство, обязавшись исправно выплачивать соболиный ясак. Однако вскоре после основания Берёзова куноватские князья попали под более пристальный надзор властей и оказались в числе подданных «белого царя». Так они потеряли своё привилегированное положение и стали лишь «лучшими

Рис. 2.19. Отражение нападения остяков и самоедов на город Берёзов в 1595 г. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 18

⁴ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 183.

людьми» в своей ясачной волости. Вероятно, этим и объясняется активное участие Шатрова в выступлении 1595 г.

Трое казаков в 1621 г. приехали в Москву и рассказали о берёзовских событиях. В их показаниях содержатся наиболее детальные сведения об осаде города: «И как де город и острог поставили, и берёзовские де остяки и самоедь к городу и острогу приступали и острог де выжгли, и многих наших служилых людей побили. А досталные де наши люди от тех остяков сидели в городе в осаде болши полугода». Об этом было извещено тобольское и столичное начальство. Тобольский воевода отправил на север отряд под командованием Черкаса Александра, соратника Ермака, а из Москвы туда двинулась рать с артиллерией во главе с бывшим пелымским воеводой князем П. И. Горчаковым⁵.

Аборигены приступили к осаде Берёзова весной 1595 г. и продолжали её до осени. Черкас Александров со своим отрядом имел возможность добраться до Берёзова исключительно водным путём — вниз по Иртышу и Оби; следовательно, он достиг города не позднее ноября. По воспоминаниям князя Петра Горчакова от 1618 г., одновременно его воины направлялись к Берёзову по зимнему пути: от Соли Вычегодской через коми-зырянские земли на Печору, затем «Камень», по замёрзшим притокам Печоры и Оби. Мятеж остяков и самоедов был подавлен. Они присягнули на верность царю и обязались выплачивать ясак. С некоторыми из них, кто продолжал выступать против русской власти, обошлись сурово: «...и они де тех многих остяков и самоедь, переимав, казнили».

Предположение А. Т. Шашкова об участии в восстании некоего обдорского князя, носившего христианское имя Василий, является обоснованным. Вероятно, весной 1596 г., вслед за подавлением приберёзовских остяков, ратники Горчакова спустились по Оби для приведения к покорности Обдорского княжества. В том отряде находились и две сотни остяков Коды, которых возглавлял князь Игичей Алачев. Через много лет они вспоминали о том походе: «И на той де государевой службе они служили, многих изменников остяков на бою побили ж»⁶.

В результате рейда Горчакова недалеко от резиденции обдорских князей появился русский Носовой (Обдорский) городок на реке Полуи. То есть, помимо подавления остяко-самоедского восстания, оказалась разгромлена полития в Обдоре — самое северное из остяцких княжеств. При этом интересен тот факт, что активный участник антирусского выступления Шатров Лугуев сохранил за собой ранг куноватско-ляпинского князя; очевидно, он как-то сумел добиться у властей прощения.

Обдорский князь Василий обратился в православие, скорее всего, по принуждению, и его негативное отношение к русской власти было искренним. С. В. Бахрушин приводит, но никак не комментирует знаменательный факт. В начале 1601 г. царь Борис Годунов пожаловал Мамрука, сына Василия, грамотой, по которой он фактически вступал в управление Обдорской волостью, заступая на место отца. В том документе говорилось: «Пожаловали есмя Мамрука... за его службы в Обдорских городках княженьем, как был пожалован отец его князь Василей. И князю Мамруку городки и волости и в них ясачных людей ведати, и наш

⁵ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 183.

⁶ Шашков А. Т. Взятие Сибири // Очерки истории Югры. Екатеринбург. 2000. С. 129–130; Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков в военных походах конца XVI – первой трети XVII вв. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 15–16.

ясак и десятинную пошлину збирати на нас потому ж, как отец его князь Василей»⁷. Можно предположить, что Мамрук, зная антирусский настрой отца, решил не соглашаться с его взглядами, а шертовать московскому государю, выгадав для себя управление волостью.

Осада в 1595 г. оказалась наиболее драматичным событием в жизни Берёзова. При этом следовало бы возразить распространённой в историографии точке зрения, будто подобное событие произошло в 1607 г., когда Берёзов был взят в осаду восставшими местными остяками и обдорскими самоедами⁸. Интерпретация тех событий зависит от анализа совсем небольшого количества источников: двух царских грамот в Берёзов от 28 октября 1607 г. и 10 января 1608 г. (с изложением донесения П. А. Черкасского, воеводы Берёзова, и с пожалованием местным казакам соответственно) и челобитной 1657 г. отставного казака новокрещёна Григория Ваюсева⁹. Судя по их отписке, события разворачивались следующим образом. Зимой, приблизительно 1606/1607 г., в съезжую избу Берёзова пришла Осдоня, холопка князца Подгородной волости Ваюся, «служащая жонка», некогда пленённая кодскими остяками во время похода на селькупов Нарымского уезда. С её слов оказывалось, что в среде берёзовских остяков назревает антирусский заговор. Видимо, Осдоня оказалась свидетельницей разговора её патрона Ваюся с посетившими его новокрещёнами Петром Кулановым и его сыном Антоном. Заговорщики замыслили «побивать» русских торговых и служилых людей, разграбить хлебные запасы и казну. Однако, по показаниям той же Осдони, «измена не учинилась», поскольку главные остяцкие предводители Мамрук Обдорский и Онжа Юрьев пребывали в то время в Москве.

Для инициаторов заговора привлечение обдорских и кодских хантов было крайне необходимо к участию в восстании, особенно князей. В 1629 г. ясачных плательщиков в Обдорской во-

Рис. 2.20. Н. Шахов. Обдорский князь и самоедские старшины. Рисунок на ткани. XIX в. // МАЭ. 5753/1

⁷ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 2002. Т. 3. С. 238.

⁸ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 136; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951. С. 559; Шашков А. Т. От княжества к ясачной волости // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 149; Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 42. Г. Ф. Миллер в этом сюжете проявил разумную осторожность, отметив, что в то время городу лишь «угрожала опасность разорения со стороны берёзовских остяков и вогулов» (Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 38).

⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 236–239 (№ 70), 240 (№ 72); Акишин М. О. Новые документы об отношении аборигенов Севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 127–128.

лости насчитывалось 144 человека; в начале столетия в отрядах кодских служилых князей могло собраться до 300 воинов.

Обдорские князья представлялись заговорщикам ценными соратниками ещё и по причине их тесных контактов с кочевыми самоедами, которые обладали репутацией стрелков из лука «скорых и гораздых». Пётр Куланов, скорее всего, обсуждал зловещие планы с Ваюсем осенью 1606 г., когда Онжа и Мамрук ещё не возвратились в Югру. Их присутствие в Москве летом 1606 г. подтверждают грамоты, пожалованные им только что воцарившимся Василием Шуйским. Жалованная грамота Мамруку Обдорскому была выдана 12 июня в подтверждение аналогичного документа от 1601 г. с предоставлением ему полномочий по ясачному сбору, взиманию десятинной пошлины и доставке дани в Берёзов¹⁰.

Онжа Юрьев после смерти князя Игичея Алачева, своего двоюродного брата, в 1604 г. возглавлял сотню кодских остяков, отправленных вместе с казачьим отрядом закладывать Томск. По возвращении из той экспедиции Онжа направился в Москву для государева пожалования его княженьем «вместо брата его князя Игичея». При этом Онжа просил дозволения забрать из берёзовской казны содержащийся там после смерти Игичея «палтыш болвана» — некий сакральный символ княжеской власти в Коде. Грамота ставила точку в полемике Онжи с потомками князя Алача в его пользу, а воеводе Черкасскому было велено отдать палтыш Онже как законному правителю Кодского служилого княжества¹¹.

Намерения заговорщиков обрели окончательную форму, очевидно, к концу весны 1607 г. Вышеупомянутые Пётр Куланов с сыном опять принялись склонять остяков к «измене», утверждая, будто «нынеча знают, как им город сжечь, и казну и хлебные запасы громить и служилых людей побить». Впоследствии под пытками Кулановы раскрыли задуманный ими план расправы с Берёзовом — «город сжечь хотели по ворожбе его, Петрушкины, жены». Через 40 лет Григорий, сын Ваюся, ставил себе в заслугу раскрытие этого заговора, что следует из его челобитной: якобы именно он сообщил воеводе, «что в остяках и отца моего шатость и измена велика»; князь Черкасский в ответ на это сразу же «послал з Берёзова служилых людей в Берёзовский уезд в волости взять лутчих людей остяков... И те ясачные люди по моему извету, князь Василий Обдорский с товарищи и отец мой, на Берёзов привезены были»¹². Эти воспоминания не расходятся с донесением Черкасского в Москву, в котором сообщалось лишь о пленении «начальных пущих воров», их допросах и наказании, но ничего не говорилось относительно осады Берёзова мятежниками.

Во время следствия первыми допрашивались подгородные остяки Аткатко и Учкучко, следом — отец и сын Кулановы. По их словам, «приводят на измену... лучшие люди, и все де берёзовские остяки и вагуличи им во всем верят». Эти «лучшие люди» (заговорщики) были перечислены: Василий Обдорский и Мамрук, Шатров Лугуев и его брат Вокчим (из Куноватской волости), Богдан Цынгопов (из Казымской волости), Таир Самаров и Лаут (из Белогорской волости), ляпинские остяки Лечман и Антонко, Онжа Юрьев, Чумей Капландеев, Тугунаско, Дерунко (из Коды), сосвинские остяки Талыбко и некий анонимный тобольдинский жрец («шайтанщик»), подгородные остяки Ваюсь, Аткатко и новокрещён Лёвка.

¹⁰ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. 3. С. 238–239.

¹¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. С. 407.

¹² Акишин М. О. Новые документы об отношении аборигенов Зауралья к русским властям XVII–XVIII вв. С. 128.

Как выяснилось на допросе, «сургутские ясачные люди и пелымские вагуличи отложились, и изменная у них мысль и ссылка меж себя была одна». Начальствующие «лучшие люди» намеревались соединить свои военные силы в конце июня на Северной Сосьве в 15 верстах выше Берёзова. Тогда же прозвучала и суммарная численность остяко-самоедского войска — две тысячи человек, готовых к нападению на город.

«Сыскав измену допряма», Черкасский приговорил к повешению Ваюся, Антона Куланова, жену Петра Куланова («за волшебство») и новокрещёна Лёвку. Немного странно видеть среди заговорщиков Онжу Юрьева и Мамрука, ведь они недавно были пожалованы в Москве княженьями и наделены соответствующими жалованными грамотами.

Их сомнения и неустойчивость позиции, может быть, основывалась на понимании политической ситуации в центре государства. Положение царя Василия Шуйского выглядело явно непрочным, осенью 1606 г. его рати сражались с отрядами И. Болотникова, И. Пашкова и П. Ляпунова, стягивавшимися к Москве. Однако Онжа и Мамрук устранились от участия в восстании и были прощены русскими властями.

Сначала на поклон к воеводе Черкасскому приехал Онжа Юрьев, приведя с собой пленённых братьев Лугуевых и двух остяков. Затем в Берёзов явился Мамрук Обдорский, который перед воеводой в «измене повинился», уверяя, что его недонесение о готовящемся мятеже было вызвано угрозами убийства со стороны отца и других обдорских остяков. Черкасский тут же направил из Берёзова в Обдорскую волость полсотни кодских остяков во главе с казаком Иваном Рябым¹³. Князь Василий Обдорский был ими схвачен и 9 июня доставлен в уездный центр. Он не стал отпираться и к тому же поведал о своём участии в атаке самоедов на отряд князя Шаховского в 1601 г.

12 июня в Берёзове объявился белогорский князец Таир Самаров с 20 сородичами, которые, по воеводской описке, «вину всю нам принесли». Вслед за очередной серией допросов на виселицу были отправлены четверо: Шатров Лугуев, тоболдинский «шайтанщик» и кодские остяки Дерунко и Тугунаско. Князя Мамрук и Онжа были отданы на поруки, а Василий Обдорский, Лечман и Богдан Цынгопов сидели в заточении в ожидании особого распоряжения из столицы.

Следует отметить, что в ходе этого долгого разбирательства князь Черкасский встретил понимание и солидарность со стороны рядовых остяков Берёзовского уезда. Они приписали изменнические настроения только своим князьям, а самим, дескать, «с теми изменики вперед быти не мочно». В качестве главного стимула к восстанию ими был назван чрезмерный размер ясака, для выплаты которого «жены свои и дети на ясак продают».

Из московского приказа Черкасскому прислали грамоту с похвалой за его действия во время остяцкого заговора. В ней же содержался приказ подвергнуть казни через повешение князя Василия, Лечмана и Богдана Цынгопова, что и было исполнено воеводой. Вероятно, тогда же был повешен и Пётр Куланов, поскольку в челобитной Григория Ваюсева говорилось о 12 казнённых¹⁴. Заметим, что в берёзовское заточение угодила и Анастасия, княгиня Коды,

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 203. Л. 47.

¹⁴ Акишин М. О. Новые документы об отношении аборигенов... С. 128. Тела этих осуждённых были оставлены на виселицах до весны 1610 г., а затем, по прошению родичей, их позволили снять и похоронить (РИБ. Т. 2. Стб. 199–200).

Рис. 2.21. Берёзовское городище. Первые постройки на посаде. Конец XVI в. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 50

на добрых» и 10 рублей. Григорий Ваюсев (ещё один доносчик) был обращён в православие и пожалован в казаки.

Донесение князя Черкасского поступило в Москву 5 сентября 1607 г.; следует подчеркнуть: именно поступило, а не было отправлено в тот день из Берёзова. Однако оно не позволяет утверждать, будто существовало объединённое войско мятежных остяков и самоедов, и Берёзов был ими осаждён. Решающую роль в аргументировании вышеизложенного мнения сыграла грамота Василия Шуйского от 10 января 1608 г. о пожаловании казаков берёзовского гарнизона. Она представляла собой ответ на их коллективную челобитную, в которой говорилось: «Как де изменили Берёзовского уезда все ясашные люди, и они де в те поры на Берёзове сидели в осаде два месяца, и около города ров копали, и во рву острог ставили, и город крепили, и Божьею милостью многих изменников переимали; и нам бы за их службы и за городовое дело пожаловать нашим великим жалованьем сверх годового». На это челобитье последовала милостивая реакция от государева имени: «И мы Берёзова города всех служилых людей пожаловали: велели им дати нашего жалованья за городовое дело, сверх годового, по полтине человеку».

Следовательно, по уверениям берёзовцев, им пришлось «сидеть в осаде», во время которой они укрепляли городские стены, копали ров и ставили в нём частокол из заострённых брёвен. Однако, если войско восставших югричей на самом деле обложило центр уезда, эти сведения выглядят весьма странно, ведь о стычках с аборигенами под берёзовскими стенами в царской грамоте не сказано. Обратим внимание на то, что казаки были пожалованы деньгами лишь «за городовое дело», а «изменников» они вовсе не «побили», а только «переимали»¹⁶.

жена Алача и мать Игичея¹⁵. Вероятно, её солидарность с заговорщиками имела причиной вражду с Онжей Юрьевым, перехватившим у её внуков власть в княжестве.

Относительно ясачной подати Черкасскому надлежало составить реестр всех плательщиков в уезде с указанием ясачного оклада, отправить двух-трёх их представителей в столицу и до особого распоряжения оттуда не производить ясачный сбор.

Щедро была награждена селькупская «служащая жонка» Осдоня, от которой стало известно о затевавшемся заговоре. Ей выделили собственный дом в посаде Берёзова, освободили от всех налогов, даровали право на беспошлинную торговлю и выплатили из казны «2 сук-

¹⁵ Буцинский П. Н. Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 171.

¹⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 240.

Можно сделать вывод, что заговорщики только планировали собрать двухтысячное войско из югорских аборигенов к концу июня 1607 г. Возможно также, за пару месяцев до того несколько русских ясачных сборщиков и промышленных людей были убиты остяками, что насторожило берёзовцев. После получения сведений от Осдони и Григория Ваюсева воевода Черкасский сумел к середине июня арестовать зачинщиков мятежа. В целях обезвреживания «пущих воров» он направлял в волости казацкие отряды, а в Обдору по его приказу направились, как упоминалось выше, 50 служилых кодских остяков. Однако на случай возможного нападения на Берёзов были приняты меры предосторожности: именно летом 1607 г., в то время, когда в Москву везли его отписку о пресечении попытки восстания, служилые местного гарнизона копали ров, ставили в нём частокол и ремонтировали крепостные стены. Названные в челобитной казаков «два месяца осады» на деле оказались лишь подготовкой к ней.

Если говорить о потенциальных участниках массового протестного движения, а именно о сургутских остяках и пелымских вогулах, то они не подверглись никаким репрессиям. Видимо, власти ограничились направленными к ним настойчивыми убеждениями не противиться политике, проводимой российской администрацией. Нет никаких достоверных сведений насчёт причастности к заговору тундровых ненцев, хотя остяки, несомненно, стремились вовлечь их в готовящееся выступление.

Обратимся к документу, использованному А. Т. Шашковым в качестве аргумента в пользу реальности восстания 1607 г.: «Весной 1607 г. события приняли угрожающий оборот: “к Берёзову городу остяки и самоедь, собрався, приходили приступом. И в уездех, в Берёзовском и в Сургутском, наших служилых людей и которые были посланы для нашего ясаку, и торговых и промышленных людей, которые ходят для своих промыслов, побивали” (достаточно сказать, что только жителей вымских волостей, оказавшихся в это время в низовьях Оби, было убито 29 человек)»¹⁷. Здесь у цитируемого автора оказались объединены два разных текста, причём приведённая им ссылка указывает лишь на один из них. Утверждение об осаде города содержится в расспросных речах бывшего берёзовского воеводы (в 1608–1611 гг.) С. И. Волынского, которые были записаны в столбцы приказа Казанского дворца в 1621 г. В то время приказное начальство задалось вопросом, возможно ли вместо постоянных гарнизонов в Сургуте и Берёзове ограничиться отправкой туда годовальщиков. Это намерение Волынский комментировал так: «В прошлых де годех до него, Степанова сиденья, и при нем в берёзовских ясачных людех измена и шатость бывала многая, и к Берёзову городу остяки и самоедь, собрався, приходили приступом. И в уездех, в Берёзовском и в Сургутском...» Он напоминал, что в помощь казакам обоих югорских городов из разрядного центра Тобольска прибывали служилые люди, а насчёт главного вопроса, интересовавшего сотрудников Казанского дворца, сказал: «А без тех де людей, что ныне на Берёзове и в Сургуте, быти отнюдь нельзя»¹⁸.

Новый заговор среди хантов Берёзовского уезда стал зреть в 1609 г. В центре его оказалась вдова Игичея Алачева, княгиня Анна. То есть кодские остяки, которые по воле центральных властей обрели статус служилых (выше, чем у рядовых коренных югричей), замыслили антирусское выступление, что можно объяснить, вероятно, несколькими причинами. Царствование Василия Шуйского выглядело явно непрочным: «боярский царь» был вынужден

¹⁷ Шашков А. Т. От княжества к ясачной волости // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 149.

¹⁸ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 184.

противостоять сильным противникам — отрядам И. Болотникова и войску Лжедмитрия II. «Лучшие люди» аборигенов Югры, несомненно, были в курсе событий всеохватной Смуты в центре государства. Кроме того, сказывались распри в княжеской фамилии Коды из-за проблемы преемственности власти после смерти князя Игичея в 1603 г.

Заметим, что система наследования, практиковавшаяся в Коде до прихода в Сибирь русских, неизвестна, но, вероятнее всего, власть передавалась от отца к старшему сыну. Царская грамота на княжение, пожалованная Онже Юрьеву в 1606 г., не могла не возмутить Игичееву вдову и её детей. Этот документ был свидетельством того, что в столичных инстанциях не разбирались в делах Югры, отчего ошиблись и пожалованием кодского княжения. Любопытно, что в активную борьбу за поправные права сыновей Игичея вступились женщины — его мать Анастасия и вдова Анна.

Имеется ещё один фактор, который следует учесть при анализе причин, по которым кодская элита была недовольна русским правлением. Как уже было сказано, остяки Коды активно участвовали в разгроме вогульского Кондинского княжества в 1594 г. Через шесть лет, кондичи били челом о том, что люди князя Игичея продолжали набеги на их юрты. В ответ на челобитную Москва приказала берёзовскому начальству разобраться в ситуации и направить в Коду строгий запрет нападать на кондинских манси¹⁹. Вероятно, это указание не повлияло на положение дел, и вогулы, защищаясь, приступили к ответным действиям. В 1603 г. князь Михаил Алачев просил защитить его от агрессивных кондичей, которые «похваляются на них приходить войною и его и людей его побивать насмерть». Возможно, он не вполне заслуженно приписывал воинственные настроения именно кондинским вогулам. Однако в 1606 г. те всё же взяли в осаду Кодский городок, где тогда пребывали Михаил и Иван Алачевы. Намерением нападавших было «побить их до смерти за то, что они емлют с них ясак»²⁰.

После прихода русских на территорию за Уралом коренные сибиряки не сразу осознали, что эпоха межплеменной вражды заканчивается, уступая место общему для всех подданству московскому царю. Теперь в случае различных «обид и насильств» аборигенам надлежало прибегать к судебным полномочиям местных воевод, «а воевати [бы] ни на кого самовольством не собирались». Установление подобных ограничений могло прийти не по нраву князьям Коды, которые традиционно обогащались в набегах на окрестные племена Югры.

Историки неоднократно описывали и анализировали неудачный заговор Анны Пуртеевой²¹, но ещё остались некоторые детали тех событий, которые необходимо уточнить. Так, С. В. Бахрушин отмечает, что княгиня в стремлении восстановить независимость Коды «вступает в сношения с вчерашними врагами, с кондинскими мансями, с обдорским князем Мамруком, призывает к восстанию белогорских, сосьвенских хантов, рассылает по хантским волостям “изменную стрелу” с мистическими зарубками, этот языческий символ войны». Эта информация основана на отписке берёзовского воеводы в Тобольск, также она была продублирована в грамоте из Тобольска пелымскому воеводе²². Этот источник заслуживает внимательного прочтения.

¹⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 377–378.

²⁰ Там же. С. 401–402 (№ 53); Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 227.

²¹ Там же. Т. 2. С. 39; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 118; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 111.

²² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 248–249 (№ 84).

Если остяцкая предводительница в самом деле замышляла организовать массовое восстание, то в её поступках кое-что представляется нелогичным. Мысли об «измене» появились у неё в 1608 г., когда она, в сопровождении Чумей Капландеева, двоюродного брата князя Игичея, направлялась домой из далёкой волости на реке Вах. Эта волость была пожалована ещё Игичею, и там его вдова занималась сбором ясака. По пути Анна остановилась в Белогорской волости у князца Таира Самарова. Туда же подъехал князец сургутских остяков Неулко «с братьею», «о измене они вместе тут договорились допряма». Затем кодичи отправились дальше, а Таир Самаров активно взялся за «изменное» дело: прислал Анне условный знак — стрелу, «а на стреле нарезано 11 шайтанов с рубежи и стрельное железо терто». Впоследствии, когда она очутилась в руках берёзовских властей, опытные служилые и торговые люди сказали воеводе, что «наперед сего такие стрелы ходили промеж остяков для измены».

Посланник Кочегомка повёз стрелу из Коды в Сосьвинскую волость, чтобы склонить местных хантов к мятежу на стороне княгини. Здесь любопытно следующее обстоятельство. Как раз в то время, в конце июня 1609 г., на Сосьву для сбора ясачных недоимок прибыли из Берёзова двое казаков. Они отобрали у Кочегомки зловещую стрелу — не исключено, что по наводке местных остяков. Стрелу и гонца Анны привезли в Берёзов, где Кочегомку подвергли пытке, и он поведал о событиях, изложенных выше. Последовал приказ немедленно схватить и пытать Чумей Капландеева. На допросе тот рассказал, что «зимусь», т. е. зимой 1608/1609 г., княгиня Анна, её крещёный брат Гаврилко и он, Чумей, предлагали князю Мамруку Обдорскому присоединиться к будущему восстанию. Мамрук как будто разделял их намерения (обещал быть с ними в одной «думе») и даже лично посетил Коду. В качестве первого шага при начале мятежа планировалось убийство князя Онжи Юрьева, а дальше предполагалось «итти было им к Берёзову городу войною, как будут темны ночи».

Попытаемся понять, какие действительные события были запечатлены в этих показаниях, не принимая на веру всю информацию из цитируемой отписки. Например, Мамрук в самом деле мог явиться в Коду, однако, вполне возможно, что с провокационными целями. Какую цель и какой смысл он мог видеть в намечавшемся бунте? Какую выгоду он ему сулил? Ведь Мамрук обладал статусом легитимного князя Обдорской волости, кроме того, ещё недавно (в 1607 г.) он не стал присоединяться к заговорщикам, тела которых на виселицах Берёзова всё ещё устрашали прохожих.

Следует также определить, кого предполагалось поднять против русского правления. В 1629 г. в Сосьвинской и небольшой Естыльской волостях вместе числилось 292 ясачных плательщика, в Белогорской волости — 82²³. В Коде некоторое количество местных жителей держало сторону не Анны Пуртеевой, а Онжи Юрьева. Присоединение к заговору князя Мамрука, как только что указывалось, и тем более тундровых самоедов было под большим вопросом. С кем же вдовая княгиня и Чумей Капландеев собирались идти на Берёзов? Напомним, что летом 1607 г. его фортификационные укрепления были обновлены и усилены. С. В. Бахрушин, а за ним и другие авторы оценивают Анну как особу «энергичную и властную», но она скорее предстаёт недалёковидной и импульсивной, и при этом алчно жаждущей власти. Её действия диктовались навязчивым стремлением расправиться с соперником Онжей и добиться «вокняжения» над Кодой своего сына Михаила.

²³ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 65.

Рис. 2.22. Н. Шахов. Волости Сосьвинская и Ляпинская. Промысел. Фрагмент рисунка на ткани. XIX в. // МАЭ. 5753/6

начали мигрировать в сибирские степи²⁴. Таким образом, кондинских манси склонял к протесту исламский священнослужитель, а вовсе не Анна Пуртеева. Да и нападение их планировалось не на Берёзов, а на Тобольск.

Берёзовская администрация, разобравшись в ситуации, не сочла нужным сурово карать потенциальных бунтовщиков. Глава тобольского разряда приказал доставить в Берёзов Четырдя Досаева, агитировавшего к мятежу вогулов Большой Конды, но тому удалось убедить берёзовского воеводу в своей непричастности к «измене»²⁵. Княгиню Анну некоторое время удерживали в Берёзове, но в конце концов отпустили, а её сын Михаил всё-таки получил ранг кодского князя. Онжа Юрьева и его сыновей отстранили от власти.

Стоит также обратить внимание на попытку пелымских вогулов поднять восстание в 1612 г. Его зачинщиками являлись манси с берегов Вишеры и Лозьвы, которые жили на западе и не входили в состав Пелымского уезда. Они попытались сподвигнуть к всеобщему вооружённому протесту всех своих соплеменников, включая кондинских вогулов. По-видимому, в среде манси, расселившихся к востоку и западу от Урала, ещё было живо сознание определённого этнокультурного единства, которое сохранялось со времён независимости югорских княжеств.

До Петра Исленьева, воеводы Пелыма, сведения об этих опасных настроениях в подведомственном ему крае дошли следующим образом. Некий вогул Янкилдей Микиров 27 июня 1612 г. рано поутру явился зачем-то на двор к пелымской стрельчихе Оленке Яковлевой. Та возмутилась непрошеным гостем и принялась с ним браниться. На её вопли Янкилдей

Явным недоразумением следует считать факт обращения Анны к вогулам Конды. Чумей Капландеев в своих показаниях утверждал, что во время их с Анной пребывания в селении Таира Самарова там же проездом были четверо тобольских татар. Их привлекли к обсуждению «изменной думы», и один из тоболяков, Бекбаулы абыз, т. е. мулла, мусульманский проповедник, поделился ценной для потенциальных мятежников инициативой: «послал он с усть Конды кондинского князька Четырдя вверх по Конде... для измены, и кондинские остяки все с ними войною под Тобольск готовы». В весенние месяцы 1609 г. татары Тюменского уезда были близки к тому, чтобы поднять восстание, убеждали присоединиться к ним туринских татар и рассчитывали получить подмогу от калмыков, которые как раз в то время

²⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 244–245.

²⁵ История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века. Екатеринбург, 1999. С. 110.

отреагировал так: «Много де ты расшумелась, ужо де будем мы вас стрелять». Свидетельницей этой сцены оказалась дочь местного пушкаря, которая стала бросать в Янкилдея «щепую и излаяла». Янкилдей и ей пригорзил, что её сожгут. (Возможно, в этот момент он говорил о вогульском ритуале жертвоприношений, которому подвергали молодых иноплеменников.) Пелымчанки восприняли угрозы всерьёз и тут же известили о них воеводу Исленьева. Янкилдея допросили, и выяснилось следующее. К местному сотнику Сынке приезжали манси с Вишеры и Лозьвы и похвалялись, что начальство собиралось их «на Русь в войну везти», а им удалось уклониться. В общем-то, их нежелание и опасения можно было понять. Именно тогда Д. М. Пожарский и К. Минин собирали ополчение и посылали в разные уезды запросы о пополнении его ратниками с мест. Очевидно, верхотурским и пермским властям показалось разумным отправить к месту сборов не только русских людей, но и аборигенов. Нетрудно предположить, что в жестоких сражениях с опытными польскими воинами вогульские ополченцы, даже с державшими их сторону русскими дворянами и казаками, были обречены.

Спустя пару недель пелымский воевода получил ещё из одного источника уже более подробную информацию. В разговорах на дружеской попойке новокрещён Семейка Назинов проговорился, будто ему известны замыслы пелымских вогулов: «Хотят де вагуличи в сибирских городех воевать, чем де нам идти на Русь воевать в войну, и мы де и здесь воюем... государя де ныне на Москве нет, ныне де одни в Сибири воеводы, а людей де мало русских во всех сибирских городех». Началось следствие с допросами и пытками, в ходе которого стал вырисовываться размах задуманного бунта. Приблизительно две сотни манси с Лозьвы и Вишеры, т. е. из Верхотурского уезда и Перми Великой, Великой (вишерцы) и Верхотурского уезда (лозьвинцы) собирались расчистить короткий путь до Пелыма, идти к реке Пелымке, где должны были объединиться с соплеменниками из Большой Конды и прочих волостей. В конце июля планировали общей ратью подойти к Пелыму и уничтожить город.

В этих проектах резонно предусматривалось, что не все ясачные вогулы станут разделять антирусский настрой заговорщиков и присоединятся к ним, но тогда они будут объявлены врагами и убиты. Вслед за разгромом Пелыма и истреблением его гарнизона в планах восстановления предусматривались военные действия отряда манси к западу от Урала, в пермских землях. Исленьева эти известия очень обеспокоили, и он принялся готовить город к нападению. Чтобы расчистить простреливаемую местность и сократить обороняемое пространство, воевода приказал разрушить в посаде половину дворов. В уездном центре в то время находилось 65 стрельцов, которым можно было дать в подкрепление 30–35 безоружных пелымцев²⁶.

Никакие источники, повествующие о том, как повстанцы пытались претворить свои планы в жизнь, не обнаружены. С. В. Бахрушин пишет о жестоком подавлении протестного движения: 10 вогулов были казнены и свыше 30 подверглись битью кнутом²⁷. О том же говорилось в отписке Ф. А. Годунова, который сменил Исленьева в Пелыме: «В прошлом во 120-м году в пелымских вагуличах было умышление, хотели к городу приступати и город сжечь и служивых людей хотели побити; и пушье изменники переиманы и перевешаны»²⁸.

²⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 261–263.

²⁷ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 147.

²⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 265.

Итак, атака мятежников на Пелым летом 1612 г. так и не случилась. С учётом всех этих событий представляется несколько странным другой «изменный» замысел. Сведения о нём дошли до воеводы Исленьева в начале зимы 1612 г. Донос поступил от Коротая, сотника Воринской волости. По неизвестным причинам он предал своих соплеменников из семи ясачных волостей и сообщил воеводе об их плане.

Предусматривалась следующая диспозиция. Притворившись, что собираются сдавать ясак, вогулы скопом подойдут к Пелыму. Там они объявят воеводе, что мехов при них нет, и станут просить об отсрочке выплаты. Цель этого «представления» заключалась в том, чтобы беспрепятственно проникнуть в город. Оказавшись же внутри острожных стен, вогулы собирались поджечь постройки и истребить всё русское население Пелыма, включая воеводу Исленьева. Вероятно, следствие по очередному заговору пришлось вести Годунову, преемнику Исленьева на воеводстве. Он приказал сечь кнутом многих вогулов, а их «лучших людей» посадил под стражу в качестве аманатов (заложников)²⁹.

Следует согласиться с П. Н. Буцинским, который увидел связь между «изменами» и «шатастями» коренных жителей Югры и событиями Смуты начала XVII в. в Московском государстве. В то время ещё было живо поколение остяков и вогулов, помнившее эпоху самостоятельности своих княжеств, их военной активности и воинской доблести, стремительных набегов на пермские городки, а продолжительный кризис в центре государства и частая смена его коронованных правителей вселяли им надежду на возвращение к прежнему положению дел. Вероятно, имеет смысл учитывать этот политический контекст в протестных движениях югричей. В челобитной от 1612 г. верхотурского стрельца, участвовавшего в сыске «про вогульскую измену», утверждалось, что манси собирались сжечь новые русские города за Уралом, уничтожить их гарнизоны, «а умыслили, чтоб им быть себе царством, как было при Кучуме царе»³⁰.

Если говорить о хантах Средней Оби, то здесь следует обратить внимание на повстанческое движение под предводительством Тонемы, или Кинемы. В той местности на протяжении столетий в народе ходило предание о богатыре Тонье (Танье, Танге). В начале XX в. А. А. Дунин-Горкавич узнал о нём от юганских хантов и записал. По этой версии, князь Танга переселился с первоначального местожительства на Большой Юган³¹. Сейчас исследователям доступны три опубликованных варианта сказаний о Тонье. В первых двух публикациях перед их авторами А. А. Дуниным-Горкавичем (1911 г.) и Н. В. Лукиной (1990 г.) не стояла задача соотнести этого фольклорного персонажа с неким историческим прототипом. О. В. Кардаш записал ещё один вариант этого предания, при этом сопоставив его героя с остяцким князем, действовавшим в начале XVII в.³²

С. В. Бахрушин в своё время восстановил по архивным материалам ход повстанческого движения среднеобских хантов в 1610-х гг. Восстание возглавил сын остяцкого князя Бардака Тонема, или Кинема³³. Русские документы упоминают имя этого мятежника в последнем варианте, отчего историки не отождествляли его с Тонемой. С. В. Бахрушину удалось убедительно доказать тождество Тонемы и Кинемы русских текстов, а современные

²⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 263–264; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 147.

³⁰ Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 1. С. 290.

³¹ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский север. СПб., 1911. Т. 3. С. 29–30.

³² Салымский край. Екатеринбург, 2000. С. 68–69, 283–284.

³³ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 141–142.

историки уже возвели Тонему к легендарному Тонье. Однако выдающийся сибиревед не был знаком с хантыйскими преданиями, а последующие авторы практически не использовали архивные материалы, которые изучил С. В. Бахрушин. Пока слабо развито такое перспективное направление исторических исследований, как поиск в преданиях аборигенов Югры прообразов исторических событий и персонажей.

По нашему мнению, для отождествления героя хантыйского фольклора Тоньи с историческим Тонемой (Кинемой) Бардаковым имеются серьёзные основания, ведь в течение трёх столетий, прошедших с «Сибирского взятия», в Югре, а именно в регионе Средней Оби, больше не было подобного продолжительного и целеустремлённого повстанческого движения аборигенов. Правда, имеются некоторые, не совсем точные сведения о синхронном вооружённом восстании обских остяков в 1662–1663 гг.³⁴, однако нет никакой информации насчёт предводителей этого движения и о его масштабах. Четырёхлетнее противостояние аборигенов русской администрации Сургута, набеги, атаки на русские суда, победоносные бои с казаками обросли легендарными подробностями и легли в основу хантыйских преданий³⁵. Общеизвестны также многочисленные русские сказания и песни о казаке-бунтаре Степане Разине, истинность существования которого в XVII в. неоспорима. К той же типологической категории относятся памятники исторического фольклора, посвящённые Тонье, которые запечатлели драматические обстоятельства вхождения народов Югры в состав Российского государства, поэтому изучение преданий хантов важно для исследования как истории, так и исторической памяти коренного населения Северо-Западной Сибири.

Впрочем, можно заметить некоторую традицию, заложенную в конце XIX в. В своих монографических трудах С. К. Патканов на основе хантыйского фольклора восстановил образ жизни остяцкого социума до XVII в. К этой традиции можно также определить работы археологов А. П. Зыкова и С. Ф. Кокшарова, которые провели раскопки городка Эмдер, во многом учитывая информацию о нём из сказаний хантов³⁶. Однако это памятник бесписьменной эпохи Югры, и понятно, что посредством исключительно археологических артефактов невозможно проверить достоверность фольклорных персонажей и событий. Попытка соотнесения Тонемы (Кинемы) из воеводских отписок и Тоньи из героических сказаний даёт уникальную возможность междисциплинарного анализа разноплановых источников.

Повстанческое движение во главе с Тонемой Бардаковым расценивается в историографии по-разному. Так, существуют расхождения в его хронологии. Г. Ф. Миллер датировал эти события 1616 г., П. Н. Буцинский — 1617 г., А. И. Андреев — осенью 1618 г.³⁷ У С. В. Бахрушина основное внимание уделено разгрому отряда Кинемы и Суеты Бардаковых в 1619 г. Этим же годом учёный датировал и само выступление остяков³⁸. По заключению А. Т. Шашкова, начало мятежа относится к 1616 г., в следующем году произошло нападение на воеводу Бобарыкина в 1617 г., а конец восстанию был положен в 1619 г.³⁹ Сведения из архивных документов позволяют уточнить датировки бунта югричей, однако для начала было бы полезно обрисовать

---

³⁴ Житие протопопа Аввакума. М., 1960. С. 87–88

³⁵ Вершинин Е. В. Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 107–109.

³⁶ Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

³⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 43, 664; Буцинский П. Н. Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 95.

³⁸ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 155.

³⁹ Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 147.

фабулу событий так, как она предстаёт в документах, а затем сопоставить её с фольклорными мотивами.

Нами были изучены наиболее ранние письменные источники, в которых могли бы содержаться сведения о князе Бардаке, его сыне Тонеме и в целом о судьбе Бардакова княжества в условиях подчинения русской власти. Принято считать, что город Сургут был основан в 1594 г. на землях княжества Бардака. Неизвестно время перехода Бардака в русское подданство. Нет точной информации и о том, каковы были границы княжества, территория которого впоследствии стала одной из волостей Сургутского уезда; а также из каких этнических групп состояло население, подвластное Бардаку. В отношении последнего вопроса существует две точки зрения. Большинство исследователей считает аборигенов Бардаковой волости остяками/хантами. Г. И. Пелих же предполагает, что Бардак и его подданные являлись селькупам — самой северной этнической группой этого народа⁴⁰. Вероятно, найти ответ на этот вопрос, основываясь на материалах русских текстов XVII в., не получится, поскольку в них для хантов и селькупов применялось общее наименование «остяки», и лишь в XIX в. они получили отдельное обозначение «остяко-самоеды». В связи с этим можно предположить, что по крайней мере традиционная элита волости (род Бардака) была самодийской.

Нет ясности и относительно географического расположения Бардаковой волости. В своей фундаментальной монографии Б. О. Долгих утверждает: «Известно, что центром остяцкого княжества Бардака (в дальнейшем Бардаковой волости) был городок в устье р. Тром-югана и что сам город Сургут был основан на территории этого княжества»⁴¹. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи, хотя не совсем понятно, на каких основаниях. В своих детальных путевых записках Г. Ф. Миллер, описывая странствие по Сибири, упоминает Тром-юган, но ничего не сообщает о Бардаке и его городке, при этом называя речку около Сургута Бардаковкой⁴². Николай Спафарий в 1675 г. тоже писал о «речке Бордака» вблизи Сургута⁴³. Можно предположить, что Бардакову волость помещают на Тром-югане, следуя карте конца XVII в. С. У. Ремезова «Чертёж земли Сургутского города». На ней, выше устья Тром-югана, имеется надпись «волость Барданкова», однако речка Бардаковка нарисована неподалеку от Сургута.

Имя князя Бардака впервые фиксируется в грамоте, написанной в Сибирском приказе 31 августа 1596 г. и предназначенной для сургутского воеводы. Как это было принято в приказной практике, она представляла собой ответ на воеводские отписки о местных делах. Из грамоты следует, что в 1596 г. Бардак был довольно лоялен по отношению к русской власти. Именно от него воевода О. Т. Плещеев получил известие о том, что «Кучум царь подкочевал к Пегой Орде» и замышляет напасть на Сургут совместно с нарымским князем Воней. 14 мая 1596 г. в Сургут прибыл «Бордоков сын Тонема» со схожими вестями, полученными от ваховских и лунпукольских, о том, что Воня не соглашается платить государю ясак и собирается в поход на Сургут. Центральные власти постановили снарядить военную экспедицию в Нарымское Приобье силами служилых Сургута, Тобольска и Берёзова. При этом участие бардаковских хантов в этом предприятии считалось нежелательным. Дозволялось образовать

⁴⁰ Пелих Г. И. Селькупы XVII века. Новосибирск, 1981. С. 81.

⁴¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 81.

⁴² Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 207–208.

⁴³ Спафарий Милеску Николай – Сибирь и Китай. Кишинёв, 1960. С. 48.

отряд из верноподданных остяков Сургутского уезда, в том числе и «Бордаковых людей», но только в том случае, если не удастся организовать участие в походе воинов Коды с князем Игичеем Алачевым⁴⁴.

С. В. Бахрушин был, скорее всего, прав, когда утверждал, что княжество Бардака в первое время после подчинения русским пользовалось особым положением среди прочих ясачных волостей Сургутского уезда. Подобно кодским князьям Алачевым, Бардак обладал собственной вотчиной и имел ранг служилого князя, а не князя ясачной волости. «Бардаковы люди» сдавали пушнину не в счёт окладного ясака, а в форме меньших по объёму поминок, что указывало на их особый статус.

В январе 1597 г. в Москву поступила информация о том, что в верховьях Пура «живут кунная и асицкая самоедь человек с триста и больши, а государева ясаку не плотят и в город в Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бордак себе». Сомнительно утверждение, будто бы в период независимости Бардак мог собирать регулярные подати со столь отдалённых от него самоедов — предков лесных ненцев и энцев. Вероятнее всего, он периодически посылал своих подвластных в промысловые уголья пуровских аборигенов, и именно во время этих набегов происходил сбор дани и случались военные стычки.

В записях Г. Ф. Миллера от 1740 г. упоминается, что по Тромъёгану и Агану сургутские остяки «ходят на Пур, в особенности ради бобровой охоты»⁴⁵. В ясачной книге 1625 г. недоимка ясака в 120 соболей с остяков Бардаковой волости объяснена тем, что «они отошли для бобрового промыслу в дальние места»⁴⁶. Может быть, этим объясняется позднейшее связывание Тромъёгана и Агана с людьми Бардака.

Можно предположить, что Бардак попытался взимать в свою пользу меха с пуровских самоедов, прикрываясь именем далёкого московского царя. Однако воевода Сургута разъяснил Бардаку статус самоедов: «То люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бардаку и тово, что ему своими людьми владети». В то же время власти нашли целесообразным выгодно использовать практику бардаковских набегов на Пур. Бардаку было велено «послати в поход в войну на тое самоедь братью и людей своих», объяснить самоедов и привести в Сургут аманатов от них. Для большей уверенности в успехе воевода мог усилить отряд Бардака сургутскими казаками. Однако ему самому не позволялось встать во главе экспедиции, т. к. «ещё Бордак и сам не добре укрепился; велети ему у себя в городе да с ним сыну его лучшему да брату Бардакову в те поры быти в городе ж (Сургуте — Авт.) для того, чтобы над государевыми людьми Бардак подводу не сделал»⁴⁷. То есть в начальный период существования Сургута ещё не было полного доверия бывшему независимому правителю.

Поход на Пур состоялся только в 1601 г. За четыре года до того была разгромлена Пегай Орда, после чего в состав Московского государства вошло Нарымское Приобье. Точно неизвестно об участии Бардака и его сородичей в этих событиях, и вообще, был ли он ещё жив в то время. В историографии 1602 г. фигурирует как дата начала Пурского похода. Однако в царской грамоте от 6 сентября 1602 г. сообщается о возвращении в Сургут 24 ноября 1601 г. участников похода. В отряд входили сургутские казаки под командованием атамана Богдана Зубакина

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 7-23 об.

⁴⁵ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 208.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 284 об.

⁴⁷ Там же. Л. 44-45 об.

Рис. 2.23. Остяки Бардаковой волости. Начало XVII в.
Художник А.С. Кухтерин. Консультант Г.П. Визгалов //
Монкысь урий – городок XVI–XVII веков на реке Большой Юган
(Краткие результаты комплексного археологического исследования).
Вестник «Археология Севера» полевые открытия. Вып.1.
Нефтеюганск, 2018. С. 83

и ханты, возглавляемые князем Кинемой⁴⁸. Однако с ясачным обложением самоедов на Пуре сургутские власти опоздали. К сбору пушнины на Пуре и Тазе в то время уже приступили служилые из новооснованного уездного центра — Мангазеи.

Начиная с ранее упомянутой московской грамоты от 1602 г., сын Бардака именуется в документах Кинемой, а не Тонемой. Возможно, причина заключается в смешанном составе населения Бардакова княжества, совместном проживании в нём хантов и самодийцев. До 1615 г. в известных нам русских текстах отсутствует какая-либо информация о Бардаковой волости и её предводителях, ведь тогда была эпоха Смуты в Московском государстве. Кровавые события в центре страны повлияли на степень интенсивности русского продвижения в Сибирь и её освоения, которое фактически приостановилось на полтора десятилетия. Центральные ведомства существенно ослабили контроль регионального начальства за Уралом, и это неизбежно сказывалось на масштабах воеводского произвола и злоупотреблений. Кроме того, с окончанием «Великого литовского разорения» правительство столкнулось со множеством проблем, прежде всего в финансовой сфере. В этой ситуации администрация

Сургутского уезда вполне могла самостоятельно принять решение ликвидировать льготы и привилегии, некогда дарованные Бардакову княжеству и преемникам Бардака. Последние перестали отличаться от прочих аборигенных князцов и «лучших людей» Сургутского уезда, которые лично выплачивали окладной ясак, подобно массе рядового населения ясачных волостей.

Полагаем, что именно лишение наследников Бардака статуса служилых стало для них поводом поднять восстание. Из сообщения сургутских воевод Вельяминова и Зубатого следует, что 17 августа «Бардаковы волости Кинема с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое ж Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясачных остяков, хотели их воевати»⁴⁹. Этот документ приведён у Миллера в копии XVIII в., отчего он может содержать некоторые неточности, которые важны для нашей темы. Кто подвергся нападению Кинемы и его соратников? Югричи Бардаковой волости, населённой аганскими, аслыпскими и юганскими остяками? Или после «Бардаковой волости» в оригинальном тексте был написан союз «и»? В таком случае перечисленные остяки исключаются из её состава. В общем-то, мы можем принять оба допущения. Если Кинема задумал воевать с жителями волости, то следует определить его мотивы.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 113–115.

⁴⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 273.

Рис. 2.24. Нападение отряда Тонемы на торговые суда в Сургутском уезде. 1616 г.
Художник А.С. Кухтерин. Консультант Г.П. Визгалов // Монкысь урий – городок XVI–XVII веков на реке Большой Юган
(Краткие результаты комплексного археологического исследования). Вестник «Археология Севера» полевые открытия. Вып.1.
Нефтеюганск, 2018. С. 88

Обратимся к похожему случаю из первой половины XVII в. В 1636 г. остяки кодской вотчины князя Дмитрия Алачева перестали подчиняться ему и вносить оброк. Удивительно, но они били челом в Москву, чтобы правительство приказало обложить их обычным ясаком для государевой казны. Причину неожиданного прошения они объясняли «насильствами и налогами» со стороны князя Алачева⁵⁰, то есть в глазах жителей Коды подконтрольность непосредственно русской власти выглядела более привлекательной и менее обременительной, чем положение вотчинных людей у князя-соплеменника, которое обязывало не только вносить в казну поминки, но и содержать Дмитрия Алачева с его дружиной.

Сходные резоны могут угадываться и в начале конфликта Кинемы с хантами его волости, хотя и к русским властям у сына Бардака имелись претензии. Остяки приготовились к отражению его набегов («остереглись»), и он начал атаковать плывущие по Оби русские суда. В устье некоей реки Турунганки (возможно, Тромъёгана?) нападению Кинемы подвергся дощаник Третьяка Огородника, были убиты 9 русских людей. При нападении остяков на реке Вах погибли 17 человек промышленных людей с 6 каюков. Жертвами воинов Кинемы оказались также 2 холопа воеводы Ивана Зубатого и 2 сургутских казака, также к разбойным действиям добавлялось разграбление имущества и товаров.

⁵⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3, Ч. 2. С. 130–131.

Ханты, не испытывавшие налётов бардаковцев, сообщили в Сургут, будто предводитель повстанцев намерен «с смутю посылати» в ясачные волости и «украдом на Оби и в лесу русских людей» истреблять. Реакцией на эти донесения было отправление из Сургута отряда из пяти десятков казаков и лояльных остяков во главе с упоминавшимся ранее атаманом Богданом Зубакиным. Однако настичь Кинему не удалось, т. к. он и его сторонники «побежали безвестно»⁵¹.

Остяцкий вождь, очевидно, продолжил действовать на Средней Оби, и вести об этом распространялись по Сибири. Казаки томского гарнизона в своей челобитной, посланной в столицу в конце 1616 – начале 1617 г., жалуясь на тяготы службы, отметили: «Торговые люди не заежжают, место дальнее, а от Сургута, государь, и до Нарыма обские остяки торговых людей не пропускают в Томской город, грабят и побивают»⁵². Несомненно, здесь говорилось о разбоях Кинемы «с товарищи».

Самым ярким протестным движением Кинемы в историографии принято считать его нападение на Фёдора Бобарыкина, который следовал на воеводство в Томск. Однако нужно учесть информацию тобольского воеводы И. С. Куракина. В его послании в Пелым от 2 декабря 1618 г. сказано: «А Федор Боборыкин в Томск проехал, а никакого погрому над ним не было». Тот же документ гласит, что «сее осень (т. е. 1618 г. — Авт.) заворовали сургуцкие остяки Бардакова родня немногие люди, побили русских людей немногих»⁵³. В действительности Ф. Б. Бобарыкин ещё в июне 1616 г. служил воеводой Тюмени, а в конце того года уже пребывал на томском воеводстве — до лета 1620 г.⁵⁴, поскольку воеводы не имели права покидать подведомственный город, и Бобарыкин постоянно находился в Томске. Следовательно, он плыл вверх по Оби приблизительно в июле-августе 1616 г. Именно в то время у него и была возможность повстречаться с разбойниками Кинемы, но о стычке с ними никакой информации нет.

Сведения о том «погроме» исходили из слухов, которые распространялись в 1618 г. среди прииртышских хантов и вогулов: инициаторами мятежа, дескать, были «казымцы и нарымской князёк Дона со всеми своими людьми, а убили де на Обе выше Сургута воеводу, которой ехал в Томской город». Можно заметить, что «убитого» воеводу не называли по имени; а разрядный воевода Куракин прекрасно знал, что Бобарыкин являлся последним по времени томским воеводой, который плыл по Оби и благополучно достиг Томска. В других слухах, передававшихся уже кондинскими вогулами, фигурировало невероятное количество повстанцев в 1900 человек, которые собирались взять в осаду Сургут.

Пусть это и преувеличенные рассказы, но они в некоторой степени полезны для исследования протестных движений сибирских аборигенов. Получается, что действия Кинемы имели заметный резонанс в среде коренных жителей Приобья и нижнего Прииртышья. «Нарымский князек Дона» легко идентифицируется с Тонемой, который впоследствии преобразился в фольклорного персонажа Тонью. Именование же его «нарымским князьком» отсылает к констатации Г. И. Пелих широкого распространения в Западной Сибири топонима «Нарым» («болотистое место»). По мнению Г. И. Пелих, наряду с тем Нарымом в устье Кети,

⁵¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 273.

⁵² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 439.

⁵³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 289.

⁵⁴ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 176.

где русские построили одноимённый острог, в районе Сургута существовала местность с таким же названием⁵⁵, то есть присвоение Тонеме титула «нарымского князька» имело некоторые основания.

Итак, у нас имеется информация об «измене» Тонемы (Кинемы) в августе 1616 г. и осенью 1618 г. Воевода Куракин, бывший в курсе местной ситуации, называл следующие причины восстания: во-первых, жалобы остяков на насилие и обиды от не названных ими воевод; во-вторых, «что посылали на них войною сургутских служивых людей до их же воровства, и служивые люди их не дошли, а жен их и детей от города в верстах в 20 и 30 по юртам их в полон поймали и повезли в Сургут, и они для того и заворовали». Вероятно, здесь описывается рейд Богдана Зубакина осенью 1616 г., когда самого Кинему казаки схватить не сумели, но полонили семьи повстанцев. Ход событий в 1617 г. неизвестен, можно лишь полагать, что протестное движение Кинемы не пользовалось существенной солидарностью со стороны коренного населения Среднего Приобья. Куракин отписывал, что «большие люди» ясачных волостей, расположенных на Оби ниже Сургута, заверили власти в том, что «государю служат и прямят». Кинема же с 1616 г. со своим немногочисленным отрядом укрывался в недоступных местах. Почти нет сведений о том, в чём заключалось его «воровство» летом–осенью 1618 г. Точно известно лишь о его нападении на служивых, которые везли денежную казну для гарнизона Томска⁵⁶.

Напомним, что незадолго до того томские казаки били челом с жалобой на задержку им жалованья. В XVII в. служивые люди сами, с дозволения воевод, получали эти деньги в Москве. Для этого в дальнюю дорогу снаряжались небольшие станицы по 6–8 человек. Именно такая томская станица подверглась атаке Кинемы летом 1618 г. Его трофеем оказалась весьма внушительная сумма в 400 рублей, вероятно, помещённых в несколько мешков с 40 000 копеек, т. к. в то время копейка была монетой с самым крупным номиналом. Видимо, этот случай породил слухи среди окрестных аборигенов о нападении Кинемы на томского воеводу. Как было сказано ранее, в 1618 г. такого томского воеводы быть не могло.

Разбой Кинемы развернулся в то время, когда в Сургуте сидел на воеводстве Иван Зубатый, который в конце концов приступил к решительным действиям. 15 июня 1619 г. он отправил против мятежников казачий отряд под началом подьячего Ивана Афанасьева и толмача Ивана Парабельского. Обычно подьячий составлял деловые бумаги в воеводской канцелярии (приказной избе), потому назначение этого функционера командиром военной операции выглядит несколько странно. Однако у воеводы, вероятно, имелись резоны для такого выбора. Известно, что Иван Афанасьев страстно любил конную охоту на лисиц, т. е. не был обычным и типичным канцелярским «сидельцем». Если говорить о толмаче Иване Парабельском, то он являлся новокрещёном и был принят на службу в гарнизон Сургута. Его прозвище (от речки Парабель) может указывать на происхождение из селькупов Нарымского уезда.

Информация о завершении протестного движения Кинемы также лаконична. Об этом известно из грамоты от 1624 г. о вознаграждении Афанасьева и Парабельского⁵⁷. В ней гово-

⁵⁵ Пелих Г. И. Селькупы XVII века. С. 15.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 247–250. Хотя часть документа с обозначением времени события испорчена, оно датируется 7126 годом (1 сентября 1617 г. – 31 августа 1618 г.).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 247–250.

Рис. 2.25. Пленение членов семей заговорщиков на остояцком стойбище.
Художник А.С. Кухтерин. Консультант Г.П. Визгалов // Монкысь урий – городок XVI–XVII веков
на реке Большой Юган (Краткие результаты комплексного археологического исследования).
Вестник «Археология Севера» полевые открытия. Вып.1.
Нефтеюганск, 2018. С. 90-91

рится, что соратником по «воровству» Кинемы был Суета Бардаков — видимо, его брат. Вероятно, сургутский отряд знал о конкретном месте убежища бунтовщиков. Сургутяне «тех наших изменников Суету с товарищи побили и Кинемина сына болшово и жену в полон взяли»; сумели они найти и 400 рублей «денежной казны», изъятых некогда Кинемой у томичей. Суета Бардаков был убит во время столкновения, а пленённых жену и старшего сына Кинемы увезли в Сургут. О том, что происходило с самим Кинемой, источники умалчивают. Вероятно, если бы он тоже погиб или попал в плен, об этом непременно было бы сообщено в грамотах и отписках. По хантыйским преданиям, предводитель восстания погиб от рук остяков в одной из ясачных волостей.

Так была одержана полная победа над антирусским движением. С той поры исчезают сведения о налётах на русские суда в среднеобских краях. Какое-то количество мятежных остяков сургутский воевода продолжал держать в заточении по «делу Кинемы». Ещё весной 1626 г. там пребывали «остяки, которые сидят в... государеве изменном деле»⁵⁸. По-видимому, это были родственники и сторонники Кинемы, захваченные во время похода Афанасье-

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 8. Л. 80–81.

ва в 1619 г. В перечне отписок, присланных в столицу из Тобольска в августе 1634 г., имеется документ с названием: «Отписка о сургуцких остяках тюремных сидельцах, а под отпискою их челобитная, Бардаковы волости ясачных людей Капалчейка Олчикова да Ослопейка Чичеева»⁵⁹. Участники движения Кинемы, которые били челом, к тому времени уже 15 лет находились в тюрьме, а Капалчи Олчиков, доставивший челобитную в Москву, получил прощение и был выпущен на волю. В 1646 г. и 1655 г. он упоминается в ряду «лучших людей» Бардаковой волости⁶⁰.

В 1661–1663 гг. фиксируется заговор берёзовских хантов. Надо полагать, это было последнее повстанческое движение, имевшее политическую подоплёку. Заметим, что, когда в среде северных остяков возникали мятежные замыслы, они старались заручиться поддержкой тундровых самоедов. Во главе последних в XVII в. стоял род Большие Карачеи. На сей раз к «изменой думе» ясачных плательщиков сподвигли события далеко на юге, в зауральских и западносибирских степях, где разгорелось башкирское восстание.

К этому движению присоединился Девлет-Гирей, внук сибирского хана Кучума. Этот «казачествующий», т. е. лишённый трона и изгнанный, царевич/султан имел небольшое войско, но при этом не оставлял замыслов отвоевать у русских Сибирский юрт и восстановить независимое татарское государство. В пользу таких амбиций играло его «царственное» происхождение, которое в глазах части местных аборигенов, прежде всего тюрок, номинально давало ему исконное право на власть. Используя сторонников из числа тобольских татар, Девлет-Гирей пытался склонить на свою сторону югричей — манси Пелыма и Конды, хантов Берёзовского уезда.

Берёзовскому воеводе А. П. Давыдову стало известно о зреющем заговоре. В начале 1663 г. он предпринял основательный розыск, в ходе которого удалось добыть следующую информацию. Ещё за год до того у остяков созрел план напасть на Берёзов, но этого не случилось по причине того, что тундровые ненцы не пожелали присоединиться к этой авантюре. В том же 1662 г. князья ясачных волостей (возможно, потомки князцов), в том числе

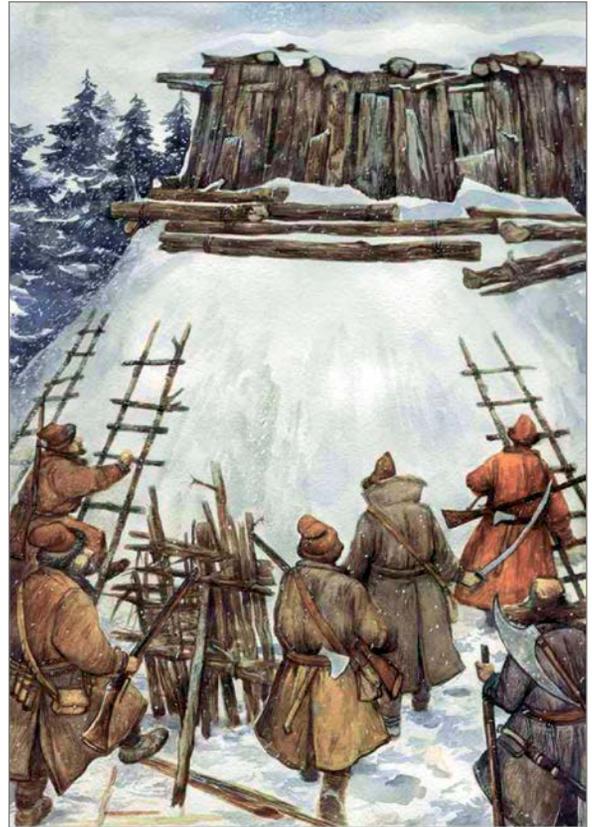

Рис. 2.26. Штурм остяцкого городка. 1619 г.
Художник А.С. Кухтерин. Консультант Г.П. Визгалов // Монкысь урий – городок XVI–XVII веков на реке Большой Юган (Краткие результаты комплексного археологического исследования). Вестник «Археология Севера» полевые открытия. Вып.1. Нефтеюганск, 2018. С. 95

⁵⁹ Там же. Стб. 656. Ч. 2. Л. 435.

⁶⁰ Там же. Стб. 282. Л. 79; Стб. 501. Л. 86.

из Коды, съехались в Куноватскую волость. Среди участников в источниках перечисляются «начальные люди» Куноватской, Обдорской, Ляпинской, Сосьвинской, Кодской и Казымской волостей⁶¹.

На этом представительном совещании, фактически на военном совете, было решено наступать на Берёзов. Князцы договорились совершить нападение в будущем 1663 г. В случае успешного захвата на княжение планировали посадить Ермака Мамрукова, лидера Обдорской волости, которому надлежало править в совете с представителями других волостей — по два «лучших человека» от каждой. Татарские агенты, действовавшие в интересах Кучумовичей, убедили заговорщиков в том, что эти новые власти Югры станут посылать пушной ясак в Тобольск, который, как предполагалось, к тому времени уже окажется в руках Девлет-Гирея⁶², то есть уплата подати татарскому султану-мусульманину казалась осякам более привлекательной, чем русское ясачное налогообложение.

По Соборному Уложению 1649 г. разоблачённые мятежные планы подпадали под категорию государственной измены. Так и посчитал воевода Давыдов, когда в конце мая 1663 г. в Берёзове отправил на казнь 14 осяков (тобольский воевода Хилков располагал сведениями, что повесили 16 мятежников). При этом разрядный начальник сделал Давыдову строгий выговор за превышение полномочий.

Тому было приказано только расследовать обстоятельства заговора и затем препроводить в Тобольск 10 «пущих» заговорщиков, т. е. Хилков не только не похвалил своего берёзовского подчинённого за рвение, но и разразился упрёками в его адрес: «А ты великих государей указу не послушал и того князца Ермака Мамрукова и лутчих ясачных людей 16 человек перевешал, и многих берёзовских ясачных осяков пытал и огнем жог, и от того твоего такого дурна от берёзовских осяков чайть всякого дурна и измены»⁶³. Попытки Давыдова оправдаться перед столичными властями оказались безуспешными. Сибирский приказ веско указал, что определение наказания ясачных за изменные действия не входит в полномочия, названные в выданном Давыдову воеводском наказе⁶⁴.

В историографии отмечается влияние башкирского восстания на аборигенов Берёзовского уезда, но многие исследователи не обратили внимания на протестные настроения хантов Нижнего Иртыша и Средней Оби. В документах XVII в. и в самом деле пока не найдено информации на этот счёт. Однако у нас имеется свидетельство протопопа Аввакума. Летом 1663 г. со знаменитым «расколоучителем» на его пути из забайкальской ссылки в Москву случилось опасное происшествие: «На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртише реке собрание их стоит: ждут берёзовских наших и с дощеником и побить». Протопоп спустился на берег, где был окружён толпой вооружённых аборигенов. Впрочем, встреча, грозившая поначалу кровопролитием, завершилась торговым обменом⁶⁵. Несмотря на долгое время, проведённое в сибирской ссылке, Аввакум никогда не интересовался этнической принадлежностью

⁶¹ Хорошо осведомлённый об этом съезде предводитель тундровых ненцев Пось Хулеев, будучи в курсе этих намерений, «в измене и со своим родом самоядью отказал».

⁶² Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. документов. Екатеринбург, 2004. С. 51–61.

⁶³ Там же. С. 66.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 958. Л. 6–7, 18–19.

⁶⁵ Житие протопопа Аввакума. С. 87.

коренных жителей, воспринимая их всех как массу «язычников-иноземцев». Инцидент на Оби позволяет предположить, что среднеобские и иртышские ханты решились на убийства и грабежи русских людей, поверив слухам о «скором воцарении» Девлет-Гирея в Тобольске.

Расследование остяцкой «измены» в Берёзове и вызванное им начальственное недовольство воеводой Давыдовым выявляют важную закономерность. Если в конце XVI в. и первой четверти XVII в. правительство либо не реагировало, либо даже поощряло жестокое пресечение протестных выступлений сибирских народов, то со временем отношение к этому вопросу стало более гибким и осмотрительным.

Поколение независимой аборигенной элиты, заставшее приход русских в Западную Сибирь, сменилось их потомками, которые уже не обладали прежними традиционными титулами и социальным статусом. Теперь они были не князьями и вождями, а «лучшими людьми», ответственными за выплату податей в ясачных волостях. Воеводская власть на пространствах за Уралом укреплялась, и параллельно смягчалась политика властей по отношению к коренным жителям края.

В течение XVII в. в среде российских управленцев укреплялось понимание, что сибирские «иноземцы» являются такими же государевыми подданными, как и все остальные, и потому нет никакой необходимости проводить по отношению к ним репрессивную политику. В этом плане показательна смена обозначения сибирских аборигенов, которая заметна в конце XVI – начале XVIII в. Прежнее понятие «иноземцы» — мирные, немирные, ясачные... — стало всё чаще, но пока неофициально, заменяться «инородцами». Теперь аборигены Сибири воспринимались русскими современниками как соотечественники, но «иные» в этническом отношении. На протяжении всего XVII в. у русских наместников в Югре гораздо более проблемными были отношения не с хантами и манси, а с обдорскими самоедами. Сохранилось мало сведений о взаимоотношениях администрации с «воровской самоедью» в первой трети XVII в. В тот период, с одной стороны, ненцы не выказывали чрезмерной воинственности, но, с другой стороны, воеводы Берёзова не имели возможности какого-либо надзора за ними.

С 1630-х гг. резко возросла военная активность карачейских самоедов. Они стали совершать набеги на всех своих западных, южных и восточных соседей — русских, остяков, лесных самоедов. Ненецкие воинские отряды обычно собирались вместе в дымско-тазовском регионе, примыкавшем к Обской губе. В 1633 г. они напали на казымских самоедов. Те воззвали к берёзовскому воеводе Плещееву-Мешкову с просьбой посодействовать возвращению полна и награбленного добра, «а в убитых головах свой государев указ учинить».

По заведённому порядку воевода сообщил о ситуации в столицу, откуда получил почти невыполнимое указание вызвать налётчиков к себе и наказать в пример другим. К тому времени стало обычным посредничество обдорского князца Мамрука в контактах между Берёзовым и тундровыми ненцами. В этот раз Мешков-Плещеев поручил ему («приказывал накрепко») убедить самодийских предводителей вернуть пленных. По словам Мамрука, он выполнил это поручение, и ненцы обещали вернуть пленных, но до июня 1634 г. не сделали этого. Видимо, столичный приказ остался воеводой не выполнен.

В своём донесении в Москву он постарался объяснить адресатам своеобразное положение этих далёких северных подданных: «А призвати, государь, карачейские самоеды доброволь-

Рис. 2.27. Передвижение на оленьих упряжках. Гравюра конца XVII в. из кн.: Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / Н. Витсен ; пер. с голландского В. Г. Трисман. Амстердам : Pegasus, 2010. Т. 3. С. 144

но на Берёзов не уметь и сыскивати их берёзовским служилым людям по тундрам не мошно, самоедь люди кочевные, живут от Берёзовского уезду далече, по тундрам и у моря». Кроме того, он обосновывал нецелесообразность и вред взятия заложников из числа карачейских самоедов, т. к. в таком случае они, озлобившись, «обдорским остяком учнут чинити обиды и грабеж, потому что самоедь приезжают на Обдор родами своими вся вместе многие люди, а обдорские остяки живут не вместе, по юртом порознь, всего человек по 20 и меньше»⁶⁶.

В 1635 г. мангазейский воевода Б. И. Пушкин решил сократить путь, по которому осуществлялась связь с Тобольском и Москвой. Так, посланные им с отписками и ясаком служилые люди должны были сначала «зимним путём на нарте» (летом проезд был невозможен) напра-

виться на восток, в Енисейск, затем по речному льду через Туруханск, ряд енисейских зимовий, Маковский волок из бассейна Енисея в бассейн Оби, и уже весной по водам Оби и Иртыша до Тобольска. У местных русских жителей воевода выяснил, что имеется возможность сократить время и расстояние: «есть из Мангазеи дорога в Русь недалеко и пряма на Обдорь и на Пустоозеро».

Некий стрелец Ледешка Кирилов обещал достичь Москвы за 12–13 недель, а Тобольска — всего лишь за 7 недель. Пушкин назначил Ледешку гонцом, т. к., по уверениям последнего, «он самоедскому и зырянскому языку умеет, и самоедь ему многая знакома, и та ему дорога заобычай». План заключался в том, чтобы на оленьих упряжках самоедов доехать сначала до Обдорска, а затем до Пустозёрска и Тобольска на оленях или собаках обдорских хантов. Компанию Ледешке составил тобольский казак Василий Колмогор, которому мангазейский начальник вручил отписки для разрядного воеводы. Экспедиция по непривычному маршруту началась 31 октября 1635 г. в соответствии с задуманной диспозицией. До Обдорска гонцов везла оленья упряжка «мангазейского тундряного самоедина Леденкина шару Итилидка Тынгина, лутчего человека».

Небольшая экспедиция вышла в путь, имея письмо к обдорскому князю Молику Мамрукову. Итилидка, вернувшись через полтора месяца в Мангазею, отчитался, что доставил служилых людей до Надымской губы, где передал на попечение Сатарку, князю кунной ясачной самоеди, «в своём роду человеку чесному, доброму, воровства за ним никакого нет». Итилидка Тынгин пустился в обратный путь, в то время как Сатарко стал готовить своих оленей к дальнейшему путешествию в Обдорск. Однако в феврале 1636 г. от сородичей Ити-

⁶⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 656. Л. 398–402.

лидки в Мангазею поступило печальное известие. Оказалось, что по пути, в Надымской губе, гонцы пали жертвой нападения «неясачной самоеди Тыютова роду Юхи»⁶⁷.

В январе 1641 г. в Сибирском приказе рассматривалась челобитная устюжского торговца Михаила Кондакова, племянника погибшего Ледешки Кирилова. По его словам, Кирилов был убит карачейскими самоедами, которые позарились на имевшиеся у него 300 рублей. Затем Кондаков описал общую картину грабительских набегов самоедов. По его словам, им удавалось поживиться за счёт, во-первых, нападений на обозы с пушным ясаком, которые под охраной служилых двигались к Москве через Северный Урал; во-вторых, разграбления товаров с кочей (кораблей), потерпевших крушение у побережья Обской губы. При этом Кондаков указал, что формально лояльный к русской власти обдорский князец Молик Мамруков «все воровство и убойство ведает» и даже скупает у самоедов награбленную ими «всякую рухлядь». Челобитчик просил найти и покарать виновных в убийстве его дяди, но едва ли это было выполнимо⁶⁸.

В других источниках упоминаются те же местности и маршруты самоедских набегов, что и в обозначенной выше челобитной. В 1637 г. по поручению тобольского воеводы в Обдорск отправились сын боярский Оболянинов и подьячий Зарницын с поручением «сыскивать погромную мяхкую рухлядь», которую самоеды Берёзовского уезда отняли три года назад у кетских казаков «на Камени под Осиповым порогом на стану». Со слов обдорского князя Молика и его зятя выяснилось, что виновной в этом была «невоядцкая самоедь Козуня Люмов с товарищи», очевидно, из числа ненцев Каменной стороны. Козуня Люмов заочно повинился в злодеянии и попросил местных хантов пригнать к двум сыщикам в Сынский городок 58 оленей в счёт «громленной рухляди» с обещанием будущей компенсации за остальные «трофеи». Об этой ситуации доложили в Москву, откуда пришёл приказ распродать и выменять на пушнину не нужных казне оленей, а следствие по самоедским разбоям продолжить⁶⁹.

В августе и сентябре 1641 г. пустозёрские самоеды дважды атаковали караваны с пушной казной, которые шли привычным «чрезкаменным путем». Впрочем, во втором набеге добыча разочаровала нападавших на них ненцев: они надеялись разжиться одним вьюком с бобрами и двумя сумами с драгоценными соболями, однако в сумках оказались беличьи шкурки, и грабители бросили их при отступлении. В следующем году самоеды нападали на служилых, сопровождавших пушную казну из Берёзова, Томска и Кетска, что уже освещалось в историографии⁷⁰.

В связи с этим обратимся к ещё одному интересному документу. В 1652 г. Поско Хулеев, карачейский князец, писал в своей грамоте: «И в прошлых же, государь, во 149-м и во 150-м годах заворовала пустозерская самоедь на Камени, твою государеву ясачную казну погромила и розвезла по себе, а мы, сироты твои, Карачейская самоедь, в том воровстве на Камени с ними, пустозерскою самоедью, не были и твоей государевой казны не громили. И по тво-

⁶⁷ Там же. Стб. 178. Л. 135–145.

⁶⁸ Там же. Оп. 3. Стб. 88. Л. 369–370.

⁶⁹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 164–165 об.

⁷⁰ Терентьев А. Погромы ненцами ясачной казны в 1641 и 1642 гг. // Советская этнография. 1933. № 5–6. С. 71–76; Шашков А. Т. О сборе ясака с обдорских самоедов в XVI–XVII вв. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999. С. 227.

ему государеву указу, как велено та твоя государева ясачная казна сыскивать, и мы... служа тебе, великому государю... тое пустозерскую самоедь окупали и за твою государеву погромную казну на Обдори берёзовским ясачным сборщиком платили соболми и бобрами и оленьями»⁷¹. Из этой цитаты следует, что предводители клана Больших Карачеев взяли на себя ответственность за разбой западных самоедов, что, возможно, было вызвано амбициями этого рода, претензией на первенство среди прочих самодийских родов. Это иллюстрируется и размахом военных предприятий карачейских ненцев на обширном пространстве от Пустозёрского до Мангазейского уездов.

В 1641 г. стрельцы-мангазейцы известили тобольское начальство: «С прошлого де со 147-го году (с 1638/39) по Тазу вверх и вниз и около Мангазейского города приезжает воровская самоедь юраки и русских служилых и торговых и промышленных людей и Мангазейского уезду ясачную самоедь побивают и грабят и жен и дети их в полон емлют, и соболи у них лутчие на промыслех отнимают». Тобольские воеводы ничего об этом не знали и разразились упреками в адрес коллеги из Мангазеи⁷².

Осенью того же 1641 г. на Обской губе случился неприятный инцидент с кочем, на котором в Мангазею из Тобольска пятидесятник Ларион Семенов вёз большой груз хлеба и соли. На корабле также присутствовали торговые люди, сопровождавшие массу своих товаров. Через две недели после отплытия из Обдорска «как де они будут в голомени против сопок, и в том де месте учал им быть противной ветр, и стояли на том месте 2 дни. И у коча де их шейма и якорь переломились и коч бросило на кошку и заморозило». Сразу же к месту происшествия съехались две сотни «многой самоеди на оленях». Служилые люди, призванные отстаивать казённое добро, как-то растерялись в этой ситуации, в отличие от своих торговых спутников. Афонька Абрамов из числа последних вступил в переговоры с ненцами. Выяснилось, что те принадлежат к «роду Карачеева» и согласны вернуть товары обратно в Обдорск, навьючив их на оленей. Расплатиться за услугу Афонька предложил хлебными запасами с коча, выдав их за собственный, ему принадлежавший груз. На этом и порешили. Карачеевцы выполнили уговор и препроводили в Обдорск торговых людей вместе с их товарами. Хлебные же запасы они «пограбили без остатку, коч иссекли», а оставшихся на берегу губы служилых намеревались «побить до смерти». Командир отряда Ларион Семёнов всё же сумел привести своих подчинённых невредимыми в Обдорск.

Однако на этом история не закончилась. В октябре 1641 г. в Обдорск из Берёзова приехал Бажен Кокоулин, казачий атаман, с поручением собрать ясак. Он распорядился, чтобы «лучшие ясачные остяки Молик Мамруков да Дурак Корзеков да Колымса Шалмачеев» отправились в тундру «по прежнему призывать самоедь с государевым ясаком на Обдор». Самоеды же, чувствуя свою провинность, не пожелали явиться в Обдорск. Чтобы оправдать разграбление коча, они уверили, что доверились рассказам Абрамова и лишь позднее узнали, как всё было на самом деле.

Настойчивый Кокоулин ещё раз послал князца Молика к ненцам с гарантией мирного обхождения с ними со стороны ясачных сборщиков, поскольку насчёт наказания грабителей никакого указа от начальства не было. Наконец тундровиков удалось уговорить. В Обдорск

⁷¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1056. Л. 9.

⁷² СПбФ АРАН. Ф. 21, Оп. 4. Д. 21. Л. 197–197 об. Источники XVII в. позволяют уверенно отождествить обдорских тундровых самоедов, прежде всего Больших Карачеев, с «юрацкой самоедью». Более позднюю группу юраков этнографы локализуют на правом берегу Нижнего Енисея.

пожаловали самоедские князцы родов Карачеева и Вануйты и снова поведали версию о том, как они поддались обману торговца Афоньки. Вернуть разграбленный хлеб не удалось, т. к., по их словам, его уже не осталось, но князцы готовы были оплатить стоимость казённого груза.

В Сибирском приказе все эти события рассмотрели и постановили: одну половину стоимости пусть возместят самоеды, другую половину — торговые люди. Последние к тому времени уже разъехались по сибирским городам. Воеводам по всему краю было дано указание из Москвы разыскать их и задержать⁷³.

Позднее родоначальник Поско Хулеев вспоминал: «...во 150-м году ехал из Сибири за море в Мангазею с твоими государевыми с хлебными запасы торговой человек Офонасей Обрамов с служилыми людьми вместе одним кочем. И на море тот коч кинуло на кошку, и на кошке коч с твоими государевыми с хлебными запасы обсох. И карачейская самоедь Надеры (Адеры — Авт.) и Яптики, кочевые худые людишка, те... запасы розвезли по себе»⁷⁴.

Можно предположить, что на встрече самоедских князцов, прибывших в Обдорск зимой 1641/42 г., вождь Хулейка и его взрослые сыновья отсутствовали не случайно. Вероятно, главы Карачеев замысливали очередное нападение, и князцы в Обдорске решили не делиться всей известной им информацией с атаманом Кокоулиным.

В феврале 1642 г. сибирские ненцы совершили большой набег на Пустозёрский уезд. Воевода Пустозёрска Неплюев докладывал в столицу что «приходили под Пустозерский острог и у посадцких людей ко двором приступали самоедь Большая Карачея Хулейка с детьми — с Поскою, с Едурейком, с Немчинком, с Хаскою, — а с ними было самоеди человек с двесте... И он... от тое самоеди во дворех отсиделся с пустоозерцы с посадцкими людьми. И та де самоедь в уезде по деревням воевали четыре недели: образы кололи, людей грабили, а иных били и пытали и животину имали и неводы и сети и лодки и ветки (лёгкие лодки — Авт.) и котлы и якори и парусы поймали ж и свезли, и кочи посекли, и, воевав, отошли в тундру».

Примечательно, что налетевшие на уезд самоеды обратили свою ярость не только против русского населения, но также и против «воров самоедь, которые наперед сего нашу сибирскую казну громили, Лохеев и Ванюта, хотели выбить»⁷⁵. Может быть, таким образом карачейские ненцы хотели представить свой набег в более-менее благопристойном виде перед властями, а возможно, желали расквитаться с пустозёрской «самоедью» ненцев за действия, расходившиеся с их планами.

От подобного же погрома Пустозёрский уезд пострадал и в 1644 г., причём в этот раз сибирские и пустозёрские самоеды объединились. Подьячий Афанасий Сычов бил челом о своих убытках «на закаменную и на пустоозерскую самоедь на Карачею, на Вайсиды, на Пяки, на Вылы, на Яптики, на Собей, на Олбый, на Вонюту, на Лохеев, на Тысыню, на Выучеев», которые подходили к Пустозёрскому острогу и продвинулись до самой Мезени⁷⁶. В этой грамоте Сычов кратко упомянул самоедский набег 1643 г., но есть вероятность, что речь шла

⁷³ Там же. Л. 203–206.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 440. Л. 76.

⁷⁵ Там же. Оп. 3. Стб. 425. Л. 110–114.

⁷⁶ Там же. Стб. 134. Л. 352–352а.

о 1642 г. Таким образом, у нас имеются сведения о двух или даже трёх походах обдорцев на Пустозёрский уезд в 1640-х гг.

В то же время самоеды отслеживали движение корабельных караванов в обском устье (губе). Так, 13 июля 1643 г. из Тобольска вниз по Иртышу и Оби направились четыре коча под охраной отряда служилых во главе с сыном боярским Дмитрием Черкасовым. На одном из кочей плыл дьяк Григорий Теряев, назначенный служить в Мангазее.

Кочей не хватало, поэтому тобольские управленцы решили разместить хлебные запасы на двух дощаниках. В Обдорске служилым надлежало дожидаться специального коча из Мангазеи, перегрузить в него хлеб и следовать дальше. Однако в Обдорске никакой коч тоболяков не ждал. Черкасов, оставив там груз дощаников и часть служилых, вместе с дьяком Теряевым направился на четырёх кочах в Мангазею. В Обской губе все они потерпели крушение, но около 70 человек спаслись и решили двигаться дальше на нартах, запряжённых собаками.

По пути им неоднократно приходилось отбиваться от атак враждебных ненцев. Одно из таких нападений длилось восемь недель. В конце концов ненцы отстали от отряда, захватив запасы провизии, в результате чего большая его часть, включая Теряева, умерла в тундре от голода. Немногим выжившим и достигшим наконец Мангазеи пришлось в пути питаться телами своих погибших спутников⁷⁷.

Тем членам экспедиции Черкасова и Теряева, что остались в Обдорске при хлебных запасах, тоже довелось претерпеть немало трудностей. Самоеды из родов Карачеи и Аде-ры попытались разграбить амбары с мукой. Казаки отбили нападение, но четверо из них получили ранения, а 15 мешков с мукой налётчикам всё же удалось присвоить. Оказавшиеся в окрестностях Обдорска кодские остяки предупредили тоболяков, что вскоре к ним под острог придёт «другой самоеды много». Об этом спешно доложили в Берёзов, и местный воевода послал в Обдорск два десятка казаков под командованием сына боярского Родиона Лихачева с задачей защитить поселение и произвести розыск состава нападавших⁷⁸.

Той же весной 1644 г. «иная воровская самоедь» атаковала стойбище князца Молика Мамрукова, убила его сына и грозила погромить селения ясачных хантов трёх волостей. Эта вражда ненцев и обдорских остяков выглядит неожиданной, т. к. ещё прошлой зимой Молик Мамруков был послан обдорским ясачным сборщиком Фёдором Игнатьевым «на тундру и в Надым искать и призывать на Обдор с твоим государевым ясаком самоедь»⁷⁹. Видимо, в ходе той поездки и возникли (или проявились открыто) противоречия между обдорским князцом и надымско-тазовскими ненцами, которые решили взяться за оружие.

Надым впервые встречается в источниках в связи с обозначенной поездкой Молика Мамрукова. Представителями от этого городка названы остяцкие «лучшие люди». Существование Надыма в нижнем течении одноимённой реки, недалеко от её устья, — не до конца прояснённый исторический феномен. Существует мнение, что «бассейн реки Надым был самой отдалённой северо-восточной территорией расселения хантов, где они появились

⁷⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 440. Л. 96–96.

⁷⁸ Там же. Л. 175–182.

⁷⁹ Там же. Л. 435–436.

на последнем этапе своего продвижения на север (приблизительно в XVIII–XIX вв.)»⁸⁰. В действительности же существование городка фиксируется в документах уже первой половины XVII в. Номинально он принадлежал к Обдорской волости, но русские сборщики никогда не ездили в него за ясаком.

Можно предположить, что он представлял собой крайний северо-восточный локальный пункт более раннего расселения угров на территории Нижнего Приобья. К середине XVII в. положение поменялось, и в то время существование Надымского городка было возможно лишь по доброй воле самоедов, которые распространили свои кочевья на его окрестности. Многочисленные воинские отряды под началом ненецких вождей (тех же Больших Карачеев) давно были способны без труда захватить и разорить городок. Можно предположить, что его жители-ханты постоянно оказывались в чём-то полезными для «немирной воровской самоеды», к примеру они могли быть посредниками в торговле мехами и имуществом, награбленном у русских⁸¹.

В 1640-х гг. Мангазее стала грозить опасность от тундровых самоедов. В 1644 г. «воровская самоедь, наезжая на море и по Тазу реке, к кочам приступали и побивали и ранили». Эти корабли шли из Тобольска и уже почти достигли цели. Из Мангазеи воеводой князем П. М. Ухтомским был отправлен к Тазовской губе отряд служилых. Произошла стычка, в которой убили нескольких ненцев, включая двух князцов. Пленённые женщины рассказали, что налётчики принадлежали к «Евасидину роду князца Шарумы»⁸².

В течение двух следующих лет юраки-самодийцы подходили к самому городу, убивали служилых и промышленных людей. Воевода Ухтомский докладывал, что горожанам приходится жить фактически в осаде. В отписке воеводы Ф. И. Байкова тобольскому начальству 1651 г. сообщалось, что очередной набег придприняла «воровская юрацкая самоедь и хотели де в Мезенских зимовьях побить» русских людей, ловивших там рыбу. Из Мангазеи на выручку рыбакам были посланы два десятка стрельцов и ясачных самоедов во главе с Иваном Сорокой. Они сумели перехватить юраков и не позволили им напасть на зимовья по Тазу, но опасность не исчезла, и Байков, имевший в распоряжении не более 20 вооружённых служилых людей, имел основания написать: «А вперед де, государь, в Мангазее от той воровской самоеды жить страшно и на промыслы де всяким людям ходить не сметь»⁸³.

Появление обдорских ненцев тогда в Мангазейском уезде не было случайным. В своё время берёзовские казаки дважды брали в заложники и затем отпускали Поску (Пося) Хулеева —

---

⁸⁰ Перевалова Е. В. Обдорские ханты (хаби): к вопросу о формировании группы // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 385.

⁸¹ По результатам археологических исследований Надымского городища О. В. Кардаш сделал заключение, что городок в XVII в. был населён разноэтничными жителями — самодийцами и уграми с преобладанием первых. При этом в нём располагалась зимняя резиденция родовых предводителей Больших Карачеев (Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2009. С. 285, 289–291). Представлять Надым перед воеводой в Берёзов в середине XVII в. отправлялись «лучшие» остяки Тынин Нюптеев, Нюптеево Надымский, Смагин Щеголдаев и Небах Ленгиев. Мы склонны полагать, что постоянное население Надымского городка было остяцким (Вершинин Е. В. Надымский городок в письменных источниках XVII–XVIII вв. // Русское освоение Ямала до начала XX века. Салехард; Екатеринбург, 2005. С. 134–149).

⁸² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 143. Л. 291–293.

⁸³ Там же. Стб. 220. Л. 54–55.

князца Больших Карачеев. К 1656 г. он уже свободно жил в своих юртах. В том году случилось происшествие, обнаружившее неизменность привычек «немирной самоеди», которую не останавливало пребывание в Берёзове аманатов.

В ноябре 1656 г. мангазейскому воеводе С. В. Ларионову от ясачных ненцев поступила несколько противоречивая информация об участии коча, отправленного из Мангазеи к устью Оби. В августе два судна отплыли из Мангазеи, но в Обской губе разлучились. Один коч, не владав со встречными ветрами, повернул назад. Второй, на котором находилось 40 человек, продолжил путь и пропал. Ларионову сообщили, что поздней осенью, близ устья Таза, юрацкими самоедами коч был сожжён, а находившиеся на нём люди — убиты, когда «стояли те русские парусом покрыты на берегу». Клановая принадлежность нападавших оставалась неизвестной. Ходили слухи о причастности к злодеянию рода Адер (Иандер), который платил ясак в Берёзов, причём его предводитель Насы «самоядь от убойства унимал».

Это преступление якобы разгневало князцов Больших Карачеев. Один из доносчиков Мангазейского воеводы даже слышал от одного ненца, будто «за то де воровство с теми ворами с Адеры бьютца юратцкая ж самоедь род Большие Корючи князцы Пось да Хесня и говорят тем самоедцом убийцам: почто де вы русских людей побили? У нас де на Берёзове дети в аманатах». По другой версии, ходившей в народе, виновными оказывались сами братья Хена и Пось Хулеевы. Их же уличали в замысле истребить обдорский гарнизон и вызволить заложников, которых там содержали в период ясачного сбора. В донесении берёзовскому воеводе Ларионов детально описал все эти обстоятельства и слухи, при этом сам считая более обоснованным обвинение в адрес Адеров⁸⁴.

В Берёзове тоже узнали о трагедии в Тазовском устье. Князец Пось Хулеев сообщил о ней ясачному сборщику атаману Ивану Аргунову, который приписывал роду Адеров сожжение коча и резню. Он рассказал Аргунову, что трое из бывших на корабле «многих людей» были убиты, а что произошло с остальными ему якобы неизвестно. От самоедов из других родов, привозивших в городок ясак, никаких дополнительных подробностей выяснить не удалось. По словам Аргунова, в сам Обдорск они заходить не захотели, а урочные меха оставили на льду реки Полуй. Нужно было добиться точных сведений об участии коча, и воевода велел Аргунову «послат с Обдори в Надым к морю русских служилых людей и обдорских ясачных остяков». Тот подчинился и отрядил двух казаков в Надым, где они сумели разговорить приехавших туда жителей тундры. Самоеды поведали казакам о корабле, гружёном пушниной, который из-за сильного встречного ветра ушёл обратно в Мангазею. Что случилось со вторым кораблём, они, по собственным уверениям, ничего не слышали.

Берёзовский воевода поделился с Сибирским приказом своим планом военного похода на неуловимую «немирную самоедь»: «А естли вы, государи, изволите для сыску тое самоеди служилых людей послать, и тое самоедь в летнее время сыскать будет мочно, потому что та самоедь в летех выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам. А преж, государи, сего та самоедь воровала ж... и по тое самоедь посылали сыскивать на море в кочах в летнее ж время»⁸⁵.

Можно догадываться, что в последнем предложении раскрываются мотивы атак ненцев на русские морские суда, которые их искали, с целью разрушения или сожжения.

⁸⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 246–247.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10–13.

Ранее говорилось о замыслах северных хантов начать восстание в 1662–1663 гг. На основе «точных речей» остяков в ходе следствия, проведённого воеводой А. П. Давыдовым, у историков сложилось убеждение, что зимой 1662/63 г. самоеды разорили и сожгли Пустозёрск. В действительности же какие-либо достоверные источники по этому поводу отсутствуют. Обозначенное мнение базируется на показаниях надымского остяка Смагина Щеголдаева во время разбирательства вокруг заговора Ермака Мамрукова.

В феврале 1663 г. Смагин, подвергнутый истязанию, признался воеводе Давыдову, что у остяков в союзе с пустозёрскими ненцами имелась идея этой зимой осадить и взять Берёзов, а потенциальные союзники к тому времени уже «Пустозёрский острог, взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили»⁸⁶. Видимо, Смагин делился смутными и искажёнными слухами и сплетнями, что носились от стойбища к стойбищу по бескрайней тундре. Однако некое рациональное зерно в его речах могло быть. В 1661 г. и 1662 г. русских пустозёрцев, если верить их челобитной, в самом деле неоднократно грабили пустозёрские самоеды⁸⁷, но это вовсе не равнозначно уничтожению гарнизона и разорению города.

Следствие воеводы Давыдова не задело карачейских самоедов. В Пустозёрском уезде Поско Хулеев с сыновьями появлялся дважды: осенью 1667 г. и зимой 1668 г. Однако это не были привычные набеговые грабительские рейды. Карачейцы приходили на западную сторону Урала в довольно разнородном составе. Тем не менее, князь П.А. Гагарин собрал отряд для отражения в случае угрозы нападения. Сначала в него входили берёзовские казаки, обдорские ханты, князец Гында Моликов и сотня ненцев из кланов Вануйта и Пуруега, переселившихся в Берёзовский уезд из Пустозёрского. Гагарину было известно, что берёзовских хантов тревожили нападениями пустозёрский самоед Елиня со своими сородичами. Он решил не затягивать дело, обратившись к Неелову, воеводе Пустозёрска, с просьбой изловить Елиню и препроводить его в Берёзов. В ответ воевода отрядил для поимки преступника своих казаков, придав им в помощь местных остяков и самоедов, присутствие и опыт которых увеличивали вероятность успеха операции. Цель похода была достигнута. Остяки и самоеды берёзовского отряда взяли Елиню с роднёй в плен и попутно ограбили жителей Пустозёрского уезда, чем вселили страх в окрестное население. Неелов запросил усилить свой гарнизон, и в 1668 г. из Холмогор в Пустозёрск прибыли 500 стрельцов «для приходу войною Карачейской самояди и остяков»⁸⁸, то есть инициатива князя Гагарина с рейдом в соседний уезд на деле обернулась для русских властей дополнительными проблемами. Поска Хулеев в последний раз фигурирует в документах именно как участник событий 1667–1668 гг., вероятно, вскоре после этого он умер. Ранг предводителя карачейских ненцев перешёл к его сыновьям — воинственным вождям, оправдывавшим репутацию юраков как «немирных и воровских».

К концу следующего десятилетия ситуация в Югре несколько изменилась: в Берёзове уже не содержались самоеды-заложники, а князцы Больших Карачеев вступили в острый конфликт с главой обдорских остяков Гындой Моликовым.

Конфликты между северными хантами и сибирскими самоедами в то время чрезвычайно обострились, причины чего неизвестны. Так, в ноябре 1678 г. Маулка и Игонка Посевы с четырьмя сотнями ненцев из разных родов в течение шести дней осаждали и осыпали

⁸⁶ Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 56.

⁸⁷ Терентьев А. Погромы ненцами ясачной казны... С. 69.

⁸⁸ ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 375–378.

стрелами Обдорск, который оборонялся силами небольшого количества берёзовских казаков под началом Ивана Шахова. То была пора ясачного сбора. Обычно пушнину свозили к острогу «по первому зимнему пути», и за пределами острожных укреплений Обдорска по этому случаю собралось немало плательщиков из тайги.

Воины карачейских князцов убили 23 остяка и 2 самоедов, «а жён их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон». По позднему донесению Шахова, Маулка Посев, некогда сидевший в Берёзове в заложниках, принародно оглашал свои намерения: «Пришли де они для того, что наших государевых ясачных людей князца Гынду Моликова с товарищи убить и всех обдорских остяков разорить». Однако эти замыслы не ограничивались упомянутым побоищем — Маулка делился более обширными планами: «Которые де остяки и самоедь к их воровству не пристанут, и они де их всех побьют и пойдут Берёзовского уезду в иные верхние городки ясачных людей разорять, а разоря де и пограбя, пойдут в Мангазею и побьют русских людей».

Впрочем, обстоятельства не позволили им осуществить задуманное разорение русского населения Югры. Берёзовский воевода отправил на подмогу осаждаемым обдорцам казачий отряд, «и тот де вор Маулка и Игонка с товарищи, послыша посылку с Берёзова служилых людей, побежали на прежние свои жилища, откуда пришли — с Мангазейской стороны из Надыма»⁸⁹.

В нападении на Обдорск принимал участие карачейский князец Корюча Хынин, двоюродный брат Поскиных сыновей. Когда самоедская рать отошла от Обдорска, он решил, в соответствии с первоначальной диспозицией, самостоятельно двинуться к Енисею. 12 февраля 1679 г. он «со многими людьми» атаковал Хантайское зимовье, где как раз находились мангазейские сборщики ясака. Главе сборщиков Ивану Роставке едва удалось отбиться: «Тое юратскую самоедь от ясашного зимовья били из ружья».

Тогда юраки направились вниз по Енисею, убивая попадавших по пути русских промышленников и разоряя зимовья, а «у иных посадских людей жен их и детей на льду связана заморозили до смерти». Продвигаясь к енисейскому устью, Корюча погромил также хантайских и тавгицких самоедов. Мангазейский воевода выслал из Туруханска 22 стрельца во главе с поляком Казимиром Морей. В стычке 4 самоеда были убиты и 6 взяты в плен. Интересно, что в Туруханске, отдалённом от Берёзова, об этих бесчинствах Корючи Хынина хорошо знали: «Да в прошлых... годех тот юратской князец Корюча Хынин с юратской самоедью в Берёзовском уезде и по Обе реке и на море и в Мангазее многих русских людей побивал и ясачных людей, самоедь и остяков, грабил». Его беспощадность к русским в набегах вызывала соответствующее отношение властей. В том же 1679 г. один из Корючиных сородичей угодил в плен и во время попытки к бегству изрезал ножом двух ясачных сборщиков, за что был повешен по приказу воеводы Савелова.

Ненецкий род Аседа, расселявшийся у реки Таз, по примеру карачейцев тоже пришёл в «шатость». В 1679 г. самоеды «Асицкого рода» напали на ясачных сборщиков, прибывших в Старую Мангазею, в осаде которой им пришлось просидеть три дня. Выручили их ненцы с верхнего Таза, занимавшие сторону русских властей. Карательный отряд из 30 стрельцов во главе с десятником Яковом Микифоровым, посланный воеводой Савеловым, достиг самоедов. Те отказались повиниться и выплатить положенный ясак, решив сражаться со слу-

⁸⁹ ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 166–168.

жилыми. Стрельцы застрелили пятерых противников; троих из них взяли в плен, а также какое-то количество женщин и детей. Прочие Аседовцы «врознь разбежались по тундре и за озера»⁹⁰.

Едва появлялась малейшая угроза мятежных замыслов среди югричей, местные власти начинали бить тревогу. Так, в 1683 г. тобольский воевода князь П. С. Прозоровский передавал сургутские вести воеводе М. И. Фанторину в Берёзов. Остяк Тром-Юганской волости донёс на двух местных «лучших людей» — Итика Мыгналова и Атыка Ленсина, будто они, находясь в Сургуте, уговаривали оказавшихся там самоедов Берёзовского уезда выступить вместе с ними, остяками, «войной на Сургут город». Атык Ленсин под пыткой сознался, что речи об атаке на Сургут действительно велись и про задуманную «измену» известно всем аганским, тромъёганским и ваховским хантам («опричь жен и детей»). Его подельник Итик тоже был подвергнут истязанию и дал аналогичные показания. Однако, по его «пыточным речам», инициаторами мятежа являлись самоеды, которые звали присоединиться остякам к планируемому выступлению осенью 1685 г.: «И город де они хотели... с конца зажигать, а с другога конца служилых и всяких чинов людей побивать»⁹¹.

Своим сородичам Итик Мыгналлов рассказывал, что покупал у ненцев на Казыме оленей и будет покупать ещё, чтобы «русских людей побивать по дорогам, хто куды поедет» и затем скрыться «в самоеды». Казымских самоедов Итик приглашал присоединиться к его разбоям. В случае, если бы русским удалось изловить Итика, его сын должен был бежать к самоедам на оленях, чтобы там укрыться и продолжить борьбу. Однако ничего из задуманного осуществить не удалось. Для расследования причин этой остяцкой «измены» в Сургут из Тобольска приехал сыщик Ф. Тутолмин⁹².

В 1695 г. в Старой Мангазее юраки убили 35 человек — стрельцов с их семьями. Позднее один тазовский самоед объяснил причину расправы над русскими кровной мстью: за четыре года до неё служилые люди у реки Пур «побили родников» юраков⁹³.

В самом конце XVII в. берёзовский воевода Л. И. Талызин сообщил в Сибирский приказ, что обдорский самоед Одычко Немчинов всячески притесняет неких Хачаулку Яурова и Тудолиску с братьями и они просят у русских защиты. Ясачные сборщики не преуспели в попытках примирить две стороны, и конфликт стал разрастаться. Зимой 1696/97 г. Хачаулку в сопровождении 100 человек вёз ясак в Обдорск и в пути подвергся нападению четырёхсотенного отряда, возглавлявшегося Одычкой. Многие были ранены стрелами, целые семьи уведены в плен и четыре тысячи «олений больших» угнаны нападавшими. В своей жалобе жертвы нападения старались представить своих обидчиков перед русским начальством в самом негативном виде. По их словам, уже был случай, когда «он же, Одычко с товарищи, в Пустозерском уезде у русских людей пограбили и животы их и запасы отняли, и от того де русских людей померло пятьсот человек».

Хачаулка писал далее, что те же самоеды ранее «ездили разбоем» в Мангазейский уезд «побивать» русских и ясачных людей, а в 1696 г. Одычко отрядил 70 своих подначальных людей на Мезень для угона оленей у местных русских хозяев. Перечисление преступлений с уча-

⁹⁰ Там же. С. 161–165.

⁹¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Д. 16. Л. 220–221.

⁹² Там же. Д. 12. Л. 250–251 об.

⁹³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 77–79; РГАДА. Ф. 214. Стб. 1533. Л. 445–450, 460.

стием Одычки Немчинова завершалось мрачным прогнозом: «А естли де им наказанья не будет, и они де, Одычко с товарищи, всю самоядь разорят до конца».

Москва распорядилась вновь прибегнуть к дипломатии, а если она не принесёт результатов, то нужно будет «смирять» ненцев войной, выбрав для этого сына боярского, опытного в ратном деле⁹⁴. Предполагаем, что Одычко Немчинов — это сын Немчинки Пидирисова и, следовательно, он приходился троюродным братом Корюче Хынину и Маулке Посеву. Во всяком случае, масштабы его авантюры делают весьма вероятным такое родство.

Ранее были рассмотрены, очевидно, все сколько-нибудь заметные факты и зафиксированные в источниках реальные случаи вооружённых выступлений и попыток крупных протестных движений со стороны аборигенов Югры против русских властей. Они происходили по большей части в конце XVI – первой трети XVII вв. Среди обширной хантыйской этнической общности быстрее других смирились с русской властью северные ханты — полуоседлые и дисперсно расселённые, — что хорошо будет заметно в следующем столетии на примере их почти бесконфликтной, пусть и поверхностной христианизации.

Жители же сибирской тундры, ненцы, взяли за оружие в ответ на попытки русской администрации в XVII в. включить их в государственную систему управления и налогообложения. Можно сказать, что в тот период взаимная адаптация русской власти и приполярных кочевников характеризовалась хрупким равновесием. В приходе России в Югру в конце XVI в. северные самодейцы видели опасность для своей свободы и привычного образа жизни. Однако хозяйственные системы, основы культуры и мировоззрения местных народов, а также межплеменные связи складывались на протяжении многих столетий, поэтому краткое пребывание немногочисленного русского населения в Северо-Западной Сибири XVII в. не смогло заметно нарушить и тем более разрушить вековой уклад их жизни.

Как многократно случалось в истории, новая внешняя угроза в лице пришлых русских людей и вставших на их сторону аборигенных сообществ в ряде случаев послужила стимулом консолидации разрозненных и дотоле враждовавших кланов. В этой ситуации неизбежно выделялся главенствующий род.

Род Большие Карачеи стал таким лидером у тундровых ненцев-юраков. В стремительных походах и набегах на разноэтничных соседей юрацкие самоеды объективно выполняли сразу несколько задач: сопротивлялись русскому культурному влиянию и установленному русскими властями ясачному режиму; добывали хлеб и русские вещи (одежду, оружие, предметы обихода и др.), к которым уже начинали привыкать; расширяли пространство для выпаса своих оленьих стад; пытались утвердить своё превосходство среди северных угров и самодейцев. Трансформация экономической базы ненецкого общества с переходом к крупностадному оленеводству, породившая их военную мобильность и хозяйственную независимость, стремительно формировавшаяся в XVII в.⁹⁵, послужила базой для развития протестного движения против русской колонизации на территории Северо-Западной Сибири. Однако не смогла ни остановить, ни даже сколько-нибудь серьёзно замедлить процесс включения территории в состав Русского государства.

⁹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 238–242 об.

⁹⁵ Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодейцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 103, 106; Он же. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 88–89.

Глава 4

Служилые люди и их роль в освоении Югорского края

Рис. 2.29. Служилые люди. Берёзов XVII в.
Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов //
Берёзов: первый русский город Югры.
Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20.
Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 70

Территория Югры контролировалась и осваивалась силами трёх гарнизонов — берёзовского, сургутского и пелымского. Численность их постоянно менялась, но при всех колебаниях и тенденции к уменьшению со второй четверти XVII в. оставалась в пределах 500-550 человек. Сокращение берёзовского гарнизона, происходившее в начале века довольно интенсивно, в середине столетия было приостановлено, и к концу XVII в. количество служивых вновь стало насчитывать около 300 человек. Численность сургутского гарнизона, до 1660-х гг. составлявшая около 200 человек, к концу XVII столетия уменьшилась до 185. Пелымский гарнизон к середине XVII в. насчитывал более 80 человек, а затем до конца столетия его численность сохранялась на уровне

60–70 человек. Для сравнения: в Тобольске (сибирской столице) гарнизон за это время увеличился с 730 до 2156, в Тюмени — с 326 до 946, в Таре — с 421 до 783, в Верхотурье — с 68 до 143 ратных людей¹. Из этого сопоставления напрашивается вывод, что, по сравнению с другими районами Западной Сибири, территория Югры была более безопасной в военном отношении, а потому, с точки зрения московской администрации, не только не нуждалась в увеличении численности гарнизонов, но и служила постоянным (пусть и не слишком большим) резервом для пополнения вооружённых сил в южносибирском регионе. Подтверждение процесса перевода можно наблюдать в различных источниках (например, в именной книге Тары за 1625/26 г. есть запись: «Казакки пешие ж, которые переведены з Берёзова, донские,

¹Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 29.

четыре человека...»²), а согласно материалам картотеки Д. Я. Резуна, включающей сведения биографического характера о тысячах сибирских служилых людей, прозвище «Берёзовский» носили 22 служилых Томска, «Пелымский» — 10 тарских и 13 тюменских служилых, а из 17 «Сургутских» 6 пришлось на гарнизон Томска, 4 — Красноярска, 3 — Тюмени и по 2 — на гарнизоны Тобольска и Енисейска. Данные не исчерпывающие, но показательные³.

Заметим, что сокращение гарнизонов Северо-Западной Сибири в XVII в. не исключало перевода туда служилых из других городов⁴. Такая практика продолжалась до конца столетия, была связана с наказаниями переведённых за какие-либо «вины и прослуги» и на общую тенденцию «сползания» вооружённых сил к югу повлиять не могла.

По структуре и внутренней организации своих гарнизонов Югра принципиально не отличалась от остальной Сибири. Основную военную силу в них тоже составляли казаки и стрельцы, подразделения которых традиционно строились по десятичной системе: войско делилось на сотни (у казаков их чаще называли станицами), полусотни (пятидесятни) и десятки. Разумеется, лишь в свежесформированных подразделениях десятичная система их организации строго выдерживалась. В дальнейшем даже в десятках число служилых не всегда было равно 10 — отклонение от штатной численности в казачьих станицах и стрелецких сотнях было обычным явлением (характерным, кстати, и для Европейской России⁵), ибо их пополнение могло как отставать от реальной убыли личного состава, так и в силу различных причин несколько опережать её.

Гарнизонная верхушка городов Сибири до конца столетия была представлена детьми боярскими и начальными людьми — сотниками или атаманами. В северных гарнизонах она была невелика. В пелымском в течение всего рассматриваемого периода служили четверо детей боярских, в берёзовском их число за это время увеличилось с 3 до 14 человек, а в Сургуте со второй четверти и до конца XVII столетия «служилая аристократия» была представлена лишь двумя казачьими атаманами. Штатным расписанием была предусмотрена также должность казачьего и стрелецкого головы, которую принято было занимать детям боярским, но она по какой-то причине чаще всего оставалась свободной.

Незанятые вакансии начальных людей не были редкостью в Сибири, как и широкое использование для выполнения ответственных поручений не только детей боярских, но и голов, атаманов и сотников, которые на время «дальних посылок», естественно, не могли исполнять прямые функции по «веданию» своими подразделениями. Согласно сохранившимся инструкциям («наказным памятям»), начальные люди имели право судить подчинённых в небольших исках, давать разрешение на отлучки из гарнизона по личным делам, контролировали выдачу жалованья, обязаны были «наряжать» служилых людей своего «приказа» на «всякие службы», а за «огурничества» (отлынивание от работы) «и «за караульное

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 458. Л. 117.

³ Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века : биобиблиографический словарь. М., 2020. С. 90–92, 663–664, 812.

⁴ Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 190–192.

⁵ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 326; Шпаковский Н. И. Стрельцы // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 9. С. 137–138; Градовский А. Д. Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 2. С. 405–406; Богоявленский С. К. Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в её прошлом и настоящем. М., 1910. Вып. 4. С. 69; Степанов И. В. Хозяйственная деятельность московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII в. // Учёные записки ЛГУ. 1939. № 48. С. 121.

оплошество и по челобитниковым делам и унимая от всякого дурна... чинить наказанье»⁶. Но когда голова, сотник или атаман подолгу отсутствовал в своём городе, будучи отправленным для «сыскных дел», переписи земель в другие уезды, посланником к соседним народам и т. д., его подчинёнными мог временно «ведать» либо другой представитель гарнизонной верхушки, либо воевода.

Обратная ситуация наблюдалась у младших чинов: должности пятидесятников и десятников подолгу никогда не пустовали, т. к. выполнять обязанности командиров низшего ранга ни воеводам, ни головам было «не вместно», да и просто физически невозможно. «Без десятника в десятке быть не уметь», — так порой объяснялась в приказной документации важность этой должности⁷.

Кроме стрельцов и казаков, ратную службу в качестве рядовых в гарнизонах Югры несли пушкари: в Пелыме и Берёзове было по одному пушкарю в 1626/27 г. и по три — в 1699 г.; за Сургутом же три пушкаря были закреплены всё это время⁸.

Упоминают источники в северных гарнизонах и «литву» — определённых на службу «иноземцев» европейского происхождения, в основном из числа военнопленных. Судя по фамилиям и прозвищам (а порой и прямым указаниям), это были по большей части поляки, но встречались и немцы, черкасы (украинцы), белорусы и другие представители западного пограничья.

В первой четверти XVII в. их численность в северных гарнизонах была довольно заметной, достигая двух-трёх десятков человек. В Пелыме для них даже была построена отдельная «литовская» слобода (к 1620-м гг., впрочем, уже «размываемая» другими категориями населения, и вскоре вместе со всем городом сгоревшая), а в Сургуте из «литвы» и «черкас» была сформирована «станица» (из 30 человек) во главе с собственным атаманом. Но уже к исходу первой четверти XVII в. «литовские списки» Северо-Западной Сибири сильно сократились: в Сургуте они исчезли совсем, в Пелыме включали 10 человек, в Берёзове — девять и к концу столетия тоже постепенно перестали упоминаться⁹.

Это, однако, не означало полного их исчезновения в северных гарнизонах — просто всякого рода «иноземцы» перестали выделяться в учётной документации в отдельные группы. Так, в первой из дошедших до нас сургутских именных книг (1625–1626 гг.) в общем списке служилых упоминаются поляк (в другом источнике он назван литвином) Якушко Плешевский и поляк Якушко Шпаковский. Последний умер в 1648/49 г., но его потомки ещё долго оставались на «государевой службе» в Сургуте в конце XVII в. числился казак Ивашко Ляхов Шпаковский¹⁰. Известно, что в 1655 г. в Сургут сослали троих пленных шляхтичей, определив их в казачью службу. Такая же участь была уготована ещё пяти ссыльным «иноземцам» польско-литовского происхождения в 1656 г. и девяти «челядникам» (шляхецким слугам) в 1661 г.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп.3. Стб. 977. Л. 2, 44.

⁷ Там же. Оп. 1. Кн. 244. Л. 239 об.

⁸ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 32.

⁹ Там же. С. 32, 39–40; Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана. Минск, 1986. С. 25; Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма в 1623 г. // Проблемы истории России. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 438–444.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 151–152, 320–320 об. Кн. 14. Л. 318–318 об. Кн. 27. Л. 242. Кн. 225. Л. 394 об. Кн. 1164. Л. 19 об.–20.

В качестве ссыльных в Сургуте в те же 1660-е гг. побывали и немецкие военачальники: полковник Ян Эренк и майор Томас Брон.

Приживались ссыльные «иноземцы» в Сибири, как правило, с трудом, иные из них даже пустились в бега, как это попытался сделать Ян Эренк, предприняв неудачную попытку выбраться из Сургута на родину Обью, после чего скончался (в 1661 г.). В связи с заключением Андрусовского перемирия с Польшей в 1667 г. большинство её оказавшихся в сургутской ссылке подданных вернулось на родину, но некоторые оставались. Как правило, это были те, кто принял православие и обзавёлся семьями (таких в 1660-е гг. в Сургуте оказалось по меньшей мере двое)¹¹.

Поскольку в именные книги выходцы из Польши и других западных стран долгое время записывались независимо от своей численности, отдельно от других служилых, у некоторых исследователей складывается впечатление, что эти «иноземцы» представляли собой самостоятельную категорию сибирского населения, наделённую какими-то особыми правами. Но это не так: юридический и социальный статус «литвы», «поляков», «немцев» и «черкас» был таким же, как у русских служилых, хотя немало «иноземцев» благодаря личным качествам (грамотности, боевому опыту и т. д.) делало в Сибири весьма успешную карьеру, получая повышенные оклады и пополняя ряды «служилой аристократии» путём перехода в дети боярские.

Даже в южносибирских гарнизонах, где из «литвы» формировались отдельные и порой крупные (по сибирским понятиям) подразделения, нёсшие конную службу, они практически ничем, кроме специфических названий, не отличались от станиц русских конных казаков и к тому же быстро утрачивали национальную специфику из-за «обрусения» личного состава и постоянного заполнения образовавшихся в «литовских» подразделениях «убылых мест» русскими людьми¹².

Исходящие из Москвы предписания о верстании на «государеву службу» ссыльных «иноземцев» «против иных сибирских служилых людей» не оставляют сомнений в подлинном отношении правящих кругов к «иноземному» контингенту¹³. Что же касается его выделения в «именных книгах» в отдельные «списки» даже в северных гарнизонах, где «иноземцев» было сравнительно мало, то это, видимо, явилось отражением общей практики составления такого рода документации, долгое время «по инерции» фиксирующей происхождение служилых людей, уже не имеющее для них реального значения. Так, стрельцы сотен, сформированных в европейской части страны и затем переведённых в Сибирь, иногда весьма продолжительное время фигурировали в учётных документах как «вологодские», «устюжские», «холмогорские» и т.д.

В окладных книгах жалованья Берёзова 1636/37 гг. имелась рубрика «донские казаки». Там же произведена группировка по другому принципу: «казаки, которые караулят в городе», «казаки, которые на карауле в остроге», хотя лишь этими видами «служб» обязанности этих казаков, конечно, не ограничивались, что было видно даже из сделанных против их фамилий приписок о самых различных поручениях¹⁴.

¹¹ Очерки истории Югры. С. 191–192; Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI–XVII в. С. 17.

¹² Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 36–40

¹³ Очерки истории Югры. С. 190.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 966. Л. 185–222.

Рис. 2.30. Берёзов. Первые постройки на посаде.
Конец XVI в. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов //
Берёзов: первый русский город Югры.
Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20.
Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 57

Переход в православную веру выходцев из европейских стран не был за Уралом большой редкостью, однако «новокрещеными» в сибирских гарнизонах чаще всего называли лишь крестившихся представителей коренного населения, которых, как правило, сразу же определяли на военную службу. Их особое подразделение (по численности обычно не превышавшее полусотни) существовало лишь в Тобольске, где несло конную службу, но в обычных стрелецких или казачьих сотнях «новокрещены» встречались практически во всех сибирских гарнизонах, не составляя там, правда, сколько-нибудь существенной прослойки.

В Сургуте в 1625/26 г. именные книги назвали «новокрещеными» семь человек, в следующем году — шесть. В Пелыме в это время служили два «новокрещена». В Берёзове в 1624/25 г. по именным книгам числился всего один, но в действительности их было там наверняка больше, просто наличие таких персон не всегда фиксировалось приказной документацией, особенно по мере их окончательного «обрусения» и слияния с остальной массой служилых¹⁵.

Надо отметить, что в отличие от «литвы», нередко склонной к изменам и побегам, «новокрещены», как правило, отличались лояльностью к русской власти, что не удивительно. Перемена веры предполагала решительный разрыв с прошлым и заставляла особо ценить выгоды «государевой службы».

Гарнизоны Югры, как и других сибирских регионов, разумеется, не отличались этнической однородностью. Там можно было встретить выходцев из самых различных народов, включая тех, чьё нахождение в далёких северных городах труднообъяснимо. Например, в Сургуте в 1629/30 г. числился «подгородный служилый тотарин»¹⁶, в Пелыме трое детей боярских по фамилии Албычевы также были родом из татар¹⁷. Но абсолютное большинство служилых людей Северо-Западной Сибири (как и Сибири вообще) всё-таки составляли русские люди — по большей части поморского происхождения — и при общих характеристиках демографической ситуации на территории Югры в XVII в. следует учитывать этот давно и твёрдо установленный историками факт¹⁸.

Хотя основной воинский контингент в Северо-Западной Сибири состоял из казаков и стрельцов, ситуация с его идентификацией не была столь же стабильной и ясной, как в крупных

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 322–328; Кн. 14. Л. 257, 319 об.–326; Кн. 458. Л. 69 об.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Стб. 25. Л. 98.

¹⁷ Там же. Оп. 1. Кн. 28. Л. 418; Очерки истории Югры. С. 183.

¹⁸ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков, 1889. С. 172–173; Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 54–56; Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 26–28, 30; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь. С. 36.

гарнизонах, расположенных южнее. Проще всего с ней обстояло дело в Берёзове: абсолютное большинство служилых там называлось казаками. В Пелыме, наоборот, гарнизон состоял из стрельцов, хотя во второй четверти XVII в. там непродолжительное время числились четверо «литовского списку конных казаков»¹⁹. В сургутских именных книгах до середины столетия фигурируют как казаки, так и стрельцы, причём не отдельно друг от друга (как в аналогичной документации Тобольска, Тюмени или Тары), а одним списком, под заголовками типа: «стрельцы и казаки рядовые», «десятники стрелецкие и казачьи». К концу же XVII в. задолго до того, как стрелецкий «чин» в Сибири был официально упразднён (в 1701 г.)²⁰, стрельцы перестают упоминаться и в Сургуте, превратившись в казаков.

Возможно, на сургутских служилых со временем просто перешло название большинства. Однако это не снимает естественно напрашивающегося вопроса: почему не только за Уралом, но и в европейской части страны так долго сосуществовали оба «чина», практически ничем не отличающиеся друг от друга?

Стрельцы и городовые казаки выполняли одни и те же служебные обязанности, имели одинаковые оклады и торговые привилегии, часто объединялись в один «приказ» под началом общего головы (как это, кстати, временами бывало и на территории Югры — в Сургуте). Попытки некоторых историков представить дело так, будто у казаков и стрельцов было различное вооружение, или причислить первых к иррегулярным, а вторых к регулярным войскам²¹, решительно опровергаются конкретно-историческим материалом, давно введённым в научный оборот.

Полностью причины этого парадоксального явления не раскрыты и по сей день, но подходы к его разгадке обозначены. Так, вполне возможно, что при учреждении стрелецкого войска предполагалось большее единообразие в его вооружении и экипировке, чем у казаков, и лишь на практике это оказалось невыполнимым, во всяком случае, в провинциальных гарнизонах.

Нельзя также не обратить внимание на некоторое различие официально-правового положения обеих групп: по Уложению 1649 г. стрельцов, в отличие от казаков, пушкарей и затинщиков, запрещалось в случае неуплаты долга «выдавать головой» истцу²². Однако, вероятнее всего, главные причины существования в приборном войске двух по-разному называвшихся, но совершенно одинаковых по способам комплектования, вооружения, окладам и служебным обязанностям групп следует искать, прежде всего, в ментальной сфере — в традиции, уходящей корнями в те времена, когда только начинала складываться такая категория приборных служилых, как городовые казаки.

В первой половине XVII в. в гарнизоны русских городов могли разом включаться целые станицы вольных казаков, и царская администрация поначалу сохраняла за ними их прежнюю войсковую организацию, но позднее стала распространять и на них принятые у «государе-

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 25. Л. 94.

²⁰ Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 13. Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998. С. 168–169.

²¹ Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892. С. 66–67; Белов М. И. Мангазея. Л., 1969. С. 113; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. М., 1981. Ч. 2. С. 6.

²² Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 62, 265, 266.

вых служилых людей» порядки, оставив, однако, специфическую казачью терминологию в названиях как должностей (атаманы, есаулы), так и самих подразделений, что в дальнейшем стало просто привычкой, данью традиции, хотя наверняка долгое время имело для городских казаков и какое-то морально-психологическое значение²³.

Последнее подтверждается одним любопытным обстоятельством: оказывается, при комплектовании новых подразделений служилых «по прибору» набрать народ «в казаки» обычно бывало легче, чем «в стрельцы». Как заметил в этой связи А. А. Бродников, здесь «могло срабатывать сохранявшееся у социальных низов представление о более свободном состоянии казаков, чем стрельцов, и потому в казаки люди шли охотнее»²⁴. Кроме того, похоже, что со словом «казаки» у русского человека постепенно стали ассоциироваться наиболее славные, героико-романтические страницы своей истории.

Примечательна эволюция былинных киевских богатырей: в народном поэтическом творчестве они тоже превратились в казаков. Примечательно также, что в отряде Ерофея Хабарова, действовавшем в середине XVII в. на Амуре, все называли себя «казаками», «войском казачьим», хотя в его состав входили и промышленные, и гулящие, и служилые люди, самых разных чинов и званий²⁵.

По всей видимости, зваться «казак» с течением времени становилось понятнее для окружающих и престижнее, чем служилым другого «чина». Это учитывалось властями в военном строительстве на редконаселённой колонизируемой окраине государства. В итоге, как отметил известный историк, географ и путешественник П. И. Небольсин, к середине XIX в. «под словом "казаки"... без различия отделов русского войска в Сибири стали называть вообще всех тех, кто по своему положению обязан был с оружием в руках защищать и охранять пределы империи...»²⁶.

Такой эволюции приборных «чинов» за Уралом, возможно, содействовало ещё одно обстоятельство: вопреки мнению некоторых историков, категорически отвергавших любые сравнения казачества Сибири с вольным казачеством Дона, Запорожья и Яика²⁷, в социальной организации казачьих «войск» по обеим сторонам от Урала в XVII в. имеется немало общего.

Напомним вкратце отличительные черты общественного устройства вольного казачества XVI–XVII вв. Казаки Дона и Яика все важнейшие решения принимали «на кругу», там же выбирали атаманов и их помощников — есаулов. Военные трофеи являлись общей собственностью добывшего их «войска» и «дуванилась» между всеми его членами. Вольные казаки признавали над собой верховную власть московского государя и служили ему за не вполне определённое «жалованье», но вместе с тем пользовались широкой самостоятельностью в решении своих внутренних проблем. Подобное, нередко наблюдалось и в казачьих войсках за Уралом.

---

²³ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 34–38.

²⁴ Бродников А. А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019. С. 190.

²⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. С. 365–366.

²⁶ Небольсин П. Заметки по пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 135.

²⁷ Петров В. И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 217.

Ещё до того, как сибирские служилые стали объектом специального систематического исследования, было замечено, что в их среде существовали порядки, близкие к нормам самоуправления в вольных казачьих общинах Дона, Яика или Терека²⁸. В дальнейшем достоянием научной общественности становились всё новые и новые факты, подтверждавшие наличие в сибирской служилой среде не только официальной, но и неформальной воинской организации.

Выяснилось, что в сибирских гарнизонах XVII в. широко практиковалась выборность командного состава подразделений, и мнение «войска» по вопросам назначения на те или иные должности вынуждены были учитывать и воеводская, и центральная московская администрации. Служилые люди каждого крупного гарнизонного подразделения имели свою «казну» («коробью»), которой следовало пользоваться лишь с общего ведома и согласия «войска». Для обсуждения текущих дел созывались советы (общие сходы), проводившиеся под вынесенным знаменем.

Конечно, жизнь служилых людей в Сибири отчасти регламентировалась властями. Казаки должны были время от времени являться на смотры, стрельбы, отпрашиваться у своего начальства при отъездах по личным делам. Однако более жёсткая регламентация быта (такая, какую предусматривали, в частности, «наказные памяти» стрелецким головам в европейской части страны²⁹) за Уралом была невозможна, прежде всего, из-за частого и длительного нахождения служилых людей вне контроля воеводской администрации — во всевозможных «посылках». Когда казаки оказывались предоставленными самим себе (например, находясь в длительной экспедиции), их внутренняя воинская организация выходила на первый план, отесняя, а порой и вовсе исключая организацию официальную.

Сибирские служилые имели обыкновение отстаивать собственное мнение в таких вопросах, как выбор места для сооружения крепости или будущего города, его целесообразность, сроки и маршруты военных походов. Глава экспедиции в затруднительных ситуациях обычно «держал совет» со всем «войском», но в Сибири были нередки случаи, когда служилые люди во время походов собирались для решения возникших проблем «на круг» сами: либо помимо воли начальных людей, либо вопреки ей. «Войско» могло и открыто «отказать» своему предводителю в подчинении, и в таких случаях не только местная, но и центральная администрации были вынуждены мириться с подобным «самоуправством». В случае смерти своего предводителя служилые в походе выбирали себе («до указу») нового военачальника. Добыча — военная и промысловая — поступала в общий «кошт» и делилась затем между всеми «полчанами» на пай, исходя из её стоимости³⁰.

Став достоянием научной общественности, эти факты долгое время продолжали связывать в основном лишь с наследием дружины Ермака и других представителей вольного казачества, оказавшихся за Уралом. Историками даже не ставился вопрос о том, была ли такая

---

²⁸ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 620; Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. 1957. Т. 59. С. 308.

²⁹ См., например: Калинычев Ф.И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII в. М., 1954. С. 81–82, 119.

³⁰ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 359; Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 53–55; они же. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 75–106.

автономия прерогативой только «служилого мира» Сибири. Но благодаря трудам В. А. Александрова и Н. Н. Покровского, вышедшим во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., было убедительно показано, что аналогичные порядки и традиции в это время существовали и у сибирских посадских людей, и у крестьян, будучи, в свою очередь, генетически связанными с нормами общинного, «мирского» самоуправления, бытовавшими на севере Европейской России и восходящими «к древним общерусским традициям»³¹.

В. А. Александров и Н. Н. Покровский пришли к выводу, что «все слои русского населения, переселявшегося в Сибирь с конца XVI в. ...преемственно сохраняли мирскую форму своей социальной организации», что за Уралом «стихийно складывались миры, объединявшие сибирское крестьянство, служилых приборных людей и посадское население в крупных городах». Авторы показали также «исключительную сплочённость» сибирских «общин-миров» и их силу: к мирским организациям в Сибири в затруднительных случаях не считала для себя зазорным апеллировать и воеводская администрация, попадавшая нередко под их жесткий контроль или же совсем вытесняемая ими, когда в ответ на ее произвол служилые, посадские и крестьянские «миры» объединялись в один общегородской «мир», который «отказывал» в подчинении воеводам.

В служилой среде Сибири традиции и нормы «мирского» («казачьего») самоуправления, дававшие относительную независимость от гражданских властей, сохранялись и в течение следующего столетия, и в этом вопросе территория Югры не представляла собой исключение³².

И это было закономерно. Служилые люди более столетия являлись главной опорой государственной власти на пространстве от Урала до Тихого океана и прекрасно понимали это. Исследуя общественное сознание сибиряков в XVII в., В. А. Александров и Н. Н. Покровский выделяют особо активную жизненную позицию служилых людей, исключавшую «безусловное подчинение замыслам и приказам воеводской власти в профессиональном деле» и опиравшуюся на «прочные традиции войскового совета, казачьего круга»³³. По мнению этих исследователей, при всей пестроте социального и даже национального состава сибирских служилых людей объединяло и нечто общее — многое пережившие и многое видевшие, они обладали немалым кругозором, жизненным опытом, решительностью и самостоятельностью, т. е. качествами, свойственными казачьей дружине, сокрушившей Сибирское ханство³⁴.

Учитывая все эти обстоятельства, мы наряду с общерусскими традициями мирского самоуправления не можем исключать и прямого влияния вольного казачества на различные стороны жизни сибирских гарнизонов. Казачьи нормы взаимоотношений были там, конечно, хорошо известны и оказывались для государевых служилых людей весьма привлекательными, поскольку помогали им нести тяготы службы на далёкой и суровой окраине и отстаивать свои интересы в экстремальных условиях, превращая «войско» в серьёзную силу как перед лицом внешнего врага, так и перед воеводским произволом.

В условиях относительной слабости государственной власти в Сибири в XVII в. дух вольного казачества, кажется, просто витал над краем, воплощаясь в самые различные формы

---

³¹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. С. 351.

³² Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 230.

³³ Александров В. А. «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 110.

³⁴ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. С. 90–91.

и особенно часто заявляя о себе при социальных конфликтах. Поэтому глубоко неверным представляется мнение некоторых дореволюционных историков, полагававших, будто отличительной особенностью сибирского служилого казачества, резко выделяющей его из рядов прочего, являлось «многообразие всякого рода послуг, соединенное с безропотностью их выполнения»³⁵.

Служилые люди Северо-Западной Сибири в массе своей отнюдь не были склонны к «безропотности». На территории Югры не происходили столь же крупные выступления против официальной власти, как, например, в Томске или Красноярске, однако острые конфликты «войска» с воеводами всё-таки случались. В такие моменты казаки проявляли удивительную сплочённость, заставляя считаться со своими требованиями даже центральную администрацию. Так, в 1646 г. служилые Сургута составили коллективную челобитную на ненавистного воеводу Андрея Измайлова, а когда тот попытался помешать им отправить её в Москву, пригрозили ему жестокой расправой. В итоге против Измайлова было возбуждено «сыскное дело», довести которое до конца помешала лишь смерть «заводчика» этого антивоеводского выступления — стрелецкого и казачьего головы Семёна Иванова³⁶.

Часто не складывались отношения у служилых людей с местной администрацией в Пелыме. Воеводы Иван Годунов в 1608 г., Иван Вельяминов и Григорий Орлов в 1616 г. едва не лишились жизни от рук бунтовщиков, сменивший их Никита Волконский после выяснения отношений с подчинёнными был убит, а заступивший на его место Пётр Вельяминов — избит. Вражда пелымцев с воеводой Иваном Вельяминовым, начавшаяся в 1624 г. и сопровождавшаяся составлением на него нескольких жалоб-челобитных с обвинениями в вымогательстве взяток, захвате пашенных земель, незаконных поборах и прочих злоупотреблениях, закончилась снятием его «по государеву указу» с должности в 1625 г.³⁷. Вместе с тем, как люди военные и здравомыслящие служилые понимали, что без тесного взаимодействия с государственными структурами (их за Уралом представляла прежде всего воеводская администрация) и жёсткой вертикали власти им обойтись невозможно. Наглядным подтверждением этому явилась ситуация, сложившаяся в Сургуте на рубеже XVII и XVIII вв.

Как отмечалось ранее, в городе не было детей боярских, и к концу XVII в. вся гарнизонная верхушка состояла лишь из двух атаманов. После их смерти в гарнизоне уже безо всяких социальных выступлений «встали службы». Выяснилось, что сами казаки никак не могут договориться между собой о том, как, кого и когда на эти «службы» «наряжать». Воевода Лев Вельяминов-Зернов не смог справиться с ситуацией и в ожидании «государева указа» сообщил в 1701 г. в Москву: «В Сургуте ныне без атаманов меж служилыми людьми неустроение, потому что иных никаких начальных людей у них... нет, и смотреть над ними, и ко всяким делам без атаманов выбирать, и в посылки наряжать, а над иными во пьянстве всякого дурна смотреть стало некому... Сургутские служилые люди без атаманов выборы на выборных людей пишут медленно и в те выборы пишут людей незнающих, а иных — кто кого похочет — по свойству, и по дружбе, и в том меж ими многое время чинитца спор, а в посылки выборным людям продление...»³⁸.

³⁵ Катанаев Г. Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып.1. С. 7.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 1402. Л. 350–352.

³⁷ Очерки истории Югры. С. 182–183.

³⁸ Оглоблин Н. Бытовые черты начала XVIII века // Чтения в ОИДР. 1904. Кн. 1. С. 9–10.

Рис. 2.31. Снабжение г. Берёзова водой. XVII в.
Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов //
Берёзов: первый русский город Югры.
Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20.
Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 50

По этой причине неудивительно, что служилые люди, страдая, пожалуй, более других от административного произвола, в конце концов шли на тесное сотрудничество с воеводской властью³⁹, а приезжая «со всякими государевыми делы» в Москву, при допросах в Сибирском приказе говорили прямо: «Во всех сибирских городех без воевод... править никоими мерами невозможно...»⁴⁰. Как верно подметила Л. Р. Павлинская, «в какие бы земли ни двигались русские... за ними всегда стояло государство. И самое главное — они всегда ощущали себя людьми государственными, даже когда убегали от этого государства в Сибирь или поднимали бунт»⁴¹. Такой вот исторический парадокс, проявление закона диалектики о единстве и борьбе противоположностей...

Одной из проблем, с которой служилый мир всех регионов сталкивался постоянно, являлась нехватка людей в гарнизонах. Можно выделить несколько причин возникновения кадрового голода. К числу объективных и естественных причин относятся ситуации, когда служилые гибли при столкновениях с неприятелем, от голода и прочих лишений во время дальних походов или долгих «осадных сидений», попадали в плен, становились жертвами несчастных случаев, умирали от болезней и т. д. К числу субъективных причин экстраординарного характера можно отнести побег со службы, а также уход с неё по решению начальства или собственному прошению.

При всём понимании ситуации нередко происходило затягивание с верстанием на «убылые места»: представители воеводской администрации сознательно шли на это из-за взяток⁴², что переживалось служилыми крайне болезненно, т. к., во-первых, увеличивало нагрузку на оставшихся в строю, и, во-вторых, ставило под угрозу благополучие обзаводившихся семьями служилых, которые естественно, стремились к закреплению своих мест в гарнизоне за сыновьями или другими близкими родственниками. Последнее властями хоть и поощрялось, но на практике соблюдалось не всегда.

Учитывая постоянную нехватку людей, слабый контроль за местной администрацией со стороны центральной власти и широкое распространение взяточничества в Московском государстве, отклонения от общих правил верстания на «убылые места» были обыч-

³⁹ Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск, 2005. С. 226–227, 259.

⁴⁰ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 147.

⁴¹ Павлинская Л. Р. Особенности русской колонизации Сибири (XVII – начало XVIII в.) // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.): сборник научных статей. СПб., 2014. С. 33–34.

⁴² См.: Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 98.

ным явлением в слабозаселённой Сибири. Поскольку главным городом за Уралом считался Тобольск, являвшийся, кроме того, ещё и центром отдельного разряда, включавшего в себя, в том числе, и города Северо-Западной Сибири, решающую роль при определении на то или иное место в подведомственном гарнизоне часто играла соответствующая «тобольская отписка», а окончательное решение вопросов с верстанием всегда оставалось за Москвой.

Правительственная же политика в этих вопросах не могла быть вполне последовательной, поскольку до конца XVII в. обычно исходила не из общих принципов, а велась с учётом местных условий. Тем не менее определённые правила набора на «убылые места» в гарнизонах существовали, будучи изложенными в «наказных памятях» воеводам и головам и отражёнными в документах, оформляемых при разборе дел о пополнении сибирских гарнизонов.

На освободившиеся места в первую очередь могли претендовать сыновья выбывших, а затем (в нисходящем по степени родства порядке) прочие их родственники. Если таковых не оказывалось, надлежало верстать родственников других служилых людей, а также ссыльных, и лишь при отсутствии претендентов на «убылое место» с их стороны разрешалось принимать на службу гулящего или другого нетяглового человека. В порядке большого исключения всё же допускался набор из крестьян и посадских людей — либо из членов семьи, которые ещё не были «положены в тягло», либо при условии сдачи кому-то своего «тягла».

Военная служба в XVII в. не ограничивалась ни количеством отданных ей лет, ни возрастом. Источники свидетельствуют о весьма преклонном (более 70 лет) возрасте некоторых стрельцов и казаков. Их просьбы об отставке нередко рассматривались в самой Москве, где на челобитные накладывались довольно осторожные резолюции, предписывавшие решать вопрос положительно, лишь если челобитчики будут «добре стары и гораздо увечны».

С другой стороны, вполне дееспособных служилых могли отставить за неподобающее поведение или преступления: «за пьянство и за зернь», «за ябедничество», «за воровство» и т. п., а также за то, что были в своё время повёрстаны в службу незаконно (в обход родственников выбывшего и санкций на то вышестоящих властей, из тяглых слоёв населения).

Принимать на службу разрешалось с 15 лет. И хотя известно немало случаев верстания и с более раннего возраста (главным образом с целью сохранения за семьёй места в гарнизоне), большинство определявшихся в казаки, стрельцы или пушкарки были, судя по сохранившимся разборным книгам, уже людьми довольно зрелыми — от 20 до 30 лет⁴³.

Без проблем с верстанием нигде не обходилось. Кто-то, вернувшись из многолетней «дальней посылки», находил своё место в гарнизоне занятым, и лишь спустя какое-то время, после соответствующего челобитья такой служилый либо определялся туда, где находили соответствующий его статусу «выбылой оклад», либо зачислялся в гарнизон сверх штата — «в приказ», т. е. отставка тех, кто занял места вернувшихся, следовала далеко не всегда (что и являлось одной из причин увеличения численности подразделений сверх установленной нормы).

---

⁴³ Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917. Т. 1. Вып. 1. С. 26 Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 52–61; Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 70–74.

«Чин» служилых часто менялся при их переселении в другие города. В сибирских гарнизонах не был редкостью и добровольный обмен местами службы. Администрацией производился и перевод в «меньшие чины» в качестве наказания, назначение же в более высокий «чин» — как поощрение за какие-то заслуги или редкие деловые качества. При этом стрельцы, казаки и пушкарники могли официально выходить из состава ратных людей, но оставаться «в службе», становясь толмачами, подьячими, казёнными кузнецами, «гранатными мастерами», и в то же время кузнецы, наоборот, переводились в пушкарники или затинщики и т. д. Делалось всё это, как правило, из сугубо практических соображений (хотя порой не обходилось без взяток), из-за необходимости маневрировать ограниченными людскими и материальными ресурсами⁴⁴.

В ходе развития колонизационных процессов и изменения демографической ситуации за Уралом приоритеты в комплектовании сибирских гарнизонов, конечно, менялись, особенно после 1670-х гг., когда естественный прирост русского населения стал опережать приток новых переселенцев⁴⁵. Показательно, что если для первой половины XVII в. определение на «государеву службу» лиц, сосланных в Сибирь за тяжкие уголовные преступления, было обыденным явлением⁴⁶, то в конце столетия это считалось уже недопустимым. Как говорилось о ссыльных в одной из царских грамот 1698 г.: «опричь пашни их сожать негде, для того что в службу на убылые места их верстать невозможно, потому что сосланы они за многие свои вины и вместо смертных казни, а на убылые старых и добрых служилых людей места... бьют челом умерших дети, и братья, и сродники, и в том им отказывать, а верстать тех новоссыльных людей не мочно»⁴⁷.

В гарнизонах Северо-Западной Сибири служба стала носить преимущественно наследственный характер довольно рано, по крайней мере, с середины XVII в. Тем не менее с типичными для Сибири ситуациями, связанными как с убылью, так и пополнением личного состава гарнизонов, мы продолжаем сталкиваться, изучая источники по истории Югры XVII в.

Например, в окладной книге жалованья Сургута 1662/63 г. зафиксировано выбывание с военной службы 13 человек, из которых один умер, двое были переведены в невоенные категории служилого населения, четверо, будучи в «дальних посылках», остались служить в других городах, шестеро были по разным причинам отставлены⁴⁸. Согласно «сметному списку» Берёзова, в 1697/98 г. в гарнизоне убыло пятеро служилых (двое умерли и трое были отставлены), а заняли «убылые места» трое сыновей выбывших, один племянник и один «казачий сын»⁴⁹. В связи с военной кампанией на Амуре в 1650-х гг. сургутский гарнизон понёс большие потери: из 22 сургутян, посланных в Даурию в составе сборного из разных сибирских городов войска, обратно вернулся лишь один⁵⁰. Однако это ещё не свидетельствовало о гибели не вернувшихся: известно, в частности, что в 1662 г. два сургутских казака остались «в Даур-

⁴⁴ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 52–63.

⁴⁵ Колесников А. Д. Изменение демографической ситуации в Сибири в XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 144.

⁴⁶ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 198, 212–213.

⁴⁷ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. № 91. С. 395.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 432. Л. 446–454.

⁴⁹ Там же. Кн. 1177. Л. 1–10.

⁵⁰ Ульянова А. Е. Указ. соч. С. 19.

ской земле своею охотой»⁵¹. Такая практика в Сибири существовала даже в пределах одного разряда: источники фиксируют случаи, когда один тобольский казак после командировки на Собскую заставу «стал в службу» в Берёзове, другой — остался в Мангазее.⁵²

До конца неизвестна судьба 15 стрельцов Пелыма, не вернувшихся с той же «даурской службы». В именных книгах города о них неоднократно появлялась такая запись: «Пелымские стрельцы, посланы великого государя на службу в Дауры в прошлом во 163-м году... и те стрельцы из Даур не бывали, а иные померли». А далее указывалось, что «в их места служат по указу великого государя и по грамотам и по челобитным на Пелыме в стрельцах» уже другие люди, из которых «по грамотам великого государя» — 10 человек, «по челобитью» — 5⁵³.

С отставкой последних в случае благополучного возвращения кого-то из посланных «в Дауры» большие проблемы у местной администрации вряд ли бы возникли, а вот решение вопроса с теми, кто был повёрстан «по государевой грамоте», вероятнее всего, затянулось, но закончилось бы зачислением их в гарнизон сверх штата («в приказ»). Ведь если такие верстания не носили массового характера, то центральная власть с ними чаще всего смирялась. Москва не склонна была препятствовать увеличению численности гарнизона, если это не приводило к увеличению расходов на его содержание. Например, когда в «выбылых» оказывался служилый с повышенным жалованьем, на его место верстали двух-трёх человек с более низкими окладами, как это, в частности, было зафиксировано в одной из «расходных книг» Пелыма, отметившей, что «во 138-м году Богдашко Волошинин за старость от службы отставлен, а в его место велено быть 2-м человеком стрельцом»⁵⁴.

Переводы в другие «чины» также фиксировались в учётной документации городов Северо-Западной Сибири. У рядового и низшего командного состава обстоятельства таких верстаний, как правило, элементарны и отражены в записях типа: «Филька Иванов поверстан в десятники в Герасимово место Офонасьева, а в его Филькино место поверстан в стрельцы по государеве грамоте Матюшка Егупов» (1632/33 г., Пелым)⁵⁵. Но иногда вырисовывались и более интересные ситуации. Так, 25-летний пеший казак Илья Семенов по прозвищу Кузнец служил шесть лет в Тобольске, после чего в 1687/88 г. был переведён в казачью же службу в Сургут, но был там вновь определён в казённые кузнецы «по челобитью сургуцких служилых людей», видимо, к тому времени измаявшихся без нужного городу специалиста⁵⁶.

С назначением на высшие командные посты в гарнизонах всё обстояло сложнее, и связанные с ними дела часто обрастали скандальными подробностями. Особенно если речь шла о стрелецких и казачьих головах. Эти должности хорошо оплачивались и, кроме того, давали возможность получать дополнительный доход от «ведания» большим количеством людей. Однако, в отличие от атаманов и сотников (не говоря уже о пятидесятниках и десятниках), которые могли находиться на своих должностях неопределённо долгий срок, у голов он ограничивался лишь двумя годами, из-за чего борьба между претендентами на освобождавшееся место головы возникала чаще, чем на другие должности. При этом порой

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 432. Л. 451.

⁵² Там же. Кн. 103. Л. 128–131 об., 132; кн. 131. Л. 162 об.

⁵³ Там же. Кн. 1211. Л. 32 об.–33, 56–57 об.

⁵⁴ Там же. Кн. 28. Л. 88–88 об.

⁵⁵ Там же. Ф. 210. Кн. 278. Л. 83.

⁵⁶ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 931. Л. 33 об.–34.

вскрывалось столько нарушений официального порядка верстания, что самостоятельно решить проблемы местные власти не могли и обращались с соответствующими вопросами в Москву.

Один из примеров этому — разбирательство в 1659/60 г. с карьерой сургутского казачьего головы Первого Самойлова. Выяснилось, что «во 155-м году... служил он, Первой, в Тобольску в пеших казаках, а верстан в пешие казаки во 143-м году из гулящих людей без государева указа не за службы, а во 155-м году велено ему быть в Тобольску у пеших казаков в пятидесятниках без государева ж указа, а во 158-м году по государеве грамоте велено ему, Первому, быть в Тобольску в городничих. А во 159-м году по государеве ж грамоте Первой Самойлов отпущен ис Тобольска в Сургут в казачьи головы... А за какие службы велено ему быть в казачьих головах ис казаков, и из городничих, того в государеве грамоте не написано и в Тобольску служеб ево в послужных списках нигде не объявилось. И Первому Самойлову велено быть в Сургуте по государеве грамоте в казачьих головах до указа великих государей»⁵⁷.

Два года спустя должность казачьего и стрелецкого головы Сургута вновь стала объектом внимания властей, но на этот раз уже московских. Дворянин из Бежецкого Верха Яков Любимов, сын Окулов, перечислив свои службы ещё со Смутного времени и подчеркнув особо своё тяжёлое материальное положение по причине «полонного терпения» («и в полон взято три человека людишек моих да пять лошадей со всякою служивою рухлядью»), просил царя: «Пожалуй меня, холопа своево, бедново и разореново полоняника, за мое многое службишко, за кровь и за раны и за полонное терпение — вели, государь, мне быть на твоей государеве службе в Сибири в Сургуте у казаков и у стрельцов головою на Михайлово место Селина».

В надежде устранить конкурента Я. Окулов пошёл, казалось бы, надёжным путём: обратил внимание на то, что его соперник занял должность незаконно, поскольку «нигде на твоей великого государя службе не бывал и не служивого, (а) тяглово отца сын; брат ево родной и ныне на денежном дворе в денежных мастерах, а отец ево был посатцкой человек серпуховитин». Однако донос не привел к ожидаемому результату. Селин остался на своей должности на «положенные» ему два года, и лишь после этого вакантное место в Сургуте должно было достаться челобитчику⁵⁸.

Непоследовательность властей в практике верстаний объяснялась некоторыми историками тем, что «московское управление не любит общих правил» и «предпочитает приспособляться к обстоятельствам»⁵⁹. Однако, учитывая, что при смене условий освоения новых территорий менялись и правила производства на службу, у нас не меньше оснований считать это проявлением гибкости, т. е. сильной стороной московской административной системы, решавшей в числе прочих и сложнейшие задачи по освоению огромных и слабозаселённых территорий. Вот почему к концу XVII в., в силу, прежде всего, изменения демографической ситуации в Сибири, общая для страны тенденция к превращению служилого сословия в замкнутую касту с недопущением в неё «постороннего элемента» стала и за Уралом ощущаться всё сильнее.

Именно в это время в сибирских городах проводится тщательный учёт родственников служилых людей — первых (по закону) претендентов на «убылые места» в гарнизонах, поэтому

⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 663. Л. 237-238.

⁵⁸ Там же. Стб. 340. Л. 138-138 об.

⁵⁹ Сергеевич В. И. Военные силы Московского государства [XV-XVII вв.]. СПб., 1905. С. 39.

не только в разборных, но и в некоторых окладных книгах жалованья и «городовых списках» под именами казаков и стрельцов «по указу великого государя» записывались имена их невёрстанных родственников, как это было, например, в Сургуте в 1698 г. и в Берёзове в 1699 г.⁶⁰ Общая же ситуация о возможностях замещения на законных основаниях «убылых мест» в гарнизонах Югры на исходе XVII в. проясняется из следующих данных. В Пельме (с численностью гарнизона в 65 человек) в 1695 г. не в службе находилось 168 стрелецких детей, братьев и племянников, а в 1697 г. — 175⁶¹. В Берёзове (при общей численности гарнизона примерно в 300 человек) в 1693 г. из 266 невёрстанных казачьих родственников половина уже перешагнула порог 15-летнего возраста, причём среди претендентов нередко встречались и лица старше 30 лет⁶². В Сургуте при гарнизоне в 185 человек, судя по разборной книге 1689 г., у служилых было ровно 185 невёрстанных родственников, из которых «указных лет» достигли 70 человек⁶³.

«Разбор» сургутского гарнизона, произведённый в 1689 г. и завершившийся составлением по его итогам отдельной книги («росписи именной»), даёт крайне ценный материал для выяснения как порядка верстания и семейного положения служилых людей Северо-Западной Сибири в конце XVII в, так и условий несения ими самой службы, и потому его результаты заслуживают специального рассмотрения.

Согласно ему (по нашим подсчётам), из 185 невёрстанных казачьих родственников мужского пола 145 являлись их детьми, 40 — братьями и племянниками, а помимо указанных ранее 70 человек, достигших призывного возраста, ещё 40 были «на подходе» к нему. Последнее важно отметить в связи с тем, что эта же разборная книга выявила 14 случаев верстания в казачью службу лиц моложе 15 лет (восьмерых в возрасте 13–14 лет, троих — 11–12 лет и ещё троих — 9–10 лет). Зачисление детей в состав гарнизона, скорее всего, носило формальный характер: вместо них наверняка несли службу другие — «по найму». Но некоторые подростки, судя по послужным спискам, сами вполне справлялись с казачьими обязанностями. Самым же распространённым возрастом верстания в Сургуте был период от 18 до 25 лет, хотя есть и казаки, которые принимались на службу уже в достаточно зрелом возрасте: по двое — в 34 года и 36 лет и один — в 40.

Принцип выдвижения на командные должности наиболее заслуженных и опытных кадров был к тому времени выдержан, пожалуй, лишь в отношении атаманов: один из них получил свой чин после 24 лет казачьей службы, другой — после 28, и на момент верстания в атаманы одному из них было 40, а другому — 49 лет. В десятники же могли зачислить любого, даже очень молодого, но в 1689 г. преобладали в низшем командном звене всё же лица солидного возраста: половине десятников было уже за 50 лет, а одному даже 83.

В целом же возрастной состав сургутского гарнизона в то время был весьма пёстрым — от 14 до 83 лет. Поскольку предельный срок несения службы определялся лишь физическими способностями к ней, в гарнизоне Сургута тогда было немало ветеранов. Восемью казакам было по 56–60 лет, семи — по 61–65 и в возрасте 68, 70, 73, 75 и 83 лет было по одному. Характерно, что из шести сургутских казаков, отставленных в 1661 г. «за старость и увечье», трое были

⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1164. Л. 27–53; Кн. 1174. Л. 45–93 об.

⁶¹ Там же. Кн. 1088. Л. 36–41.

⁶² Там же. Кн. 1069. Л. 70–83.

⁶³ Там же. Кн. 931. Опубликовано в сб.: Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург. 2002. С. 204–229.

слепы⁶⁴. В 1689 г. основная масса сургутских казаков входила в возрастную группу от 20 до 55 лет и происходила из местной служилой среды (была принята на службу в Сургуте). Вместе с тем, 17 человек, судя по их «сказкам», были верстаны в других городах и лишь позднее переведены в Сургут, причём 16 из них были в прошлом «солдатами» и, очевидно, остались не у дел после неудачной попытки тобольских воевод завести в Сибири войска «нового строя».

Полному и окончательному утверждению наследственного принципа в комплектовании гарнизонов мешал целый ряд объективных обстоятельств, в том числе и состав казачьих семей. Согласно данным разборной книги 1689 г., более половины служилых Сургута (101 человек из 185) не имели детей мужского пола. По одному сыну было у 49 казаков, по два — у 21, 10 служилых имели по трое сыновей, и лишь трое — по четыре сына. Если учесть тот факт, что к 1689 г. около половины казачьих детей ещё не достигли официального «призывного» возраста, то можно прийти к выводу: у местной администрации в это время ещё сохранялась возможность восполнять потери в гарнизоне за счёт верстания лиц неслужилого происхождения, чем она, конечно же, пользовалась.

Тем не менее и в Сургуте складывались кланы, постепенно прибиравшие к рукам ключевые позиции в гарнизоне и городе в целом. Н. А. Миненко выявила целый ряд фамилий, принадлежавших к «лучшим людям» Сургута на начало XVIII в. В частности, в их число, входили семейства Баталиных, Кайдаловых, Силиных, Торопчаниновых⁶⁵. Как и большинство жителей Сургута того времени, они являлись потомками служилых людей XVII в. Но из всего сургутского «патрициата» XVIII в. лишь Баталины (Ботолины) сравнительно рано — уже в середине XVII в. — поднялись на вершину местной социальной лестницы и заняли там прочное положение. В именных книгах 1649/50 г. упоминается атаман Евдоким Алексеев Ботолин. В 1686/87 г. «по указу великих государей и грамоте» в сургутские атаманы был произведён сорокалетний Яков Ботолин, нёсший до того в течение 28 лет казачью службу и имевший на момент «разбора» 1689 г. пятилетнего сына Якова. В то же самое время среди рядовых казаков Сургута находился ещё один Ботолин — пятнадцатилетний Григорий, причём числился он среди женатых служилых. На службу юноша был принят «по указу великих государей и грамоте» ещё в 1686/87 г. в возрасте 13 лет, по всей видимости, не без помощи своего высокопоставленного родственника⁶⁶.

Семейство казака Торопчанинова упоминается уже в ранней документации Сургута, а в конце XVII в. в сургутском гарнизоне числится атаман Алексей Торопчанинов. Разборная книга 1689 г. сообщает интересные подробности ещё об одном Торопчанинове — Андрее. На то время ему было 15 лет, но, несмотря на столь юный возраст, он имел чин десятника и упоминался в числе женатых казаков. В службу «по указу великих государей и грамоте» он был верстан в возрасте 9 лет. Можно только гадать, что скрывалось в данном случае за стандартной записью разборной книги: «служит шесть лет... в ряд с служилыми людьми...»⁶⁷

Фамилия Кайдаловых была впервые представлена в Сургуте, согласно данным разборной книги 1689 г., 54-летним десятником Алексеем, прослужившим к тому времени в Сургуте

⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 432. Л. 451.

⁶⁵ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 84–86.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 225. Л. 394 об.; кн. 931. Л.1–1 об., 31.

⁶⁷ Там же. Кн. 1164. Л. 18 об.; кн. 931. Л. 7 об.

21 год и начавшим свою военную карьеру со службы «в Тобольску в салдатах полдевята года». В Сургут он был переведён «по отписке» тобольского воеводы и имел к 1689 г. шестилетнего сына Петра⁶⁸.

Рассматривая процесс складывания сургутского «патрициата», нельзя не заметить одной особенности: в городской верхушке в XVIII в. не оказалось фамилий старейших сургутских атаманов, упоминавшихся в источниках в первой трети XVII в., — Терентия Деева, Тугарина Фёдорова, Богдана Сидорова Зубакина, Дениса Гаврилова Новокрещенова и Кузьмы Васильева Горбунова. Видимо, их прямые потомки не смогли удержаться к XVIII в. на вершине местной социальной лестницы. Более удачно по ней поднялись рядовые казаки — те, кто вынужден был рассчитывать, прежде всего, на себя, умело используя слабость и подвижность социальных перегородок в Сибири XVII в. Здесь прослеживается некая закономерность: и в соседнем Берёзове, как выяснила Н. А. Миненко, «предки большей части “лучших” граждан... были рядовыми казаками»⁶⁹.

Служилые династии Берёзова XVII в. тоже сильно различались и по численности, и по составу. Весьма влиятельным являлся, например, клан Аргуновых, родоначальник которого — Савва — прежде, чем оказаться в Сибири (в 1595 г.), был, согласно семейному преданию, атаманом вольных казаков. Его потомки в берёзовском гарнизоне также по большей части занимали атаманские должности⁷⁰. Многочисленный клан Кокоулиных был представлен и атаманами, и детьми боярскими, и рядовыми казаками⁷¹. Так же обстояли дела с карьерой у берёзовских семейств Кашпиревых и Лихачевых⁷². А вот в роду Лапотниковых, Поповых, Потаповых, Сверчковых и Усковых в XVII в. никто,

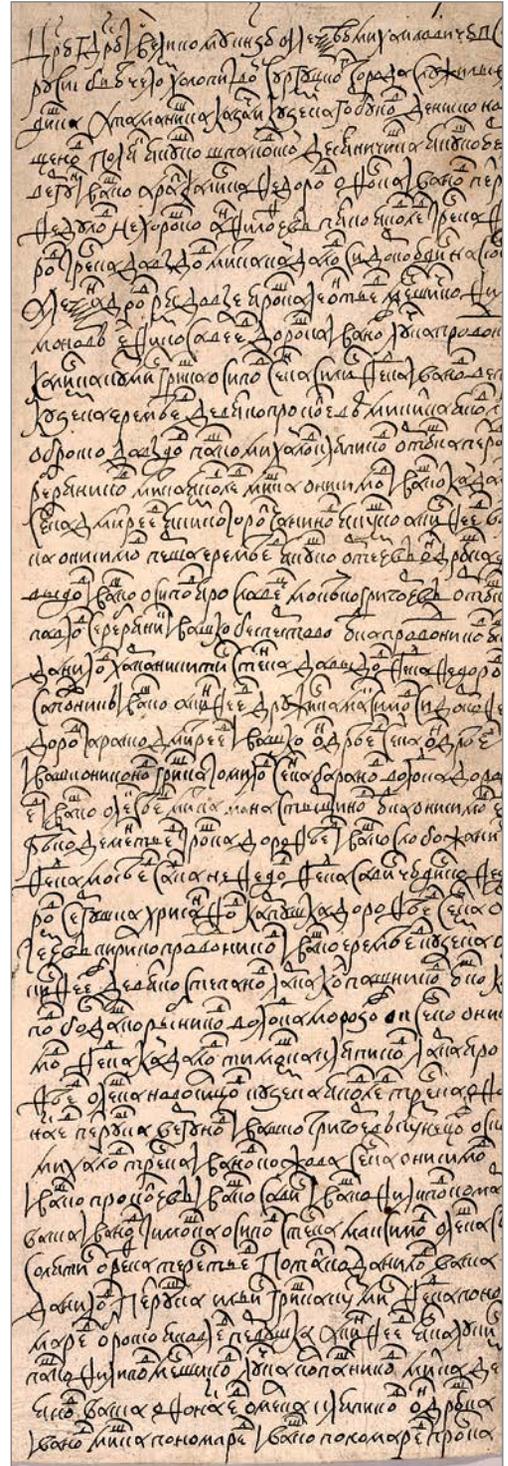

Рис. 2.32. Челобитная служилых людей г. Сургута о «заводном деле» головы Семёна Попова. 1646 г. Фрагм. из арх. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 285. Л. 1

⁶⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 931. Л. 6–8 об.

⁶⁹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 86.

⁷⁰ См.: Очерки истории Югры. С. 202–203; Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: библиографический словарь. С. 39–40.

⁷¹ Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: библиографический словарь. С. 412–413.

⁷² Там же. С. 385, 507

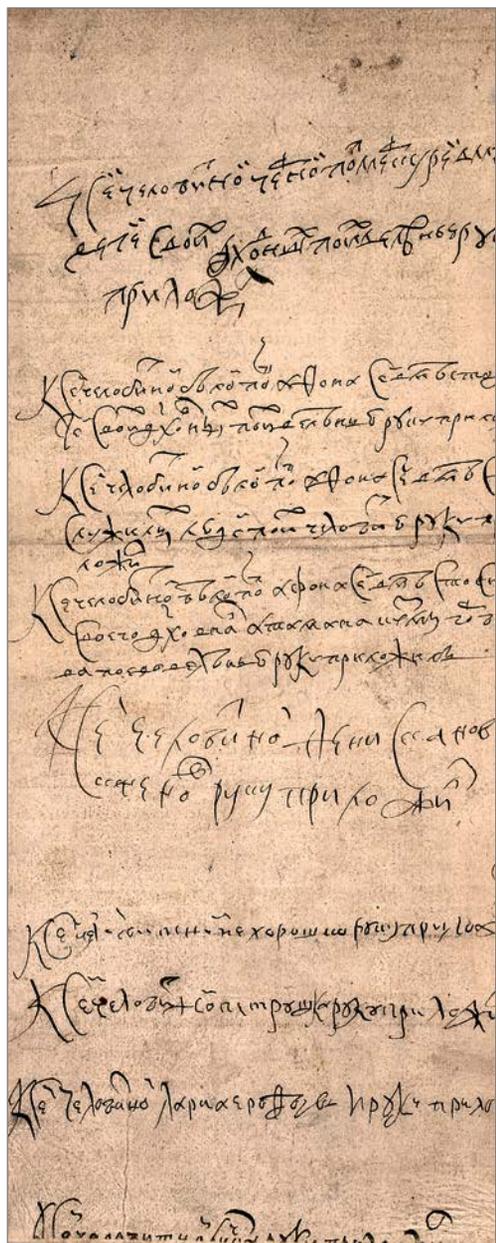

Рис. 2.33. Подписи служилых людей г. Сургута под челобитной о «заводном деле» головы Семёна Попова. 1646 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 285. Л. 10б

судя по имеющимся данным, не выбивался в «служилую аристократию» гарнизона⁷³.

В Пелыме же в XVII в. «чины» детей боярских были фактически закреплены за одним родом — Албычевых⁷⁴, а среди стрельцов особо выделялся клан Рожиных⁷⁵.

Берёзов и Сургут относились к «непашенным» городам (где невозможно хлебопашество), поэтому их служилым людям полагалось жалованье, более высокое, чем в южнее расположенных гарнизонах. Если, например, в «пашенном» Тобольске или Тюмени пешие казаки и стрельцы получали в основном по 4,25 рублей в год, то в Берёзове и Сургуте — 5,25 рублей. Хлебное жалованье (рожь и овёс) у этих категорий также различалось: в «пашенных» городах оно составляло, как правило, 9,5 четырёхпудовых четвертей у женатых и 7,5 у холостых служилых, а в Берёзове и Сургуте, соответственно, 11 и 8 четвертей⁷⁶. Пелымским же стрельцам не повезло. Река Тавда, на которой находился их город, оказалась северной границей русского земледелия в Сибири⁷⁷, и он, несмотря на тяжёлые природные условия в крае, был отнесён к разряду «пашенных» со всеми вытекающими для его гарнизона последствиями.

Государственное обеспечение служилых Берёзова и Сургута было на уровне гарнизонов Нижнего Поволжья и Москвы — самых высокооплачиваемых в государстве. Нет, однако, необходимости доказывать, насколько различались условия жизни в Астрахани, Москве или других экономически развитых городах Европейской России и в Нижнем Приобье. Дороговизна, вызываемая сложностями доставки товаров в столь труднодоступный регион, а также его суровый климат во многом обесценивали положенные к окладам служилых людей Берёзова и Сургута «прибавки».

Но, как показали специально проведённые исследования, даже со всеми «придачками» у рядового состава

⁷³ Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века : библиографический словарь. С. 495, 701-706, 712-713, 783, 879-880.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 458. Л. 58-58 об. ; Кн. 14. Л. 259 об. ; Кн. 28. Л. 418; Кн. 432. Л. 259 об. ; Кн. 1211. Л. 29 об.

⁷⁵ Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века : библиографический словарь. С. 749.

⁷⁶ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 106-107.

⁷⁷ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. С. 39.

ва сибирских гарнизонов жалование могло обеспечить прожиточный минимум лишь двух человек (самого служилого и его жены), так что людям «семьянистым» и особенно многодетным на него нельзя было прожить даже при регулярной выплате⁷⁸. Однако с регулярностью выдачи окладов дела обстояли в целом благополучно лишь в 20–60-е гг. XVII в., до финансового кризиса в Московском государстве. В дальнейшем вместо денег служилым людям всё чаще стали раздавать «товары» (главным образом различные ткани⁷⁹), но и таким способом своевременно рассчитаться с жалованными людьми местной администрации удавалось не всегда. К концу столетия хлебное снабжение сибирских гарнизонов также осуществлялось с перебоями: при всех успехах земледелия за Уралом к тому времени там значительно увеличилась общая численность войск, а по мере дальнейшего продвижения России на восток росла и необходимость отправлять всё больше продовольствия в отдалённые регионы⁸⁰. Поэтому поиск дополнительных источников существования стал закономерным явлением в жизни сибирских служилых XVII в.

Для людей семейных (а они в Северо-Западной Сибири уже к концу первой четверти XVII в. составляли большинство личного состава гарнизонов⁸¹) вполне естественным было стремление обзавестись приусадебным хозяйством со всеми его атрибутами — огородом, домашней живностью и т. п. В ограниченных пределах это было осуществимо даже в Нижнем Приобье, например, в Берёзове в 1660-е гг. некоторые служилые не только держали коров, но и разводили их «на племя»⁸². В Сургуте животноводство тоже получило заметное распространение, но, как и в Берёзове, оно носило преимущественно потребительский характер. В таможенных книгах зафиксирована продажа местными служилыми людьми крупного рогатого скота и лошадей. Например, в 1674/75 г. в таких сделках участвовали 24 казака и 1 пушкарь. Продавали также говядину — в том же году в её продаже на сургутском рынке участвовали 22 казака, казачий сын и вдова⁸³. По оценке крупнейшего специалиста по истории сибирских «торгов и промыслов» О. Н. Вилкова, «по сравнению со скотскими рынками Тары, Туринска, Тобольска, Тюмени, Томска и Верхотурья скотский рынок Сургута был мизерный»⁸⁴, что подтверждает потребительский характер животноводства в регионе.

О наличии домашнего скота у пелымских служилых ясно свидетельствует уже первая дзорная книга их уезда. Согласно ей, большинство представителей местного гарнизона

---

⁷⁸ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 137–139.

⁷⁹ Об их ассортименте и стоимости можно судить по следующей записи в «раздаточной книге жалования» Берёзова за 1666/67 г.: «И всего в нынешнем во 175-м году берёзовским служилым человеком и ружником и оброчником великих государей жалования на Берёзове дано: 274 аршина без чети камок – 206 рублей 31 алтын 4 денги; 36 аршин без чети сукна кармазинного – 64 рубли 11 алтын 4 денги; 221 аршин с верхком сукон аглинских – 188 рублей 19 алтын 2 денги; 15 половинок сукон анбургских – 150 рублей, 10 половинок лятчины – 8 рублей, 5 косяков бумазее – 10 рублей, 73 кумача – 116 рублей 26 алтын 4 денги. Всего на 776 рублей 22 алтына 4 денги» (РГАДА. Ф. 214. Кн. 542. Л. 119). Это был далеко не худший вариант замены денег. В 1700 г. берёзовским служилым в счёт жалования раздавали «ветхие дощаники» (Оглоблин Н. Бытовые черты начала XVIII века // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1904. Кн. 1. Смесь. С. 1).

⁸⁰ См.: Никитин Н.И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 51–70.

⁸¹ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 138; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири. С. 316–317.

⁸² Леонтьев В. М. Торговля Берёзова в XVII веке, или Русские в Сибири. Новосибирск, 1995. С. 179.

⁸³ Вилков О. Н. Город Сургут и его торговля в XVII в. Препринт. Новосибирск, 1997. С. 51–54.

⁸⁴ Там же. С. 53.

(55 человек из 80), включая троих детей боярских, пятерых служилых «литовского списка» и двоих пушкарей, имели покосы⁸⁵. В Пелымском уезде, несмотря на его «худые» (по оценке переписчиков) земли, можно было заниматься и хлебопашеством. И если в 1625 г. у служилых свою запашку (5 десятин «в поле, а в дву потому ж») имело лишь одно хозяйство стрельцов Рожиных, то в середине столетия, как показала составленная в 1658 г. «роспись», пашню завели уже 38 служилых, т. е. почти 60 % личного состава гарнизона. Её размеры составляли от 0,3 до 6,7 десятин «в поле», и в половине хозяйств она колебалась в пределах от 1 до 2,7 десятин «в поле». В этом отношении пелымские служилые, конечно, уступали «своей братье» из большинства «пашенных» городов Тобольского разряда. Так, в Верхотурском уезде самая распространённая запашка у служилых была 6 десятин «в поле», в Тобольском — от 2,5 до 3 десятин, в Тюменском — от 2 до 2,5, и лишь в Туринском и Тарском она приближалась к пелымской «норме» (1–1,5 десятин). И это при том, что тобольские земли обычно оценивались как «средние», а верхотурские, тюменские и тарские — как «добрые».

Ещё существеннее было различие в обеспечении служилых покосами. В 1620-е гг. у пелымских служилых самый распространённый надел определялся в 20–30 копен, тогда как у тобольских — в 100–150, у тюменских — в 40, у тарских — в 80–100. Тем не менее к концу столетия сельским хозяйством в Пелыме активно занимались 27 служилых (около 40 % личного состава гарнизона), из которых 8 по этой причине полностью лишились хлебного жалованья⁸⁶.

Помимо земледелия и скотоводства, предприимчивые представители служилого мира не упускали возможностей подзаработать, вступая в разного рода сделки с местной администрацией. Вот, например, характерные записи в одной из сургутских приходо-расходных книг 1636/37 г.: «У служилого человека у Офоньки Иванова куплен ларец в съезжую избу на государевы дела, дано три алтына две денги»; «у служилого человека у Насонка Александрова куплено полшеста безмена сала говяжьего в съезжую избу на свечи, дано двенадцать алтын четыре денги»; «у служилого человека у Ортюшки Игнатьева куплен мот светилен на свечи, дано ему шесть денег» и т. д.⁸⁷. В «свечном промысле» Сургута заметными фигурами в это время были казачьи жёны. Например, одна из них (Татьяна Леонтьева) продавала в съезжую избу на свечи говяжье сало, другая (Алёна Торопчаниха) — готовые восковые свечи и свечильни⁸⁸.

Некоторые казаки подрабатывали бочарным «промыслом» (так, некий Девятко Степанов «починивал на государеве погребе бочки, обручи набивал»⁸⁹), а также плотницким и столярным ремеслом. Им доводилось как ремонтировать, так и строить «казённые суды» (казачья артель во главе с Иваном Рыбкиным построила в Сургуте в 1624 г. три «лоды» за 21 рубль)⁹⁰. Даже такое, казалось бы, заурядное событие, как устройство в городе казённой бани, давало возможность некоторым казачьим семьям заработать немного денег, а местной администрации выявить мастеровых, и просто «деловых» людей. Одни служилые (четыре человека, включая упомянутого Девятку Степанова) нанялись в 1637 г. построить к этой бане колодезный сруб, другой (Иван Кривоног) «делал у государевы бани водоливной желоб», третий

⁸⁵ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 245.

⁸⁶ Там же. С. 148, 165, 245–247.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 966. Л. 161–162 об.

⁸⁸ Там же. Л. 162 об., 164, 165 об.–169, 173.

⁸⁹ Там же. Л. 164 об.–165, 169 об.

⁹⁰ Там же. Кн. 966. Л. 172 об.; Оп. 3. Стб. 1672. Л. 232.

(Пятко Яковлев) тогда же изготовил для «государевой бани» 10 шаек; девять служилых и четверо промышленных людей продали для неё 3200 веников (в «годовой запас»), а служилый человек Сенька Андреев был «нанят ко государеве бане дрова возить на год», получив по этому найму 8 рублей — намного больше положенного ему на тот же год денежного жалованья⁹¹.

Бюджетом сибирских городов обычно предусматривался расход «на корм» содержащимся в них аманатам (заложникам из аборигенного населения, гарантирующим исправное поступление с их сородичей ясака в «государеву казну»), а также на угощение приезжающих в город с ясаком местных князцов и их свиты. И поскольку в том же Сургуте «на остяцкие расходы» полагались

и «хлебные запасы», некоторые казаки или их жёны нанимались воеводской администрацией на «молотье» ячменя и приготовление солода и круп для потчевания остяков. Не оставались в стороне от такого рода сделок с «казной» и представители «служилой аристократии» города. В частности, стрелецкий и казачий голова Семён Иванов сбыв сургутским властям «житницу большую на государевы хлебные запасы», выручив от этой сделки 4 рубля — сумму, в некотором отношении соответствующую его высокому статусу⁹².

Для большинства же участвовавших в подобных операциях лиц единовременная выручка, как правило, редко превышала один рубль, но в экономически слабо развитых городах, какими являлись Берёзов и Сургут, она, безусловно, была немаловажным подспорьем для части служилых семей, пусть и не слишком значительным. Согласно выявленным источникам, круг лиц, заключавших сделки с воеводской администрацией, весьма ограничен: в неокладных расходах сургутских городов обычно фиксируется выплата денег одним и тем же умельцам. Так, в 1636/37 г. для сургутской «съезжей избы» свечи чаще других поставляла казачья жена Алёна Торопчаниха, плотничал чаще других Девятко Степанов и т. д. Платные услуги администрации Сургута оказывали, конечно, не только служилые люди: из 62 сделок в 1636/37 г. 23 были заключены с торговыми, гулящими и промышленными людьми (в шести случаях социальная принадлежность контрагентов не указывалась). Берёзовская расходная книга того же времени отметила 59 казённых заказов, из которых 29 были выполнены представителями служилого населения. Эти данные, разумеется, являются отражением лишь небольшой части общей картины хозяйственной жизни городов Северо-Западной Сибири XVII столетия, но отражением вполне реальным. Слабое развитие ремёсел в Сургуте и Берёзове — хорошо известный факт⁹³.

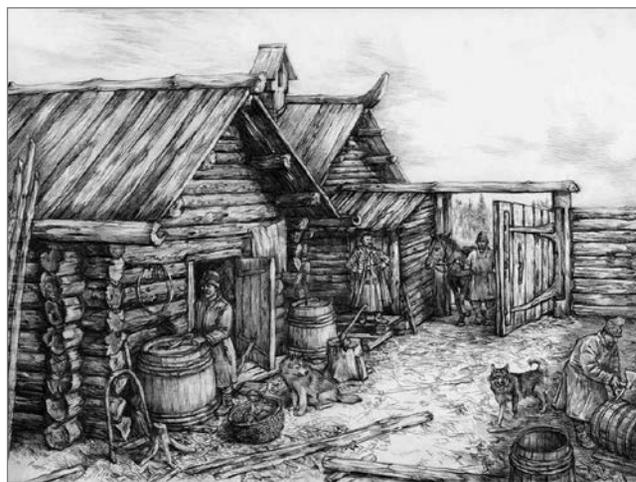

Рис. 2.34. Во дворе Берёзовской усадьбы XVII в.
Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С.46

⁹¹ Там же. Кн. 966, л. 165, 171 об., 172 об., 175.

⁹² Там же. л. 162, 163, 166, 174.

⁹³ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 82.

Рис. 2.35. Инструменты для домашних ремёсел жителей Берёзовского городища: шилья (1–9), точильные бруски (10–14). XVII в. Из раскопок Берёзовского городища 2018 г. // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 91

В тех условиях гораздо больший «хабар» служилым людям региона сулила эксплуатация его природных ресурсов, а также часто связанная с ней торговля. Последней сферы хозяйственной деятельности мы уже касались выше, но надо отметить, что она занимала важнейшее место в жизни приборных служилых Московского государства: во время служебных поездок они могли закупать различные товары в одном месте и перепродавать в другом, чем широко пользовались как в европейской, так и в азиатской частях страны, тем более что обычно имели право торговать на сумму до рубля «бестаможенно и беспошлинно», а в Сибири для них существовал ещё ряд льгот. Эти привилегии, несмотря на непостоянство и различный характер в отдельных городах в разное время, за Уралом были обычным явлением. Некоторые из них существовали временно, другие имели силу только на территории «своих» уездов, третьи распространялись лишь на некоторые виды товаров. Во второй половине XVII в. часть льгот была унифицирована и приведена к единообразию. Так, в частности, все сибирские служилые получили право беспошлинно провозить «на Русь» и обратно товары

на сумму до 50 рублей, а в конце столетия вышло постановление «недонимать» при въезде в Сибирь и выезде из неё с дальних городов служилых людей, имеющих товары, по 2 рубля, а с «ближних городов служилых» — по 1,5 рубля⁹⁴.

Местной администрацией эти льготы не всегда принимались во внимание, но они всё равно не могли не стимулировать занятие служилых людей торговлей, пусть существенно обогатиться благодаря ей удавалось немногим. Дело в том, что поездки «со всякого великого государя дела» в изобилующие товарами регионы (особенно в Москву) у основной массы служилых были довольно редки, да и средств для закупки больших партий товаров у них, естественно, не было, поэтому типичными для казаков и стрельцов были мелкие торговые операции⁹⁵.

⁹⁴ Полное собрание законов Российской империи. 1689–1699 гг. СПб., 1830. Собр. 1. Т. 3. № 1594. С. 546; Бобровский П. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. М., 1882. С. 31; Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 339–340; Вилков О. Н. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 12–13.

⁹⁵ Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. С. 133.

Однако и они являлись ценным подспорьем в хозяйстве многих служилых людей Сибири, что находит соответствующее отражение в наших источниках⁹⁶. Прежде всего, в них фиксируется участие казаков и стрельцов в различных операциях с пушниной либо «своего промысла», либо — выменянной на различные «товары» у аборигенного населения. Это было вполне естественным, т. к. трудно представить, чтобы, находясь в краю, привлекавшем тогда к себе русских в первую очередь своими пушными богатствами, служилые люди не занимались бы добычей, скупкой и перепродажей мехов.

Торговля служилых «мягкою рухлядью», начавшаяся сразу же после присоединения Сибири, не могла не наносить ущерб ясачному сбору, что вызывало вполне понятную тревогу центральных властей. Уже в 1600 г. в царской грамоте пелымскому воеводе предписывалось следить, чтобы отправлявшиеся за ясаком служилые с собой «товаров никаких не возили и с ясачными людьми не торговали, и нашего ясаку не обменяли, лутчих соболей и куниц, и лисиц, и бобров, и белки, и горностаев себе не имали, а своих худых... не клали»⁹⁷. В начале XVII в. правительство попыталось даже вовсе запретить служилым людям торговать мехами, но из-за практической нереализуемости таких планов перешло лишь к ограничению торговли и, в частности, не разрешало служилым покупать у «иноземцев» меха «на себя» до сбора ясака.

Запреты эти, конечно, постоянно нарушались, из-за чего власти были вынуждены ужесточить контроль, так что даже простой провоз пушнины становился в Сибири рискованным делом: лишь конфискацией у служилых «мягкой рухляди» по обвинению в нарушении закона о её приобретении дело могло не ограничиться. Так, группе берёзовских и тобольских служилых, вернувшихся в 1631/32 г. с Лены, была на несколько лет приостановлена выплата жалованья лишь на основании ложного (как выяснилось позже) доноса о незаконной добыче ими «мягкой рухляди»⁹⁸.

Однако и легальное приобретение пушнины не гарантировало служилым людям её неприкосновенность. Сложность системы взимания пошлин в Московском государстве, непостоянство торговых ограничений и привилегий в сочетании с произволом и злоупотреблениями должностных лиц приводили к конфликтными ситуациями, разбираться с которыми нередко приходилось в самой Москве. Так это случилось, например, с берёзовским казаком Иваном Фофановым. Он вёз «на Русь» в 1635 г. шкурки 2 лисиц, 23 бобров, горностаевую и белчию шубы и другую «мягкую рухлядь», и хотя вся она была у него записана в «проезжей грамоте» с уплатой соответствующей пошлыны, самая дорогая часть этой пушнины — лисицы (оценённые в 20 рублей) на Обдорской заставе «взяты были на государя»⁹⁹. В приказе Казанского дворца конфликт разрешился в пользу Фофанова, но ясно, что далеко не всегда в подобных ситуациях можно было надеяться на их благоприятный исход.

Тем не менее, в силу постоянного спроса и относительно высоких цен на меха, пушной промысел и пушная торговля были и для служилых Северо-Западной Сибири весьма выгодным занятием, и потому при всех связанных с ним рисках, несмотря на то, что пушные богатства края постепенно уменьшались, а административный контроль за оборотом «мягкой рухля-

⁹⁶ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 178.

⁹⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. Прилож. № 39. С. 390.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 37. Л. 443.

⁹⁹ Там же. Стб. 68. Л. 8–11.

ди» усиливался, служилые люди находили много способов разжиться пушниной, в том числе и при сборе ясака.

В частности, широкое распространение, наряду с обменом мехов на взятые с собой «товары», получила практика сбора с ясачных людей пушнины в счёт долгов. Показателен один из доносов на сургутского воеводу Никиту Пушкина. Как сообщалось, в 1626 г. он не только смотрел сквозь пальцы на торговлю ясачных сборщиков с аборигенами, но и «отпускал» служилых в «есачные волости для долгов... до приходу в Сургут... есачных людей с... есачною и поминочною соболиною казною». Когда же «иноземцы» появлялись в городе, то служилые люди «по Микитину велению» также брали с них «за свои долги соболи и бобры, и всякою мягкою рухледь»¹⁰⁰.

В 1634 г. аналогичная картина раскрылась в Пелыме с той лишь разницей, что воевода своим подчинённым не покровительствовал, а, наоборот, рассорившись с ними, известил государя о том, что они во время ясачного сбора «торгуют торги, и збирают свои долги... и задолжали все волости»¹⁰¹.

Полнее всего пушная торговля служилых находит отражение в документах таможенного управления Сибирью. Например, в десятичной книге Мангазеи 1628/29 г. упоминается берёзовский казак Семён Гаврилов Кокоулин, представивший 4 соболей, оценённых в 2,5 рубля, а таможенная соболия книга того же города за 1626/27 г. открывается записью, из коей следует, что восемь берёзовских служилых явили 25 соболей, причём в обоих случаях речь шла о пушнине «своего промысла»¹⁰². Таможня Сургута в 1674/75 г. зафиксировала торговые операции с «мягкой рухлядью» у 19 казаков местного гарнизона, явленные ими партии пушнины оценивались в суммы от 0,9 до 16,5 рублей (при самой распространённой — в 5–6 рублей)¹⁰³.

Торговлю служилых людей пушниной фиксируют и приходно-расходные книги, в частности, сургутская за 1636/37 г. В ней (как «неокладные расходы») зарегистрирована покупка «на государя» за 14 рублей шкурки чернобурой лисицы «июня в 20 день у служилых людей, у Нехорошка Анфилофьева, у Оски Кушникова, у Малашка Кузмина, у Кудашка Федорова»¹⁰⁴ (видимо, это была промысловая артель смешанного, «межгарнизонного» состава: первый из продавцов известен как сургутский стрелецкий десятник, а второй — как нарымский служилый)¹⁰⁵.

В той же книге неоднократно отмечается покупка у сургутских казаков осетрины, стерляди и щук «в государев погреб на корм остякам»¹⁰⁶, поэтому затронем, пожалуй, самую важную сторону хозяйственной деятельности служилых людей Северо-Западной Сибири — «рыбный промысел». Без него вообще трудно себе представить жизнь в этом крае, учитывая его рыбные ресурсы, поражавшие сторонних наблюдателей своим разнообразием и богатством, и само место рыбы в структуре питания русского человека того времени, особенно

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 8. Л. 175–176, 180.

¹⁰¹ Там же. Стб. 42. Л. 43–45.

¹⁰² Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1897. Ч. 2. С. 29, 42.

¹⁰³ Вилков О. Н. Город Сургут и его торговля в XVII в. С. 41–49.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 966. Л. 171.

¹⁰⁵ Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века : биобиблиографический словарь. С. 37, 485.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 966. Л. 164 об., 168, 170 об., 171 об.

в случаях «бесхлебья», типичных для ранних этапов освоения зауральской территории.

Уже первые переписи сибирских земель фиксируют занятие служилых людей рыболовным промыслом. В их числе и пелымская дозорная книга, в которой записано: «На Пелыми ж служивые и всякие жилецкие люди, и вогуличи на Тавде реке и по Пелымке... и по озерам ловят рыбу безоброчна...»¹⁰⁷. Промысел этот нередко приобретал товарный характер, поэтому во многих сибирских городах существовали рыбные рынки. Имелся такой и в Сургуте, и господствовали на нём, конечно, местные служилые, правда рынок этот был небольшим. Как следует из данных сургутской таможенной книги 1674/75 г., в продаже рыбы участвовало всего 26 человек, из которых 25 являлись сургутскими казаками, а рыбы было сбыто на сумму 9 рублей 80 копеек¹⁰⁸. Для сравнения: в Тобольске в 1670/71 г. было продано рыбы на 233 рубля, в Верхотурье в 1671/72 г. — на 790, в Тюмени в 1672/73 г. — на 65¹⁰⁹. В связи с этим нелишне вспомнить, что общая численность сургутского гарнизона того времени была около 180 человек, т. е. основная масса служилого населения города рыбой не торговала, а добывала её лишь «про свой обиход».

За Уралом в XVII в. главными скупщиками рыбы являлись промысловые ватаги, запасавшиеся перед охотничьим сезоном солёной и сушёной рыбой для себя и своих собак, поэтому в Берёзове, находившемся в ещё большей, чем Сургут, удалённости от мест концентрации приезжего люда, условий для развития товарного рыболовства было ещё меньше. У нас нет оснований подвергать сомнению слова берёзовских казаков, сообщавших в одной из челобитных, что рыбу они добывают «про себя», а не «в продажу»¹¹⁰.

В большинстве своём служилые люди северо-запада Сибири, кроме рыбной ловли «про свой обиход» и приусадебного хозяйства, рассчитанного на личное потребление, не могли найти устойчивых источников дополнительного к жалованью дохода. Показательно, что когда в сибирских городах производился сбор с населения «десятой деньги» с «торгов и промыслов», в Сургуте, ввиду отсутствия среди служилых сколько-нибудь заметных торговцев и ремесленников, десятипроцентный налог в 1703 г. собирался «с пожитков», весьма

Рис. 2.36. Кожанный чехол для карабина. XVII в. Общая длина 94 см. Из раскопок Берёзовского городища 2018 г. // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 71

¹⁰⁷ Там же. Кн. 5. Л. 278.

¹⁰⁸ Вилков О. Н. Город Сургут и его торговля в XVII в. С. 50.

¹⁰⁹ Там же. С. 51.

¹¹⁰ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 51.

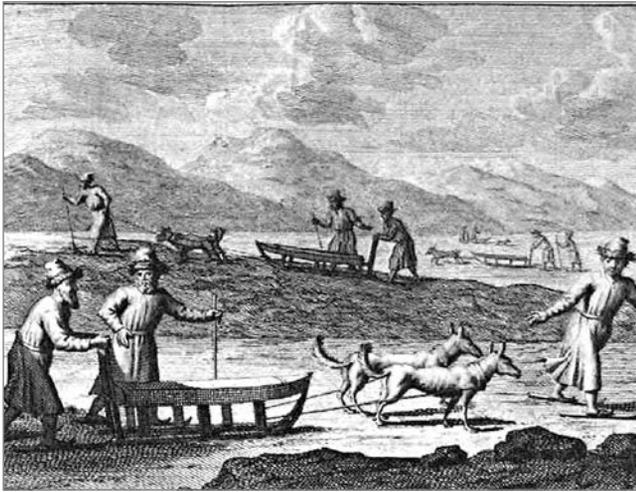

Рис. 2.37. Н. Витсен. Передвижение русских на собачьих упряжках. Ил. из кн.: Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии / пер. с голландского В. Г. Трисман. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С.144.

их городов, но и далёкие от экономической сферы факторы, которые действовали в Сибири как в XVII в., так и столетия спустя. Примечательны в этом отношении два, казалось бы, противоречащих друг другу высказывания одного и того же автора, относящиеся к первой половине XIX в. Ю. А. Гагемейстер, высокопоставленный и высокообразованный чиновник, сотрудник Русского географического общества, основываясь на личных наблюдениях, отметил, что из городских казаков Сибири «осанкою и расторопностью отличаются перед всеми берёзовские и сургутские, закаленные с малолетства трудами, переносимыми при ловле зверей и рыбы». Там же, однако, он писал, что «служба их была столь утомительна, наряды повторялись так часто, что у них не оставалось времени для хозяйственных занятий. Оттого положение их было большею частью крайне стеснительное»¹¹². Эти высказывания можно считать отражающими реальное положение сибирского казачества в течение почти трёх столетий с той лишь поправкой, что в XVII в. круг обязанностей служилого человека казака был шире, а жизнь — опаснее, чем в XVIII–XIX вв.

Помимо «беспрестанных» караулов в городе (на башнях, у «государева погреба» и других казённых зданий), ясачного сбора в уездах, на казаках и стрельцах лежало множество «розсылок» и дальних «отъезжих служб». Несмотря на свое «украинное» положение и малочисленность, служилые люди Пельма, Берёзова и Сургута были широко вовлечены в жизнь не только Сибири, но и всей страны. В первой половине XVII в. они участвовали в основании старейших сибирских городов (Томска, Енисейска и др.) и в военно-разведывательных экспедициях далеко за пределами своих уездов. Во второй половине XVII в. особое место в ратных делах сургутского гарнизона (как и других гарнизонов Сибири) заняло Приамурье. Судя по сургутскому «разбору» 1689 г., минимальный срок «даурской службы» равнялся 2 годам, максимальный — 8. Близкая по продолжительности ей в то время была только «годо-

к тому же незначительных по размерам. По нашим подсчётам, из 113 занесённых в сборную книгу служилых лишь у одного «пожитки» были оценены в 10 рублей, у шести — в 4–5 рублей, а у подавляющего большинства они оценивались на сумму от рубля и ниже¹¹¹.

Тем не менее хозяйственной деятельности служилых людей Северо-Западной Сибири надо отдать должное. Обживая и обустривая различными путями и способами территорию Югры, они делали её всё более пригодной для жизни человека и всё прочнее связывали этот край с остальной Россией.

Широкому и активному вовлечению служилых людей в торги и промыслы мешало, конечно, не только экономически неблагоприятное расположение

¹¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1326. Л. 509–520 об.

¹¹² Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 2. С. 73, 83.

вая служба» в Красноярске, нередко длившаяся 5–6 лет. На сургутском гарнизоне лежали, разумеется, и другие «дальние службы» продолжительностью по году и более — в Кетск, Нарым, Туруханск, Тару, Томск, Кузнецк, Енисейск, Якутск... Это не считая поездок в Москву с «ясачной казной», которые носили характер поощрения и были явно не в тягость служилым людям, несмотря на большую ответственность за сохранность перевозимого груза и все трудности дальнего пути.

Это далеко не полный перечень служб, выполняемых сибирскими казаками и стрельцами. Местная администрация часто использовала их не только как военную и полицейскую, но и как рабочую силу. Приходилось на казённые нужды ловить рыбу, «щипать» хмель, строить различные административные здания, суда, производить их разгрузку и погрузку, не говоря уже о таких общих для всех категорий сибирского населения повинностях, как «городовое дело» (сооружение и восстановление городских укреплений)¹¹³.

Ясно, что при такой загруженности издавна сложившийся в гарнизонах Московского государства порядок исполнения «служб», дававший возможность приборным людям не только чередовать длительные и тяжелые «службы» с относительно лёгкими, но на некоторое время и совсем освобождаться от поручений, за Уралом из-за «малолюдства» соблюдался плохо: жалобы казаков и стрельцов на «посылки не в очередь» являлись одними из самых распространённых в Сибири¹¹⁴. Прибегать к найму при всей распространённости такой практики в служилой среде мог себе позволить лишь довольно узкий круг состоятельных лиц, таких, например, как уже упоминавшиеся пелымские стрельцы Рожины (наиболее влиятельный представитель этого клана — Пятой — с помощью найма избегал посылок «в Дауры» по меньшей мере дважды¹¹⁵).

Показательна ситуация, сложившаяся в середине XVII в. с таможенной службой в том же Пелыме. Назначенный туда воеводой В. Паламошный оказался неграмотен, и ему «для письма» в таможеню был придан стрелец Василий Путилов, однако тот, несмотря на освобождение в этой связи от «отъезжих служб», выполнять новые обязанности не мог, и таможенные дела в городе «стали». В. Паламошный жаловался «государю», что «пелымские... служилые люди, стрелецкий пятидесятник Пятунка Рожин с товарищи, тово Васку заставили службы служить, и караулы караулить, и всякие изделия делать... и в том денежному збору поруха чинитца большая, потому что записать... пошлины некому, а подьячево Васку Путилова по всякой день... посылают на караулы, и на городовые службы, и на твои государевы изделия». С челобитной к государю обратился и сам Путилов. Он писал, что «по две службы служить... невозможно», да и жалованье ему, как выяснилось, шло лишь одно — прежний стрелецкий оклад¹¹⁶.

В западносибирских гарнизонах вообще встречалось немало служилых, которым в силу каких-то специфических навыков и качеств приходилось нести ряд нагрузок без дополнительного вознаграждения. И если в южнее расположенных городах таковыми могли стать казаки и стрельцы, знающие татарский язык или пути в калмыцкие кочевья, то, например,

¹¹³ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 87.

¹¹⁴ Там же. С. 98–99.

¹¹⁵ В одном случае наёмщиком П. Рожина назван Т. Яковлев, в другом — В. Вискулов (РГАДА. Ф. 214. Кн. 27. Л. 66; Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века : библиографический словарь. С. 749).

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1402. Л. 404–406.

в Берёзове на особой заметке властей были служилые, которым был «за обычай» морской ход в Мангазею, — для регулярной транспортировки туда судов с хлебными запасами¹¹⁷.

Степень индивидуальной загрузки «службами» проиллюстрируем показаниями двух ветеранов сургутского гарнизона во время «разбора» 1689 г. Оба к моменту опроса были уже в очень преклонном возрасте. Семидесятипятилетний рядовой Петрушка Акинфеев был вёрстан в Сургуте при воеводе Борисе Кокореве и служил пятьдесят лет: «был в посылках на службах на Таре на годовой, в Даурах три года, а соляные ямышевские и енисейские, и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с своею братьею с служилыми людьми». Другой — восьмидесятитрёхлетний десятник Сенка Плотник «В службу верстан при воеводе при Андрее Измайлове и служит пятьдесят лет, и был в посылках на службе в Даурах пять лет, в Томску на годовой, а соляные ямышевские и иные всякие посылки и городовые службы служит в ряд с служилыми людьми»¹¹⁸.

Читая такие документы, начинаешь по-новому оценивать вклад служилых людей в хозяйственную жизнь региона. Удивляться приходится уже тому, что они вообще в ней участвовали...

Одним из традиционных для нашей историографии является вопрос о взаимоотношениях между служилыми людьми и коренными жителями Сибири. Освещается он, как правило, подробно, но слишком односторонне, с опорой на источники, отражающие лишь конфронтационную и негативную сторону этих взаимоотношений. Так, одна из самых распространённых тем — злоупотребления ясачных сборщиков и «проезжих людей», чинивших в селениях аборигенов грабежи, всякие «обиды», «изгони» и «насильства»¹¹⁹. Численное преобладание в приказной документации материалов, указывающих на такого рода беззакония, вполне естественно. В их основе обычно лежали соответствующие челобитья «ясачных иноземцев» — трудно представить, чтобы в своих посланиях они извещали «великого государя» не о совершённых в отношении них преступлениях, а о том, что всё в их жизни благополучно. Жалобы-челобитные обычно порождались в результате острых конфликтов между русскими и аборигенами, поэтому судить лишь по ним о характере взаимоотношений в корне неверно.

Кроме того, хорошо известно, что в документах такого рода часто допускались преувеличения, призванные усилить эмоциональное воздействие на адресата, и далеко не всегда подтверждаемые последующими расследованиями. Характерный пример этому — история с упоминавшейся выше жалобой пелымского воеводы Евдокима Баскакова, обвинившего в 1634 г. своих подчинённых в том, что они, торгуя с ясачными людьми, опутали их непомерными долгами, и, чтобы погасить эти задолженности, местные вогулы «на служилых людей всякую работу работают: и дрова секут и возят, и мелют, и воду носят, и летом сено косят, и пащут, и рыбу ловят». По словам Баскакова, закабалившие вогулов служилые требо-

---

¹¹⁷ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 94.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 931. Л. 6 об., 39 об.-40.

¹¹⁹ Там же. Оп. 3. Стб. 8. Л. 145-148; Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 433; Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1900. Ч. 3. С. 218; Шунков В. И. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. М., 1930. Кн. 3-4. С. 192; Обдорский край и Мангазея в XVII веке: сб. документов. Екатеринбург, 2004. С. 50-51; Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири. С. 406.

вали, чтобы он «правил долги» на приезжавших в город вогулах «жестоким правежом» (что, заметим, категорически запрещалось верховной властью и создавало местной администрации массу проблем¹²⁰), а его отказ в этом и вызвал «невежество» и «непослушанье» служилых людей¹²¹.

Но, как показал «сыск», долги пелымских вогулов были слишком незначительны, чтобы привести к такому закабалению. Из четверых упоминавшихся по этому делу служилых одному вогулы задолжали 10 «хвостов собольих», а другому 20, третьему — «лосиную кожу», а четвёртый «бил челом» воеводе на одного из вогулов «в заемном соболе». Других долгов, по свидетельству служилых, у них «на вагуличах» не было. Что же касается выполняемой вогулами «работы», то близким к истине является, очевидно, следующее показание: «А подгородных волостей вагуличи, которые бедны, и те... на Пелым приходя, у них, у служилых людей, всякую работу работают, наймутца, а за свою работу емлют у них наем»¹²².

В связи с русско-аборигенной торговлей нельзя также пройти мимо такого неоспоримого факта, что в Сибири она не только носила взаимовыгодный характер, но при всех «издержках» была жизненно необходима, прежде всего, коренному населению. К тому времени ясачные люди уже не могли обходиться без «русских» товаров и порой прямо об этом сообщали в своих челобитных¹²³.

При оценке отношения служилых людей к сибирским «иноземцам» нельзя не учитывать общее направление демографической политики Московского государства на восточной окраине страны, определяемое в нашей историографии как «политика прагматического патернализма». Дорожа коренным населением Сибири как потенциальным и реальным налогоплательщиком и, прежде всего, поставщиком драгоценной «мягкой рухляди», Москва предписывала приводить «иноземцев» в своё подданство не «жесточью», а «ласкою и приветом», а в случае сопротивления «усмирять» «непослушников» по возможности «небольшим разорением», «слегка». Даже при восстаниях ясачных людей власть крайне неохотно шла на карательные действия, предпочитая путём переговоров склонять «изменников» к признанию своих «вин» и возобновлению уплаты ясака. Служилым категорически запрещалось «пустошить» промысловые угодья «иноземцев», а для уличённых в чинимых им «обидах» и притеснениях вполне реальным было «жестокое наказание» — кнут, тюремное заключение, конфискация имущества и ссылка в дальние гарнизоны¹²⁴.

---

¹²⁰ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 326.

¹²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 42. Л. 43–45.

¹²² В ходе следствия выяснилась и причина вражды между воеводой и его подчинёнными. Оказалось, что он сам был причастен к торговле с аборигенами и опасался конкуренции. Как сообщили служилые люди, «ему де Овдокиму, и сыну его... и жене... на тех вагуличах и своего взять много: ...прежде де государева ясаку полнит он, Овдоким, свои мешки мяккою рухлядью». Со своей стороны, пелымские стрельцы были недовольны переводом части их гарнизона в Верхотурье и меж собой, по утверждению воеводы, говорили: «Он де, Евдоким, разлучил нас с отцы и с матери, и з братьями, и с сестрами, мы де ево самово разорим» (Там же. Л. 474–477).

¹²³ Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 144–145.

¹²⁴ Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 2. С. 79; Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 276, 283, 287; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 57–58; Степанов Н. Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 115; Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Кам-

Примечательно одно из проявлений этой патерналистской политики на территории Сургутского уезда. Когда в Москве стало известно о непотребном поведении «проезжих людей», которые чинили «обиды» исполнявшим ямскую повинность остякам, последовал указ: «Посылати... с теми проезжими людьми атаманов и пятидесятников, чтобы их, ясашных людей, проезжие люди не били и не грабили, и тесноты и налоги некоторые не делали...»¹²⁵.

Конечно, было бы наивным полагать, что все эти предписания неукоснительно исполнялись, а меры, направленные на защиту коренного населения Сибири, всегда были эффективны. Однако сдерживающим фактором они, несомненно, являлись: как люди «государевы» сибирские служилые не могли не считаться с исходящими от верховной власти указаниями. В этой связи становятся понятными оговорки стрельцов и казаков, которые, сообщая «великому государю» о количестве «мужиков», убитых ими при столкновениях с «воровской самоядью», добавляли (как бы в свое оправдание): «потому что живыми было взять не мощно»¹²⁶. Понятным становится и то, почему лучшие промысловые угодья в Берёзовском и Сургутском уездах принадлежали аборигенам, и, несмотря на недовольство русских жителей, такой порядок сохранялся в течение столетий¹²⁷.

Представляет интерес и отношение местных властей к аманатам. Некоторые историки утверждают, что с аманатами «русские особо... не церемонились, мало заботясь об их выживании»¹²⁸. Однако это мнение противоречит массе документальных материалов, давно введённых в научный оборот. Бесспорно, конфликты между сибирскими служилыми и аманатами случались, но всё же стремление во что бы то ни стало сохранить заложников живыми и здоровыми преобладало: от их благополучия напрямую зависел ясачный сбор. Так, распространены были в Сибири XVII в. ситуации, когда казаки сами из-за нехватки «съестного припаса» голодали, но аманатов кормили исправно. Практиковалась также с согласия сородичей замена «старых» аманатов (чтобы они в неволе не «заскорбели») на «новых»¹²⁹.

Северо-Западная Сибирь и здесь не являлась исключением, и об отношении местных властей к аманатам можно судить хотя бы по «отпискам» в Москву берёзовского воеводы Я. Н. Лихарева. В 1652 г. он сообщал государю, что «омонацково ... двора на Берёзове городе нет, а в тюрьме им, самояди, в оманатех сидеть добре скучно и нужно: тюрьмишко худая, нужная... И я... тех аманатов ныне велел держать за приставы у детей боярских и у атаманов, и у казаков помесечно и понеделньо, чтоб им было не скучно и не нужно и чтоб их не остращать и не ожесточить... А корм им велел учинить... ис твоей государевой казны и велел их

чатки. М., 1997. С. 50; Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2003. С. 219; Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины. С. 14. URL: <http://www.balto-slavica.com/forum/index.php?showtopic=825417.05.2011>.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 8. Л. 146. См. также: Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 3. С. 218.

¹²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1402. Л. 458, 522.

¹²⁷ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 51–52.

¹²⁸ Зуев А. С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII–XVIII веках: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 95.

¹²⁹ Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953. С. 280–281; Никитин Н. И. Землепроходец Семён Дежнёв и его время. М., 1998. С. 37, 50–51, 114, 126.

поить и кормить довольно, чтоб те аманаты... ничем твоею государевою милостию скудны не были»¹³⁰.

В силу своей специфики, приказная документация менее всего была нацелена на фиксирование обыденного, и, в частности, мирных, отношений между людьми. Несмотря на это, и при её изучении порой выявляются весьма красноречивые факты, свидетельствующие о довольно быстром налаживании за Уралом между переселенцами и аборигенами дружественных отношений. Выяснялось, что в Западной Сибири у русских среди «иноземцев» уже в первой половине XVII в. появились «старые друзья и знакомцы», которые помогали им перевозить грузы и обходить, если нужно, «государевы заставы», указывали на соляные ключи и руды, что ясачные люди часто ходили к русским в гости и предупреждали их о готовящихся нападениях¹³¹.

Случалось, что «иноземцы» спасали служилых людей от неминуемой смерти, как это было, например, с группой попавших в беду берёзовских казаков, которых «нашли на тундре кунная самоядь... нагих и голодных и вывезли их в Носовой городок только еле живых»¹³². Несмотря на то что русско-ненецкие отношения в течение всего XVII в. были в основном конфронтационными, некоторые служилые заводили «знакомцев» и среди «самоедов», знали их язык и даже женились на представительницах этого народа¹³³. И, конечно, ещё чаще мирные контакты между служилым и аборигенным населением наблюдались в более «спокойных» районах Нижнего Приобья, где Н. А. Миненко тоже отмечает знание русскими местных языков, «дружество, приобретаемое вином и подарками»¹³⁴.

Здесь, несомненно, сыграли свою роль особенности русского национального характера, свойственная ему комплиментарность. Ещё дореволюционные историки и классик советского сибиреведения С. В. Бахрушин обратили внимание на то, что «духом нетерпимости по отношению к инородцам русские переселенцы в Сибири никогда не были проникнуты», что «они смотрят на вогула, самоеда, остяка и татарина прежде всего как на человека и только с этой стороны определяют к ним свои жизненные отношения»¹³⁵. «Русский человек легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем умеет ужиться со всякою народностию», — подвёл итог своим наблюдениям П. Н. Буцинский¹³⁶.

Действительно, в Сибири со всей полнотой раскрылась такая особенность русского национального характера, как удивительная способность уживаться с людьми разной этнической принадлежности без свойственного западноевропейским колонистам высокомерного, пренебрежительного отношения к аборигенному населению осваиваемых территорий¹³⁷.

---

¹³⁰ Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 36–37.

¹³¹ Там же. С. 12; Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. С. 332–334.

¹³² Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 12.

¹³³ Там же. С. 18–19.

¹³⁴ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 71.

¹³⁵ Замысловский Е. Занятие русскими Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Октябрь. С. 232; Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. С. 245; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 246, 271.

¹³⁶ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. С. 334–335.

¹³⁷ Лурье С. В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры. Научный альманах. М., 1995. Вып. 2. С. 256, 257, 260, 268.

Так что вряд ли сильно приукрашивали деятельность своих предков сургутские казаки, когда в 1805 г. в исторической справке о гарнизоне Сургута отметили их умение приводить «в спокойствие» ясачные народы «ласковостью» — «через знание сургутской команды старшинами и казаками их азиатския разговоры»¹³⁸.

Гарнизоны Северо-Западной Сибири располагали крайне ограниченными людскими и материальными ресурсами, но, тем не менее, поставленные перед ними задачи по освоению и обустройству региона выполняли вполне успешно. Служилые прокладывали пути, связывавшие Югру с остальной Россией, «ставили» города и остроги, обеспечивали в них общественный порядок и безопасность от нападений извне. В меру сил и возможностей включались в хозяйственную жизнь края, устанавливали разносторонние и взаимовыгодные связи с аборигенным населением — словом, делали всё, чтобы территория Югры стала органической частью Российского государства. Но и в освоении других регионов Сибири берёзовские, сургутские и пелымские служилые люди, как показывают приведённые выше «рописи» их служб, принимали заметное участие — либо будучи переведёнными в гарнизоны других городов, либо отправленные в «дальние посылки» из своих.

Несомненно, служилые люди были детьми своего сурового времени, и далеко не все их поступки укладываются в нынешние представления о морали и этике. Однако, как завещал Н. М. Карамзин, мы должны «судить о героях истории по обычаям и нравам их времени»¹³⁹ (т. е. придерживаться принципа историзма), а также помнить, что такие человеческие качества, как отвага, решительность, предприимчивость, любознательность, выносливость, стойкость, мужество и воинская доблесть, ценились и будут цениться всегда, а их сибирские служилые люди проявляли постоянно. Дошедшие до нас имена первопроходцев из гарнизонов Северо-Западной Сибири достойны благодарной памяти и наших современников. Перечислим некоторые из этих имен.

Сын боярский из Пелыма Пётр Албычев. В 1618 г. возглавил военную экспедицию на Енисей, в результате которой был построен острожек на Маковском волоке, а затем и город Енисейск¹⁴⁰.

Берёзовский казак Мартын Васильев. Возглавлял группу берёзовских казаков, которые вместе с тобольскими служилыми в 1630–1631 гг. положили начало присоединению к России ленских земель, успешно продолженному енисейцем Иваном Галкиным (сыном сподвижника Ермака Алексея Галкина, ранее служившего в Берёзове). В 1641 г. Васильев вновь был послан на Лену, где основал в устье реки Куленги острог¹⁴¹.

Берёзовец Юрий Гаврилов, отправившись в 1655 г. рядовым казаком в «Дауры», провёл там 20 лет. За эту службу был произведён в атаманы, поскольку, согласно его челобитной, строил в Забайкалье остроги, бился «не щадя головы своей» с теми «иноземцы, которые... великим государям противны были... и за тем боем ясак с них имал»¹⁴².

---

¹³⁸ Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 154.

¹³⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 томах. М., 1989. Т. 1. С. 122.

¹⁴⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 113.

¹⁴¹ Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 34–35; Очерки истории Югры. С. 198–199; Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: библиографический словарь. С. 144, 195–196.

¹⁴² Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. С. 37.

Легендарной личностью сургутского гарнизона являлся атаман Тугарин Фёдоров, начавший службу в Сибири ещё в 1591 г. Он «ставил» первые сибирские города, в том числе и Сургут, участвовал в походах на Енисей и в «замирении» селькупской Пегой Орды, а «выезжаючи... к Москве... с государевою соболиною казною», был вовлечён в круговорот событий Смутного времени: воевал под Калугой «в полку» князя И. В. Скопина-Шуйского и у Лихвенской засеки под началом стольника В. И. Бутурлина¹⁴³.

Яркой и самобытной личностью был ещё один выходец из Сургута Максим Перфильев. Он участвовал в основании Енисейска, в экспедиции воеводы Я. Хрипунова на Ангару. Став атаманом, выстроил на берегу этой реки первый Братский острог, а также ряд острожков и зимовий в Прибайкалье. Обследовал огромную территорию от Якутска до Нерчинска. Во время несения «государевой службы» Перфильев не раз попадал в тяжелейшие ситуации, едва не стоившие ему жизни, но не ожесточился и не раз выступал по отношению к «иноземцам» в роли «примирителя». Примечательно, что не только в Сургуте, но и под Иркутском вплоть до последнего времени жили потомки этого отважного первопроходца¹⁴⁴.

Кровными узами со служилыми людьми XVII в. связаны вообще многие сибиряки. В том числе столь знаменитые деятели отечественной науки и культуры, как выдающийся учёный-энциклопедист Д. И. Менделеев или художник В. И. Суриков¹⁴⁵. Северо-Западная Сибирь и здесь не явилась исключением. От берёзовских служилых ведется род известного писателя Л. Л. Кокоулина, а от сургутских – знаменитого авиаконструктора А. Н. Туполева¹⁴⁶. Ими тоже по праву может гордиться Югорская земля.

---

¹⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 8. Л. 134–137.

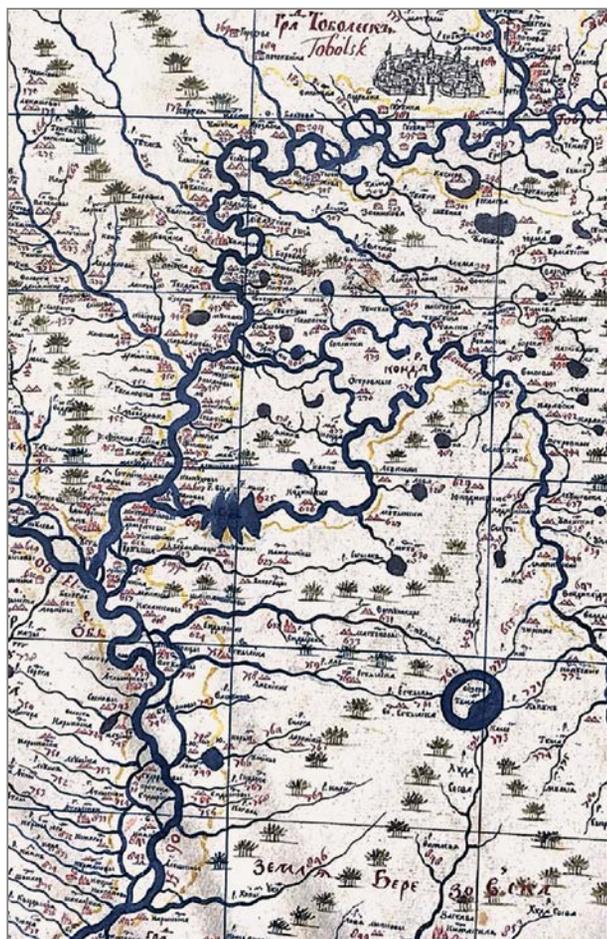
¹⁴⁴ Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 143–145; Очерки истории Югры. С. 199.

¹⁴⁵ Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века: биобиблиографический словарь. С. 554, 812.

¹⁴⁶ См.: Бондарев Е. Сибирские корни авиаконструктора А.Н. Туполева // Отчет Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». 2018. Тобольск, 2019. С. 473–487.

Глава 5

Система правительственной связи: самаровские и демьянские ямщики

Обь-Иртышское междуречье с древности являлось средоточием миграционных потоков. Оживлённой данная местность оставалась и после своего включения в состав Московского государства. С конца XVI в. здесь проходили пути, связывавшие Tobolsk с севером и востоком Сибири. Однако русское постоянное население в низовьях Иртыша и прилегающей части Обского бассейна появилось не сразу¹. Предположительно, о нём можно говорить, начиная с конца 20-х — начала 30-х гг. XVII в., когда были основаны Демьянский и Самаровский ямы. Первый находился в устье Демьянки (совр. с. Демьянское), второй — у Самаровых гор (совр. г. Ханты-Мансийск)². Обе ямские станции заполнялись «охочими людьми», прибранными главным об-

¹ Судя по всему, существовавший в этих местах (на правом берегу Оби напротив устья Берёзовской протоки) в 1585–1594 гг. Обской (Мансуровский) городок русского постоянного населения не имел. Его гарнизон составляли годовальщики — служилые люди, присылаемые на определённый срок из других сибирских городов, см.: Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 623–626.

² Демьянский и Самаровский ямы размещались на землях бывших остяцких Демьянского и Белогорского княжеств, разгромленных в 1583 г. ермаковскими казаками. В русский период здесь сложились Демьянская и Белогорская ямские волости.

Рис. 2.38. С. У. Ремезов. Территория Югры в конце XVII в. Фрагмент чертежа // Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 г. М., 2003. Т. 1

разом в европейской России. Впрочем, этот процесс затянулся, поэтому функционировать ямы стали: Демьянский — с 1635/36 г., Самаровский — с 1636/37 г.³

Появление Демьянского и Самаровского ямов объяснялось заинтересованностью государства в надёжной системе связи. До начала функционирования станций основной объём казённых транспортировок по Нижнему Иртышу и Оби ложился на коренное население. Подводная повинность была изнурительной для татар и остяков. Аборигены гоняли недобросовестно, а порой и вовсе сбегали. Их многочисленные жалобы на тяжесть перевозок ускорили введение ямской гоньбы.

Каждый нижеиртышский ям был устроен на 50 вытей (паев)⁴ и являлся отдельным, удалённым от городов поселением. Демьянская ямская слобода располагалась на севере Тобольского уезда, Самаровская — в западной части Сургутского уезда (до 1668 г.)⁵. При этом оба яма ведались тобольскими воеводами. Служба ямщиков заключалась в почти круглогодичной транспортировке правительственной корреспонденции и грузов, а также следовавших по государственным нуждам лиц. Демьянцы гоняли до Самаровского яма, Тобольска и в ясачные волости (Малую Конду, Колпуховскую, Юкондинскую, до Суботиних юрт)⁶. Самаровцы ездили до Демьянского яма, Сургута, Сухоруковых юрт, в некоторых случаях ещё дальше — до Коды и Берёзова, в «ясачные волости» (Салымскую, Назымскую, Темличееву, Демьянскую)⁷. В «летнее время» перевозки осуществлялись в основном по воде (Иртышу, Оби и их притокам). Для этого ямщики выставляли суда, кормщиков и гребцов. «Зимой» передвигались на конных и нартных подводах⁸. Помимо транспорта с обслуживающим персоналом⁹, на ямах путникам предоставлялись продовольствие и кров.

³ Подробнее об учреждении Демьянского и Самаровского ямов см.: Семенов О.В. Правительственная связь на севере Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). М.; Ханты-Мансийск, 2020. С. 218–221.

⁴ Выти (паи, жеребьи, доли) — служебные единицы, из которых состояла ямская община. На отдельном пае могло сидеть от 1 до нескольких человек. Между ними в соответствующих пропорциях делились нагрузка и обеспечение. В свою очередь, одно и то же лицо могло гонять с нескольких вытей. Благодаря этому общая численность ямщиков на полностью укомплектованном яме почти никогда не совпадала с количеством паев.

⁵ Белогорская ясачная волость, на территории которой возник Самаровский ям, в самом начале XVII в. входила в Берёзовский уезд. В 1610 г. её часть (в низовьях Иртыша) была передана Сургуту. Наконец, в 1668 г. вся волость отошла к Тобольскому уезду (Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 64, 66, 67, 78).

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 971. Л. 178–269; Кн. 801. Л. 1–68, 69–174, 175–266, 267–344, 346–418, 420–482, 483–519, 521–555, 557–582 об., 584–614, 616–648 об., 650–693, 695–738 об., 740–770 об.; Оп. 3. Стб. 448. Л. 24, 144–145, 152–153; Стб. 990. Л. 26–27.

⁷ Там же. Кн. 1208. Л. 1–51, 52–89 об., 90–132 об., 133–177 об., 178–232 об., 233–285, 286–324, 325–367 об., 368–409 об., 410–447 об., 448–492, 493–532, 533–593 об., 595–652, 654–710 об.; Оп. 3. Стб. 448. Л. 23, 42, 141–142, 153; Стб. 593. Л. 88, 111; Стб. 990. Л. 25, 26; Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. № 424. С. 583.

⁸ «За Камнем» термин «подвода» употреблялся в разных значениях. В одних случаях под подводой понимались средства передвижения — лошадь, лошадь с седлом (санями или телегой), нарта, запряжённая собаками, иногда судно. В других — транспорт с обслуживающим персоналом: лошадь с санями, седлом или телегой и проводником (т. н. конная подвода), нарта «с собаками» и проводником (т. н. нартная подвода), лодка с кормщиком и гребцами. Нередко сам водный транспорт к подводам не относился, и подводами считалась лишь команда судна — кормщик и гребцы.

⁹ В роли обслуживающего персонала зачастую выступали сами ямщики. Они не просто выполняли функции возниц, но являлись знатоками местности. Например, 16 августа 1697 г. по тобольской

Рис. 2.39. На зимнем пути к Балинским юртам // Балинские юрты. Культура Обских остяков и русских ямщиков XVIII–XIX века. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого / М. Ю. Баранов, Г. П. Визгалов. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2020. Вып. 18. С.10

Несмотря на важную роль демьянских и самаровских ямщиков, прочно соединивших Тобольск с Нижним и Средним Приобьем, в XVII в. правительством неоднократно поднимался вопрос о целесообразности их существования. Основной причиной этого было желание сократить казенные расходы. За службу демьянцы и самаровцы получали жалованье. Первоначально оно составляло 20 рублей, 40 четей ржи и овса на пай. Натуральное обеспечение считалось временным. Ямщиков планировалось перевести «на пашню» (из расчёта 10 четей «в поле, а в две потому ж» на выть). Тем не менее, ввиду неблагоприятных почвенно-климатических условий (выражаясь языком того времени, «мест болотистых и мокрых» и «стужи великой»), попытки наделить самаровцев пригодными для возделывания хлеба землями потер-

пели неудачу. Не весь объём угодий сумели отвести и демьянцам. Не улучшилась ситуация и со сбором ясака в Тобольском, Сургутском и Берёзовском уездах, на что рассчитывали власти при учреждении организованной связи.

Эти обстоятельства побудили Москву в конце 1639 г. принять решение о ликвидации ямов, их население перевести в Томский уезд в статусе пашенных крестьян, а гоньбу вновь целиком возложить на аборигенов.

Однако намеченные планы натолкнулись на противодействие ямских «миров» и ясачных людей. Не поддержала их и тобольская администрация. В свою очередь, в Сибирском приказе не могли не понимать того, что возрождение в полном объёме практики перевозок посредством подводной повинности коренных жителей ударит по качеству связи в регионе, поэтому выполнение распоряжения об уничтожении поселений было приостановлено.

За то время, пока решалась судьба ямщиков, их положение ухудшалось. С 1641/42 г. демьянцев лишили натуральных окладов, хотя так и не наделили всеми необходимыми землями — нехватка хлеба ощущалась ими до самого конца XVII в. В этом же году натуральное жалованье для самаровцев было сокращено в два раза, а в 1642/43–1643/44 гг. и вовсе перестало выдаваться. Наконец, в 1645 г. (грамотой от 12 июня) Москва постановила сохранить Самаровский ям (аналогичное решение по Демьянскому яму было принято раньше). Его населенникам возобновили выплату ржи и овса в размере 20 четей на пай (с 1644/45 г.). При этом власти не отказались от намерений удешевить содержание казённой связи: самаровцам

указной памяти на дощаники, следовавшие через Самаровский ям «з государевыми хлебными запасы», был выставлен «до Сургута вож Гришка Тимофеев». Судя по всему, речь шла о ямщике Григории Тимофееве сыне Грешном, фигурирующем в источниках того времени (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1208. Л. 589–589 об.).

предписывалось «около Самаровского яму пашенных мест приискивать и рощищать и пашнями строитца так же, как и демьянские ямщики пашнями устроились»¹⁰.

Следующая известная нам попытка ликвидировать ямскую гоньбу в низовьях Иртыша была предпринята в период царствования Алексея Михайловича. Поводом послужила полученная разрядными воеводами в июле 1646 г. челобитная аборигенов 5 волостей Тобольского уезда: Аремзянской, Надцынской, Карбинской, Туртасской, Назымской (Лебаут). Татары и остяки жаловались на то, что, в отличие от жителей других «низовых волостей», их после устройства Демьянского и Самаровского ямов от подводной повинности не освободили¹¹. Параллельно они платили ясак, отчего «вконец погибли». Аборигены просили избавить их от обязанности выставлять подводы «против своей братии, которые... не гоняют»¹².

Челобитную переправили в Москву. Ответом на неё стала грамота от 23 декабря 1646 г. тобольскому воеводе боярину И. И. Салтыкову, в которой предписывалось, действуя «ласкою, а не жесточью», уговорить ранее освобождённых от подводной повинности аборигенов Тобольского, Берёзовского и Сургутского уездов снова взять её на себя, одновременно с этим продолжая выплачивать ясак и поминки в полном объёме. В крайнем случае размер дани позволительно было уменьшить на четверть или вдвое. Демьянских и самаровских ямщиков планировалось перевести «на пашню»: первых — «на Тару», вторых — «в Томской город». В то же время сами поселения заинтересованное в дальнейшем освоении края правительство предполагало сохранить. Разрядной администрации поручили «высмотреть», «мочно ли» на бывших ямах поселить «охочих русских людей... из оброку или хто похочет жить для рыбново промыслу, чтоб те ямские слободы вперед пусты не были»¹³.

Нам неизвестны дальнейшие подробности этой истории. С уверенностью можно говорить лишь о том, что попытки добровольно привлечь аборигенов к исполнению подводной повинности были обречены на неудачу — ликвидация ямской гоньбы могла их только озлобить. Вместе с ухудшением качества связи это привело бы к ослаблению позиций Москвы за Уралом. В конечном счёте здравый смысл возобладал над соображениями финансовой экономии. Демьянский и Самаровский ямы были сохранены.

Возможные отголоски описанных событий видны в наиболее значительном для всей Сибири первой половины XVII в. восстании в Томске 1648–1649 гг. В ходе него население отстранило от власти воеводу князя О. И. Щербатого. Томичи обратились в Москву с жалобами на вопиющие злоупотребления администратора и свои тяготы. Между прочим, аборигены 11 волостей Томского уезда предлагали полностью освободить их от подводной повинности и «учинить» у них «ям из самарских (самаровских — О. С.) и из демьянских ямщиков»¹⁴.

---

¹⁰ Семенов О.В. История Демьянского яма в XVII в.: возникновение и первые годы существования // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (65). С. 156–159; Он же. Правительственные планы по ликвидации системы профессиональной ямской гоньбы в Нижнем Прииртышье в конце 30–40-х гг. XVII в. // Клио. 2011. № 1 (52). С. 91–93.

¹¹ Введение на Иртыше ямской гоньбы лишь уменьшило объём подводной повинности аборигенов отмеченных волостей. Они продолжали осуществлять казённые перевозки от Аремзянской волости до Демьянского яма («от юрт до юрт»). В обратном направлении, до Тобольска, гоняли демьянские ямщики.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 263. Л. 412.

¹³ Там же. Л. 415–420.

¹⁴ Цит. по: Покровский Н. Н. Российская власть и общество: XVII–XVIII вв. Новосибирск, 2005. С. 13, 111.

Положение демьянцев и самаровцев делали неустойчивым не только планы по ликвидации ямских станций, но и разнообразные «прибыльные» эксперименты столичных и местных властей. В качестве примера можно вспомнить денежную реформу 1654–1663 гг. Основными причинами её проведения стали: острая необходимость пополнить казну в условиях войны с Речью Посполитой, потребность преобразовать архаическую национальную денежную систему по западноевропейскому образцу и облегчить экономическое слияние с украинскими и белорусскими землями, до этого пользовавшимися польской монетой. Помимо этого, свою роль сыграло намерение правительства ослабить зависимость русско-го денежного дела от привозного сырья (серебра)¹⁵.

В ходе реформы, наряду с существовавшей до этого проволочной серебряной монетой, в оборот была введена новая монета — крупные номиналы серебряной (рубль, полуполтина, «ефимок с признаком») и медная (от денги до полтинника). Поначалу хождение денежных знаков из дешёвого сырья (меди) за Уралом было запрещено, поскольку государство опасалось ущерба своих интересов из-за массовой скупки пушнины¹⁶. Тем не менее уже тогда ямщики столкнулись с трудностями, вызванными экономическими мероприятиями властей. В январе 1657 г. в Москву прибыли самаровцы Иван Хабаров и Фёдор Арефьев, которым на текущий 1656/57 г. на весь ям было предоставлено жалованье — «половину мелкими денгами (проволочной серебряной монетой — О. С.), другую половину — тарелми серебряными (рублями или «ефимками с признаками» — О. С.)»¹⁷. Однако, опасаясь проблем со сбытом новой монеты, не пользовавшейся доверием у населения¹⁸, ямщики просили выдать грамоту, чтобы у них «за долги те тарели брали и в Тоболске бы... государевы казны не задержали»¹⁹.

Между тем положение жителей нижеиртышских ямов оставалось непростым. Денежных окладов не хватало. Ежегодная обязанность отправлять за ними челобитчиков в далёкую Москву обременяла «миры» и не гарантировала своевременной выплаты жалованья. Помимо этого, для самаровцев также существовала неудобная процедура получения натурального обеспечения (размер которого с 1651/52 г. был возвращён к 40 четям ржи и овса на пай). Из челобитной, поданной в Сибирском приказе в начале 1656 г. известно, что ежегодно ямщики ездили через Тобольск в слободы «по... государево хлебное жалованье». Разрядного центра они достигали «на Евдокеин день» (1 марта по старому стилю (далее — ст. ст.)). Однако здесь воеводы заставляли их «весновать» «до Николина дни» (9 мая по ст. ст.). От «напрасного житья» самаровцы разорялись «без остатка». Между тем служилых людей, направлявшихся «по хлебные запасы» из «безпашенных» (Сургут, Берёзов) и «мало-

¹⁵ Мельникова А. С. Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654–1663 гг. // Денежные реформы в России: история и современность. М., 2004. С. 29–31.

¹⁶ Предполагалось, что в Сибири будет функционировать лишь серебряная монета — традиционная проволочная и новая крупных номиналов (Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1. № 204. С. 421–422; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (СГГД). М., 1826. Ч. 4. № 9. С. 27; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 433–434).

¹⁷ Крупные номиналы серебряной монеты находились в обращении до 1659 г., пока не были изъяты казной у населения, (см.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. № 110. С. 151).

¹⁸ Из-за непривычного вида новой монеты и др. (см.: Базилевич К.В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936. С. 22; Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII вв. М., 2005. С. 254).

¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 561. Л. 121.

пашенных» (Тара) районов, в Тобольске не задерживали — их отпускали в слободы «зимним путём». При этом пяти ездокам с оружием и запасами предоставлялось по одной санной подводе.

Нам остаётся только гадать о причинах задержки ямщиков. Но факт остаётся фактом — лишь после вскрытия рек самаровцам разрешалось продолжить движение²⁰. От разрядного центра они плыли против течения (по Тоболу, Туре, Нице) на пяти дощаниках. Для обслуживания судов ими выставлялось значительное по меркам немногочисленного Самаровского яма количество персонала — 35 кормщиков и гребцов (по 7 человек на транспортное средство)²¹. Любопытно отметить, что в слободах на эти дощаники грузилось не только предназначенное для ямских окладов зерно, но и «лишней запас» «на иные городы», который затем изымался в Тобольске. В общей сложности поездка за обеспечением затягивалась до Ильина дня (20 июля по ст. ст.). В это время оставшиеся на Самаровском яме жители вели «гонбу большую» и испытывали «голод большой».

Челобитная подытоживалась просьбами отпускать ямщиков за жалованьем из Тобольска «зимним путём» и наделять их транспортом по норме служилых людей (1 санная подвода на 5 человек)²². Москва пошла на уступки. Грамотой от 30 апреля 1656 г. тобольской администрации предписывалось ускорить процедуру выдачи самаровцам хлебного жалованья. Делалось это для того, чтобы улучшить качество государственных перевозок в Нижнем Прииртышье. Отныне ямщиков необходимо было отпускать в слободы по санному пути «безо всякого задержанья» с предоставлением подвод «против служилых людей». Обратное зерно следовало «провадить» на слободских (казённых) судах, а в Тобольске «ис тех судов перегруживать... в старые суды, в которых с починкою те запасы до их Самаровского яму допровадить мощно здорово». Задерживать ямщиков запрещалось²³.

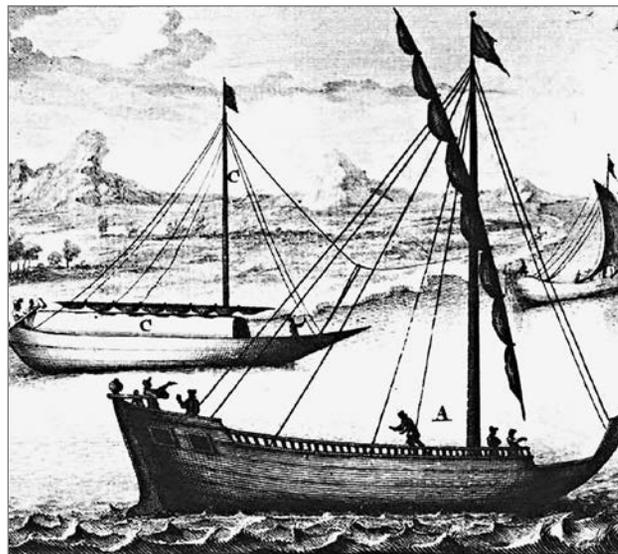

Рис. 2.40. Дощаник (А) и другие суда, использовавшиеся в Сибири. Гравюра конца XVII в. Ил. из кн.: Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии/ Н. Витсен; пер. с гол. В. Г. Трисман. Амстердам: Pegasus, 2010. Т. 2. С. 944

²⁰ Между тем в это время («по вешней большой воде») служилые люди уже возвращались из слобод в Тобольск на гружённых хлебом судах.

²¹ Поездка в слободы «зимним путём» позволила бы сократить количество необходимых для этого ямщиков, т. к. обратная дорога (от слобод до Тобольска) преодолевалась по течению рек. Во всяком случае, возвращавшиеся теми же маршрутами с «государевыми хлебными запасами» служилые люди на каждый «большой» дощаник выставляли 4–5 подвод (см.: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею (ДАИ). СПб., 1862. Т. 8. № 25. С. 64–65, 68, 70–71, 72–73).

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 496. Л. 136.

²³ Там же. Л. 139–140.

Судя по всему, в результате описанных событий самаровцы добились сокращения числа ежегодно отправляемых «по хлебные запасы» лиц — весной 1658 г. за окладами «ходили» только 12 человек²⁴, а в марте 1676 г. по этой же причине на Самаровском яме во время присяги новому царю отсутствовали 9 ямщиков²⁵. Тем не менее постановления Москвы нарушались местной администрацией. В конце 1657 – начале 1658 гг. самаровцы во главе со старостой И. Ф. Егишевым были вынуждены подать новую челобитную. Они указывали на то, что по воеводским памятям слободские приказчики наделяли их полными окладами ржи и овса, однако на обратной дороге власти удерживали ямщиков в Тобольске «недель по пяти и болши для своей корысти», раздавая полученный ими хлеб в жалованье «тутошным» служилым людям. Вместо него самаровцам выдавался «недобрый» овёс и «гнилые запасы», из-за чего они вынуждены были брать хлеб в долг («у приказных людей», на Демьянском яме)²⁶. Ответной грамотой (февраль 1658 г.) тобольским властям запрещалось подменять провозимое самаровцами «по свои оклады» зерно и предписывалось отпускать их «на ям, не задержав»²⁷. Трудно сказать, насколько выполнялось это распоряжение. Впрочем, даже своевременная доставка жалованья не снимала остроты продовольственного вопроса — хлеба всё равно не хватало. До конца XVII в. самаровцам приходилось его докупать.

В первые годы денежной реформы обременительно действовали на ямщиков различные повинности. Их привлекали к государственному «судовому делу», которое заключалось в ответственности по хранению (в период зимовки) и обслуживанию следовавшего через ямы (из Тобольска и в обратном направлении) под «всяких чинов людьми» водного транспорта. В челобитной 1653/54 г. самаровцы отмечали, что ежегодно тратили на ремонт казённых судов «рублев по сту»²⁸. Скорее всего, сумма была намеренно завышена²⁹. Весной 1655 г. вместе с тобольскими, тарскими, сургутскими и берёзовскими служилыми людьми они «берегли... ото лду» дощаники на Иртыше³⁰.

Ямщики несли также городовую повинность (если говорить шире — строили и ремонтировали не только городские стены и башни, но любые казённые объекты). В начале 1662 г. демьянцы вспоминали о том, как когда-то «рубили в Тоболске город девятую долю». «Поделку» они выполняли «и по се число» в тех случаях, когда «что попортица у тово города».

²⁴ Весной 1658 г. в Ирбитскую слободу прибыли самаровцы Иван Фёдоров «с товарищи, двенатцать человек». Здесь на текущий 1657/58 г. им следовало «взять» 1000 четей ржи и ржаной муки и 1000 четей овса (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 720. Л. 6).

²⁵ Во время присяги царю Фёдору Алексеевичу по причине того, что «ушли в Тоболеск по хлебные запасы», 24 марта 1676 г. на Самаровском яме отсутствовали ямщики Семён (Васильев сын?) Мухин, Яков Иванов сын (Конев?), Иван Артемьев сын (Серебрянников?), Терентий Самойлов, Семён Фряничков с сыном Григорием, Софрон Фёдоров, Селка Стефанов и Зиновий Васильев сын (Пачганов?) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 366 об., 367, 367 об., 368).

²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 560. Л. 64–65.

²⁷ Там же. Л. 66–67.

²⁸ Там же. Стб. 593. Л. 89; «Судовые поделки» включали в себя расходы на закупку и доставку необходимых материалов («поделошных припасов»), а также оплату работы плотников.

²⁹ В 1680–1690-х гг. ежегодные траты самаровских ямщиков на ремонт казённых судов достоверно колебались от 16 рублей 33 копеек до 80 рублей 15 копеек (подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1208. Л. 3–706).

³⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 496. Л. 192; О судовой повинности самаровцев и демьянцев см.: Семенов О. В. Система ямской гоньбы и государственное «судовое дело» в Западной Сибири в XVII веке // Российская история. 2012. № 3. С. 140–141.

Кроме того, в их обязанность входило доставлять в Тобольск «с нижево плеса... государеву рыбу по вся годы четвертую долю»³¹.

Наконец, в 1655/56 г. жители нижеиртышских ямов (подобно другим категориям населения Тобольска и Тобольского уезда) были обложены чрезвычайным налогом. Он собирался с имущества ямщиков и шёл на выплату жалованья ратным людям³². Согласно сборной книге десятой деньги, на Демьянском яме насчитывалось тогда 94 ямщика³³. К сожалению, неизвестно, с какого количества паёв они гоняли. «Пожитки» большинства из них оценивались скромно. У 58 ямщиков они не превышали 1 рубля: 10 копеек (1 чел.), 20 копеек (1 чел.), 25 копеек (2 чел.), 30 копеек (6 чел.), 40 копеек (1 чел.), 50 копеек (32 чел.), 60 копеек (1 чел.), 90 копеек (1 чел.), 1 рубль (13 чел.). Более высокий достаток имели 36 ямщиков: 1,3 рубля (1 чел.), 1,5 рубля (6 чел.), 2 рубля (4 чел.), 2,5 рубля (4 чел.), 3 рубля (10 чел.), 4 рубля (2 чел.), 5 рублей (4 чел.), 6 рублей (2 чел.), 10 рублей (1 чел.), 30 рублей (2 чел.)³⁴. В социальном плане Демьянская ямская слобода была довольно однородной: помимо ямщиков налог взимался с «ямшицы с Парасковьицы Исаковские жены» («с ее пожитку») и бобыля Сергея Малафеева («с ево бобылсково двора») ³⁵. Общая сумма сбора с поселения составляла 16 рублей 75 копеек³⁶.

В том же году (1655/56 г) по данным сборной книги десятой деньги Самаровского яма, на нём проживало 57 ямщиков³⁷. Как и в случае с демьянцами, неясно, с какого количества вытей они гоняли³⁸. Размеры «животов»³⁹ 37 ямщиков колебались от 1 до 10 рублей: 1 рубль (2 чел.), 1,2 рубля (2 чел.), 1,5 рубля (3 чел.), 2 рубля (3 чел.), 3 рубля (3 чел.), 4 рубля (2 чел.), 5 рублей (5 чел.), 6 рублей (1 чел.), 7 рублей (1 чел.), 9,5 рублей (2 чел.), 10 рублей (13 чел.). Имущество 20 ямщиков оценивалось дороже: 11 рублей (1 чел.), 12 рублей (1 чел.), 13 рублей (2 чел.), 14 рублей (1 чел.), 15 рублей (4 чел.), 17 рублей (2 чел.), 20 рублей (2 чел.), 25 рублей (1 чел.), 30 рублей (4 чел.), 40 рублей (1 чел.), 45 рублей (1 чел.)⁴⁰. Большая состоятельность самаровцев

³¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 79.

³² Налог собирали ямские приказчики (на Демьянском яме — Я. Елизарьев, на Самаровском — Б. Детков). Они опирались на окладчиков, выбранных «мирами» из своей среды. На Демьянском яме это были Влас Яковлев, Емельян Борисов и Добрыня Федоров, на Самаровском — Кирилл (Федоров сын?) Шаламов (Шеламаев), Василий Анисимов и Терентий Васильев.

³³ В сборной книге десятой деньги Демьянского яма 1655/56 г. были отражены не все ямщики. Здесь отсутствовали Иван Несторов сын Шехирев, Максим Калинин сын Воронцов, Фёдор Григорьев сын Быдылдин, Родион Фёдоров сын Черняков, Пётр Зиновьев сын Пуртов и некоторые другие. Они поселились в устье Демьянки в конце 1620-х - первой половине 1630-х гг. и фиксировались переписью Л. М. Поскочина 1683 г.

³⁴ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 328. Л. 127–139 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 328. Л. 132 об.–133, 139–139 об.

³⁶ Там же. Л. 139 об.

³⁷ Сборная книга десятой деньги Самаровского яма 1655/56 г. учитывала не всех ямщиков. Например, здесь не было Максима Васильева сына Мухина и Юрия Мосеева сына Лыткина, которые с 1632/33 г. жили «на Самаровском яму» и отмечались в поскочинской переписи (1683 г.).

³⁸ Незадолго до этих событий (к 1653/54 г.), а также вскоре после них (в 1660/61 г.) на Самаровском яме, вероятно, не было пустующих паев (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 82, 85; Стб. 593. Л. 88; Стб. 990. Л. 137; ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. № 96. С. 237; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. С. 151; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. № 484. С. 635).

³⁹ Живот — имущество.

⁴⁰ Подсчитано по: Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 149–150.

по сравнению с демьянцами объяснялась их активной хозяйственной деятельностью, о которой подробнее будет сказано ниже. По составу населения Самаровская ямская слобода была однородной⁴¹. Среди лиц, заплативших налог, фигурировали одни ямщики. Всего с Самаровского яма было собрано 66 рублей 44 копейки⁴².

С конца 1650-х гг. в Сибири было разрешено обращение монеты из дешёвого сырья. Это привело к резкому подорожанию продовольствия и товаров⁴³. Ещё больше и так непростую ситуацию усугубляло то, что жалованье ямщикам начали выплачивать обесценивающимися медными деньгами. В ответ они стали добиваться уступок от властей.

В начале 1661 г. самаровцы подали челобитную в Москве с просьбой об увеличении денежных окладов. По традиции они сравнивали своё положение с ближайшими соседями. Челобитчики отмечали, что когда-то прибирались «с женами и с детьми» для поселения на Демьянке, а не «на далном пустом месте» под Самаровыми горами, вынуждены были гонять «второе и четверо и болши» демьянских ямщиков, нанимали подводы по дорогой цене и выполняли «судовую поделку», которая обходилась им «на всякой год» в 50 рублей и более. В Сибирском приказе признали их тяготы. Грамотой от 15 марта 1661 г. тобольскому воеводе боярину князю И. А. Хилкову «с товарищи» сообщалось об изменении жалованья самаровцев «для их бедности и... болших розгонов» с 20 до 23 рублей на пай. Его стали выдавать медной монетой с идущего 1660/61 г.⁴⁴

Примеру самаровцев последовали демьянцы. В начале 1662 г. они пожаловались на изнурительные перевозки и недостаток хлеба. Не вполне понятно, какой оклад пахотной земли для них тогда существовал. Из выписки, сделанной в 1658/59 г. в Сибирском приказе, следует, что он соответствовал величине угодий остальных «закаменных» ямов (кроме Самаровского) — 20 четей «в поле, а в дву потому ж» на выть⁴⁵. В рассматриваемой челобитной демьянцы говорили о том, что «роспахали... пашнишка на пай» всего по 2 десятины «в поле, а в дву потому ж». Тем не менее даже эти земли «выпахались» («хлеб родитца не стал», а «навозов возить нелзе — удалело»). Отыскать места под новые пашни они не могли, т. к. «прилегли мокрыя места и болота глубокие»⁴⁶. Из-за «недороду» ямщики покупали хлеб в Тобольске «дорогою ценою», отчего «задолжали и обнищали». Челобитчики просили наделить их «прибавочным жалованьем денежным или хлебным... против иных стройных сибирских ямов», чтобы «голодную смертью не померети» и от службы «не отбыть»⁴⁷.

⁴¹ Мы не берем в расчёт ямских приказчиков, клириков и членов их семей, которые проживали на обоих нижеиртышских ямах.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 328. Л. 147.

⁴³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 979. Л. 8–9; РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 284. Л. 34; Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией (АИ). СПб., 1842. Т. 4. № 168. С. 327; ДАИ. Т. 4. № 120. С. 276.

⁴⁴ Жалованье (неизвестно, весь объём в 1150 рублей или только «придаточные» 150) вместе с грамотой доставил из Москвы самаровский ямской челобитчик Иван Хабаров (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 632. Л. 187–188; ДАИ. Т. 4. № 96. С. 236–237; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 150–152; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. № 484. С. 634–635).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 45.

⁴⁶ О земельном голоде демьянцев красноречиво свидетельствуют материалы переписи Л. М. Поскочина 1683 г. Согласно им, у подавляющей части ямщиков размеры пахотных угодий были ниже положенных окладов (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607–1634).

⁴⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 79–80.

Грамотой от 11 марта 1662 г. разрядным властям предписывалось «учинить» демьянцам «для их хлебные скудости и больших розгонов» оклад «против тюменских, туринских, самаровских ямских охотников» — 23 рубля на пай (вместо 20). Увеличенное обеспечение было предоставлено им медной монетой уже на текущий 1661/62 г.⁴⁸

Незначительное повышение денежных окладов на фоне падения покупательной способности медной монеты и роста цен не могло серьёзно облегчить жизнь ямщиков. К тому же нельзя забывать о том, что в 1662–1664 гг. в Башкирии (Уфимский уезд) произошло крупное выступление аборигенов против ясачного гнёта. Отголоски этого восстания ощущались на Оби и Иртыше. К башкирам примкнул царевич Девлет-Гирей (потомок Кучума), планировавший восстановить Сибирское ханство. Его агитация спровоцировала антирусский заговор среди коренного населения Берёзовского уезда (своевременно пресечённый воеводой А. П. Давыдовым) и, возможно, какие-то вооружённые действия нижеиртышских и среднеобских остяков (1662–1663 гг.)⁴⁹.

С окончанием денежной реформы ямщики, как и остальные жители страны, должны были понести убытки от осуществлённого казной обмена монеты. Согласно указу от 26 июня 1663 г., власти в ограниченные сроки (в Москве — в течение двух недель, в других городах — месяца) выкупали у населения деньги. За 100 медных копеек давали 1 серебряную⁵⁰. Лицам, не желавшим сдавать монету по столь низкому курсу, разрешалось её «сливать и переделывать в котлы и во что кто хочет. А кто учнет те медные денги держати денгами, и им учинен был заказ под смертную казнь, потому чтоб тех денег не посеребривали и не белили и с серебряными денгами не мешали. И те денги убогие люди переменивали, а богатые сливали»⁵¹.

Одновременно для властей отпадала необходимость в предоставлении ямщикам «прибавочного обеспечения». Не позднее 1664/65 г. демьянцы были его лишены. Несмотря на то, что формально (в раздаточных книгах жалованья и другой документации) за ними продолжали числиться повышенные оклады, в действительности они получали по 20 рублей на пай⁵². В мае 1668 г. в Москву пришла их челобитная. Ямщики просили «для... бедности и хлебново недороду» о выдаче остатка жалованья за прошлый 1666/67 г. (25,5 рублей) и всего объёма на настоящий 1667/68 г. В это время они находились в удручающем положении. Дело в том, что у них «по два года водою хлеб весь вытопило, а на третьей год морозом хлеб вызеб», отчего «семен заместь ныне нечем»⁵³. Приговором Сибирского приказа (от 13 июля 1668 г.) демьянцам следовало «учинить оклад против прежних лет, как были серебряные денги до медных денег» — по 20 рублей на пай. Часть средств («недодаточные»

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 84; Стб. 818. Л. 511–512.

⁴⁹ Там же. Оп. 1. Кн. 535. Л. 358 об.; Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 431–433.

⁵⁰ ПСЗ. СПб., 1830. Собр. 1-е. Т. 1. № 343. С. 580; Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Третий период (1645–1676 гг.). Пермь, 1884. С. 766–767.

⁵¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 118. Даже много времени спустя медная монета обнаруживалась в значительном количестве. 23 мая 1685 г. самаровские ямщики предоставили «на готовой каюк» до Демьянского яма томскому сыну боярскому И. Качалову «с товарищи» 1 кормщика и 4 гребцов. Путники везли 1700 рублей «медных денег» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1208. Л. 75 об.).

⁵² Там же. Оп. 3. Стб. 817. Л. 1, 2, 512.

⁵³ Там же. Оп. 3. Стб. 818. Л. 510.

25,5 рублей и 100 рублей на текущий год) ямским челобитчикам Герасиму Яковлеву сыну Вохмину и Ивану Леонтьеву сыну Овсянкину была выдана в Москве. Остальную сумму (900 рублей) им предписывалось получить «на Верхотурье из верхотурских доходов»⁵⁴. По неизвестным причинам поездка затянулась. Верхотурья Вохмин и Овсянкин достигли только 23 декабря 1668 г. На следующий день воеводские власти выдали им 900 рублей и 27 декабря отпустили⁵⁵. С учётом времени на дорогу, становится очевидным, что жалованье за 1667/68 г. насельникам Демьянского яма было выплачено не раньше 1669 г.⁵⁶ До начала XVIII в. его величина не менялась⁵⁷.

Не позднее 1664/65 г. была отменена прибавка и к жалованью самаровцам. Их оклады вернулись к дореформенным — 20 рублям на пай⁵⁸, сохраняясь на этом уровне до начала XVIII в.⁵⁹

Очередным испытанием для ямщиков обернулась деятельность тобольского воеводы стольника П. И. Годунова (1667–1669 гг.), заслужившего репутацию самого масштабного, после Ю. Я. Сулешева, «прибыльщика» в Сибири в XVII в. При нём была осуществлена перепись населения Тобольского разряда. Полученные материалы легли в основу преобразований. К сожалению, по нижнеиртышским ямам они не сохранились.

Наиболее близкими по хронологии к переписи Годунова, содержащими сведения о количестве самаровцев и демьянцев, являются крестоприводные книги обоих поселений за 1676 г. Согласно им, на Самаровском яме числилось 106 ямщиков, 43 взрослых члена их семей мужского пола (дети, братья, племянники), 9 бывших ямщиков и захребетников, на Демьянском — 166 ямщиков, 128 взрослых членов их семей мужского пола (дети, братья, племянники), 10 захребетников⁶⁰.

В более подробной переписи Л. М. Поскочина 1683 г., учитывавшей всё мужское население (независимо от возраста), говорится о 103 самаровских ямщиках и 166 членах их семей (в 103 дворах), а также о 154 демьянских ямщиках и 421 члене их семей (в 154 дворах)⁶¹. Та-

⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 818. Л. 511, 513, 515.

⁵⁵ Там же. 1111. Оп. 1. Стб. 150/3. Л. 333–334, 343; Оп. 2. Стб. 158. Л. 24.

⁵⁶ Грамотой от 29 июля 1668 г. тобольскому воеводе стольнику П.И. Годунову «с товарищи» предписывалось принять у Вохмина и Овсянкина 1025,5 рублей, «в приход записать», раздать демьянцам, отметить операции в расходных книгах и сметном списке, после чего известить Сибирский приказ. Администрации следовало «лишних ста пятьдесят рублей в сметных списках вперед не писать, потому что давано то... жалованье... ямским охотником при медных денгах» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 818. Л. 514–514 об.).

⁵⁷ Там же. Оп. 1. Кн. 1076. Л. 110 об.–111; Оп. 3. Стб. 689. Л. 60; Стб. 712. Л. 144–145; Стб. 884. Л. 422–423; Стб. 907. Л. 407; Стб. 990. Л. 23; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607 об.–1634; Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996. № 51. С. 137.

⁵⁸ Там же. Оп. 3. Стб. 817. Л. 1, 2.

⁵⁹ Там же. Оп. 1. Кн. 1076. Л. 110 об.–111; Оп. 3. Стб. 884. Л. 422–423; Стб. 907. Л. 407; Стб. 990. Л. 23; Стб. 1021. Л. 86, 86 об.; Стб. 1187. Л. 115, 117; Первое столетие сибирских городов: XVII век. № 51. С. 137; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 77–87.

⁶⁰ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 357 об.–363, 366–369 об. Возможно, самаровских и демьянских ямщиков было чуть меньше, а взрослых членов их семей мужского пола, наоборот, несколько больше указанных нами цифр. Дело в том, что в некоторых случаях в крестоприводных книгах ямщики отмечались с сыновьями и братьями. Неясно, были ли последние поверстаны в службу или помогали им в гоньбе как младшие (невыделившиеся) родственники.

⁶¹ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607–1634, 1637 об.–1649.

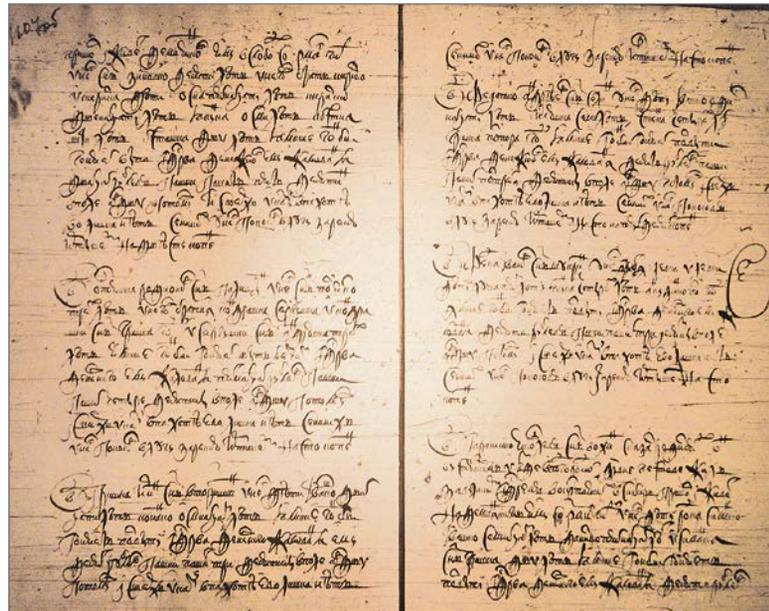

Рис. 2.41. Писцовая книга Л. М. Поскочина Демьянского яма 1683 г.
Фрагм. из арх. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607 об – 1608

кое количество жителей свидетельствует о том, что в конце XVII в. нижеиртышские ямы были крупными поселениями. В социальном отношении они сохраняли относительную однородность. По данным посковинской переписи, помимо ямщиков с семьями на Самаровском яме фиксировались три лично зависимых от них крещёных остяка, ямской дьячок, поп с сыном, церковный дьячок с сыном, пономарь. Всего в 107 дворах проживало 278 человек мужского пола⁶². За жителями Демьянского яма насчитывалось 157 дворов: 80 дворов составляли ямскую слободу (из них 3 двора принадлежали духовенству и причту — попу, дьячку, пономарю), 77 — находились за её пределами (в 14 деревнях). В общей сложности здесь проживало 578 человек мужского пола⁶³.

Основная реформаторская деятельность Годунова развернулась в военной и хозяйственной сферах. Не обошлась без внимания и правительственная связь. Некоторые запланированные им меры в области коммуникаций, часть из которых была реализована, казались здоровыми. Они были призваны улучшить качество функционирования системы сообщения. В частности, Годунов сократил казённые посылки в Москву, благодаря чему государство получило прибыль в прогонах, кормах и «выходе». Только за один год «вместе с неокладными доходами эта экономия составила» 1441 рубль (по другим данным, 1479 рублей 4 копейки)⁶⁴. Умеренная отправка подвод отвечала интересам не только государства, но и ямщиков, снижая интенсивность их гоньбы. Также в планах Годунова было «вместо

⁶² Подсчитано по: Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 76–87.

⁶³ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607–1634.

⁶⁴ ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. № 63. С. 332; Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. Новосибирск, 2000. С. 257; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 286; см. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 367. Л. 654; Кн. 535. Л. 1069–1069 об.

захребетных татар учинить стройной ям»⁶⁵. Судя по всему, речь шла о Тобольске⁶⁶. По мысли С. В. Бахрушина, данная мера преследовала цель увеличить число ясакоплательщиков⁶⁷. Можно указать и другую причину — замена подводной повинности аборигенов профессиональными ямщиками повышала эффективность правительственной связи. По неизвестным причинам этот проект не был претворён в жизнь.

Однако, несмотря на ряд позитивных моментов, действия Годунова в целом отрицательно сказались на системе связи, ударив по ямщикам. В отличие от многих других его нововведений, отменённых Москвой вскоре после отъезда воеводы из Тобольска⁶⁸, учинённые им «прибыли» в области организованного сообщения были сохранены, что говорило о подлинном (небрежном) отношении центральных властей к ямской гоньбе «за Камнем».

Как известно, Годунов возродил вынашивающуюся ещё Сулешевым идею о ликвидации зависимости Сибири от дорогостоящих и ненадёжных поставок зерна из Поморья⁶⁹. Он всеми способами расширял хлебопашество и повышал доходы казны с земледелия. В рамках этой политики ратные люди в массовом порядке лишались хлебных окладов и переводились на службу «с пашни». Попытался администратор сократить расходы и на ямщиков. Ещё С. В. Бахрушиным было подмечено, что Годунов «думал... заменить пашней» натуральное обеспечение самаровцев. Он нашёл землю и послал «та пашня для опыта заводить»⁷⁰.

Действительно, согласно докладной записке о годуновских «прибылях», опубликованной в «Дополнениях к Актам историческим», «в нынешнем» 1667/68 г. «писано к великому государю с тобольским сыном боярским с Давыдом Бурцовым... о самаровских пашнях, и в том будет прибыли положено на пример же за хлеб денгами по 1000 рублей»⁷¹. Однако к 7 августа 1668 г. указа «Самаровского яму о пашнях» разрядные власти ещё не получили⁷².

О деталях происходивших событий мы узнаём посредством неопубликованных архивных материалов. В конце 1667 – начале 1668 гг. в Сибирский приказ поступила отписка Годунова и его товарища дьяка М. А. Посникова⁷³. Согласно ей, 1 октября 1667 г. в Тобольске было получено сообщение самаровского ямского приказчика С. Черницына об обнаружении

⁶⁵ ДАИ. Т. 5. № 63. С. 333.

⁶⁶ В Тобольске отсутствовали профессиональные ямщики. Казённые перевозки от разрядного центра осуществляли местные служилые татары. Они тяготились подводной повинностью, нередко перекладывая её на младших родственников и захребетников (тобольских захребетных татар). Гоньба велась «на четыре дороги»: по направлению к Демьянскому яму (до Аремзянской волости), Таре (до Коурдакской волости), Пелыму («до Красного яру») и до Тюмени.

⁶⁷ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 284.

⁶⁸ Своей кипучей деятельностью Годунов создал взрывоопасную обстановку в крае. Также нельзя забывать о пользах тогда в европейской части страны войне под руководством С. Т. Разина. Эти обстоятельства подтолкнули Москву к уступкам населению (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 511. Л. 1–100).

⁶⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 535. Л. 993; Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л., 1946. С. 145–146.

⁷⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 280.

⁷¹ ДАИ. Т. 5. № 63. С. 332.

⁷² Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. С. 257.

⁷³ С другими своими товарищами, вторым воеводой князем Ф. Ф. Бельским и дьяком Г. Г. Ждановым, Годунов находился в «розни», фактически посадив их под домашний арест (см.: ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 163, 164).

ямщиком Артюшкой Леонтьевым сыном Карлиным «около Самаровского яму под пашню земли по Неулеве протоке вверх к Обе-реке... в розных урочищах» и в иных более отдалённых районах общей площадью 170 десятин. Ожидалось, что «на тех местах» рожь и ячмень «родитца добр», а «ропашетца... та земля в три годы». Более того, приказчик «тое... пашню с самаровским ямским старостою досматривали» и даже получили с неё «опытной хлеб». Последний оказался «добр»⁷⁴.

Для проверки сообщения Черницына, той же осенью разрядные власти отправили в низовья Иртыша тобольского сына боярского И. Протопопова. Дозорщик подтвердил наличие «около Самаровского яму» и по Неулевой протоке пашенных «добрых» земель (60,5 десятин), на которых ранее (в 1667 г.) было посеяно «в дву местех» «с полдесятины рожь и ячмень»⁷⁵. Описать остальные участки, располагавшиеся «в ясашных волостях», он не смог, поскольку их «укинули (покрыли — О. С.) снега». В отписке в Сибирский приказ Годунов и Посников обещали «на весну» 1668 г. «досмотреть и измерить» оставшиеся земли⁷⁶.

Из других источников известно, что при Годунове на службу «с пашни» перевели четырёх самаровских ямщиков. Сделано это было по их челобитной. Помимо упомянутого А. Л. Карлина, речь шла об Иване Захарове сыне Землянине (Земленине), Захаре Васильеве и Трофиме Васильеве. С 1668/69 г. вместо хлебного обеспечения они обрабатывали участки земли «на Реполовском яру»⁷⁷. Местность была хорошо знакома самаровцам — их промыслы и луга появились здесь ещё до описываемых событий⁷⁸. В 1655/56 г. ясачные остяки Колпуховской волости Тобольского уезда Семён Погонин, Колейка Килдеяров (Кивдеяров) и Меньшой Алтиков (Интиков, Илтиков) заложили в 30 рублях «вотчинную свою землю в Репаловском уезде и с санными покосы, и с рыбными ловли, и со всякими угоды» ямщикам А. Л. Карлину, Василию Денисову сыну Погадаеву и Ивану Фёдорову сыну Егишеву. Взятые в долг деньги аборигены не вернули. Поэтому их угоды окончательно перешли в руки самаровцев⁷⁹. Следовавший через эти места в 1675 г. во главе русского посольства в Китай Н.Г. Спафарий отметил на правой (восточной) стороне Иртыша «против протока Надерева» деревню «Артюхи Карлина». Она располагалась в 37,25 тысячаеженных верстах (79,476 км) выше Самаровского яма между размещавшимися на противоположном берегу Колпуховскими и Реполовскими юртами (в 5 верстах (10,668 км) выше Реполовских юрт, в 10 верстах (21,336 км) от устья Конды)⁸⁰.

Сложно сказать, насколько самостоятельными были действия отказавшихся от натурального жалованья ямщиков, зная о крутом нраве Годунова, проводившего реформы «с необычайной жестокостью, не терпя никаких возражений и беспощадно расправляясь с ослушниками»⁸¹. Неясно также, что помешало ему перевести на пашню других самаровцев.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1187. Л. 121, 123–124.

⁷⁵ Обычно сев яровых культур происходил в мае–июне, ржи — в июле–августе.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1187. Л. 119, 120.

⁷⁷ Там же. Л. 104, 114, 125.

⁷⁸ Сенокосы самаровских ямщиков могли появиться в этих местах ещё осенью 1642 г. в ходе «дозора» тобольского письменного головы С.У. Баскакова и подьячего Е. Кособорова (см.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 7–10, 40–41, 43–46, 85; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. № 424. С. 582–584).

⁷⁹ Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: исследовательские материалы и документы. М., 2007. № 139. С. 464.

⁸⁰ Милеску-Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинёв, 1960. С. 30–31.

⁸¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 276.

Неоспоримо одно: «прибыль» нанесла урон организованному сообщению в Обь-Иртышье. В 1683/84 г. в Москве получили челобитную А. Карлина, И. Землянина, а также сыновей умерших к этому времени З. Васильева и Т. Васильева — Евстафия Захарова и Данилы Трофимова сына Пономарева. В жалобе ямщики вспоминали о том, как на отведённых при Годунове землях они «по два года» пытались сеять хлеб (рожь и ячмень). Однако он «не вырос, — морозом побивает». С тех пор, лишённые урожая и натурального обеспечения, они жили «с великою нужею». Между тем Карлин «устарел, очми не видит», Землянин «стал увечен» и дети у них «в малых летех». В данной ситуации челобитчики не могли найти себе даже замену, поскольку «иные люди у них тех паев ямские гонбы без хлебного жалованья ништо не емлют». Настаивая на том, что «на Самаровском яму никакой хлеб не родитца», они просили поверстать их натуральным обеспечением «против иных самаровских ямских охотников» или «с яму свести куды ни есть в какой чин». Судя по всему, челобитчики опирались на поддержку общины. Неслучайно они отмечали, что без хлебных окладов им «вечно будет погинути, и порутчиком и миру учинятца убытки в тех... паех в ямской гонбе, наймуючи подводы» за них «дорогою ценою»⁸². Нельзя усомниться в справедливости приведённой здесь оценки угодий. В своё время (осенью 1642 г.) в этих местах («на Реполовском мысу») действовали письменный голова С. У. Баскаков и подьячий Е. Кособоров. Отведённые ими для самаровцев земли к возделыванию злаковых не подошли⁸³.

В ответ на челобитную ямщиков в Сибирском приказе началось расследование. Были подняты тобольские сметные списки за последние годы. По ним выходило, что на Самаровский ям ежегодно отправлялись в качестве жалованья 965 четей ржи и столько же четей овса, при этом по 35 четей ржи и овса, предназначенных для 4 ямщиков, не досылались, т. к. «велено тем... человеком ямская гонба гонять с пашни»⁸⁴. Был опрошен находившийся в Москве самаровец Иван (Иванов сын?) Хозяинов, который, вероятно, и привёз челобитную⁸⁵. Он подтвердил, что отмеченным лицам «гонять бес хлебного жалованья» невозможно, поскольку «которую они пашню обыскали (при Годунове — О. С.), и в тех местах и нигде на Самаровском яму хлеб не родитца»⁸⁶. Помимо этого, была также сделана выписка из посковинской переписи 1683 г. Однако она не удовлетворила приказных дельцов. Согласно ей, гонявшим по полвыти Е. Захарову и И. Землянину «хлеба к» их «пахоте додают» по 5 четей ржи и овса каждому. О пахотных угодьях остальных ямщиков Посковин не упомянул. Всё выглядело так, словно они получали весь объём натурального обеспечения: сидевший на половине пая Д. Пономарёв — по 10 четей ржи и овса, гонявший «выть без чети» А. Карлин — по 15 четей ржи и овса⁸⁷.

Грамотой от ноября 1684 г. тобольскому воеводе князю П. С. Прозоровскому «с товарищи» предписывалось разобраться в ситуации. В Нижнее Прииртышье необходимо было отпра-

⁸² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1187. Л. 103, 104, 114, 122, 125.

⁸³ Ради справедливости отметим, что не позднее XIX в. границы полевого земледелия продвинулись от Тобольска вниз по Иртышу до Реполовского. В окрестностях последнего стали выращивать зерновые культуры. Некоторые исследователи связывали распространение хлебопашества на север края с деятельностью сибирского губернатора Д. И. Чичерина (1763–1780 гг.) (см.: Балюк Н. А. Тобольская деревня в конце XVI–XIX вв. Тобольск, 1997. С. 158–159, 165; Словоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 476).

⁸⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1187. Л. 102, 103, 116, 117.

⁸⁵ В Москву Хозяинов приехал бить челом о выдаче денежного жалованья для Самаровского яма.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1187. Л. 108.

⁸⁷ Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 79, 83.

вить «добрых» сына боярского и подъячего с целью «досмотреть и розыскать накрепко», имеются ли у самаровцев пашни, «по сколку они тое земли пашут, и на тех их пашенных землях хлеб какой родитца ли или не родитца». В том случае, если угоды отсутствовали, ямщикам с текущего 1684/85 г. следовало возобновить выплату хлебного жалованья «по окладом их... против их братья» «сполна». Компенсировать его за предыдущие годы категорически запрещалось⁸⁸. К сожалению, итог разбирательства неизвестен. Можем лишь предположить, что самаровцы добились удовлетворения своих просьб.

Помимо перевода части самаровцев на службу «с пашни», при Годунове были учинены и другие «прибыли», негативно отразившиеся на ямской гоньбе. В ходе реорганизации военного дела тобольский воевода урезал денежное жалованье служилых людей⁸⁹. Вероятно, аналогичным образом он мог поступить и по отношению к ямщикам. Ранее мы уже говорили: не позднее 1664/65 г. демьянцам перестали выплачивать «прибавочное обеспечение», установленное в годы денежной реформы, хотя формально оно продолжало за ними числиться. Так вот, именно при Годунове в 1667/68 г. для них (как и для туринских и тюменских ямщиков) было окончательно подтверждено возвращение к 20-рублёвому паевому окладу. Похоже, разрядные власти сыграли в этом какую-то роль. Сведений по самаровским ямщикам у нас нет. Не исключено, что и для них жалованье, «как ходили серебряные денги до медных», окончательно восстановили в воеводство Годунова.

На материальном и правовом состоянии насельников нижнеиртышских ямов в XVII в. отрицательно сказывались и иные мероприятия властей, продиктованные главным образом соображениями финансовой экономии. Невзирая на рост интенсивности гоньбы, вызванный освоением Сибири, государство отказывалось от увеличения числа вытей⁹⁰. Нехватка транспорта и обслуживающего персонала вынуждала ямщиков прибегать к аренде подвод на стороне. В большей степени это касалось Самаровского яма — самой малочисленной ямской станции за пределами Уральского хребта⁹¹. Дополнительные трудности

⁸⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1187. Л. 100, 101, 102.

⁸⁹ Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск, 1991. С. 205; Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 111.

⁹⁰ В 1642/43 г. самаровцами было отпущено 648 подвод, в 1682/83 г. — 1024, в 1685/86 г. — 1229, в 1686/87 г. — 889, в 1689/90 г. — 1378, в 1690/91 г. — 1023, в 1691/92 г. — 1049, в 1692/93 г. — 809, в 1693/94 г. — 833, в 1694/95 г. — 1029, в 1695/96 г. — 729, в 1696/97 г. — 1478, в 1697/98 г. — 786, в 1698/99 г. — 941. Демьянцы в 1684/85 г. выставили 703 (по другим данным — 792 или 831) подводы, в 1685/86 г. — 1085, в 1686/87 г. — 846, в 1687/88 г. — 877, в 1688/89 г. — 808, в 1691/92 г. — 1032, в 1694/95 г. — 1067, в 1695/96 г. — 910, в 1696/97 г. — 1290 (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 2–68, 70–173 об., 176–266, 268–344, 519, 614, 648 об., 693; Кн. 971. Л. 179–269; Кн. 1208. Л. 50 об. – 51, 132 об., 177 об., 285, 324, 367 об., 409–409 об., 447–447 об., 492, 532, 593 об., 651 об. – 652, 710 об.; Оп. 3. Стб. 990. Л. 26–27, 140). Рост гонимости ямщиков объяснялся не только усилением людского и грузового потока, но также их обязанностью в некоторых случаях осуществлять перевозки в обратную сторону. Например, 28 марта 1691 г. по тобольской подорожной на Демьянском яме следовавшим «для дел великих государей» сыну боярскому П. Сысоеву и стрельцу М. Суханову были даны подводы «до Колпуховских волостей вперед и назад (до яма — О. С.)» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 451 об.).

⁹¹ Через нижнеиртышские ямы шёл примерно одинаковый поток людей и грузов. Тем не менее в силу особенностей, присущих разным способам транспортировки и средствам передвижения, самаровцы зачастую выставляли больше подвод, чем их соседи. По «зимнему пути» до Сургута, Самаровских юрт, иногда в ясачные волости они гоняли на собачьих упряжках, которыми демьянцы почти не пользовались. В большинстве случаев 1 санная (конная) подвода приравнивалась к 2 нартным. Такое соотношение тяготило самаровцев, тем более что цены за арендованные нартные и конные подводы были сопоставимы между собой. Как уже отмечалось, «летним путем» жители обоих ямов

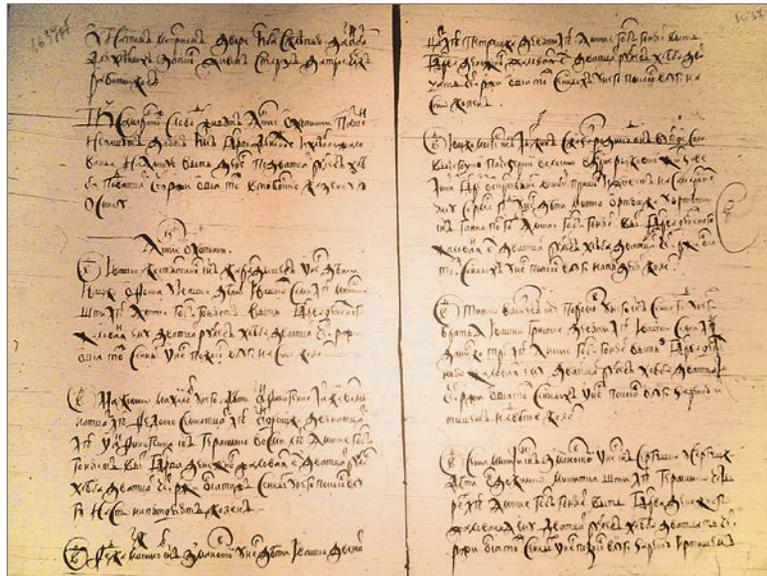

Рис. 2.42. Писцовая книга Л. М. Поскочина Самаровского яма 1683 г.
Фрагм. из арх. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1637 об.–1638

его жителям доставляла недостаточная освоенность местности. По словам самаровцев, из русских людей им «нанять неково», а аборигены «за подводы денги у них емлют дорогою ценою»⁹². Израсходованные при этом средства ямщикам не возмещались. Так, в 1642/43 г. самаровцы потратили на подводы 1224 рубля 5 копеек, в 1643/44 г. — 780 рублей 80 копеек, в 1644/45 г. — 855 рублей 30 копеек, в 1645/46 г. — 942 рубля 20 копеек, в 1682/83 г. — 774 рубля 64 копейки, в 1685/86 г. — 1185 рублей 86 копеек, в 1686/87 г. — около 600 рублей, в 1689/90 г. — 949 рублей 40 копеек, в 1690/91 г. — 681 рубль 10 копеек, в 1691/92 г. — 585 рублей 55 копеек, в 1692/93 г. — 516 рублей 46 копеек, в 1693/94 г. — 464 рубля 25 копеек, в 1694/95 г. — 544 рубля 71 копейку, в 1695/96 г. — 412 рублей 31 копейку, в 1696/97 г. — 798 рублей 54 копейки, в 1697/98 г. — 358 рублей 4 копейки, в 1698/99 г. — 469 рублей 32 копейки⁹³. В 1641/42 г. демьянцам аренда транспорта и персонала обошлась в 1189 рублей 41 копейку⁹⁴. Как уже говорилось, помимо подвод, на ямах путники получали продовольствие и кров. Провиант предоставлялся им по указной (фиксированной) или свободной цене. Однако так было не всегда. Врядслучаеямщики снабжали ездоков кормом за свой счёт (или выделяли нанего

осуществляли перевозки в основном по воде. Обычно (хоть и не всегда) при движении по течению реки водная подвода приравнивалась к сухопутной. В случае транспортировок «на противную воду», требовавших повышенных усилий, численность подвод (гребцов), как правило, увеличивалась вдвое (реже в 1,3–1,8 раза). Самаровцы против течения гоняли по двум основным направлениям (до Сургута и Демьянского яма), демьянцы — по одному (до Тобольска).

⁹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 89, 120. Необходимость края также делала проблематичным приобретение в дороге продовольствия. В 1690/91 г. самаровцы жаловались на то, что вынуждены брать с яма «кормы свои и конские» («пуда по два и болши» на подводу), поскольку гоняют «пустым местом — рекою, а не по юртам» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 94. Л. 56–57).

⁹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1208. Л. 51, 131 об.–132 об., 177 об., 285, 324, 367 об., 409–409 об., 447–447 об., 492, 532, 593 об., 651 об.–652, 710 об.; Оп. 3. Стб. 990. Л. 140.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 990. Л. 142.

деньги)⁹⁵. Обычно путники останавливались на постоялом дворе, но при чрезмерном наплыве людей часть из них размещалась в домах ямщиков. Неизвестно, уплачивалось ли слобожанам за постой. Денежных окладов самаровцам и демьянцам не доставало. Нередко их выплата задерживалась. Частично жалованье могло выдаваться «товарами» (сукнами, реже — пушшиной, воском и т. д.), которые из-за невысокого спроса ямщики сбывали за бесценок⁹⁶. К тому же до конца 80-х гг. XVII в. для них отсутствовала такая форма обеспечения как прогоны⁹⁷. Не было в Сибири и уставных ямских грамот, предоставлявших населению многих ямов в европейской России широкую автономию (податную и судебно-административную)⁹⁸. Самаровцев и демьянцев неизменно привлекали к денежным и натуральным повинностям. Помимо уже отмеченных «городовых и судовых поделок», необходимости доставлять в Тобольск государеву рыбу и платить чрезвычайные налоги, они обслуживали экспедиции по поиску месторождений полезных ископаемых⁹⁹, выполняли полицейские обязанности¹⁰⁰. Также на плечах ямщиков лежала ответственность по содержанию государственной администрации¹⁰¹, при этом воеводские власти (как и центральные) регулярно нарушали ямские привилегии — постановления о сроках перевозок¹⁰², норме

⁹⁵ 2 декабря 1689 г. демьянцы предоставили московским стрельцам Н. Савельеву, А. Лихванову и П. Кондратьеву подводы до Самаровского яма, а также «корму... рубль» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 362 об.; см. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 356 об., 371 об.).

⁹⁶ Так, жалованье для Демьянского и Самаровского ямов за 1675/76 г. было отправлено из Москвы лишь в ноябре 1676 г. (каждому — по 681 рублю деньгами и на 319 рублей сукнами и воском) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 712. Л. 142–145).

⁹⁷ Семенов О. В. Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2013. С. 200–207.

⁹⁸ Семенов О. В. Уставные ямские грамоты как источник по истории правительственной связи в Московском государстве середины XVI–XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2017. Вып. 5. С. 171–176.

⁹⁹ В феврале 1675 г. из Тобольска «на реку Обь» была отправлена экспедиция под руководством сына боярского Ю. Стремилковского и подьячего И. Аксентьева. В её задачи входил поиск медной и железной руды. Самаровскому приказчику И. Г. Грозину предписывалось обеспечить Стремилковского «для работы» ямщиками или захребетниками. Действительно, на Самаровском яме отряд получил 10 «работных людей» и 26 марта, «не доехав Кодцкого монастыря с полверсты», взял первые пробы руды. Завершив разведку местности, Стремилковский докладывал властям о том, что «вперед для того рудного дела работников мочно имать Демьянского да Самаровского ямов ямских охотников или от отцов детей и от братьей братью, и от дядей племянников и захребетников». По всей видимости, результаты опытов доставленной в разрядный центр руды не заинтересовали государство (СПФА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Л. 60, 62, 63 об.; Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленности. М., 2005. С. 214–216).

¹⁰⁰ Ямщики привлекались к конвоированию «колодников». В августе 1688 г. «на Демьянском яму» был «пойман беглой ссыльный человек Архипко Анисимов». Похоже, его арест осуществил ямской приказчик, при помощи ямщиков. Анисимова отправили в Тобольск на лодке под охраной демьянцев Тимофея (Кузьмина сына?) Овсянкина и Ивана Пуртова, одновременно выполнявших и функции гребцов (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 343 об.; см. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 318, 691 об.–692; Кн. 1208. Л. 402 об.–403, 588 об.–589).

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1208. Л. 47 об.–48.

¹⁰² В 1683/84 г. демьянским и самаровским ямщикам было пожаловано право не гонять под воеводами и «всяких чинов» людьми в весеннюю (после 25 марта до начала судового хода) и осеннюю (после 1 октября до установления «зимнего пути») распутицу, «опричь скорых гонцов, которые посланы будут для государевых дел» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 354. Л. 29, 30, 31, 39–44; Стб. 1187. Л. 182). Источники не оставляют сомнений в том, что время транспортировок часто не соблюдалось. Так, в 1689/90 г. самаровцы отпускали водный транспорт к Сухоруковым юртам до 5 октября, к Демьянскому яму — до 7 октября. Последние нартные подводы в том же году были выставлены ими 3 апреля (до Сургута),

подвод¹⁰³, весе транспортируемой клади¹⁰⁴ и т. д. Бедственная ситуация усугублялась суровыми природно-климатическими условиями, значительной протяжённостью дорог и опасностями на них, а также многочисленными притеснениями со стороны проезжающих лиц¹⁰⁵ и местных управленцев¹⁰⁶. О неприглядности ямского статуса свидетельствуют как бегство ямщиков, так и трудности при пополнении паёв¹⁰⁷.

Московская колонизация низовьев Иртыша и прилегающих районов Приобья со второй трети XVII в. была связана главным образом с деятельностью ямщиков, которые (вместе с семьями) составляли здесь основную массу русского постоянного населения. Их промысловую и земледельческую активность стимулировали нелёгкие условия существования. Поскольку оба яма находились в окружении ясачных волостей, расширение ямских угодий шло в значительной мере за счёт территорий аборигенов¹⁰⁸. Особенно преуспели в этом самаровцы. В их руках постепенно сосредоточивались промыслы (рыболовные и охотничьи) и луга остяков, которые те сдавали в аренду («в кортом»)¹⁰⁹, закладывали¹¹⁰, уступали в счёт долга или продавали в голодное время и из-за необходимости платить ясак.

конные — 9 апреля (до Демьянского яма). В 1692/93 г. демьянцы по «водяному пути» гоняли к Самаровскому яму до 13 октября, к Тобольску — до 18 октября и «зимним путем» к Самаровскому яму — до 11 апреля (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 529 об., 530 об., 542; Кн. 1208. Л. 241–242, 252 об.–253).

¹⁰³ В московских и воеводских подорожных, наряду с «указными» подводами, нередко прописывались «прибавочные». Это было на руку путникам, т.к., во-первых, сокращало время поездки, а, во-вторых, позволяло им получить материальное вознаграждение. В 1643 г. демьянцы сетовали на то, что в подорожных служилым людям воеводы указывали по 12–16 гребцов на каждый «каючек». В действительности ездоки требовали у ямщиков «половину подвод и меньше», а за остальные брали с них деньги (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 448. Л. 16; см. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1208. Л. 166 об., 204, 216 об., 226 об., 677 об.; Оп. 3. Стб. 448. Л. 126). В некоторых случаях за невыставленный транспорт и персонал ямщики расплачивались продовольствием. Так, 28 июля 1690 г. демьянцы предоставили тобольским служилым людям до Самаровского яма 5 гребцов, «а за шестую подводу», отмеченную в подорожной, несли им «почести... хлебом и харчевым на 6 алтын 4 денги» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 402).

¹⁰⁴ В 1691 г. для демьянских и самаровских ямщиков была установлена норма клади на «зимнюю» конную подводку, аналогичная той, что действовала в европейской России: без седока — 20 пудов (327,6 кг), с седоком — 15 пудов (245,7 кг). Судя по всему, «указной вес» оставался таким до конца XVII в. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 94. Л. 5 об.–6 об., 36–37; Стб. 164. Л. 1, 1 об.).

¹⁰⁵ К примеру, переписывавший нижеиртышские поселения Л. М. Поскочин, 31 августа 1683 г., «не казав подорожной», взял «силно» у самаровцев на дощаник до Демьянского яма 20 гребцов. Аренда подвод обошлась тогда ямщикам в 18 рублей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1208. Л. 47 об.).

¹⁰⁶ В 1654 г. демьянцы жаловались на своих ямских приказчиков, которые незаконно производили и продавали «всяким людям» пиво и вино. От этого в слободе случались «пожары частые», а ямщики терпели «обиду и налогу» большую (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 480. Л. 193, 205, 207–208). В 1685 г. проводился сыск о злоупотреблениях бывшего самаровского (А. М. Ушакова) и действующего демьянского (П. Горохова) ямских приказчиков, ошибочно датированный Х. М. Лопаревым 1667–1668 гг. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 787. Л. 2–49 об.; Стб. 1187. Л. 190–192, 194, 196, 203, 203 об.; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 11–12, 152–153).

¹⁰⁷ В челобитных самаровцы регулярно отмечали малочисленность «в паех» на своём яме и просили власти пожаловать их людьми «вприбавку» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 593. Л. 89). Основной причиной была нехватка желающих поверстаться в ямщики.

¹⁰⁸ Уже при устройстве Демьянского и Самаровского ямов окладные угодья ямщикам выделялись (во всяком случае, частично) из земель аборигенов.

¹⁰⁹ Угодья «кортомилась» на определённый срок, после чего возвращались ясачным людям.

¹¹⁰ Заклад угодий ещё не означал их утраты. В руки кредитора они бесповоротно переходили только при просрочке платежа. Впрочем, нередко займы были кратковременными. Нищие остяки не могли их погасить, тем самым лишаясь права владения своими землями.

В ряде случаев процесс поглощения русскими колонистами ясачных угодий шёл в щадящей форме в виде совместного владения землями (или эксплуатации) с аборигенами (что оговаривалось в поземельных актах). На факты отчуждения «родовых вотчин» автохтонного населения государство нередко закрывало глаза, а то и вовсе узаконивало сделки посредством выдачи ямщикам данных грамот, регистрации за ними земель в писцовых книгах, занесения закладных и поступных в записные книги крепостей¹¹¹. В свою очередь, новые владельцы также свободно ими распоряжались (передавали по наследству, продавали и т. д.).

Рис. 2.43. С. У. Ремезов. Самаровский ям на карте Сибири конца XVII в. // Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 г. М., 2003. Т. 1

Экономическая активность приводила к расселению ямщиков. Этому способствовал отчасти промысловый характер их хозяйства¹¹², которое «требовало во много раз больших площадей, чем земледельческое»¹¹³. В свою очередь, следствием расселения стало появление целой сети мелких населённых пунктов по Иртышу и Оби, «тянувших» к ямским слободам.

Обратимся к фактическому материалу. Из источников нам уже известно, что не позднее середины XVII в. самаровцы обосновались на достаточном удалении от своего яма — близ устья Конды в Колпуховской (Колпуковской, Колпукольской, Тарханской) ясачной волости. В 1655/56 г. ямщики В. Д. Погадаев¹¹⁴, И. Ф. Егишев¹¹⁵ и А. Л. Карлин¹¹⁶ приобрели «на Ре-

¹¹¹ Государство проводило противоречивую политику по отношению к угодьям сибирских аборигенов. С одной стороны, оно охраняло их от посягательств русских колонистов, видя в этом гарантию исправного поступления ясака и спокойствия в новоприсоединённом регионе, с другой, нарушало «вотчинные» права коренных жителей при военно-стратегической или экономической необходимости. Такая непоследовательность правительственной линии поспособствовала концентрации аборигенных земель в руках ямщиков.

¹¹² Даже у проживавших в бесхлебном районе самаровцев хозяйства не были чисто промысловыми: ямщики имели земельные угодья — луга и огороды. На последних выращивался тот же ассортимент овощей, что и в «пашенных» местах Сибири: капуста, лук, чеснок, репа, хрен и др.

¹¹³ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 167.

¹¹⁴ В 1655/56 г. «животы» ямщика Василия Денисова сына Погадаева оценивались в 10 рублей (Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 150).

¹¹⁵ В 1655/56 г. имущество ямщика Ивана Фёдорова сына Егишева (в источнике ошибочно — «Егицко-го») равнялось 10 рублям. В конце 1657 – начале 1658 г. он выполнял обязанности ямского старосты (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 560. Л. 64; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 149).

¹¹⁶ Артюшка Леонтьев сын Карлин происходил из черносошных крестьян Чердынского уезда, жил «на Самаровском яму» с 1632/33 г. В 1650/51 г. служил ямским десятником. В 1655/56 г. его имущество оценивалось в 6 рублей. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору. Согласно переписи 1683 г., имел двор в ямской слободе, в котором проживал с сыновьями Матвеем, Фёдором (10 лет) и Григорием (2 года). Гонял выть без чети, владел 150 копнами покосов «в лугу за рекою Ир-

паловском яру» (правобережье Иртыша) по просроченной закладной у остяков С. Погонина «с товарищи» покосы, рыбные и охотничьи ловли. В 1675 г. здесь фиксировалась деревня Артюхи Карлина. К сожалению, в источниках она больше не упоминается. Согласно «Хорографической чертёжной книге» (1697–1711 гг.), в этих местах располагалась деревня «Емшики»¹¹⁷. Имелась ли между данными поселениями какая-то связь, неизвестно. В 1678/79 г. наследники В. Д. Погадаева — Иван¹¹⁸ и Сергей¹¹⁹ Васильевы дети Погадаевы, а также Антон Яковлев сын Погадаев¹²⁰ — «поступилися» его «землею... и всякими угоды... на Реполовском яру» «за свой долг за двадцать рублей ввек без выкупу» ямщику Никите Кирилову сыну Шаламову (Шеламову)¹²¹. По данным посковичинской переписи (1683 г.), «тех... закладных сенных покосов» числилось 120 копен¹²². В 1692 г. тобольские власти закрепили эти угодыя

тишем». В 1685 г. давал свидетельские показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. Был грамотным (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 366; Оп. 3. Стб. 448. Л. 85, 113; Стб. 787. Л. 16, 16 об.; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1639 об.; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 150).

¹¹⁷ Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Тобольск. 2011. Л. 68.

¹¹⁸ В марте 1676 г. ямщик Иван Васильев сын Погадаев присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. имел двор в ямской слободе, гонял полвыти, владел 100 копнами покосов «в лугу за рекою Иртышем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. В марте того же года повёз с Самаровского яма в Тобольск «государевы зборные денги», сметные и пометные списки. В конце 1685 – начале 1686 г. ездил в Москву за жалованьем для своего яма на текущий 1685/86 г. На обратном пути «объявил» на Верхотурской таможене товары (кафтаны, сукна, топоры, зеркала и др.), вероятно, предназначенные для перепродажи. В 1686/87 и 1689/90 гг. выполнял обязанности ямского старосты, в конце 1691 г. — десятника. В источниках также упоминается в марте 1693 г. и январе 1700 г. Был грамотным, привлекался к функциям толмача (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 366; Кн. 801. Л. 37, 264; Кн. 863. Л. 27 об., 84; Кн. 1208. Л. 133, 233; Оп. 3. Стб. 354. Л. 3–5; Стб. 787. Л. 34; Стб. 990. Л. 2, 131; Стб. 1015. Л. 134; Оп. 4. Стб. 94. Л. 17, 22; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1642; ДАИ. СПб., 1872. Т. 12. № 28. С. 300; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 160, 167, 170, 171, 173).

¹¹⁹ В марте 1676 г. ямщик Сергей Васильев сын Погадаев отсутствовал на Самаровском яме во время присяги царю Фёдору, т. к. уехал «в подводах под столником князем Тимофеем Козловским в Сургут». В 1683 г. имел двор в ямской слободе и сына Семёна (4 года), гонял полвыти, владел 150 копнами покосов «в лугу за рекою Иртышем» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 369 об.; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1643 об.).

¹²⁰ Степень родства Антона Яковлева сына Погадаева с В. Д. Погадаевым неясна. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору в числе «ямских детей, братьев и племянников». Как ямщик фиксировался с 1678/79 г. В 1683 г. имел двор в ямской слободе, гонял четь выти, за Иртышом у него размещались 100 копен покосов. В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. В источниках также упоминается в 1687 г. По переписи 1710 г. ему было 50 лет: владел двором в ямской слободе, в котором проживал с супругой Каптелиной Марковой (50 лет), сыном Андреем (18 лет) и дочерью Василисой (14 лет) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368; Кн. 1613. Л. 126; Оп. 3. Стб. 787. Л. 15; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1648; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 161).

¹²¹ Никита Кирилов сын Шаламов (Шеламов) был сыном состоятельного ямщика Кирилла Фёдоровича сына Шаламова (Шеламова), имущество которого в 1655/56 г. оценивалось в 40 рублей. Согласно переписи 1683 г., имел двор в ямской слободе, в котором проживал с сыновьями Иосифом, Владимиром (20 лет) и Фролом (5 лет). Другие его дети — Яков, Иван и ещё один Иван — жили в своих дворах. Гонял выть без чети. Владел сенными покосами «в лугу за рекою Иртышем» (30 копен), а также «вверх по Иртышу-реке выше Репаловских юрт на заречной стороне» (120 копен). В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. Активно ссужал крупными денежными суммами аборигенов и самаровских ямщиков, приобретал у них земли. Источниками фиксируется также в 1687/88, 1691 и 1692 гг. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 787. Л. 10; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1638 об.-1639; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 166–169).

¹²² Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 139. С. 463; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 78.

в собственности Н. К. Шаламова и его сыновей Ивана¹²³, Иосифа(?)¹²⁴, Владимира¹²⁵ и Софрона. Основанием для такого шага послужило то, что бывшие остяцкие «вотчины» регистрировались за Н. К. Шаламовым «в писцовых книгах» Поскочина¹²⁶.

В январе 1685 г. по соседству с описанной местностью на противоположном (левом) берегу Иртыша была отмечена деревня Реполовская. Тогда остяки Цингалинских (Цингальских) юрт Салтанко Кутлышиков «с товарищи» навечно поступились за 40-рублёвый долг промысловыми (рыбными, птичьими) и луговыми (пастбищами, сенокосами) угодьями Иосифу Никитину сыну Шаламову и Кириллу Феклистову сыну Худякову¹²⁷. Они размещались рядом с Реполовской¹²⁸. Нельзя исключать того, что деревню основали ямщики. В 1693 г. в ней проживали Иосиф Никитин сын Шаламов «с товарищи». Среди последних был Иван

¹²³ Иван Никитин сын Шаламов (Шеламаов) был самаровским ямщиком в 3-м поколении. В марте 1676 г. как ямщик присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. имел двор в ямской слободе и сына Ивана (3 года), гонял полпая, владел 150 копнами покосов «в лугу за рекою Иртышем». По данным переписи 1710 г., ему было 60 лет, располагал двором в ямской слободе, в котором проживал с сыновьями Василием (35 лет), Алексеем (20 лет) и Петром (15 лет), дочерью Авдотьей (20 лет), внуком Иваном (7 лет), внучками Федорой (5 лет), Еленой (2 года) и Ариной (6 месяцев), снохами Василисой Ивановой (35 лет) и Офимьей (20 лет) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 367; Кн. 1613. Л. 139 об.; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1640 об.).

¹²⁴ Иосиф Никитин сын Шаламов (Шеламаов) был самаровским ямщиком в 3-м поколении. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору в числе «ямских детей, братьев и племянников». В 1683 г. проживал во дворе отца в ямской слободе. В январе 1685 г. фиксировался как ямщик. В конце 1690 г. «колодником» его доставили с Самаровского яма в Тобольск. В 1693 г. проживал в деревне Реполовской. По данным переписи 1710 г., ему было 54 года, имел двор в ямской слободе, с ним проживали супруга Лукерья Васильева (50 лет), сын Емельян (13 лет), дочь Матрёна (24 года), а также крещёные остяк Василий Кирилов (20 лет) и остячка Арина Осипова (18 лет). Согласно источникам, на 1727 г. оставался живым. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368 об.; Кн. 801. Л. 439–439 об.; Кн. 1613. Л. 140–140 об.; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 157, 166–169, 170; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 72, 78).

¹²⁵ Владимир Никитин сын Шаламов (Шеламаов) был самаровским ямщиком в 3-м поколении. В 1683 г. жил во дворе отца в ямской слободе. В 1685 г. как ямщик давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. По данным переписи 1710 г., ему было 55 лет, имел двор в ямской слободе, в котором проживал с супругой Аксиньей Андреевой (40 лет), сыновьями Фёдором (16 лет), Семёном (11 лет) и еще одним Фёдором (6 лет), дочерьми Степанидой (23 года), Варварой (19 лет), Прасковьей (7 лет) и Матрёной (5 лет) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 136 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 33; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 167–169; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 72, 78).

¹²⁶ Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 139. С. 463, 464; В 1746 г. самаровские ямщики, среди которых находились потомки Н. К. Шаламова, продолжали владеть бывшими угодьями остяков С. Погонина «с товарищи» (Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 188–189).

¹²⁷ Возможно, отцом Кирилла Феклистова сына Худякова был самаровский ямщик Худяк Иванов. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору в числе «ямских детей, братьев и племянников». В 1683 г. как ямщик владел двором в ямской слободе, в котором жил с 18-летним братом Алексеем, гонял полпая, имел 150 копен покосов «в лугу за рекою Иртышем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. В конце 1691 г. служил ямским десятником. По данным переписи 1710 г., ему было 55 лет, имел двор в ямской слободе, с ним проживали супруга Федора Иванова (50 лет), сын Кузьма (20 лет), дочери Анна (20 лет), Акулина (15 лет) и Пелагея (10 лет), сноха Пелагея Васильева (20 лет). Источниками фиксируется в 1727 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368 об.; Кн. 1613. Л. 138 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 21; Оп. 4. Стб. 94. Л. 17, 22; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1641; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 157, 175–176).

¹²⁸ Этими угодьями И. Н. Шаламов владел по поступной грамоте не один десяток лет. 3 июня 1727 г. на Самаровском яме по его «объявлению» документ был внесён в записную книгу крепостей (Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 129. С. 436–437).

Терентьев сын Ершев (Ершов)¹²⁹. В марте того года он уступил свою землю за 10-рублёвый долг Алексею Феклистову сыну Худякову¹³⁰. Примечательна предыдущая судьба утраченных И. Т. Ершевым угодий. Когда-то его отец Терентий-Дружина Степанов сын Ершев (Ершов) «взял» (купил?) их у В. Д. Погадаева¹³¹. Как известно, деревне Реполовской была уготована долгая жизнь. В последующем она разрасталась и неоднократно меняла статус. Проплывавший в 1740 г. по Иртышу Г. Ф. Миллер насчитал (возможно, допустив некоторое преувеличение) между Реполовским погостом и Самаровым 100 пятисотсаженных вёрст (106,68 км)¹³².

Осваивали самаровцы и не столь отдалённые от ямской слободы места в низовьях Иртыша. 27 февраля 1691(?) г. остяки Базьяновых юрт Темличеевой (Базьянской) волости Домра Базьянов «с товарищи» «поступилися» «вечно» лугами в пользу ямщика Михаила Иванова сына Башмакова¹³³ за занятые «в государев ясак» 10 рублей. Их «вотчинная» земля размещалась южнее Самаровского яма — «от Медвежьей протоки¹³⁴ до Иртыша-реки, с нижнева конца протоки до верхнева, и где их Базьяновы юрты зимние и кругом на верхнем конце по обе стороны протоки остров». В поступной прописывалось условие о совместной эксплуатации угодий новым владельцем и аборигенами и содержалось обязательство друг друга «не изгонять»¹³⁵. В XVIII в. в этих местах источниками отмечалась деревня Базьянова, вероятно, основанная Башмаковыми или другими ямщиками. По Г. Ф. Миллеру (1740 г.), от Самаровского яма её отделяло 50 вёрст (53,34 км)¹³⁶.

¹²⁹ Иван Терентьев сын Ершев (Ершов) был самаровским ямщиком в 3-м поколении — сыном Терентия-Дружины Степанова сына Ершева (Ершова), внуком Степана Тимофеева сына Ерша. В марте 1676 г. как ямщик присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. имел двор в ямской слободе, в котором проживал с 5-летним сыном Иваном, гонял полпая, владел 40 копнами покосов. В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368; Оп. 3. Стб. 787. Л. 30; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1640).

¹³⁰ По-видимому, отцом Алексея Феклистова сына Худякова являлся самаровский ямщик Худяк Иванов. На 1683 г. ему было 18-лет: проживал в ямской слободе во дворе своего брата ямщика К. Ф. Худякова. В 1693 г. фиксировался как ямщик. Согласно переписи 1710 г., ему было 45 лет, имел двор в ямской слободе, с ним проживали жена Фекла Фёдорова (40 лет), сыновья Алексей (8 лет) и Иоаким (2 года), дочь Акулина (12 лет), а также «оброчной человек» Трифон Егорьев (40 лет) с женой Ариной (40 лет) и сыном Иваном (6 месяцев). На 1746 г. оставался собственником земли в Реполовском (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 139; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1641; Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 140. С. 465).

¹³¹ Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 170.

¹³² Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера Екатеринбург, 2006. С. 141–142.

¹³³ Михаил Иванов сын Башмаков происходил из Пустозёрского уезда, где «жил в бобыльском тягле». На Самаровском яме находился с 1671/72 г. В марте 1676 г. отсутствовал во время присяги царю Фёдору, т. к. уехал «в подводах под столником князем Тимофеем Козловским в Сургут». В 1683 г. имел двор в ямской слободе и сына Нефёда (3 года), гонял полвыти, владел 150 копнами покосов «в лугу за рекою Иртишем». Согласно переписи 1710 г., ему было 60 лет, проживал в ямской слободе во дворе своего сына ямщика Нефёда Башмакова (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 369 об.; Кн. 1613. Л. 116 об.; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1644 об.).

¹³⁴ Протока Медвежья на Иртыше.

¹³⁵ 14 февраля 1728 г. на Самаровском яме «по объявлению» ямщиков К. М. и А. Ф. Башмаковых (соответственно сына и внука М. И. Башмакова) поступная грамота на эти земли была зарегистрирована в записной книге крепостей (Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 165–166).

¹³⁶ Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 139.

В 1687/88 г. уже упоминавшийся Н. К. Шаламов получил от остяков Байбалаковских юрт¹³⁷ Белогорской волости Томилки (Тамилы) Коялова (Каялова) «с товарищи» покосы и промыслы (рыболовные, птичьи) в счёт 20-рублёвого долга. Они располагались в 12 верстах «от Самаровского яму вверх по Иртышу-реке выше Тимошкиных юрт, а ниже Базьяновых». В 1692 г. законность сделки была подтверждена разрядной администрацией. Основанием для этого послужило то, что угодья входили в пределы 15-вёрстной округи, отведённой под Самаровский ям при его устройстве, а аборигены утверждали, будто им от соседства с русскими людьми «никакой изгони и утеснения нет»¹³⁸.

В марте 1691 г. остяки Тимошкиных и Базьяновых юрт Темличеевой волости Лопарь и Шумила Торгулеевы «с товарищи» поступились «век без выкупу» Н. К. Шаламову «з детми» сенокосами и рыбными ловлями за 16-рублёвый долг¹³⁹. Известно также, что в 1690-е гг. Шаламовым посредством заклада перешли какие-то другие земли остяков Байбалаковских юрт¹⁴⁰. Нужно сказать, что представители этой фамилии самаровских ямщиков прочно обосновались в данной местности. В «Хорографической чертёжной книге» (1697–1711 гг.) на левом берегу Иртыша между Тимошкиными а" «от яму — 7 верст») и Базьяновыми юртами была отмечена принадлежавшая им деревня Шаламова¹⁴¹.

Самаровские ямщики активно расселялись по Оби и связывавшей её с Иртышом Неулевой протоке¹⁴². В 1686 г. Фёдор (Максимов сын?) Змановский¹⁴³, Григорий Оленев и Прохор Тимофеев сын (Скосырев?)¹⁴⁴ одолжили 10 рублей остякам Белогорской волости Сияке Ураксееву «с товарищи» на срок с 13 октября по 14 ноября под залог острова на Оби «против» Ольчиновых зимних юрт и Ендырской протоки. Здесь находились сенокосные, рыбные и птичьи

---

¹³⁷ Байбалаковские юрты находились в нескольких верстах выше Самаровского яма по Иртышу (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 67).

¹³⁸ Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 139. С. 463, 464.

¹³⁹ 8 марта 1727 г. на Самаровском яме «по объявлению» ямщика Фрола Шаламова (сына Н. К. Шаламова) поступная грамота на эти угодья была внесена в записную книгу крепостей (Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 138. С. 462–463).

¹⁴⁰ Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 174–175.

¹⁴¹ Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 67.

¹⁴² По Неулевой протоке осуществлялось сообщение между Самаровским ямом и Сургутом.

¹⁴³ В марте 1676 г. ямщик Фёдор Максимов сын Змановский присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. имел двор в ямской слободе, в котором проживал с сыновьями Иваном (12 лет) и Петром (9 лет), гонял выть, владел 100 копнами покосов. В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. Был грамотным (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368; Оп. 3. Стб. 787. Л. 25, 25 об.; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1637 об.–1638).

¹⁴⁴ В марте 1676 г. ямщик Прохор Тимофеев сын Скосырев приносил присягу на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. владел двором в ямской слободе, с ним жили сыновья Пётр (7 лет) и Никифор (5 лет), гонял полвыти, имел 100 копен покосов «в лугу за рекою Иртышем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова, тогда же выполнял функции толмача. В конце 1695 – начале 1696 г. ездил в Москву за жалованьем для своего яма на идущий 1695/96 г. По данным переписи 1710 г., ему было 68 лет, имел двор в ямской слободе, в котором проживал с супругой Агафьей Сидоровой (67 лет), сыновьями Дорофеем (18 лет), Петром (40 лет) и Никифором (38 лет), снохами Прасковьей (38 лет) и Федосьей (37 лет), внуками Никифором (18 лет), Борисом (9 лет), Герасимом (12 лет) и Прокопием (9 лет), внучками Марьей (8 лет) и Настасьей (6 месяцев). У него были «остяцкие породы две девки крепостные» — Федосья (60 лет) и Фёкла (4 года). Из материалов последующего времени следует, что Скосырев пожертвовал двором в ямской слободе Кодинскому Троицкому монастырю (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 367; Кн. 801. Л. 583, 624 об., 633; Кн. 1122. Л. 640; Кн. 1613. Л. 124–124 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 14, 50; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1643; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 181).

угодья. Поскольку выкуп не состоялся, остров окончательно перешёл заимодавцам. За аборигенами сохранилось право на эксплуатацию части бывшей «вотчины»¹⁴⁵.

В 1686/87 г. остяки Темличеевой волости Лопарь Таргелдеев (Таргилдеев, Таргинтеев) «с товарищи» заняли «для прокормленья и хлебной покупки» («потому что тот год голодной, рыбы нет и кормитца... нечем») у Григория Михайлова сына Скрыпунова (Скрипунова)¹⁴⁶ «з детми» 30 рублей. Не сумев вернуть деньги, 1 февраля того же года они передали ямщикам «за Обью-рекою остров» с лугами, рыбными и звериными ловлями «против протоки Соспаса¹⁴⁷, которая вышла из Неулевы протоки на Обь». В поступной оговаривалась возможность для аборигенов пользоваться утраченными угодьями¹⁴⁸.

3 февраля 1687 г. остяки Шапшинных юрт¹⁴⁹ Темличеевой волости Воллым Бабаков «с товарищи» из-за голода и необходимости платить ясак заложили Андрею Афанасьеву сыну Сумкину¹⁵⁰, Павлу Сидорову сыну Змановскому¹⁵¹, Василию Ильину сыну Корепанову¹⁵²

¹⁴⁵ Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 131. С. 438–439. 20 февраля 1728 г. на Самаровском яме «по объявлению» ямщиков П. Скосырева (вероятно, внука П. Т. Скосырева), И. Скосырева, П. Шеймина и П. Звягина закладная грамота на эти угодья была зарегистрирована в записной книге крепостей (Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 160).

¹⁴⁶ В марте 1676 г. ямщик Григорий Михайлов сын Скрипунов (Скрыпунов) отсутствовал на Самаровском яме во время присяги царю Фёдору, т. к. был «взят в Тоболеск по памяти». В начале 1681 г. и в 1690/91 г. выполнял обязанности ямского десятника. Согласно переписи 1683 г., имел двор в ямской слободе, в котором жил с сыновьями Иваном (10 лет) и Никифором (3 года), гонял выть, владел 300 копнами покосов «в лугу за рекою Иртишем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 366; Оп. 3. Стб. 787. Л. 7; Стб. 884. Л. 419; Стб. 990. Л. 181; Оп. 4. Стб. 94. Л. 56; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1638 об.).

¹⁴⁷ Протока Соспас соединяла Неулеву протоку и Обь.

¹⁴⁸ Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 132. С. 439. 3 июля 1730 г. на Самаровском яме «по объявлению» ямщиков Ф. Н. Скрыпунова (внука Г. М. Скрыпунова) «с товарищи» поступная грамота на остров была «записана» в записную книгу крепостей (Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 161). В XVIII в. в этих местах источниками фиксировалась деревня Скрипунова, вероятно, основанная представителями данной фамилии.

¹⁴⁹ Шапшины юрты находились на Неулевой протоке.

¹⁵⁰ В марте 1676 г. ямщик Андрей Афанасьев сын Сумкин присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. имел двор в ямской слободе, в котором проживал с сыновьями Фёдором и Петром (10 лет), гонял полвыти, владел 60 копнами покосов «в лугу за рекою Иртишем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 367 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 31; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1645).

¹⁵¹ Павел Сидоров сын Змановский, вероятно, был сыном самаровского ямщика Сидора Никитина сына Змановского. В марте 1676 г. как ямщик присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. владел двором в ямской слободе, 90 копнами покосов «в лугу за рекою Иртишем», гонял полвыти. В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. Имел сына Семёна и внука Кузьму (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 367 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 28; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1641).

¹⁵² Василий Ильин сын Корепанов, по-видимому, был сыном самаровского ямщика Ильи Игнатьева сына Корепанова. Происходил из черносошных крестьян Кеврольского уезда. На Самаровском яме жил с 1671/72 г. В марте 1676 г. присягал здесь царю Фёдору в числе «ямских детей, братьев и племянников». В 1683 г. был ямщиком, имел двор в ямской слободе, 150 копен покосов «в лугу подле реку Иртиш», гонял четь выти. В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А.М. Ушакова. Согласно переписи 1710 г., ему было 60 лет, владел двором в ямской слободе, в котором проживал с супругой Домной Логиновой (54 года), сыновьями Евдокимом (15 лет), Алексеем (9 лет) и Степаном (5 лет), дочерьми Ариной (38 лет), Федорой (20 лет), Марьей (18 лет) и еще одной Ариной (13 лет), внуком Максимом (7 лет) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368 об.; Кн. 1613. Л. 118; Оп. 3. Стб. 787. Л. 36; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1648 об.).

и А. Я. Погадаеву остров на Неулевой протоке «до Николина дни вешняго» (9 мая по ст. ст.) за 10 рублей. Ввиду просрочки платежа, они утратили свою «вотчину». По закладной предусматривалась совместная эксплуатация луговых и рыбных угодий бывшими и новыми владельцами¹⁵³. Следует отметить, что ямщики Сумкины закрепились на Неулевой протоке. В «Хорографической чертёжной книге» (1697–1711 гг.) на её левом берегу была отмечена деревня Сумкина¹⁵⁴.

В том же 1687 г. ямщику Василию Иванову сыну Коневу¹⁵⁵ с детьми Иваном и Саввой (Савелием)¹⁵⁶ от остяков Талимковых юрт¹⁵⁷ Темличеевой волости Тулки Талинкова и Воломки (Волотки) Левкина перешёл остров на Неулевой протоке с лугами и рыболовными промыслами за 10-рублёвый долг¹⁵⁸.

20 января 1691 г. остяки Темличеевой волости Калинка Вилпин «с товарищи» уступили самаровцам Фёдору Константинову сыну Попову и Бажену Данилову сыну Кузнецову¹⁵⁹ рыбные, птичьи и луговые угодья на Оби («вверх идучи на левой руке», рядом с Балиными

¹⁵³ Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 133. С. 440. 4 февраля 1728 г. на Самаровском яме «по объявлению» ямщиков И.П. Сумкина (возможно, внука А.А. Сумкина), И. Корепанова, М. Аленева (Оленева), М. Поромова и С. Конона «с братом» закладная грамота на эти угодья была внесена в записную книгу крепостей (Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 162–163).

¹⁵⁴ Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 67.

¹⁵⁵ Василий Иванов сын Конев происходил из черносошных крестьян Чердынского уезда. На Самаровском яме жил с 1641/42 г. Имел брата — самаровского ямщика Якова Иванова сына Конева. В 1655/56 г. его имущество оценивалось в 1 рубль 20 копеек. В марте 1676 г. отсутствовал на Самаровском яме во время присяги царю Фёдору, т. к. был «взят в Тоболеск по памяти». Согласно переписи 1683 г., имел двор в ямской слободе, в котором проживал с сыновьями Саввой (Савелием) и Иваном (19 лет). Гонял полвыти, владел 100 копнами покосов «в лугу за рекою Иртишем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова (РГАДА. Ф. 214. Кн. 610. Л. 366 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 3–4; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1643; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 150).

¹⁵⁶ В 1683 г. ямские дети Савва (Савелий) Васильев сын Конев с братом Иваном жили во дворе своего отца ямщика В.И. Конева в ямской слободе. Согласно переписи 1710 г., 45-летний С.В. Конев был ямщиком. Он имел двор в ямской слободе, в котором проживал с супругой Настасьей (40 лет), сыновьям Иваном (13 лет), Яковом (7 лет), Андреем (20 лет) и Михаилом (18 лет), дочерьми Пелагеей (9 лет) и Марфой (5 лет), матерью Прасковьей Ивановой (70 лет), снохами Авдотьей (20 лет) и Марьей (20 лет), внуками Иваном (3 года) и ещё одним Иваном (5 недель), внучкой Марьей (10 недель). Также у него была «остятка крепостная» Анна Иванова (14 лет). В январе 1716 г. «новокрещеной ясашной остяк» Темличеевой волости А.К. Пичуга поступил к нему за 2 рубля «вотчинною своею землею» на Неулевой протоке (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 135–135 об.; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 173–174).

¹⁵⁷ Талимковы юрты находились на Неулевой протоке.

¹⁵⁸ Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 163–164; В 1728 г. на Самаровском яме «по объявлению» М. Конева (возможно, сына С. В. Конева) «да брата ево» закладная грамота на остров была внесена в записную книгу крепостей (Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 134. С. 441). В XVIII в. на Неулевой протоке в источниках отмечалась деревня Конева, по-видимому, основанная представителями этой фамилии.

¹⁵⁹ Бажен Данилов сын Кузнецов был сыном состоятельного ямщика Данилы Кузнецова, имущество которого в 1655/56 г. оценивалось в 30 рублей. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору в числе «ямских детей, братьев и племянников». В 1683 г. жил в ямской слободе во дворе своего брата ямщика Данилы Данилова сына Кузнецова. На тот момент ему было 20 лет. В 1685 г. как ямщик (в источнике — «Кузнечихин») давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 28–29; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 73, 78).

и Чебыковыми юртами) за невозвращённые 10 рублей. По условиям сделки аборигены и ямщики становились совладельцами этих земель¹⁶⁰. Согласно Г. Ф. Миллеру (1740 г.), Балины и Чебыковы юрты находились выше истока Неулевой протоки по Оби. От Самаровского яма до них было не менее 65 вёрст (69,342 км)¹⁶¹.

10 января 1700 г. остяки Темличеевой волости Володимерко Левкин с племянником Воймохом заложили в 5 рублях «до Маслиной недели»¹⁶² «в голодное время себе на пропитание и в государев ясак» остров Сосновый «на верхнем конце Неулевы протоки» с ловлями (рыбными, птичьими) и лугами братьям Пачгановым (Зиновию¹⁶³ и Андрею Васильевым детям¹⁶⁴). Поскольку долг не был погашен, остров окончательно перешёл в руки кредиторов¹⁶⁵.

11 января 1700 г. Андрей Спиридонов¹⁶⁶ и А. Ф. Худяков одолжили тем же остякам 30 рублей на срок до 9 мая под залог земель по Неулевой протоке с промысловыми (рыбными, пти-

¹⁶⁰ Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 164–165. В январе 1728 г. на Самаровском яме «по объявлению» новых владельцев угодий ямщиков Е. и Е. И. Горшковых эта поступная грамота была внесена в записную книгу крепостей (Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 136. С. 461–462). В XVIII в. между Балиными и Чебыковыми юртами располагалась деревня Горшкова (Селиярский погост), вероятно, основанная представителями данной фамилии.

¹⁶¹ Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 66.

¹⁶² Масленая неделя — последняя неделя перед началом Великого поста.

¹⁶³ В марте 1676 г. ямщик Зиновий Васильев сын Пачганов отсутствовал на Самаровском яме во время присяги царю Фёдору, т. к. уехал «в Тоболеск по хлебные запасы». В 1683 г. имел двор в ямской слободе, с ним жили дети: Михаил (10 лет), Борис (6 лет) и Яков (3 года), гонял полвыти, владел 150 копнами покосов. В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. В январе 1686 г. служил ямским десятником, в 1694/95 г. — старостой. В 1710 г. ему было 65 лет. Он имел двор в ямской слободе, в котором проживал с супругой Еленой (62 года), сыновьями Трифоном (20 лет), Борисом (35 лет) и Иоакимом (28 лет), внуком Федосеем (1 год), снохами Агафьей (34 года) и Домной (26 лет). Его старший сын Михаил (44 года) жил в собственном дворе (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368; Кн. 1208. Л. 448; Кн. 1613. Л. 131 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 32; Стб. 990. Л. 172; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1642 об.).

¹⁶⁴ В марте 1676 г. Андрей Васильев сын Пачганов присягал на Самаровском яме царю Фёдору в числе «ямских детей, братьев и племянников». В 1685 г. как ямщик давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. К 1710 г. скончался. По переписи 1710 г., в ямской слободе находился двор его сына ямщика Бориса Андреева сына Пачганова (12 лет). В нём также проживали: вдова А. В. Пачганова Арина Осипова (55 лет), дочери Пелагея (15 лет) и Лукерья (7 лет), гулящий человек Пётр Степанов сын Муксунов (25 лет) с сестрой Прасковьей (20 лет) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 31; Шашков А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейнница. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. С. 127).

¹⁶⁵ Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 171–172; 20 августа 1727 г. на Самаровском яме «по объявлению» ямщиков М. З. и И. З. Пачгановых (детей З. В. Пачганова), а также Б. А. Пачганова (сына А. В. Пачганова) закладная грамота на эти угодья была внесена в записную книгу крепостей (Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 171). Возможно, З. В. Пачгановым здесь была основана деревня Зиновьева (Зинкова, Зенкова), упоминаемая в источниках с XVIII в.

¹⁶⁶ Андрей Спиридонов был сыном самаровского ямщика Спиридона Васильева, имущество которого в 1655/56 г. оценивалось в 10 рублей. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору в числе «ямских детей, братьев и племянников». В 1683 г. жил в ямской слободе во дворе своего брата ямщика Ивана Спиридонова. Тогда ему было 20 лет. В 1685 г. как ямщик давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. Судя по всему, к началу XVIII в. обеднел. Переписью 1710 г. фиксировался среди «ямских детей», ютился на подворье

чьими) и луговыми угодьями, «кроме лисьих гнезд» и вара «именем Ромвар»¹⁶⁷. Ввиду просрочки выкупа, «вотчины» стали совладением ямщиков и аборигенов¹⁶⁸.

Таким образом, к началу XVIII в. часть самаровских ямщиков расселилась на расстоянии до сотни вёрст от ямской слободы. Согласно переписи 1710 г., Самаровский ям продолжал оставаться крупным поселением. В слободе и «того яму в деревнях»¹⁶⁹ насчитывалось 943 человека обоого пола всех возрастов¹⁷⁰. В большинстве это были ямщики (действующие и бывшие) и члены их семей. В 144 ямских дворах проживало 144 ямщика-дворовладельца с 688 членами семей, 8 ямщиками-подворниками с 9 членами семей, 2 гулящими людьми с 1 членом семей, 6 солдатскими женами с 4 членами семей, 2 вдовами с 1 членом семей, 3 «скормленицами» (приёмными дочерьми), 1 «оброчным человеком» с 2 членами семьи, 3 ямскими детьми-подворниками с 2 членами семей и 16 крещёными аборигенами (среди которых встречались лично зависимые от ямщиков лица)¹⁷¹. В остальных 11 дворах проживал 51 человек: в 2 дворах духовенства местной церкви — 2 попа с членами семей, во дворе писчего (ямского) дьячка — 1 дьячок с 6 членами семьи, в 2 дворах «отставных» ямщиков — 2 отставных ямщика с 11 членами семей, в 1 бобыльском дворе — 1 «новокрещённой опрочной (оброчный — О. С.) бобыль» с 3 членами семьи, во дворе самаровского жителя — 1 «самаровской житель» с 2 членами семьи, в 2 вдовьих дворах — 2 ямские вдовы с 8 членами семей, в 1 солдатском дворе — 1 «Ратманова набору салдат» с 1 членом семьи, во дворе табачного промышленника — 1 «табашной промышленник» с 3 членами семьи¹⁷².

Активно расселялись по Тобольскому уезду демьянские ямщики. Так, в 1675 г. Н. Г. Спафарием была отмечена деревня Черноярская. Она располагалась на правой стороне Иртыша в 6,5 вёрстах (13,868 км) ниже Демьянского яма¹⁷³. Как уже говорилось, переписью

у ямщика А. И. Карандашева (РГАДА. Ф. 214. Кн. 610. Л. 368 об.; Кн. 1613. Л. 130 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 29; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1645; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 150).

¹⁶⁷ Вар — разновидность сооружения для ловли рыбы.

¹⁶⁸ Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 172–173; В июле 1728 г. на Самаровском яме «по объявлению» А. И. Спиридонова (племянника А. Спиридонова) закладная грамота на эти угодья была внесена в записную книгу крепостей (Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 142. С. 466). С XVIII в. на Неулевой протоке источниками фиксировалась деревня Спиридонова (Спирина), вероятно, основанная представителями отмеченной фамилии.

¹⁶⁹ В материалах переписи 1710 г. говорилось о наличии у самаровцев деревень, однако сведения об их количестве и названиях отсутствовали (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 143, 144 об.).

¹⁷⁰ В переписной книге Самаровского яма 1710 г. содержится отличная от наших подсчётов итоговая цифра населения — 959 человек обоого пола всех возрастов (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 144 об.).

¹⁷¹ Подсчитано по: Шашков А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. С. 96–100, 101–114, 115–120, 121–130, 131–136.

¹⁷² Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 116, 118 об., 122, 125, 125 об., 129 об., 136, 141. Согласно Е. В. Вершинину, русское постоянное население обоого пола всех возрастов Пельымского, Берёзовского, Сургутского, Мангазейского, Нарымского, Кетского уездов и Самаровского яма «не превышало в начале XVIII в. 5500–5700 человек» (Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. С. 325, 465). Следовательно, на долю Самаровского яма приходилось 16–17 % русских жителей Северо-Западной Сибири.

¹⁷³ Милеску-Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. С. 27–28; Переписью Л. М. Поскочина (1683 г.) Черноярская не упоминалась. Однако она фиксировалась в «Хорографической чертёжной книге» (1697–1711 гг.) и материалах подворной переписи 1710 г. Согласно первому источнику, Черноярская включала 16 дворов (без указания социального статуса их владельцев). В 1740 г. деревню Чёрный Яр описал Г. Ф. Миллер. Учёный насчитал «20 ямщицких дворов», а расстояние от неё до Демьянского яма определил в 21 версту (22,402 км) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 76 об.–78 об.; Ремезов С. У.

1683 г. за демьянцами фиксировалось 14 деревень. Одни из них находились вблизи ямской слободы, другие на значительном удалении от нее — в Нарымской, Демьянской, Назымской (Лебаут), Уватской и Туртаской ясачных волостях. Это были деревни Солянка (3 ямских двора (3 ямщика-дворовладельца с 7 членами семей мужского пола (далее — м. п.))¹⁷⁴, Рачева (2 ямских двора (2 ямщика-дворовладельца с 8 членами семей м. п.))¹⁷⁵, Кривкова (3 ямских двора (3 ямщика-дворовладельца с 5 членами семей м. п.))¹⁷⁶, Алымка (8 ямских дворов (8 ямщиков-дворовладельцев с 22 членами семей м. п.))¹⁷⁷, Уватская (14 ямских дворов (14 ямщиков-дворовладельцев с 47 членами семей м. п.))¹⁷⁸, Кошелева (4 ямских двора (4 ямщика-дворовладельца с 19 членами семей м. п.))¹⁷⁹, Суботина (Субботина) (1 ямской двор (1 ямщик-дворовладелец с 4 членами семьи м. п.))¹⁸⁰, Горемыка (1 ямской двор (1 ямщик-дворовладелец с 2 членами семьи м. п.))¹⁸¹, Холодилова (4 ямских двора (4 ямщика-дворовладельца с 15 членами семей м. п.))¹⁸², Перфильева (3 ямских двора (3 ямщика-дворовладельца с 9 членами семей м. п.)), Фокина (2 ямских двора (2 ямщика-дворовладельца с 7 членами семей м. п.)), Добрынина (23 ямских двора (23 ямщика-дворовладельца с 60 членами семей м. п.)),

---

Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 71; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 147–148).

¹⁷⁴ Солянка находилась выше Демьянского яма на восточном берегу Иртыша, по Г. Ф. Миллеру, в 36 вёрстах (38,404 км) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 71; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 150–152).

¹⁷⁵ Рачева располагалась ниже Демьянского яма на правом берегу Иртыша. Согласно «Хорографической чертёжной книге», она состояла из пяти дворов (без указания социального статуса их владельцев). По Г. Ф. Миллеру, между Рачевой и Демьянским ямом насчитывалось 6 вёрст (6,4 км) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 71; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 148).

¹⁷⁶ Кривкова размещалась севернее Демьянского яма (правобережье Иртыша). По данным «Хорографической чертёжной книги», она включала 16 дворов (без указания социального статуса их владельцев). Г. Ф. Миллер определил расстояние от Кривковой до Демьянского яма в 22 версты (23,469 км) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 71; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 147–148).

¹⁷⁷ Алымка (Алымская) располагалась выше Демьянского яма на Иртыше. По Г. Ф. Миллеру, между этими поселениями насчитывалось 109 вёрст (116,281 км) (Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 150–157).

¹⁷⁸ В 1675 г. Н. Г. Спафарий отметил русскую деревню Овот (Уват) выше Демьянского яма на левой стороне Иртыша. В атласах С. У. Ремезова фиксировался Уватский погост, правда, на восточном берегу реки. Г. Ф. Миллер поместил его на западной стороне Иртыша. Расстояние от Уватского погоста до Демьянского яма историк определил в 84 версты (89,611 км) (Милеску-Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. С. 25; Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 74; Служебная чертёжная книга 1697–1701 гг. Тобольск. 2006. Л. 28 об.–29; Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. М., 2003. Т. 1. Л. 5 об.; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 150–155).

¹⁷⁹ Кошелева (Кошелевская) находилась выше Демьянского яма на восточном берегу Иртыша (согласно Г. Ф. Миллеру, в 63 вёрстах (67,208 км)) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 74; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 150–155).

¹⁸⁰ Суботина располагалась ниже Демьянского яма на правой стороне Иртыша. По данным «Хорографической чертёжной книги», деревня состояла из 2 дворов (без указания социального статуса их владельцев). Г. Ф. Миллер оценил расстояние от Суботиной до Демьянского яма в 58 вёрст (61,874 км) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 70; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 146–148).

¹⁸¹ Судя по всему, деревня Горемыка находилась выше Демьянского яма по Иртышу (недалеко от речки Алымки).

¹⁸² Холодилова размещалась выше Демьянского яма по Иртышу.

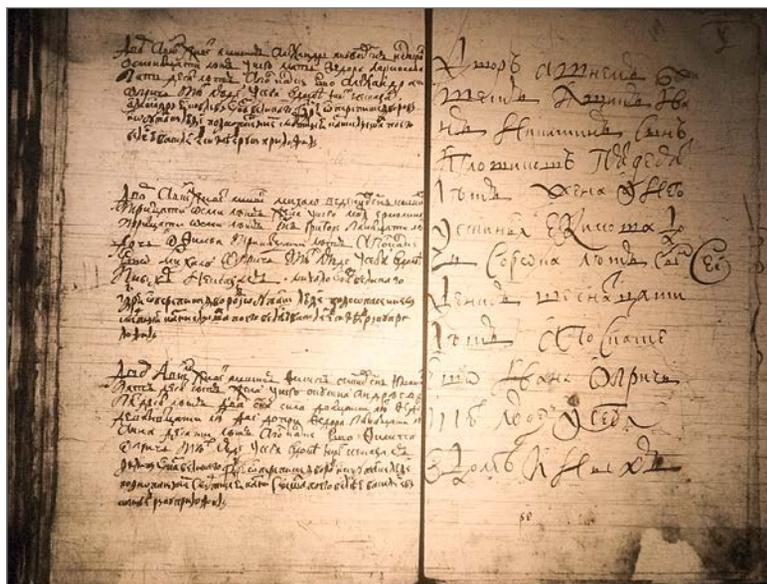

Рис. 2.44. Переписная книга В. И. Измайлова Демьянского яма 1710 г.
Фрагм. из арх. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 108 об.–109

Мурзина (3 ямских двора (3 ямщика-дворовладельца с 9 членами семей м. п.)), Овсянкина (6 ямских дворов (6 ямщиков-дворовладельцев с 12 членами семей м. п.))¹⁸³.

Подобно самаровцам, в руках демьянцев постепенно концентрировались угодья аборигенов. По данным посковинской переписи, проживавший в деревне Уватской Матвей Фадеев сын Поспелов имел 400 копен покосов, которые в конце 1670-х гг. «заложили ему... ясашные остяки» Туртасской волости¹⁸⁴. Согласно тому же источнику, ямщик Яков Родионов сын Медведев из Кошелевой владел «тою деревнею и пашенною землею» (6,5 десятин «в поле, а в дву потому ж») «по закладной ясашных остяков Ясаулка Маргадаева» «с товарищи» от 1660/61 г.¹⁸⁵

Переписью 1710 г. на Демьянском яме учитывалось 2430 человек обоего пола всех возрастов¹⁸⁶. Большинство из них составляли ямщики и члены их семей. Ямская слобода включала 99 ямских дворов (99 ямщиков-дворовладельцев с 577 членами семей, 1 ямщиком-под-

¹⁸³ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1620–1634.

¹⁸⁴ В марте 1676 г. ямщик Матвей Фадеев сын Поспелов присягал на Демьянском яме царю Фёдору. В 1683 г. проживал в своём дворе в деревне Уватской с сыновьями Иваном и Василием (7 лет), гонял 0,75 пая, владел пашней в размере 4 десятины «в поле, а в дву потому ж». Кроме упомянутых 400 копен «закладных» покосов, имел 100 копен покосов «в лугу подле реку Иртыш» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 358 об.; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1622 об.–1623).

¹⁸⁵ В марте 1676 г. ямщик Яков Родионов сын Медведев присягал на Демьянском яме царю Фёдору. В 1683 г. проживал в своём дворе в деревне Кошелевой с детьми Иваном, Денисом, Еремеем и Тихоном, внуками Андреем (10 лет), Василием (6 лет), Григорием (5 лет) и Кириллом (10 лет), гонял 1,25 пая, имел пашню и 400 копен покосов «в лугу по обе стороны реки Иртыша» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 358; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1625 об.).

¹⁸⁶ В переписной книге Демьянского яма 1710 г. итоговая цифра населения отличается от наших вычислений — 2413 человек обоего пола всех возрастов (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 111 об.–112).

ворником с 3 членами семьи, 1 вдовой с 2 членами семьи, 1 «тоболским жителем» с 1 членом семьи, 2 «тоболскими целовальниками» с 8 членами семей, 15 солдатскими жёнами с 21 членом семей, 2 крещёными аборигенами); 3 вдовьих двора (3 ямские вдовы с 12 членами семей, 1 солдатской женой с 2 членами семьи)¹⁸⁷.

Основная часть демьянцев проживала в 20 деревнях: Филиной (9 ямских дворов (9 ямщиков-дворовладельцев с 47 членами семей, 1 солдатской женой с 2 членами семьи) и 2 солдатских двора (1 «Ратманова набору салдат» с 2 членами семьи и 1 солдатская жена с 3 членами семьи))¹⁸⁸, Деншиковой (Денщиковой) (4 ямских двора (4 ямщика-дворовладельца с 22 членами семей))¹⁸⁹, Субботиной (6 ямских дворов (6 ямщиков-дворовладельцев с 42 членами семей, 1 крещёным остяком) и 2 солдатских двора (2 солдатские жены с 8 членами семей, 1 ямщиком-подворником с 4 членами семьи)), Тугаловой (6 ямских дворов (6 ямщиков-дворовладельцев с 44 членами семей, 6 солдатскими жёнами с 8 членами семей), 2 вдовьих двора (2 ямские вдовы с 17 членами семей, 1 солдатской женой с 3 членами семьи) и 1 солдатский двор (1 солдатская жена с 2 членами семьи))¹⁹⁰, Черноярской (10 ямских дворов (10 ямщиков-дворовладельцев с 67 членами семей, 2 солдатскими жёнами с 4 членами семей) и 1 солдатский двор (1 солдатская жена с 2 членами семьи)), Кривковой (7 ямских дворов (7 ямщиков-дворовладельцев с 40 членами семей, 1 остячкой)), Журуновой (5 ямских дворов (5 ямщиков-дворовладельцев с 38 членами семей, 2 солдатскими жёнами с 4 членами семей) и 1 солдатский двор (1 солдатская жена с 4 членами семьи)), Рачевой (7 ямских дворов (7 ямщиков-дворовладельцев с 40 членами семей)), Фокиной (6 ямских дворов (6 ямщиков-дворовладельцев с 38 членами семей, 1 «девицей»)), Юровой (24 ямских двора (24 ямщика-дворовладельца со 147 членами семей, 3 солдатскими жёнами с 1 членом семьи))¹⁹¹, Ишик (15 ямских дворов (15 ямщиков-дворовладельцев со 118 членами семей))¹⁹², Моховой (6 ямских дворов (6 ямщиков-дворовладельцев с 18 членами семей, 1 солдатской женой) и 1 солдатский двор (1 «Ратманова набору салдат» с 1 членом семьи))¹⁹³, Солянке (13 ямских

¹⁸⁷ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 51–69.

¹⁸⁸ Филина находилась ниже Демьянского яма на правом берегу Иртыша. Согласно «Хорографической чертёжной книге», она включала 6 дворов (без указания социального статуса их владельцев). Г. Ф. Миллер определил расстояние от Филинского погоста до Демьянского яма в 88 вёрст (93,878 км) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 69; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 144–148).

¹⁸⁹ Деншикова размещалась ниже Демьянского яма на Иртыше (по Г. Ф. Миллеру, в 76 вёрстах (81,076 км)) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 69; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 145–148).

¹⁹⁰ В «Хорографической чертёжной книге» ниже Демьянского яма на правой стороне Иртыша были отмечены деревни Тугалова и Тугаловская. В 1740 г. Тугалову (она же Власова) описал Г. Ф. Миллер, правда, поместив её на левобережье Иртыша. Расстояние от неё до Демьянского яма учёный оценил в 38 вёрст (40,538 км) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 70; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 146–148).

¹⁹¹ В «Хорографической чертёжной книге» выше Демьянского яма на правом берегу Иртыша фиксировалась деревня Юровская. В 1740 г. Г. Ф. Миллером был описан Юровой погост. Учёный насчитал между ним и Демьянским ямом 31 версту (33,070 км) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 71; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 150–152).

¹⁹² Деревня Ишик располагалась выше Демьянского яма на правом берегу Иртыша (по Г. Ф. Миллеру, в 30 вёрстах (32,004 км)) (Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 150–152).

¹⁹³ Моховая находилась выше Демьянского яма на правой стороне Иртыша. По Г. Ф. Миллеру, эти населённые пункты разделяли 34 вёрсты (36,271 км) (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная

дворов (13 ямщиков-дворовладельцев с 78 членами семей)), Перфильевой (9 ямских дворов (9 ямщиков-дворовладельцев с 64 членами семей)), Суровой (3 ямских двора (3 ямщика-дворовладельца с 14 членами семей, 1 солдатской женой с 3 членами семьи)), Кошелевой (7 ямских дворов (7 ямщиков-дворовладельцев с 53 членами семей, 2 вдовами с 3 членами семей)), Стерховой (8 ямских дворов (8 ямщиков-дворовладельцев с 45 членами семей, 1 гулящим человеком))¹⁹⁴, Лебаутовой (8 ямских дворов (8 ямщиков-дворовладельцев с 54 членами семей, 1 солдатской женой))¹⁹⁵, Уватской (39 ямских дворов (39 ямщиков-дворовладельцев с 281 членом семей, 1 ямщиком-подворником с 2 членами семьи, 2 гулящими людьми, 2 «приимышами» (приёмными сыновьями), 2 лично зависимыми крещёными аборигенами) и 1 двор гулящего человека (1 гулящий человек с 1 членом семьи)), Алымке (16 ямских дворов (16 ямщиков-дворовладельцев с 63 членами семей, 1 «девицей»))¹⁹⁶. Фиксировались также двор писчего (ямского) дьячка (1 дьячок с 4 членами семьи), 2 «поповых» двора (2 попа с 9 членами семей), двор вдовы «бывшего самаровского¹⁹⁷ протопопа» (1 вдова с 5 членами семьи), двор церковного дьячка (1 дьячок с 1 членом семьи), двор «пономарев» (1 пономарь с 7 членами семьи) и двор отставного дьячка (вероятно, церковного) (1 «отставной» дьячок с 6 членами семьи, 1 крещёной остячкой)¹⁹⁸. Их местоположение неизвестно. Вероятно, это была ямская слобода.

Хозяйства большинства ямщиков имели потребительский (нетоварный) характер. Часть самаровцев и демьянцев занималась предпринимательством. В таёжно-болотистом Нижнем Прииртышье преобладали добывающие промыслы (охота, рыболовство, собирательство)¹⁹⁹. Отдельные члены «мира» переходили к обработке сырья. Так, в 1683 г. источниками фиксировалась кузница демьянского ямщика Якова Семенова сына Перевалова²⁰⁰, которой тот ранее владел безоборочно. С указанного времени на неё было «наложено» «государева

книга Сибири. Л. 71; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 150–152).

¹⁹⁴ Согласно «Хорографической чертёжной книге», Стерхова размещалась выше Демьянского яма на восточном берегу Иртыша неподалёку от деревни Ишик. Г. Ф. Миллер отметил её в другом месте — в 59 вёрстах (62,941 км) от Демьянского яма вверх по Иртышу (Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Л. 71; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 150–154).

¹⁹⁵ Лебаутова (Лебаутская) располагалась выше Демьянского яма по Иртышу. Согласно Г. Ф. Миллеру, между этими поселениями было 69 вёрст (73,609 км) (Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 150–155).

¹⁹⁶ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 70–109 об.

¹⁹⁷ Возможно, в источнике была допущена ошибка и речь шла о дворе вдовы бывшего демьянского протопопа.

¹⁹⁸ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 141 об.–142 об.

¹⁹⁹ О промысловой деятельности русского населения в низовьях Иртыша и близлежащей части Оби также говорит отчётная документация Самаровского яма, согласно которой за 1675/76–1679/80 гг. оброчная плата с рыбных ловель составила 9 рублей 97 копеек, в 1683/84–1684/85 гг. — 5 рублей 30 копеек (Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 128. С. 434, 435, 436; № 130. С. 437).

²⁰⁰ Яков Семенов сын Перевалов был сыном демьянского ямщика Семёна Перевалова, «промысел» и имущество которого в 1655/56 г. оценивались в 3 рубля. В 1683 г. проживал в своём дворе в ямской слободе с сыновьями Григорием (13 лет), Никифором (11 лет), Савкой (9 лет), Тимофеем (7 лет) и Иваном (5 лет). Совместно с братьями (жившими отдельными дворами Василием и Степаном Семеновыми детьми Переваловыми) гонял полпая, владел пашней в размере 2,5 десятины «в поле, а в дву потому ж» и 300 копнами покосов «в лугу за рекою Иртышем» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 328. Л. 134; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1611 об.).

денежного оброку» 20 копеек «на год»²⁰¹. Также самаровцы и демьянцы подрабатывали извозным промыслом.

Экономической активности ямщиков благоприятствовали служебные поездки (в т. ч. в европейскую Россию), в ходе которых они закупали редкие для своего региона товары с целью перепродажи. Так, в июле 1674 г. самаровцы Марк Григорьев сын (Чердынец?)²⁰² и Григорий Тимофеев сын (Грешной?)²⁰³ «явили» в Тобольске «русского товару» соответственно на 23 рубля 85 копеек (сукна, шёлк, кокошники, ножи и др.) и 32 рубля 90 копеек (сковороды, кафтан, зипуны и др.), демьянцы Семён Васильев²⁰⁴ и Тимофей Осипов сын (Молоков?)²⁰⁵ — на 29 рублей (сукна, овчины, шёлк и др.)²⁰⁶.

Развитие торгово-промышленной деятельности самаровцев и демьянцев усиливало имущественное неравенство между ними. На нижнеиртышских ямах встречались состоятельные ямщики. Они эксплуатировали обедневших членов «мира», лично свободных сторонних лиц и похолопленных крещёных аборигенов²⁰⁷. Наёмный и подневольный труд использо-

²⁰¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1634 об.

²⁰² Марк Григорьев сын Чердынец происходил из черносошных крестьян Ныробской волости Чердынского уезда. С 1651/52 г. жил на Самаровском яме, в марте 1676 г. присягал здесь царю Фёдору. В конце 1680 – начале 1681 г. ездил в Москву бить челом о жалованье. В 1683 г. имел двор в ямской слободе, гонял полвыти, владел 100 копнами покосов «в лугу за рекою Иртышем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. В 1686–1687 гг. привлекался к функциям толмача (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368; Оп. 3. Стб. 787. Л. 39; Стб. 884. Л. 71, 72, 73, 73 об., 94, 94 об.; Стб. 907. Л. 407–408; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1640–1640 об.; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 160, 162).

²⁰³ Григорий Тимофеев сын Грешной родился в Устюжском уезде в вотчине Троицкого монастыря. С 1651/52 г. жил «на Самаровском яму», в марте 1676 г. присягал здесь царю Фёдору. В 1683 г. имел двор в ямской слободе, сыновей Семёна (10 лет) и Михаила (6 месяцев), гонял полвыти, владел 40 копнами покосов «в лугу за рекою Иртышем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. 16 августа 1697 г. отправился с Самаровского яма до Сургута на дощаниках «з государевыми хлебными запасы». По данным переписи 1710 г., ему было 93 года, имел двор в ямской слободе, в котором проживал с сыновьями Семёном (45 лет), Иваном (23 года) и снохой Ульяной Ивановой (45 лет) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 366; Кн. 1208. Л. 589 об.; Кн. 1613. Л. 113; Оп. 3. Стб. 787. Л. 5; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1643 об.).

²⁰⁴ Очевидно, речь шла о Семёне Васильеве сыне Крылове. В марте 1676 г. присягал на Демьянском яме царю Фёдору. В 1683 г. владел двором в ямской слободе, с ним проживали сыновья Тарас (10 лет), Григорий (7 лет) и Елисей (5 лет), гонял полвыти, имел пашню в размере 4 десятины «в поле, а в дву потому ж», 100 копен сенокосов «в лугу за рекою Иртышем». В 1686/87 г. служил ямским старостой. В конце 1688 – начале 1689 г., а также в конце 1691 – начале 1692 г. ездил в Москву за жалованьем для своего яма (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 360; Кн. 801. Л. 419, 491; Кн. 957. Л. 216–216 об., 263 об.–264, 471; Кн. 971. Л. 83 об., 97, 201; Оп. 3. Стб. 990. Л. 131; Стб. 1015. Л. 134; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1608 об.).

²⁰⁵ В 1655/56 г. имущество ямщика Тимофея Осипова сына Молокова оценивалось в 3 рубля. В марте 1676 г. присягал на Демьянском яме царю Фёдору. В 1683 г. владел двором в ямской слободе, в котором жил с сыновьями Иваном, Василием, Семёном (15 лет) и Петром (4 года), внуками Антипом (3 года), Петром (1 год) и Василием (6 месяцев), гонял полвыти, имел пашни 2,5 десятины «в поле, а в дву потому ж», 200 копен сенокосов «в лугу за рекою Иртышем», «да у него ж закладной покос за рекою Иртышем на 200 копен» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 328. Л. 132; Кн. 610. Л. 358–358 об.; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1610).

²⁰⁶ Таможенная книга Тобольска за 1672/73 г. // Таможенные книги сибирских городов XVII века (Тобольск, Кетск). Новосибирск, 2003. Вып. 5. С. 159.

²⁰⁷ Душевладение не свидетельствовало о привилегированности ямщиков. В конце XVII – начале XVIII в. «за Камнем» похолопленных крещёных аборигенов имели представители самых различных слоёв: служилые люди, духовенство и даже крестьяне (Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 13).

вался в ямском хозяйстве и для гоньбы. Согласно сборным книгам десятой деньги 1655/56 г., самыми прожиточными среди демьянцев были Авксентий Семенов и Кузьма Яковлев сын Захаров²⁰⁸ с братом Петром. Имущество первого оценивалось в 10 рублей, вторых — в 30 рублей²⁰⁹. Среди самаровцев выделялись Кирилл (Федоров сын?) Шаламов (Шеламов)²¹⁰ и Михаил Романов²¹¹. Их пожитки равнялись соответственно 40 и 45 рублям²¹². Переписью 1683 г. на Самаровском яме отмечалось три похолопленных аборигена. Речь шла о Фёдоре Степанове («купленной детина остяцкие породы») и его сыновьях, Матвее (1 год) и Хрисанфе (6 месяцев)²¹³. Ими владел ямщик Степан Никитин сын Пенежанин (Пинежанин)²¹⁴. По данным переписи 1710 г., из 16 проживавших на Самаровском яме аборигенов лично зависимыми являлись не менее 10. Ямщику Федосею Максиму сыну Кузнецовых (47 лет)²¹⁵ принадлежали «вагулские породы крепостные две девки», Фетинья (14 лет) и Прасковья (14 лет)²¹⁶, его родному брату Лариону Максиму сыну Кузнецовых (52 года)²¹⁷ — «онкотцкие породы дворовой человек» Иван Кирилов (30 лет) с женой Авдотьей Ивановой (30 лет), сыновьями Ильёй (4 года), Егором (2,5 года) и Иваном (1,5 года)²¹⁸. Упоминавшимся ранее Прохору Тимофееву сыну Скосыреву (68 лет) — «остятцкие породы две девки крепостные»,

---

²⁰⁸ В марте 1676 г. Кузьма Яковлев сын Захаров присягал на Демьянском яме царю Фёдору (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 358).

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 328. Л. 130 об.–131 об.

²¹⁰ Судя по всему, Кирилл Федоров сын Шаламов (Шеламов) проживал на Самаровском яме с 1636/37 г. Осенью 1642 г. искал земли под пашню с тобольским письменным головой С. У. Баскаковым. В 1655/56 г. ездил в Москву бить челом о жалованье. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору. Имел сына Никиту (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 366 об.; Оп. 3. Стб. 448. Л. 40–41; Стб. 1462. Л. 5, 5 об., 7, 7 об.; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. № 424. С. 582–583; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 71–72).

²¹¹ В 1655/56 г. Михаил Романов ездил в Москву бить челом о жалованье для Самаровского яма (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1462. Л. 5, 5 об., 7, 7 об.).

²¹² Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 149.

²¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1647.

²¹⁴ Как видно из фамилии, Степан Никитин сын Пенежанин (Пинежанин) был выходцем с Пинеги (Поморье). В 1650/51 г. и в начале 1681 г. выполнял обязанности самаровского ямского десятника. В 1655/56 г. его имущество оценивалось в 15 рублей. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. имел двор в ямской слободе, гонял четь выти, владел 100 копнами покосов «в лугу за рекою Иртишем» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 367 об.; Оп. 3. Стб. 448. Л. 85, 113; Стб. 884. Л. 419; Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 121. С. 426; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 86).

²¹⁵ По-видимому, Федосей Максимов сын Кузнецовых был сыном самаровского ямщика Максима Михайлова. В 1683 г. проживал во дворе отца в ямской слободе. Согласно переписи 1710 г., имел супругу Матрёну Федорову (35 лет), детей Ивана (4 года), Марью (6 лет) и ещё одну Марью (4 недели). Жил своим двором. Был грамотным (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1637 об.; Шашков А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. С. 108).

²¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 121.

²¹⁷ Как можно полагать, Ларион Максимов сын Кузнецовых являлся сыном самаровского ямщика Максима Михайлова. В 1683 г. проживал в отцовском дворе в ямской слободе. В начале 1698 г. ездил в Москву за жалованьем. В июне того же года повез с Самаровского яма в Тобольск «явленные... две лисицы» (принадлежавшие ему и остяку Белогорской волости С. Трескину), а также «государские денги збору Самаровского яму» (18 рублей 53 копейки). По данным переписи 1710 г., имел супругу Аграфену Осипову (40 лет), детей Максима (9 лет) и Агафью (15 лет). Жил своим двором (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1154. Л. 49 об.; Кн. 1176. Л. 433–433 об.; Кн. 1208. Л. 631 об.; Кн. 1210. Л. 119; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1637 об.; Шашков А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. С. 97).

²¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 113 об.

Федосья (60 лет) и Фёкла (4 года)²¹⁹, а Савелию Васильеву сыну Коневу (45 лет) — «остятка крепостная» Анна Иванова (14 лет)²²⁰. Согласно тому же источнику, «в домах» отдельных самаровцев ютились (вероятно, за какие-то услуги) не имевшие собственного жилья ямщики, а также гулящие и оброчные люди. Так, у Иосифа Силуянова (40 лет) жил ямщик Лаврентий Сергеев (23 года)²²¹, у Ивана Иванова сына Ершева (Ершова) (35 лет)²²² — ямщики Григорий и Яков (19 лет) Стафеевы дети Пономаревы²²³, у Алексея Данилова сына Кузнецовых (23 года)²²⁴ — ямщик Сидор Иванов (54 года)²²⁵ с супругой Марфой Игнатьевой и сыном Павлом²²⁶, у Андрея Терентьева сына Бебякова (36 лет)²²⁷ — ямщик Максим Васильев (19 лет)²²⁸ с сестрой Евдокией²²⁹, у Ивана Порфирьева сына Милкова (26 лет)²³⁰ — ямщик Хрисанф Артемьев сын Егишев (Игишев) (35 лет)²³¹ с женой Марьей, детьми Дмитрием и Марфой²³². У Филиппа Михайлова сына Башмакова (30 лет)²³³ обитал ямщик Исак Иванов сын Тренин (30 лет)²³⁴, у Тимофея Кирилова сына Пластинина (75 лет)²³⁵ — ямщик Иван Васильев

²¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 124 об.

²²⁰ Там же. Л. 135 об.

²²¹ Там же. Л. 128 об.

²²² Иван Иванов сын Ершев (Ершов) был сыном самаровского ямщика Ивана Терентьева сына Ершева (Ершова), о котором говорилось выше.

²²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 127 об. Не исключено, что Григорий и Яков Стафеевы дети Пономаревы были потомками известных нам самаровских ямщиков — сыновьями Евстафия Захарова, внуками Захара Васильева.

²²⁴ Вероятно, Алексей Данилов сын Кузнецовых был внуком самаровского ямщика Данилы Кузнецова.

²²⁵ Возможно, речь шла о Сидоре Ивановне сыне Спехове, отцом которого был ямщик Иван Спех. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору в числе «ямских детей, братьев и племянников». В 1683 г. как ямщик имел двор в ямской слободе (в котором жил с 10-летним братом Михаилом), гонял полвыти, владел 90 копнами покосов «в лугу за рекою Иртишем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. В 1690/91 г. служил ямским десятником (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 20; Стб. 990. Л. 181; Оп. 4. Стб. 94. Л. 56; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1645–1645 об.).

²²⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 130.

²²⁷ Скорее всего, Андрей Терентьев сын Бебяков был сыном самаровского ямщика Терентия Бебякова.

²²⁸ Очевидно, имелся в виду Максим Васильев сын Арефьев, который был самаровским ямщиком в 4-м поколении — сыном Василия Федорова сына Арефьева, внуком Федора Арефьева, правнуком Арефия Анкудинова.

²²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 131.

²³⁰ Иван Порфирьев сын Милков был сыном самаровского ямщика Порфирия Ильина сына Милкова.

²³¹ Хрисанф Артемьев сын Егишев (Игишев) являлся сыном самаровского ямщика Артюшки Егишева (Игишева).

²³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 134 об.–135.

²³³ Судя по всему, отцом Филиппа Михайлова сына Башмакова был уже упоминавшийся самаровский ямщик Михаил Иванов сын Башмаков.

²³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 136.

²³⁵ В марте 1676 г. Тимофей Кирилов сын Пластинин присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. жил в своём дворе в ямской слободе с сыновьями Иоакимом (20 лет), Семёном (10 лет) и Иваном (3 года), гонял полвыти, владел 50 копнами покосов «в лугу за рекою Иртишем». В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А. М. Ушакова. Согласно переписи 1710 г., имел сына Иоакима (48 лет), сноху Дарью Степанову (48 лет), внуков Ивана (10 лет) и Афанасия (7 лет), внучек Екатерину (20 лет), Агафью (13 лет) и Марью (3 года), племянника

сын Поромов²³⁶ с супругой Авдотьей Тимофеевой, детьми Иваном и Марьей²³⁷, у Бориса Андреева сына Пачганова (12 лет)²³⁸ — «гулящей человек» Пётр Степанов сын Муксунов (25 лет) с сестрой Прасковьей²³⁹, у знакомых нам Лариона Максимова сына Кузнецовых — «гулящей человек» Никита Федоров (23 года)²⁴⁰, а у Алексея Феклистова сына Худякова (45 лет) — «об- рочной человек» Трифон Егорьев (40 лет) с супругой Ариной и сыном Иваном²⁴¹. На Демьян-ском яме в 1710 г. насчитывалось не менее двух лично зависимых лиц. Это были проживав-шие в деревне Уватской «в доме» ямщика Назара Киприанова сына Кокшарова (45 лет)²⁴² Кирилл Иванов («калматцкие породы дворовой человек») (70 лет) и его жена Авдотья Ива-нова (30 лет)²⁴³. Кроме того, на подворье у Степана Прокопьева сына Горохова (68 лет)²⁴⁴ в ям-ской слободе обитал ямщик Василий Емельянов (30 лет) с супругой Авдотьей Степановой, детьми Емельяном и Марьей²⁴⁵, у Григория Иванова сына Пospelовых (23 года) в Уватской — ямщик Василий Васильев (36 лет) с супругой Марфой Максимовой и дочерью Татьяной²⁴⁶, у Василия Матвеева сына Пospelовых (30 лет)²⁴⁷ в той же деревне жил гулящий человек Сте-пан Алексеев (15 лет)²⁴⁸, у Степана Михайлова сына Питухина (52 года) в Стерховой — «Вер-хотурского города гулящей человек» Максим Ларионов (20 лет)²⁴⁹, у Гаврилы Иванова сына Вторушина (40 лет)²⁵⁰ в Субботиной — «в строке (в сроке — О. С.) новокрещеной остяк» Пётр

Иосифа (10 лет) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 366 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 24; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1642 об.; Шашков А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. С. 136).

²³⁶ В 1683 г. Иван Васильев сын Поромов проживал в ямской слободе во дворе своего брата самаров-ского ямщика Тита Васильева сына Поромова (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1638).

²³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 139 об.

²³⁸ Отцом Бориса Андреева сына Пачганова был ранее отмеченный самаровский ямщик Андрей Ва-сильев сын Пачганов.

²³⁹ Шашков А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. С. 127.

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 113 об.

²⁴¹ Там же. Л. 139.

²⁴² Назар Киприанов сын Кокшаров был сыном демьянского ямщика Киприана Иосифова сына Кокшара. Переписью 1683 г. отмечался во дворе своего отца в деревне Горемыка. В 1710 г. имел двор в Уватской. С ним проживали жена Екатерина Гаврилова (45 лет), сыновья Михаил (25 лет), Фёдор (17 лет), Максим (15 лет) и ещё один Михаил (10 лет), дочери Прасковья (13 лет) и Марья (8 лет), снохи Марина (20 лет) и Анисья (18 лет), внучки Авдотья (4 года) и ещё одна Авдотья (3 года) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 105 об.-106; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1621 об.).

²⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 106.

²⁴⁴ Степан Прокопьев сын Горохов происходил из черносошных крестьян Каргопольского уезда, жил «на Демьянском яму» с 1668/69 г. Согласно переписи 1683 г., имел двор в ямской слободе, годо-валого сына Андрея, гонял 0,125 пая, владел пашней в размере 0,75 десятины «в поле, а в дву потому ж» и 100 копнами покосов «в лугу за рекою Иртишем» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1618 об.-1619).

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 51.

²⁴⁶ Там же. Л. 100.

²⁴⁷ Скорее всего, Василий Матвеев сын Пospelовых был сыном упоминавшегося выше демьянско-го ямщика Матвея Фадеева сына Пospelова. Согласно переписи 1683 г., ему было 7 лет, проживал во дворе своего отца в Уватской. В 1710 г. имел собственный двор в той же деревне. С ним жили супруга Татьяна Иванова (40 лет), сыновья Егор (10 лет) и Иосиф (3 года), дочери Дарья (15 лет), Анна (13 лет), ещё одна Анна (12 лет), Марья (4 года) и Прасковья (1 год) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 99 об.; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1622 об.).

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 99 об.

²⁴⁹ Там же. Л. 96 об.

²⁵⁰ Возможно, Гаврила Иванов сын Вторушин был сыном демьянского ямщика Ивана Ильина сына Вторушина. В 1683 г. проживал во дворе своего отца в ямской слободе. В 1710 г. имел двор

Иванов (20 лет)²⁵¹. Также с выше отмеченным Г. И. Поспеловых проживал гулящий человек Иван Ильин (20 лет)²⁵². Впрочем, имущественное положение основной массы самаровцев и особенно демьянцев оставалось скромным.

Ямщики составляли особую группу русского населения Сибири, сближавшуюся отдельными чертами с приборными служилыми людьми (стрельцами и городовыми казаками) и тяглецами (посадскими и крестьянами). Они выполняли специфические обязанности, обладали корпоративным самосознанием и имели внутреннюю организацию. Население каждого яма объединялось в общину. При необходимости собирался сход, на котором решались важнейшие вопросы местной жизни. Здесь же избирались староста и десятники (до 5 человек на ям). Вместе с ведавшим текущим делопроизводством ямским дьячком они входили в штат ямской (мирской, земской) избы (табл. 2.1)²⁵³.

Таблица 2.1

**Должностные лица светского самоуправления
Самаровского и Демьянского ямов (XVII – начало XVIII вв.)²⁵⁴**

Самаровский ям	
Старосты	
Время	Имя
Осень 1642 г.	Степан Тимофеев сын Ерш
1643 г.	Василий Терентьев
Март 1645 г.	Борис Лукьянов
1647/48 г.	Иван Прялицын
Сентябрь 1649 г.	Иван Овчинников
Ноябрь 1649 г.	Сидор Никитин сын Змановский
1650/51 г.	Кирилл Васильев
1653/54 г.	Иоанникий Прокофьев
1656 г.	Василий Терентьев

в Субботиной. С ним жили супруга Аксинья Максимова (30 лет), сыновья Леонтий (6 лет) и Григорий (3 года), дочь Матрёна (6 месяцев) и сестра Аксинья (30 лет) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 74; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1616 об.).

²⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 74.

²⁵² Там же. Л. 100.

²⁵³ Подробнее о ямском самоуправлении см.: Семенов О. В. Общинная организация сибирских ямщиков в конце XVI – XVII вв. // Былые годы: российский исторический журнал. 2014. № 32 (2). С. 233–234.

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 357; Кн. 801. Л. 264, 534 об.–535; Кн. 1208. Л. 52, 90, 133, 178, 233, 286, 325, 368, 410, 448, 494, 533, 595, 654; Кн. 1613. Л. 122, 142 об.; Оп. 3. Стб. 354. Л. 30; Стб. 448. Л. 23, 40, 41, 78, 80, 82, 83, 85, 113, 120, 140; Стб. 496. Л. 137; Стб. 560. Л. 64; Стб. 593. Л. 79, 97, 99, 103, 120; Стб. 632. Л. 189; Стб. 787. Л. 16 об., 23 об., 24 об., 25 об, 26 об., 41; Стб. 818. Л. 512; Стб. 884. Л. 419; Стб. 990. Л. 2, 131, 137, 145, 148–149, 164, 172, 181; Стб. 1015. Л. 134; Оп. 4. Стб. 94. Л. 5, 17, 22, 56; Стб. 164. Л. 1; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1637; ДАИ. Т. 4. № 96. С. 236; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 150, 157, 160, 161, 162, 165, 166, 171, 173; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. № 424. С. 582–583; № 484. С. 634.

Таблица 2.1 (продолжение)

Самаровский ям	
Старосты	
Время	Имя
Кон. 1657 – нач. 1658 г.	Иван Фёдоров сын Егишев
1660/61 г.	Иван Прялицын
Начало 1681 г.	Евстафий Захаров
1682/83 г.	Иван Артемьев сын Серебряников
1684/85 г.	Данила Логинов
1685/86 г.	Иван Артемьев сын Серебряников
1686/87 г.	Иван Васильев сын Погадаев
1688/89 г.	Иван Иванов сын Хозяинов
1689/90 г.	Иван Васильев сын Погадаев
1690/91 г.	Данила Логинов
1691/92 г.	Иван Артемьев сын Серебряников
1692/93 г.	Кузьма Данилов сын Мухин
1693/94 г.	Терентий Самойлов
1694/95 г.	Зиновий Васильев сын Пачганов
1695/96 г.	Иван Иванов сын Хозяинов, Данила Логинов ²⁵⁵
1696/97 г.	Иван Артемьев сын Серебряников
1697/98 г.	Ларион Семенов сын Корепанов
1698/99 г.	Григорий Самойлов сын Дягилев
Десятники	
Ноябрь 1649 г.	Иван Соснин, Иван Фёдоров, Иван Карпов, Арефий Анкудинов
1650/51 г.	Иван Григорьев, Михаил Васильев сын (Челпанов?), Артюшка Леонтьев сын (Карлин?), Степан Никитин сын (Пинежанин?)
Начало 1681 г.	Григорий (Михайлов сын?)Скрыпунов, Никита (Челпанов?), Данила Кузнецов, Фёдор Кирилов сын (Шмонин?), Степан (Никитин сын?) Пинежанин
Январь 1686 г.	Игнатий Терентьев сын (Игонка?), Алёшка (Данилов сын?) Мухин, Иван (Иванов сын?) Хозяинов, Дмитрий (Борисов сын?) Шаламов, Зиновий Васильев сын (Пачганов?)

²⁵⁵ По-видимому, на посту ямского старосты находились поочерёдно, однако неизвестно в какой последовательности.

Таблица 2.1 (продолжение)

Самаровский ям	
Десятники	
Январь 1687 г.	Максим Михайлов, Юрий (Мосеев сын?) Лыткин, Иосиф (Васильев сын?) Суботин, Тит Васильев сын (Поромов?), Фёдор Константинов
1690/91 г.	Григорий (Михайлов сын?) Скрыпунов, Алёшка (Данилов сын?) Мухин, Сидор (Иванов сын?) Спехов, Фёдор (Кирилов сын?) Шмонин, Степан Никитин
Конец 1691 г.	Иван Васильев сын (Погадаев?), Евстафий Захаров, Кирилл (Феклистов сын?) Худяков, Терентий Самойлов, Калина Исаков сын (Первухин?)
Дьячки	
1683 г.	Фёдор Иванов сын Кренин
Январь 1685 г.	Григорий Васильев
Не ранее сентября 1685 г.	Иван Савин
Октябрь 1686 – ноябрь 1692 г., январь 1700 г.	Василий Фёдоров сын Арефьев
1710 г.	Григорий Васильев сын Красков
Демьянский ям	
Старосты	
1642/43 г.	Иван Аникиев
1647/48 г.	Яков Васильев
1650/51 г.	Емельян Борисов
1661/62 г.	Тихон Андреев (Адрианов?)
Весна 1668 г.	Иван Иванов
1686/87 г.	Семён Васильев сын (Крылов?)
1690 г.	Степан Васильев сын Крылов
Десятники	
1642/43 г.	Тихон Андреев, Иосиф Тимофеев, Нестор Панкратьев
1686/87 г.	Гаврила (Семёнов сын?) Куклин, Елисей Иванов, Семён Емельянов, Иван Овсянкин, Евстафий Михайлов сын (Вергунов?)
1690 г.	Григорий (Ильин сын?) Второго (Второво, Вторушин), Кирилл Никифоров, Пётр Леонтьев, Артюшка Семёнов сын (Куклин?), Авдей (Тимофеев сын?) Молоков
Дьячки	
Март 1676 г.	Зиновий Меркурьев
1710 г.	Фёдор Гаврилов

Важное место в жизни традиционного общества занимала религия²⁵⁶. Первые культовые сооружения на нижеиртышских ямах возникли если не сразу, то вскоре после основания поселений. На Самаровском яме сначала была устроена часовня, в дальнейшем здесь возвели Никольскую церковь. Не позднее 1659/60 г. её сменил храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделом во имя Николая Чудотворца. Демьянские ямщики вскоре после обустройства «поставили» Никольскую церковь с приделом во имя Алексея, человека Божия. Приходские общины Самаровского и Демьянского ямов совпадали (территориально и по социальному составу) со светским «миром». Во главе конфессиональной общины стоял выборный церковный (приходской) староста. К примеру, в 1670/71 г. на Демьянском яме его функции выполнял Иван Иванов²⁵⁷, в 1690 г. на Самаровском яме – Максим Михайлов²⁵⁸. Важнейшие вопросы, связанные с нуждами церкви, – ремонт и содержание храма, его укомплектованность духовенством и причтом (табл. 2.2) и т.д., решались на приходском сходе²⁵⁹.

Таблица 2.2

**Священно-церковнослужители
Самаровского и Демьянского ямов (XVII – начало XVIII вв.)²⁶⁰**

Покровская церковь Самаровского яма	
Время	Штат
1659/60 г.	Константин Антипин (поп), Иван Самсонов (дьячок и пономарь)
Март 1676 г.	Епифан Яковлев (поп)
1676/77–1677/78 гг.	Епифан Яковлев (поп), Максим Михайлов (дьячок), Иван Яковлев (пономарь) ²⁶¹

²⁵⁶ См.: Манькова И.Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург, 2020. С. 7, 11, 351.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 348. Л. 48.

²⁵⁸ Там же. Стб. 990. Л. 181; В 1676 г. ямщик Максим Михайлов присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. имел двор в ямской слободе, в котором проживал с сыновьями Афиногеном, Ларионом (18 лет), Федосеем (17 лет), Андреем (12 лет) и внуком Герасимом (8 лет), гонял пай, владел 150 копнами покосов. В 1685 г. давал показания по делу о злоупотреблениях бывшего ямского приказчика А.М. Ушакова. Был грамотным. В ноябре 1686 г. повёз с Самаровского яма в Тобольск «государевы таможенные и всякие зборные денги», отписки и сметные списки. В начале 1687 г. служил ямским десятником. Возможно, в 1676/77 – 1677/78 гг. выполнял обязанности дьячка Покровской церкви Самаровского яма (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 366; Кн. 801. Л. 208–208 об.; Оп. 3. Стб. 787. Л. 3, 3 об., 50; Стб. 990. Л. 2; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1637 об.; Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. № 128. С. 434).

²⁵⁹ На нижеиртышских ямах приходской сход совпадал со сходом светской общины, с той разницей, что председательствовал на нём не ямской староста, а церковный. О религиозной жизни самаровцев и демьянцев см.: Семенов О.В. Приходская жизнь русского населения Западной Сибири в XVII – начале XVIII в. На материалах Демьянского и Самаровского ямов // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 2 (44). С. 118–123.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 389. Л. 119; Кн. 610. Л. 355, 364; Кн. 640. Л. 3, 10; Кн. 926. Л. 48 об., 49 об.; Кн. 1613. Л. 141, 141 об., 142–142 об.; Оп. 3. Стб. 348. Л. 48; Стб. 448. Л. 15 об.; Стб. 990. Л. 178, 179; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607, 1637; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 154, 155, 156.

²⁶¹ Иван Яковлев был братом попа Епифана Яковлева (РГАДА. Ф. 214. Оп.1. Кн. 610. Л. 365 об.).

Таблица 2.2 (продолжение)

Покровская церковь Самаровского яма	
Время	Штат
1678/79 г.	Епифан Яковлев (поп)
1679/80 г.	Епифан Яковлев (поп), Данила Яковлев (поп) ²⁶² , Василий Фёдоров сын Арефьев (дьячок) ²⁶³ , Степан Семёнов (пономарь)
1683 г.	Леонтий Терентьев (поп) ²⁶⁴ , Василий Фёдоров сын Арефьев (дьячок), Елизар Андреев сын Кайгородов (пономарь) ²⁶⁵
Июнь 1697 г.	Савва Фёдоров (поп)
1710 г.	Борис Васильев (поп), Иван Сидоров (поп)
Никольская церковь Демьянского яма	
Время	Штат
Нач. 1640-х гг.	Дмитрий Савинов (поп)
1659/60 г.	Борис Сидоров (поп), Иван Артемьев (дьячок и пономарь)
1670/71 г., март 1676 г.	Терентий Дмитриев (поп)
1683 г.	Алексей Терентьев (поп) ²⁶⁶ , Зиновий Меркурьев (дьячок) ²⁶⁷ , Данила Алексеев (пономарь) ²⁶⁸

²⁶² Согласно А. Т. Шашкову, Данила Яковлев, возможно, был братом Епифана Яковлева (Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 69).

²⁶³ Самаровский уроженец Василий Фёдоров сын Арефьев был внуком и сыном ямщиков Арефия Анкудинова и Фёдора Арефьева соответственно. В марте 1676 г. как ямщик присягал на Самаровском яме царю Фёдору. В 1683 г. имел годовалого сына Макара. В октябре 1686 – ноябре 1692 г., январе 1700 г. служил ямским дьячком. В конце 1692 – начале 1693 г. ездил за жалованьем в Москву. Переписью 1710 г. на Самаровском яме фиксировались, очевидно, его сыновья Фёдор Васильев сын Арефьев («самаровской житель») и Максим Васильев сын Арефьев (ямщик-подворник) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 367 об.; Кн. 801. Л. 534 об.–535, 542 об.–543; Кн. 1613. Л. 129 об., 131; Оп. 3. Стб. 787. Л. 6 об.; Оп. 5. Кн. 261. Л. 1637; Ф. 1111. Оп. 3. Кн. 36. Л. 20 об.; Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. С. 160, 161, 162, 165, 166, 171, 173).

²⁶⁴ Вероятно, Леонтий Терентьев был сыном священника Никольской церкви Демьянского яма Терентия Дмитриева (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 357).

²⁶⁵ Самаровский уроженец Елизар Андреев сын Кайгородов был внуком и сыном ямщиков Семёна Ларионова сына Кайгородова и Андрея Семёнова сына Кайгородова соответственно. В марте 1676 г. присягал на Самаровском яме царю Фёдору в числе «ямских детей, братьев и племянников». В конце 1696 – начале 1697 г. и в конце 1698 – начале 1699 г. как ямщик ездил в Москву бить челом о жалованье. Согласно переписи 1710 г., оставался ямщиком, ему было 56 лет, имел двор в ямской слободе, в котором проживал с сыном Иваном (19 лет), дочерьми Анной (18 лет) и Марфой (17 лет), супругой Агафьей Никитиной (50 лет) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 368; Кн. 801. Л. 660–661 об., 669 об.; Кн. 1130. Л. 274–274 об.; Кн. 1208. Л. 493; Кн. 1231. Л. 18, 50; Кн. 1613. Л. 113 об.).

²⁶⁶ По-видимому, Алексей Терентьев был сыном попа Терентия Дмитриева (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 357).

²⁶⁷ Зиновий Меркурьев родился на Демьянском яме, «ямшичей сын». В марте 1676 г. служил здесь ямским дьячком (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 357).

²⁶⁸ По данным переписи 1683 г., Данила Алексеев «родился... на Тюмени, стрелецкой сын», на Демьянском яме служил «в пономарех» с 1672/73 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 1607).

Таблица 2.2 (продолжение)

Никольская церковь Демьянского яма	
Время	Штат
1690 г., 1690/91 г., май 1697 г.	Алексей Терентьев (поп)
1710 г.	Федот Зиновьев (поп), Захарий Зиновьев (поп), Василий Максимов (дьячок), Артемий Васильев сын Третьяковых (пономарь) ²⁶⁹

Непростое существование делало ямщиков активными участниками общественной жизни. Защита собственных интересов происходила, как правило, посредством подачи челобитных (отдельные примеры этого приводились нами выше). В исключительных случаях самаровцы и демьянцы прибегали к радикальным формам протеста: прямому неповиновению администрации, отказу от предоставления ездокам подвод и т.д.²⁷⁰ В силу сложившихся за Уралом условий (система государственного феодализма) Москва пока ещё прислушивалась к голосу «земли». По меткому замечанию С. В. Бахрушина, «царское правительство, очень мало стеснявшееся со своими подданными, совсем не склонное к гуманности, всегда смотревшее на людей с точки зрения исключительно фискальной, было, однако, вынуждено при известных условиях остановиться вовремя и не заходить дальше опасного предела»²⁷¹. Впрочем, как мы уже убедились, противостояние с государством далеко не всегда заканчивалось в пользу ямщиков. На протяжении XVII в. в масштабах страны происходила неуклонная трансформация системы самоуправления в низовое звено бюрократического аппарата. Сами ямские «миры» являлись образованиями искусственными, созданными по воле властей и с момента возникновения находились под воеводским контролем. Ввиду удалённости от Тобольска на нижеиртышских ямах действовали подчинённые разрядному центру ямские приказчики (табл. 2.3). Эти должностные лица назначались «сверху» (воеводой или приказом) обычно из местных детей боярских. Ямские приказчики возглавляли судную избу (в которой также «для государева писчего дела» имелись судные дьячки (подьячие))²⁷². Располагая широкой компетенцией, они выступали по отношению к ямщикам в роли «воевод в миниатюре»²⁷³.

Упадку мирской автономии способствовало само население. Оно неизменно обращалось к властям за помощью и посредничеством в решении различных вопросов. Особенно не просто развивались отношения на уровне «миров». Самаровцы и демьянцы постоянно

²⁶⁹ Не исключено, что отцом Артемия Васильева сына Третьяковых был отмеченный в переписи 1710 г. 62-летний отставной дьячок (вероятно, церковный) Василий Евсигнеев сын Третьяковых, который рукоприкладствовал под «скасками» многих демьянских ямщиков (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1613. Л. 142).

²⁷⁰ Семенов О. В. Первые управленцы ямских поселений в низовьях Иртыша // Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «V Вахлыковские чтения» (14–17 октября 2014 г.). Сургут, 2016. С. 29.

²⁷¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 296.

²⁷² Например, в конце 1690 г. подьячим Самаровской судной избы был Иван Пеганов (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 442; Кн. 1208. Л. 297).

²⁷³ Подробнее о самаровских и демьянских ямских приказчиках см. Семенов О. В. Первые управленцы ямских поселений в низовьях Иртыша. С. 27–29.

конфликтовали между собой из-за «гонебных лишних подвод», «судовых поделок» и др.²⁷⁴ Тяжбы приводили к дополнительному вмешательству приказной администрации во внутреннюю жизнь ямщиков и зачастую не позволяли им выступать единой силой против государства.

Таблица 2.3

Приказчики нижеиртышских ямов (XVII – начало XVIII вв.)²⁷⁵

Время	Имя, социальный статус
Самаровский ям	
После сентября 1637 – не позднее весны 1639 г.	Иван Астраханец (Астраханцев), тобольский сын боярский
Начало 1640-х гг.	Фёдор Максимов сын Егольский (Егонский), тобольский сын боярский
1645 г.	Степан Голынский, тобольский сын боярский
1654–1656 гг.	Борис Детков, тобольский сын боярский
1656 г.	Пётр Галасеин, тобольский сын боярский
1657–1658 гг.	Путила Незговорский, тобольский сын боярский
1658 г., середина 1660-х гг.	Борис Детков, тобольский сын боярский
Сентябрь 1667 г.	Степан Черницын, тобольский сын боярский
1675 г.	Иван Гаврилов сын Грозин, тобольский сын боярский ²⁷⁶
Начало 1676 г.	Исаак Васильев сын Быковский, тобольский сын боярский
1677 – июнь 1678 г.	Фёдор Рукин, тобольский сын боярский
10 июня 1678 – апрель 1679 г.	Яков Петров сын Кафтырев, тобольский сын боярский
15 апреля 1679 – 31 августа 1680 г.	Афанасий Михайлов сын Ушаков, тобольский сын боярский
1682–1683 гг.	Степан Кеврольцев, тобольский сын боярский (по другим данным, Афанасий Михайлов сын Ушаков)
Сентябрь 1684 – март 1687 г.	Юрий Иванов сын Глинский, тобольский сын боярский
Весна (конец марта – апрель) – осень 1687 г.	Филипп Никифоров сын Вакулин, тобольский сын боярский
1688 – начало марта 1689 г.	Павел Никитин, тобольский сын боярский?
Начало марта 1689 – январь 1690 г.	Иван Михайлов сын Ушаков, тобольский сын боярский

²⁷⁴ Семенов О. В. Демьянские против самаровских // Родина. 2012. № 7. С. 88–90.

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 607. Л. 13, 15 об.; Кн. 610. Л. 364 об., 355 об.; Кн. 640. Л. 2, 6, 8; Кн. 801. Л. 63, 69, 167, 175, 184, 204 об., 248, 267, 268, 318, 325, 333, 346, 420, 483, 521, 542 об., 557, 567, 584–613 об., 616, 630, 631, 650, 668, 695–738, 740; Кн. 956. Л. 13; Кн. 971. Л. 1, 178, 234, 241; Кн. 1208. Л. 1–51, 52, 90, 133, 152, 178, 233, 247 об., 251 об., 265, 286, 325, 338 об., 368, 390, 410, 448, 494, 533, 649, 654, 707 об.; Оп. 3. Стб. 81. Л. 148–149; Стб. 354. Л. 29; Стб. 448. Л. 78, 96; Стб. 476. Л. 348; Стб. 496. Л. 146; Стб. 560. Л. 97, 98, 404, 405, 477; Стб. 787. Л. 41; Стб. 1187. Л. 121; СПбА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Л. 60; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. № 424. С. 582; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. С. 70.

²⁷⁶ Возможно, внук ермаковского атамана Ивана Грозы.

Таблица 2.3 (продолжение)

Время	Имя, социальный статус
Самаровский ям	
Январь – март 1690 г.	Пётр Горохов, тобольский сын боярский
Март – июнь 1690 г.	Иван Михайлов сын Ушаков, тобольский сын боярский
Июнь 1690 – март 1692 г.	Юрий Иванов сын Глинский, тобольский сын боярский
Март 1692 – май 1693 г.	Филипп Никифоров сын Вакулин, тобольский сын боярский
Май 1693 – август 1698 г.	Юрий Иванов сын Глинский, тобольский сын боярский
Август 1698 – август 1699 г.	Афанасий Михайлов сын Ушаков, тобольский сын боярский
С августа 1699 г.	Дмитрий Григорьев сын Горохов, тобольский сын боярский
Демьянский ям	
1645 г.	Борис Черкасов, тобольский сын боярский ²⁷⁷
1655/56 г.	Яков Елизарьев, тобольский сын боярский
1656 г.	Фёдор Иванов сын Мокринский, тобольский сын боярский ²⁷⁸
До весны (или лета) 1658 г.	Григорий (Михайлов сын?) Ушаков, тобольский сын боярский
Весна (или лето) 1658 – весна (или лето) 1659 г.	Степан Андреев сын Тутолмин, тобольский сын боярский
Весна (или лето) 1659 г.	Фёдор Иванов сын Мокринский, тобольский сын боярский
До начала 1676 г.	Михей Салманов, тобольский сын боярский
Март 1676 г.	Степан Кобылинский, тобольский сын боярский
Весна 1684 – май 1687 г.	Пётр Горохов, тобольский сын боярский
Июнь 1687 – июнь 1688 г.	Иван Выходцев, тобольский сын боярский
Июнь – август 1688 г.	Иван Посников, тобольский сын боярский
Сентябрь 1688 – середина апреля 1693 г.	Пётр Горохов, тобольский сын боярский
Середина апреля 1693 – март 1694 г.	Фёдор Ушаков, тобольский сын боярский
Март–август 1694 г.	Алексей Буткеев, тобольский сын боярский
Сентябрь 1694 – конец февраля (или начало марта) 1696 г.	Андрей (Адриан?) Буткеев, тобольский сын боярский
Конец февраля (или начало марта) 1696 – конец февраля (или начало марта) 1697 г.	Гаврила Вакулин, тобольский сын боярский
Конец февраля (или начало марта) 1697 – 1697/98 г.	Фёдор Ушаков, тобольский сын боярский
1697/98 – август 1699 г.	Михаил Осипов, тобольский сын боярский

²⁷⁷ Сын соратника Ермака Черкаса Александра.

²⁷⁸ Младший брат основателя Далматовского Успенского монастыря старца Далмата (в миру — Дмитрия Иванова сына Мокринского).

Рис. 2.45. Павлова Н. Дорога на Пелым.

Рисунок-реконструкция из кн.:

История Ханты-Мансийского автономного округа. Екатеринбург, 1999

Таким образом, история Самаровского и Демьянского ямов на раннем этапе русской колонизации Сибири складывалась непросто. Руководствуясь соображениями экономии финансовых средств, государство периодически ставило вопрос о целесообразности существования организованной связи в Обь-Иртышье. Главным образом по этой же причине материальное положение большинства демьянцев и самаровцев оставалось скромным. Впрочем, несмотря на все сложности, в целом ямы исправно функционировали. Благодаря профессиональной деятельности, активному расселению по округе, участию в экономической (торгово-промышленной и земледельческой), религиозной и общественной жизни население ямских слобод сыграло заметную роль в закреплении Югорского края за Москвой.

Глава 6

Государственные повинности коренного населения Ясачный режим

Правительственной политике в отношении народов Югры в XVII в. посвящено ряд исследований, в том числе уже упоминавшиеся ранее работы С. В. Бахрушина, проанализировавшего ситуацию на всей территории Сибири, и Е. М. Главацкой, рассмотревшей сюжеты управления обскими уграми¹. Ясачная политика в Северо-Западной Сибири в следующие полтора столетия детально рассмотрена Н. А. Миненко².

Среди главных задач региональной администрации в Югре было взимание ясачной подати с местного аборигенного населения. По С. В. Бахрушину, «Ясак — это подать, установленная законом, уложенная, принудительная, в отличие от добровольного приношения, “поминков”»³. Русские власти переняли эту форму дани от татар Казанского и Сибирского ханств. Вогулы Пелымского княжества и остяки Нижнего Прииртышья платили ясак сибирским татарам. Показательно, что в отношении тех местностей, где традиции золотоордынского налогообложения отсутствовали, в рус-

Рис. 2.46. Шахов Н. Волости Сосьвинская и Ляпинская. Промысел. Рисунок на ткани. XIX в. //МАЭ. 5753/6

¹ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург, 2005. С. 75–80.

² Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 230–263.

³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 49.

ских источниках употребляется понятие «дань». Например, с приписанных к Пустозёрску самоедов дань в 1597 г. собиралась «данными зборщиками»⁴. Ляпинско-куноватский князь Лугуй был пожалован правом «привозить ему дань ежегод в Вымь самому». Но уже к концу XVI в. в отношении обязательных платежей сибирских народов в документах утвердился ясак и его сборщики — ясатчики.

Как описывалось выше, территории уездов в Сибири формировались в ходе объясачивания местного населения. Берёзовский уезд в начале XVII в. включал 8 ясачных волостей, которые под русской властью образовались из прежних независимых хантыйских политий-княжеств или их частей. Так, особая волость Кодские городки появилась на месте бывшего княжества Коды. В Пелымском уезде насчитывалось 7 ясачных волостей; в Пелым были обязаны привозить ясак жители берегов и волости Табары (на средней Тавде). В Сургутском уезде количество волостей, населённых остяками и кое-где селькупам, в течение XVII в. постоянно менялось, но наибольшее их количество не превышало 17⁵. В Нарымском уезде к середине столетия было 9 малонаселённых ясачных волостей (только в Верхней Нарымской волости плательщиков было учтено около полусотни). Власти Мангазейского уезда требовали ясак с отдельных родов или групп родов, которых приписывали к ясачным зимовьям. С. В. Бахрушин справедливо заметил, что сибирский ясак в XVII в. не был унифицирован ни по объёму, ни по форме уплаты, ни по содержанию⁶.

Пока шёл процесс присоединения Северо-Западной Сибири, ясачное обложение накладывалось не по подушному принципу, а на всю волость, находившуюся под началом того или иного князца. Так, в 1586 г. на шесть ляпинско-куноватских городков, подчинённых князю Лугую, была наложена обязанность вносить в казну 280 соболей, при этом брать поминки и посулы с местных вогулов воеводе Обского городка запрещалось. Казымские ханты в челобитной 1610 г. ссылались на жалованную грамоту царя Фёдора Ивановича князю Цынгопу (1587 г.), которая устанавливала норму ясака с трёх казымских городков — 160 соболей и 2 чёрные лисицы. Цынгопу дозволялось лично доставлять в столицу пушнину, собранную за два года, а местному воеводе было воспрещено отправлять служилых людей за ясаком на Казым⁷.

Тогда же, в 1610 г., вместе с казымским князем Яванкой Лодыгиным подать челобитную в Москву прибыл Талык-мурза Берёзовского уезда от сосьвинских и естыльских хантов. По его словам, они также располагали грамотой царя Фёдора, установившей размер выплаты 2 соболя с человека. Однако драгоценный документ утонул при крушении судна на одной из уральских рек, когда в 1598 г. сосьвинский остяк Конжинко повёз его в Казанский дворец для переписывания на имя царствующего государя Бориса Годунова. В конце концов, Конжинко смог добраться до Москвы, но Борис Годунов к тому времени умер. Очевидно, Талык-мурза напутал в своей информации — дорога никак не могла занять шесть лет. В 1610 г. 240 сосьвинских и естыльских плательщиков вносили уже по 6 соболиных шкурок с каждого. Их прошение заключалось в том, чтобы уменьшить эту норму на одну шкурку. Воеводе в Берёзов была отправлена грамота о том, что данная просьба «иноземцев» удовлетворена⁸.

⁴ Под стягом России: Сборник архивных документов. М. 1992. С. 7.

⁵ В 1695 г. в 17 сургутских волостях числилось 759 ясачных плательщиков (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1299. Л. 32).

⁶ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 58.

⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 1. С. 337–338 (№ 9); СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 145.

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 146–147.

Рис. 2.47. Посольство великого князя Московского к императору Священной Римской империи Максимилиану II в Регенсбурге. Западноевропейская раскрашенная гравюра (ксилография) 1576 г.

Вогулы, жившие по Большой Конде, с 1589 г. были обложены ясаком в 1500 соболей, но через семь лет сумели выпросить у правительства уменьшения оклада до 900 шкурок. С ясачных, проживавших вдоль Малой Конды, с 1592 г. взималась подать в 160 соболей. Через несколько лет она составляла уже 400 шкурок. Когда конкретно и по какой причине произошло увеличение, неизвестно. В 1595 г. малокондинские ясачные смогли выплатить только 5 сороков⁹. В это количество вошли не только шкурки соболей, но также белок и бобров¹⁰. В 1608 г. манси Пелымского уезда, в том числе с Большой и Малой Конды, пожаловались на непомерную величину требуемого с них ясака и поклонных выплат: 3011 соболей (75 сороков и плюс 11) с 526 человек¹¹. В челобитной указывалось, что «зверья стало мало, потому что место обрусело». Вогулы просили дать им послабление в ясаке. Правительство вняло обращению, прибегнув при этом к любопытным расчётам: пелымским властям было велено отныне взимать 7 соболей с каждого плательщика (т. е. 3682 соболя с 526 человек).

Льготное изменение состояло в разрешении ясачным пелымцам самим определять величину окладных выплат для каждого отдельного жителя волости — «смотря по людям, и по животом, и промыслом». Содержание соответствующей грамоты довели до вогулов, и те вскоре представили воеводе «верстальную именную роспись». В ней значилось 535 человек, обязавшихся сдавать в казну 2679 соболей (66 сороков и 39 соболей) с учётом «поклонных» мехов. Исходя из «росписи» можно определить, что средняя ясачная норма составляла 5 соболей с человека (при «верстальном» раскладе разным плательщикам вменялось в обязанность вносить от 1 до 7 соболей).

⁹ Шкурки связывались по сорок штук вместе и учёт шёл уже в «сороках».

¹⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 364–366 (№ 23, 24).

¹¹ Непонятно, идентичны ли здесь меха «поклонные» и «поминочные». Количество первых составляло 250 соболей, а число вторых не уточнялось. Возможно, в начале XVII в. поклонными могли называть и поминочные выплаты.

Такой размер выплат не удовлетворил приказных функционеров. Казанский дворец распорядился произвести сбор ясака по вогульской «рописи» в текущем 1609 г., в затем восстановить прежний оклад в 75 сороков¹².

Ясак имел окладной и неокладной характер. При окладном ясаке назначались точно определённые выплаты, оценивавшиеся числом звериных шкурок ценных пород. В качестве эквивалента применялась условная шкурка соболя. Наряду с рублём она с рубежа XVI–XVII вв. стала единицей оценки ясака. Выплачивать можно было и другой пушниной — бобрами, лисицами, горностаями, белками, оленьими постелями и волчьими шкурами. Так, к 1 соболю приравнивались 11 белок, а 100 белок считались равными 1 рублю.

Со временем в Берёзовском уезде соболиная и бобровая добыча «оскудела», и в 1615 г. местные вогулы привезли ясак одними белками, с расчётом, что к одной собольей шкурке приравнивается 60–70 беличьих. Воеводы не смогли засчитать такой ассортимент пушнины в счёт ясака, но Москва всё же позволила принимать ясак беличьими шкурками¹³. В конце XVII в. в Мангазейском уезде к 1 соболю приравнивались: 1 лисица, 1 россомаха, 1 выдра, 2 голубых песца, 16 белых песцов, 100 белок¹⁴.

Согласно серии царских грамот 1610 г., которые представляли собой ответы на остяцкие челобитья, можно предположить, что в первых годах XVII в. для ясачных Берёзовского уезда был определён размер ясака в 5–6 соболей, а для ясачных Сургутского уезда — в 11 соболей. Так, в 1603 г. князцы Таир и Байбалак Самаровы били челом о том, что 40 подвластных им белогорских остяков Берёзовского уезда платят ясак каждый по 11 соболей. Для добычи шкурок они отправляются «зверовать» в Сургутский уезд, начальство которого заставляет их сдавать в Сургут «другой ясак» — те же 11 соболей. Князцы просили установить для белогорцев такую же норму выплаты, что и для прочих берёзовских остяков, — 5–6 соболей, и привозить их только в Берёзов. Казанский дворец поручил берёзовской администрации собирать с жалобщиков подать в таком же объёме, «как с иных з берёзовских князьков и остяков ясак емлют, смотря по их промыслом»¹⁵.

Весной 1610 г. в Москву одновременно съехались четыре князца из берёзовских волостей и десять представителей хантов и селькупов Сургутского уезда. Князец Кушкул, возглавлявший 120 ляпинских хантов, сообщил, что в его волости половина обложенных ясаком «стары и увечны», но всё равно обязаны сдавать каждый по 5 соболей. Он просил уменьшить размер подати и освободить немощных людей из оклада. Казанский дворец велел берёзовскому воеводе проверить наличие ясачных ляпинцев, их физическое и имущественное состояние.

Согласно показаниям другого остяцкого предводителя, Акатко, под началом которого состояло 60 подгородных берёзовских хантов, половина из них ясак не платила, поскольку выполняла ямскую повинность, остальные же сдавали в казну по 5 соболей. В прежние годы, утверждал Акатко, его остяки были обязаны нести одну подводную повинность, и лишь недавно воевода И. М. Борятинский (1601–1603) обложил их ясаком, а его преемник Ф. А. Татев начал взимать ещё и рыбную подать. В приказе постановили сохранить разделение на ясачных и ямских, но отменить рыбную подать.

¹² Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 240–241, 250–251.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 150–150 об.

¹⁴ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 58.

¹⁵ СПб АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16.. Л. 133 об.–134.

Тогда же была рассмотрена челобитная от лица сотни казымских хантов, предводительствуемых князем Яванкой Лодыгиным. Он писал, что после основания Берёзова его волости назначили ежегодную выплату в 680 соболей (по 6–7 шкурок с человека). Как и все, князец сетовал на наличие неплатёжеспособных стариков и увечных. Кроме того, его остяки были обязаны периодически отправляться к казымским самоедам и порой неделями собирать их в одном месте, где с ними удобно было бы разбираться прибывшим из Берёзова ясачным сборщикам. В добавление к этому на казымцев была наложена подводная повинность.

Яванко бил челом, чтобы ясак с его волости собирали в соответствии со жалованной грамотой, выданной Цынгопу-мурзе в 1587 г., и урочную пушнину казымские ханты и самоеды могли бы сами доставлять в Берёзов. Определённого решения в приказе не приняли, только распорядились освободить от выплат немощных людей и прислать в Москву сведения об ясачных людях, которые перечислены в упомянутой грамоте 1587 г.¹⁶ Выше говорилось также об обращении сосвинских и естыльских хантов, которые утратили (утопили) царскую грамоту.

Все четыре челобитные датированы одним днем — 17 мая 1610 г. Князцы, которые подали их в Казанский дворец, были на год освобождены от ясака.

В том же мае 1610 г. рассматривались челобитные, поданные от ясакоплательщиков Сургутского уезда. Верхняя и Нижняя Нарымские волости были представлены князьями Тайбохтой Вониним и Вангаем Кичеевым, Парабельская — князем Киршей Кунязевым. Челобитная Тайбохты и Вангая была подписана лучшими людьми ещё пяти ясачных волостей. Жалобы сводились к непомерной норме ясака (по 11 соболей с человека). Кирше Кунязеву, чтобы осилить выплату 12 соболей, даже пришлось заложить жену и двух сыновей. Москва приказала уменьшить подать до 9 соболей, семью Кирши выкупить, а самому князю предоставить льготу на год.

Челобитие остяков Базянской, Юганской, Селиярской и Салымской волостей, поданное мурзой Нырпохтой Елуковым, содержало аналогичные жалобы и просьбы относительно ясака, и также имело результатом снижение оклада до 9 соболей с человека. То же произошло после рассмотрения грамоты плательщиков Ларьятской, Васюганской, Тымской, Лумпокольской и Караконской волостей, за которых в столице ходатайствовал князец Пы-

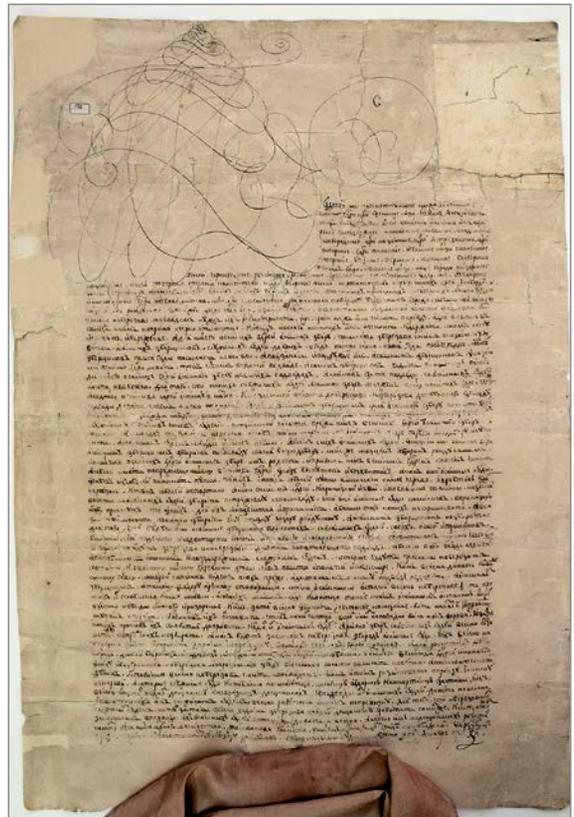

Рис. 2.48. Жалованная грамота Иоанна и Петра Алексеевичей казымскому князю Юзору Райдукову на управление вотчиной // ТИАМЗ. ТМ-12849

¹⁶ Там же. Л. 142-143 об., 145-146.

рчейко Лайкин¹⁷. Все грамоты, направленные из Центра в Берёзов и Сургут, предписывали воеводам завести поименные ясачные окладные книги (очевидно, новые) с занесением в них имён тех, кто не может платить ясак, с указанием причин.

Берёзовская ясачная книга 1641 г. содержит информацию о том, что «в Берёзовском уезде во всех волостях ясачные остяки платят государев ясак всякой ясачный человек сам за себя по окладом своим порознь, а не всюю волостью вместе»¹⁸. В книге же 1629 г. отмечено, что берёзовские остяки «тот оклад государева ясаку против денег сами на себя положили по своим промыслом и прожитком»¹⁹. Ясаком облагались и в оклад зачислялись мужчины старше 15 лет. Сложно определить время установления этого возрастного предела, но к 1625 г. этот ценз уже соблюдался. Так, разрядный (тобольский) воевода в 1623–1625 гг. князь Ю. Я. Сулешев сургутским воеводам «в твой государев ясак детей... менши 15 лет писать не велел»²⁰. Полагаем, что данное распоряжение касалось всех западносибирских плательщиков ясака. Практически каждый воевода, прибыв на место службы, устраивал проверку данных о ясачном населении, удаляя из окладных реестров «старых и увечных», которых иногда требовалось доставить к нему для подтверждения неплатёжеспособности.

В 1629 г. в Обдорской волости числилось 144 остяка, обложенных ясаком, в Куноватской — 105. Средний размер оклада для них был установлен по «сибирской цене с человек против 2 рублей 8 алтын»²¹. Следовательно, общая сумма пушной подати с северных хантов равнялась в денежном эквиваленте 578 рублям.

К 1641 г. средний оклад берёзовских аборигенов уменьшился до 1 рубля 42 копейки (всего в том году 1120 ясачных плательщиков должны были доставить мехов на 1595 рублей)²². Уяснить размеры и состав ясака позволяет ясачная книга 1641 г.²³ В сохранившемся документе недостаёт данных по Куноватской и Обдорской волостям, но информация по прочим волостям весьма репрезентативна. Так, в Ляпинской было учтено 164 ясакоплательщика, которым вменялось в обязанность сдать пушнины на 188 рублей. В Сосьвинской и Естыльской волостях (их данные были сведены вместе) насчитывалось 339 человек, обязанных казне «мягкой рухлядью» стоимостью 443 рубля. Значительные различия наблюдаются в индивидуальных окладах: от 40–50 копеек до более чем 2 рублей.

Совокупный размер ясака от остяков всего уезда составил 866 соболей, 322 горностая, 3 чернобурых лисицы, 93 красных лисицы, 34 красных черночеревых лисицы, 57 красных сиводушчатых лисиц, 30 бурых лисиц, 28 черных бобров, 115 карих и рыжих бобров, 11 волков, 77 росомех, более 23 тыс. белок.

---

¹⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 421–422 (№ 73); Акты времени правления царя Василия Шуйского (19 мая 1606 г. – 17 июля 1610 г.). М., 1918. С. 370–374. В данных документах нарымские и парабельский князцы причисляются к Пегой Орде. Возможно, это свидетельствует, что в 1610 г. в Северо-Западной Сибири ещё была жива память о бывшей территории этой политии. Обе Нарымские и Парабельская волости были включены в Нарымский уезд лишь с 1611 г., когда в Нарым был назначен из Москвы первый воевода М. Т. Хлопов.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 143. Л. 602 об.

¹⁹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 59.

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 8. Л. 4–5.

²¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 65; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 58.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 143. Л. 589 об.

²³ Там же. Л. 530–619.

«Берёзовская сибирская цена» этого драгоценного товара составила 1072 рубля 75 копеек, а «московская разборная цена», определённая в Сибирском приказе, — 1770 рублей. В историографии давно отмечено различие при оценке стоимости ясачной пушнины по «сибирской» цене и по новой, пересчитанной в столице. Первый из известных нам указов на этот счёт датируется 1616 г. В нём содержалось указание воеводе Берёзова собирать с ясачных «иноземцев» меха по дешёвой сибирской цене, дабы впоследствии оценить их в Москве «с прибылью». В случае возникновения разницы в стоимости не в пользу московских сумм воеводы обязаны были компенсировать её²⁴. Правительственные органы осознанно шли на «порчу» пушнины, ведь сибирские аборигены не участвовали во внутренней и внешней торговле государства, поэтому не могли узнать об этих махинациях с ценами и начать протестовать. Подобная же разница отмечена и при оценке мехов, которые взимались в виде пошлин или покупались казной у русских промысловиков.

Как уже не раз упоминалось, наряду с окладным ясаком коренные югричи сдавали пушнину формально под видом добровольных даров в качестве государевых и воеводских поминков. Ещё с начала XVII в. было приказано письменно фиксировать их и сдавать в казну.

Поминки воеводам очень скоро превратились в обязательный сбор. Воеводские поминки в Берёзовском уезде не были определены конкретным окладом, при приёме власти соотносили их с размерами предыдущего года. Так, в 1640 г. ханты принесли в Берёзов воеводских поминков на 11 рублей 90 копеек, столько же предполагалось получить от них и в следующем году²⁵. Иногда воеводы требовали «поклонных» соболей уже лично для себя. Не отставали от них в этом отношении и ясачные сборщики. Как отписывали в 1685 г. мангазейские служилые люди: «а поклонные де соболи и бобры и лисицы и росомахи называют тех, которые иноземцы дают ясачным сборщикам в почесть, а не государевы ясачные и поминочные»²⁶.

Шкурки соболей следовало принимать в ясак с хвостами, шкурки лисиц — с хвостами и лапами. В 1635 г. ханты Берёзовского уезда били челом воеводе А. М. Толочанову о том, что они «исстари» сдают шкурки без хвостов и лап, в том виде, в котором приобретают у своих соплеменников и русских людей. У самостоятельно же добытых шкурок они сами имели обыкновение отрезать хвосты и лапы, чтобы выменять на них ремесленные изделия: ножи, котлы, топоры, одежду и обувь. Челобитчики просили сохранить этот установившийся порядок сдачи пушнины в ясак²⁷.

Ясак с тундровых и лесных самоедов Берёзовского уезда в XVII в. являлся неокладным. Когда были основаны Обдорск и Берёзов, контакты сибирских ненцев с прежним главным для них русским административным центром — Пустозёрском — стали ослабевать, хотя окончательно не прекратились. В 1602 г. некий Левка Шубин с Пинеги ходил волоками через Ямал в Тазовскую губу и через много лет вспоминал о том странствии, что «по обе стороны Мутные реки временем кочует самоедь Карачея и иные роды, а дают та самоедь ясак в Пустозеро»²⁸. Однако из источников явствует, что приблизительно в то время (в начале XVII в.) обдорские и казымские ненцы сдавали ясак сборщикам Берёзовского уезда, что не препятствовало их торговле с пустозёрцами.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 153 об.ф

²⁵ Там же. Л. 615.

²⁶ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 61.

²⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 60. Л. 385–388.

²⁸ Там же. Стб. 1089.

В царской грамоте 1607 г. обрисована ситуация активной торговли русских с «ясашной кунной самоедью, которая приходит с нашим ясаком на Обдор и в Казым». Центром торгова служил Роговой городок, или, по-другому, Сускар, что стоял на печорском притоке Усе, а торговыми посредниками были ненцы Пустозёрского уезда, которые в большей степени испытали на себе русское влияние. На их оленях товары развозились по бескрайней тундре. Многие кунные самоеды становились должниками пустозёрцев и после торговых обменов с ними уже были не в состоянии что-либо выплачивать в счёт ясака. Из Москвы в Берёзов шли несколько наивные вопросы: «И для чево без нашего ведома пустозерцы мужики воровством городок поставили и с самоедью торгуют и нашу десятую пошлину крадут, а в Носовом городке заставу объезжают?»²⁹.

Заранее определить объём неокладного ясака властям было довольно сложно. Как записано в ясачной книге 1629 г.: «А платят государев ясак казымская и обдорская самоедь не по окладу, хто что ясаку и какою мяжкою рухлядью даст, то у них емлют... и год перед годом самоедь приезжает неровно»³⁰. В том году с обдорских ненцев было собрано ясака на 111 рублей, с казымских — на 180 рублей. На протяжении столетия размеры ясака с лесных самоедов уменьшались, тогда как с тундровых, наоборот, увеличивались³¹.

В 1641 г. казымцы внесли ясачной пушнины на 111 рублей, хотя администрация предполагала получить ясак на сумму в 140 рублей по примеру прошлого года. Самоеды тундры привезли в Обдорск пушнины на 91 рубль (меньше, чем в предыдущем году на 56 рублей). Объём мехов, сданных ими, оказывался более скудным по сравнению с остяцким ясаком: 64 соболя, 5 горностаев, 493 белых песца, 35 белок, 25 оленьих постелей. Причина этого, по объяснению берёзовского воеводы И. А. Францбекова (1639–1643), заключалась в голоде, разразившемся среди остяков Нижней Оби.

В его отписке сообщается, что в Казымскую в Обдорскую волости самоеды приезжают, чтобы закупить у хантов рыбные запасы, происходит это раз в год по первому зимнему пути. Тогда же берёзовские ясачные сборщики собирали с них: «хто сколько ясаку и какою мяжкою рухлядью и постелями повольно дать, то у них и емлют, для иноземства, чтоб их не ожесточить»³².

Упоминание воеводы о голоде подтверждается остяцкими челобитными 1643 г. Выясняется, что ещё с 1631 г. на берёзовских хантов «пришла нужда великая: от больших вод рыбного промыслу... не стало», и из-за чего «многие остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные... жены и дети свои для голоду продавали в работу».

Казымцы и обдорцы сообщали, что в прежние времена при богатом улове они обменивали у «тундряной самоеди» рыбий жир и сухую рыбу на пушнину, которую и сдавали в счёт ясака. А «в нынешних... годех для голоду с тундры» ни в Обдорскую, ни в Казымскую волости «самоедь с торгом не приезжает». По словам куноватских хантов, они тоже меняли у казымских самоедов рыбу на меха и, кроме того, сами добывали беличьи шкурки. Но случилось так, что с 1634 г. «белка неведомо куды сошла», поэтому им пришлось покупать меха у лесных самоедов. Из лесов Казымской волости белка тоже исчезла с 1641 г., что оставило

²⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 235.

³⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 59.

³¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 68.

³² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 143. Л. 604–607 об.

местных остяков без промысла. Они били челом об отсрочке ясачного платежа на год и по причине голода просили одолжить им казённой муки³³. Из этих ситуаций предстаёт картина, во-первых, развития торгового обмена между самоедами и северными хантами, во-вторых, установления жёсткой экономической зависимости полуседлых остяков от их кочевых соседей.

Приём ясака от коренных югричей Берёзовского уезда проводили ясачные сборщики. В ясачных окладных книгах содержатся поимённые списки податного населения, что даёт нам возможность предположить, что в своём составе сборщики непременно имели грамотных людей или что к ним присоединялся подьячий. Так, известно, что в 1645 г. в Большую Конду пельымским воеводой были направлены с ясачными книгами подьячий и четверо служилых. Впрочем, книгами им не пришлось воспользоваться, поскольку тамошние вогулы собрали меха «своим произволом», без учёта объявленных им индивидуальных окладов³⁴.

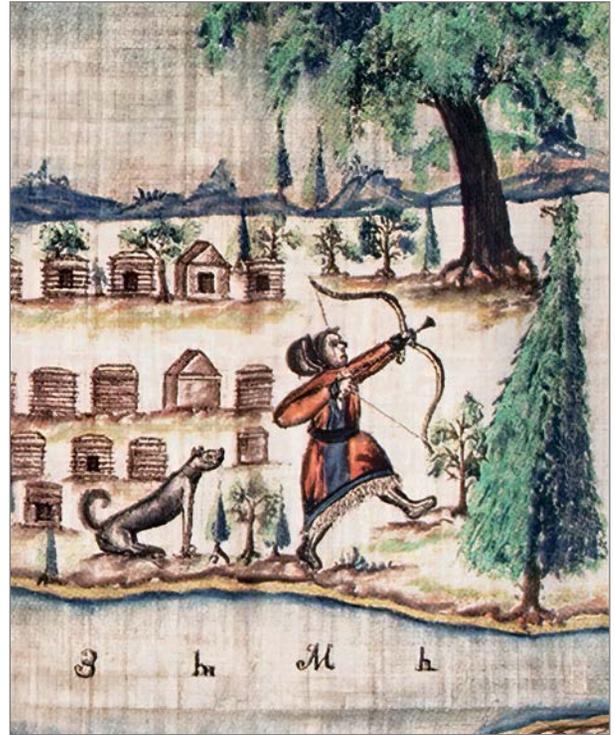

Рис. 2.49. Шахов Н. Казымский городок.
Рисунок на ткани. XIX в. Фрагмент // МАЭ. 5753/4

На сборщиках, помимо сбора ясака, лежали задачи по фиксации убыли податного населения и записи в оклад новых повзрослевших плательщиков. Например, берёзовский сын боярский Алексей Лихачев, взимавший ясак в Ляпинской волости в 1638 г., «приискал», т. е. выявил и включил в реестр шестерых пригодных для платежа подростков. Он же впоследствии выявил в Куноватской волости четырёх «недорослей», а в Казымской — десять кунных самоедов-захребетников³⁵.

Убывание и приращение плательщиков могли определяться и в берёзовской съезжей избе посредством расспросов «лучших людей» из волостей. В 1656 г. обдорский князец Ермак Мамруков и его «лучшие люди» доложили, что в 1649 г. в Обдорской волости умерло 8 человек; в 1650 г. назначено 16 новых плательщиков; в 1651 г. умерло 14 хантов; в 1655 г. записаны в ясак 32 подростка³⁶.

Судя по источникам, власти не возражали, чтобы остяки сами свозили ясак в Берёзов, и определённой, регламентированной процедуры этого процесса не существовало. В 1656 г. воевода С. А. Малой докладывал в Сибирский приказ, что его тобольское начальство каждый год присылает 27 вёдер горячего вина «для остяцких и самоедских расходов». Это вино

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 123. Л. 235–243.

³⁴ Там же. Стб. 139. Л. 377–378.

³⁵ Там же. Стб. 115. Л. 195.

³⁶ Там же. Стб. 501. Л. 66–75.

было некачественным: «в зимнее время вымерзает». «А на Берёзове, — говорится в отписке, — ясачных людей много, велено их поить и кормить довольно, как они приедут с ясаком», и из-за плохого вина они устраивают «многое челобитье»³⁷.

У вогулов Большой Конды Пелымского уезда организовать сбор ясака было непросто. В 1644 г. подьячий, снабжённый окладными ясачными книгами, прибыл к ним по поручению воеводы князя А. М. Несвицкого. Вогулы согласились платить по книгам, но лишь со следующего года. Однако и в следующем 1645 г., мурза Иван Ортюхин с «лучшими людьми» собрали ясачные меха «своим произволом», не сообразуясь с книгами. Тот ясак составил «всяким зверем» 12 сороков и 2 соболя. В итоге двухлетняя ясачная недоимка с большекондинских манси составила 18 сороков и 29 соболей. Сибирский приказ распорядился отправить к ним разбираться с недоплатой сына боярского из Тобольска³⁸.

На самоедов, живших на реке Таз (предков энцев), была возложена обязанность платить ясачную подать с самого основания Мангазеи. Энецкие роды верховьев Таза платили ясак сначала в Зырянский городок (откуда её забирали мангазейские сборщики), а затем в Верхотазское зимовье.

Норма ясака, назначенная для ближайших к Мангазее самоедов, составляла 5 соболей с целовека, причем соболей «лучших», т. е. равнявшихся по качеству 11 обыкновенным соболям³⁹. При этом в ясачных книгах Мангазейского уезда записывался размер ясака, наложенного на целый род, а не на индивидуальных плательщиков. Один из источников 1633 г. гласит, что ясачники «по лесом за ними (плательщиками — авт.) для ясаку не ходят, потому что сыскать негде, живут переходя с места на место и с рек на реки, да и от зимовий своих отходити не смеют, бояся от них, иноземцов».

В грамоте 1651 г. мангазейский воевода Ф. И. Байков указывал на неокладной характер ясака: «И твой, государь, ясак платят из воли, а иные де, государь, и не платят, потому что видят: безлюдно, а оборонитца некем»⁴⁰. Сборщики ясака сетовали, что нельзя составить точных окладных книг по примеру соседних уездов, т. к. самоеды каждый год меняли свои имена, а в лицо служилые их не умели распознавать. В итоге самоеды «теми переменными именами в... ясачных книгах смуту чинят и государеву ясаку всякой недобор чинят».

В ясачной книге за 1632/33 г. показана схема взимания неокладного ясака: «Ясачные сборщики сказывали, что собирают они государев ясак, сидя в зимовьях, а кто иноземцы к ним в зимовья что ясаку принесут, то они и возьмут, а с кого именем скажут и на который год взято, то они у себя в книги и напишут; а в которых зимовьях государев ясак платят за аманаты без имян и кто иноземцы именем к ним в зимовья принесут и с кого тот ясак и на который год взят, не сказывают»⁴¹.

И все же пушнины в Мангазейском уезде собиралось довольно много. По сообщениям промышленных людей в конце 1620-х гг., «в Мангазее... около Мангазейского города и Туру-

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 503. Ч. 1. Л. 31.

³⁸ Там же. Стб. 139. Л. 377-383.

³⁹ Там же. Оп. 1. Кн. 1. Л. 113-115.

⁴⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 62; РГАДА. Ф. 214. Стб. 220. Л. 54.

⁴¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 64-65.

ханского зимовья и вверх по Енисею реки и снизу Тунгузки (Нижней Тунгуски — авт.) реки соболи и бобры опрымышлялись»⁴², отчего большая часть ясачной «мягкой рухляди» стала поступать с территорий к востоку от Енисея. В 1640 г. аборигены Мангазейского уезда сдали в ясак 5672 соболя, а русские торговые и промышленные люди уплатили «десятую пошлину» в мангазейской таможне 62 800 (по С. В. Бахрушину), или 56 190 (по П. Н. Павлову) соболями⁴³. Заметим, что в дальнейшем соотношение ясачных и промышленных соболей в Мангазейском уезде значительно изменилось. Даже в период угасания Мангазеи пушная добыча русских промышленников многократно превышала размеры охотничьих трофеев ясачных людей.

Русские власти считали захват заложников (аманатов) наиболее надёжным способом принудить югричей выплачивать ясак. Самыми желательными и прочными гарантами послушания аборигенов являлись в глазах воевод предводители родов или их родственники. Впрочем, аманатов из среды в целом лояльных и маломобильных остяков Берёзовского уезда предпочитали не брать. Однако отношение к воинственным тундровым самоедам Обдорского уезда было другим. Их независимое поведение к середине XVII в. стало беспокоить правительство.

В 1649 г. берёзовскому воеводе М. С. Лодыженскому царской грамотой было приказано взять заложников у обдорской «воровской самоеди». Когда самоеды сдавали в Обдорске ясак, казаки схватили трёх князцов, в том числе Пося Хулеева — вождя Больших Карачеев. Их доставили в Берёзов, где заточили в тюрьму и очень скудно кормили. Аманатам удалось бежать «в свои юрты», погоня смогла догнать лишь одного Пося Хулеева. В следующем году его обменяли на других заложников — его же сына и племянника. Что касается приказа захватить аманатов из других ненецких родов, то, как докладывал из Обдорска сын боярский А. Лихачев, это оказалось абсолютно невозможно. Таким образом властям пришлось ограничиться содержанием двух аманатов, которых были вынуждены поочередно принимать у себя в домах местные казаки. Специального аманатского двора в Берёзове не обустроили, а пребывать в заточении самоедам, по словам воеводы Я. Н. Лихорева, было «добре скучно и нужно».

В феврале 1651 г. Берёзов посетили Поско Хулеев и обдорский князец Молик Мамруков со свитой. Они предложили воеводе отменить систему заложничества. Доводы к этому приводились весьма веские: 50 людей рода Айваседа и старший брат Поски Хена Хулеев, прознав о захвате аманатов, перекочевали в Мангазейский уезд; у самоедов никогда не брали заложников, но они при этом всё равно исправно сдавали ясак; продолжение практики аманатства грозило бы конфликтом самоедов со «всей остяцкой землей» и полным прекращением их поездок в Обдорск. Князцы рассчитывали припугнуть воеводу тем обстоятельством, что ныне «самоядь бегаёт и хоронитца по крепким местам и по тундрам и живут де остерегательно». Интересно, что идея этих лидеров из тундры была поддержана служилыми людьми Берёзова. Воевода Лихарев медлил с рапортом в столицу об этой остяцко-самоедской инициативе, и его отписка с соответствующей информацией поступила в Сибирский приказ только 25 ноября 1651 г.

---

⁴² РИБ. Т. 2. Стб. 849–850.

⁴³ Павлов П. Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е годы XVII в. // Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 21; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 300.

Руководство Сибирского приказа по-прежнему считало, что от каждого самоедского рода нужно иметь заложников. По указанию ли оттуда или по самостоятельному ли решению Лихарев дал соответствующее поручение тому же ясачному сборщику сыну боярскому Алексею Лихачеву, который осенью 1651 г. опять был направлен в Обдорск. Тот сумел захватить только аманатов от «Большой Карачейской земли», в том числе Пося Хулеева и его сына Мугалейя. Так Поско в феврале 1652 г. вновь оказался в берёзовской темнице. По итогу эти аманаты принесли воеводе лишь дополнительные заботы, ведь их надлежало «кормить и поить довольно» и содержать в приличных условиях, чтобы сородичи и родственники были спокойны за их судьбу и аккуратно вносили ясачные платежи. Однако город испытывал недостаток хлебных запасов, а дефицитного вина и мёда аманатом не давали вообще.

Тобольское разрядное начальство отвечало равнодушным молчанием на запросы Лихарева насчёт пропитания аманатов. Тогда он решился отписать в Москву. Столичный приказ постановил не экономить на корме заложников. Тобольским воеводам было велено увеличить поставки провизии в Берёзов: вдобавок к обычным припасам ежегодно отправлять туда впрядь 5 вёдер вина, 2 пуда мёда и хлебных запасов «сколько пригоже».

Вскоре после заточения Пося «с товарищи» в Берёзов приехали представители северных волостей — надымские, обдорские и прочие остяки — с челобитной грамотой, которую подали воеводе, и которая была отослана им в Москву. В ней высказывалось то же прошение: освободить самоедов-заложников. Оно объяснялось в грамоте тем, что от карачейских самоедов остяки получают пушнину для выплаты ясака, а т. к. теперь самоеды ушли далеко на восток и не желают появляться в Обдорске, государевой ясачной казне грозит значительный убыток.

В той же челобитной заодно опровергалось бахвальство воеводы Лодыженского насчёт многочисленности замиренной им «воровской самоеди»: он приписывал себе приведение к покорности шести родов с 3000 мужчин, в то время как в действительности, воеводе подчинились около 700 самоедов.

А 26 мая 1652 г. сами аманаты, включая «самоеди лучшего князца Пося Хулеева», били челом воеводе Лихареву. В съезжую избу они подали грамоту, в которой, в частности, говорилось: «...И ныне мы, сироты твои государевы, на Берёзове городе сидим за крепкими караулы день и ночь... Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, пожалуй нас, сирот своих: вели, государь, своему... воеводе Якову Никитичу Лихареву нам... свой государев милостивый указ учинить, а нас, бедных, из омонатов отпустить в свое юртишко против прежних лет, как исстари бывало, чтоб, государь, теми омонаты в земле нашей промеж нами большой смуты не было. А и преж, государь, сего нас... по 158 год в омонаты не имывали, как и город Берёзов стал, а твой государев ясак мы... плачивали по вся годы и без аманатов. А се, государь, мы, сироты твои, люди дикие и кочевные, на одном нам месте жить невозможно и в тюрьме сидеть и за приставом боимся, а твой государев ясак учнем мы... платить, приезжая на Обдор, по вся годы против прежнего и с прибылью»⁴⁴.

Ещё до повторного аманатства Поски предводители карачейских ненцев попытались выйти из-под навязчивого контроля берёзовской администрации.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 457. Л. 529, 537–544, 603–614; Стб. 408. Л. 271–273, 283–288, 390–392, 452, 486–488; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 177–178.

Зимой 1651/52 г. в Москву снарядили и отправили посольство, представлявшее Хенку и Поску Хулеевых и Немчинку Пидирисова. В состав посольства вошли Хаска Хулеев и четыре самоеда. Они везли роскошные «поминки» в подкрепление своему челобитью: 50 соболей «единцов добрых», оцененных по сибирской цене в 300 руб., сотню менее дорогих соболей, три десятка бобровых шкур и др.

Посланцы намеревались уговорить московские правительственные инстанции позволить сибирским тундровым ненцам свозить ясак в Пустозёрский острог и таким образом избежать подчинения берёзовским властям. Однако перед этим нужно было замириться с пустозёрцами, которые ещё помнили разорительные набеги «самояди» 1640-х гг., возглавляемые князьями Больших Карачеев. С этой целью Хаска пригнал в Пустозёрск 60 оленей и 5 «санок самоядских под кровлями» с оленьими постелями и мехами. Дары предназначались для того, чтобы «поплатиться погромными животами» с жителями города. На этом ненецкая посольская миссия и завершилась.

Местный воевода И. Лошаков позарился на обильные государевы поминки, разместил упряжки с санями на своём дворе и посадил самоедов под арест. В оправдание произвола он объявил посланцев из тундры лазутчиками, которые явились выведывать положение дел в Пустозёрске. Хаску подвергли истязаниям, и он вскоре умер, два его спутника тоже скончались в тюрьме, ещё один был повешен. Последнего оставшегося в живых самоеда Лошаков отпустил восвояси⁴⁵.

Аманатство в Берёзове практиковалось недолго. В 1656 г. Пось Хулеев уже свободно кочевал по тундре, при этом и он, и его брат Хеня говорили ненцам из других родов, что у них «на Берёзове дети в аманатах». Нельзя точно сказать, имелись ли в Берёзове заложники от тундровых самоедов в 1660 г., когда воевода Б. А. Зубов отписал в Москву, что Поско «с товарищи» сами доставили в Берёзов положенный ясак на подводах, хотя до того сдавали меха «на тундре и на льду под Обдорским городком».

Заложников из числа тазовских самоедов (лесных и тундровых энцев) стали брать в Мангазею сразу после её основания⁴⁶. Сохранившиеся материалы, которые отражают количество аманатов и условия их жизни, очень фрагментарны. Известно, что в 1636 г. в городе в этом качестве содержался «тундряной самоядин Леденкина Шару» Собка Тынгин, племянник Тынгина — главы рода Итилидки⁴⁷. Мангазейский уезд охватывал обширную территорию, поэтому большую часть аманатов содержали в ясачных зимовьях. В 1635 г. ясачный сборщик в Чулском зимовье Иван Сорокин объяснял воеводе недобор подати тем, что приписанные к зимовью тунгусы «люди кочевые, а не сидячие», и ясак с них удастся собирать из-за аманатов, а не по книгам⁴⁸. Сами немногочисленные сборщики ясака остерегались удаляться от зимовья, как, впрочем, и аборигены предпочитали не заходить в него: «Как придут [иностранцы] с государевым ясаком, и имян у себя не сказывают и в зимовье к нам ходити не смеют, ясак подают окном, потому что они, тунгусы, блюдутся, чтоб их ясачные сборщики

⁴⁵ Вершинин Е. В. Сыск 1653 г. о пустозёрском воеводе Лошакове // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – начала XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999. С. 153–157.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 762. Л. 24.

⁴⁷ Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург, 2000. С. 19.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 60. Л. 547.

в аманаты не поймали, а они де... им, тунгусам, из окон дают государево жалованье, олово и одекуй»⁴⁹.

Одним из средств стимулирования сибирских аборигенов к выплате ясака и обязательным условием получения с них пушнины служило «государево жалованье», которое включало угощение и подарки. Угощали тех ясакоплательщиков, что лично посещали город для сдачи мехов. Выше упоминалось, что в середине XVII в. в Берёзов для этой цели из Тобольска поступало 47 вёдер «горячего вина» (впрочем, этого не хватало). В Мангазее в 1647 г. воевода выдал стрельцу Остафию Колову казённые деньги, чтобы сварить пива для приёма ясачных самоедов. Тот исправно выполнил только часть поручения: пиво сварил, но унёс его домой и выпил с приятелями. «Государево жалованье» ясачным могло также содержать масло и муку.

Нередко исследователи расценивают подарки аборигенам как разновидность обмена. Может быть, с точки зрения коренных югричей такой обмен и выглядел равноценным, но со стороны государства он был явно неэквивалентным. «Ясачную самуюдь» Мангазейского уезда более всего привлекали бисер-одекуй, блюда и тарелки из «барабанского» (т. е. брабантского) олова, медные тазы и котлы, железные ножи, топоры, иглы и т. п. Мангазейский воевода И. С. Корсаков докладывал в приказе в 1652 г., что ежегодно отправляет в виде жалованья ясачным самоедам 56 топоров и 86 ножевых железец (ножевых клинков без рукоятей). Помимо этого, каждый год расходовалось 140 больших мотов прядена (верёвок), часть которых шла ясачным людям на рыболовные снасти (мережи и пуцальницы). Все эти товары приобретались в Мангазее по высоким ценам: за пуд одекуя (около 87 000 бусинок) платили 26 рублей, за топор — 50–60 копеек, за нож — 15 копеек, за моток верёвок — 40 копеек.⁵⁰

При распределении материальных компонентов «государева жалованья» неизбежны были злоупотребления со стороны ясачных сборщиков. В Берёзовском уезде они едва не вызвали массовое восстание хантов, планы которых были пресечены русской администрацией в 1663 г. (о чём рассказывалось выше).

Письменный голова В. Головин и подьячий С. Тарков в то время состояли при Обдорской и Собской таможенных заставах и часто слышали от обдорского князца Ермака Мамрукова, что «берёзовские сборщики собирают с них на великих государей ясак и больши де того на себя, и им де от сборщиков чинитца налога большая».

Эти двое таможенных служителей донесли об этом произволе в Тобольск, указав имена конкретных сборщиков. Разрядный воевода И. А. Хилков строго запретил берёзовскому воеводе А. П. Давыдову отправлять в остяцкие волости сборщиков Никиту Аргунова, Василия Попова и Семёна Лоншака, поскольку они «ясачным людям многим обиды и налоги чинили и сверх государева ясаку собирали многую мягкую рухледь себе и на воевод»⁵¹.

В 1647 г. на воеводу П. М. Ухтомского бил челом от имени всей «ясашной тазовской самоеди» князец Ледерейко. Он жаловался на обиды и насилия Ухтомского по отношению к коренному населению. Тот в течение пяти лет брал с самоедов «соболи и бобры и постели и ровдуги и ремень и камысы и пимы всякие, и гуси и утки и мясо олень», выманивал пушнину, сулясь

⁴⁹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 76. Одекуй – крупный разноцветный бисер.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп.3. Стб. 408. Л. 465–466.

⁵¹ Обдорский край и Мангазее в XVII веке. С. 49–50.

дать за неё муку, топоры, ножи, сукна, и не держал слова. С каждого ясакоплательщика ежегодно требовалось подношение воеводе в виде «поклонных добрых соболей... по 4 соболя и 4 бобра» и вдобавок детям Ухтомского по соболю и бобру. Из-за этих непомерных поборов, говорилось в челобитной, самоедам не остаётся средств для приобретения котлов, ножей, мережей, часть ясачных покинула свои стойбища, а оставшиеся в них «вконец погибают». Ледерейко просил государя применить к воеводе «свой царский суд и управу»⁵².

В Сургутском уезде в 1625 г. с 796 ясачных людей из 14 волостей (если две Юганских волости считать за одну) было взято ясака и поминков мехами разных зверей на 160 сороков в «соболином эквиваленте» (т. е. приблизительно 8 соболей с человека)⁵³. На протяжении всего XVII века служители Сибирского приказа не желали замечать и учитывать быстрое уменьшение популяции («испромышление») соболя в Северо-Западной Сибири. Каждому очередному воеводе вменялось в обязанность добиваться выплаты ясачных недоимок, которые с годами всё накапливались.

В то же время столичные власти твёрдо соблюдали принцип: «По государеву указу во всех сибирских городех на ясачных людех государеву ясачную и поминошную рухледь збирают ласкою, а не правежем». Если посмотреть на регион Югры, то касательно Сургутского уезда к концу столетия сложилась следующая картина. В 1699 г. там числилось 720 ясачных плательщиков, с которых довелось взять (в пересчёте на денежную стоимость) 2322 рубля 45 копеек. Недобор ясака на тот период равнялся 1294 рублям. Всего же долг сургутских хантов по пушной подати («доимочному ясаку») с 1625 по 1700 гг. составил 13 653 рубля.⁵⁴

Подобные факты свидетельствовали об укоренившемся негласном правиле в государственной поли-

⁵² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 303. Л. 36.

⁵³ Буцинский П. Н. Сочинения: Тюмень, 1999. Т. 2. С. 90. По подсчётам Б. О. Долгих, в 1625 г. в Сургутском уезде был 851 плательщик ясака (Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 80).

⁵⁴ Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 157.

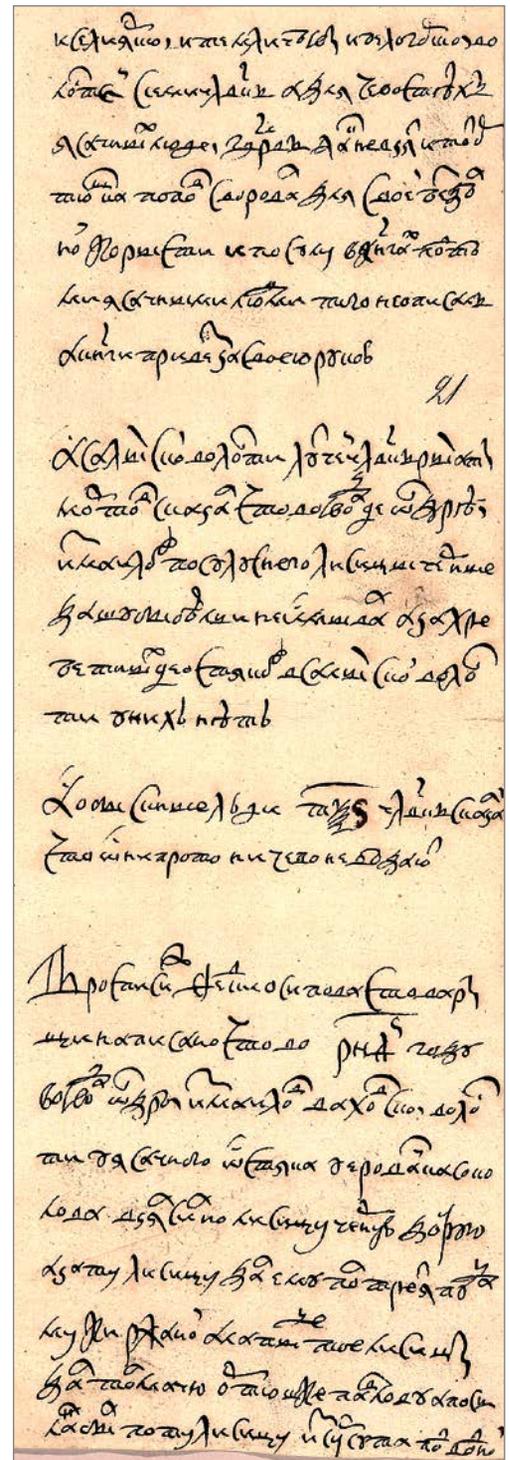

Рис. 2.50. Дело о незаконном изъятии воеводой А. А. Измайловым лисиц у ясачных людей. 1646 г. Фрагм. док. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 285. Л. 21

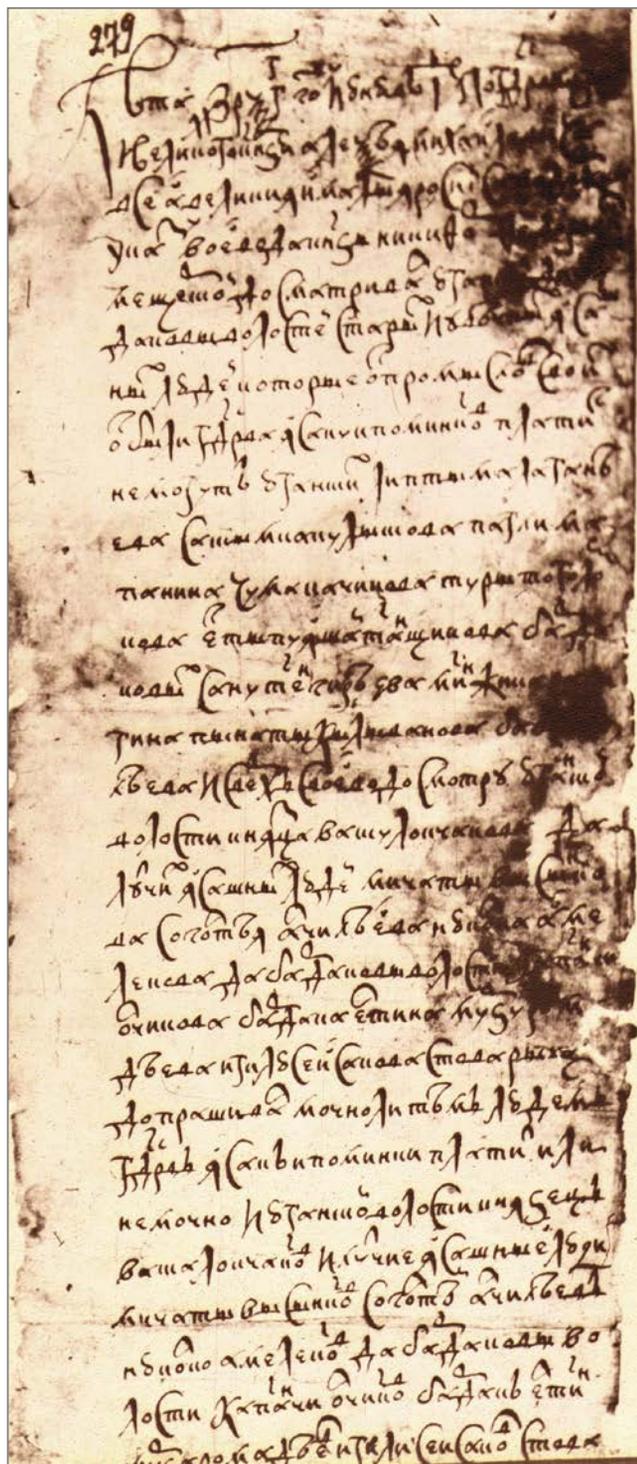

Рис. 2.51. Сыскное дело в Юганской и Бардаковой волостях о неуплате государева ясака и поминков в 1655 г. Фрагм. док. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 473. Л. 277

тике в XVII в.: суровые требования царских указов об исправной уплате ясака аборигенами бесконфликтно уживались с молчаливым учётом реального положения дел.

В условиях политической амбивалентности сибирским воеводам порой приходилось непросто. В 1644 г. сургутский воевода А. А. Измайлов отписывал в приказ, что в течение двух лет рассылал по всем волостям к тамошним князьям служилых людей, чтобы они убеждали хантов отправиться добывать зверя для исполнения ясачных обязательств. Однако ясачные люди не вняли уговорам: «на зверовые промыслы ходили немногие, а иные многие на свои лешие промыслы не ходили». В итоге одни смогли внести положенную подать, другие — только её половину или треть или вообще не заплатили.

Далее Измайлов излагал недоумение по поводу этой ситуации: «И я, холоп твой, тем непослушником, которые на лешие свои промыслы не ходили и... ясаку и поминков не платили, а мяхкую добрую рухлядь втай... продавали, без твоего государева указа за их непослушанье наказанья чинить им не смею, потому что в наказе у меня... написано: велено мне... к ясашным людям держать ласку и привет и береженье, и твой государев ясак и поминки збирать ласкою, а не жесточью и правежем»⁵⁵.

Недоимки по ясаку в Сургутском уезде начали увеличиваться в 1625 г. Объяснение этому факту видится в следующем. В 1623–1625 гг. местные воеводы И. Р. Безобразов и Ф. Г. Шишкин провели учёт ясачных плательщиков, приписав к их истинному количеству ещё 256 человек. Приехавший на смену воевода Н. Е. Пушкин уличил было их

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 134. Л. 385–385а.

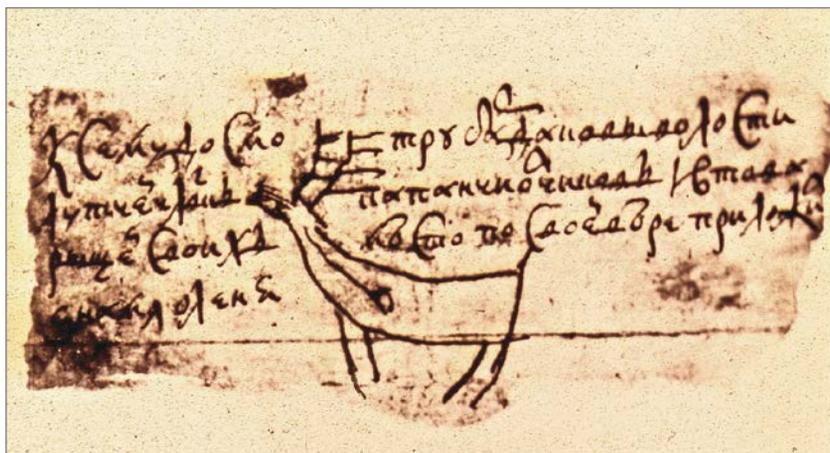

Рис. 2.52. Знамя «лучшего человека» Бардаковой волости Капалчи Олчинкова, которое он приложил «по своей вере» за себя и своих товарищей под документом о досмотре в связи с сыскным делом о невозможности уплаты государственного ясака и поминков в 1655 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп.3. Д.473. Л.279 об.

в этом обмане, но не преуспел в доказательствах махинации перед приказом Казанского дворца. Между прочим, воевода Безобразов принёс в приказ четыре челобитных одинакового содержания от хантов 10 волостей (эти документы он почему-то держал у себя и своевременно не послал в Москву). В грамотах остяки называли размер своего ясачного недобора за текущий 1625 г. и просили отсрочить выплату на год. Недоимка, по их словам, была вызвана разразившимся в Югре «голодом великим» (его причина не объяснялась), небывалым за последние 30 лет⁵⁶.

В 1655 г. воевода князь Н. Ф. Мещерский собрал в Сургуте «лучших людей» из 13 ясачных волостей и обратился к ним с вопросом: «для чего у них в Сургутском уезде во всех волостях на ясачных людях почала быть доимка государеву ясаку и поминкам со 133-го да по нынешней 163-й год»? Ему объяснили, что основная причина уменьшения выплат кроется во все большем нарастании масштабов ямской повинности («подводной гоньбы многой»), по мере утверждения России за Уралом. «В которую де пору летом ссоры запираем и сухую рыбу готовим, с чем ходим на пешие свои промыслы для государеву ясаку и поминков, и в ту де пору мы, ясачные люди, Томсково и Ленсково разрядов под воеводы и под их запасы и под всякими служилыми людьми вверх и вниз, летом на дощаниках и на каюках, а зимою в нартах ходим в подводах безпрестани»⁵⁷, т. е. у остяков не оставалось времени для заготовки рыбных припасов на зиму, которые служили бы им пропитанием в походах на отдалённые зверовые промыслы.

Организация ясачного режима в отношении аборигенного населения Западной Сибири несколько заслонила для историков другие виды повинностей. Коренные жители берегов Нижней и особенно Средней Оби были вынуждены исполнять подводную повинность, не менее обременительную, чем добывание и сдача пушнины в ясак. С конца XVI в. за Уралом начинает налаживаться ямская гоньба. В 1600–1601 гг. правительство учредило в Вер-

⁵⁶ Там же. Стб. 8. Л. 32–35.

⁵⁷ Там же. Стб. 501. Л. 86, 84–85.

хотурье, Туринске и Тюмени русские ямские слободы. Однако поскольку русское податное население в тех краях было тогда немногочисленным, то эта повинность легла на плечи остяков, вогулов и татар. Для них она оказалась новой и непривычной, и в столичные инстанции стали поступать челобитья на её тяжесть.

Следует пояснить своеобразный понятийный ряд документов, отразивших обстоятельства ямской службы. Современное слово «подвода» обычно соотносится с конной повозкой. В Сибири же XVII в. оно оказывалось более многозначным. Там ямщикам приходилось обслуживать как сухопутные, так и водные пути. В Югре удобных проезжих дорог практически не существовало, и прибегали в основном к передвижению по рекам. С остяков также требовали исполнять подводную повинность. Она заключалась в том, что они были обязаны помогать русским судам плыть по реке в качестве тяглой силы: по-бурлацки тянуть за собой бечевою по берегу, отталкивать шестами и т. п. Для югричей это была не служба, а именно повинность.

В 1599 г. зафиксировано одно из первых известий о наложении на ясачных подводной повинности. В челобитной от 9 «лучших людей» Табаринской волости Пелымского уезда говорится, что в летнюю пору их привлекают на обслуживание судового хода, а зимой — на ямскую гоньбу со своими лошадьми и нартами. Из-за этой тягости те манси, что жили вблизи мест интенсивного передвижения, покинули их, так что повинность оказалась возложена исключительно на оставшихся челобитчиков, и теперь «живут по лесам в неизвестных местах». Табаринцы били челом, чтобы власти вернули беглых на прежние места проживания⁵⁸.

В челобитной белогорских князцов Таира и Байбалака Самаровых 1603 г. сообщалось, что их Белогорская волость располагается «на большой дороге промеж городов». Тобольские гонцы и служилые люди, следовавшие в Берёзов и Сургут, брали у ясачных людей подводы, и тем «чинилась теснота великая»⁵⁹. Непонятно, что здесь названо подводами. Может быть, этим словом обозначались только зимние нарты, предоставлявшиеся и сопровождавшиеся хантами. В 1610 г. ляпинский князец Кушкул доложил в Казанском дворце, что люди его волости «ходят за Камень по суды», сопровождая берёзовских казаков. В это же время 30 остяков Подгородной волости Берёзовского уезда, составлявшие половину волостных ясачных, исполняли ямскую гоньбу, но были освобождены от ясака⁶⁰.

К 1610 г. подводная повинность уже утвердилась по отношению к среднеобским остякам — волостей Салымской, Базьянской, Селиярской, Большой и Малой Юганских: «проводят нашу казну и хлебные запасы, которые посылают в Сургут ис Тобольска от усть-Иртыша до Сургута вверх Обью рекою, и ходят по 4 недели, тянут вверх бечевою и шестами»⁶¹. В последующие годы обязанности по ямской гоньбе были возложены также на хантов, живших выше от Сургута по Оби. Для гоньбы власти целенаправленно выделили из состава Юганской волости Подгородно-Юганскую, жители которой занимались ямскими перевозками. 18 остяков Юганской волости в 1625 г. жили под Сургутом «для подвод», помимо этого, они были обложены ясаком 8 соболей с человека⁶². Кроме этого, иных особых ямщицких поселений

---

⁵⁸ РИБ. Т. 2. Стб. 148.

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 133 об.

⁶⁰ Там же. Л. 142–143 об.

⁶¹ Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 371.

⁶² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 260.

по берегам Оби не существовало, поэтому нередкие прибрежные остяцкие юрты играли роль ямов.

Остяки перевозили грузы зимой на нартах, а летом сопровождали речные суда. В этом заключалась их ямская повинность. Тем проезжающим, которые имели подорожные грамоты, власти Сургута должны были выделять остяков-ямщиков. Ямщики следовали на судне до ближайших прибрежных селений, где на их место заступали сменные ямщики, и такой порядок действовал далее, вплоть до Нарымского и Кетского острогов. Однако на деле эта схема соблюдалась не всегда.

Уже в 1626 г. ханты всех сургутских волостей жаловались на действительное обустройство ямской гоньбы: «А подводы, государь, с нас... перед прежними годами емлют многие: летом на судех ходим, а зимою и з женишками тянем всякими служилыми людьми. И от подвод нам стала нужна великая: недели по 2 и по 3 нас... на судех держат и многие юрты проводят не переменяя»⁶³. Воевода Н. Е. Пушкин в своём донесении в приказ поведал об интересных деталях выполнения хантами этой повинности.

В июле 1626 г. через Сургут следовал из Тобольска в Томск для некоего «сыскного дела» письменный голова Семён Чаплин. Воеводе он предъявил подорожную и потребовал 19 подвод. Два казака отправились в волости набирать ясачных остяков «в подводы». Ситуация осложнялась тем, что незадолго до этого казаки уже привели в город ямщиков, предназначенных для других проезжающих. Их-то и было решено отдать Чаплину. «И те подводы Семен отдал беречь толмачу Лучке Туполку, и ис тех подвод остяк ухоронился, и в то место Семен на толмаче доправил человека». Из данного фрагмента источника явствует, что под «подводой» подразумевается один человек.

Затем Пушкин пишет, что в соответствии с подорожными Чаплину и другим проезжающим одновременно было выделено 50 подвод. Вскоре по Оби прошёл казённый дощаник с хлебом из Тобольска, на который воевода отрядил подводы и двух казаков для охраны. От Сургута судно двинулось вверх по реке, «и как де они приехали в Аслымские юрты, а в тех юртах на яму остяков нет, розбежались, и перемянить де тех подвод у них, которые были на дощанике, некому. И те де остяки, от яму от Аслымских юрт отъехав, на пустом месте от них с дощаника учали метатца на берег, а говорили де им, что они голодны, а подвод по ямом нет. И они де тех остяков учали имать, и те де остяки, переломав шесты, их били и ножи хотели резать».

На допросе у Пушкина сбежавшие с дощаника остяки оправдывались: «Проезжали де они многие юрты, а ни в одних подвод нет... А провозят де их на судех недели по 2 и по 3, не переменяясь, и поморят де их с голоду, не кормят и бьют. И мы де почали с судов метатца на берег».

В том же месяце казаки Ортюшка Дербень и Малафейко Кузьмин, возвратившиеся в Сургут из дальней поездки, рассказали, что «остяки с ямов с Оби реки розбежались», так как Семён Чаплин по пути следования дощаника им «тесноту чинил великую, едучи, их бил».

Пушкин закончил свою отписку в Сибирский приказ пессимистичным изображением попыток организации ямской службы в его краях: «И из Сургута, государь, посыланы были

⁶³ Там же. Оп. 3. Стб. 8. Л. 25.

в Сургуцкой уезд казаки многожды ямов строить, чтоб подводы были у остяков по ямом попеременно ж, и остяки не слушают, по ямом не живут, бегают, а говорят: бьем де мы челом государю о сыску беспрестани, что на ямах нам жить от проезжих людей от налоги невозможно, нам де сыску и указу нет». По словам Пушкина, князцы и ясачные люди «бьют челом тебе, государю... беспрестани другой год: как де ехали воеводы в города на перемену и посланники, и многих де остяков имали к себе на суды в подводы силно и их били и тесноту делали мноую. И оне де, ясашные люди, с судов металися в воду и тонули»⁶⁴.

Надо заметить, что на подобные жалобы югричей правительство реагировало сочувственно. Ещё до прибытия на воеводство Пушкина в Сургут была отправлена царская грамота с указанием ясачных людей «беречь от посланников и ото всяких служилых проезжих людей» и даже посылать «для обереганья» вместе с остяками-подводами сургутских атаманов и пятидесятников⁶⁵. Ясно, что исполнить это повеление оказывалось непросто.

Кроме бегства подальше от Оби ханты изыскивали и иные способы уклониться от подводной повинности. В 1625 г. юганские князцы от имени 120 своих сородичей били челом сургутскому воеводе о ссужении им денег для найма добровольцев, согласных исполнять гоньбу в осеннее время. Расплатиться с долгом они обещали пушниной⁶⁶.

Судоходство на Оби и Иртыше многократно интенсифицировалось по мере продвижения России на восток. Соответственно становились всё более насущными ямская гоньба и выполнение сибирскими аборигенами подводной повинности, которая при этом не снимала с них обязанностей по ясаку. В очередной челобитной татар и хантов в январе 1629 г. отмечалось: «И пред прежним, государь, подвод прибыло много, потому что Божию милостью и твоим государевым счастьем под твою государеву высокую руку прибывают новые землицы, и ис Тобольска... в те новые землицы посылают детей боярских и служилых людей, и ис тех новых землиц... служилые люди с твоею государевою соболиною казною и с отписками... ездят в Тоболеск, а мы... под ними в подводах ходим ж. И на нас... стали подводы беспрестанные, и на соболины промыслы мы... добывать на твой государев ясак не поспеем». Челобитчики ссылались на снижение добычи пушного зверя и просили царя позволить им часть пушной подати выплачивать деньгами⁶⁷.

Частое и разорительное привлечение югричей к ямской гоньбе порождало не только ясачные недоимки, но и голод в зимние месяцы. Частым мотивом обращений коренных жителей Северо-Западной Сибири к русским властям была констатация «тяготы и нужи великой» от подводных тягот: «И в нынешнем (году, т. е. зимой 1645/1646 г. — авт.), государь, от подводные летние и зимние многие гоньбы в Сургуцком уезде во всех ясашных волостях с осени и во всю зиму был голод великой, и собаки зверовые все з голоду переели. И многие... ясашные люди, не истерпя голоду, з женами и з детьми, померли»⁶⁸.

Выплату ясака и подводную повинность в сознании аборигены Средней Оби воспринимали как в определённом смысле двуединое явление. В 1696 г. правительство решило передать Тымскую и Васюганскую волости из Сургутского уезда в Нарымский. Эта мера во многом

---

⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 8. Л. 138–148.

⁶⁵ Там же. Оп. 3. Стб. 11. Л. 138–148.

⁶⁶ Там же. Стб. 11. Л. 139–141.

⁶⁷ Там же. Стб. 16. Л. 334, 244–249.

⁶⁸ Там же. Стб. 263. Л. 377–378.

была вызвана прошениями местных ясачных. Тымские селькупы и васюганские ханты расписывали вопиющие бесчинства сургутских казаков, посылаемых за ясаком: в 1694 г. трое ясачных сборщиков во главе с десятником Иваном Завьяловым прибыли в Тымскую, Сымскую и Караконскую волости «на Тазовскую сторону» и ещё трое, возглавляемые атаманом Алексеем Торопчаниновым — в Васюганскую. Там они «грабежем взяли» у местных жителей 460 соболей, из которых для государева ясака отобрали плохую пушнину, а качественную забрали себе. Кроме того, «они же ясатчики жен и детей бесчестят, берут к себе на постели и творят с ними блуд».

Челобитчики просили передать их волости в соседний уезд в ведение нарымского воеводы. Это и решалось царской грамотой от 29 января 1696 г. Кстати, Иван Завьялов и два его спутника и сотоварища по грабежу и насильствам поплатились за свой произвол. Вернувшись в Сургут, они рассказали, что на середине обратного пути состоявшие у них в проводниках и подводах остяки «на лесу на пустом месте их покинули и ушли и запас их весь без остатка увезли». Казакам пришлось прожить шесть недель в незнакомой местности, где они «помирали голодной смертью, потому что без вожа идти не знали». Неизвестно, каким образом им удалось всё-таки выбраться из таёжной глухомани.

После административного переподчинения Тымской и Васюганской волостей ударили челом ханты со Средней Оби. Дело на сей раз состояло в следующем. Как рассказывалось выше, сургутскому воеводе было приказано принимать ясачную «мягкую рухлядь» с пупками и хвостами, т. е. звериные шкурки зверя. В остяцкой грамоте указывалось, что «преж сего, государь, мы... пупками соболями и лапами лисьми нужды свои управляли», продавали их или обменивали на русские товары.

Остяки откровенно заявляли: «А вашего, великих государей, ясаку николи сполна не бывало, и кладем мы... ясак и поминки, что кому Бог даст, потому, государь, что мы... гоняем подо всякими людьми в подводах». Их беспокоило избавление от ямской гоньбы тымских и васюганских хантов, отошедших к Нарыму, поскольку это грозило наложением дополнительных поручений по подводной повинности на ясачных из волостей, которые остались в Сургутском уезде.

Прошение остяков сводилось к следующему: во-первых, перевести две волости в Сургутский уезд; во-вторых, принимать ясачные меха без лап и хвостов; в-третьих, разрешить югричам в Сургуте и уезде свободно приобретать у русских людей товары, «окроме вина и табаку»; в-четвёртых, учредить два яма с русскими ямщиками: один между Большой и Юганской Обью, напротив Сургута, другой — между Сургутом и Нарымом; в-пятых, если решение об этих двух ямах не будет принято, уменьшить ясачный оклад (равнявшийся сумме от 2,75 до 4, 27 рублей), который превышал оклад плательщиков Берёзовского уезда. Судья (глава) Сибирского приказа И. Б. Репнин в феврале 1697 г. распорядился оставить в силе решение о подчинении Тымской и Васюганской волостей администрации Нарыма. Насчёт прочих вопросов, поднятых в челобитной, хантам отписали о решении их в неопределённом будущем («великого государя указ будет им впредь»)⁶⁹.

В 1707 г. сургутские остяки ещё раз пожаловались на трудности гоньбы, исполняя которую они «вконец разорились», и опять умоляли: «Не вели, государь, нам той подводной гоньбы гонять, а вели... в Сургуте поставить ям». Из Сибирского приказа в Сургут поступило пред-

⁶⁹ Там же. Стб. 1299. Л. 18–19, 22–25, 32–40, 52, 55.

писание воеводе снять с хантов обязанности по подводам и впредь брать в гребцы на суда добровольцев-«охотников»⁷⁰.

Подводная повинность не распространялась на жителей Нижней Оби, хотя такие попытки предпринимались. В 1647 г. ханты Ляпинской, Обдорской, Подгородной и Сосьвинской волостей подали челобитную против введения в их регионе ямской гоньбы. Неизвестно, кто принял решение, по которому с этого года они были обязаны сопровождать суда от Берёзова вниз по Оби, тогда как им «кочевой ход не за обычай». Остяки резонно отмечали, что раньше «в проводниках не хаживали», и высказали традиционное возражение о том, что в летнее время заготавливаются рыбные запасы — предмет зимнего обмена у ненцев мехов для ясачных выплат⁷¹.

В 1648 г. обдорский князь Молик Мамруков бил челом о том, что сын боярский, прибывший на Обдорскую заставу из Тобольска, требует с волости 30 рублей «за подводы» до Берёзова, хотя прежде такого не бывало. Сибирский приказ прислал тобольским властям указание не брать никаких подвод с обдорских хантов, т. к. к северным таможенным заставам снаряжалось всякий раз до трёх десятков служилых, которые сами были способны справляться с проведением судов по рекам и их охраной⁷².

Сохранились лаконичные сведения об исполнении некоторыми ясачными волостями «рыбной подати». Она взималась с подгородных хантов Берёзовского уезда в начале XVII в. В 1629 г., по свидетельству ясачных, проживавших в волостях ниже Тобольска по Иртышу, ежегодно по весне они сдавали в подать жир и сухую рыбу. В царской грамоте 1640 г. также говорилось, что «тобольские ясачные люди лавливали на нас юровую рыбу и платили сухую рыбу и жир, а в продаже за тое рыбу и за жир денег выходило по 80 рублей»⁷³.

Когда в Югре решали ставить новый город или острог или обновлять городские укрепления, власти пытались привлечь коренных жителей к заготовке леса: рубке деревьев и доставке брёвен к месту строительства. Основатели Сургута князь Ф. П. Борятинский и письменный голова В. Оничков получили приказ использовать в «городовом деле» хантов из близлежащих волостей, но при этом держаться настороже: «А сперва тутошних людей беречися, велети им лес ронить и привозить под город, а стояли б под городом, а в город их не пущать, покаместа город укрепитца. А которые не почнут слушати и лесу к городовому делу возить, и их велеть воевать и поистращать»⁷⁴.

В 1621 г. при пожаре был почти уничтожен Пелым. В грамоте воеводе П. Н. Вельяминову велели отстроить город вновь, и при этом: «А лес на город и на острог велено изготовить и приплавить водою под старое городище Пелымского уезда вогуличам». Хотя Вельяминов и известил тобольское начальство, будто «ясачные вогуличи ближних волостей лес припрывадили», служилые пелымцы свидетельствовали, что «на Пелыме готового лесу нет ни одного бревна»⁷⁵. Очевидно, окрестные манси так и не стали заготавливать лес.

---

⁷⁰ Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994.

⁷¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 289. Л. 15–17.

⁷² Там же. Стб. 307. Л. 226–229.

⁷³ Там же. Стб. 16. Л. 244–245; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 541.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1. Л. 26 об.– 27.

⁷⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 332–333.

Глава 7

Религиозный ландшафт Югры: начало распространения православия

Религиозная ситуация в Югре в XVII в. характеризовалась началом распространения православия. Это было в основном связано с появлением русского православного населения и его нуждами, а также с единичными случаями принятия христианства (добровольно или в силу сложившихся обстоятельств) представителями коренных народов — вогулами, остяками и самоедами¹. Между тем в отечественной историографии сложилось представление о том, что христианизация была связана исключительно с проникновением православия в среду аборигенного населения, и полемика велась лишь о способах, характере распространения (насильственная или добровольная), степени её успешности и последствиях (приобщение к более прогрессивным формам или дополнительный способ угнетения). Мы предлагаем взглянуть на этот процесс в контексте общей эволюции религиозного ландшафта Югры, в который включены элементы традиционной культуры аборигенного населения, центры распространения православия и первые результаты их взаимодействия. Укрепление православной составляющей в религиозном ландшафте Югры в значительной степени направлялось и контролировалось Тобольским архиерейским домом. Поэтому представляется важным рассмотрение объекта исследования в контексте истории Тобольской и Сибирской епархии XVII в.

Рис. 2.53. Икона «Святитель Николай Чудотворец». Вторая половина XVII в. Архангельский областной музей изобразительных искусств // Музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» г. Архангельск : сайт. URL: www.artmuseum.ru

¹ Поскольку установить конкретную этническую принадлежность представителей коренного населения невозможно, то целесообразно, следуя источникам, использовать этнонимы XVII в.

Религиозные традиции народов Югры по данным письменных источников второй половины XVII – начала XVIII вв.

Согласно немногочисленным письменным источникам XVII – начала XVIII вв., религиозные традиции вогулов и остяков включали несколько ключевых элементов. Они поклонялись многочисленным богам, каждый из которых имел свою компетенцию и зону ответственности. Деревянные, преимущественно антропоморфные изображения божеств находились на территориях, обладавших сакральным значением, являвшихся местами общественных молений и жертвоприношений, совершавшихся перед началом и по окончании промысла, а также в кризисных ситуациях.

Одно из самых ранних описаний религиозных традиций и образа жизни коренного населения Югры содержится в отписке тобольского архиепископа Симеона царю Алексею Михайловичу². Летом 1656 г. он посетил Кодский городок с целью восстановления Троицкой церкви и организации при ней монастыря. «И в те поры, — писал архиепископ царю, — как я жил в Кодском острошке и ко мне, твоему государеву богомолцу, приезжали многих обских волостей остяки и жили по многия дни»³. Описывая условия жизни, верования и ритуальные практики жителей Коды, архиерей излагал, скорее всего, не только свои собственные наблюдения, но и использовал информацию, полученную от служилых людей, бывавших в ясачных юртах. Повествование о жителях Коды Симеон начал с характеристики места их проживания: «А в том месте, государь, Кодския волости и по иным волостям по Обе реке хлеб не родитца, потому что холодно, да и мест пахотных нет»⁴.

Для автора было важно вписать своих «героев» в конкретное географическое пространство, поскольку именно оно определяло тип их хозяйства и уровень жизни: «Толко оне, остяки, кормятца одною рыбою да зверем, какова они изловят, то и едят. А остяки гораздо скудны, одежда на них одна в зиме и в лете — налимя кожа, а обулки у них — осетровая кожа».

Архиерей описал житейские трудности остяков с явным сочувствием, эмоционально выражая своё «печалование» о них. Он отметил не только объективные трудности бытия охотников и рыболовов, но и обратил внимание на иную причину их бедствий: «А се жалуютца на изгону от воевод и от приказных, и от служилых людей Берёзовского города»⁵.

Вполне ожидаемо архиепископ назвал остяцкую веру «самой худой, недоброй, многобожной». Он отметил их поклонение природным объектам: «кланяютца деревью и горам, а идолы у них на многия виды зделаны человекообразни, многих зверей подобия и скотя подобия, и многих рыб, и птиц подобия».

Более детально архиерей описал обряд жертвоприношения: «И жертву им приносят первой улов звериной или рыбой и положи перед шаи[та]ны скачут и пляшут и в долони⁶ плещут

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 592. Л. 106–107. Отписка датирована 23 февраля 1657 г. Архиепископ Симеон возглавлял Сибирскую и Тобольскую епархию в 1651–1664 гг.

³ Там же. Л. 106.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Долони — множественное число от «долонь, длань» (ладонь) См. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. 1. С. 463.

и многое у них чарование, и потом оне перед шайтаны, сваря, едят». Эти сведения созвучны описанию «бесовских сонмищ» из царской грамоты о борьбе с языческими проявлениями, распространённой по сибирским уездам в конце 1649 г. В частности, в ней предписывалось, чтобы люди «по ночам на улицах и на полях богомерзких и скверных песней не пели, и сами не плясали и в ладони не били». «Чарование» и «чародейство» также считались «бесовской прелестью»⁷. Архиепископ Симеон, как представитель духовной власти в крае, естественно использовал ментальные и лексические конструкты, бытовавшие в XVII в.

В 1667/68 г. по приказу тобольского воеводы П. И. Годунова был проведён детальный опрос сотников ясачных волостей, в которых проживали вогулы и остяки, об их религиозных традициях. Тематически вопросы можно разделить на две части. Одна часть относилась к христианству и должна была помочь выявить степень осведомлённости местных народов с основными положениями православия. Среди предложенных вопросов были следующие: «знают ли и почитают древних пророк Моисея или иных»; «...и веруют ли, хто сотворил бог землю и все, что есть на земле, и хто сотворил человека, и хто сначала человек»⁸. Другая часть вопросов была связана непосредственно с религиозными воззрениями народов и практиками отправления культа: «Кому веруют и есть ли у них грамоты»; «От кого слышали сначала вера их и как имя того»; «о каких своих прибитках и добычах волхвуют и ворожат»; «и всяк ли сам, или на то есть выбранные люди, и что им за то излишняя почесть»; «и как их называют подобно учителям или инако как»; «и есть ли у них болваны»; «и чего просят у тех болванов, моля от них ли помилования или в проситель к богу их чают, и как им молятца и просят, и что молитва их и слова? И как ставят их и сами перед ними стоят, и есть ли попы или подобное что тому, или иные какие на то устроенные избранные из них люди, какого сану?»

На это сотники ясачных волостей Верхотурского уезда, привлечённые для «роспроса», отвечали, что «верят в шайтана и молятца ему, пад на колени, смотря на небо кланяютца в землю... Хто сотворил землю и все, что есть на земле... и хто изначала человек — того они не ведают, люди дикие, лесные. А веруют они веру в шайтана и шайтаны у них ... из серебра и из меди... с... рожами». Веруют же они, «как веровали отцы их и деды, а образа Божьего они не ведают и не молятца, а молятца они вместо образа шайтану. А просят у шайтана здоровья и из лесу добычи... А ставят шайтанов в юртах... на шестах... и из леших слов молитвы и псалмы у них нет... А пророка Моисея и иных никого не знают, люди дикие, лесные и неграмотные... А молятца де у них которые старые люди, а не молодые. А выбранных на то людей нет...»⁹.

Полученные ответы являются свидетельством того, насколько мало было осведомлено о христианстве население одного из наиболее подверженных русскому влиянию уездов спустя без малого век после присоединения края.

Характеризуя религиозные традиции народов Югры, неизвестный офицер-иностранец, находившийся на службе в Сибири в 1666 г., писал, что остяки ничего не знали о христианском Боге и его заповедях, не имели книг, письменности и алфавита; молились шайтану (Scheitan) и приносили ему жертвы, в лесу под деревом, на специальном священном месте¹⁰.

⁷ Шишонко В. Пермская летопись. Период 3 (1645–1676). Пермь, 1884. С. 120.

⁸ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 115. Л. 67–68.

⁹ Там же. Л. 67–73.

¹⁰ Правдивое описание нашего далёкого путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, прилежно наблюдая в 1666 г., в обществе 46 офи-

Рис. 2.54. Божества, почитавшиеся на святилище Сотым-тэ-ики салымскими хантами в XII–XX вв. Из раскопок 1997 г. // Священная кедровая роща: формирование и развитие религии салымских хантов в IV–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 19 / О. В. Кардаш, И. В. Слесаренко, С. О. Родин. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2021. С. 103

Участник миссионерской поездки начала XVIII в. к остякам, живущим вдоль Оби, капитан драгун шведской армии Йоханн Бернгард Мюллер сообщил о «древних священных местах», на которых размещались «общечтимые идолы». Остяки устанавливали их на возвышенностях или в чаще леса, в маленьком деревянном доме, рядом с которым был расположен другой небольшой дом, куда складывали кости зверей, принесённых в жертву¹¹. Два из описанных автором божеств находились, по его словам, в юртах Белогорских. Наиболее почитаемого из них Й. Мюллер лично не смог увидеть, поскольку при приближении миссионеров остяки перенесли его на Конду. Однако офицеру удалось узнать, что это была антропоморфная фигура: «Бревно, покрытое красной тканью, верхняя часть которого была в форме головы человека». Он являлся главным среди богов и повелевал ими. Изображение было обёрнуто большим количеством пожертвованных отрезков ткани, а голова увенчана шапкой из дорогих шкур чёрно-бурых лисиц¹². Другое божество было сделано из меди в виде гуся с распростёртыми крыльями, сидящего в гнезде из пожертвованных ему отрезков сукна, холста и шкур¹³. Охотники и рыболовы собирались на общественное моление накануне охоты на птицу и делали подношения Гусю¹⁴.

Одно из мест пребывания третьего из описанных Й. Мюллером божеств Старика Обского находилось напротив Самарова, а другое — у слияния рек Иртыш и Обь. Поклоняющиеся ему жители Югры раз в три года перевозили его с большой торжественностью по Оби

церков, для полного осведомления любителей, как это ниже следует // Исторический Архив. М.; Л., 1936. С. 178.

¹¹ Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganism to the Christian Religion of the Grecian Confession. With some curious remarks on the Kingdom of Siberia, and the Streights of Nassau or Waigats. Described by John Berngard Müller, a Swedish Captain of Dragoons, in the Captivity: and sent by him to Petersburg the 12th of December 1716 // Weber F.C. The present state of Russia being an account of the government of that country, with civil and ecclesiastical; of the Czar's forces by sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewitz, from the year 1714, to 1720. Translated from the High-Dutch. 1st ed. London, 1722–1723. P. 76, 78.

¹² Ibid. P. 83.

¹³ Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884. С. 61.

¹⁴ Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks... P. 84.

с одного места на другое в специальной лодке. Это был Бог, повелевающий рыбой, которую, по представлению жителей Югры, он заставлял переплыть из моря в Обь. Изображение божества было деревянным с длинным носом, покрытым железом, и он, по представлениям остяков, вытягивал им рыбу из моря в Обь. У него было два маленьких рога на голове и стеклянные глаза. Возле Старика Обского были положены военные доспехи, символизирующие его власть¹⁵. Ещё одно священное место общественного значения располагалось в Прохоровской волости¹⁶.

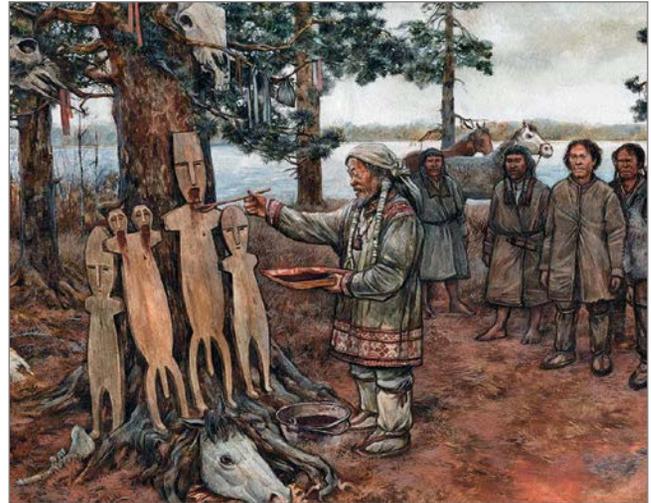

Рис. 2.55. Священный кедр: церемония «оживления» божеств. Художник А. С. Кухтерин. Консультант О.В. Кардаш // Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Священная кедровая роща: формирование и развитие религии салымских хантов в IV–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2021. Вып. 19. С. 108–109

Общественно значимое священное место находилось в Шеркальских юртах, где хранилось деревянное антропоморфное изображение с серебряным лицом: «кумир изсечен от дерева в подобие человеке, сребрено имеющ лице».

Судя по сообщению участников миссии, Шоркарское божество обладало даром предвидения, оно предсказало появление миссионеров и призвало людей отстоять верования своих предков и не дать разрушить священное изображение¹⁷. Народы Югры почитали также горы, скалы и деревья, особенно необычной формы¹⁸. Большинство почитаемых божеств, судя по описаниям, представляли собой деревянные антропоморфные фигуры, но иногда это могла быть какая-нибудь вещь, купленная у русских: «коробки, ящики, ножи и прочие мелочи».

Характеризуя ритуальные действия остяков на священном месте, в 1666 г. неизвестный автор писал: «...падают они на землю ниц или на колени и просят его, чтобы у них не была украдена ни одна лошадь; они приносят ему в жертву соболей, лисиц, куниц и все, что они имеют»¹⁹. Во время молений, на которые съезжались с жёнами и детьми, совершалась коллективная трапеза²⁰.

О поклонении «шайтанам» и коллективных жертвоприношениях, совершаемых остяками Берёзовского уезда, сообщал Зиновий, иеромонах Кондинского монастыря²¹. В 1725 г. надзирателю Кириллу Берху поступил донос некой новокрещённой Марины на своих пасынков, также уже крещёных, о том, что они в Ендырской протоке продолжали совершать ежегод-

¹⁵ Ibid. С. 84–85; Новицкий Г. Краткое описание о народе...С. 59–60.

¹⁶ Новицкий Г. Краткое описание о народе...С. 59–60.

¹⁷ Там же. С. 72; Muller J. V. The manners and Customs of the Ostiacks... P. 91.

¹⁸ Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М. ; Л., 1947. С. 40.

¹⁹ Правдивое описание... С.178.

²⁰ РГАДА. Ф. 833. Оп.1. Д.1. Л.1.

²¹ Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М., 1941. С. 75.

ные жертвоприношения своим божествам «держали при себе шайтанов в потаях и на всякой де год пред теми кумирами бьют по две лошади». Божество было вывезено в Берёзов в коробке, в том виде, в каком и хранилось, обёрнутое лоскутами материи. В документе содержалось и его описание: «...кумирец небольшой деревянной с личинкою железной»²².

Согласно наблюдениям иностранных авторов, сургутские остяки, жившие вдоль Оби, верили в существование верховного Бога и при этом поклонялись множеству различных божеств, делая их антропоморфные изображения. Один из них сообщал: «Они верят в то, что есть бог, который определяет все, но они все равно ему не молятся, а молятся многим богам, которых делают сами из дерева и земли в подобие людей»²³.

В письме пленного шведского лейтенанта Мартини содержалось объяснение невнимания к верховному божеству, основанное на мнении самих остяков: «Они дают ответ, что бог ни плохого, ни хорошего им не делает, а шайтан (так они называют нечистую силу) дает им все, чего бы они от него не потребовали»²⁴.

Филипп Иоганн фон Страленберг во время путешествия в Тобольск посетил и описал одно из священных мест остяков. Святилище представляло собой деревянный дом, крыша которого была покрыта берестой. Внутри, у стены на возвышении, «на подобие алтаря» находились фигуры мужчины и женщины, завёрнутые в разного рода ткани и шкуры. Вокруг них располагались деревянные фигурки оленей, зайцев, лис и других зверей, также обёрнутые кусочками тканей и меха²⁵.

Неизвестный иностранный автор начала XVIII в. также сообщал, что изображения божеств остяки помещали в специально сделанные домики из брёвен, покрытые берестой; изображения божеств были одеты в «прекрасные одежды, сшитые как у русских женщин»; им подносили еду, одежду и пушнину: «...рядом с божками они вешают пучки шкурок и ставят деревянные корыта с едой. Они кормят своих идолов каждый день специальными деревянными ложечками, поднося их ко рту. И это делается в такой замечательной манере, что многое из этой еды пропадает. Когда они молятся своим идолам, они стоят и кивают головой... и призывают богов. Они зовут своих богов шайтаны. Они не имеют ни храмов, ни священников»²⁶. Помимо пищи, одежды и пушнины, в качестве даров духам-покровителям слу-

²² Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М., 1941. С. 89.

²³ Der allerneueste Staat von Siberien, einer grossen u. zuvor wenig bekannten Moscovitischen Provinz in Asien, entdeckend nicht nur die ehemalige und gegenwärtige Beschaffenheit des Landes, nach seiner Regierung, nach der Gegend, Frucht- u. Unnfruchtbarkeit, Cebürgen, Thieren, Flüssen, Stäten u.d.g. Sondern auch die Sitten u. Gebräuche der Samojuden, Wagullen, Calmücken, Ostiaken, Tungusen, Buratten, Mongalen u. Anderer Tartarischen Völker, nebst einer Historischen Nachricht, von den merkwürdigen Begebenheiten derer in diesem Lande gefangenen Schweden, von der Schule zu Tobolsky u. Vom wunderbaren Anfang zur Bekehrung der Ungläubigen. Nürnberg, 1725. (1720–1st edition). S. 149, 157; Wreech C. F. Wahrhafte und um ständliche Historie ... P. 181.

²⁴ Wreech C. F. Wahrhafte und um ständliche Historie... P. 181.

²⁵ Stralenberg F. An Historico-Geographical description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia, but More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in their Ancient and Modern State: together with an entire new Polyglot-Table of the Dialects of 32 Tartarian Nations: And a vocabulary of the Kalmuck-Mungalian Tongue. As also A Large and Accurate Map of those Countries; and variety of cuts, representing Asiatick-Scythian Antiquities. Written originally in High German By Mr. Philip John von Strahlenberg, a Swedish officer, thirteen years captive in those Parts, now faithfully translated into English. London, 1738. P. 434.

²⁶ Ibid. P. 149, 150.

жили и орудия труда. По сообщению Мартини, восточные ханты, «если в охоте или рыбной ловле получили хорошую добычу, жертвуют этим изображениям снасти, лук, стрелы, сети, топоры, привязывают их к шесту и ставят у домика духа-покровителя»²⁷.

Культ медведя. Согласно письменным источникам начала XVIII в., коренные жители Югры проводили особые ритуальные действия в честь почитаемого ими медведя: в случае успешной охоты, ему оказывали всевозможные почести. Существовал и особый ритуал, во время которого охотники убеждали медведя в своей невинности. Обращались с криками и извинениями: «Кто убил тебя?» — и сами давали ответ: «Русские люди»; «Кто отрубил твою голову?» — «Русский топор»; «Кто разрезал живот?» — «Нож, который был сделан русскими» и т. д.²⁸

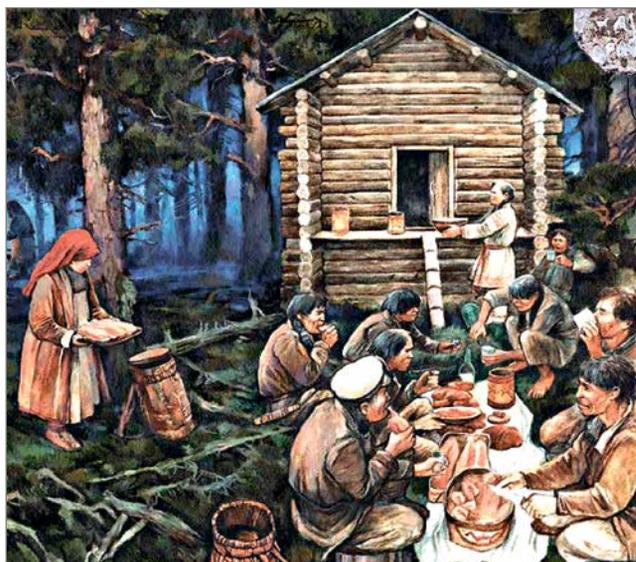

Рис. 2.56. На священном месте салымских хантов. Художник А. С. Кухтерин. Консультант О.В. Кардаш // Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Священная кедровая роща: формирование и развитие религии салымских хантов в IV–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2021. Вып. 19. С. 107

Участник миссионерской поездки Й. Мюллер наблюдал аналогичный, хотя и с некоторыми вариациями, ритуал в среде тобольских остяков. По его свидетельству, разделав тушу медведя, остяки вешали шкуру «на высокое дерево рядом с идолом, отдавая ему великую честь». И с криками, и притворным плачем обращались к медведю, говоря, что это не они явились причиной его смерти, а железо, которое не они сделали, или стрела, для которой неизвестные птицы дали свои перья, чтобы обеспечить ей быстрый полёт, и что они сами ничего не делали, а только пустили стрелу, за что и просят его прощения. Это, по мнению Й. Мюллера, делалось для того, чтобы обезопасить себя от наказания, поскольку неумилостивленная душа медведя, «блуждая по лесу, могла навредить» охотникам²⁹.

Голова и шкура медведя использовались с целью установления истины в спорных случаях, например, когда у кого-то из остяков возникали сомнения в верности супруги. В этом случае они отрезали пучок волос со шкуры медведя и подавали подозреваемому в проступке. Невинный мог принять шерсть без последствий, а виноватый не смел этого сделать, не признав своей вины, поскольку остяки верили, что в этом случае в течение ближайших

²⁷ Wreech C.F. Wahrhafte und um ständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Rusysland und Siberien, welchergestalt dieselbe nach dem A.1709, ben Pultawa in der Ukraine mit denen Russen gehaltenen unglücklichen Treffen, in ihrer Gefangenschafft, zum Theil von Gott kräfttig zur Busse erwecket worden, und was sich insonderheit bey der, von einigen unter ihnen angerichteten Schule, zu Tobolskyvon Anfange bis zu Ende, wie auch auf ihrer Zurückkunfft nach erfolgten Friedens=Schluss begeben hat, mitgetheilet von Curt Friedrich von Wreech, geweswnen Capitaineunter dem Königl. Schwedischen Albedysche Dragouner-Regiment, Sorau, 1725. P. 181.

²⁸ Der allerneueste Staat von Siberien... P. 152–153.

²⁹ Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks... P. 80–81.

трёх дней дух медведя, чью шерсть обманщик принял, встретится ему в лесу и разорвёт, чтобы восстановить справедливость. Этим объясняется и обряд клятвы, распространённый у остяков, когда в подтверждение своих слов они клали на шкуру медведя лук, стрелу, нож и топор³⁰.

По свидетельству Й. Мюллера, воеводы использовали этот ритуал для приведения остяков к присяге на верность царю. Перед ними на шкуру медведя клали топор и давали хлеб, насаженный на нож, и принимали присягу: «В случае, если я буду неверен моему повелителю и суверену до конца моей жизни, но сознательно и по своей воле нарушу свое слово, или не соблюду обязанности, возложенные на меня или каким-нибудь образом оскорблю своего повелителя, пусть этот медведь разорвет меня на куски в лесу, этот кусок хлеба, который я собираюсь съесть, застрянет у меня в горле, этот нож ранит меня, этот топор отрубит мне голову»³¹.

Оказимальная (промысловая) и кризисная обрядность. По свидетельству Й. Мюллера, поклонение божествам не регулировалось определёнными днями и часами, к ним обращались по мере необходимости³². Согласно наблюдениям пленных шведских офицеров, народы Югры совершали обряды в честь домашних духов-покровителей перед началом промысла. В их письмах сообщалось, что небольшие святилища в виде шкафчиков, в которые помещали деревянные изображения духов-покровителей, устанавливались рядом с жилищем: «...когда они собирались на охоту или рыбалку, то сначала вставляли перед этими изображениями, кланялись им и молились». В лесу же, по словам охотников, к ним приходил «шайтан» в человеческом образе или «в огненном виде, сверкающий наподобие солнца» и сообщал, где и что им предстояло добыть. Хотя, если был зол, то мог и обмануть³³.

Лейтенант Мартини обратил внимание на использование свиста в общении с божествами: «Они вырезают маленькие изображения различной формы, одевают их и помещают в маленький домик. Каждый раз, подходя к ним, они свистят»³⁴. Позднее Ф. И. фон Страленберг также отмечал использование сургутскими остяками свиста в ритуальных целях³⁵. В особо важных и кризисных случаях жители Югры устраивали жертвоприношения. Й. Мюллер собрал сведения и описал детали действий остяков в начале XVIII в. следующим образом: «Они преподносят своему идолу свежую рыбу, кладут перед ним на некоторое время, а после готовят и едят сами, намазывая рыбьим жиром рот идола или даря ему одежду».

Часто на священное место в качестве жертвенных животных приводили оленей и лосей или покупали лошадей у соседей-татар. Животное ставили перед изображением божества,

³⁰ Der allerneueste Staat von Siberien... P. 156.

³¹ Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks... P. 80–81.

³² Ibid. P. 76.

³³ Der allerneueste Staat von Siberien... P. 157; Wreech C. F. Wahrhafte und um ständliche Historie... P.182.

³⁴ Wreech C. F. Wahrhafte und um ständliche Historie... P. 180.

³⁵ Stralenberg F. An Historico-Geographical description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia, but More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in their Ancient and Modern State: together with an entire new Polyglot-Table of the Dialects of 32 Tartarian Nations: And a vocabulary of the Kalmuck-Mungalian Tongue. As also A Large and Accurate Map of those Countries; and variety of cuts, representing Asiatick-Scythian Antiquities. Written originally in High German By Mr. Philip John von Strahlenberg, a Swedish officer, thirteen years captive in those Parts, now faithfully translated into English. London, 1738. P. 434.

связывали ему ноги, и руководитель обряда громко сообщал ему желание жертвователей. Закончив, он ударял жертвенное животное по голове, одновременно один из участников ритуала, стоявший всё время с натянутым луком, пускал в жертву стрелу, а другой добивал ударом ножа в живот.

После этого жертвенное животное обносили три раза вокруг божества. Кровь собирали в специальный сосуд, обрызгивали ею дома, пили сами и «угощали» — мазали рот божеству. Шкуру жертвенного животного с головой, ногами и хвостом вешали на дерево. Мясо готовили и съедали «с большим наслаждением, распевая разного рода фривольные песни». После этого снова мазали рот божества жиром жертвенного животного.

По окончании пира остяки громко кричали и потрясали палками в воздухе с целью показать уважение «духу идола», который, по их представлениям, после угощения возвращался наверх, и поблагодарить его за то, что принял приглашение. Оставшуюся после трапезы еду относили домой, чтобы раздать соседям и угостить жён, которые не принимали участие в жертвоприношении. Домашнее божество также получало свою долю: его рот также мазали жиром³⁶.

Особенностью ритуальных действий остяков в отношении почитаемых божеств было то, что они могли наказать его за проявленную «леность». Изображение могли выкинуть, изрубить в куски, отправить в огонь, если были недовольны его помощью³⁷. Наказывали и «за обман», если предсказания, полученные от божества, не сбывались и на «указанном» им месте не появлялось обещанное изобилие. Й. Мюллер такой случай описал следующим образом: «Это разочарование побудило их к мести своим идолам, которых по возвращении они стегали и били до тех пор, пока не почувствовали, что наказали их соответствующим образом за обман. После этого они успокоились и помирились снова со своими божествами, дав им одежду из материи»³⁸.

Аналогичные действия были описаны и в среде берёзовских остяков. Если дух-покровитель не исполнял просьбы тех, кто совершил в его честь жертвоприношение, то его могли и «наказать»: порубить на куски, «бить, увечить и всячески мучить» изображение почитаемого божества за то, что не получили от него помощь³⁹.

Обряды жизненного цикла. По сообщению неизвестного автора начала XVIII в., у остяков существовали определённые свадебные ритуалы и многожёнство, регулируемое материальным положением⁴⁰, а также похоронная обрядность, которая свидетельствовала о существовании развитой системы представлений о мире мёртвых у аборигенов. В могилу укладывали орудия труда и предметы, «необходимые», по представлениям охотников и рыболовов, в загробной жизни. Пленные шведы, в частности, в своих письмах сообщали, что остяки в могилу клали лук, стрелы, копьё, топор и котёл в зависимости от достатка умершего⁴¹. Если умершего привозили к месту захоронения на оленьей упряжке, то оленей, тянувших нарты

---

³⁶ Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks... P. 79.

³⁷ Ibid. С. 76.

³⁸ Ibid. С. 78.

³⁹ Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. С. 40.

⁴⁰ Der allerneueste Staat von Siberien... P. 150.

⁴¹ Wreech C. F. Wahrhafte und um ständliche Historie... P. 183.

с гробом покойного (гроб обычно сооружали из лодки), забивали, и их мясо шло на приготовление поминальной трапезы⁴².

Традиции, связанные с похоронным обрядом, включали в себя обычай изготовлять изображение умершего, отдавать ему почести, обращаться за советом или помощью, особенно, если это были в чём-то выдающиеся люди. Женщины почитали умерших мужей, ухаживая за их изображениями и «приглашая к столу» в течение года⁴³. Согласно сообщению Й. Мюллера, женщина должна была сделать изображение умершего супруга и заботиться о нём, как о живом, в течение года. В противном случае она могла подвергнуться упрекам за то, что недостаточно любила своего мужа или нарушила супружескую верность.

Религиозные лидеры. По поводу существования института религиозных лидеров у остяков неизвестный автор «Правдивого описания» сообщал в 1666 г.: «У них есть также свой священник, называемый шайтаник (Scheitanik), который должен отвечать им за шайтана; это настоящий колдун или заклинатель нечистой силы»⁴⁴. Вероятно, имелись в виду хранители родовых и общественных священных мест. Охотники и рыболовы Югры обращались к шаманам, использовавшим во время обрядовых действий бубны и обладавшим, по их представлениям, даром предвидения. Сосланные в Сибирь пленные шведы так описали это явление: «Мы видели у них маленькие барабаны, наподобие лопарских⁴⁵, в которые они били во время молитвы шайтану. Когда мы проезжали дворы так называемого князя, вернувшегося из Тобольска, куда он ездил по остяцким делам, остяки собрались у своего шайтана, чтобы узнать, чего князь смог добиться: били в барабаны и бубнили что-то себе под нос»⁴⁶.

Сургутские остяки, даже принявшие крещение, согласно сообщению духовного заказчика, продолжали пользоваться услугами своих шаманов⁴⁷. Описание Й. Мюллера также свидетельствует о существовании у остяков людей, которые были посредниками между божествами и коллективом, руководили и следили за исполнением ритуальных действий. Он сообщал: «...их священники, которые претендуют на способность прямого общения и вдохновения от уст своих богов, не упустят возможности принудить остяков к исполнению религиозных обязанностей, выговаривают им за невнимание к молению и умоляют рассердившихся божеств, покрывая их отрезами льна, дамаска и других тканей, или принося им в жертву каких-то животных»⁴⁸.

По сведениям Г. Новицкого, такие лидеры, называемые остяками «шаманчыки», обладали способностью узнавать у божеств будущее и передавать предсказание соплеменникам. Обычные вопросы, на которые надо было по просьбе коллектива узнать ответы, были о повседневных нуждах — улове рыбы и охоте⁴⁹. Обряд с участием «шаманчыков» проводился в специальном доме поздно вечером. То, что, по всей видимости, было шаманским камла-

---

⁴² Зуев В. Ф. Материалы по этнографии... С. 66–67.

⁴³ Там же. С. 42.

⁴⁴ Правдивое описание... С. 178.

⁴⁵ Лопарские – (устар.) от лопари – жители Лапландии – (совр.) саамы – оленеводы Скандинавии.

⁴⁶ Der allerneueste Staat von Siberien... P. 157; Wreech C. F. Wahrhafte und um ständliche Historie... P. 182.

⁴⁷ Огрызко И. И. Христианизация народов... С. 76, 78, 96.

⁴⁸ Muller J. V. The manners and Customs of the Ostiacks... P. 76.

⁴⁹ Ibid. С. 77; Новицкий Г. Краткое описание о народе... С. 54.

нием, происходило в течение нескольких часов в тёмной хижине, включало в себя связывание шамана с духом, которого он призывал⁵⁰.

Й. Мюллер так описывал обычные действия служителя культа: «Жрец, будучи связан, бросается на землю и с буйными гримасами ожидает ответ по нужным вопросам: указания места для хорошей охоты или решения по спорным делам. Остальные участники ритуала в это время шумят: кричат и дуют в дудки, пока не распространится вокруг них голубая дымка — дух пророчества, ввергающий предсказателя в конвульсии, которые не отпускают его по часу и больше, пока он не придет в себя»⁵¹.

Таким образом, имеющиеся письменные источники позволяют провести реконструкцию религиозных традиций народов Югры в XVII в. К числу основных документально «зафиксированных» элементов религиозных традиций остяков относился культ божеств-покровителей, в честь которых было возведено множество священных мест — часть из них имела общественное значение. На этих местах совершались коллективные моления, жертвоприношения, сопровождавшиеся трапезой. В качестве жертвенных животных использовали оленей, лосей и лошадей. Дарами божествам и духам-покровителям выступали домашняя утварь, оружие, украшения, деньги, одежда, отрезки материи; продукты промысла: пушнина и шкуры; еда и табак. Большинство божеств имело антропоморфный вид, но иногда в качестве объекта поклонения охотники и рыболовы Югры использовали различные фигуры, оружие, металлопластику и т. д. Антропоморфные изображения помещали в специально для них построенные небольшие деревянные дома.

Помимо почитания общих богов на священных местах, каждая семья имела и домашних богов-покровителей, которые содержались в жилище, и, наконец, каждый человек имел своих собственных богов-покровителей, в честь которых совершались ритуальные действия. Они включали в себя моление и подношение даров, в качестве которых упоминались еда, пушнина, специально сшитая одежда. Ритуальные действия, выражавшие отношение хантов к объектам поклонения, помимо «угощения» и одаривания, включали в себя танцы, поклоны, свист и стрельбу из лука, а также могли включать «наказание», в случае «нерадивого» отношения божества к тем, кому оно должно было покровительствовать.

Почитание умерших родственников выражалось в захоронении орудий труда, одежды и утвари в могилу, изготовлении изображения и уходе за ним в течение определённого времени, организации жертвоприношения на могиле и трапезы. Специфические ритуальные действия совершались по поводу добычи медведя.

Согласно источникам XVII–XVIII вв., у народов Югры имелись религиозные лидеры, к которым обращались за помощью в кризисных ситуациях. В качестве особых черт, характерных для ритуальных действий этой группы, отмечалась способность входить в транс и вещать от имени божеств. Другая категория религиозных лидеров отвечала за содержание священных мест и организацию жертвоприношений.

---

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks... P. 77.

Изменение религиозного ландшафта Югры: формирование очагов православия

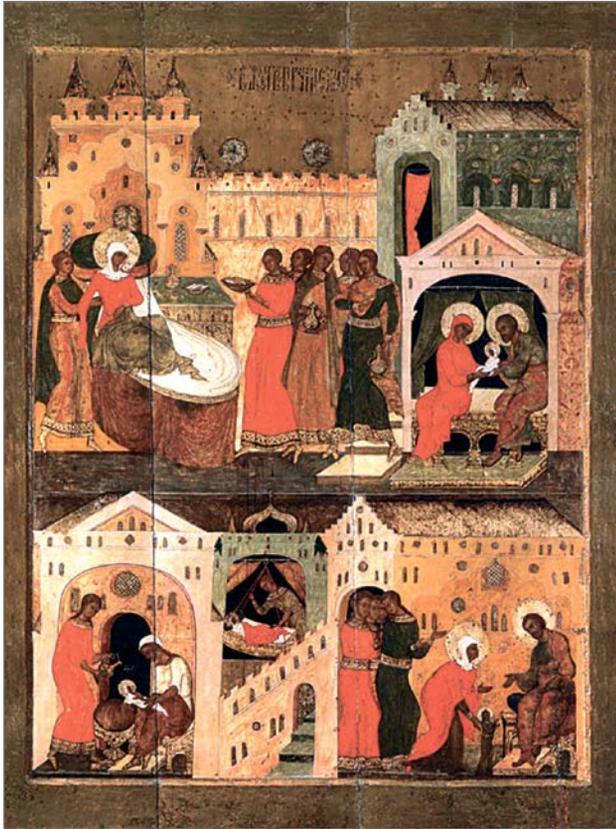

Рис. 2.57. Икона. Рождество Пресвятой Богородицы. XVI в. Музей им. Андрея Рублёва // Православие.ru : информационный интернет-портал. URL: www.pravoslavie.ru

Приход на территорию Югры русско-го православного населения и основание городов-острогов Берёзова, Пельма и Сургута в конце XVI в. знаменовало начало изменения религиозного ландшафта в крае. Организуя на новых землях собственное жизненное пространство, переселенцы создавали свою систему культовых объектов, обусловленную их духовными ценностями и практиками. Православная вера была неотъемлемой частью сознания русских людей эпохи Средневековья. В сложных жизненных обстоятельствах они обращались к Богу, Богородице и святым, надеясь на их защиту. Так, в 1600 г. казаки Берёзова во главе с атаманом Яковом Чермным, находясь на службе в осаждённой самоедами Мангазее, «у смерти» дали обет совершить паломничество к преподобным Зосиме и Савватию — Соловецким чудотворцам. Выжив в той схватке, казаки подали челобитную с просьбой отпустить их на богомолье в Соловецкий монастырь⁵².

Как правило, уже на этапе закладки острога, в «городе» (административном центре), ставилась соборная церковь. Так, в царском наказе П. И. Горчакову 1592/93 г. о возведении русского форпоста

на землях Пелымского княжества предписывалось вместе со строительством города поставить «всею ратью» церковь во имя Рождества Христова с приделом во имя святого Николая Чудотворца⁵³. В документе содержится подробная инструкция об обеспечении будущей церкви клиром и всем необходимым для богослужения. П. И. Горчаков вёз из Москвы книги, иконы, колокола, ладан, тимьян, воск и церковное вино. В Ростове Великом к отряду должен был присоединиться дьякон, выбранный по распоряжению ростовского архиепископа, а в Перми Великой — священник из ссыльных жителей Углича. Подъёмные деньги (подмогу) в размере 40 рублей дьякону, так же, как и другим представителям духовенства, выбиравшимся для служения в Сибири, должны были собрать с посадских и уездных священников тех мест, откуда они отправлялись.

⁵² Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 158–159.

⁵³ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 1. С. 339–346.

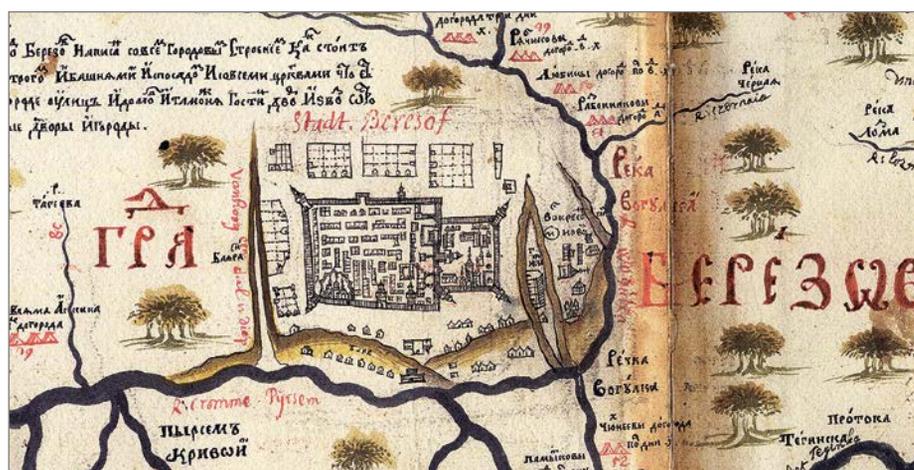

Рис. 2.58. С. У. Ремезов. Чертёж Берёзовского города // Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 году : в 2 т. М., 2003. Т. 1

В Берёзове и Сургуте соборные храмы были поставлены либо одновременно с основанием городов, либо в первые годы их существования. Выбор посвящений престолов мог быть связан с разными обстоятельствами. Так, в Сургуте соборная церковь была освящена во имя Троицы, а в Берёзове — в честь праздника Рождества Богородицы⁵⁴. Такой выбор храмоименований мог быть обусловлен временем закладки первой в июне и завершением строительства второй в сентябре. Посвящения престолов пелымской церкви были указаны в московской грамоте П. И. Горчакову. По косвенным сведениям Г. Миллер предположил, что она была написана в декабре 1592 г.⁵⁵ Вероятно, выбор был связан с наиболее значимыми праздниками этого месяца — Рождеством Христовым (25 декабря) и памятью святителя Николая Мирликийского (6 декабря). В ранних сибирских городах ставили рядом неотапливаемый летний (холодный) и зимний (тёплый) храмы или строили церковь с приделом, в котором служили зимой. В Пелыме и Берёзове был выбран второй вариант⁵⁶. Рождественская церковь в Пелыме имела придел во имя святителя Николая Чудотворца, а придел Богородицкой церкви в Берёзове был освящён в честь святого Феодора Стратилата, небесного покровителя царя Фёдора Ивановича, правившего в то время.

Большой объём строительных работ при основании сибирских городов, который нужно было выполнить за короткое время, и недостаток рабочей силы сказывались на качестве построек. Поставленные на скорую руку первые соборные церкви быстро обветшали. Так, в Сургуте однопрестольную Троицкую церковь пришлось строить вновь уже в 1612/13 г. Она просуществовала до конца XVII в. и к тому времени была «ветха и огнила, и в олtare и трапезе потолок местами обвалился»⁵⁷.

⁵⁴ Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. Екатеринбург, 2003. С. 6–8.

⁵⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 274.

⁵⁶ О первой Троицкой церкви в Сургуте сведения отсутствуют.

⁵⁷ Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 230.

В Берёзове новая соборная церковь была заложена в 1619 г.⁵⁸ Она сгорела во время пожара 1642 г., уничтожившего почти весь город. Поскольку необходимо было в первую очередь построить административные здания, жилые дворы, острожные стены, то быстро восстановить соборную церковь не удалось. Поэтому в «городе» возвели небольшую Ильинскую церковь, вероятно рассчитывая, что она на какой-то период заменит сгоревшую церковь Рождества Богородицы⁵⁹. Не исключено, что выбор посвящения престола пророку Илье был связан с желанием берёзовцев защититься от «огненного запаления», поскольку издавна считалось, что этот святой связан с огненной стихией.

В 1644 г. берёзовский воевода М. К. Квашнин сообщил в Москву, что соборную церковь не стали восстанавливать из-за финансовых трудностей. Воевода спрашивал царя, «чем строить укажешь», и просил прислать для новой церкви царские двери, паникадило и кадило, а также книги⁶⁰. В царствование Михаила Фёдоровича вопрос о строительстве соборной церкви в Берёзове так и не был решён.

В 1646 г. уже по указу царя Алексея Михайловича из Москвы прислали деисус из 11 икон, но, как выяснилось, соборная церковь ещё не была восстановлена. Летом 1647 г. воевода М. С. Лодыженский получил распоряжение немедленно построить храм «всякими берёзовскими тутошними людьми». Однако жители Берёзова попросили освободить их от этой обязанности, потому что «они обнищали», и предложили вести строительство на казённые средства силами наёмных людей или привлечь приезжих торговцев и промысловиков. Однако царским указом 1648 г. было подтверждено решение о строительстве собора силами берёзовцев⁶¹. Церковь Рождества Богородицы была построена только к середине 1650-х гг.⁶² В связи с перепланировкой административного центра в 1691/92 г. соборную церковь встроили в восточную стену «верхнего» острога⁶³.

Неясной остаётся судьба Ильинской церкви. Если она существовала в тот период, то функционировала в комплексе с Богородицкой как зимний и летний храмы, обслуживавшиеся одним штатом клириков, которые получали ругу как духовенство и причетники соборной церкви. Однако не исключено, что после возведения в 1691/92 г. Богородицкого храма с приделом Ильинская церковь была упразднена.

Пелым очень сильно пострадал во время июньского пожара 1621 г. Его восстановление продолжалось до 1623 г.: лес на строительство церкви, съезжей избы и амбаров заготавливали ясачные вогулы, а возводили постройки «торговые люди» — вычегжане, вымичи, пермичи и усольцы, приезжавшие торговать в Пелым и Тобольск. По сообщению воеводы П. Н. Вельяминова 1622 г., «храм теплой, по-прежнему два престола — Рождества Христова и Чудотворец Никола» построили вновь «на старом месте»⁶⁴. Новая пелымская церковь имела трапезную

---

⁵⁸ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 103.

⁵⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 572.

⁶⁰ Отписка Берёзовского воеводы М. К. Квашнина царю Михаилу Фёдоровичу о необходимости восстановления в г. Берёзове соборной церкви Рождества Богородицы, сгоревшей во время пожара 1644 г., не позднее 31 августа // Книжные сокровища Югры... С. 388.

⁶¹ Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря и церковей города Берёзова // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2004. № 33. С. 191–192.

⁶² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 496. Л. 83.

⁶³ Там же. Оп. 1. Кн. 1580. Л. 15.

⁶⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 332.

Рис. 2.59. Схема расположения православных объектов г. Берёзова. Первая четверть XVII в. // Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург, 2020. С. 135

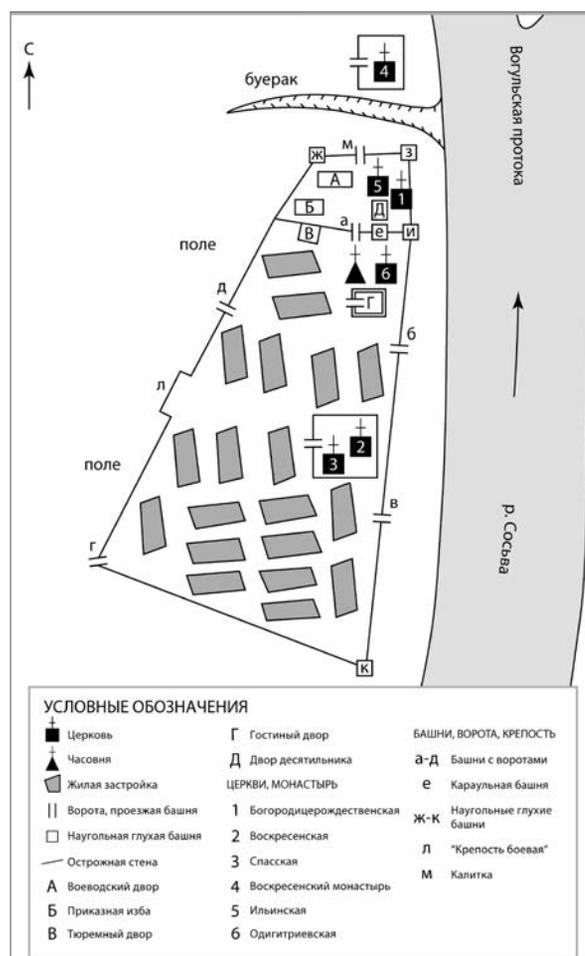

Рис. 2.60. Схема расположения православных объектов г. Берёзова. Конец XVII – начало XVIII в. // Манькова И. Л. Православный ландшафт... С.138

и «колокольницу». К 1651 г. у церкви Рождества Христова появился ещё один придел — во имя святого Алексея, человека Божия. Скорее всего, выбор посвящения был связан с восшествием на престол царя Алексея Михайловича, небесным покровителем которого считался этот святой. Если это действительно так, то придел мог быть построен не ранее 1645 г. К началу XVIII в. соборная Рождественская церковь оказалась за пределами административного центра Пелыма, на посаде⁶⁵. Её могли перенести из города в целях пожарной безопасности, либо подвинули южную стену города. Возможно, это произошло в конце 1670-х гг. В документах Верхотурской приказной избы сохранилась запись о том, что 4 августа 1677 г. из Пелыма в Верхотурье был послан отставной стрелец Василий Вахрушев «для церковной покупки

⁶⁵ Чертёжная книга Сибири 1701 г., составленная в 1699–1700 гг. С. У. Ремезовым и его сыновьями. Факсим. изд., 2004; Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. Екатеринбург, 2006. С. 220–221.

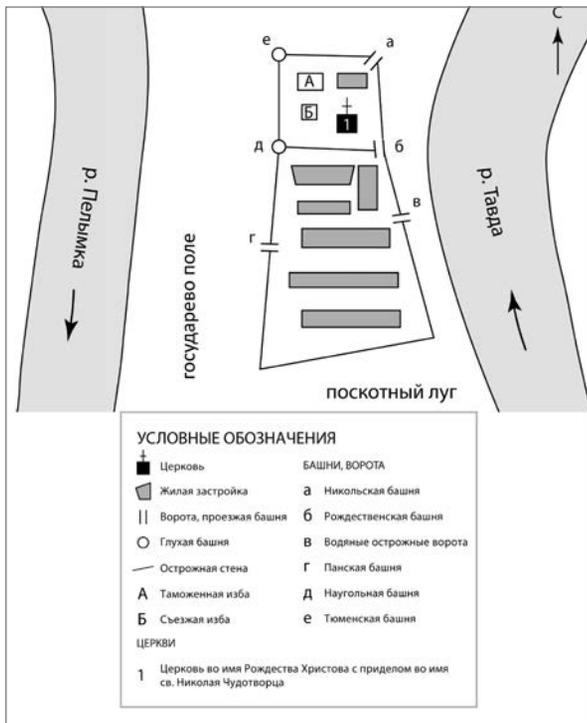

Рис. 2.61. Схема расположения православных объектов г. Пельма по данным дозорной книги 1625 г. // Манькова И. Л. Православный ландшафт... С.163

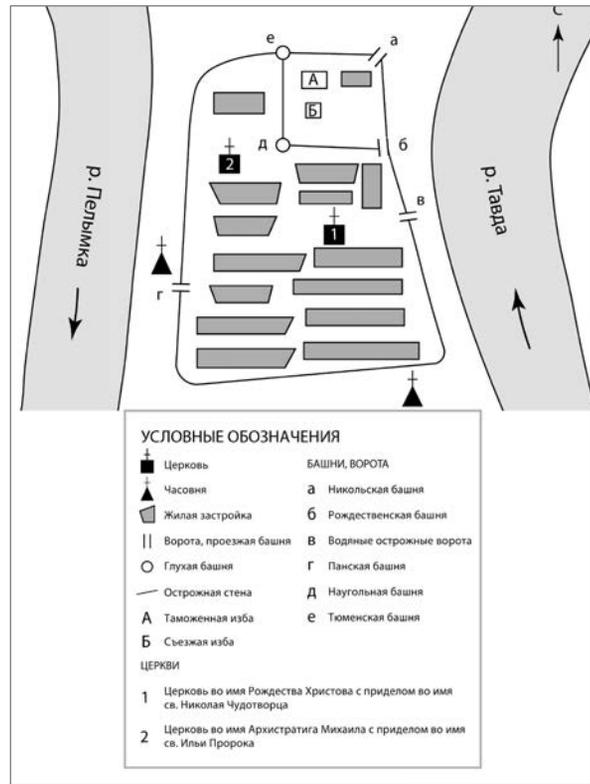

Рис. 2.62. Схема расположения православных объектов г. Пельма. Начало XVIII в. // Манькова И. Л. Православный ландшафт... С.172

и наряду плотника и печника» на строительство церкви. Он подрядил церковного плотника Ивашку Сопкова за 90 рублей, 20 четей ржи, 10 четей ячменя и 10 четей овса⁶⁶.

Соборные церкви строились и ремонтировались на государственные средства, также казна брала на себя их полное обустройство и содержание духовенства с причтом, которым назначались ежегодные оклады деньгами, хлебом и солью (руга). От имени царей для этих церквей из Москвы посылались книги, церковная утварь, священнические облачения. Вероятно, первые строители Пельма привезли с собой всё необходимое для соборной церкви: пожалованные царём Фёдором Ивановичем иконы Рождества Христова и Николая Чудотворца, деисус из семи икон с двумя царскими дверями, запрестольный образ Богородицы, минимальный набор книг для богослужения и три колокола⁶⁷. В 1601 г. по велению царя Бориса Годунова в сибирские города была отправлена большая партия книг, икон, различной церковной утвари, в частности, колокол для пельымской церкви⁶⁸. В 1607 г. от имени царя

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 45. Л. 141. К тому времени И. Сопков (Собков) завершил отделочные работы в соборной Троицкой церкви г. Верхотурья. См.: Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII в. ... С. 263.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 274 об. – 275.

⁶⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. С. 396.

Димитрия Иоанновича (Лжедмитрия I) для соборных церквей сибирских городов из Москвы послали большую партию «церковных обиходов». В Пелым доставили печатное напрестольное Евангелие. Берёзовская церковь получила четыре книги, «кадило медное, сосуды церковные деревянные с покровцы, ризы поповские со всею службою». В оба города также отправили по ведру церковного вина, пуду воска, стопе писчей бумаги и по три гривенки ладана, а в Сургут всё это послали в двойном размере⁶⁹. Во второй половине XVII в. эти «церковные потребности» уже стали присылать из Тобольска⁷⁰.

Местные власти стремились и своими силами благоустраивать соборные храмы. Так, после возведения новой соборной церкви в Пелыме встала задача её внутреннего обустройства. Как раз летом 1622 г. через Пелым в Тобольск везли ссыльного луцкого иконописца Ивана Степанова с женой. Пелымский воевода П. Н. Вельяминов воспользовался случаем и задержал его в Пелыме «для иконного письма»⁷¹. В 1665 г. через Сургут из Тобольска в Якуцкий острог везли ссыльного «денежного вора» серебряника Климку Григорьева. Воевода Ф. А. Зыков оставил на время ссыльного в Сургуте, чтобы он в соборной Троицкой церкви «обложил серебром» Евангелие напрестольное, «крест осенялый» и починил оклады местных икон⁷².

Несмотря на то что в городах имелись соборные церкви, довольно рано служилые люди стали строить приходские храмы на посаде. Так, в 1604/05 г. «берёзовские служивые люди воздвигнули храм во имя Воскресенья Христова за острогом; да они ж поставили у того нового храма за острогом, для острожной тесноты, 15 дворов»⁷³. Скорее всего, жители этих дворов и стали первыми прихожанами Воскресенского храма. В 1607 г. берёзовский воевода П. А. Черкасский обратился к царю за разрешением увеличить острог, чтобы защитить его стенами новую посадскую территорию⁷⁴. Царский указ о расширении острога выполнить не успели, началась двухмесячная осада Берёзова остояками, лишь в 1617 г. острог был расширен в юго-западном и южном направлениях⁷⁵.

Вероятно, Воскресенская церковь также пострадала во время большого пожара 1642 г. На восстановление города ушло несколько лет⁷⁶. К строительству Воскресенской церкви, скорее всего, приступили лишь в начале 1650-х гг. В челобитной берёзовских казаков 1655/56 г. о выделении подвод для доставки церковных припасов из Москвы в Берёзов Воскресенская церковь названа «новой»⁷⁷. Видимо, для неё предназначались купленные в столице гвозди и белое железо. В той же челобитной упомянуты припасы для приходских церкви «Нерукотворного образа Господина и нашего Иисуса Христа» и церкви Богородицы Одигитрии⁷⁸. Скорее всего, церковь во имя Нерукотворного образа Спаса возвели рядом с первой Воскре-

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 256. Д. 47.83. Л. 3–8.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1 Стб. 19. Л. 53.

⁷¹ Книга копияная «о опалных людех», сосланных в Сибирь в 1614–1624 гг. Екатеринбург, 2014. С. 183–184, 368.

⁷² РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 1556. Л. 81.

⁷³ Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 230.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 75.

⁷⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 612.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 496. Л. 83.

⁷⁸ Там же.

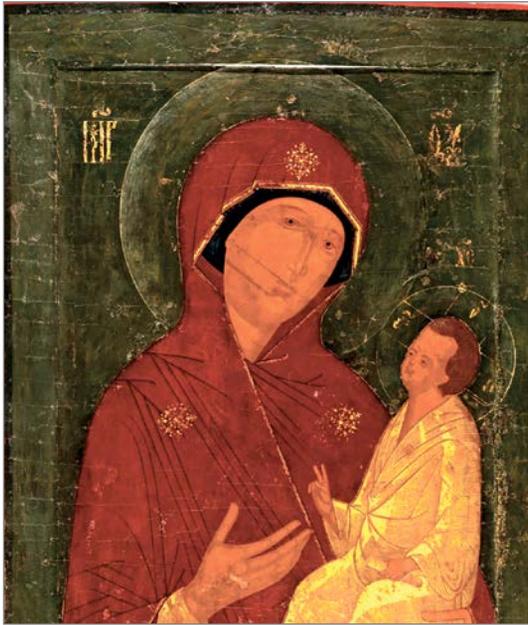

Рис. 2.63. Икона «Пресвятая Богородица Одитрития Смоленская». Никита Ермолов Белозёрец. 1611 г. // Кирилло-Белозёрский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: сайт. URL: www.kirmuseum.org

сенской. Она была небольшой и подобно Ильинской должна была заменить на какое-то время сгоревшую Воскресенскую церковь. Во второй половине XVII в. новая Воскресенская и Спасская церкви существовали как единый комплекс, деля между собой функции зимнего и летнего храма, и обслуживались общим штатом священно- и церковнослужителей.

Появление в Берёзове Одитритиевской церкви связано с чудотворной иконой Смоленской Божией Матери Одитритии. Первоначально образ был установлен на проезжей Спасской башне, соединявшей город и посад. Скорее всего, его принесли с собой первые жители — служилые люди, набранные в Москве и в подмосковных землях. «Одитрития» в переводе с греческого означает «путеводительница». Считается, что этот образ помогает людям в пути, указывает дорогу, защищает от опасности. Одно из самых известных чудес Смоленской Одитритии произошло во время нашествия хана Батые в 1239 г.: когда над городом нависла смертельная опасность, горожане, не имея возможности обороняться, стали усердно молиться перед чудотворной иконой, и враг

отступил. В Московском княжестве эта чудотворная икона получила широкую известность после присоединения Смоленска к Русскому государству в 1514 г. Для ратников, отправлявшихся в далёкую враждебную Сибирь, образ Смоленской Богородицы Одитритии имел особое значение — указание верного пути, оберег от опасностей в дальней дороге, помощь в покорении иноверцев.

Согласно преданию, в 1623 г. в Берёзове начались исцеления по молитвам у иконы Богородицы Одитритии. Вскоре благодарные жители построили церковь во имя Богородицы Одитритии недалеко от Спасской проезжей башни на посаде рядом с гостиним двором⁷⁹. Чудотворную икону перенесли из башни в новую церковь, которую стали называть Богородицкой, или Одитритиевской. Размещение церквей около гостиних дворов характерно для русской православной традиции. По косвенным сведениям можно определить время строительства церкви Богородицы Одитритии в Берёзове: это произошло между 1627/28 г. и 1635 г.⁸⁰

В документах конца XVII в. упоминаются три церкви в Берёзове: соборная Рождества Богородицы, приходские Воскресенская и Богородицы Одитритии⁸¹. К сожалению, эта инфор-

⁷⁹ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 105.

⁸⁰ Шашков А. Т. «Земли Сибирский город Берёзов» // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 699; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 67. Л. 137. В окладной книге на 1627/28 г. ещё не указана выдача руги священнику и причту Одитритиевской церкви, в аналогичном документе на 1635/36 г. уже отмечены богородицкий поп Фёдор Григорьев и дьячок Ларка Шумилов.

⁸¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 860. Л. 14; Кн. 1028. Л. 174 об.

мация не может ни подтвердить, ни опровергнуть факт существования Ильинской и Спасской церквей в конце XVII в., поскольку они могли продолжать функционировать едиными комплексами с церквями Рождества Богородицы и Воскресения Господня.

Время появления приходской церкви на посаде в Пелыме точно не известно. С уверенностью можно сказать лишь то, что это произошло после составления дозорной книги в 1625 г. и что храм был освящён во имя Архистратига Михаила. По мнению А. Т. Шашкова, её строительство было связано с видениями от иконы Архистратига Михаила, случайно оказавшейся в Пелыме в конце 1621 г.⁸² Это предположение вызывает сомнение. Как показывает практика, подобного рода событиям посвящались обетные церкви, которые строились сразу же вслед за произошедшим чудом. В Пелыме же видения случились в начале 1622 г., но в 1625 г. Михаилоархангельской церкви ещё не было. Самый ранний из выявленных архивных документов, связанных с этим храмом, относится к лету 1658 г. Жители Пелыма подали челобитную с просьбой разрешить стрелецкому десятнику Михаилу Дуленкову съездить в Верхотурье, чтобы нанять иконописца для создания икон в церковь Михаила Архангела⁸³. Поскольку инициатива исходила от мирян, то есть основания полагать, что церковь строилась и полностью о беспечивалась прихожанами. В окладных книгах сведения о ней отсутствуют. Это свидетельствует о том, что духовенство и причт этого храма не получали руги и содержались на средства мирян.

В Сургуте служилые люди поставили «по своему обещанию» приходскую церковь во имя святителя Василия Великого (Кесарийского) и преподобного Михаила Малейна в 1634/35 г.⁸⁴ Выбор посвящения придельного храма в честь небесного покровителя правящего царя Михаила Фёдоровича очевиден, а вот храмоименование во имя Василия Великого — явление довольно редкое. Ни в одном из западносибирских городов аналогов нам не встретилось, лишь в Тобольском Знаменском монастыре в середине XVII в. была построена церковь во имя трёх святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Известно, что в тобольской Воскресенской церкви был образ Василия Великого с московским чудотворцем Василием Блаженным, канонизированным в 1588 г. Это была одна из самых почитаемых икон в Тобольске⁸⁵.

Воскресенская церковь размещалась около гостиного двора, несомненно, в ней бывали и сургутские служилые люди, приезжавшие в Тобольск для различных покупок и по служебным делам. Может быть, молясь перед этой иконой и прося помощи в каких-то делах, они и дали обет поставить церковь во имя Василия Кесарийского в своём городе, а возможно, в день памяти святителя (1 января) случилось какое-то событие, значимое для Сургута.

Как правило, строя приходские церкви, миряне брали на себя и заботы об их благоустройстве, найме клира и его содержании, но для жителей Северо-Западной Сибири это было затруднительно в силу их ограниченных материальных возможностей. Время от времени служилый мир Сургута обращался к царям с просьбами по церковным нуждам, подчёркивая в своих челобитных, что построенная ими Васильевская церковь является царским богомолем. Из челобитной, поданной воеводе Н. Ф. Мещерскому 21 июля 1654 г., можно

---

⁸² Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири. С. 10–11.

⁸³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 731.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Л. 568.

⁸⁵ Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII в. Екатеринбург, 2020. С. 52–53.

узнать, что иконы и книги для Васильевской церкви были пожалованы царём Алексеем Михайловичем, а священника, дьячка и пономаря до того времени прихожане нанимали сами.

В этой челобитной служилые люди писали, что они «в Сургуте безопасном городе оскудели, стали бедны и нужны и семьянисты, попа, дьячка и пономаря стало наймовать нечем, а та церковь стоит пуста без пения». Челобитчики просили прислать священника и причт, установить им денежные и хлебные оклады, а также пожаловать колокола⁸⁶. Реакция Москвы на эту челобитную не известна. Согласно окладным книгам 1657/58 г., 1662/63 г. и 1667/68, денежная и хлебная руга выдавалась только клиру Троицкой церкви⁸⁷. Однако в Берёзове оклады получали духовенство всех приходских церквей и причт Одигитриевского храма⁸⁸. К концу XVII в. в Сургуте действовало две церкви — Троицкая и Рождества Богородицы⁸⁹. По наблюдениям Г. Миллера 1740 г., одна из них была соборной, а вторая — приходской⁹⁰.

В Самаровском и Демьянском ямах православные культовые сооружения появились в первые годы их существования. В совместной челобитной 1640/41 г. жители ямов писали, что вскоре после поселения самаровцы «поставили часовню», а демьянцы — «храм с пределом»⁹¹. Вероятно, самаровскую часовню можно отождествить с церковью во имя св. Николая Чудотворца, о которой в своё время писал Х. М. Лопарёв, как о первой церкви Самаровского яма. А. Т. Шашков предположил, что впоследствии она стала приделом Покровской церкви⁹². Покровская церковь с Никольским приделом упоминается в книгах выдачи окладов ружникам на 1659/60, 1667/68 г. и переписной книге 1683 г.⁹³ В приходной книге Тобольского архиерейского дома 1696/97 г. Покровская церковь указана как однопрестольная⁹⁴. В Демьянской слободе до конца XVII в. функционировала церковь во имя Николая Чудотворца с приделом во имя св. Алексея, человека Божия. Посвящения придельных престолов сибирских церквей св. Алексею человеку Божию стали распространяться в период царствования Алексея Михайловича. Не исключено, что придел демьянской церкви получил своё храмоименование в связи с воцарением Алексея Михайловича, т. е. после 13 июля 1645 г.

Как свидетельствуют окладные книги, в 1660-е гг. в храмах Демьянского и Самаровского ямов должности дьячков и пономарей совмещались. Время от времени содержание священников и причетников демьянской церкви возлагалось на прихожан, но они добивались восстановления государственной руги деньгами и хлебом. Положение духовенства и причта самаровской Покровской церкви было более стабильным, они находились на государствен-

⁸⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 344. Л. 568.

⁸⁷ Там же. Оп. 1. Кн. 341. Л. 406; Кн. 43. Л. 446; Кн. 501. Л. 463.

⁸⁸ Там же. Кн. 341. Л. 378 об.; Кн. 450. Л. 320; Кн. 501. Л. 476.

⁸⁹ Там же. Кн. 860. Л. 13 об.; Кн. 1363. Л. 409.

⁹⁰ Северо-Западная Сибирь ... С. 49.

⁹¹ Семёнов О. В. Приходская жизнь русского населения Западной Сибири в XVII – начале XVIII в. На материалах Демьянского и Самаровского ямов // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2013/2 (44). С. 119–120.

⁹² Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII веке // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 667.

⁹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 501. Л. 67; Кн. 389. Л. 119; Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители... С. 673.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 860. Л. 18 об.

ных окладах всё время. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что жители Самаровского и Демьянского ямов, бывая по делам в Москве, покупали для своих церквей книги и утварь⁹⁵.

На территории Пелымского уезда ещё до прихода русских местные жители занимались земледелием. Построив Пелымский острог, воевода П. Горчаков организовал «государеву пашню» и возложил её обработку на пашенных татар и вогулов. С первых лет существования этой повинности они регулярно обращались с челобитными в Москву, жалуясь на своё бедственное положение⁹⁶. В начале XVII в. центральная власть взяла курс на создание крестьянских поселений в Таборинской волости⁹⁷, но организовать Таборинскую слободу удалось только в конце второго десятилетия XVII в.⁹⁸

Таборинскую слободу поставили на правом берегу Тавды, немного выше устья Таборинки, на границе между Туринским и Пелымским уездами. Прожив без церкви около трёх лет, первопоселенцы дали обет и в 1620/21 г. начали строительство храма во имя Преображения Господня и преподобного Михаила Малеина⁹⁹. Согласно дозорной книге 1625 г., в слободе стояло 22 двора, в том числе двор для вогулов, которые приезжали обрабатывать свою пашню, а также государственные житницы и деревянная Преображенская церковь с приделом во имя св. Михаила Малеина, являвшаяся «мирским строением». В дозорной книге отсутствуют дворы священника и причетников Преображенской церкви. Архиепископ Макарий, сменивший на Тобольской кафедре архиепископа Киприана, в 1625 г. обратился к царю с несколькими просьбами, в том числе прислать священников для четырёх церквей, включая таборинскую Преображенскую церковь¹⁰⁰. Посетивший Таборинскую слободу Г. Ф. Миллер в 1742 г. указал в ней Преображенскую церковь и 12 жилых дворов, также к слободе относилось несколько деревень¹⁰¹.

Помимо Таборинской слободы в дозорной книге 1625 г. указаны в составе Пелымского уезда деревня Сиргич из трёх дворов и «новая слобода на Горех», в которой было 12 крестьянских дворов¹⁰². В последнем случае речь идёт о будущей Гаринской слободе, которая была построена на южном берегу р. Сосьвы. Во время составления дозорной книги в 1625 г. она только формировалась, и церкви в ней не было. По сведениям конца XVII в. в Гаринской слободе имелась церковь во имя св. Николая Мирликийского¹⁰³. До XVIII в. новых населённых пунктов с церквями в Пелымском уезде не появилось.

---

⁹⁵ Семёнов О. В. Приходская жизнь русского населения... С. 123.

⁹⁶ В челобитной об уменьшении этой повинности таборинские пашенные татары и вогулы указывали, что они обрабатывали государеву пашню с 1593/94 г. См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 178–179.

⁹⁷ Акты исторические. СПб., 1841. Т. 2. С. 297–298.

⁹⁸ Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Сборник документов. Новосибирск, 1994. С. 171. Богдан Волошенин (Волошанин) был ссыльным «литвином» и служил в Пелыме в детях боярских с конца XVI в. Ему была поручена организация Таборинской слободы в 1618 г., в которой он оставался приказчиком по 1629/30 г. до своей отставки по старости. См.: Служилые люди Сибири... С. 173.

⁹⁹ Тобольский архиерейский дом... С. 171.

¹⁰⁰ Там же. С. 225.

¹⁰¹ Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера... С. 213.

¹⁰² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 302, 307 об. – 308.

¹⁰³ Там же. Кн. 1363. Л. 412.

Первые монастыри в сибирских городах-острогах (Верхотурье, Тобольск, Тюмень, Туринск) появились в начале XVII в. Существует предположение, что в Берёзове монастырь был основан в это же время¹⁰⁴. В 1610 г. иеромонах Евстратий, служивший в церкви Живоначальной Троицы, устроенной по просьбе князей Алачевых, принявших православие, попросил перевести его в Берёзов, поскольку после ареста княгини Анны, обвинённой в изменном деле, приход распался. В ответной царской грамоте говорилось: «Буде ему жить не у чего (в Коде. — И. М.), и велели ему быть в Берёзове и служить у церкви, где пригоже»¹⁰⁵. Ни в челобитной, ни в грамоте нет упоминаний о монастыре, речь шла лишь о его переводе в одну из берёзовских церквей. Будучи иеромонахом, Евстратий имел право постригать в монахи. Как правило, сибиряков приводили в монастыри трудные жизненные обстоятельства, а также постриг могли принимать и перед смертью. Некоторые монастыри начинались с нескольких монашеских келий, поставленных около приходских церквей. На рубеже XVI–XVII вв. большое количество подобного рода «монастырьков» при приходских церквях было в Заонежских погостах. В реальности они являлись прицерковными богадельнями, насельники которых существовали за счёт приходских доходов. Историки объясняют этот феномен разорением значительной части населения во время Ливонской войны и интервенции в Смутное время¹⁰⁶.

Не исключено, что и в Берёзове одинокие и немощные ветераны государевой службы образовали подобный «монастырек» около приходской Воскресенской церкви, который в дальнейшем стали называть Воскресенским монастырём. Его история до 1621 г. остаётся неизвестной.

Первый сибирский архиепископ Киприан уже по дороге в Тобольск, к месту своего служения, озаботился укреплением монастырей новой епархии и расширением их сети. В одной из своих ранних отписок в Москву 1621 г., он сообщал, что «в сибирских во всех городех на посадах многие всякие люди, служилые и казаки, и казачьи жены, и всяких чинов люди стригутца в болезнях в черныцы и в черницы, а постригшися живут в своих домах по-прежнему с мужи своими, а мужи з женами». Люди объясняли, что живут в своих домах «поневоле», потому что «кормитца им нечем, и приходят к мирским церквам для того, что в сибирских городех на Япанчине (Туринск. — И. М.), на Берёзове, на Таре, в Сургуте, в Томи, в Кецком острошке, в Монгозее, в Нарыме монастырей нет, а нашего (т. е. государственного. — И. М.) де хлебного и денежного жалованья им не идет»¹⁰⁷.

Из этого следует, что в Берёзове монастыря в то время не было. Однако тогда же, в 1621 г., архиепископ Киприан направил старца Тарасия из Коряжемского Николаевского мона-

¹⁰⁴ Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря... С. 189; Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 103–104. По мнению А. Т. Шашкова, Евстратий «стал основателем небольшой монашеской общины при Воскресенской церкви, построенной за двумя оврагами вне пределов города и острога». Получается, что спустя пять лет после возведения приходской Воскресенской церкви в Берёзове жители построили ещё одну Воскресенскую церковь, ставшую монастырской. Нам представляется это маловероятным.

¹⁰⁵ Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря... С. 189. В некоторых документах он назван «игуменом».

¹⁰⁶ Чернякова И. А., Черняков О. В. Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2010. С. 42.

¹⁰⁷ Цитата приведена из царской грамоты, повторяющей сообщение архиепископа Киприана. См.: Тобольский архиерейский дом... С. 195–196.

стыря игуменом в Берёзовский Воскресенский монастырь¹⁰⁸. Ему была установлена руга — 10 рублей, 10 четей ржи, 10 четей овса, 2 чети круп и 2 чети толлокна¹⁰⁹. Никаких распоряжений об установлении государственных окладов монахам этой обители сделано не было. Это может свидетельствовать о том, что в берёзовской обители ещё не появилась братия, вряд ли в беспашенном городе власть оставила бы её без материальной поддержки¹¹⁰.

После Тарасия многие годы игумены не присылались в Берёзов, но поскольку время от времени при Воскресенской церкви жили монахи, то для их окормления назначались чёрные священники (иеромонахи), получавшие игуменский оклад.

Были периоды, когда сибирские преосвященные не могли найти кандидатов на эту должность. Так, в 1634 г. архиепископ Макарий просил царя и патриарха прислать священников для сибирских церквей, в том числе и чёрного попа в Берёзов¹¹¹. В 1635 г. просьба архиепископа была выполнена: в Березовской Воскресенской церкви появился чёрный священник Питирим из Глушитского монастыря, направленный вологодским архиепископом Варлаамом¹¹². В 1651/52 г. Питирим уехал в Тобольск, и 15 лет его оклад числился в «выбылых» с неизменной формулировкой: «На ево место надо б на Берёзов иной черной поп»¹¹³. Лишь в 1664/65 г. архиепископ Корнилий благословил на настоятельское место чёрного священника Тихона¹¹⁴.

В 1683 г. в Берёзов был направлен иеромонах Макарий, но в 1686 г. его перевели в Тобольск, а на его место приехал иеромонах Иона¹¹⁵. Присутствие в городе иеромонаха не может служить прямым свидетельством того, что в то время в Берёзове существовала монашеская община, но оно расширяло возможности для принятия пострига жителям города и образования общины.

В начале 1693 г. на Тобольскую кафедру прибыл митрополит Игнатий (Римский-Корсаков), и вскоре преосвященный благословил игумена Филарета и строителя иеромонаха Михаила Харзеева на возрождение Воскресенского монастыря. Напомним, что до этого игумены в Берёзов не назначались около 60 лет. Михаил Харзеев был личностью известной: близкий окружению царевны Софьи Алексеевны и строитель Пертоминской Преображенской обители. Он оказался в сибирской ссылке в начале 1690-х гг. по обвинению в должностных преступлениях¹¹⁶.

Игумен Воскресенского монастыря Филарет в 1694 г. обратился с челобитной к тобольскому воеводе Л. И. Талызину, в которой писал, что старый монастырь в «давних годах погорел

---

¹⁰⁸ Там же. С. 177–178.

¹⁰⁹ Решение главы Сибирского приказа М. П. Гагарина по челобитной и доносительным статьям митрополита Сибирского и Тобольского Филофея. Извлечения. 30 ноября 1706 г. // Книжные сокровища Югры... С. 408.

¹¹⁰ Практически все монастыри, возникшие в начале XVII в., получали ругу не только на настоятеля и церковный клир, но и на рядовых монахов.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 165. Л. 7.

¹¹² Там же. Л. 24, 93.

¹¹³ Там же. Оп. 1. Кн. 341. Л. 378 об.; Кн. 450. Л. 320.

¹¹⁴ Там же. Кн. 501. Л. 486 об.

¹¹⁵ Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря и церквей... С. 193.

¹¹⁶ Его биография подробно изложена А. Т. Шашковым. См.: Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря... С. 194–195.

без остатка, а место стояло пусто», и просил отдать на строительство обители старые доски, пришедшие в Тобольск с хлебом. Просьба настоятеля была удовлетворена¹¹⁷, но в 1696 г. митрополит Игнатий принял решение не сохранять монастырь в Берёзове и перевести братию в Кондинский Троицкий монастырь, поскольку монахов было немного и не хватало средств на содержание обители¹¹⁸. Однако игумен Филарет сумел добиться восстановления Воскресенского монастыря. В июне 1697 г. он вместе со строителем иеромонахом, дьяконом Исааком и двумя старцами вернулись в Берёзов. Как было написано в тобольской подорожной, «послан он, игумен Филарет, с софийского двора преосвященного Игнатия митрополита Сибирского и Тобольского на Берёзов в новопостроенный монастырь на духовную власть»¹¹⁹, но в 1699 г. вновь было принято решение о закрытии обители¹²⁰. Тем не менее ещё в окладной книге на 1700 г. отдельно от ружников отмечен оклад в 10 рублей «новопостроенного Воскресенского монастыря» игумена Филарета¹²¹.

На чертеже Берёзова С. У. Ремезова начала XVIII в. Воскресенский монастырь изображён за пределами города на берегу Вогульской протоки с подписью: «Воскресенский м[онастырь] новой»¹²². Судя по изображению, монастырский комплекс явно не был обустроен до конца, в частности, его территория не имеет ограды, по внешнему виду культовое здание скорее напоминает часовню, чем церковь. На наш взгляд, этот чертёж свидетельствует о том, что Воскресенский монастырь был построен «за двумя оврагами» на берегу протоки, когда его начал возрождать игумен Филарет, т. е. в середине 1690-х гг. До этого обитель находилась около приходской Воскресенской церкви. Решив строить монастырский комплекс за пределами острога, старцы перенесли привычное храмоименование на новую монастырскую церковь.

Летом 1704 г. Берёзов посетил сибирский митрополит Филофей. Видимо, к тому времени Воскресенский монастырь вновь опустел. На протяжении всей своей истории Воскресенский монастырь играл роль богадельни. В решении, принятом начальником Сибирского приказа М. П. Гагариным в 1706 г. о возобновлении монастыря в Берёзове, упоминается челобитная служилых людей от 10 августа 1699 г., в которой говорится: «Чтоб по прежним великого государя грамотам и по их дедов и отцов их челобитью быть тому Воскресенскому монастырю на Берёзове по-прежнему для престарелых людей и для скоропостижной смерти по обещанию хотящих монашествовати»¹²³. В 1707 г. митрополит Филофей отправил в Берёзов благословенную грамоту на возрождение монастыря и возвращение игумена Никифора¹²⁴. Скорее всего, именно тогда у монастырского Воскресенского храма появился придел во имя св. Антония и Феодосия Печерских, особо почитаемых митрополитом Филофеем.

¹¹⁷ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 104.

¹¹⁸ В то время Кондинский монастырь уже владел Исетской заимкой в плодородном районе Южного Зауралья и имел вполне устойчивое вотчинное хозяйство. Перевод сюда монахов из Берёзова решал проблему их обеспечения.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 801. Л. 683 об.

¹²⁰ Решение начальника Сибирского приказа М. П. Гагарина... С. 408.

¹²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1461. Л. 47 об.

¹²² Чертёжная книга Сибири 1701 г.

¹²³ Решение начальника Сибирского приказа М. П. Гагарина... С. 408.

¹²⁴ Там же. С. 197. В документе речь идёт именно о возвращении игумена Никифора, вероятно, он управлял Воскресенским монастырем перед закрытием. В книге выдачи жалованья ружникам 1712 г. отмечено, что среди получивших был и игумен Воскресенского монастыря Никифор (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1580. Л. 24).

Монастырские постройки не пострадали в пожаре 1719 г. Обитель просуществовала до 1723 г. и была закрыта «за малолюдством», а игумена и двух монахов перевели в Кондинский Троицкий монастырь. Вскоре её территорию стали использовать как тюремный острог, а храм получил статус приходского. В 1728–1729 гг. рядом с бывшим монастырём была построена церковь по обету А. Д. Меншикова. Её престолы сохранили посвящения, бытовавшие в Берёзове с XVII в., — Рождества Богородицы и пророка Ильи.

Приходская Воскресенская церковь занимала особое место в религиозной жизни Берёзова: в ней издавна находились особо почитаемые образы Архистратига Михаила Грозных Сил Воеводы и святителя Николая Можайского, по преданию принесённые в Сибирь первыми жителями Берёзова. Их подробное описание приведено в сочинениях Н. А. Абрамова¹²⁵. Впоследствии оно было повторено в работах протоиереев А. Сулоцкого и М. Путинцева¹²⁶. Изображённые на иконах святые были весьма почитаемы среди русских землепроходцев в Сибири. Архангел Михаил издавна считался защитником веры и православного воинства. Церковные краеведы видели в символике образа Архангела Михаила созвучность истории покорения Сибири. «Значение этих символов понятно, — писал протоиерей М. Путинцев, — они изображают завоевание русскими и просвещение иноверного края христианством»¹²⁷. От том, что эта икона действительно старая, свидетельствует усыхание доски, состояние серебряных с потёртой позолотой ризы и оклада. Икона Николая Можайского также была украшена серебряной с позолотой ризой. В такой иконографии Николай Чудотворец почитался как защитник христианских городов. Вряд ли найдутся документальные подтверждения того, что она находилась в Берёзове с его основания. Однако не возникает сомнений, что её особое почитание как русскими, так и коренным населением, было связано с защитными функциями.

Рис. 2.64. Икона «Архангел Михаил — грозных сил воевода» Начало XVIII в. Архангельский областной музей изобразительных искусств. Ил. из кн.: Иконы Русского Севера. Путеводитель по экспозиции и фондам музея. М., 2022

¹²⁵ Абрамов Н. А. О церквях города Берёзова от основания его до настоящего времени // Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 496–497.

¹²⁶ Сулоцкий А. И. Иконы, в почитании отличающиеся пред прочими в городе Берёзове // Сулоцкий А. И. Сочинения. Тюмень, 2000. Т. 1. С. 235–238; Путинцев М., прот. Святыни и исторические могилы города Берёзова // Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 23–24. Неоф. ч. С. 495–505. Автор статьи использовал рукописную летопись Берёзовского Воскресенского собора, а также сочинения Н. А. Абрамова, в том числе и неопубликованные.

¹²⁷ Путинцев М., прот. Святыни и исторические могилы города Берёзова... С. 499.

Рис. 2.65. Складень «Святитель Николай Можайский». Конец XVII в.
Архангельский областной музей изобразительных искусств //
Музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»
г. Архангельск : сайт. URL: www.artmuseum.ru

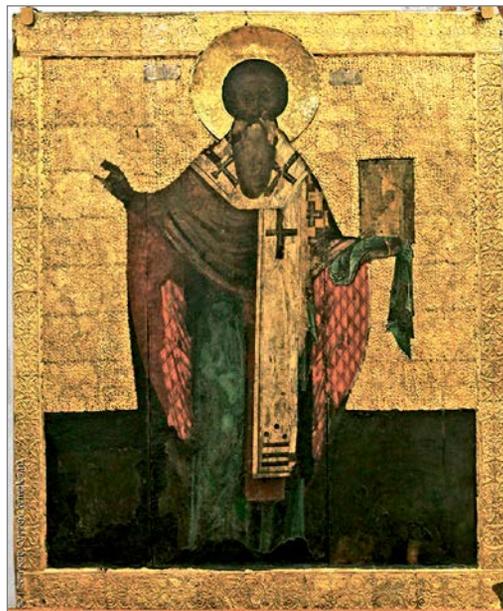

Рис. 2.66. Икона «Епифаний Кипрский». 1645 г.
Кирилло-Белозёрский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник //
Храмы России : сайт. URL: www.temple.ru

Сохранилось предание ещё об одной почитаемой иконе из Воскресенской церкви — образе святителя Епифания Кипрского. В нём описаны события ранней истории города. Тогда ненастная погода и рано выпавший снег не позволили горожанам запастись сеном, в результате начался массовый падеж скота. Природные катаклизмы продолжились и весной следующего года. 12 мая, в день памяти Епифания, жители города обратились к духовенству с просьбой отслужить молебен этому святому. Из церкви была вынесена икона святителя Епифания и совершена служба. По окончании молебна погода улучшилась, пришло тепло и вскрылись реки. В благодарность за спасение с тех пор было установлено праздничное священнослужение святителю Епифанию¹²⁸.

Таким образом, религиозный ландшафт первых русских поселений Югры формировался из привычных для православного человека объектов — церквей, монастырей и чудотворных икон. Частота посвящений престолов приходских церквей во имя Николая Чудотворца подтверждает его особую популярность в православном мире и на далёкой окраине. Наиболее насыщенный и разнообразный православный ландшафт сформировался в Берёзове, где за XVII в. было построено пять церквей и монастырь. Его уникальность заключалась и в том, что там довольно рано появились собственные, особо чтимые иконы, сохранявшиеся до начала XX в. Однако в Берёзове не удалось создать устойчивую монашескую традицию, превратить Воскресенский монастырь в подлинный духовный центр со своими святынями и стабильными источниками существования. На протяжении всей своей истории он оставался лишь богадельней.

¹²⁸ Путинцев М., прот. Святыни и исторические могилы города Берёзова... С. 501.

Православная топонимика стала неотъемлемой частью культурного ландшафта городов-острогов Северо-Западной Сибири, что в первую очередь проявилось в названиях острожных башен. Так, в Пелыме уже в первой четверти XVII в. были Рождественская и Никольская башни, явно названные по храмоименованиям соборной церкви¹²⁹. В дозорной сметной росписи Берёзова 1636 г. из девяти острожных башен три названы Спасскими¹³⁰. Все они располагались вдоль берега и были проезжими. Скорее всего, они получили названия благодаря иконам Спасителя, по традиции помещавшимся над проезжими воротами для сакральной защиты городского пространства. Через острожные большую и малую Спасские башни берёзовцы выходили к реке. В Спасской башне на юго-восточном углу «города» находились ворота, соединявшие административный центр и посад. Известно, что на ней были образ Спасителя и икона Богородицы Одигитрии. Согласно городскому списку Сургута 1697 г., главная проезжая башня также называлась Спасской, она была поставлена в 1601/02 г. «Задние» ворота из острога были оформлены шестистенной Богородцкой башней только в 1690/91 г.¹³¹ На выбор её названия не влияли местные храмоименования. Скорее всего, на ней была установлена богородичная икона, тем самым сургутяне декларировали, что их город находится под покровительством Богородицы.

Тобольский архиерейский дом и население Югры

Самостоятельная епархия на территории Сибири была образована в конце 1620 г., и югорские земли стали её частью. К тому времени в Русской православной церкви уже сложились принципы и практики регионального управления. Деятельность епархиальных архиереев регламентировалась каноническим правом, решениями Московских освящённых соборов, а также распоряжениями высших светской и церковной властей.

Резиденцией сибирских архиереев стал Тобольск — крупный административный и экономический центр Сибири. На протяжении XVII в. на Тобольской кафедре побывало восемь архиереев. Они столкнулись с серьёзными трудностями: огромные размеры вверенной им территории, значительная удалённость от центра, нехватка священников и их неоднородный моральный облик, особенности гендерного состава русских первопоселенцев, в котором значительно преобладали мужчины. Наиболее показательный пример влияния географического фактора на церковную жизнь приведён в грамоте архиепископа Симеона 1652/1653 г. Прося о присылке благонадёжных священников, владыка писал: «...у одного попа в приходе розъезду по пятисот верст и болши. А имать их в Тоболек, и того будет проезду им года по два и болши, а в то время православные христиане будут помирать без покаяния и без причастия, и роженицы без молитв»¹³². Вопрос о дроблении Сибирской епархии на несколько епархий поднимался на Московских соборах 1667 г. и 1681 г., но не был решён. В 1668 г. сибирский архиепископ Корнилий был рукоположен в сан митрополита Сибирского и Тобольского, Сибирская епархия стала четвёртой по счёту митрополией в России.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 274 об.

¹³⁰ Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 74.

¹³¹ Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 230.

¹³² Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 300.

Сибирские архиереи управляли епархией с помощью Тобольского (Софийского) архиерейского дома — церковного учреждения, выполнявшего административные, судебные и хозяйственные функции. Создавая епархию, центральные власти определили его штат и размеры содержания от государственной казны. В него входили 13 «соборян» (священники и церковнослужители кафедрального Софийского собора) и 43 «дворовых» (старцы, певчие дьяки и подьяки, дети боярские, «мастеровые люди» и др.)¹³³. В дальнейшем новые владыки пополняли штат дворовых старцев своими доверенными людьми, приезжавшими с ними, а также выходцами из местных монастырей. За каждым старцем были закреплены определённые обязанности: келейник, чашник, придверник, воротник, сушильный, хлебный, житничный, работный, портной, мельничный, коровенный и др. Важными фигурами в управлении архиерейского двора были ризничий и казначей. Первый отвечал за архиерейскую ризницу и всегда должен был находиться при ней. В введении казначея было всё имущество, он вёл учёт прихода и расхода софийской казны, принимал собранные по епархии налоги и пошлины, контролировал поступление оброка с вотчин Софийского дома, совершал необходимые покупки¹³⁴. В обязанности казначея также входил контроль за выдачей ставленных грамот священникам, поскольку получение разрешения на священнодействие влекло за собой и налоговые обязательства перед епархиальной казной. В штате архиерейского дома были и светские лица. Так, архиепископу Киприану было определено взять из Москвы 5 детей боярских, к концу же XVII в. там служило уже 20 архиерейских (софийских) детей боярских. Они выполняли обязанности десятильников, приказчиков в архиерейских вотчинах, а также различные разовые поручения архиереев.

В структуре Тобольского архиерейского дома было два органа управления: казённый приказ и приказ судных дел (архиерейский разряд), возглавляемый приказным. Приказной являлся «правой рукой» архиерея в епархиальном управлении. Он вёл переписку преосвященного с духовенством, монастырями и мирянами о церковных делах. При митрополите Корнилии появилась должность судьи по духовным делам, её исполнял иеромонах Герасим. В конце XVII в. обязанности духовного судьи поручались архимандриту приписного к Софийскому дому Междугорского Ивановского монастыря.

Архиерейским домам отводилась главная роль в осуществлении церковного суда над населением России. В юрисдикцию церковных судов входили преступления против веры и нравственности, нарушения семейно-брачных норм, дела, связанные с богослужениями, церковной дисциплиной, обрядами, таинствами, а также дела, в которых участвовали лица духовного ведомства. В своей деятельности церковные суды опирались на нормы канонического права, постановления церковных соборов, распоряжения патриархов, учитывали и светское законодательство. Санкции, налагаемые церковными судами, были разнообразны — от сугубо церковных (отлучение от церкви, наложение епитимьи, отправка в монастырь для исправления, отрешение от должности, лишение сана) до традиционных светских (денежные штрафы, физические наказания). Власти считали эти наказания не столько карательной, сколько воспитательной мерой. Так, в грамоте царя Михаила Фёдоровича архиепископу Киприану 1622 г. указывалось виновных в духовных

---

¹³³ Тобольский архиерейский дом в XVII в. С. 137–138. «Дворовыми» назывались все, кто участвовал в административной, экономической и хозяйственной жизни архиерейского двора, помогал архиерею выполнять его служебные обязанности.

¹³⁴ Там же. С. 56–58.

делах «смирят по правилу святых отец, чтоб их ото всякого беззакония вперед унять». Рецидив духовного преступления влѣк за собой более жѣсткое наказание. Однако церковные власти не имели права на самые суровые меры: только светские власти могли применять их к преступникам, в том числе и к духовным лицам¹³⁵. В сибирском делопроизводстве содержатся многочисленные упоминания о направлении нарушителей норм христианской жизни на архиерейский двор, где они должны были предстать перед духовным судом.

Центральная власть наделяла первых сибирских архиереев широкими полномочиями по участию в светских делах, и они активно этим пользовались: принимали челобитные, следили за пожарной безопасностью и благоустройством улиц в Тобольске, противодействовали насильственному закабалению, заботились о материальном благосостоянии паствы и т. д. Участие преосвященных в «градских» делах вызывало недовольство у многих воевод. В свою очередь сибирские владыки добивались от центральных властей полного отстранения воевод от духовных дел, особенно от возможности судить по ним. Однако последние настаивали на своём контроле за обвинениями в духовных делах. В 1659 г. конфликт о разграничении их полномочий вступил в острую фазу. Тогда царь Алексей Михайлович разрешил его, приняв сторону светских администраторов. Согласно царскому указу, обвиняемых в духовном деле необходимо было отправлять к архиепископу, но по согласованию с воеводами. Архиепископ Симеон пытался оспорить этот указ, ссылаясь на прежние царские грамоты, по которым воеводам запрещалось «вступатца в духовные дела». Вопрос был вынесен на рассмотрение Боярской думы. В итоге архиепископ Симеон оказался в опале.

Епархии делились на десятинные округа, для управления которыми архиереи назначали десятильников из архиерейских детей боярских. В их обязанности входили надзор за деятельностью приходского духовенства, выявление нарушителей норм христианской жизни и морали, расследование духовных преступлений, проведение суда нижней инстанции по гражданским делам между «церковными людьми», сбор церковных налогов в архиерейскую казну и штрафов с мирян по решениям духовных судов. Злостные нарушители препровождались на архиерейский двор в Тобольск. Десятники выдавали венечные (разрешения на венчание), новичные (назначения причетников к приходским церквям) и похоронные памяти¹³⁶. Они регулярно объезжали подведомственные им территории «для церковных догматов и святительских духовных дел».

Примером деятельности десятильника может послужить ситуация, описанная в материалах сыска 1634 г. о злоупотреблениях воеводы А. А. Плещеева-Мешкова в Берёзове. Автором одной из челобитных о бесчинствах воеводы был новокрещён Гришка Ваюсов, он же отвозил в Тобольск и жалобы ясачных людей. Как только Гришка начал публично обвинять А. А. Плещеева в том, что тот незаконно забрал у него шкурки лисиц, горностаев и белок, тут же в съезжую избу на него был подан извет остяка Подгородной волости Помытки Порленетева «с товарищами». В доносе сообщалось, что он, новокрещён, «приезжая из города в остяцкие юрты, делал шайтаны, и по остяцкой вере им молитца». Помытко, «видя такое бесчинство, что он — крещеной человек, а молитца шайтаном», известил воеводу¹³⁷. А. А. Плещеев-Мешков велел Гришку «взять в город» и отослать к десятильнику Григорию

¹³⁵ Там же. С. 197.

¹³⁶ Флоря Б. Н. Десятники // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 449.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 36. Л. 102.

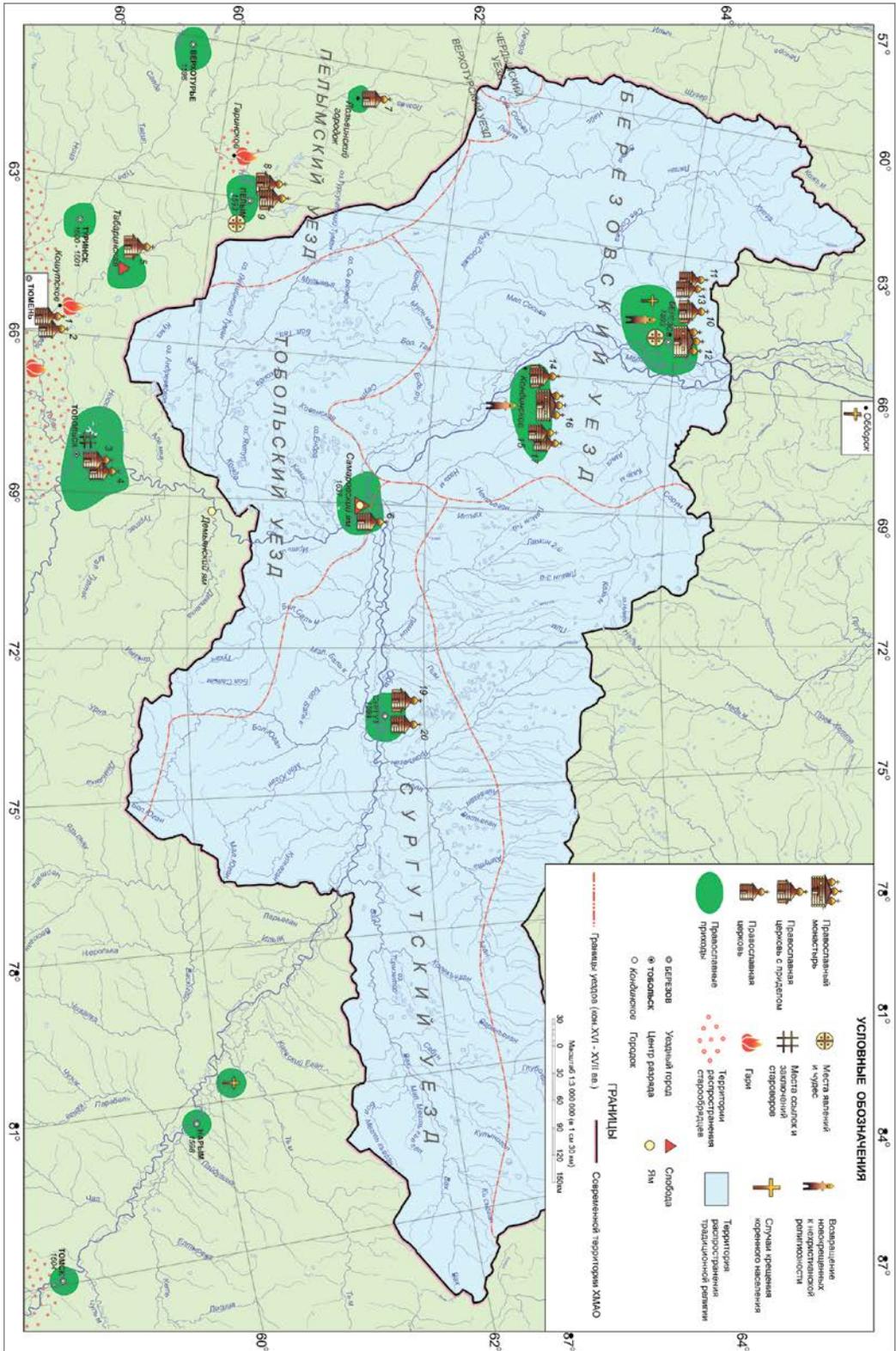

Рис. 2.67. Карта распространения христианства в конце XVII–XVIII вв.
 Авт. В. И. Байдин, С. А. Белобородов, Е. М. Беспрозванный, Г. З. Вайсман, Е. М. Главацкая //
 Атлас Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. Т. 1. С. 38

Иванчину «в смиренье»¹³⁸. «Скована в железех», новокрещёна привели на «святительский двор». Софийский сын боярский обратился за указаниями к руководству епархии¹³⁹. Ответ архиепископа Макария не сохранился, но его содержание нетрудно восстановить по дальнейшим действиям десятильника. Как позже описывал Гришка Ваюсов, Г. Иванчин, смиряя его, «зимною порою держал у себя на погребе, сковав руки и ноги, три дни, моря голодом и стужею, и мало де ево не уморил»¹⁴⁰. После такого наказания Гришка подписал повинную челобитную о том, что он оклеветал воеводу. Однако, когда из Тюмени приехали сыщики разбираться по жалобам на А. А. Плещеева-Мешкова, Ваюсов сказал, что дал повинную челобитную, опасаясь за свою жизнь. Обвинения в том, что он «отбыл от православной веры» и молится шайтанам, новокрещён категорически отрицал, полагая, что извет на него был инспирирован воеводой в наказание за жалобы.

Как правило, десятинные округа соотносились с границами уездов или станов. Однако становление епархии происходило в процессе колонизации необъятных сибирских просторов. Вероятно, первоначально десятинные округа Сибирской епархии охватывали по несколько уездов. К середине XVII в. были образованы четыре десятины, в том числе Берёзовская¹⁴¹. К концу столетия уже насчитывалось 15 десятин. Территория Югры входила в состав следующих десятинных округов: Верхотурье и Пелым с уездами, Берёзов, Сургут¹⁴². Демьянский и Самаровский ямы находились под прямым управлением Тобольского архиерейского дома. В городах-центрах десятинных округов ставились так называемые святительские дворы — своеобразные епархиальные представительства, в которых жили и работали десятильники.

Со второй половины XVII в. началось постепенное реформирование регионального церковного управления: всё активнее стали привлекаться лица духовного звания (духовные заказчики и поповские старосты) к надзору за религиозной жизнью мирян, деятельностью священнослужителей и духовному суду¹⁴³. На церковном соборе 1675 г. было принято решение о назначении на должности десятильников только лиц духовного чина. Однако в Сибирской епархии светские десятильники сохранялись до грамот царя Петра I и патриарха Адриана 1697–1698 гг., ставших реакцией на громкое дело о масштабных злоупотреблениях архиерейских представителей¹⁴⁴. Вероятно, сохранение этого звена управления в Сибирской епархии во многом было порождено её размерами и темпоральностью колонизационных процессов. Во-первых, в регионе должно было сконцентрироваться достаточное количество лиц духовного звания, пользовавшихся доверием архиерея и способных осуществлять церковно-административные функции. Во-вторых, светские десятильники

---

¹³⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 36. Л. 21.

¹³⁹ Памятники сибирской истории: сайт. URL: http://sibrelic.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1630_1639gg/akty_istoricheskie_1634g/1634/57-1-0-433 (дата обращения: 18.11. 2020).

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 36. Л. 214.

¹⁴¹ Переписная книга Тобольского архиерейского двора 1651 г. // Тобольский архиерейский дом... С. 249.

¹⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1363. Л. 443.

¹⁴³ Заказчики духовных дел (духовные заказчики) — представители чёрного и белого духовенства, наделённые архиереем особыми полномочиями. Должности поповских старост были учреждены собором 1551 г., они избирались из приходского духовенства, выполняли фискальные и надзорные функции в своей социальной группе.

¹⁴⁴ Покровский Н. Н. Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189.

были более мобильны, не обременены другими обязанностями, в отличие от приходских священников и настоятелей монастырей.

В ответ на грамоты царя Петра I и патриарха Адриана сибирский митрополит Игнатий упразднил должности десятильников и поручил руководство десятинами «заказчикам». Согласно росписи о назначениях на эти должности 1698 г., в Сургутской десятине заказчиками стали священники соборной Троицкой церкви Алексей Мефедев и Андрей Парфёнов, в Берёзовской — дьякон иеромонах Исакий и поповский староста священник Воскресенской церкви Василий Климантов. Поскольку Пелым с уездом входил в общую с Верхотурьем десятину, то он оказался в подчинении по духовным делам у архимандрита Верхотурского Николаевского монастыря Александра и протопопа верхотурского Троицкого собора Иосифа Афанасьева¹⁴⁵. В начале XVIII в. единицей внутриепархиального деления вместо десятин стали духовные заказы.

Христианизация коренного населения Югры: замыслы и реальность

Русская колонизация Сибири во многом опиралась на опыт присоединения Казанского и Астраханского ханств. Эта преемственность прослеживается и в церковно-государственной политике на осваиваемых территориях, нацеленной на укоренение православия и включение в эту религиозную систему автохтонного населения. На раннем этапе колонизации верховная власть последовательно отстаивала принцип добровольности крещения и методы мягкого продвижения религиозной конверсии среди «иноверцев». Это было зафиксировано в наказах первому казанскому архиепископу Гурию 1555 г. и второму тобольскому архиепископу Макарию 1625 г.¹⁴⁶ Подобный наказ был и у первого тобольского архиепископа Киприана. Заступивший на Тобольскую кафедру в 1642 г. архиепископ Герасим пытался его найти и даже обратился за помощью в Москву, но безуспешно¹⁴⁷. Скорее всего, такие настойчивые поиски были связаны с тем, что полученный первым архиепископом наказ должен был передаваться следующим архиереям. Этим можно объяснить и то, что архиепископ Макарий¹⁴⁸ получил свой наказ в 1625 г., уже будучи в Тобольске. Вероятно, приехав на место служения, он не обнаружил в архиерейском доме наказа Киприану и послал запрос в Москву. Из этого следует, что сохранившийся наказ Макарию можно рассматривать как дубликат наказа Киприану и руководство к аналогичным действиям для остальных тобольских архиереев.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1363. Л. 443–445.

¹⁴⁶ Наказ (память) архиерею — документ, выдававшийся ему верховной властью при назначении на кафедру, в нём определялись основные направления его деятельности, права и обязанности. Наказ (память) казанскому архиепископу Гурию 1555 г. опубл.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 259–261. Наказ сибирскому архиепископу Макарию 1625 г. Опубл.: Тобольский архиерейский дом... С. 213–215.

¹⁴⁷ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 281, 392.

¹⁴⁸ Архиепископ Макарий возглавлял Сибирскую и Тобольскую епархию в 1624–1635 гг.

Таблица 2.4

**Наказы казанскому и тобольскому архиепископам:
сравнительный анализ текстов**

Наказ казанскому архиепископу Гурию 1555 г.	Наказ тобольскому архиепископу Макарию 1625 г.
А которые татаровя похотят креститись своею волею, а не от неволи, и ему тех велети крестити, и лутчих держати у себя в епископее и поучати всему крестьянскому закону, и покоити их как мочно, а иных роздавати крестити по монастырем.	А которые татаровя ¹⁴⁹ похотят креститца своею волею, а не из неволи и ему, архиепископу, тех татар велети крестити и лутчих держати у себя во архиепискупье и поучати всему крестьянскому закону, и покоити их как мочно. А иных роздавати крестить в монастыри.
А как новокрещены из под научения выдут, и архиепископу их звати к себе ясти почасту, а поити их у себя за столы квасы, а после стола посылати их поити медом на загородской двор.	А как новокрещенные ис-под начала выйдут, и архиепископу их звати к себе ести почасту и их покоити.
А которые татаровя учнут к нему приходити челом ударити, и ему их велети кормити и поити у себя на дворе квасом же, а медом их поити на загородском дворе; кротостию с ними говорити и приводити их к крестьянскому закону, и разговаривая с ними тихо со умилением, а жестостию с ними не говорити.	А которые татаровя учнут к нему челом ударити приходити, и тех по тому ж велети кормити и поити, как мочно, и говорити с ними кротостию и приводити их ко крестьянскому закону, розговаривати с ними тихо, со умилением, а жесточью с ними не говорить.
	А которых татар учнут крестити, и тем надобе платье переменить новое, и о том посылати ему, архиепископу, к боярину и воеводам, и к диаком. А будет учнут ко крещению приходити многие люди, и архиепископу о том писати ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии и к отцу ево государеву, к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русии; и их государев указ, чем их пожаловати, о том к нему будет тотчас.
А которой татарин до вины дойдет и убежит к нему от опалы, от каковы нибудит, и похочет креститись, и ему того воеводам назад никак не отдати, и крестити его, и покоити у себя, и посоветовати о том с наместиками и с воеводами: и будет его приговорят держати в Казани, на старой его пашне и на ясаку, ино его держати не старой его пашне и на ясаку, а нелзе его будет держати в Казани, чая от него впредь измены, ино его крестив отослати к государю и великому князю.	А которой татарин дойдет до вины и убежит к нему, архиепископу, от опалы, от каковы нибудет, опричь измены, и похочет креститись, и ему тех татар примати и держати их у себя бережно. И о том писати ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии и к отцу ево государеву, к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русии подлинно, хто от каковы вины прибежит. А до их государева указа тех татар не крестить. А того татарина боярину и воеводам, и диаком до указу никак не отдавать.
А которого татарина в какове в вине велят его воеводы казнити, а придут о нем иные татарове бити челом о печалованье, и архиепископу о тех посылати отпрашивати: и по совету наместничу и всех воевод имати тех людей у наместника и у воевод за себя, и которых пригоже тех держати в Казани, а которым в Казани быти непригоже, и тех отсылати к государю царю и великому князю, а о них с печалованьем и устроенье писати грамоты к государю царю и великому князю.	А которого татарина в какове вине, опричь болшие измены, велят боярин и воеводы, и диаки казнити, а придут об нем к архиепископу иные татаровя бити челом о печалованье, и архиепископу тех посылати отпрашивати и по совету боярина и воевод, и дьяков имати тех людей за себя, хотя будет и креститца не похотят, и их к тому неволею не нудить. А на смерть их боярину и воеводам, и диаком не выдовать, а держать их у себя архиепископу в крепости до государева указу. Да о том писати ко государю

¹⁴⁹ Этноним «татары», часто встречающийся в документах XVI–XVII вв., распространялся на всё нерусское население Сибири.

Таблица 2.4 (продолжение)

Наказ казанскому архиепископу Гурию 1555 г.	Наказ тобольскому архиепископу Макарию 1625 г.
	царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии и к отцу ево государеву, к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русии.
Да держати архиепископу совет с наместником и с воеводами: на которых татар будет у них опала невеликая, а похотят которых остратити казнию, а до казни не дойдут, и они б о тех сказывали архиепископу, и архиепископу тех от вины отпрашивати, хоти ему от них и челобитья не будет.	Да держати архиепископу з боярином и воеводами, и з диаки совет о великих государевых делех, опричь кровных и убойственных дел. А на которых татар будет у них опала невеликая, а похотят которых остратити казнию, а до казни не доидет, и они б, боярин и воеводы, и диаки о тех сказывали ему, архиепископу. А ему от них тех от вины отпрашивати, хотя будет о ком и челобитья не будет.
И всякими обычаи, как возможно, так архиепископу татар к себе приучати и приводити их любовью на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити.	И всякими обычаи, как возможно, так архиепископу татар к себе приучати, и приводити их ко крещенью с любовью, а страхом и жесточью ко крещению никак не приводити.

Несмотря на то, что между приведёнными выше текстами 70 лет, они весьма близки по содержанию и лексике. Их схожесть может свидетельствовать об устойчивой государственной концепции поведения Русской православной церкви в отношении народов колонизируемых территорий. Наказы демонстрируют комплексный подход к организации христианизации: декларируется принцип добровольности, описывается процедура принятия крещения, предусматривается вовлечение новокрещёнов в понятные и привлекательные для них формы христианской обрядности (трапезы с архиереем¹⁵⁰), право архиепископа на юридическую защиту иноверцев (причём независимо от того, хотят ли они креститься) и его обязанность «печалования» о них, а также создание патерналистского образа архиерея. Была прописана даже манера общения главы епархии с автохтонами: «Говорити с ними кротостию ... розговаривати с ними тихо, со умилением, а жесточью с ними не говорить».

Наиболее существенное отличие наказа тобольскому архиепископу Макарию заключается в том, что в нём зафиксировано ожидание массового крещения «иноверцев»: «А будет учнут ко крещению приходити многие люди...». Также в нём есть пункт о перемене одежды при крещении, материальное обеспечение его выполнения было возложено на светских администраторов.

В царских грамотах тобольским воеводам этот вопрос прописывался более детально. Так, в грамоте царя Михаила Фёдоровича от 15 января 1621 г. тобольским воеводам князьям М. М. Годунову и И. Ф. Волконскому говорилось: «...А которые иноземцы, татаровя и остяки, и самоедь, и вагуличи похотят креститца в православную крестьянскую веру греческаго закона, а в их платье крестить не мочно. А архиепископ Киприан учнет к вам присылати

¹⁵⁰ Традиция совместных трапез восходит к первым векам христианства. Она имела сакральный характер и несла большую смысловую нагрузку: проведение границы между «своими» и «чужими», чужие по религиозной принадлежности к трапезе не допускались, выражение любви к ближнему, помощь голодному и нищему. Этим можно объяснить, с одной стороны, строгий запрет на совместные трапезы новокрещёнов с их родственниками-язычниками, а с другой стороны, предписание в наказе архиепископу кормить и поить пришедших к нему «татар» с челобитной.

тем людям для платья, и вы б тем людям для крещенья посылали к архиепископу лутчим людям сукна на однорядки настрафилные, а меншие земли мелким людям сукна летчиную и кафтаны, и шапки, и рубашки, и портки, и сапоги велели покупати у торговых людей. А денги за то платье велели по цене платити из нашия казны и велели те денги писати в расходные книги имянно»¹⁵¹.

Необходимость соблюдения принципа добровольности при крещении представителей коренного населения отмечалась в государственных документах на протяжении всего XVII в. Так, в одной из царских грамот упоминался указ царя Фёдора Алексеевича митрополиту Тобольскому и Сибирскому Павлу¹⁵², предписывавший: «Буде которые иноземцы похотят креститься в православную веру волею своею, и их велеть принимать и крестить, а неволею никаких иноземцев крестить не велеть...»¹⁵³. Помимо раздачи окрестившимся подарков, митрополиту Павлу предлагалось их «обнадеживать государевой милостию, чтоб ... они приняли святую православную христианскую веру, без всякого сумнения». Предполагалось также, что сам митрополит будет «держатъ к ним ласку и привет, чтоб на них смотря, и иные иноземцы православной веры пожелали»¹⁵⁴.

Аналогичный указ об исключительно добровольном крещении и запрете на применение насилия был отправлен митрополиту Павлу в 1685 г. уже от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей. В указе рассматривались и возможные варианты устройства новокрещёнов: остаться у митрополита на Софийском дворе, поступить в какой-нибудь монастырь или на государственную службу и «служить со своею братиею, с такими же новокрещёнными иноземцы»¹⁵⁵. Из этого следует, что государство регламентировало социальную принадлежность новокрещёна и его возвращение к прежнему образу жизни не допускалось. Слишком велика была опасность, что, находясь в кругу соплеменников, новокрещён мог подвергнуться соблазну возврата к прежним религиозным традициям. В сибирском делопроизводстве сохранилось немало свидетельств подобных ситуаций, с которыми приходилось разбираться и светским, и церковным властям. Так, в 1634 г. архиепископу Макарию поступил донос о том, что крещёные остяки с жёнами и детьми приезжали в гости к своим некрещёным соплеменникам и, живя с ними, участвовали во всех традиционных ритуалах¹⁵⁶.

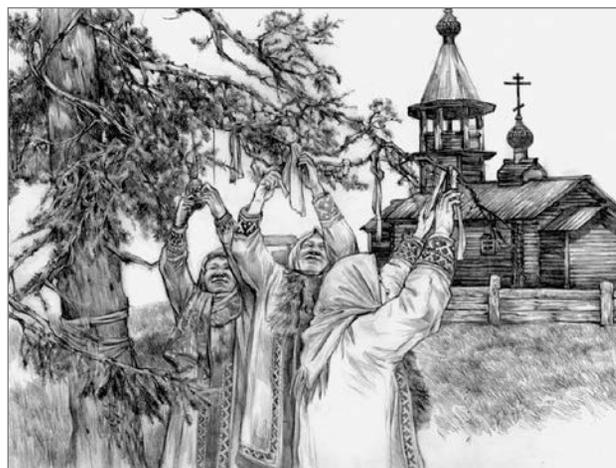

Рис. 2.68. Приношение берёзовских остячек в священной роще у церкви Рождества Богородицы. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 129

¹⁵¹ Тобольский архиерейский дом... С.148.

¹⁵² Возглавлял Сибирскую епархию в 1678–1692 гг.

¹⁵³ ПСЗ-1. Т. 2, № 1117. С. 662. В XVII в. «иноземцами» называли всё нерусское население Сибири.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же. С. 236.

¹⁵⁶ РГАДА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Однако процесс проникновения православия в жизнь коренного населения Югры начался задолго до создания Сибирской и Тобольской епархий. Активные военные действия русских отрядов вынуждали родоплеменную знать не только к признанию власти Москвы над их территориями, но и к смене веры. В литературе не раз описывалась история крещения кодских князей Алачевых. Вождь Коды Алач признал русское подданство в середине 1590-х гг. Его наследники оказывали помощь в подавлении выступлений соседних племён, а Московское правительство сохраняло неизменным управление и относительную самостоятельность княжества¹⁵⁷. Вероятно, крещение было частью платы за длительный союз с московской властью и за получение от неё поддержки в периоды внутривидовой борьбы за власть.

Первыми из княжеской семьи приняли православие вдова Алача (мать правящего князя Игичея) и его внук. Они крестились в Москве не позднее 10 сентября 1599 г. и получили имена Анастасия и Пётр. Вероятно, ещё находясь в столице, они подали челобитную царю Борису Фёдоровичу о строительстве и обеспечении храма в Кодском городке и о присылке 10–15 служилых людей «с огненным боем» из Берёзова для охраны городка. В царской грамоте от 10 сентября 1599 г., адресованной берёзовскому воеводе И. Г. Волынскому, сообщалось: «Мы князь Игичея с матерью и с сыном пожаловали, велели в их вотчине в Коде устроить наше богомолье храм во имя Живоначальной Троицы да предел Чудотворца Николая». Церковная утварь, облачения, книги, иконы и колокола были посланы из Москвы¹⁵⁸. В последней части грамоты князю Петру поручалось в Берёзове нанять плотников для строительства и договориться со священником о служении в новой церкви, а берёзовский воевода должен был санкционировать отправку плотников и попа в Коду. По завершению строительства церкви из Москвы обещали прислать антиминс. Самое раннее время, когда могла быть построена Троицкая церковь, это конец лета – осень 1600 г. Сохранились сведения о пребывании в 1600 г. в Кодском городке попа Евстратия. Возможно, он приехал только для освящения церкви, потому что в том же году Евстратий был послан в отряд князя М. М. Шаховского и Д. Хрипунова, отправлявшийся на р. Таз основывать Мангазею. Для постоянной службы тогда же из Тобольска приехал поп Яков. В ноябре 1602 г. было принято решение вернуть Евстратия в Кодский городок, а Якова определить в Берёзов¹⁵⁹.

Между тем князь Игичей Алачев в феврале 1600 г. получил разрешение на поездку в Москву. Он решил креститься, чтобы «быть с матерью своею и с сыном в одной вере»¹⁶⁰. По мнению Е. В. Вершинина, Игичей скончался в Москве и неизвестно, успел ли он креститься¹⁶¹. В источниках его христианское имя не зафиксировано. Вскоре в Москве крестились его сыновья Григорий (1602)¹⁶², Михаил (до 1604 г.) и Иван (до 1606 г.).

В 1606 г. двоюродный брат Игичея Онжа Юрьев сумел убедить царя Василия Шуйского передать ему княжение в Коде. У него были весомые заслуги перед московской властью. В частности, в 1604 г. он возглавлял 100 кодских остяков, посланных для строительства Томска. В своей челобитной о пожаловании его княжением Онжа просил отдать ему «по их

---

¹⁵⁷ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 375–377.

¹⁵⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 181.

¹⁵⁹ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 102.

¹⁶⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 181.

¹⁶¹ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 376.

¹⁶² Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 203.

вере палтыш болван», «чем он (Игичей. — Авт.) княжил и Котцкими остяки владел». После смерти Игичея «палтыш» забрали в Берёзов, где он хранился в казне. Берёзовскому воеводе П. А. Черкасскому была отправлена грамота царя Василия Шуйского с повелением передать Онже «палтыш» и княжение в Коде¹⁶³. Вероятно, ослабление центральной власти во время Смуты сыграло свою роковую роль: для неё оказалось неважным вероисповедание претендента на княжение. Однако, возможно, в приказе Казанского дворца была допущена ошибка. Вдова Игичея Анна начала борьбу против Онжи за права своих сыновей на княжение¹⁶⁴. В конце 1609 г. поп Евстратий подал челобитную, в которой писал, что «жил де он в приходе у князь Игичеевские княгини Анны, а ныне де она за приставом на Берёзове в изменном деле, и ему де туто быть не у чего, приходу де никакого нет; а которые де служилые люди, годовалшики, из Берёзова приезжали по десяти человек, и те де служилые люди сведены на Берёзов»¹⁶⁵. Из этого сообщения следует, что арест княгини Анны и отсутствие годовальщиков привели к полному упадку церковной жизни, однако возникает вопрос: куда же делись остальные крещёные члены семьи Игичея? Как уже говорилось ранее, поп Евстратий получил разрешение покинуть Кодский городок и перевести в Берёзов церковное имущество¹⁶⁶.

Княгиня Анна, обвинённая в «изменной думе», какое-то время содержалась в Берёзове, но была прощена, а власть в Коде перешла к её сыну Михаилу¹⁶⁷. Таким образом была восстановлена династия принявших православие кодских князей. Бытует мнение, что церковная жизнь в Коде была возобновлена только в 1620-е гг.¹⁶⁸ Если это так, то князь Михаил и его семья более 10 лет обходились без храма и духовного окормления. Между тем сохранившаяся окладная книга за 1629/30 г. свидетельствует о том, что Троицкая церковь «у князь Михаила Игичеева в Коде» являлась ружной и её поп Трофим, дьячок Васька Конаков и пономарь Кондрашка Иванов получали ежегодное денежное и хлебное жалованье из государственной казны¹⁶⁹. Такое же положение сохранялось и при следующем князе Дмитрие, сыне Михаила. В окладной книге за 1637/38 г. зафиксирована выдача хлебных окладов «княж Дмитриева вотчина Алачева в село в Коду к церкви Троице Живоначальной» попу Якову, дьячку Богдашке Фёдорову и пономарю Сергушке Иванову¹⁷⁰.

Назначение ружных окладов священнику и причетникам Троицкой церкви не могло произойти само собой. Скорее всего, князь Михаил приложил для этого усилия. Есть основания полагать, что он проявлял большую заботу о благоустройстве Троицкой церкви, а также о храме во имя святых Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев. По сведениям архиепископа Герасима 1644 г., обе церкви были «строением» князя Михаила. Он же обеспечил храмы утварью, иконами и колоколами, а также полным комплектом богослужбной литературы¹⁷¹. Князь Михаил и Дмитрий делали вклады в церковь на помино-

---

¹⁶³ Там же. Т. 1. С. 407.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Цит. по: Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири... С. 12.

¹⁶⁶ РИБ. Т. 2, № 79. С. 172.

¹⁶⁷ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 426–427.

¹⁶⁸ Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири... С. 12.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 4, 55.

¹⁷⁰ Там же. Кн. 93. Л. 235–236 об.

¹⁷¹ Там же. Оп. 3. Стб. 134. Л. 20. Опубл.: Книжные сокровища Югры... С. 389–390.

вание родителей. В той же отписке архиепископ Герасим упоминает серебряный потир с надписью о том, что это «данье» князя Михаила Алачева в церковь Живоначальной Троицы¹⁷².

К концу 1620-х гг. необходимость в использовании остяков Коды для военных походов отпала, и у московской власти стало возникать к кодским правителям всё больше вопросов экономического характера. Одна за другой проводились переписи в княжеских волостях ради поиска новых ясакоплательщиков. В Москве было принято решение половину остяков отписать на государя. Добиваясь пересмотра дела, Михаил несколько лет прожил в столице, где и скончался в 1632 г.

Вместе с отцом в Москве находился последний кодский князь Дмитрий. Правление Дмитрия, всё больше отдалявшегося от образа жизни ясачного населения, и рост повинностей привели к тому, что в 1636 г. и 1637 г. на него были поданы коллективные челобитные, в которых кодские остяки описали свои претензии к князю Дмитрию и просили царя перевести уплату ясака в государственную казну.

В конце 1643 г. кодские городки были отписаны на государя, а Дмитрий с семьёй вызваны в Москву. Царской грамоты по этому поводу не сохранилось, но её основное содержание известно по упомянутой ранее отписке архиепископа Герасима от 1644 г. Особое внимание следует обратить на решение о судьбе зависимого населения бывших княжеских владений: «Кодцкие ясачные остяки по твоей государеве грамоте взять на тебя, государя, а новокрещёным остякам велено, государь, дать воля»¹⁷³.

Вероятно, последняя фраза означала, что новокрещёны получали право выбирать место жительства и род занятий. Архиерей сообщил царю Михаилу Фёдоровичу, что послал в Коду софийского священника Леонтия Ильина и архиерейского сына боярского Григория Пирогова «для переписи всякого церковного строения, что после его, князь Дмитрея, осталось, и новокрещёных людей православных христиан, сколько в той отчине православных христиан жилцов»¹⁷⁴. Результаты этой ревизии пока историками не обнаружены, но очевидно, что с отъездом Дмитрия и его семьи троицкий приход в Кодском городке прекратил своё существование, отчасти в этом был повинен сам князь.

В той же отписке 1644 г. архиепископ Герасим доносил, что последний правитель Коды, «пограбя во церквах божиих то отца своего церковное строение, сосуды служебные серебряные и книги, в Тобольску учал продавать»¹⁷⁵. Проступок князя усугублялся, по мнению архиепископа, ещё и тем, что служебные сосуды и книги Алачев «имал из церкви и из алтаря... сам, своими людьми, без свещеника, потому что... в то время у него в вотчине свещеника не было...»¹⁷⁶

Ради спасения книг и утвари архиепископ был вынужден пойти на хитрость. Он велел Дмитрию принести церковное имущество будто бы для продажи. При этом выяснилось,

¹⁷² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 134. Л. 20.

¹⁷³ Там же. Л. 20а.

¹⁷⁴ Там же. Л. 22.

¹⁷⁵ Там же. Л. 20б.

¹⁷⁶ Там же. Л. 22.

что часть церковных сосудов, использовавшихся во время службы, и две книги постную и цветную Триоди князь успел продать «на дороге Самаровского яму ямщиком»¹⁷⁷.

Архиерей забрал оставшиеся утварь и книги и положил в церковную казну «для береженья», «чтоб той святыни князь Дмитрий не осквернил, не продал бы иноверцам бухарцем, или тотаром или остяком». Вероятность того, что книги могут быть приобретены русскими для церковных нужд архиепископ, видимо, исключал, поскольку считал, что сделать это некому, «потому, что в Сибири... Тобольску люди все бедные, места церковные все скудные...»¹⁷⁸.

Религиозная конверсия, переход из одной веры в другую — сложный процесс изменения всей мировоззренческой системы и образа жизни человека. У новокрещёнов отказ от старых религиозных традиций и замена их новыми происходили крайне медленно и трудно, при этом зачастую только внешне. В процессе трансформации старые и новые представления об устройстве мира и ритуальные практики из разных религиозных систем тесно переплетались, дополняя друг друга.

Логично предположить, что и князья Алачевы, крестившись, продолжали участвовать в привычных им с детства религиозных обрядах, обращаться за помощью к шаманам. Однако достоверные сведения об этом отсутствуют. В распоряжении исследователей имеются только упоминавшиеся ранее коллективные челобитные недовольных властью князя Дмитрия кодских остяков, что снижает степень доверия к их информации. В частности, челобитчики сообщали, что новокрещённые князь, его мать и их люди живут «в своих вотчинах меж остяков в православной христианской вере некрепко, к проклятым шайтанам мольбу прилагают и в скверное их требище бесовское шайтану в дар платье и лошадей дают, и люди ж его из пищалей на церквах по крестам стреляют»¹⁷⁹.

В этой цитате привлекает внимание лексика, присущая православному человеку, осуждающему язычество, но отголосок этого сообщения можно найти в Сибирском летописном своде. В нём запечатлён факт стрельбы из пищали по крестам самим князем Дмитрием. Специально проведённое духовными властями расследование по этому поводу, показало, что на них действительно имелись следы от пуль, которые князь Дмитрий, возможно, попытался скрыть после доноса, срезав их ножом¹⁸⁰. Его действия были истолкованы как святотатство. Однако сам факт обстрела мог свидетельствовать и об обратном, а именно, как это ни парадоксально, — об особом уважении князя к церкви, которое было просто неверно истолковано представителями христианской культуры. Согласно описаниям этнографов, одним из элементов ритуальных действий в отношении почитаемых объектов у остяков была именно стрельба по ним: первоначально из лука, а позднее — из огнестрельного оружия. Возможно, князь Дмитрий как раз выражал свои культовые чувства в той форме, которая была ему привычна¹⁸¹.

Со временем принятие православия становилось неизбежным для представителей родоплеменной знати, если они хотели сохранить своё привилегированное положение в обществе

---

¹⁷⁷ Там же. Л. 24.

¹⁷⁸ Там же. Л. 21.

¹⁷⁹ Цит. по: Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири... С. 12.

¹⁸⁰ ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 153–154.

¹⁸¹ Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов в XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард, 2005. С. 307.

и получить поддержку московской власти. Так, в 1630–1640-е гг. приняли крещение наследники Онжи Юрьева¹⁸². Привлечению знати к принятию православия способствовала система аманатства, получившая широкое распространение в ходе колонизации края. Подолгу проживая в русских городах, аманаты постепенно приспосабливались к новому образу жизни, перенимали некоторые элементы русской культуры, в том числе и религиозные традиции.

Государство стремилось сделать принятие православия более привлекательным для «иноверцев» не только с помощью вознаграждения за крещение, но и ряда привилегий для новокрещёнов. В частности, с помощью крещения можно было освободиться от уголовного наказания. Так, в 1695 г. ясачный вогул Торчилко Сергушкин из Сосьвинской волости был отправлен в Тобольск за убийство крестьянина Афоньки Юдина. На следствии он повинился и сказал, что зарезал Афоньку «в драке без умыслу». Вскоре арестованный подал челобитную о том, что хочет креститься вместе с женой и детьми. Его отпустили в Пелым, а пелымскому воеводе М. И. Рыкачеву предписали получить на Торчилку поручную запись с «добрыми» порутчиками, чтобы «впредь ему никаким воровством не воровать и людей никого до смерти не побивать, а, собрав поручную запись, ево с женой и детьми крестить в православную веру». Приехав в Пелым, Торчилка дал по себе порутчика — Черемошку Техтерева, ясачного вогула той же волости, и был отпущен в Сосьвинскую волость за женой и детьми¹⁸³. Ещё большие преимущества получили принявшие крещение по именному указу 1683 г., согласно которому, в случае смерти новокрещённых их поместья и вотчины запрещалось отдавать их некрещёным родственникам¹⁸⁴.

Согласно наказам архиереям, процедура крещения предусматривала социальную дифференциацию. Архиепископ должен был «лутчих» держать на архиерейском дворе, обучать христианским «законам» и «покоити их как мочно», остальных же необходимо было «роздавать крестить» в монастыри. Для жителей Пелыма ближайшими были верхотурские монастыри, для населения нижнего Приобья — обители в Берёзове и Тобольске. Однако как отмечалось ранее, в Берёзовском Воскресенском монастыре монашеская жизнь периодически прерывалась, да и в остальное время он бедствовал. Возможно поэтому возникла идея создать ещё один центр крещения, приближённый к местам проживания остяков, тем более что Кодский городок уже был когда-то очагом православия.

Спустя 10 лет после отъезда князя Дмитрия было принято решение организовать там монастырь. Считается, что инициаторами выступили остяки 14 городков бывшей алачевской вотчины, составившие в 1653 г. челобитную на имя царя Алексея Михайловича. В ней сообщалось: «В прошлых, государь, годех в Кодском городке была вера православная христианская и были церкви Божии, стояли многие лета, и пение Божественное совершалось по все годы, и наша братия, многие остяки, слышечи православную веру христианскую, приходя в Кодской городок, крестились в православную веру. И мы в те поры всем были довольны и тебе, государю, ясак платили по вся годы сполна. А ныне, государь, тот Кодской городок стал впусте и церкви Божии разорены, и мы, бедные, обнищали и ясаку тебе, государю, платить стало нечем, никакова промышленново заводу купить негде»¹⁸⁵. Далее в челобитной содержалась просьба поставить монастырь на месте церквей.

¹⁸² Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 382.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 187. Л. 100.

¹⁸⁴ ПСЗ-1. Т. 2, № 1009. С. 521–522.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 400. Л. 154–154 об.

В процитированном фрагменте присутствует явная нестыковка с реальными фактами. Когда были «церкви Божии» и остяки «всеми были довольны», они платили ясак князьям Алачевым, а не в государственную казну. После упразднения вотчинного права князя Дмитрия, т. е. с 1644 г., Троицкая церковь перестала функционировать. Вряд ли сами жители Коды могли об этом забыть. Сомнения в авторстве челобитной остяков вызывает и способ её написания: от имени каждой из 14 волостей поставлено «пятно». Обычно в таких случаях жители Югры ставили тамги — родовые или личные знаки.

Тем не менее в 1653 г. челобитная была отослана в Москву с сопроводительной отпиской архиепископа Тобольского и Сибирского Симеона, в которой, в частности, сообщалось, что в том месте, «где стоят церкви Божии, в Алачевской слободе, мочно быть монастырю, потому что место пустынное, а остяков крещеных много, а ко церкви Божии прибегнуть им негде»¹⁸⁶. В ответных грамотах царя Алексея Михайловича разрешались крещение желавших принять православие остяков Коды, устройство монастыря и назначение к Троицкой церкви священника, дьякона и причетников с ежегодными государственными денежным и хлебным жалованьями. Тобольским воеводам предписывалось давать за крещение жалованье такое же, как и другим сибирским новокрещёнам¹⁸⁷.

Архиепископ Симеон смог приступить к реализации царского указа только летом 1656 г. Он отправился в Кодский городок, «места того досматривать, что мощно ли быть монастырю», и повёз церковную утварь, в том числе иконы, книги, облачения и другие «церковные потребности», конфискованные архиепископом Герасимом в 1643/44 г. у князя Дмитрия Алачева. В Кодском городке архиепископ Симеон с сопровождающими восстановили и вновь освятили Троицкую церковь¹⁸⁸.

В беседах с местными жителями архиерей пытался убедить их креститься. В упоминавшейся ранее отписке об этой поездке архиерей писал царю: «И я им, твой государев богомолец, говорил по многия времена, чтобы оне, остяки, отсталися идолския прелести и обратилибыся ко Господу Богу, крестилися». Со слов архиепископа, остяки говорили ему в ответ: «Мы ж нужны и бедны: не токмо де что крестяся нечем жить, но де и креститца нечем, есть бы де государская милость к нам, чтобы де государь с нас не велел ясаку имати, и мы бы де, да и многия креститися»¹⁸⁹. Не исключено, что остяки приехали к архиепископу с целью добиться под предлогом бедности отмены ясака, обещая в этом случае принять православие.

Вспомним, что среди кодских остяков должны были быть новокрещёны ещё со времен Алачевых: о них писал архиепископ Герасим в 1644 г., а в челобитной 1653 г. сказано, что «остяков крещеных много». Архиепископ Симеон встретил новокрещёнов, которые продолжали жить на прежнем месте. По свидетельству архиерея, они оправдывали возвращение в юрты к своим некрещёным сородичам тем, что «им кормитца нечем», потому что «от воевод прирзенья нет и государева жалованья не дают»¹⁹⁰.

¹⁸⁶ Книжные сокровища Югры... С. 391.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 400. Л. 155 об., 218–219.

¹⁸⁸ Там же. Стб. 592. Л. 107.

¹⁸⁹ Там же. Л. 106.

¹⁹⁰ «Государево жалованье» давалось ясачным за сдачу ясака в обязательном порядке. Это могло быть угощение тех, кто привозил ясак в город, а также различного рода подарки, в том числе продукты питания. См.: Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 400. Из этой фразы также косвенно следует, что крещёные ханты платили ясак.

Архиепископ оценил возвращение новокрещёнов к прежнему образу жизни как поругание христианской веры, возложив ответственность за это на местных воевод. Он не привёл в отписке конкретных фактов притеснения аборигенов, не назвал имён виновных воевод, приказных людей или пострадавших остяков, не упомянул и о приёме челобитных от обиженных, а также умолчал и о результатах своей миссионерской деятельности, скорее всего, потому что ему не удалось убедить остяков креститься.

Основав в бывших владениях кодских князей Алачевых в 1656 г.¹⁹¹ монастырь, архиепископ Симеон поручил его строительство старцу Ивану¹⁹². Становление обители проходило трудно в основном из-за финансовых и продовольственных проблем. В челобитной царю 1660/1661 г. строитель с братией писали: «Питаютца христовым именем и ходят с образом, збирают милостыню, денги и хлеб, по городом и по слободам»¹⁹³. На собранные средства они покупали хлеб, за который приходилось платить торговую пошлину, а также пошлины за его провоз и помол.

Таможенники взымали оброк и головщину с трудников, которые ездили «для монастырских дел». В 1659/60–1660/61 гг. старцы собрали милостыней и купили «на монастырской обиход» около 100 четей хлеба, за который уплатили десятую пошлину. Однако этот хлеб забрали у них в государственную казну. Возможно, в тот год был неурожай и светским властям было нечем выдавать хлебное жалованье служилым людям, поэтому они и конфисковали хлеб у монастыря. Старцы обращались к царю с просьбой вернуть хлеб и в дальнейшем освободить их от уплаты пошлин. Ответной грамотой 1661 г. монастырю разрешалось покупать беспошлинно «ржи и овса, и пшеницы, и ячмени по 100 четь в московскую осмипудную четь¹⁹⁴ в год» для собственного потребления. Также запрещалось изымать у монастыря хлеб, полученный вкладом или на милостыню. Об изъятии у монастыря зерне грамота умалчивала¹⁹⁵.

В 1663/64 г. строитель Иван с братией добились выделения им пахотных и сенокосных угодий в благоприятном для земледелия зауральском районе на реке Исети между Исетским острогом и Терсюцкой слободой¹⁹⁶. Там была построена монастырская заимка, организовано доходное вотчинное хозяйство, обеспечивавшее в полной мере насельников монастыря и их работников, что позволило обители стать одним из значимых поставщиков хлеба на западносибирский рынок. Она имела хлебные склады в Берёзове. Так, летом 1673 г. в них хранилось 500 пудов ржаной муки и 100 пудов зерна, а старца Якова Плотника командировали продать часть этой муки «для монастырской нуждицы»¹⁹⁷.

¹⁹¹ В литературе можно встретить и другую дату основания монастыря — 1657 г. См.: Абрамов Н. А. Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 448–449.

¹⁹² Возможно, этот старец Иван и Иван Кодский, лидер урало-сибирских раскольников — одно и то же лицо. Ещё один видный старообрядческий деятель Андрей Венгерский принял постриг в Кондинском Троицком монастыре под именем Авраамия около 1658/59 г. См.: Шашков А. Т. Из истории библиотеки старца Авраамия Венгерского (конец XVII – начало XVIII века) // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 469–478.

¹⁹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 400. Л. 222–223.

¹⁹⁴ Четъ в восемь пудов = 131 кг.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 400. Л. 222–223.

¹⁹⁶ Там же. Стб. 1085. Л. 74.

¹⁹⁷ Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 531.

Согласно переписной книге 1683 г., Кондинская Исетская заимка включала в себя слободу и укрепленный острог, в котором стояли четыре горницы на жилых подклетах, в них проживали строитель старец Иона, служебные старцы и работники. В остроге также находились келарная с хлебнею, 3 больших и 20 малых амбаров для хранения хлеба, конюшенный и коровий дворы. Ещё один скотный двор размещался за оградой. В жилых помещениях скотных дворов проживали монастырские работники с семьями. Эти владения окончательно были закреплены за Кондинской обителью грамотой 1669/1670 г.

Обитель была общежительной, управлялась чёрным священником или игуменом, казначеем, келарем и выборными старцами. В наказе митрополита Корнилия, предворявшем переписную книгу 1673 г., говорилось, чтобы руководство обители ведало монастырскими делами «вместе, з братскаго совету», и жили «совестно меж себя всей братьей, а хмелнаго б пития отнюд не было»¹⁹⁸. В этой книге перечислены 26 старцев, но на полях против 11 имён стояла помета «нет», сделанная другим почерком¹⁹⁹. По предположению М. О. Акишина, основной текст книги был написан в августе 1673 г., позже, осенью того же года, она была перепроверена чёрным попом Макарием, который сделал правки на полях и между строк²⁰⁰. Если это действительно так, то в монастыре за короткое время не стало почти половины братии. Это может свидетельствовать о том, что значительное количество насельников принимали постриг в весьма преклонном возрасте или перед смертью. В списке пять имён перечислены под заголовком «болнишные старцы». Вероятно, это немощные и больные монахи, которые уже не могли трудиться наравне с другими и жили в больничной келье. Как писал игумен Иван в челобитной 1683/84 г., «прибегают в тот монастырь ясашные остяки за старостью, которые ясаку платить не могут, и они де крестят их в православную христианскую веру и во иноческий чин постригают Христа ради и душевного их спасения как и протчую братью, потому что тот монастырь построен по их остяцкому челобитью 14 городков»²⁰¹.

Первоначально монастырский комплекс состоял из Троицкой церкви и стоявших рядом жилых и хозяйственных построек, обнесённых оградой «в столпцы бревнами». Вход на монастырскую территорию был оформлен святыми воротами, крытыми «тесом з зубцами о трех вереях», над «вратами» была установлена икона Спаса Вседержителя. Согласно переписной книге 1673 г., Троицкая церковь уже была ветхой, но ей продолжали пользоваться в летнее время. Её построили на высоком подклете с папертью и шатровой крышей. Она имела два придела, которые не были освящены и использовались для хранения церковной и монастырской казны, а также муки²⁰². В амбарах под северным приделом находились монастырские запасы соли, а под южным — зерна.

Придел во имя Николая Чудотворца у Троицкой церкви известен ещё со времён царской грамоты 1599 г. Второй придел во имя Архистратига Михаила, скорее всего, был построен при князе Михаиле Алачеве²⁰³. Главной в местном ряду иконостаса Троицкой церкви была икона Троицы, богато украшенная, в киоте, расписанном сюжетами из книги Бытия. Ве-

¹⁹⁸ Там же. С. 520.

¹⁹⁹ Там же. С. 528–529.

²⁰⁰ Там же. С. 512.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1058. Л. 73

²⁰² «Казной» называлось всё церковное и монастырское движимое имущество: иконы, церковная утварь, облачения, книги, монастырские документы, посуда, одежда, обувь, меха, деньги и т. д.

²⁰³ Скорее всего, Архистратиг Михаил считался небесным покровителем Михаила Алачева.

роятно, она особо почиталась: в описи 1673 г. отмечены приклады к ней — два серебряных креста. Выделялся дорогим убранством и образ Николая Чудотворца. В церкви имелись два иконостаса, один из которых поражает своими размерами: его деисус состоял из 21 иконы «с праздники»²⁰⁴. Вероятно, часть икон и церковной утвари была приобретена ещё Михаилом Алачевым и сохранилась с тех времён. Монахи не раз обращались за царскими пожалованиями для церковных нужд и получали их²⁰⁵, кроме того, монастырь обладал довольно большой библиотекой²⁰⁶. В переписной книге 1673 г. отмечена «церковь старая, стоит пуста и развалилась, маленькая», вероятно, это бывшая Зосимосавватиевская церковь. Архиепископ Симеон в своём отчёте 1656 г. о поездке в Кодский городок не упоминал о ней, скорее всего, потому что уже тогда она не подлежала восстановлению.

К 1673 г. был построен ещё один монастырский комплекс, также обнесённый оградой. Его центром являлась новая тёплая Благовещенская церковь. Она имела шатровую крышу, к основному храмовому объёму были прирублены трапезная, келарская, алтарь и придел, который ещё не был освящён. В ряду местных икон иконостаса Благовещенской церкви рядом с образом Благовещения Богородицы был помещён образ Николая Чудотворца, а также икона преподобных Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, вероятно когда-то находившаяся в Зосимосавватиевской церкви. Недалеко от Благовещенской церкви стояли колокольня «на двух столбах» с четырьмя колоколами, семь новых келий и хозяйственные постройки.

Вокруг монастыря размещались дворы монастырских трудников, подсобные хозяйства («дворцы»), в которых жили работники, скотный двор, амбары, бани, на берегу Оби — кузница и плавильня. В пяти верстах от обители на речке Мостовке находился мельничный комплекс (мутовчатая мельница, солодовня, сушильня, амбары и жилая келья).

Помимо хлебопашества на исетских землях и скотоводства Кондинский монастырь наладил небольшое железоделательное производство, в кузнице имелись инструменты и для плавки серебра²⁰⁷. Возможно, проводились опыты и с медью. Когда-то живший в обители и работавший на монастырской мельнице Григорий Афанасьев Мельник оказался в тобольской тюрьме и, надеясь получить освобождение, объявил в 1675 г., что знает три месторождения медной руды на р. Оби недалеко от Кондинского монастыря. С его слов руда лежала в плитах по берегу, а старец Иона рассказывал ему, что около 10 лет назад в том же месте строитель старец Иван взял около пуда руды и отвёз её в Москву, где тайно плавил, и из той руды «медь родилась». Старцы якобы скрывали свою находку длительное время, т. к. не хотели дополнительных налогов и «тягостей». Григорий рассказал и о месторождениях железной руды, которыми пользовались кондинские старцы. В феврале 1675 г. для проверки этого со-

²⁰⁴ Вероятно, в деисусе были представлены только иконы, посвящённые праздникам православного календаря. Для сравнения отметим, что, согласно описанию Тобольска 1624 г., ни в одной из приходских церквей сибирской столицы не было такого большого деисуса. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн.3.

²⁰⁵ Так, в 1678/79 г. Сибирский приказ отправил в Кондинский монастырь книг и церковной утвари на 30 руб. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1058. Л. 70.

²⁰⁶ Шашков А. Т. Книжное собрание Кондинского Троицкого монастыря // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 244–271.

²⁰⁷ В переписной книге 1673 г. отмечено: «На берегу ж плавильня железная, а в ней две бочки руды железные, толченые». См.: Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря... С. 530.

общения тобольские воеводы отправили небольшую экспедицию под руководством сына боярского Юрия Стремилковского и подьячего Ивана Аксентьева. В указанных местах поисковики взяли образцы породы и с разрешения старцев четыре пуда уже приготовленной для плавки железной руды. Монахи говорили, что в близлежащих притоках Оби «на железную руду камня много». В своём отчёте о поездке тобольским воеводам Ю. Стремилковский и И. Аксентьев не могли указать количество работных людей и снастей, необходимых для дальнейшей добычи руды. Они считали, что в перспективе для рудного дела работников можно было брать с Демьянского и Самаровского ямов из желающих или от отцов детей и от братьей братью и «от дядей племянников и захребетников», поскольку в Кондинской волости в основном проживали ясачные люди, а русское население составляли 15 работников и вкладчиков Кондинского монастыря. Результаты опытов с привезённой рудой неизвестны, судя по всему, они не заинтересовали власти²⁰⁸.

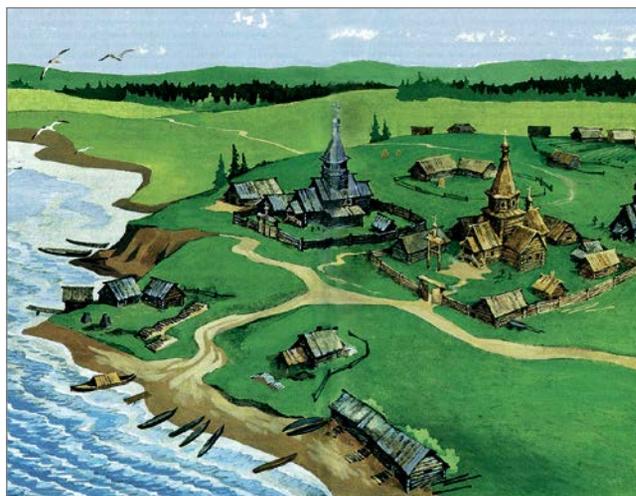

Рис. 2.69. Кондинский монастырь. Художник Н. Ю. Павлов. Рисунок-реконструкция // Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 80–81

Согласно описи имущества Кондинского монастыря 1673 г., в его казне хранилось большое количество разной пушнины, в редких случаях указано, что она получена за вклад. Возможно, кто-то из жителей Югры делал вклад мехами, а что-то старцы могли приобрести в обмен на продукты и услуги²⁰⁹. Остяки приносили в монастырь и серебро, в том числе в качестве «заклада» (залога), т. е. они брали у старцев в долг хлеб или деньги, обязуясь вернуть через определённое время и оставляя в залог какое-то своё имущество. Если долг не возвращался вовремя, то заклад оставался в монастыре. Возможно также, что в планах священнослужителей было привлечение к православию местных охотников и рыболовов, и для этого в казне хранились вещи, предназначенные для раздачи в качестве подарков. Так, в описи были указаны 50 медных напёрстков «про остяцкой обиход», 50 медных серёг в бумажных свёртках и «пять фунтов олова делново в персях на остяцкую руку»²¹⁰. Также в монастырской казне находились «полфунта серебра²¹¹ в сергах и во всякой остяцкой кузни, закладное, в разных не в больших закладах», а также «ларец окованой белым железом, а в нем венец остяцкой, серебряной, кованой в двухстах в одиннатцати белках, три фунта серебра в остяцкой кузни во всякой»²¹². Ларец с содержимым мог быть конфискован у новорещённых остяков во время

²⁰⁸ Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005. С. 214–215.

²⁰⁹ Для монастыря меха были своеобразным «стратегическим запасом», при необходимости денежных средств старцы их продавали.

²¹⁰ Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря... С. 525.

²¹¹ Полфунта — около 200 граммов.

²¹² Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря.... С. 525, 527.

одной из миссионерских инспекций. В ларцах представители коренного населения Югорского края обычно хранили своих духов-покровителей и подношения им. Цена венца, который, вероятно, принадлежал наиболее почитаемому божееству, в системе существовавших расчётов была эквивалентна стоимости шкурки 211 белок, а остальная серебряная «кузня» являлась дарами или менее значимыми божеествами, состоявшими на службе у главного.

Сохранившиеся документы показывают, насколько разнообразен был статусный состав монастырского населения: крестьяне, крепостные служебники, вкладчики, трудники, бобыли, наёмные срочные работники. Были люди, которые жили в монастыре, не давая на себя крепостных записей. Вкладчиками называли тех, кто делал вклад в монастырь, рассчитывая в дальнейшем поселиться в обители и получать от неё содержание («хлеб и платье»). Вкладчик мог принять постриг уже без дополнительных вложений или оставаться бельцом, но далеко не все имели возможности внести необходимую сумму вклада, поэтому некоторые отработывали её в монастырском хозяйстве. Так, на Исетской заимке в 1676 г. присягу новому царю Фёдору Алексеевичу дали 60 вкладчиков, 14 бобылей, 12 их родственников, 9 работников и 20 гулящих людей. Вероятно, последние нанялись на какие-то сезонные работы, поэтому оказались на заимке²¹³.

В 1668/69 г. монастырю разрешили призвать и поселить на Исетской заимке 50 семей крестьян из пришлых людей, и монастырь довольно успешно воспользовался этим разрешением. Согласно переписи 1683 г. там проживало 47 крестьян с семьями и 24 работника, из них 19 были холостыми²¹⁴. Крестьяне имели небольшие пахотные наделы на монастырской земле и покосы, за которые рассчитывались с монастырём хлебным оброком (выдельным хлебом). Работники трудились на скотных дворах. Подавляющее большинство крестьян переселилось с Русского Севера. Среди работников были русские, которые уже на месте женились на новокрещённых остячках.

В переписях мирских людей (бельцов), живших около монастыря и на Исетской заимке, отмечены новокрещёны. Они пополняли категории бобылей и крепостных служебников или назывались просто «работниками». Как правило, семейные остяки жили в своих дворах, а холостые — в избах «на дворце» за монастырской оградой. В 1673 г. около монастыря проживало 34 человека, из которых 17 были новокрещёнами²¹⁵. В это число попали и «малые робята», в том числе «малой детина Юрка, новокрещен, крепостной же». Скорее всего, они были сиротами или их отдали в монастырь родители. Так, в 1683 г. на Исетской заимке жили работники «остяцкой породы» Федотко Нифантов и Гришка Миронов. Первый родился в «Низомском городке», в 1667/68 г. отец продал его в монастырь. Вторым, уроженец «Леликарского городка», также был продан родителем, но годом раньше. На заимке они уже жили со своими семьями, оба были женаты на русских «жонках». Максимко Яковлев также был из купленных, «новокрещеного отца сын», но он родился в Кондинском монастыре, переведён на Исетскую заимку в 1678/79 г., женат «на купленной остяцкой жонке»²¹⁶. По сведениям 1683 г., из 47 крестьян этой заимки был только один остяк-земледелец — Варламко Павлов. О нём

²¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 610. Л. 124–125 об.

²¹⁴ Там же. Кн. 1086. Л. 239–258.

²¹⁵ Численность работников и новокрещёнов приведена без учёта членов семей. Данные о населении Исетской заимки в переписной книге 1673 г. отсутствуют.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1086. Л. 240.

сказано, что родился в «остяцкой земле», крестился «своею волею» в Кондинском монастыре, на заимке жил с 1677/78 г. с семьёй. Также среди холостых работников отмечен Савинко Иванов, родившийся «на Оби в ясашных людех», он крестился в Кондинском монастыре в 1659/60 г. и на Исетскую монастырскую заимку попал, когда та только образовывалась.

Из подсчётов по переписным книгам следует, что среди проживавших в вотчине около монастыря мужчин в 1673 г. новокрещённые остяки составляли 50 % (17 из 34 человек), в Исетской заимке в 1683 г. — только 7 % (5 из 71 человека). Такая ситуация закономерна, поскольку в Исетской вотчине доминирующим был земледельческий труд, более привычный для русского населения. Имеющиеся в нашем распоряжении и часто цитируемые выше переписные книги разных частей монастырских владений не дают возможности показать динамику крещения остяков в Кондинском монастыре или получить единовременную цельную картину.

Весьма приблизительные сведения о миссионерской деятельности обители сообщил в Сибирском приказе кондинский старец Игнатий в 1683/84 г., но они дают возможность хотя бы представить «порядок цифр». Он приехал в Москву с челобитной, в которой монахи просили прислать книги для достраивавшейся на Исетской заимке Преображенской церкви с приделом во имя святителя Николая Чудотворца. Старцы жаловались на свою «скудость» и акцентировали внимание на том, что они принимают и крестят остяков.

Сибирский приказ запросил сведения «о скольких крещено». Старец Игнатий ответил, что «остяков де, которые крестились в православную христианскую веру и постриглись и живут в их монастыре человек с 10, да тех же остяков человек с 20 старых крестьян, живут у того ж монастыря в бельцах, и хлеб им идет монастырской, а имен им сказать не упомнит»²¹⁷. Вероятно, под «старыми крестьянами» имелись в виду остяки, которые давно приняли крещение и пополнили ряды зависимого от монастыря населения. Однако сведений о том, что старцам удалось крестить кого-то из коренных жителей Югры, не связанных по жизни с Кондинским монастырём, в документах нет. Троицкая обитель стала неотъемлемой частью религиозного ландшафта Югры и в будущем сыграла важную роль в поддержании православия в крае.

У Тобольского архиерейского дома было предложение создать ещё один монастырь на территории Югры. Не позднее ноября 1685 г. митрополит Павел направил царям Ивану и Петру отписку, в которой предлагал построить женский монастырь на острове «за рекою Обью» в полуверсте от Кондинского Троицкого монастыря, куда будут ссылать «черниц и женок, вдов, которые объявятца в погрешении телеснем».

Необходимость создания такого монастыря он объяснил тем, что «для подкрепления и в подначалство, где им быти и плакаться грехов своих вечно безисходно, в Тоболску держать их негде, в Успенском девиче манастыре старицы скудны и бедны, и таковых черниц и вдов в подначалство отсылать некуда, по городам девичих манастырей нигде нет, а в которых городех манастыри и есть, и те велми скудны и самим тех манастырей старицам есть нечего, кормятца христовым имянем»²¹⁸. Митрополит планировал в новой обители «учинить игуменью и местных стариц, а кормитца им от Троицкого Коцкого манастыря» и спрашивал

²¹⁷ Там же. Оп. 3. Стб. 400. Л. 71–72, 75.

²¹⁸ Там же. Стб. 1058. Л. 366.

царского разрешения на создание обители. По каким-то причинам осуществить задуманное не получилось.

Центральная власть осознавала необходимость мирных отношений между народами различных вероисповеданий на колонизируемой территории, что определяло позицию веротерпимости и отстаивание неприкосновенности священных мест иноверцев. На святилищах и в захоронениях аборигенов находились изделия из серебра, оружие и меха, что привлекало искателей быстрого обогащения из русских поселенцев. Так, в 1610 г. Юванко Ладыкин и Кушкул Наев, остяки Берёзовского уезда, били челом о том, что «...казаки, пришед к ним, могилы раскопали и животы их поимали, и по вере от шайтанов серебро отнимают и шайтанов грабят»²¹⁹.

Подать челобитную удалось не сразу, т. к. толмач, через которого остяки общались с представителями местной русской администрации, судя по всему, был подкуплен грабителями и отказался идти в город жаловаться. В царской грамоте, отправленной берёзовским воеводам по этому поводу, предписывалось найти обидчиков, толмача «бить батоги» и «закон учинить, чтобы служивые и всякие люди, и новокрещены у остяков Берёзовского уезду шайтанов не грабили, и могил у мертвых остяков не раскапывали, и обиды остяком некоторые не чинили»²²⁰. Аналогичные случаи происходили и на территориях проживания других народов Сибири — вогул и татар, — поэтому угрозы наказания были усилены. Так, в царской грамоте верхотурскому воеводе указывалось, чтобы грабителям туземных могил и молибищ «быть перевешанным без пощады»²²¹.

В процессе колонизации власть столкнулась с проблемами похолопления ясырей²²² через крещение и вывоза их из Сибири. Служилые люди, участвуя в походах на «немирные» или «отложившиеся земли», захватывали в плен представителей аборигенного населения. Их старались быстрее окрестить, поскольку, если этого не успевали сделать до того момента, как территория, где они были захвачены, «объясачивалась», их приходилось возвращать обратно в юрты. Если пленника успевали крестить, то возвращение его к прежней жизни было уже невозможно, его необходимо было интегрировать в православную среду. Такое принятие православия явно было против воли «иноверцев», да и, скорее всего, у них не спрашивали на то согласие.

Судя по всему, власти не придавали этому значения, по крайней мере, не было выявлено ни одного случая, опровергающего подобные крещения. Их больше беспокоил вывоз из Сибири похолопленных аборигенов. На всех сибирских заставах таможенным головам было приказано не пропускать «на Русь» людей любого социального статуса, которые везли «с собой сибирских татар и остяков, и их жон, и детей». Ясырь предписывалось изымать и отправлять в Тобольск, а о нарушителях сообщать в Москву²²³. Неудачей закончилась попытка мангазейского священника Ивана Павлова вывезти из Сибири в 1637 г. новокрещённую Федосьицу. В отписке тобольских воевод М. М. Тёмкина-Ростовского и А. В. Волынского царю Михаилу Фёдоровичу от 1638/39 г. сообщалось, что поп был пропущен через Обдорскую за-

---

²¹⁹ Русская историческая библиотека. Т. 2, № 91. С. 213.

²²⁰ Там же.

²²¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Кн. 81. Л. 119, 149.

²²² Ясырь, ясыри — пленные, захваченные во время военных походов.

²²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 102. Л. 103–104.

ставу в августе 1637 г. с крещёной девкой-ясыркой Федосьицей. Таможенники, берёзовские служилые люди Лука Плесовский и Первый Ружников его пропустили, потому что поп сказал, что едет в Тобольск, но на Собской заставе он поехал «через Камень к Руси», отдав якобы в качестве взятки Федосьицу собскому таможеннику, сыну боярскому Ивану Астраханцу. Приехав в Тобольск, И. Астраханец свою «добычу» утаил, что вскоре и вскрылось.

Согласно царской грамоте, тобольские воеводы должны были наказать взяточника: «Бити ево кнутом нещадно, а девку у него взяти и отослати в Мангазею». Пока шла переписка с Москвой, И. Астраханец успел заступить на должность приказчика в Самаровском яме. В его отсутствие ясырка Федосьица, видимо остававшаяся в Тобольске, была отправлена в Мангазею с указанием воеводе Б. И. Пушкину выдать её там замуж за служилого человека, «за кого пригоже». По возвращении из Самарово в 1638/39 г. И. Астраханец понёс заслуженное наказание²²⁴. Таможенниками в Верхотурье в 1635/36 г. был предупреждён вывоз из Сибири восьми крещёных остяков от 10 до 16 лет. Согласно указу, их отправили в Тобольск²²⁵.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения указывают на то, что в Северо-Западной Сибири практика пленения остяков, их насильственного крещения и затем похолопления не получила широкого распространения. Преобладало добровольное крещение, но остаётся открытым вопрос: каково было соотношение искренне стремившихся креститься и вынужденных это сделать под давлением обстоятельств?

Случалось, что в голодные годы родители продавали или закладывали своих детей русским служилым людям или духовным лицам, которые крестили их и превращали в своих дворовых людей. Бедность, полная утрата родовых земель, сиротство, старость, немощь и невозможность платить ясак, совершение преступлений создавали ситуации, из которых крещение предоставляло, возможно, единственный выход. Православие давало людям, выпавшим из родной среды или вступившим с ней в конфликт, альтернативную возможность начать совершенно новую жизнь — жизнь служилого, дворового, монастырского человека и их жён. Правда, сделать это возможно было только ценой смены религиозной и этнической идентичности.

На наш взгляд, очень незначительное число представителей коренного населения Югры приняло христианство с той или иной степенью искренности. Знать, ставшая православной по политическим соображениям, продолжала, наряду с исполнением некоторых православных ритуалов, сохранять приверженность традиционной ритуальной практике. Окрещённые ясачные люди, оказавшись изолированными от общения с соплеменниками, вынуждены были полностью перейти к христианским обрядам. Все они были сосредоточены в основном в русских административных центрах. Для пожелавших креститься устанавливался своеобразный испытательный срок — шесть недель, которые они должны были прожить «по правилу святых отец» под началом в монастыре. И только после того, как воеводе в приказной избе докладывали о том, что это условие соблюдено, следовал указ о разрешении креститься.

Таким образом, в течение XVII в. на территории Югры появились все основные институты православия (соборные и приходские церкви, монастыри), увеличилось количество священнослужителей, была создана система административно-территориального управления,

²²⁴ Там же. Оп. 1. Кн. 81. Л. 148.

²²⁵ Там же. Л. 105–109.

подчинённая Tobольскому архиерейскому дому. Светские и духовные власти стремились подготовить жителей Югры к новой для них жизни. Во всяком случае какое-то время (шесть недель катехизации) давалось на то, чтобы человек мог непосредственно познакомиться с христианством, ритуалами, обязанностями христианина. Вместе с тем власти осознавали риск формальной смены веры. В задачи местных администраций входило наблюдение за тем, чтобы новокрещёны не возвращались к прежним верованиям. Нарушителей наказывали и заключали в монастырь до исправления. Поскольку новокрещён оказывался изолированным от этнической среды, то в значительной степени менялся и его образ жизни. Этот слой из числа аборигенов, принявших христианство и зачисленных на службу, был самым тесным образом связан с русской администрацией, зависел от неё материально и был опорой в управлении бывшими соплеменниками. Большинство же вогулов и остяков продолжало сохранять приверженность религиозным традициям предков.

Глава 8

Хозяйство и материальная культура русского населения Югры

Считается, что большинство переселенцев прибывало на территорию Северо-Западной Сибири с Европейского Севера России. Это было лично свободное население, занимавшееся в основном отхожими промыслами, в том числе охотой и рыболовством. Север Западной Сибири и Север Русской равнины имеют большое сходство: они расположены в тундровой, лесотундровой и северо-таёжных растительных зонах. И в европейской, и в азиатской частях России реки текут на север, в моря Северного Ледовитого океана, что формирует у них схожие ландшафт, гидрорежим, климат и обеспечивает миграцию промысловых рыб и зверей. Проживающее в этой местности население сталкивалось с одними и теми же трудностями: заболоченные лесные пространства, гнус, продолжительный день летом и долгая ночь зимой, глубокий снежный покров, который сохранялся на протяжении всей зимы. Всё это давало русским переселенцам с Европейского Севера явные преимущества перед выходцами из более южных регионов.

Однако переселенцы прибывали в Сибирь далеко не только с Русского Севера. Судя по документам, в Пелыме служилые люди были из терских, волжских и донских казаков, отряд из терских и волжских казаков участвовал в основании Сургута¹, первый гарнизон Берёзова состоял из ратных людей Москвы, Коломны, Переяславля Рязанского, а также из волжских и донских казаков². В Мангазее среди торговых и промышленных людей с Русского Севера записаны казанцы и москвитяне³. При несомненном преобладающем влиянии северорусского контингента служилые люди из других городов и уездов европейской части России разнообразили культуру и хозяйственные навыки русских сибиряков.

Основным видом хозяйства, определяющим культуру русского и других славянских народов, являлось земледелие, которое также было и основой экономики Русского государства. Однако климатические условия сибирского Севера не позволяли заниматься хлебопашеством, поэтому северные русские города в приказной документации XVI–XVII вв. относились

¹ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 290–291.

² Там же С. 293.

³ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. С. 90, табл. XVII.

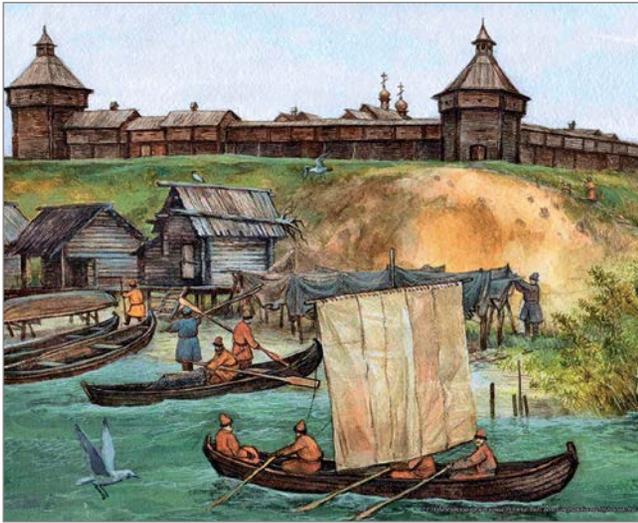

Рис. 2.70. Берёзовский кремль. Конец XVI – начало XVII вв. Вид на кремль г. Берёзова. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 44–45

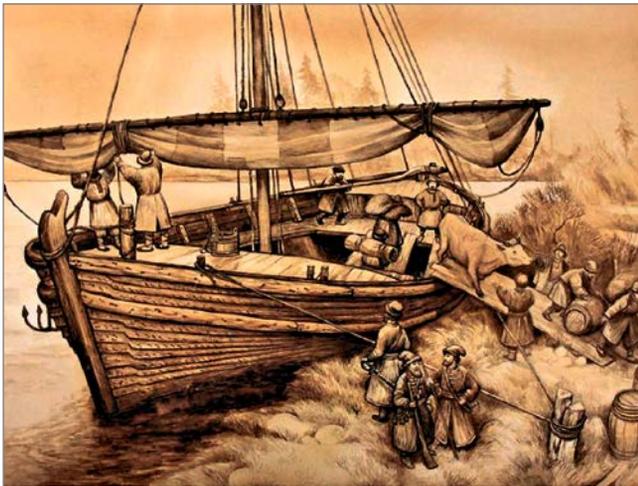

Рис. 2.71. Коч. Художник А. С. Кухтерин. Историческая живопись // Коч – судно полярных мореходов XVII века. Новые данные / отв. ред. П. А. Филин. Москва: Паулсен, 2022. С. 37

к разряду «непашенных»⁴. Среди таких «непашенных» городов на территории Северо-Западной Сибири были Берёзов, Сургут и Мангазея. Обеспечение питанием населения «непашенных» городов, острогов, ясачных зимовий было крайне затруднительно, учитывая их удалённость от центра и связанную с этим труднодоступность. Освоение северных сибирских территорий, доставка основных грузов для содержания городов, острогов, ясачных зимовий проводилась русскими на судах — кочах, стругах, дощаниках, каюках⁵. Особенно сложно было добраться до Мангазеи и Мангазейского уезда. Доставка хлеба (его перевозили в виде муки, она хранилась лучше, чем зерно), крупы и других продуктов могла осуществляться только водным путём через Обскую и Тазовскую губы, судами класса «река-море». Единственным таким транспортом в Сибири XVI–XVII вв. был коч⁶.

Однако огородничеством, выращиванием отдельных сортов растений пытались заниматься везде, даже в суровом Заполярье. Так, в сборной товарной книге Мангазейской таможни 1635 г. записано, что в уезд ввезено десять гривен «семя рассадного». Что это были за семена, неизвестно, скорее всего, что-то из овощных культур.

При раскопках Старотуруханского городища (город Новая Мангазея) был проведён копрологический анализ культурного слоя, который выявил в нём большое количество семян конопли. В диком и сорном виде конопля произрастает значительно южнее, в низовьях

⁴ ТБелов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. С. 5.

⁵ Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири... С. 162.

⁶ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980. С. 116–121; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев... С. 90–92; Коч — судно полярных мореходов XVII века. Новые данные. Е. В. Вершинин и др. М., 2022. С. 29.

Турухана. Для хозяйственных нужд её можно было выращивать только на приусадебных участках — конопляниках. Из конопли изготовляли пеньку — сырьё для канатов и веревок, необходимых для оснащения больших и малых судов, а также для плетения неводов⁷.

Об огородничестве в Берёзове косвенно можно судить по карте Берёзова из Чертёжной книги С. У. Ремезова от 1701 г., где с юга и с запада от острожной стены изображены огороды⁸. Интересно, что на карте Сургута изображений огородов нет⁹. По более поздним источникам второй половины XVII в. известно, что жители Берёзова на огородах выращивали репу, редьку, морковь, свёклу, капусту¹⁰. Вероятно, какие-то из перечисленных овощей могли выращивать и в XVII в. на огородах, изображённых С. У. Ремезовым.

На территории Югры власти предпринимали попытки принудить русское население заняться земледелием, прежде всего на территориях, прилегающих к местам, пригодным для земледелия. При создании ямской службы на реке Иртыш — Демьянского и Самаровского ямов — правительство из-за сложности доставки хлебных запасов ориентировало ямщиков на возделывание собственных пашен, и если демьянским ямщикам это удалось, то в окрестностях Самарова найти участки, пригодные под пашню, не получилось. На требования самаровских ямщиков о необходимости выдачи им хлебного жалования пришлось два раза отправлять из Тобольска специальных дозорщиков, чтобы обосновать невозможность выращивания хлеба в низовьях Иртыша¹¹.

Наиболее благоприятные места для выращивания хлеба в Югре расположены на северной границе растительной подзоны южной тайги на юго-западе Кондинской низменности. В 1740 г. Г. Ф. Миллер в своих полевых описаниях отметил, что в Леушинском погосте хлебопашеством занимались князец и ещё два вогула¹², то есть в первой половине XVIII в. аборигенное население Леушинского тумана уже знало земледелие. Существовало ли хлебопашество здесь в XVII в., неизвестно. Археологические исследования на поселениях XVII в., которые могли бы подтвердить или опровергнуть это, не проводились.

Если земледелие на севере Западной Сибири было невозможно, то скот и птицу русские переселенцы разводили везде, даже в условиях лесотундры. Стоит отметить, что до появления первых русских городов в Западной Сибири население таёжной зоны уже было знакомо со скотоводством. Согласно археологическим данным, лошадь была известна в бассейне реки Васюган с эпохи поздней бронзы¹³, а коровы и свиньи, судя по раскопкам на городищах Перегребное I и Шеркалы I, в небольших количествах появляются с XII в. вместе с первыми переселенцами из-за Урала — коми и русскими¹⁴.

---

⁷ Корона О. М., Рудковская М. А. Археоботанические исследования посада Старотуруханского городища // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №1 (24). С. 16.

⁸ Чертёжная книга Сибири, 1701 г., составленная в 1699–1700 гг. С. У. Ремезовым и его сыновьями. Тобольск, 2007. Л. 18.

⁹ Там же. Л. 18.

¹⁰ Берёзово (очерки истории с древнейших времён до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 188.

¹¹ Пашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 183–184.

¹² Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 307.

¹³ Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. С. 130.

¹⁴ Пархимович С. Г. О контактах населения Нижнего Приобья и Северного Приуралья в начале II тысячелетия н. э. // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв.

Рис. 2.72. Хлев в усадьбе XVII в. г. Берёзов. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 117

Сохранилось крайне мало прямых письменных свидетельств о разведении скота, а тем более птицы, зато результаты археологических исследований Берёзова и Мангазеи дали разнообразный информационный материал о животноводстве. К XVI в. переселенцы с Европейского Севера освоили скотоводство в таёжной и даже лесотундровой зоне: при раскопках в заполярном Пустозёрске в нижних слоях (XVI в.) были найдены останки коров, свиней и мелкого рогатого скота¹⁵.

Необходимость в животноводстве определялась не только нуждой в мясной пище, но и потребностью в привычном рационе и традиционном домашнем хозяйстве, которое являлось частью русской культуры. Даже там, где эффективность охоты

на лося и северного оленя была намного выше затрат на разведение крупного рогатого скота и свиней для получения мяса, русские всё равно занимались разведением и содержанием этих животных¹⁶, тем более что значительное количество оленей можно было получить путём охоты или обмена с местными народами¹⁷.

В течение XVII в. разведение скота имело тенденцию к увеличению. Так, в Берёзове в начальный период, с конца XVI в. до середины XVII в., охота на птиц и рыболовство играли важную роль в хозяйстве. В XVIII в. же их значимость снизилась, уступив место животноводству¹⁸.

Особое внимание жители первых русских поселений уделяли разведению крупного рогатого скота. По данным археологических исследований, коров содержали и разводили везде: в Берёзове, Сургуте, Мангазее, Туруханском зимовье (Новой Мангазее) и даже на крайнем Северо-Востоке Сибири — в Алазейском и Нижнеколымском (Стадухинском) острогах¹⁹. Раз-

Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. Ч. 1. С. 471; Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное I (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тыс. н. э.) // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2018. Ч. 1. С. 479.

¹⁵ Пархимович С. Ю. Спасательные археологические раскопки на территории «Пустозёрского городища» в 2015 г. Отчёт о НИР. Архив ООО «НПО «Северная археология 1». Нефтеюганск, 2015. Ч. 1. С. 79–80, 83; табл. 1.

¹⁶ Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири в XVII–XVIII веках: скотоводство, рыбный промысел, охота // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 368–373.

¹⁷ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008. С. 110; Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 373.

¹⁸ Хозяйственная деятельность населения посада города Берёзова в XVII–XVIII вв. (по остеологическим данным из раскопа 2) / О. П. Бачура и др. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2020. № 1 (48). С. 59.

¹⁹ Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 370, табл. 1.

мер стада на поселении зависел от условий содержания, прежде всего от возможности заготовки сена на долгую сибирскую зиму. Широкая пойма Оби и её притоков, до 50 и более километров, была обильно покрыта травянистой растительностью, однако из-за равнинного течения Оби и других рек на севере Западной Сибири пойма в паводок заливалась водой до середины июля, а в отдельные годы до августа. В периоды так называемой большой воды пастбища оказывались покрыты водой, не оставалось достаточного количества времени на заготовку сена, что приводило к бескормице зимой. В Сургуте, Самаровском яме и Берёзове условия заготовки кормов были лучше, чем в северных районах — Обдорской заставе и особенно Мангазее. Процесс заготовки сена в этой местности подтверждают находки деревянных граблей в раскопе на посаде в Берёзове и перечень ввозимых в Мангазею товаров из таможенной книги 1633 г., в которой упоминаются железные косы, использовавшиеся для заготовки сена²⁰. В материалах раскопок Берёзовского городища кости коровы составляли 46–49 % от общего количества млекопитающих, а в Мангазее — всего 7 %²¹, что закономерно, т. к. пойма реки Таз в этом месте почти не имела больших луговых участков, и половодье на Тазе продолжалось до начала августа.

На протяжении всего XVII в. происходило изменение возрастной структуры стада. Если с начала образования города скот забивали в возрасте, когда животное достигало оптимальных размеров (1,5–3 года), оставляя при этом около 10 % коров для получения молока, то в конце века большую часть бычков забивали в раннем возрасте, а взрослых коров оставляли. Использование молочной пищи подтверждается находками множества мучков для взбивания сливок²². Соответственно, с уменьшением доли крупного рогатого скота в мясной пище увеличилась доля северного оленя²³. Последнее характерно для населения посада Берёзова. В административном центре — кремле — всё обстояло наоборот: к концу XVII в. доля говядины в мясной пище не уменьшалась, а увеличивалась за счёт уменьшения доли свинины. При этом доля северного оленя оставалась незначительной — 5 % в XVII в. и 10 % в XVIII в.²⁴ Такое расхождение можно объяснить социальным, имущественным и этническим различием людей, проживающих в кремле и посаде. В кремле жили представители власти со своими семьями — воеводы, дьяки, подьячие, служилая верхушка, руководство гарнизона, состоявшие из прибывших русских. Русские всегда больше предпочитали говядину, нежели мясо оленя и лося. В посадской же части проживал рядовой служилый, ремесленный и прочий люд, который, судя по археологическим находкам, был связан с аборигенным населением²⁵.

²⁰ Визгалов Г. П. Археологические раскопки, проведённые в 2018 г. на территории посада... Ч. 3. С. 116, рис. 187; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев... С. 91, табл. XVIII.

²¹ Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 370, табл. 2; Визгалов Г. П. Археологические раскопки, проведённые в 2018 г. на территории посада... Ч. 2. С. 183

²² Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 115; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 89, рис. 4.1.05.

²³ Хозяйственная деятельность населения... С. 56.

²⁴ Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 371, табл. 2.

²⁵ Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Остяцкая усадьба в посаде города Берёзова XVIII века (по материалам археологических исследований 2008 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 93.

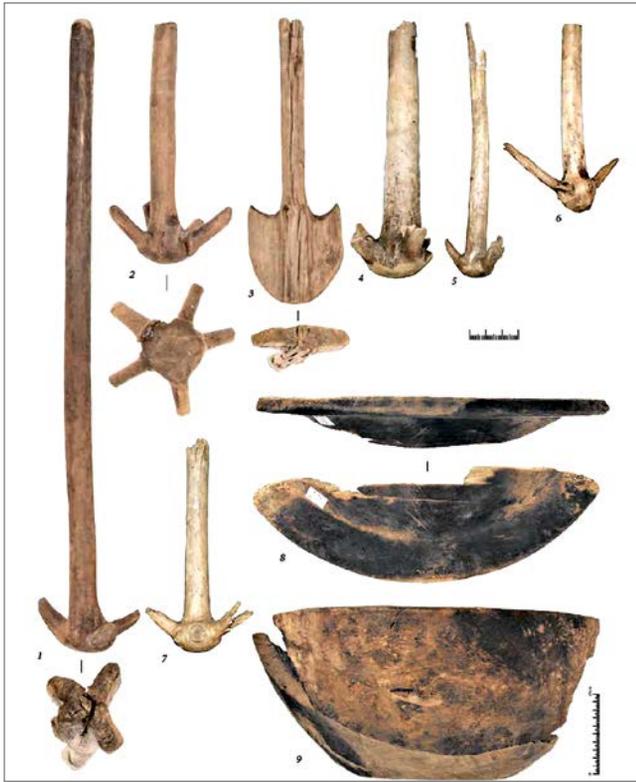

Рис. 2.73. Мутовки для сбивания сливок и посуда.

Материал из раскопов Берёзовского городища // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 89

Наличие угодий, пригодных для разведения крупного рогатого скота, является важным условием для существования русских поселений на Севере Сибири. Так, в Мангазее, расположенной на реке Таз в её среднем течении, где отсутствуют большие участки пойменных лугов и нет возможности заготовить достаточно сена из-за долгих паводков, коров содержали в очень небольшом количестве (7 % костей от всех млекопитающих), в основном ради получения молока. В соседней Новой Мангазее (Туруханске) в XVII в. разведение крупного рогатого скота было основным видом животноводства и источником мясной пищи. Возможность содержания большого стада коров обеспечивали природные условия низовьев Турухана — равнинной реки с медленным течением. Высокий, но кратковременный паводок, длящийся в низовьях реки до конца июня, позволял вырастить злаковые виды трав, наиболее пригодных для корма скота, и заготовить их²⁶. Возможность заниматься разведением крупного рогатого скота, вероятно, была одной из причин переезда жителей Мангазеи в Туруханское зимовье.

Другим важным видом домашнего скота, который активно разводили на севере Западной Сибири, были свиньи. Их содержание имело ряд преимуществ перед другими животными за счёт всеядности, высокой плодовитости, быстрого набора веса из расчёта на килограмм корма²⁷. Свинина являлась важным источником жиров, что было особенно необходимо на севере. Содержать этих животных в условиях продолжительной северной зимы было невыгодно, поэтому на зиму оставляли, как правило, маточное поголовье. Кроме того, как показали исследования, свинья — единственное животное, которое способно легко переносить речные и морские перевозки²⁸. Эти преимущества свиньи по сравнению с другими домашними животными определили широту распространения свиноводства в поселениях, связанных с речными и морскими транспортировками. Так, кости свиньи в слое Мангазеи встречаются с самого нижнего уровня, т. е. с начала заселения посада. Свиней завозили на судах в Мангазею, жители которой активно занимались их разведением: в культурном слое были обнаружены кости и совсем молодых животных. По размерам мангазейская сви-

²⁶ Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 369.

²⁷ Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г. П. Визгалов и др. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2013. С. 225.

²⁸ Морская болезнь: всё дело в биохимии // Наука и жизнь. 2010. № 3. С. 53.

нья соответствовала свиньям русских средневековых городов²⁹. Судя по кухонным остаткам, количество свиней и северных оленей, употребляемых в пищу населением Мангазеи, примерно совпадало (18 % и 17 % от всех млекопитающих).

В Берёзове по результатам археологических исследований выяснилось, что высокое употребление в пищу мяса свиньи (до 40 % от всех млекопитающих) в конце XVI в. и в XVII в. существовало только в кремле, в раскопе на посадской части кости свиньи составляли только 6 % от всех млекопитающих. Вместо свинины посадское население значительно больше употребляло в пищу мясо северного оленя (36 % костей от всех млекопитающих)³⁰. Как и в случае с Мангазеей, подобные различия определялись социальным и этническим составом тех, кто проживал в кремле и за его пределами. Согласно письменным источникам, аборигенная знать имела усадьбы для проживания со свитой во время приездов в Берёзов по вопросам уплаты ясака, торговли и т. д. С середины XVII в. в Берёзовском уезде состояло восемь ясачных волостей, возглавляемых «князцами», у многих из них родственники были взяты в аманы и содержались в городской тюрьме. Так, в ответ на жалобу самоедов о тяжёлом положении заложников, последовала царская грамота о переводе их на «вольное поселение»³¹, что могло означать их поселение на территории городского посада. Представители аборигенной знати явно предпочитали мясо северного оленя, хотя могли употреблять и свинину. Как показывают результаты раскопок северных аборигенных Надымского и Полуйского городков, в слоях конца XVII в. в небольшом количестве найдены кости свиньи, а в Надымском городке какое-то время даже содержали свиней³², получив навыки их разведения благодаря контактам с русским населением.

В небольшом количестве на археологических памятниках севера Западной Сибири встречаются кости овец. В Берёзове и Новой Мангазее кости мелкого рогатого скота не превышают 2–3 %, а в Мангазее они вообще единичны. В русских городах Урала и Западной Сибири, расположенных на юге лесной зоны, кости овцы встречаются чаще — от 5 до 16 %³³. Овцы и козы приспособлены к холодному и жаркому климату, но плохо переносят высокую влажность, что объясняет их незначительное количество в таёжной зоне Западной Сибири. Тем не менее овец пытались содержать даже на крайнем Севере, в Мангазее и Новой Мангазее из-за потребности в шерсти и шерстяных изделиях.

Лошади имелись во всех больших русских поселениях на Севере, хотя в археологических слоях их останков найдено немного. Наибольшее количество костей лошади собрано при раскопках воеводской усадьбы Томского кремля — до 4,8 % от общего количества млекопитающих, на остальных памятниках кости лошади составляют от 0,5 до 3 %³⁴.

---

²⁹ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 112.

³⁰ Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 371, табл. 2; Визгалов Г. П. Археологические раскопки, проведённые в 2018 г. на территории посада... Ч. 2. С. 183, табл. 2.

³¹ Визгалов Г. П., Кардаш О. В. Остяцкая усадьба в посаде города Берёзова... С. 95.

³² Кардаш О. В. Обдорские городки конца XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Надымский городок князей Большой Карачеи. Екатеринбург ; Салехард, 2013. С. 62; Кардаш О. В. Обдорские городки конца XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург ; Салехард, 2013. С. 60.

³³ Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск, 2015. С. 142.

³⁴ Там же.

При раскопках в Мангазее и Берёзове было выявлено всего 8 и 18 костей соответственно. Малое количество костного материала даже в земледельческих районах свидетельствует о том, что у русского населения не было традиции употребления конского мяса в пищу. Лошадь использовалась как тягловое животное до самой смерти, после чего останки обычно захоранивали. Об использовании лошади для верховой езды в Мангазее свидетельствуют находки конской сбруи и деталей седла на воеводском дворе³⁵. В Берёзове и Старотуруханском городище (Новая Мангазея) найдены копылья саней и обод тележного колеса³⁶.

Использование лошади в качестве транспортного средства на Севере Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. было возможно только в городах и вокруг поселений. В летнее время на дальние расстояния люди ездили только на водном транспорте, зимой же для передвижения по глубокому снежному покрову необходима была система ямских станций с заготовленными кормами и проложенными путями, которые связывали северные города Сургут и Берёзов с главным сибирским городом Тобольском. С Мангазеей Тобольск связывал только водный путь.

Лошади были нужны в строительстве городов для перевозки брёвен, при заготовке дров и сена, их также использовали при вытягивании невода. Лошадь очень выносливое животное, способное самостоятельно добывать корм при неглубоком снеге, но на тяжёлой работе её необходимо было кормить и зерном, которое отсутствовало в северных «непашенных» городах в нужном для содержания лошадей количестве. Кормовое зерно, а именно овёс и ячмень, конечно, завозилось в Берёзов, Сургут и даже в Мангазею, что подтверждают раскопки, в ходе которых были найдены остатки зернового корма³⁷, однако дальний завоз делал разведение и содержание лошадей трудным делом, поэтому их было немного. Об этом также свидетельствует то, что при археологическом исследовании чаще находили детали собачьих и оленьих нарт, нежели саней и упряжи.

Кости северных оленей найдены на раскопках во всех северных городах. Большую долю в мясной пище оленина занимала у населения Берёзовского посада — до 36 %³⁸, в Мангазее кости оленя составляли 17 % от общего числа млекопитающих³⁹. К приходу русского населения на севере Западной Сибири у местных народов было распространено оленеводство, а также охота на дикого оленя. К сожалению, по морфологическим особенностям сохранившихся останков невозможно установить, принадлежали они диким или домашним особям. Северного оленя, в отличие от других домашних копытных животных, невозможно постоянно содержать в стойле: ягельники на Севере быстро истощаются, поэтому олени стада приходится часто перегонять на большие расстояния.

Можно утверждать, что в Берёзов туши оленя большей частью привозились уже разделанными, так как в культурном слое были найдены в основном кости мясных частей туши и мало

³⁵ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. С. 42.

³⁶ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков. С. 102, рис. 5.1.03-6,7; Визгалов Г. П. Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2009 году. Отчёт о НИР. Архив ООО «НПО «Северная археология 1». Нефтеюганск, 2010. Ч. 2. С. 96, рис. 154; с. 97, рис. 156.

³⁷ Историческая экология населения севера Западной Сибири. С. 337; Корона О. М., Лобанова Т. В. Результаты исследования макроостатков из культурного слоя посадской части Берёзова (XVII–XVIII вв.) // Северный регион. Археология, история, этнография. 2020. № 2. С. 174.

³⁸ Визгалов Г. П. Археологические раскопки, проведённые в 2018 г. на территории посада... Ч. 2. С. 188.

³⁹ Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 371, табл. 2.

костей головы. Это означает, что забой производился вне города. Кроме того, как показали исследования, большая часть животных была забита в возрасте от 1,5 до 2 лет, т. е. молодые быки, которых растили именно на мясо⁴⁰. Видимо, большая часть оленей в Берёзове были домашними и их могли поставлять на продажу местные жители — ханты. В Мангазее, наоборот, большая часть оленей забивалась в городе, т. к. в её культурном слое найдены кости всех частей туши⁴¹. Помимо мяса, у русского населения была потребность в транспорте, особенно для поездок к пунктам ясачного сбора, например, к Обскому (Полуйскому) городку, для чего использовали оленей. Можно предположить, что какая-то часть оленей могла быть в собственности у горожан, а другая находиться в стадах у аборигенов, как это описано исследователями в XIX веке⁴².

Рис. 2.74. Передвижение на собачьих упряжках. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 104

К домашним животным, которых содержали и разводили жители первых русских городов, относились также собаки и кошки. Собак использовали не только для охоты, но и как средство передвижения. Большая часть деталей нарт, а именно полозья и копылья, найденных в Берёзове и Мангазее, были предназначены для запрягания в них собак. Также были найдены и детали упряжи — вертлюги. В Мангазее содержали собак различных пород и размеров. Это объясняется тем, что их привозили из разных мест и использовали в различных целях. Часть была предназначена исключительно для охоты на разную дичь. Более крупные, вероятно, служили в качестве ездовых, сторожевых и пастушьих⁴³.

Кости кошек, в том числе целые скелеты, найдены в небольшом количестве в Берёзове и Мангазее. Их содержание в этих городах обуславливалось двумя причинами: во-первых, кошка — это привычное для русской культуры домашнее животное; во-вторых, она сохраняла от мышей запасы муки и зерна, которые завозились в больших объёмах в короткий период навигации⁴⁴.

⁴⁰ Визгалов Г. П. Археологические раскопки, проведённые в 2018 году на территории посада... Ч. 2. С. 188–189.

⁴¹ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазее. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 113.

⁴² Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998. С. 132.

⁴³ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазее. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 114; Визгалов Г. П. Археологические раскопки, проведённые в 2018 г. на территории посада... Ч. 2. С. 187–188.

⁴⁴ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазее. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 115; Визгалов Г. П. Археологические раскопки, проведённые в 2018 году на территории посада... Ч. 2. С. 188.

Интересно, что в северных сибирских городах в XVII в. содержали и разводили кур, а в Берёзове даже домашних гусей. Судя по кухонным остаткам, куриц было очень мало — не более 1 % костей от всех птиц в Берёзове. Кости не менее 10 особей разных возрастов, в том числе одного петуха были найдены в Мангазее⁴⁵. В Берёзове были также найдены деревянные яйца, которые обычно подкладывали несушкам, чтобы приучить нестись в одном месте. Содержание кур очень затруднительно на Севере из-за ряда проблем: перебои с питанием, холод, а также недостаток солнечного света зимой. Возможность добыть мясо птицы с помощью охоты и наличие большого количества собак в городе, представлявших постоянную угрозу для кур, делало содержание домашней птицы на мясо нерентабельным. Кур разводили исключительно ради яиц, а наличие петуха позволяло поддерживать их численность и являлось символом привычного быта, который переселенцы старались сохранить в условиях Сибирского Севера.

Охота для русского населения на севере Западной Сибири имела куда большее значение, чем в зоне земледелия. У неё было двойное назначение — обеспечение мясной пищей и добыча мехов, ради которых эти земли и присоединялись к России. Северный олень, мясо которого употреблялось в пищу, а из шкуры шили одежду, мог быть как диким, так и домашним. Возможность охоты на северного оленя в русских городах Сибири подтверждается крупными наконечниками стрел из железа и кости, найденные в процессе раскопок Берёзова и Мангазеи. Эти же наконечники могли быть использованы для охоты и на другого дикого копытного — лося. Интересно, что кости лося составляют всего 1 % от останков других млекопитающих, найденных в слоях XVII в. в Мангазее и Берёзове⁴⁶. Это могло быть связано с низким поголовьем вида в крае в XV–XVII вв., отмеченным зоологами. Северная граница ареала этого животного в то время проходила намного южнее, чем в современное время и до XV века⁴⁷.

К мясной дичи можно отнести и зайца, мех которого использовался в основном для личных нужд. Употребление в пищу зайчатины увеличивалось в зависимости от уровня развития животноводства, прежде всего скотоводства. Так, в городе Берёзове — и в кремле, и в посаде — в XVII в. среди кухонных остатков кости зайца составляют не более 4 %, в то время как в Мангазее их кости составляют около половины останков всех млекопитающих, поскольку посадское население этого города добывало зайцев для пропитания⁴⁸. Конечно, надо учитывать, что туша зайца в сравнении с оленем, свиньёй или коровой содержит несоизмеримо меньше мяса, но для посадского населения Мангазеи это было существенной добавкой в мясной рацион. Столь же высокая доля костей зайцев в кухонных остатках была выявлена при раскопках Надымского и Полуйского городков коренных жителей Югры⁴⁹.

---

⁴⁵ Там же. С. 190, табл. 7.

⁴⁶ Там же. С. 189; Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 371, табл. 2.

⁴⁷ Косинцев П. А. Крупные млекопитающие и охота населения севера таёжной зоны Западной Сибири в голоцене // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири. Челябинск, 1997. С. 171–172.

⁴⁸ Визгалов Г. П. Археологические раскопки, проведённые в 2018 году на территории посада... Ч. 2. С. 189; Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 371, табл. 2.

⁴⁹ Кардаш О. В. Обдорские городки конца XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Надымский городок князей Большой Карачей. С. 351; Кардаш О. В. Обдорские городки конца XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. С. 353.

Лучше всего охоту на зайца, как на мясную дичь, выражает соотношение костных остатков в Туруханском зимовье — Новой Мангазее. В нижних слоях середины XVII в., когда поселение было ясачным зимовьем, костей зайцев было много, а домашних животных мало, в слоях же конца XVII в. — начала XVIII в., когда поселение стало городом Новой Мангазеей, количество заячьих костей в слоях уменьшилось, но возросло число останков домашнего скота — коров и свиней. Это являлось свидетельством того, что мясо домашнего скота для русского населения было предпочтительнее мяса диких животных. Охота с целью добычи мясной пищи была вынужденным занятием в условиях, когда было мало домашнего скота и возникали проблемы с продовольствием, как это периодически случалось в Мангазее⁵⁰.

Несмотря на то, что значительная часть пушнины поступала в виде ясачных сборов и от торговли с аборигенным населением, пушной промысел был важной отраслью хозяйства русского населения. Археолого-зоологические исследования в Берёзове, Мангазее и Новой Мангазее показали, что, судя по найденным останкам, жители русских городов порой добывали соболей, лисиц, белок, бобров, песцов, горностаев, зайцев, росомех, волков и бурых медведей⁵¹, однако кости всех этих животных, за исключением зайцев, были единичны. Если считать, что пушные звери, водившиеся в округе, были быстро истреблены, то непонятно, почему тогда нашлось так мало останков мигрирующих животных, например, белки и песца. Выявленный факт, вероятно, означает, что постоянные жители этих городов специализированной охотой на пушного зверя не занимались. Этим промышляли специалисты в охоте на дикого зверя, которые не проживали круглый год в городе, а уходили на сезон в угодья и привозили уже одни шкурки без тушек.

О высоком уровне русских промысловиков свидетельствует то, что они добывали даже больше ценных пушных зверей, чем местные жители. Н. П. Буцинский, рассматривая проблему невыплаты ясака остяками Пелымского, Сургутского и Берёзовского уездов, приводит пример, что размер ясака был от 2 до 11 соболей с человека, а русские люди добывали по 15 и 20 соболей на человека. В 1625 г., неудачный, по объяснениям инородцев, русские промышленники добыли по 120 соболей на человека. П. Н. Буцинский это объяснял леностью инородцев⁵², но причина здесь заключалась именно в специализированном товарном промысле. Если аборигенному охотнику приходилось жить с семьёй в угодьях и заниматься всем процессом её обеспечения, то русские промысловики были сосредоточены только ловом ценного зверя и занимались этим с поздней осени до самой весны⁵³.

По мнению В. Н. Скалона, русские промышленники владели более технологически высокой, чем туземцы, промысловой техникой — капканными (черканы, клепцы, пасти) и кулёмными способами добычи, они успешнее «облавливали» угодья, тем самым причиняя ущерб промыслу аборигенов⁵⁴. Преимущество специализированных промысловиков было и в снаряжении, которое состояло из оружия (луки со стрелами, огнестрельные пищали, топоры, пики, ножи), специально подготовленной одежды (рукавицы, шапки, рубашки, порты, кафтаны, надплечник — лузаны, налокотники), обуви (чирки, уледи для ходьбы на лыжах), лыж

⁵⁰ Буцинский П. Н. Сочинения. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 65–66.

⁵¹ Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 371, табл. 2.

⁵² Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 2. С. 76, 91.

⁵³ Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.

⁵⁴ Скалон В. Н. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века. М., 1952. С. 94.

Рис. 2.75. Установка черкана.

Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 109

распиской на заём 50 рублей — суммы, на которую можно было снарядить промысловую экспедицию⁵⁷. Конечно, конкурировать с хорошо оснащёнными и подготовленными ватагами промысловиков местные жители не могли, поэтому, как известно из документов, тунгусы и самоедь нередко совершали на них нападения с грабежами и убийствами⁵⁸. Вероятно, среди других причин было выбивание ясачного зверя в угожьях аборигенов. Так, с приходом русских азиатского бобра в Западной Сибири стало меньше, а к XIX в. он почти исчез⁵⁹. К середине XVII в. существенно сократилось количество особей соболя, и его промысел переместился в Восточную Сибирь⁶⁰.

Считается, что способы охоты за последние 400 лет мало изменились. В XVII в. пушного зверя добывали как активными способами — отыскивание зверя по следу, часто с собакой, так и пассивными — с использованием стационарных или переносных ловушек (пасти, кулёмы, кряжи, самострелы, черканы, клепцы, петли)⁶¹. При раскопках в Мангазее, Новой Мангазее и Берёзове были найдены детали различных черканов и клепцов, сторожки, ложе сторожевого лука⁶², а также деревянные распялки для сушки шкурки небольших пушных зверей

с подволоками, кухонной посуды, продовольствия (мука, мёд, сушёное мясо, рыбная мука для собак). С собой они везли овчинные одеяла и оленью постель. Для защиты от гнуса использовали сети — накомарники. Везли всё это на каючках (лодках) и на собачьих нартах. По приезде на место строили избу — зимовье⁵⁵. Чтобы подготовиться к промысловой экспедиции, требовались немалые средства, которые мог найти только зажиточный человек, спонсировавший и нанимавший малосостоятельных промысловиков. Такие наймы назвались «покрутами»⁵⁶.

При раскопках Мангазеи в слое, датированном 1618–1631 гг., была найдена дощечка с вырезанной на ней долговой

⁵⁵ Бахрушин С. В. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.; М., 1951. С. 87–89.

⁵⁶ Бахрушин С. В. Научные труды М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 201.

⁵⁷ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 118.

⁵⁸ Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 2. С. 67, 74, 75.

⁵⁹ Историческая экология населения севера Западной Сибири. С. 182.

⁶⁰ Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 2. С. 63.

⁶¹ Гончарова О. В. Самоловный пушной промысел как элемент культуры народов Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 95–97.

⁶² Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 200, 201, рис. 84, 85.

и для их обработки, частично производившейся в этих городах⁶³. Об использовании активных способов охоты на пушного зверя свидетельствуют находки множества наконечников стрел с тупым концом, фрагментов луков и щитков для рук лучников на раскопках Берёзова, Мангазеи и Новой Мангазеи. Для охоты на крупных животных — медведя и волка — использовались стрелы с большим железным наконечником, в том числе и для самострела, а также огнестрельное оружие, детали которого (части стволов, механизмов, шомполы, свинцовые пули, пулелейки, ружейные кремни) были найдены там же.

Большое значение, прежде всего для пропитания, имела охота на птицу — боровую и водоплавающую. Судя по изучению слоёв конца XVI–XVII вв. Берёзова и Мангазеи, птицы составляли самую многочисленную группу в сравнении с млекопитающими и рыбами. Однако в слоях XVIII в. в Берёзове доля птицы становится вдвое меньше, чем млекопитающих. Объясняется это увеличением доли домашних копытных — оленя и крупного рогатого скота⁶⁴. Такая же тенденция наблюдалась и при раскопках Старотуруханского городища. В слоях середины XVII в., т. е. периода Туруханского зимовья, обнаруживается значительно больше костей птицы, чем в слоях конца XVII–XVIII вв. — периода города Новой Мангазеи, соответственно и количество крупного рогатого скота со временем увеличивается⁶⁵. Добывалась вся птица, которая водилась в окрестностях Берёзова, в том числе и пролётная — боровая дичь (глухарь, тетерев, рябчик, куропатки) и водоплавающие (лебеди, гуси, журавли, утки — всего 27 видов)⁶⁶. По объёму более половины получаемого на охоте птичьего мяса давали гуси, затем утки и глухарь, доля остальных видов незначительна. Весенне-летняя охота на вооплавающую дичь в Берёзове преобладала над зимней. Глухарей добывали в течение всей зимы, а в весенний период на токах охота почти не велась. Помимо добычи самой птицы, жители Берёзова XVI–XVII вв. весной практиковали сбор гусиных яиц, заготавливали перья и пух. Они тоже были найдены в культурном слое⁶⁷. В Мангазее же была найдена сделанная из дерева голова гагары — деталь от муляжа для охоты с подсадной «птицей». Значение охоты на птиц определялось развитием и возможностью получать мясо от домашнего скота. Охота на них увеличивалась в летнее время, когда скот не забивался. В начале зимы, когда забивали домашнего оленя, добыча боровой птицы уменьшалась.

Рис. 2.76. Установка кулёмы.

Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 109

⁶³ Там же. С. 344.

⁶⁴ Визгалов Г. П., Лобанова Т. В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири... С. 371, табл. 2, 3; Промысловые птицы в хозяйстве населения города Берёзова в XVII–XIX вв. (по результатам археозоологического анализа) / Т. В. Лобанова и др. // Российская археология. 2022 (в печати).

⁶⁵ Визгалов Г. П. Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища... Ч. 1. С. 160, табл. 3.

⁶⁶ Промысловые птицы в хозяйстве населения... (в печати).

⁶⁷ Там же.

К концу XVII в. и в XVIII в. почти что пропала потребность в птичьем мясе в связи с развитием скотоводства.

Рыболовство также было одним из главных занятий в хозяйстве русских на севере Сибири. Рыба, в условиях отсутствия земледелия и наличия проблем с завозом хлеба, приобрела особое значение в питании русских поселенцев. Палеоэкологические материалы из археологических раскопок Берёзова и Мангазеи показывают видовое разнообразие рыб. Конечно, к количественным показателям из культурного слоя надо относиться с большой поправкой, т. к. останки каждого вида рыб сохраняются по-разному: от осетровых остаются только жаберные крышки и шипы, а чешуя сиговых рыб гораздо мельче, чем у карповых, и она с трудом различается в культурном слое. Также значительная часть рыбных скелетов шла на приготовление порсы (рыбной муки) для корма собакам. Тем не менее по результатам палеоэкологических исследований можно сделать вывод, что предпочтение отдавалось ловле сибирского осетра. В раскопе на посадке Берёзова было найдено остатков осетра не меньше, чем щуки. Осётр, помимо вкуса и жира, ценился как сырьё для приготовления специального осетрового клея, необходимого для изготовления составных луков. Помимо осетра и щуки, в Берёзове преобладали нельма и сиговые рыбы — муксун, щокур, сырок, а из карповых — язь. Конечно, в Берёзове, в реке Северная Сосьва, вылавливали и мелкую рыбу из семейства сиговых — тогунка, или «сосьвинскую селёдку», что хорошо известно по этнографическим источникам, но из-за мелких размеров её остатки в слое не были выявлены⁶⁸.

В Мангазее осетров добывали значительно меньше, чем в Берёзове, и сами осетры были меньшего размера. Основной рыбой там являлась щука очень крупных размеров, а также нельма и налим, много язя и сырка, но, в отличие от Берёзова, мелких размеров. Сопоставимое с Берёзовым количество крупных осетров ловили жители Новой Мангазеи. Помимо осетра, основными вылавливаемыми в ней рыбами были нельма, налим и щука⁶⁹.

Виды добываемых рыб и их удельное количество напрямую зависели от местных условий. Берёзов и Новая Мангазея находились на больших притоках (Северная Сосьва и Турухан) главных рек Сибири — Оби и Енисея, недалеко от мест впадения. Это наиболее богатые рыбой места, где живут осетровые, щука, налим, карповые, а также мигрируют проходные виды — сиговые и нельма. Мангазея расположена на реке Таз, которая значительно меньше великих сибирских рек. Тем не менее в ней водятся те же виды местных и проходных рыб, но в меньших объёмах.

Информация о способах лова содержится в предметах, связанных с рыболовством, которые были найдены при раскопках. Больше всего в Мангазее, Берёзове и Новой Мангазее было найдено деревянных поплавок в виде овальных дощечек и грузил в виде камней, завернутых в бересту⁷⁰. Судя по размерам поплавок и форме грузил, они были частями неводов или сплавных сетей — пушальниц, как их называли в XVII в.⁷¹

---

⁶⁸ Промысловые птицы в хозяйстве населения... (в печати).

⁶⁹ Лобанова Т. В., Гимранов Д. О. Обзор находок костей рыб из голоценовых местонахождений севера Западной Сибири // Фауна Урала и Сибири. 2016. № 2. С. 15.

⁷⁰ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 143, табл. 75; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 209, рис. 93.

⁷¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 87.

Гораздо меньше было найдено берестяных поплавков и грузил с ивовыми кольцами, используемых для создания ставных сетей⁷². Подобные грузила известны из раскопок средневековых русских городов⁷³. Рыболовство неводами и ставными сетями велось, как правило, во второй половине лета и осенью, когда заканчивался большой паводок и обнажались пески. Это время, когда начинается ход сиговых рыб из губы вверх по Оби, Северной Сосьве и Тазу на нерест.

Сети плели и чинили сами жители городов: в усадьбах были найдены деревянные шаблоны и иглы для сетей⁷⁴. Нити для их изготовления («прядено неводное») поступали в сибирские города из крупнейшего торгового северного центра Европейской России — Устюга Великого⁷⁵. Среди рыболовных снастей имелись шипы для остроги, которой добывали налимов и щук, крючки для переметов, блёсны и грузила для уды. Для первичной обработки рыбы, снятия чешуи, использовали специальные деревянные ножи⁷⁶.

Крючковая снасть и блёсны чаще использовали летом в большую воду, когда неводьба невозможна, а также зимой для подлёдного лова. Неводом и пушальницами ловили во второй половине лета и осенью во время хода рыбы. Зимой подо льдом ловили ставными сетями, также ими пользовались и летом на небольших речках и озёрах. Вероятно, пользовались плетёными ловушками типа морд — вершей и запорами, однако при археологических исследованиях они не были найдены, т. к. эти ловушки, как правило, хранились на берегу небольших речек и в города не возвращались.

Удалённость от сельскохозяйственных районов способствовала развитию собирательства. Главным продуктом собирательства был кедровый орех. Прямых письменных свидетельств о способах сбора и объёмах заготовки ореха не имеется, однако он, несомненно, был важным хозяйственным занятием жителей первых русских городов. Кедровый орех — продукт с высоким содержанием жира и белка, единственный источник для получения растительного масла на севере Сибири. Во всех культурных отложениях XVII в. Берёзова, Мангазеи и Старотуруханска встречаются кедровые орехи⁷⁷.

По результатам археоботанических исследований образцов культурного слоя из раскопок русских городов выяснилось, что их жители собирали все съедобные ягоды, растущие в окрестностях. В Берёзове это брусника, голубика, морошка, черёмуха, малина, водяника⁷⁸; в Мангазее — морошка, брусника, голубика, черника, княженика, водяника⁷⁹; в Старотуру-

---

⁷² Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 210, рис. 94.

⁷³ Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 229, 245, табл. 90

⁷⁴ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 87; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 250; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Усадьба заполярного города. С. 278, 279, рис. 241.

⁷⁵ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 87.

⁷⁶ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 268, 269, рис. 152, 153.

⁷⁷ Корона О. М., Рудковская М. А. Археоботанические исследования посада Старотуруханского городища. С. 164–166; Корона О. М., Лобанова Т. В. Результаты исследования макроостатков... С. 173, 175.

⁷⁸ Там же. С. 174.

⁷⁹ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 115.

ханске — брусника, клюква, морошка, смородина, черёмуха⁸⁰. Небольшая разница наблюдается в видовом наборе ягод: в более южном Берёзове есть малина, которая не растёт в северных Мангазее и Старотуруханске; в Старотуруханске есть смородина и клюква, которой нет в Берёзове и Мангазее; в Мангазее нет черёмухи. Всё это объясняется доступностью и урожайностью отдельных растений в каждой местности.

Странным является тот факт, что везде на севере Западной Сибири собирали и ели водянику, которую в настоящее время местное население нигде специально не собирает. Значение дикоросов в питании отличает русское и аборигенное население XVII в. друг от друга. Так, по результатам исследований образцов культурного слоя с Надымского городка, где проживало аборигенное население, семян съедобных ягод и орехов очень мало, что свидетельствует о незначительной роли собирательства в хозяйстве у местных хантов и ненцев в то время⁸¹.

Таким образом, русское население в конце XVI–XVII вв. создавало хозяйство, которое давало возможность максимально обеспечить себя всем необходимым в условиях Севера. В Сибири старались вести традиционные виды хозяйства, которые обеспечивали привычный для русских быт. Земледелием занимались во всех доступных для этого местах, с максимальным продвижением на север — самыми крайними поселениями, где ограниченно практиковалось земледелие, были город Пелым и Демьянский ям. На остальной территории Югры земледелием не занимались. В Берёзове и Новой Мангазее могли разводить коноплю и хмель, но это не было постоянным занятием. Скотоводством русское население занималось везде, даже в Заполярье. Разводили крупный рогатый скот и свиней, но мелкого рогатого скота и лошадей было мало. Оленеводством русские не занимались, но покупали оленьё мясо и шкуры у местного населения. Для транспорта использовали собак, которых сами и разводили, у местного населения брали оленье нарты. К концу XVII в. роль скотоводства увеличилась, в том числе и оленеводства. Разводили домашнюю птицу — кур, скорее всего, для получения яиц и как элемент традиционного русского хозяйства. Помимо собак, в городах содержали и кошек, необходимых для сохранения хлебных запасов от грызунов. Охота велась с целью добычи пушнины и обеспечения белковой пищей. Пушная охота была высокоспециализированной и велась на удалении от городов, постоянно проживающее население города пушной добычей не занималось. Значение охоты в обеспечении мясом было обратно пропорционально развитию скотоводства. Из-за сложности доставки хлебной продукции на севере Западной Сибири важную роль в питании населения занимало рыболовство. Русские города стояли на местах с богатыми рыболовными угодьями. В рыболовстве использовались все снасти, известные по материалам средневековых русских городов. В отличие от аборигенного населения, жители русских городов активно занимались собирательством. Объекты собирательства в каждом городе зависели от плодородия местных угодий.

Первые русские поселенцы активно занимались различными ремёслами. Несмотря на постоянный завоз необходимой обуви и одежды, на местах перешивали, чинили, переделывали и даже шили одежду и обувь.

---

⁸⁰ Корона О. М., Рудковская М. А. Археоботанические исследования посада Старотуруханского городища. С. 168.

⁸¹ Корона О. М. Археоботанические материалы из археологических памятников в лесотундре Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 3. С. 371; Историческая экология населения севера Западной Сибири. С. 299; Корона О. М. Археоботанические материалы из археологических памятников в лесотундре Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 3. С. 371.

К сожалению, в письменных источниках указываются только названия одежды и обуви, поставляемых на север Западной Сибири, которые могли быть синонимами одних и тех же моделей, или название могло быть перенесено на другой вид обуви. Например, такие названия, как бахилы, чирки, уледи, коты, порты, армяк, зипун, обозначали разные виды обуви и одежды в XVII в. и в XIX в., когда их описали этнографы.

Значительно больше описаний одежды конца XVI–XVII вв. сохранилось в источниках с территории Севера европейской части России, в частности, из Великого Устюга⁸², откуда в города севера Западной Сибири прибывала часть населения. В процессе раскопок поселений исследователи находили фрагменты сильно изношенной одежды и обуви, которые в дальнейшем изучались. Если обувь часто находили в более-менее сохранившемся виде, то от одежды оставались только небольшие обрывки, т. к. старая одежда не выбрасывалась, а шла на заплатки, тряпки и т. д. Имелись также проблемы и с сохранностью меховой одежды. В культурном слое, содержащем большое количество щепы, кожа, не выделанная и выделанная методом жирования, полностью растворяется, оставляя только ворс, поэтому у нас не имеется образцов зимней меховой одежды и обуви, выделанной аборигенами.

Во время раскопок Мангазеи было собрано более 6 600 пар фрагментированной и относительно целой обуви, а при раскопках Берёзова собрано более 600. Из таможенных книг известно, что в Мангазею завозили готовую кожаную обувь: сапоги мужские и женские, коты, башмаки, кисы оленьи, лосиные, конинные, детали обуви — подошвы дублёные, переды котовые, переды сапожные, и кожи (сыромятные, дублёные, камусы оленьи и лосиные)⁸³.

Завоз сыромятной кожи в северные города объяснялся сложностью качественной её выделки из-за короткого периода плюсовых температур, при которых возможны вымачивание и дубление сырья. Обувь и другие вещи из дублёной кожи были долговечнее, но в условиях низких температур трескались, поэтому значительную часть обуви шили из сыромятной кожи с жировой обработкой⁸⁴.

Существование местного пошива обуви и других изделий из кожи подтверждается находками множества инструментов, связанных с кожевенно-обувным ремеслом, например обу-

Рис. 2.77. Выход на промысел. XVII в. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 101

⁸² Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М., 2004. С. 302.

⁸³ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 92, табл. XVIII.

⁸⁴ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2011. С. 36–37.

вные колодки, иглы в кожаных мешочках-магилях, шилья, молоток-гвоздодёр, сапожные ножи и ножницы, шаблоны — лекала, напёрстки, воск для натирания нитей, большое количество (13 000) кожаных обрезков от раскроя⁸⁵. В Мангазее было раскопано жилище обувного мастера, внутри которого и рядом, помимо орудий труда ремесленника, было найдено более 5 000 обрезков кожи — технологические отходы обувного производства, негативы обувных выкроек, лекало для рукавицы, шилья⁸⁶.

Судя по археологическим находкам, жители Мангазеи и Берёзова имели обувь для промыслов, работы дома и во дворе, а также специальную выходную. В повседневной жизни для занятий в усадьбе использовалась обувь мягких форм — цельнокроеные и детальнокроеные поршни. Цельнокроеные поршни хорошо известны из раскопок позднесредневековых русских городов — Новгорода, Москвы, Пскова и др.⁸⁷

Для промыслов и для ходьбы на лыжах использовали детальнокроеные поршни с суконными или меховыми голенищами, которые в письменных источниках могли назваться уледами. Подобная обувь имеет аналоги в северных русских городах и в этнографии у народа коми⁸⁸. Широко бытовала и обувь жёстких форм без каблука — разновидность туфель, которая в этнографических и письменных источниках называется котами.

Среди туфель без каблука есть экземпляры, крой которых встречается в обуви коренных народов севера Западной Сибири: хантов, манси, ненцев. Это так называемая унтовидная обувь, которая изготавливалась аборигенами и заимствовалась русскими мастерами. С пришитыми голенищами эта обувь напоминала унты и, судя по истёртостям, использовалась для ходьбы на лыжах⁸⁹. В Берёзове и в Мангазее было найдено немало обуви с каблуками, которая использовалась для ходьбы только по городу, т. к. в пересечённой болотистой местности ходить с каблуками было затруднительно.

Различается обувь с низким и с высоким каблуком как у туфель, так и у сапог. Каблуки завозились уже собранные с другими деталями обуви передами (головками). Каблуки были кожаные наборные и с деревянной основой, обшитой кожей, имели обувные подковки, которые встречаются в раскопках всех русских городов. Туфли и сапоги на высоком каблуке носили женщины и девочки-подростки. Эта обувь явно была неудобной для ходьбы по неровной местности. Наличие такой обуви свидетельствует о том, что население северных городов Западной Сибири XVII в. обувалось и одевалось по моде того времени, что расходится с ранее бытовавшим мнением о северном городе Мангазее как безлюдном острожке, на посаде которого не было постоянного населения⁹⁰. Мнение об отсутствии постоянного населения на посаде Мангазеи встречается в научных публикациях и сейчас⁹¹, что опровергается археологическими сведениями о содержании и разведении домашнего скота на посаде, что было бы невозможно без постоянных жителей.

---

⁸⁵ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Нефтеюганск ; Екатеринбург, 2011. С. 37, 65–70.

⁸⁶ Там же. С. 88.

⁸⁷ Там же. С. 37–39.

⁸⁸ Там же. С. 41.

⁸⁹ Там же. С. 44–45.

⁹⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 297–298.

⁹¹ История Ямала / под общ. ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург, 2010. Т. 1. Кн. 2. С. 161, 162.

И высокие, и низкие каблуки подбивались железными подковками, что в XVII в. в Западной Европе считалось русской чертой, хотя мода на подковки изначально возникла в Польше. В конструкции и декорации обуви с высоким каблуком прослеживается связь с западноевропейскими моделями, что объясняется поступлением образцов обуви из ремесленных центров Голландии, Швеции, Германии, а также освоением производства этих образцов русскими мастерами⁹².

Распространившиеся в европейской части России лапти были известны населению севера Западной Сибири, но их почти не использовали из-за сырого холодного климата. На раскопках были найдены лишь единичные экземпляры⁹³.

Одежда русского населения севера Западной Сибири конца XVI–XVII вв. слабо изучена как по письменным, так и по археологическим источникам. Некоторая информация содержится в частично опубликованных сборных товарных книгах мангазейской таможни от 1633 г. и от 1635 г. Из перечня ввозимых товаров видно, что жители Мангазеи носили штаны холщовые и суконные, исподки — нижние рубахи, рубахи холщовые, чулки. Из верхней одежды сарафаны, кафтаны, сукманы — лёгкие кафтаны и сарафаны из домотканого сукна, зипуны. Из зимней одежды — шубы с нашубными кафтанами. Головными уборами были чепцы, платки, сверху вершки шапочные. На ногах — чулки, на руках — вареги (вязаные рукавицы), вершицы голицы (суконные рукавицы или кожаные рукавицы, надеваемые сверху), голицы (кожаные рукавицы, под них надевали вязаные или суконные исподки). При раскопках археологам чаще всего попадались только неопределимые фрагменты одежды, головного убора, обрывки поясов и тесёмок. Из целых предметов встречались шерстяные чулки, вязанные иглой, и чулки, сшитые из шерстяной ткани, стельки, вязанные из шерсти и войлочные, вязанные иглой шерстяные, кожаные, шитые из ткани рукавицы⁹⁴.

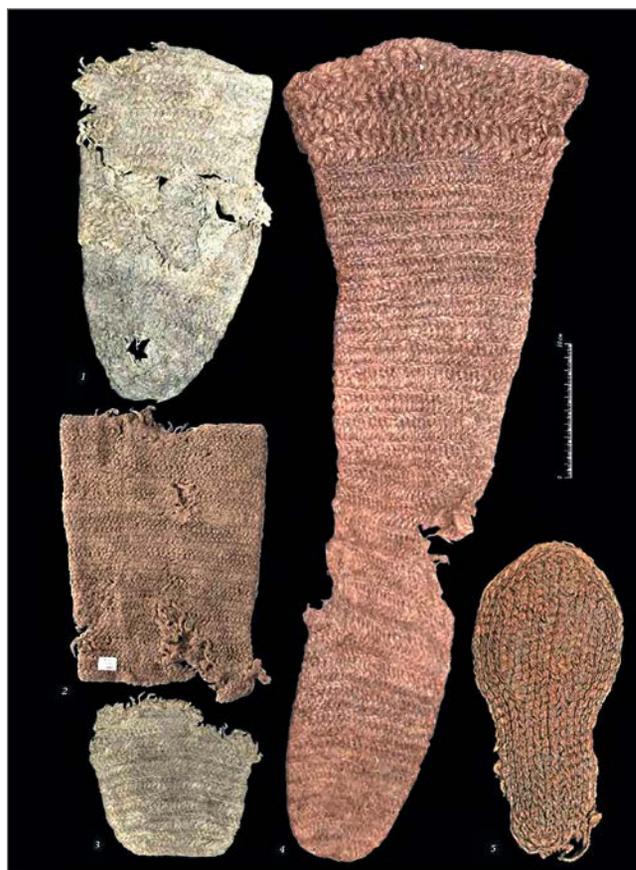

Рис. 2.78. Детали вязаной одежды из раскопок Берёзовского городища. Конец XVI – начала XVIII вв. Рукавица (1), чулки (2–4), стелька (5) // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 81

⁹² Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). С. 91.

⁹³ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Усадьба заполярного города. С. 148, 183.

⁹⁴ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 76; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Усадьба заполярного города. С. 132,

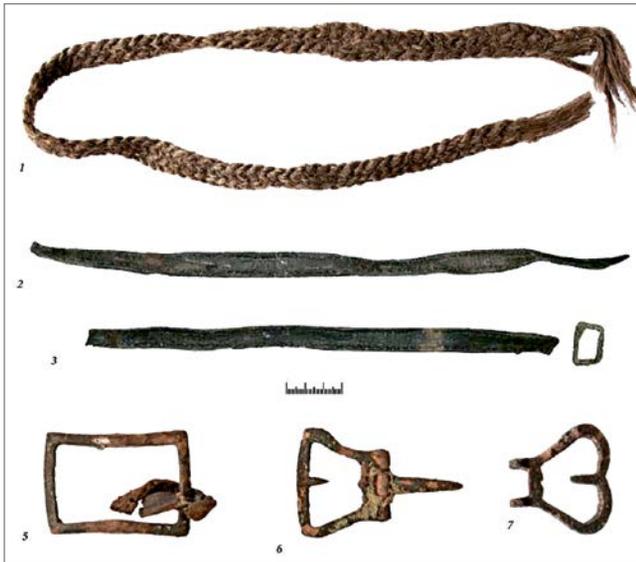

Рис. 2.79. Детали мужского костюма из раскопок Берёзовского городища. Конец XVI – начало XVIII вв. Плетёный пояс (1), ремни (2–3), пряжки (5–7) // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 78

Усложняет реконструкцию костюма и плохая сохранность меховой одежды. Необработанная танинами кожа не сохраняется в культурном слое, в отличие от прекрасной сохранности самого ворса от шкур. Ткань использовалась для одежды — шерстяная, гораздо меньше найдено фрагментов одежды из растительных волокон. В Берёзове и Мангазее найдено несколько фрагментов шёлковой ткани.

Более подробные описания русского костюма есть в документах с Русского Севера, Великоустюгского района. Согласно им, женский костюм состоял из туникообразной нижней рубахи — длинной, до ступней, исподки с широкими рукавами, собранными в складки. Были и верхние рубахи — верхницы, наверхницы. Поверх рубах надевался сарафан с рукавами и без них. Сарафаны были глухие и распашные, с разрезом спереди и на пуговицах, с клиньями, с широкими проймами. Сарафан мог быть лёгким без подклада или утеплённым с подкладом, зимой — с меховым. Поверх сарафана надевался летник с рукавами. Верхней уличной одеждой у мужчин и женщин была шерстяная распашная однорядка без воротника с длинными рукавами или с прорезами для рук. У женщин имелись опашни свободного покроя из шёлка на подкладе с рукавами, носившиеся внакидку. Верхняя одежда у мужчин и женщин была одинаковая: сукни — накидки на подкладе, япанчи — безрукавные шубейки. Женские меховые шубы покрывались тканью. Девушки носили на головах короны или перевязки, украшенные жемчугом и бисером, женщины надевали волосники — сетки с околышами или подруски — чепцы. Зимой поверх этих уборов надевались меховые шапки. Мужчины носили туникообразные рубахи без ворота, сверху надевали навыпуск верхнюю рубаху с подшивкой — подоплёкой, которая имела спереди треугольный выступ. Порты были нательные, подпоясанные шнурком, поверх зимой носили штаны из сукманины — шерстяной ткани. Сверху надевался зипун в виде куртки, а на него кафтан из сукна. Зимой — полукафтан на меху. Головными уборами были меховые шапки и треухи⁹⁵. Подпоясывались тканями, плетёными поясами и кожаными ремнями, фрагменты которых были найдены при раскопках на посадке Мангазее и Берёзова⁹⁶.

рис. 78-8; 133, рис. 79-1, 79-2, 79-3, 79-4, 79-6; с. 136, рис. 80-1, 80-4, 146, рис. 92-6; с. 277; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI-XVIII веков. С. 79, рис. 3.2.06.

⁹⁵ Русский Север: этническая история и народная культура. С. 302-303.

⁹⁶ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазее. Кожаные изделия (материалы 2001-2007 гг.). С. 60-61; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI-XVIII веков. С. 78.

Рис. 2.80. Гребни из раскопок Берёзовского городища. Конец XVI – начало XVIII вв. // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 82

Рис. 2.81. Из раскопок Берёзовского городища. Конец XVI – начало XVIII вв. Украшения и аксессуары одежды населения г. Берёзова: серьги (1–4); стеклянные пуговицы и бусины (5–12); бусины (13–37) // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022.. Ил. из кн.: Берёзов... С. 74

Одежда сохраняла черты русского костюма европейской части России, но тесный контакт с коренным населением приводил к заимствованиям как с практической, так и с эстетической точки зрения. У зажиточных северян одежда шилась из дорогих импортных тканей. Так, при раскопках на посаде Берёзова были найдены фрагменты импортной шёлковой ткани — атласа с рисунком, изображающим хищного зверя и бегущих оленей⁹⁷, а в Мангазее нашли фрагмент шёлковой ткани от женского головного убора с растительным орнаментом, вышитым золотой канителью методом глади⁹⁸.

Неотъемлемой частью костюма для служилых людей и промысловиков на севере Западной Сибири был нож в кожаных ножнах, привязывавшийся к поясу или ремню, что было продиктовано образом жизни и характером занятий северян. При раскопках Мангазеи и Берёзова были найдены ножны двух типов: из тонкой кожи с деревянным вкладышем внутри и из толстой кожи без вкладыша⁹⁹.

И мужчины, и женщины пользовались двусторонними гребнями, вырезанными из бивня мамонта, реже из лосиного или оленьего рога. Реже использовались односторонние гребни,

⁹⁷ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков. С. 73.

⁹⁸ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Усадьба заполярного города. С. 91.

⁹⁹ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). С. 60; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков. С. 70.

Рис. 2.82. Перстни из раскопок Берёзовского городища. XVI – начало XVIII вв. // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 75

нерабочая сторона которых украшалась головками коней и прорезной ажурной резьбой¹⁰⁰.

Украшением одежды служили разноцветные стеклянные, костяные, бронзовые с эмалью, оловянные с орнаментом пуговицы, костяные запонки, женскую одежду иногда расшивали бисером. Женщины носили бусы из разноцветного стекла, чаще всего синего, серьги из серебра и других цветных металлов с бисером, бусинами, жемчугом.

На пальцы мужчины и женщины надевали медные, бронзовые, серебряные, золотые перстни, чаще всего печатки, реже со вставными камнями и стёклами, а на шею — нательный крест. При раскопках на берёзовском посаде в слое первой половины XVII в. было найдено индивидуальное бронзовое зеркальце в деревянном футляре¹⁰¹.

Если о казённых и церковных строениях — крепостных сооружениях, воеводских и гостиных дворах, тюрьмах, храмах, монастырях — есть сведения в сохранившихся документах, картах и схемах, то о жилых и хозяйственных постройках населения сибирских городов почти ничего неизвестно. Немного информации о жилищах можно получить из «Чертёжной книги Сибири» С. У. Ремезова от 1701 г. Жилые постройки посада Старой и Новой Мангазеи

изображены там отдельно стоящими строениями — избами. На плане города Берёзова схематично показаны усадьбы из 3–5 построек, стоящих впритык друг к другу. На плане города Пелыма жилища расположены двумя параллельными рядами и группами из 2–4 зданий с дверями на фронтоне и с расположенными высоко окнами. На некоторых зданиях на двускатной крыше показаны дымоходы или трубы. На плане города Сургута за стенами крепости разные по размеру постройки с двускатными крышами определены в две группы, одна из которых — вокруг храма¹⁰².

Обширный и разнообразный материал о жилищах в первых русских городах севера Западной Сибири получен по результатам раскопок Лозьвинского городка, Пелыма, Мангазеи, Берёзова, Старотуруханска. Важность археологии в изучении русского жилища XVI–XVII вв. отмечает исследователь истории русского домостроения М. Г. Рабинович: «... Вопросы конструкции построек (по крайней мере их оснований) приходится освещать в основном по архе-

¹⁰⁰ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 96–97; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков. С. 82.

¹⁰¹ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 77–79, 138; Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков. С. 73, 74, 75, 77.

¹⁰² Чертёжная книга Сибири.

ологическим источникам»¹⁰³. Как показали археологические исследования, в северных городах строили как отдельные простейшие дома — избы с сеними, так и группы построек — усадьбы.

Наибольшее количество построек раскопано в Старой Мангазее. Важность результатов исследования этого города заключается в том, что он существовал только в XVII в., из-за чего возникает меньше сложностей с датировкой археологического материала, найденного на его территории. Больше всего построек было исследовано экспедицией ААНИИ в 1968–1970 гг. и в 1972 г. Причём в двух коллективных монографиях исследователей М. И. Белова, О. В. Овсянникова, В. Ф. Старкова приводится разное количество раскопанных построек — 80 и 100¹⁰⁴. После проведения более точных подсчётов получилось 87 построек, из которых 66 были раскопаны полностью. Из них 22 дома оказались трёхчастными постройками, 24 — двухчастными, и 20 — одночастными¹⁰⁵. Это примерно соответствует подсчётам М. Г. Рабиновича для русских городов XVII в. европейской части России, где среди всех построек трёхчастные составляли 30 %, а однокамерные дома преобладали — 52 %¹⁰⁶.

К сожалению, использовать материалы раскопок Мангазеи ААНИИ для реконструкции жилищных комплексов можно лишь частично. Как показали последующие исследования, раскопки 1968–1970 гг.

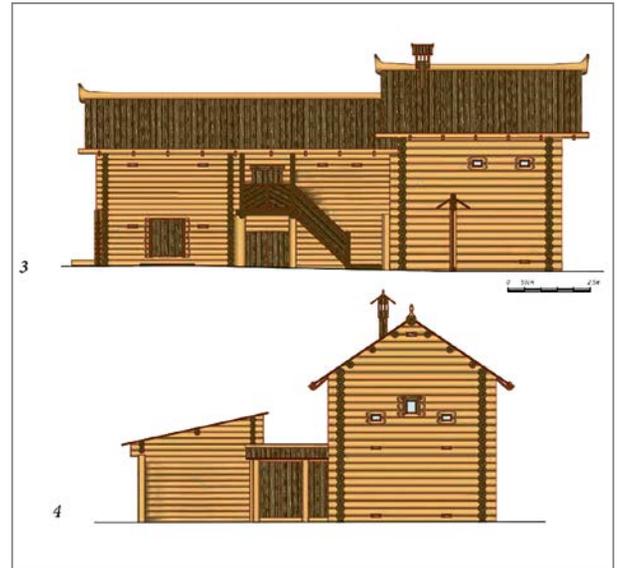

Рис. 2.83. Посад г. Берёзова. Историко-архитектурная реконструкция усадьбы XVII в. // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2022. С. 60

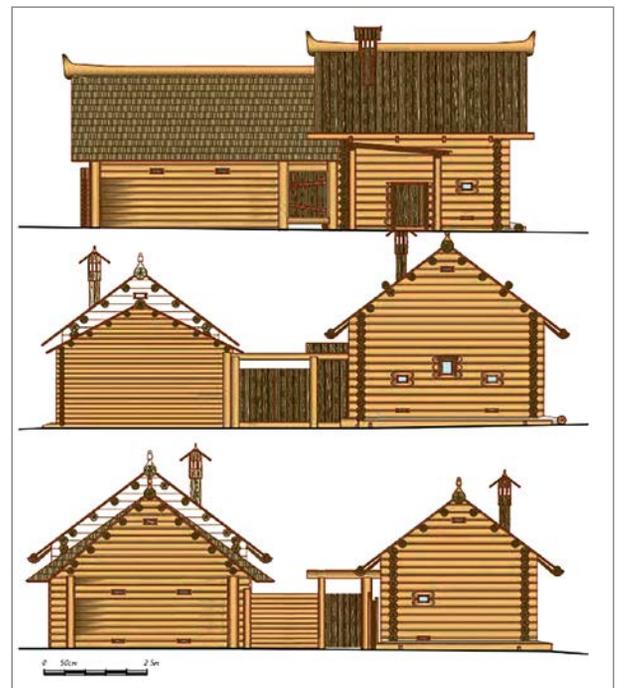

Рис. 2.84. Посад г. Берёзова. Историко-архитектурная реконструкция усадьбы XVII в. // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2022. С. 61

¹⁰³ Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 43.

¹⁰⁴ Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 4, 8; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. С. 12.

¹⁰⁵ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Усадьба заполярного города. С. 33–34.

¹⁰⁶ Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 82.

Рис. 2.85. Усадьба на посаде г. Берёзов. XVII в. Художник А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов // Берёзов: первый русский город Югры. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск; Нефтеюганск; Сургут, 2022. С. 49

и 1972 г. проводились не на всю глубину культурного слоя, конструкции исследовались выборочно. В результате исследователи не разобрались в сложном нагромождении остатков разновременных срубов, что привело к неверным выводам о планиграфии раскопанной застройки города и этапах застройки, в интерпретации дворов — усадеб. В 2001–2014 гг. экспедициями НПО «Северная археология 1» под руководством Г. П. Визгалова и С. Г. Пархимовича в раскопе ААНИИ на посаде были выявлены нижние ярусы неисследованных построек¹⁰⁷. Также необоснованными оказались выводы М. И. Белова, О. В. Овсянникова и В. Ф. Старкова о двухэтажности большинства трёхчастных построек, наличии усадебных оград и уличных магистралей на мангазейском посаде. Археологические подтверждения двухэтажных построек были зафиксированы только в воеводских дворах в кремле и на посаде, что подтверждалось и документально¹⁰⁸.

Археологическими исследованиями 2001–2014 гг. в раскопе на посаде было выявлено 45 новых построек: полностью изучили 36, из них для архитектурно-планировочной реконструкции пригодными признали 24¹⁰⁹. Постройки представляли собой остатки четырёх дворов — усадеб и отдельно стоящих жилых и хозяйственных зданий. Усадьбы оказались группами построек разной планировки. «Усадьба 1» (строительство 1607–1609 гг., перестроена в 1615–1616 гг.) состояла из дощатой поварни и двух разных по размеру двухчастных построек (изба–сени), стоящих параллельно друг другу вплотную боковыми стенами. Между поварней и сенями изб был маленький, вероятно крытый дворик¹¹⁰. «Усадьба 2» (строилась в 1618–1621 гг.) состояла из пяти построек, составленных в плане Г-образно. К связи изба–сени–изба

¹⁰⁷ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Усадьба заполярного города. С. 34, 53–55.

¹⁰⁸ Там же. С. 56–62; Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. С. 51–52.

¹⁰⁹ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Усадьба заполярного города. С. 69.

¹¹⁰ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). С. 37–48.

в одну линию вплотную пристроили два амбара-хлева разных размеров. «Усадьба 3» (построена в 1622–1624 гг.) представляла собой дом-двор типа двухрядной связи, состоящий из бревенчатой избы с пристроенной дощатой клетью, которая соединялась с избой сенями; хозяйственным двором в виде дощатой рубленой постройки, разделённой на два помещения с отдельными входами; между домом и хозяйственным двором находились чулан и отхожее место.

При реконструкции жилых домов и усадеб на поселениях этого региона необходимо учитывать его географические и хозяйственные факторы. Лесные ресурсы севера Западной Сибири, где находилась Мангазея, несопоставимы с югом лесной зоны, где расположены Тюмень, Тобольск, Верхотурье, Томск и другие первые русские города. Из древесины, пригодной для строительства в подзоне лесотундры, редко где можно отобрать бревно более шести метров длиной, соответственно и большая часть сторон срубов варьировалась в пределах 3,5–4,5 метров. Строевой лес в первую очередь был использован для строительства административных и жилых зданий в кремле и укреплений — башен и стены, поэтому в ближайших окрестностях древесина была вырублена уже в первые годы. Конечно, скорее всего, для дальнейшего строительства на посаде заготовленный лес сплавливали с участков выше по течению реки Таз, но для его транспортировки от берега использовались тягловые животные — лошади, которые были в достатке в Тобольске, Тюмени и других «пашенных» городах, но которых не хватало в северных городах XVII в. Поэтому многоэтажные и просторные усадьбы в условиях Крайнего Севера могли строить только для представителей высшей власти — воевод и их семей.

Заключение

Продвижение русских за Урал началось с таёжной полосы Сибири. Причинами, которые побуждали русских её освоить, стали, во-первых, географическая близость и сходство природных условий с давно освоенным севером Восточно-Европейской равнины; во-вторых, задача получения пушнины в виде охотничьей добычи и ясака. Поэтому именно в тайге и лесотундре Западной Сибири появились первые российские административные и торгово-промышленные центры. Основным средством передвижения в Югорском крае, где медленно текут реки и простирается множество безграничных болот, являлись лодки, а пути передвижения и сообщения повсеместно были связаны с реками. Поселения закладывались в местах пересечения водных маршрутов, обычно в устьях притоков крупных рек.

Самыми первыми жителями сибирских крепостей были те, кто составлял их гарнизоны, — казаки и служилые люди. В основном их направляли в Югру из северорусских городов, а также из Поволжья. Кроме того, со всех концов Европейской России служилых ссылали в местные гарнизоны «за вины и прослуги», «в опалу» и даже «вместо смертные казни»¹. «Годовая» служба завершалась «переменой» (замещением новыми людьми) и возвращением отслуживших домой. Воеводы, заинтересованные в увеличении численности гарнизонов, чтобы контролировать огромную территорию, пускались на всяческие ухищрения, вплоть до задержки тех, кому прибывала замена. Однако главным способом пополнить резерв в этом случае было верстание в казаки промышленных и «вольных гулящих людей»².

Уже почти с самого начала власти привлекали в Сибирь черносошных (лично свободных) крестьян из Поморья. Сперва их пытались переселять упорядоченно, административными методами, и даже организовывать слободы по сословному принципу, чтобы не смешивать с казаками и служилыми. Однако вскоре выяснилось, что такой подход дорого обходится казне и он бесперспективен. В итоге к 1620-м г. правительство отказалось от него. Развернулась стихийная колонизация, в результате которой государственное регулирование окончательно потеряло смысл. Административные органы участвовали в ней посредством предоставления переселенцам различных льгот³. По северным и приуральским городам разъезжали глашатаи-бирючи и зазывали «охочих людей» отправляться на восток, оседать

---

¹ Никитин Н. И. Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 15.

² Там же. С. 25, 26.

³ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 39; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 249, 250; Русские. М., 1999. С. 29.

там и заниматься земледелием. К концу XVII в. в составе населения Западной Сибири преобладали уже не служилые люди, а крестьяне и ремесленники⁴.

Выбор места для острога или города обуславливался многими обстоятельствами⁵: во-первых, возможностью иметь надёжную связь с другими поселениями и с воеводской резиденцией (судоходная река); во-вторых, контролем за передвижениями товарных потоков и сбором пошлин (на торговых путях); в-третьих, отношениями с ясачными — оперативные контакты с лояльными аборигенами и организация походов против «немирных иноземцев» для их объясачивания; в-четвёртых, естественными условиями для обороны поселения от врагов и защиты от стихийных бедствий; в-пятых, наличием в окрестностях угодий, пригодных для сельского хозяйства.

Новые поселенцы старались подыскать местность, удобную для земледелия и в то же время не используемую для охоты и рыболовства — основных занятий коренных жителей⁶. Желательно было, чтобы основание русского поселения по возможности не вызывало раздражения у ясачных. Так, приполярный город Мангазея был поставлен на границе между районами обитания тундровых и лесных самоедов. Такая пограничная зона оказывалась наиболее выгодной как для проживания, так и для сбора ясака⁷. Кроме того, у ясачных не создавалось впечатления о захвате русскими их исконных земель и угодий. Обычно переселенческие потоки как бы обтекали селения аборигенов, а возникновение русских деревень происходило с согласия коренных жителей⁸.

Иногда ориентиром для основания города становились старые туземные городища. Как и в Поволжье, в этом случае имело место быть совпадение перечисленных ранее условий, ведь такие старые крепости ставились, как правило, в самых удобных местах — на реках и на естественных укреплениях. Однако непосредственно на татарских или остяцких развалинах русские не селились, разве что на давным-давно покинутых⁹. Предпочитали закладывать своё поселение поблизости от прежнего туземного.

Первые слободы и деревни «жались» к городам и острогам: в необжитом краю опасно было удаляться от крепостных стен и гарнизонов. Однако постепенно зона сельского заселения разрасталась. Вокруг крупных поселений появлялась целая сеть мелких. Постепенно, удаляясь всё дальше и дальше от крупных центров, русские сёла распространялись по Сибири.

---

⁴ История Сибири с древнейших времён до наших дней / Под ред. А. П. Окладникова. Л., 1968. Т. 2. С. 39.

⁵ Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 64, 65; Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 97; Русские. С. 29. Перечисленные ниже пункты в разных вариантах постоянно фигурируют в административной переписке по поводу основания сибирских городов в XVII в. Например: «...Место ужоге и крепко, и рыбно, и пашенка невелика есть, и лугов много; а где стояти городу (здесь — Кетскому острогу. — В. Т.), и то место высоко, большая вода не поимает... И (ясачные. — В. Т.) волости... подошли близко и от того места не отдалели, и за далекоком в тех волостях будет дурна не чаяти...» (Миллер Г. Ф. Указ. соч. М., 1999. Т. 1. С. 428).

⁶ Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 31.

⁷ Визгалов Г. П. Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам новых археологических исследований): автореф. дисс ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 16.

⁸ Колесников А. Д. Особенности первоначального заселения и освоения Сибири // Исторический опыт освоения Сибири. 1986. Вып. 1. С. 141.

⁹ Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1977. С. 11.

Природное изобилие, бескрайние просторы свободных земель не способствовали воспитанию у переселенцев бережного отношения к природе. Резерв свободных земель казался неисчерпаемым. Так, охотники в погоне за прибылью не задумывались над необходимостью беречь поголовье пушного зверя. Уже во второй половине XVII в. соболь «испромыслился», что привело к обезлюживанию и опустошению некогда «цветущих зимовий»¹⁰. «Несоболиные годы», когда ясачные не могли набрать количество шкурок, положенных по окладу, наступали всё чаще. Это вызывало у ясачных возмущение. Они жаловались на новых русских соседей, а именно на их потребительское отношение к лесам и обитавшим в нём зверям¹¹. Раскорчёвка и выжигание тайги, естественно, приводили к уменьшению дичи.

Обстановка, в которой оказывались первопроходцы и первопоселенцы, вовсе не располагала к соблюдению «экологической корректности». В тайге шла жестокая борьба за выживание, прежде всего, с постоянной угрозой голода. В первые десятилетия после падения Кучумова царства, пока земледелие ещё не развилось, снабжение сибирского русского населения хлебом возлагалось на тобольских воевод. В их ведении находились предназначенные для этого зерновые склады¹². Особенно это было важно для таёжных и приполярных крепостей (Сургут, Берёзов и др.). Однако централизованных поставок не хватало на всех казаков и служилых, а неслужилое население должно было заботиться о себе самостоятельно.

Выходили из этого трудного положения разными способами. Залезали в долги, переходили на непривычный пищевой рацион, употребляя конину, траву, коренья, древесную кору «и всякую скверну»¹³. Если была возможность, пытались опереться на соседство «иноземцев»¹⁴.

Экспедиция дружины Ермака, положившая начало крушению Сибирского ханства, не привела к включению Обь-Иртышья, где казаки в 1583 г. захватили Назимский, Самаровский и многие другие городки, в состав России, а явилась лишь прологом присоединения к ней северных «волостей и улусов», как и главных владений Кучума.

Исходной вехой превращения Югорской земли в часть Московского государства может считаться сооружение поздней осенью 1585 г. Обского, или Мансуровского, городка — первого (и до возникновения Берёзова единственного) русского укрепленного поселения на севере Западной Сибири. Разместившиеся в остроге служилые люди — сменявшиеся время от времени годовальщиками — до 1594 г., когда этот городок «сломали» сами казаки и «литва», выполняя наказ царя Фёдора Ивановича, сумели объяснить десятки поселений и Нижнего, и Среднего Приобья.

С основанием в 1593 г. и 1594 г. соответственно Берёзова и Сургута как уездных центров, территория которых расширялась вплоть до начала XVII в., Югорская земля (этот термин перестал употребляться с 1610 г., хотя московские государи, между прочим, титуловались

---

¹⁰ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 30.

¹¹ Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (Общий очерк за XVII и XVIII столетия). Томск, 1898. С. 67.

¹² Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 221.

¹³ Там же. Ч. 2. С. 28; Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3. С. 179. Под «всякой скверной» подразумевалась пища, не обычная и не привычная для Руси. Сибирякам приходилось есть и беличье мясо, и яйца чаек, и проч.

¹⁴ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 221; Т. 4. С. 137; История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1951. Т. 1. С. 174, 175.

Югорскими в течение многих последующих десятилетий) сделалась одной из окраин России, перестав быть сугубо «остяцкой страной», а уже вскоре — «внутренней областью» Сибири и плацдармом для колонизации других регионов Северной Азии, например бассейнов Енисея и Лены.

Главными источниками формирования гарнизонов Берёзова и Сургута в первые годы их существования стали «приборы» в Центральной России и Поморье, Среднем Поволжье и Приуралье, а также в других сибирских городах, например в Пелыме и Таре; ссылка; естественный прирост населения. В ряды служилых людей, особенно в Сургуте, часто включались и новокрещёны. Берёзовский гарнизон в период образования состоял из 300 казаков и «литвы», набранных в Москве, Коломне и Рязани, а к середине 1600-х гг. увеличился примерно до 375 с учётом 50, отправлявшихся годовать в Мангазею, а затем, в связи с переводами в Томск и Енисейский острог, уменьшился приблизительно до первоначальной численности. В Сургуте спустя несколько лет со времени его «поставления» количество служилых людей, поначалу присланных из столицы и накануне годовавших в Обском городке, почти удвоилось, но впоследствии стало медленно и неуклонно сокращаться, преимущественно из-за падения военного значения крепости. При этом если в рядах сургутян после 1610 г. не было детей боярских, составлявших на востоке России до конца этого столетия «служилую аристократию», то в Берёзове их численность, особенно во второй половине XVII в., заметно возросла.

В послесмутное время на порожние (вакантные) места в гарнизонах первых городов севера Западной Сибири стали верстаться подросшие сыновья казаков, стрельцов, «литвы», участвовавших в основании этих крепостей или появившихся там следом, и со временем такой источник пополнения местного служилого населения сделался определяющим, наметилась тенденция к превращению казаков и стрельцов в замкнутую коалицию.

Они составляли подавляющее большинство жителей Берёзова и Сургута; остальные, кроме прибывавших на несколько лет администраторов, главным образом из Москвы, являлись ружниками и обротчиками (это подьячие, толмачи, пушкари, воротники, сторожа, дворники, палачи, церковнослужители); посадских людей, да и крестьян, почти не было.

Функции казаков и стрельцов — «литвы», черкасов, «немцев» в 1610-х гг. насчитывалось немного, а через полвека с лишним выходцы из Речи Посполитой и вовсе перестали встречаться, — составлявших гарнизоны городов Северного Приобья, являлись чрезвычайно многообразными, слабо дифференцированными, фактически они никак не регламентировались. Однако главными из них (часто не только для казаков и стрельцов, но и для годовальщиков, особенно в острогах, где ещё не успели сформироваться собственные гарнизоны) стали сбор ясака; предотвращение «измен» коренного населения (в 1595 г. «иноземцы» осадили Берёзов и не раз собирались это сделать в годы Смуты, а потом в начале 1660-х гг.); «посылки» против «воровской самояди» и вышедших из повиновения остяков, в том числе захват в аманаты; несение караульной службы у крепостных стен и башен, городской тюрьмы, служб в целовальниках и на северных заставах — Обдорской, Собской и Киртасской, в Войкарском городке; ремонт и сооружение укреплений (так, в Берёзове на протяжении XVII в. несколько раз взамен обветшавшего «ставили» новый острог); сопровождение ссыльных, пленных, ясачной и поминочной казны; сыск беглых крестьян; сбор таможенных пошлин с торговых и промышленных людей; доставка денежных и хлебных запасов, документов, казённых грузов; участие в «посылках» за солью на Ямышевское озеро и в разнообразных военных экспедициях

вплоть до Восточного Забайкалья, а также в посольской миссии в качестве ямщиков в Китай. Так, казаки и стрельцы из Берёзова и Сургута вместе с другими служилыми «ставили» Обдорский (Носовой), Нарымский, Куняцкий, Кетский, Мангазейский, Маковский, Енисейский остроги, Томск и Якутск, были годовальщиками в Нарыме, Кетске (в этих острогах собственные гарнизоны образовались в 1620-х – 1630-х гг. преимущественно за счёт сургутян), Томске, Мангазее, Красноярске, Енисейском остроге, во второй половине XVII в. по предписаниям тобольских властей не раз отправлялись в Приамурье. Берёзовский уезд — крупнейший по территории среди западносибирских (в середине того же «бунташного века» он включал 11 волостей) — стал базой для колонизации севера восточной части Азиатской России. Сургутяне сыграли важную роль в освоении бассейнов Нижнего и Среднего Енисея, Лены, Нижней Тунгуски и Приангарья.

В пору «разорения русского» начала XVII в. казаки и стрельцы из Берёзова и Сургута в составе войск царя Василия участвовали в боях с болотниковцами и тушинцами (согласно некоторым источникам, под началом воеводы Д. В. Жеребцова сражались с отрядами Лжедмитрия II близ Костромы), а в рядах земских ополчений — с польско-литовскими интервентами, оккупировавшими Москву. В то время, особенно в последние годы Смуты, берёзовские и сургутские служилые люди, включая мангазейских годовальщиков, гораздо чаще, чем прежде и впоследствии, доставляли в столицу соболиную казну, что, несомненно, улучшило экономическое положение страны и во многом содействовало её выходу из затяжного социально-политического кризиса.

Берёзовским и Сургутским уездами (территория первого из них уменьшилась из-за передачи четырёх волостей в состав Тобольского уезда, а второго — с образованием в начале XVII в. Кетского, Томского и Нарымского уездов) управляли присылавшиеся из Москвы воеводы и письменные головы, позднее два воеводы, и в конце концов, один (бывали и исключения). До 1599 г. они были самостоятельными, затем подведомственными главному воеводе Тобольского разряда, но с более широкими полномочиями, чем у большинства уездных наместников Европейской России.

Берёзовский и Сургутский уезды включали в себя Кодское и Бардаково «княжества», а с их ликвидацией (в 1619 г. даже потомки Бардака лишились видимости власти, а четверть века спустя — и Д. М. Алачев) в ведении главных администраторов Северного Приобья остались ясачные волости, князцы и «лучшие люди», которые были всецело подчинены воеводам. Русские власти, озабоченные прежде всего сбором ясака в установленных размерах и выполнением остяками либо также селькупам, ненцам, кетам других повинностей, особенно подводной, нередко вмешивались в традиционные для края социальные и хозяйственные отношения, хотя избегали форсировать христианизацию «иноземцев».

Поскольку оклады (денежные, хлебные, соляные) служилых людей были относительно невелики, да и большей частью выдавались нерегулярно, особенно в начале XVII в., не обеспечивали прожиточного минимума, казаки и стрельцы, их родственники, включая жён, в поисках дополнительных источников существования занимались охотой, рыболовством и торговлей, чему способствовало расположение «беспашенных» Берёзова и Сургута на основных транспортных магистралях Западной Сибири. Помогала также пушная меновая торговля с остяками и вогулами, от которых служилые люди получали меха соболей, песцов, лисиц, среди которых особенно ценились черно-бурые, а также горностаев). Выполняя заказы воеводской администрации русские поселенцы активно занимались огородни-

чеством, животноводством, судостроением, промыслами и ремёслами, обеспечивая себя всем необходимым

Существенную роль в жизни края, причём различных её сторон, играло судоходство по Иртышу и «великой» Оби. Вероятно, в конце 1620-х – начале 1630-х гг. в низовьях Иртыша были основаны Демьянский и Самаровский ямы, благодаря которым (хотя функционировать они стали через несколько лет) установилось достаточно устойчивое транспортное сообщение между Нижним и Средним Приобьем, а также столицей «русской» Сибири — Тобольском — и главными центрами Югорской земли. Появление ямской гоньбы, однако, не избавило остяков от чрезвычайно обременительной подводной повинности.

Конец XVI–XVII вв. стали временем становления на Югорской земле институтов российской государственности и культурных традиций, создания там нового «культурно-религиозного ландшафта». В рассматриваемый период в Северо-Западной Сибири появилось русское население, культура которого, главным образом материальная, испытывала и влияние обычаев коренных жителей, и сама оказывала воздействие на их быт и хозяйственный уклад. Так, русские переняли у аборигенов приёмы рыболовства, охоты, отчасти скотоводства, способы заготовки рыбы впрок (её вяления), отдельные элементы зимней одежды, которые позволяли им лучше приспособиться к суровым природным условиям; общение с уграми в значительной мере обусловило живучесть языческих верований у русских сибиряков.

Поначалу переселенцы превращали чужую землю, требовавшую, как тогда казалось, «очищения» от «безбожных», в свою, во многом благодаря строительству, в том числе уже при основании городов-крепостей, церквей и совершению там богослужений, выполнению разнообразных христианских треб. Помимо соборов — Рождества Богородицы в Берёзове и Троицкого в Сургуте — начали возводиться приходские храмы (первыми из них стали соответственно Воскресенский и во имя Василия Кесарийского и преподобного Михаила Малеина); в Берёзове возник и Воскресенский монастырь. Церкви появились также в слободах при Демьянском и Самаровском ямах — Покровской и Никольской. В Сургут со временем проникло старообрядчество.

Уже к началу XVII столетия Берёзовский и Сургутский уезды сделались весьма органической частью «Сибирского царства» московских государей. Несмотря на падение военного значения Югорского края в последующие десятилетия, его роль в социально-экономическом развитии и дальнейшей колонизации восточной окраины России на долгие годы оставалась значительной.

Распространение территории России за Урал и далее на восток в конце XVI–XVII вв. имело следствием, во-первых, вступление в непосредственные, повседневные отношения с инокультурным языческим финно-угорским и тюрко-мусульманским миром; во-вторых, организацию управления, налогообложения, религиозной политики и т. д. по отношению к многочисленному неславянскому населению, не знакомому с нормами внутригосударственных отношений внутри России. Перед московским правительством возникла задача адаптации новоприсоединённых земель и народов к новой геополитической ситуации — пребыванию их в пределах России «под высокой рукой белого царя».

Включение народов и территорий в состав России неизбежно сопровождалось поглощением местных административных систем новой государственностью. Однако эта экспансия вовсе

не обязательно сопровождалась ликвидацией местных управленческих структур. Как правило, правительство стремилось без радикальной ломки адаптировать дороссийские институты управления к целям политики Москвы. Это вызывалось, во-первых, нехваткой русских чиновников на огромном пространстве державы, во-вторых, стратегией на постепенное смирение новых подданных с жизнью в составе России. Нижние звенья администрации (общинные, волостные) могли оставаться в том виде, в каком они существовали до прихода русских.

Включение народов и племён в число имперских подданных происходило как военными, так и мирными путями, но в любом случае для новоприсоединённых земель избирались способы наиболее безболезненного вовлечения в общую административную структуру государства. На начальных этапах освоения Сибири российская администрация зачастую игнорировала традиционное расселение местных народов, за исключением княжеств Обского бассейна. Когда новооснованные города и остроги превращались в уездные центры, то в одном уезде могли оказаться несколько родов или один род мог быть поделён между несколькими уездами. Для рациональной организации ясачных выплат правительство решило оставлять в неприкосновенности старые родоплеменные единицы. Они становились ясачными волостями — административными округами, границы которых совпадали с территориями родов и племён. Прочные и лояльные к властям группы коренного населения считали целесообразным сохранить в неизменном виде. В Северо-Западной Сибири некоторые остяцкие владения и княжеские династии существовали ещё долгое время после вхождения в состав России: у кодских хантов до 1640-х годов, у обдорских — до второй половины XIX в.

После присяги сибирских аборигенов на подданство и их согласия на выплату ясака правительство крайне неохотно разрешало какие-либо насильственные меры. Для таёжного охотника, поставщика драгоценных мехов в государственную казну, царские указы создавали определённый правовой режим. Только по специальному высочайшему разрешению дозволялось применять пытки, а тем более смертную казнь по отношению к ясачным. Безусловно, запрещалось избивание палками «правеж» (недоимщиков) из «иноземцев», в отличие от русских подданных. В целях сохранения численности налогоплательщиков правительство запретило и вывоз из Сибири ясачных невольников, даже в том случае, если из-за разорения и безысходности туземец сам соглашался на кабалу (тогда наказание грозило как добровольному невольнику, так и его хозяину). Во избежание разорения ясачных в местах их проживания не должны были распространяться азартные игры, вино, табак; до выплаты пушной подати запрещалась частная торговля. Русский суд оберегал вотчинные охотничьи угодья племён, которыми те пользовались ещё до прихода Ермака.

Центральные и местные власти в своих отношениях с ясачными стремились опираться на местную традиционную элиту. Для упрощения ясачных расчётов воеводы и приказчики предпочитали иметь дело, как правило, именно с ней. Она не только сохраняла прежние административные права по отношению к сородичам, но и несла ответственность за сбор и доставку пушнины. В качестве приманки и для иллюстрации своего высокого ранга предводители родов и племён были объявлены «князцами», «лучшими людьми» и наделены различными привилегиями. Они освобождались от ясака, но участвовали в его сборе, что резко усилило общественную роль и экономическую мощь родовых старейшин. Судебные прерогативы (решение споров с исками до двух рублей), формальное невмешательство государственных органов во внутреннюю жизнь ясачных волостей и опора воевод-

ской администрации на местную знать позволили превратить последнюю в прочное звено управления народами Сибири.

В историографии неоднократно отмечалось толерантное отношение русских к коренным народам Сибири¹⁵. Их контакты с местными жителями Югры происходили в целом довольно мирно, исключая начальный период объясачивания и нечастые протестные выступления против злоупотреблений властей. Пренебрежение и высокомерие не были присущи основной массе переселенцев, а взаимная помощь позволяла им устанавливать доброжелательные связи с местными. Близкое соседство и чересполосное расположение русских и аборигенных селений складывалось прежде всего вдоль крупных дорог и по берегам рек¹⁶. Кроме того, совместную жизнь облегчали гибкость и многоукладность российской экономики, крестьянский характер колонизации, лояльная политика правительства по отношению к плательщикам ясака. В донесении сибирского архиепископа Киприана патриарху от 1622 г. отмечалось, что многие представители сибирской православной паствы «в постные дни едят мясо и всякие скверны з бусорманы, с татары и с остяки, и с вогуличи вместе; и которые люди ходят к колмакам и в иние земли для государевых дел, и те пьют и едят и всякие скаредные дела делают с поганскими за один...»¹⁷

В Северо-Западной Сибири русские заимствовали от остяков, вогулов и самоедов разновидности верхней одежды: гуся (из грубых шкур, мехом наружу), малицу (из оленьего меха, шерстью внутрь, с капюшоном и рукавицами), парку (из дорогого меха оленьих телят-неплюек и неродившихся выпоротков). Парку могли себе позволить лишь зажиточные люди. Поверх малицы или парки надевали в дорогу гуся, а в ненастье — специальную сорочку из плотной материи, чтобы осадки не испортили мех на одежде.

Из Европейской России за Урал первыми шли мужчины. Военные походы, объясачивание, нередкие стычки с аборигенами, обустройство в незнакомом крае, частые переезды требовали немалых сил и мужества. Всё это поначалу препятствовало воссозданию традиционного семейного уклада. Чисто мужскими сообществами были северные охотничье-промысловые и южные приисковые артели, а также группы ссыльных. Малочисленность женщин и влияние этого фактора на демографическую, социальную и этническую обстановку в Сибири многократно отмечались исследователями. «Женский вопрос» был особенно актуален в течение первого столетия освоения края: необходимость увеличить долю женщин, проживающих в Сибири, составляла одну из забот местной администрации; понимали эти трудности и в высших государственных инстанциях.

Уже в первой четверти XVII в. западносибирские церковные иерархи доносили патриарху, что «многие служилые и жилецкие люди живут некрестьянскими обычаями... с татарскими

---

¹⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 246; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М., 1972. С. 167; Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. М., 1920. Вып. 1. С. 76; Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М., 2002. Вып. 2. С. 18; Шерстова Л. И. Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 70; она же. Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 25; она же. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск, 2005. С. 64.

¹⁶ Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX вв. М., 1981. С. 81.

¹⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 323.

Рис. 2.86. Обряд сватовства на русско-остяцкой свадьбе. XVII в. Худ. А. С. Кухтерин. Консультант Г. П. Визгалов.
Ил. из кн.: Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков. С. 134–135

и с остяцкими и с вагулецкими поганскими женами смешаютца... а иные и живут с татарскими некрещеными как есть с своими женами, и дети с ними приживают...»¹⁸. Однако браки русских с сибирскими татарами в XVII–XVIII вв. были всё-таки довольно редкими: сказывались, во-первых, религиозный барьер; во-вторых, культурные различия; в-третьих, возможно, память о жестоком разгроме русскими Сибирского юрта¹⁹. Во всяком случае с язычниками — хантами и манси — русские рождались гораздо чаще. Относительно распространённым это явление было в крестьянской среде, т. е. в социальных низах; для других слоёв был более характерен неофициальный брак (сожительство) с «иноверками», которые жили в русских домах под видом работниц. Выше отмечалось, что на пренебрежении официальным венчанием сказывалось отсутствие жёсткого церковного контроля в Сибири, при этом нельзя исключать и влияния аборигенных семейных норм²⁰.

Близкое и чересполосное расселение русских с обско-угорскими народами на северо-западе Сибири, постоянные контакты между ними, заполненность деревень близкими родственниками побуждали русских селян искать невест в иноэтничной среде. Дополнительным стимулом служил доступ новоявленных родичей к охотничьим угодам клана жены. В Верхотурском уезде русских девушек охотно выдавали за манси. Мужская родня таких жён,

¹⁸ Там же. С. 322–323.

¹⁹ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири. Новосибирск. 1979. С. 192; Файзрахманов Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времён до начала XX века). Казань, 2002. С. 281, 282.

²⁰ Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири. С. 117.

прежде всего тести, тоже рассчитывала пользоваться вогульскими местами охоты и рыбной ловли, правом платить небольшие подати и свободно выбирать себе занятия²¹.

Вместе с тем, отношения пришлых русских с аборигенами вовсе не имели вид постоянного дружелюбного сотрудничества. Если обратиться не к официальным русским документам XVII в. (донесениям воевод и казацких начальников), а к исторической памяти сибирских народов, отражённой в фольклоре, то картина получится менее благоприятной.

Первоначально появление русских, вооружённых огнестрельным оружием, вызвало у местного населения настороженность и страх перед их военной силой. Порой казакам приписывали сверхъестественные качества. Остяки рассказывали о своём знаменитом колдуне, который «большой ворожей был, только русских боялся. Если русские есть — сила у него пропадает».

Со временем первоначальный страх перед русским оружием сменился острым любопытством. В одном легендарном бою с казаками остяцкий богатырь выстрелил в противника лишь затем, чтобы «посмотреть, как упадет русской женщиной рожденный человек»²².

Затем у коренных югричей появилось желание научиться стрелять самим. В боях они теперь старались добыть пищаля и порох, тем более что им много раз доводилось наблюдать технологию использования этого вооружения. Трудоемкость и медлительность стрельбы из огнестрельного оружия ярко запечатлелись в преданиях о событиях XVII в. и определённо сказывались на боеспособности русского противника. В хантыйских описаниях боёв с русскими рассказывается, что остяки одерживают победу в сражениях — в немалой степени из-за скорострельности своих луков (опустим вопрос о реальности такого исхода). Так постепенно неведомое оружие переставало внушать страх и уже не казалось всесильным.

Населяя родовые земли в тайге и тундре, занимаясь охотой и разведением оленей, ведя полностью независимое существование, эти народы долго и тяжело встраивались в систему российской государственности. Сама организация их социальной жизни не предусматривала какого-либо подчинения верховному правителю. Невозможно было понять, почему род должен платить ясак далёкому и неведомому «белому царю», посылать русским начальникам заложников... Администрация, столкнувшись с коренными сибиряками, понимала эти сложности, поэтому первоначально ясачный сбор был по своей сути меновой торговлей: за пушнину плательщики получали ремесленные изделия. Когда же власти пытались обложить выплату ясака в обычную форму налогообложения, начинались тяжёлые кровавые конфликты. Дополнительную сложность вносило и заселение Сибири русскими переселенцами. Это приводило к ограничению традиционных передвижений коренных жителей, сокращению их промысловых угодий.

Конечно, были и такие, кто относился к аборигенам как к людям низшего порядка и не гнушался обманывать, обсчитывать и грабить... Не имея над собой полноценного государ-

---

²¹ Зенько А. П. Русские старожилы Среднего Приобья: на стыке культур // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2000. С. 46, 47; Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 315.

²² Мартынова Е. П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 89; Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. С. 181.

ственного контроля, местные власти нередко нарушали законы против дискриминации ясачных. Росту злоупотреблений способствовало и то обстоятельство, что аборигены часто привлекали приказчиков и иногда воевод к разрешению конфликтов в своей среде, перестав полагаться на нормы своих обычаев. Дополнительную напряжённость вносили споры из-за земельных участков и промысловых угодий.

Все протестные движения, которые предпринимались коренными жителями Югры, были подавлены или пресечены властями в самом их начале или даже на этапе планирования. Однако их нельзя назвать безрезультатными. Во-первых, в ряде случаев менялась элитная прослойка «иноземцев»: мятежные предводители подвергались репрессиям и заменялись лояльными, а иногда и смирялись со своим подчинённым статусом. Во-вторых, правительство ликвидировало остяцко-вогульские политии из опасения будущих волнений и по другим основаниям. В целом, к концу XVII в. протестные настроения среди югорских аборигенов сохранялись, но уже не принимали форму массовых выступлений.

При утверждении российского подданства власть использовала традиционные для практики Московского государства и в то же время знакомые многим сибирским народам приёмы и средства управления: ясак, шерти, аманатов. Это способствовало установлению доброжелательных соседских отношений между русскими и аборигенами. Межэтнические контакты легче устанавливались в отдалённых местностях, где русские не могли рассчитывать на помощь администрации и больше зависели от сотрудничества с коренным населением.

Таким образом, в течение XVII в. в уездах на территории Югры появилось пока немногочисленное русское население, культура которого испытывала и влияние обычаев коренных жителей, и сама оказывала воздействие на их быт и хозяйственный уклад.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

Арх. СПбИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Стб. 720, 731, 979.

РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2338.

РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 86.

РГАДА. Ф. 210. Кн. 278.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1, 2, 3, 5, 6, 11, 14, 27, 28, 30, 46, 81, 93, 103, 110, 131, 143, 209, 225, 248, 328, 341, 367, 389, 408, 419, 432, 440, 450, 458, 474, 475, 501, 511, 535, 568, 573, 607, 610, 614, 619, 637, 640, 641, 801, 860, 863, 922, 926, 931, 948, 956, 957, 966, 971, 1008, 1028, 1069, 1076, 1086, 1088, 1104, 1122, 1130, 1137, 1139, 1154, 1164, 1176, 1177, 1208, 1210, 1211, 1231, 1312, 1326, 1363, 1370, 1376, 1461, 1512, 1519, 1561, 1580, 1613; Оп. 2. Д. 1317; Оп. 3. Стб. 3, 5, 6, 8, 10, 11, 12, 16, 25, 27, 30, 36, 37, 42, 46, 55, 60, 61, 65, 66, 68, 72, 75, 81, 84, 88, 94, 100, 102, 115, 123, 130, 134, 139, 143, 146, 165, 178, 203, 220, 244, 263, 289, 303, 307, 318, 344, 348, 354, 368, 400, 408, 425, 448, 457, 476, 480, 496, 501, 503, 560, 561, 592, 593, 632, 656, 689, 712, 731, 762, 787, 817, 818, 884, 907, 936, 958, 977, 990, 1015, 1021, 1056, 1085, 1108, 1187, 1299, 1402, 1462, 1533, 1673; Оп. 4. Стб. 94, 164; Оп. 5. Кн. 261, 928, 1265, 1518, 1537, 1567, 1835.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1628.

РГАДА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 1.

РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 19, 36, 45, 81, 115, 150/3, 158, 187, 284, 610, 1503; Оп. 3. Кн. 36.

РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 1556.

ОР РГБ, Ф. 256. Д. 47.83.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 12, 14, 16, 21.

Опубликованные источники

Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря XVII в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 509–533.

Акишин М. О. Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII в. // Уральский исторический вестник. 1994. № 1. С. 121–132.

Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. Т. 1. 250 с.

Акты времени междоусобия (17 июля 1610 – 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. М.: Универ. тип., 1915. 256 с.

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Сост. и ред. А. М. Гневушев. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1918. 421 с.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. II отделения Собственной е. и. в. канцелярии. 1841. Т. 1. 603 с.; Т. 2. 471 с.; Т. 3. 525 с.; 1842. Т. 4. 602 с.

Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук / Под ред. Н. А. Попова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1. 811 с.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 1857. Т. 1. 399 с.; 1864. Т. 2. 446 с.; 1884. Т. 3. 272 с.

Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. Т. 4. 565 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: сб. док. / Сост. В. А. Антонов. М.: Археографический центр, 1998. Т. 2. 608 с.; М.: Дрвлекранилище, 2002. Т. 3. 678 с.; М.: Археографический центр, 2008. Т. 4. 632 с.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб. : Тип. II отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1836. Т. 1. 556 с. ; Т. 2. 409 с. ; Т. 3. 518 с. ; Т. 4. 528 с.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. / Отв. ред. Б. Д. Греков. М. : Изд-во АН СССР, 1964. Т. 3. 688 с.

Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб. : Тип. II отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1838. 509 с.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск : Крайгиз, 1932. Т. 1. Ч. 1. 152 с.

Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начала XVII веков. М. : Древлехранилище, 2005. 464 с.

Атлас Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. В 2 т. Ханты-Мансийск ; Москва : Полиграфист, 2006. Т. 2. Историко-культурное наследие.

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М. : Тип. Штаба Моск. воен. округа, 1907. 340 с.

Беляков А. В. Документы о приезде в Россию пленённых в августе 1598 г. детей и жёнах сибирского хана Кучума // Средневековые тюрко-татарские государства. 2019. № 11. С. 93–118.

Боярская книга 1627 г. / Под ред. В. И. Буганова ; подгот. текста и вступ. ст. М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1986. 208 с.

Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Сост. С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский. М.: ЦГАДА, 1979. В 2 ч.

Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. / Сост. Е. Н. Ошанина. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. Ч. 1. 160 с.

Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 114–240.

Витсен Н. Северная и восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии [В 3 т.] / Пер. с гол. В. Г. Трисман. Амстердам : Pegasus, Т. 2. 2010.

Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271.

Дворцовые разряды. СПб. : Тип. II-го отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1850. Т. 1. 656 с.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб. : Тип. Э. Праца, 1846. Т. 2. 308 с. ; 1851. Т. 3. 572 с. ; 1851. Т. 4. 445 с. ; Там же. 1853. Т. 5. 538 с. ; 1862. Т. 8. 366 с. ; 1862. Т. 10. 516 с. ; 1869. Т. 11. 312 с. ; СПб. : Тип. В. В. Платц, 1872. Т. 12. 468 с.

Доронин П. Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 257–271.

Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М. : Гослитиздат, 1960. 479 с.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : тексты / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер ; под ред. Н. Е. Носова. Л. : Наука, 1986. 264 с.

Идес И. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина ; Отв. ред. : Б. Б. Кафенгауз, В. С. Мясников. М. : Наука, 1967. 404 с.

Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1869. 546 с.

Картины по русской истории, изданные под общей редакцией С. А. Князькова. Москва : Гроссман и Кнебель, 1909. Книга Большому чертежу / Подгот. к печ. и ред. К. Н. Сербиной. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.

Книга копияная «о опалных людех», сосланных в Сибирь в 1614–1624 гг. / подгот. текста, вступит. статья и коммент. А. В. Полетаева. Екатеринбург, 2014.

Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1853. Т. I. XV с. + 1380 стлб. + I + II с. СПб.: Тип. II отд. Собственной е. и. в. канцелярии, 1853. 710 с.

Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке : сб. арх. док. / Под ред. : Я. П. Алькор, А. К. Дрезен. Л. : Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935. 211 с.

Корень Российских государей (Царский титулярник). 1673 г. // РНБ, Ф. 885, Эрм. 440. Л. 33.

- Кормленая книга Костромской чети 1613–1627 : (По рукописи, принадлежащей Московскому архиву Министерства юстиции) / Сообщ. А. Н. Зерцалов. М. : Тип. В. С. Балашева и К^о, 1894. 263 с.
- Котошихин Г. К. О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII веков / Сост., предисл., подгот. древнерус. текстов, пер. и примеч. Ю. А. Лабынцева. М. : Советская Россия, 1984. С. 162–315.
- Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб. : Изд. Археографической комиссии, 1884. 260 с.
- Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб. 1880.
- Летописи сибирские / Сост. и перев. Е. И. Дергачевой-Скоп ; Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1991. 273 с.
- Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Сост. : Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001.
- Материалы для истории русского дворянства. I. Десятни и Тысячная Книга XVI века / В обраб. В. Н. Сторожева. М. : Типо-лит. товарищества И. Н. Кушнерова и К^о, 1891. 465 с.
- Материалы для истории Сибири / Собр. Г. Н. Потанин. М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1867. 327 с.
- Материалы по фольклору хантов / Записи, введ. и примеч. В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1978. 216 с.
- Милеску-Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев : Карта молдовеняскэ, 1960. 516 с.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., предисл., примеч. Н. В. Лукиной. М. : Наука, 1990. 568 с.
- Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608 : сб. док. / Сост. Р. В. Овчинников и др. М. : Наука, 2003. 491 с.
- Наш край в документах и иллюстрациях / Архивный отд. Тюмен. облисполкома ; [Ред. коллегия: Д. И. Копылов (глав. ред.) и др.]. [Тюмень]: Средне-Урал. кн. изд-во, 1966. 588 с.
- Новгородские писцовые книги / Подгот. к печ. С. К. Богоявленским. СПб. : Сенат. тип., 1905. Т. 5. 359 с.
- Новицкий Г. Краткое описание о народе остяцком. СПб., 1884.
- Обдорский край и Мангазья в XVII веке : сб. док. / авт.-сост. : Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. Екатеринбург : Тезис, 2004. 200 с.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А. М. Ломягина. Смоленск : Русич, 2003. 480 с.
- Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С. О. Шмидта. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 195 с.
- Осадный список 1618 г. / Сост. : Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. 683 с.
- Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов на северо-востоке Азии в XVII в. : сб. док. / Сост. Н. С. Орлова. М. : Изд-во геогр. литературы, 1951. 618 с.
- Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 г.. Санкт-Петербург : Ломоносов, 2012.
- Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. М. : Художественная литература, 1987. 616 с.
- Памятники литературы Древней Руси. XVII век / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М. : Художественная литература, 1989. Кн. 2. 708 с.
- Памятники сибирской истории XVIII в. / Ред. А. И. Тимофеев. Кн. 1–2. СПб. : Тип. М-ва вн. дел, 1882–1885.
- Первое столетие сибирских городов. XVII век. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 190 с.
- Писцовые книги Московского государства. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1877. Отд. I. Местности губерний: Московской, Владимирской и Костромской. 1603 с.
- Повесть временных лет // Повести Древней Руси XI–XII века / Сост. Н. В. Поньрко. Л. : Лениздат, 1983. 574 с.
- Под стягом России : сб. арх. док. / Сост., примеч. А. А. Сазонова [и др.]. М. : Рус. кн., 1992. 432 с.
- Полное собрание законов Российской империи : собр. 1-е. СПб. : Тип. II отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 1. 1076 с. ; Т. 3. 692 с.
- Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. Новый летописец / Под ред. С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко // Полное собрание русских летописей. М. : Наука, 1965. Т. 14. 154 с.
- История о Казанском царстве / Под ред. Г. З. Кунцевича // Полное собрание русских летописей. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903. Т. 19. 339 с.

- Ермолинская летопись / Под ред. Ф. И. Покровского // Полное собрание русских летописей. М. : Языки славянской культуры, 2004. Т. 23. 253 с.
- Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописец, середины XVI – первой половины XVII в. / Под ред. В. И. Буганова, В. И. Корецкого // Полное собрание русских летописей. М. : Наука, 1978. Т. 34. 304 с.
- Группа Есиповской летописи / Отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков // Полное собрание русских летописей. М. : Наука, 1987. Т. 36. Ч. 1. 384 с.
- Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. / Сост. текста и указ., авт. вступ. ст. и коммент. Д. В. Лисейцев. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2006. 396 с.
- Правдивое описание нашего далёкого путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, прилежно наблюдая, в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для полного осведомления любителей, как это ниже следует // Исторический Архив. М. ; Л., 1936. С.145–180.
- Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / Сост. М. О. Акишин. Новосибирск : Изд-во СО РАН; Филиал «Гео», 2000. 399 с.
- Путинцев М. прот. Святыни и исторические могилы города Берёзова // Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 23–24. Неоф. ч. С. 495–505.
- Разрядная книга 1550–1636 гг. / Отв. ред. В. И. Буганов. М. : Ин-т истории СССР, 1976. Т. 2. Вып. 1–2.
- Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 614 с.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Н. Г. Савич. М. : [б. и.], 1984–1989. Т. 3. Ч. 1–3.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина, О. В. Новохатко. М. : [б. и.], 1994. Т. 4. Ч. 1. 140 с.
- Разрядные книги 1598–1638 гг. / Сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина. М. : [б. и.], 1974. 398 с.
- Ремезов С. У. Хорографическая чертёжная книга Сибири. Тобольск : Фонд «Возрождение Тобольска», 2011.
- Русская историческая библиотека / Под ред. А. И. Тимофеева. СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1875. Т. 2. 656 с. ; Подгот. текстов и ред. А. П. Барсукова [и др.]. СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского и К^о, 1884. Т. 8. 700 с. ; СПб. : Тип. М-ва вн. дел, 1884. Т. 9. 668 с. ; Подгот. текстов и ред. С. Ф. Платонова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1909. Т. 13. 530 с.
- Русские акты Ревельского городского архива / Под ред. А. Барсукова. СПб. : Тип. А. Катанского и К^о, 1894. 172 с.
- Русское население Сибири эпохи феодализма. Сборник документов XVII – первой половины XIX вв. / Отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 2003. 128 с.
- Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы / Сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М. : Наука, 1969. 614 с.
- Сборник Императорского Русского исторического общества : Т. 142. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством : Т. 5 / Под ред. С. А. Белокурова. М. : Универс. тип., 1913. 792 с.
- Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / Пер. и подгот. текста, предисл., коммент. А. Х. Элрета. Екатеринбург : Волот, 2006. 416 с.
- Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань : Александрия, 2008. 688 с.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Пер. с нем. ; изд. подгот. А. Х. Элрета ; Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 301 с.
- Служебная чертёжная книга 1697–1701 гг. В 2 т. Тобольск : Фонд «Возрождение Тобольска», 2006.
- Соборное Уложение 1649 года : тексты, коммент. / Подгот. текста Л. И. Ивиной. Л. : Наука, 1987. 448 с.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М. : Тип. С. Селивановского, 1826. Ч. 4. 656 с.
- Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов северо-западной Сибири (конец XVI – начало XX века) : сборник правовых актов и документов / Сост. А. Ю. Конев. Тюмень : Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 1999. 238 с.
- Таможенная книга Тобольска за 1672/73 г. / Гл. ред. Д. Я. Резун // Таможенные книги сибирских городов XVII века (Тобольск, Кетск). Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 2003. Вып. 5. С. 8–173.
- Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1994. 291 с.
- Томск в XVII в. : [документы и материалы]. Приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. Томск : Изд-во ТомГУ, 2005. 84 с.
- Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI века / Подгот. к печ. А. А. Зимин. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 456 с.

Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подгот. текста С. Н. Богатырева. М. : Древлехранилище, 1996. 122 с.

Царский титулярник (Большая государева книга). 1672 г. // РНБ, Ф.885, Эрм. 440. Л. IV об.-36.

Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. М. : ПКО «Картография», 2003. Т. 1.

Шишонко В. Н. Пермская летопись. Период 3 (1645–1676 гг.). Пермь, 1884.

Эскин Ю. М. Документы о Мангазее в Смутное время / Отв. ред. Н. Н. Покровский // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука, 1986. С. 44–54.

Der allerneueste Staat von Siberien, einer grossen u. zuvor wenig bekannten Moscovitischen Provinz in Asien, entdeckend nicht nur die ehemalige und gegenwärtige Beschaffenheit des Landes, nach seiner Regieerung, nach der Gegend, Frucht- u. Unnfruchtbarkeit, Cebürgen, Thieren, Flüssen, Stäten u. d. g. Sondern auch die Sitten u. Gebräuche der Samojuden, Wagullen, Calmücken, Ostiaken, Tungusen, Buratten, Mongalen u. Anderer Tartarischen Völker, nebst einer Historischen Nachricht, von den merkwürdigen Begebenheiten derer in diesem Lande gefangenen Schweden, von der Schule zu Tobolsky u. Vom wunderbaren Anfang zur Bekehrung der Unglaublichen. Nürnberg, 1725. (1720–1stedition). P. 157–161.

Muller J. B. The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganism to the Christian Religion of the Grecian Confession. With some curious remarks on the Kingdom of Siberia, and the Streights of Nassau or Waigats. Described by John Berngard Müller, a Swedish Captain of Dragoons, in the Captivity: and sent by him to Petersburg the 12th of December 1716 // Weber F. C. The present state of Russia being an account of the government of that country, with civil and ecclesiastical; of the Czar's forces by sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewitz, from the year 1714, to 1720. Translated from the High-Dutch. 1st ed. London, W. Taylor, 1722–1723. P. 37–92.

Strahlenberg F. An Historico-Geographical description of the North and Eastern Parts of Europe and Asia, but More Particularly of Russia, Siberia, and Great Tartary; Both in their Ancient and Modern State: together with an entire new Polyglot-Table of the Dialects of 32 Tartarian Nations: And a vocabulary of the Kalmuck-Mungalian Tongue. As also A Large and Accurate Map of those Countries; and variety of cuts, representing Asiatick-Scythian Antiquities. Written originally in High German By Mr. Philip John von Strahlenberg, a Swedish officer, thirteen years captive in those Parts, now faithfully translated into English. London, 1738.

Wreech C.F. Wahrhafte und um ständliche Historie von denen Schwedischen Gefangenen in Rusysland und Siberien, welchergestallt dieselbe nach dem A.1709, ben Pultawa in der Ukraine mit denen Russen gehaltenen unglücklichen Treffen, in ihrer Gefangenschaft, zum Theil von Gott kräftig zur Busse erwecket worden, und was sich insonderheit bey der, von einigen unter ihnen angerichteten Schule, zu Tobolsky von Anfange bis zu Ende, wie auch auf ihrer Zurückkunft nach erfolgten Friedens=Schluss begeben hat, mitgetheilet von Curt Friedrich von Wreech, gewesenen Capitaine unter dem Königl. Schwedischen Albedysche Dragouner-Regiment, Sorau, druckt Joh. Gottlieb Rothe, 1725. P. 181–186.

Witsen N. Noord en Oost Tartaryen, behezende eene Beschryving van verscheidene Gewesten, in de Noorder en Oestelykste Deelen van Asiën en europa, zedert naauw keurig onderzoek van veele Jaaren, en eigen onderwin dig outworpen, beschreven, geteekent, en in 't licht gegeven, door Mr. Nicolaas Witsen. Burgemeester te Amsterdam, etc. Etc. Etc. Eerste en tweede deelen, Tweede Druk, Nieuwe uitgaaff verrykt met eene inleiding tot het Werk, en met eene meenigte Afbeeldingen versiert. Te Amsterdam, by M. Schalekamp. MDCCLXXXV.

Литература

Абрамов Н. А. Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень: СофтДизайн, 1998. 576 с.

Абрамов Н. А. О церквах города Берёзова от основания его до настоящего времени // Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень : СофтДизайн, 1998. С. 496–503.

Айрапетян И. Ю. Стольники как одна из категорий феодальной аристократии в 80-х годах XVII в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1980. № 6. С. 67–80.

Акишин М. О. «Благородные мужи» Чулковы // Родина. 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. С. 41–44.

Акишин М. О. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. 2015. № 3. С. 45–54.

Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск : Автор, 1996. 224 с.

Акишин М. О. Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов как исторический источник // Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII – начала XVIII в. / Сост. М. О. Акишин. Новосибирск : Изд-во СО РАН : Филиал «Гео», 2000. С. 3–57.

- Акишин М. О. Сибирские дворяне // Историческая энциклопедия Сибири. / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. С–Я. С. 76–78.
- Александров В. А. «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 94–113.
- Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. 1957. Т. 59. С. 255–309.
- Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М. : Наука, 1969. 240 с.
- Александров В. А. Русское население Сибири в XVII – начале XVIII в. (Енисейский край). М. : Наука, 1964. 303 с.
- Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII веке. Новосибирск : Наука, 1991. 401 с.
- Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 47–68.
- Андреев А. И. Заметки по исторической географии Сибири XVI – XVIII в. // Известия Всесоюзного Географического общества. 1940. Вып. 2. С. 152–158.
- Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Восточная литература, 1999. Т. 1. С. 66–149.
- Андреевский И. А. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб. : Тип. Э. Праца, 1864. 160 с.
- Анкушева К. А. Бардак // Большая Тюменская энциклопедия. Тюмень : Изд-во Тюменского ун-та, 2004. Т. 1. С. 124.
- Антонов А. В. К начальной истории нижегородского ополчения // Русский дипломатарий / Ред. А. В. Антонов. М. : Памятники исторической мысли, 2000. Вып. 6. С. 196–240.
- Анхимюк Ю. В. К истории русской колонизации Дикого поля: гарнизон крепости Царев-Борисов в конце XVI – начале XVII в. // Российское государство в XVI – начале XVIII века : сб. ст. к 70-летию Андрея Павловича Павлова / Сост. А. И. Раздорский. СПб. ; М. : Старая Басманная, 2022. С. 335–351.
- Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине в XVII–XVIII вв. Владивосток : Ин-т истории Дальневосточного отд-ния РАН. 1999. 336 с.
- Асфандияров А. З. Основание города Уфы // Река времени. 2021 / Сост. и отв. ред. М. М. Роднов. Уфа : КнигаПринт, 2021. С. 38–55.
- Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 116 с.
- Байрамова Ф. А. К вопросу о завоевании Сибири русскими // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. С. 57–60.
- Бакулин В. В., Ярков А. П. Ханты-Мансийск // Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. С–Я. С. 434.
- Балюк Н. А. Крепость святого сына // Сибирский исторический журнал. 2004. №1. С. 28–37.
- Балюк Н. А. Тобольская деревня в конце XVI – XIX вв. Тобольск : Штрих, 1997. 224 с.
- Балюк Н. А. Тюменский уезд в конце XVI – XVII вв. // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Словцова. 2000 / Отв. ред. В. П. Петрова. Тюмень : [б. и.], 2001. С. 160–165.
- Баранов М. Ю., Визгалов Г. П. Балинские юрты. Культура Обских остяков и русских ямщиков XVIII–XIX века. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2020. Вып. 18.
- Барахович П. Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Дис. ... канд. Ист. наук. Красноярск, 2016. 438 с.
- Бахрушин С. В. Воеводское управление Якутии // Якутия в XVII веке (очерки) / Под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск : Якут. Кн. Изд-во, 1953. 439 с.
- Бахрушин С. В. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. // Очерки по истории колонизации Севера / Комитет Севера при Русском географическом обществе и Северная колонизационная экспедиция. Пг. : Гос. изд-во, 1922. Вып. 2. С. 18–83.
- Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Восточная литература, 1999. Т. 1. С. 17–65.
- Бахрушин С. В. Кольчуга князя П. И. Шуйского // Тобольский хронограф / Ред.-сост. В. Ю. Софронов. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2004. Вып. 4. С. 169–175.
- Бахрушин С. В. Научные труды. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3. Ч. 1. 376 с. ; Ч. 2. 299 с. ; М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. 258 с.

- Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта (Общий очерк за XVII и XVIII столетия). Томск : Типо-лит. М. Н. Кононова и И. Ф. Скулимовского, 1898. 138 с.
- Белобородов С. А. Столица северного края. Очерки истории Самарова – Остяко-Вогульска – Ханты-Мансийска. М. : УНИСЕРВ, 1997. 158 с.
- Белов М. И. Мангазея. Л. : Гидрометеиздат, 1969. 127 с.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. М. : Наука, 1981. Ч. 2. 147 с.
- Белявский М. Т. Классы и сословия феодального общества в свете ленинского наследия // Вестник МГУ Сер 8. История. 1970. № 2. С. 65–79.
- Беляков А. В. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всерос. Науч. Конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. Гос. ун-та, 2014. С. 63–64.
- Беляков А. В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения. Материалы науч. конф. / [Редкол.: Е. А. Молев и др.] Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. Гос. ун-та, 2005. С. 21–36.
- Беляков А. В. Чингисиды в Смуту // Мининские чтения : тр. Участников междунар. науч. конф. / Отв. ред. О. С. Аржанова. Нижний Новгород : РИО ЦАНО, 2010. С. 56–75.
- Беляков А. В. Югорские князья в системе элит Московского государства XV–XVII вв. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост. и отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. : [б. и.] ; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2020. С. 122–134.
- Бенешевич В. Чемоданов Семен Иванович // Русский биографический словарь. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1905. Т. 23. С. 145–146.
- Берёзово (очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Сократ, 2008. 471 с.
- Блажес В. В. Ермаковские предания в Кунгурской летописи // Вопросы русской и советской литературы Сибири / Отв. ред. В. Г. Одинокоев. Новосибирск : Наука, 1971. С. 36–47.
- Блажес В. В. Фольклор Урала. Народная история о Ермаке. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. 185 с.
- Бобровский П. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1882. 43 с.
- Богданов А. П. Общерусский летописный свод конца XVII в. В собрании И. Е. Забелина // Тр. Гос. ист. музея: Русская книжность XV–XIX вв. / Отв. ред. Т. В. Дианова. М. : [б. и.], 1989. Вып. 71. С. 183–209.
- Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М. : Изд. Имп. о-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1912. Т. 2. 386 с.
- Бондарев Е. Сибирские корни авиаконструктора А. Н. Туполева // Отчёт Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». 2018 / Ред.-сост. С. В. Филатов. Тобольск : ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2019. С. 473–487.
- Бояршинова З. Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск : Изд-во ТомГУ, 1953. Сб. 3. С. 21–48.
- Бояршинова З. Я. Основание русского города на Томи // Томску — 375 лет / Отв. ред. И. М. Разгон. Томск : Изд-во ТомГУ, 1979. С. 11–21.
- Бродников А. А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск : [б. и.], 2019. 382 с.
- Бродников А. А. К вопросу о церковном строительстве в Сибири в XVII в. // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX вв.) / Сост. и отв. ред. О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев. Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, С. 197–207.
- Бродников А. А. Отписка П. П. Головина и М. Б. Глебова в Сибирский приказ (К вопросу об открытии Якутского воеводства) // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Бахрушинские чтения 1994 / Отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1994. С. 3–10.
- Бродников А. А. Перфильев (Перфирьев) Максим // Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. К–Р. С. 612.
- Бродников А. А. Серебряная экспедиция Я. И. Хрипунова (1627–1630 гг.) // II Ремезовские чтения 2005. Провинция в русской культуре / Сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2008. С. 367–380.
- Бродников А. А. Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте / Сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2003. С. 213–227.

- Бродников А. А. Труды и дни зауральского центра // Тобольск и вся Сибирь. Триста лет учреждения Тобольской губернии / Гл. ред. Ю.М. Лощиц. Тобольск : Изд. Общ. Благотв. Фонда «Возрождение Тобольска», 2008. № 10. С. 159–171.
- Буганов В. И. Об оценке Московского восстания 1682 г. (по поводу рецензии Н. И. Павленко) // История СССР. 1973. № 2. С. 236–244.
- Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М. : Мысль, 1980. 343 с.
- Бузукашвили М. И. Ермак. М. : Воениздат, 1989. 142 с.
- Буканова Р. Г. Город Уфа в контексте сибирской истории // Тобольск научный — 2012. Материалы IX Всерос. (с междунар. участием) научно-практ. Конф. / Гл. ред. И. А. Ломакин. Тюмень : Тюменский изд. дом, 2012. С. 261–262.
- Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа : Китап, 2010. 264 с.
- Буканова Р. Г. Юго-восточное пограничье России в XVI – первой половине XIX в.: особенности формирования, подвижность границ, социально-политические трансформации // Политические, социально-экономические и межэтнические процессы в пограничных районах России в XVI – начале XX в. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Р. Г. Буканова. Уфа : Изд-во БашГУ, 2020. С. 83–94.
- Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков : Тип. Губ. Правления, 1889. 345 с.
- Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 1–2. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999.
- Бушев П. П. История посольских и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). М. : Изд-во восточной литературы, 1976. 462 с.
- Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М. : Наука, 1986. 221 с.
- Ваганов Е. А., Шиятов С. Г., Мазепа В. С. Дендроклиматические исследования в Урало-Сибирской Субарктике. Новосибирск : Наука, 1996. 246 с.
- Васильев В. И., Симченко Ю. Б. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII – начало XX в. / Отв. ред. И. С. Гурвич, Б. О. Долгих. М. : Наука, 1970. С. 174–213.
- Васильевский Р. С., Резун Д. Я. Воспитание историей. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1987. 224 с.
- Васьков Д. А. Кучумовичи и угры Западной Сибири в XVII в. (к истории заговора остяков Берёзовского уезда в 1662–1663 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всерос. Науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. Гос. ун-та, 2020. С. 99–105.
- Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племён до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. М. ; Л. : [б. и.]. 1943. Т. 75. Вып. 5. С. 16–23.
- Вершинин Е. В. Бегство к свободе: русская колонизация и сибирские самоеды в XVI–XVII веке // Уральский исторический вестник. 2006. № 13. Ямальский вып. С. 110–127.
- Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург : Муницип. Учеб.-метод. Центр «Развивающее обучение», 1998. 203 с.
- Вершинин Е. В. Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. Г. П. Визгалов. Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2002. С. 98–110.
- Вершинин Е. Жил-был раньше такой атаман // Родина. 2004. № 5. С. 30–33.
- Вершинин Е. В. Местное управление на землях Приуралья в XVI в. // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность / Отв. ред. В. П. Тимошенко. Екатеринбург : Урал. академия гос. службы, 2003. С. 4–18.
- Вершинин Е. В. Надымский городок в письменных источниках XVII–XVIII вв. // Русское освоение Ямала до начала XX века / Отв. ред. И. В. Побережников. Салехард ; Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. С. 134–149.
- Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пельмы в 1623 г. // Проблемы истории России / Отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург : Волот, 2003. Вып. 5. С. 438–444.
- Вершинин Е. В. Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды // Северный археологический конгресс: тез. докл. / Отв. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Академкнига, 2002. С. 312–314.
- Вершинин Е. В. Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д. Л. Овцына // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А. В. Головнев. Тобольск : [б. и.], 2001. С. 96–99.

- Вершинин Е. В. «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1989. № 3. С. 60–70.
- Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. Екатеринбург : Демидовский институт, 2018. 504 с.
- Вершинин Е. В. Русская власть и сибирские самоеды в XVI–XVII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2003. Т. 2. Вып. 2 (История). С. 5–21.
- Вершинин Е. В. Сыск 1653 г. О пустозерском воеводе Лошакове // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – начала XX веков. Материалы 4-й рег. Науч. конф. / Отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : [б. и.], 1999. С. 153–157.
- Вершинин Е. В. Челобитные аборигенного населения Сурутского уезда (XVII в.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут : Диорит, 2004. С. 53–64.
- Вершинин Е. В. Ясачный режим и повинности аборигенного населения Западной Сибири в XVII веке // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост. и отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. : [б. и.] ; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2020. С. 155–177.
- Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Городовые (острожные) укрепления Сургута в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 1 (45). С. 112–131.
- Вершинин Е. В., Визгалов Г. П. Население бассейна реки Вах в XVII веке // Ежегодник Нижневартковского краеведческого музея. СПб. : Реноме, 2019. № 9. С. 50–57.
- Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут : Диорит, 2004. С. 10–32.
- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. : Наука, 1975. 607 с.
- Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России эпохи феодализма. М. : Наука, 1978. 343 с.
- Визгалов Г. П. Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам новых археологических исследований). Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб. 2006. 28 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Города и остроги конца XVI–XVII вв. на территории Югры как источник информации для исторических реконструкций // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост. и отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. : [б. и.] ; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2020. С. 137–142.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2022. Вып. 20.
- Вилков О. Н. Город Сургут и его торговля в XVII в. Препринт. Новосибирск : [б. и.], 1997. 61 с.
- Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М. : Наука, 1967. 324 с.
- Вилков О. Н. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири: Эпоха феодализма и капитализма / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск : Наука СО, 1978. С. 5–46.
- Виноградов А. В. Дипломатические «ссылки» между Крымским ханством и Российским государством в период Смуты // Средневековые тюрко-татарские государства. 2020. № 12. С. 27–50.
- Внукова О. В. Верхотурский гарнизон в конце XVI – начале XVII вв. // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки / Отв. ред. Я. Г. Солодкин. Нижневартовск : МБУ БИС, 2013. Вып. 12. С. 14–21.
- Внукова О. В. О служебных обязанностях ратных людей Западной Сибири // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Отв. ред. Я. Г. Солодкин. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2003. Вып. 5. С. 28–36.
- Внукова О. В. Формирование первых сибирских гарнизонов в конце XVI – начале XVII веков // Россия и страны Запада. Проблемы истории и филологии. Отв. ред. Я. Г. Солодкин. Нижневартовск : Изд-во НГПИ, 2002. Ч. 1. С. 74–86.
- Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 400 с.
- Володихин Д. М. Тысяча миль за полтора года. Русское наступление в Сибири при царе Федоре Ивановиче // Родина. 2010. № 8. С. 49–52.
- Володихин Д. М. Царь Федор Иванович. М. : Молодая гвардия, 2011. 192 с.
- Володихин Д. М. Кто присоединил Сибирь к России в XVI столетии? // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 5 (44). С. 200–209.
- Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов московских приказов конца XVI – нач. XVII в. М. : Древлехранилище, 407 с.

- Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб. : Тип. II отделение Собственной е. и. в. канцелярии, 1854. Ч. 2. 697 с.
- Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1892. 86 с.
- Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья вторая // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1869. Т. 15. Приложение. С. 183–289.
- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И. Легенды и были таёжного края. Новосибирск : Наука, 1989. 175 с.
- Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург ; Салехард : РА АРТмедиа, 2005. 360 с.
- Главацкая Е. М. Этнический компонент в истории Югры // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост. и отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. : [б. и.]; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2020. С. 292–304.
- Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж : Изд-во ВГУ, 2001. 376 с.
- Глазьев В. Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI–XVII веках. Воронеж : Изд. Дом ВГУ, 2018. 270 с.
- Глазьев В. Н. Структура власти в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI века // Исторические записки : науч. тр. ист. ф-та / Отв. ред. А. З. Винников. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1997. Вып. 2. С. 6–14.
- Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М. : Изд-во Московского ун-та, 1975. 328 с.
- Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 600 с.
- Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 344 с.
- Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 2015. 592 с.
- Головнёв А. В., Зайцев Г. С., Прибыльский Ю. П. История Ямала. Тобольск ; Яр-Сале : [б. и.], 1994. 115 с.
- Голубцов И. А. «Измена» Нагих // Учёные записки / Ин-т истории ; Рос. ассоциация науч.-исслед. Ин-та общ. Наук. 1929. Т. 4. С. 55–70.
- Градовский А. Д. Собрание сочинений. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 2. 498 с.
- Градостроительство Сибири / Под ред. В. И. Царева. СПб. : Коло, 2011. 784 с.
- Грицкевич В. П. От Немана к берегам Тихого океана. Минск : Полымя, 1986. 303 с.
- Гурлянд И. Приказ сыскных дел // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову, его учениками и почитателями / Под ред. М. Н. Ясинского. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1904. С. 87–109.
- Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль : Тип. Губерн. Правления, 1900. 339 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Прогресс, 1994. Т. 1. 365 с.
- Демидова Н. Ф. Приказные люди XVII в. (социальный состав и источники формирования) // Исторические записки. 1972. Т. 90. С. 332–354.
- Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М. : Наука, 1987. 228 с.
- Демин М. А. Коренные народы Сибири в ранней русской историографии. Барнаул ; СПб. : Изд-во АлтГУ, 1995. 144 с.
- Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1965. 152 с.
- Дергачева-Скоп Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С. У. Ремезова. Ст. 1 // Вопросы русской и советской литературы Сибири / Отв. ред. В. Г. Одинокоев. Новосибирск : Наука, 1971. С. 48–70.
- Дмитриев А. Пермская старина : сб. ист. ст. и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 5. Покорение угорских земель и Сибири. Пермь : Тип. Н[аследни]ков П. Ф. Каменского, 1894. 234 с.
- Дмитриев А. В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск : Новосиб. Гос. ун-т, 2008. 240 с.
- Добрыднев В. А. Поморье и колонизация Западной Сибири: конец XVI – начало XVIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. 282 с.
- Долгих А. И. Из истории сибирского казачества // Вопросы философии и истории : науч. тр. Омской высшей школы милиции. Омск : [б. и.], 1970. Вып. 4. С. 163–171.

- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 662 с.
- Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков : Изд-во ХГУ, 1958. 132 с.
- Доронин П. Документы по истории Коми // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 257–271.
- Древний город на Оби: история Сургута / Н. Н. Баранов, Д. В. Бугров, Е. М. Главацкая [и др.]. Екатеринбург : Тезис, 1994. 327 с.
- Дубман Э. Л. Князь Григорий Засекин (Хроника жизни и деятельности строителя волжских городов). Самара : Изд-во Самар. Гос. ун-та, 1995. 82 с.
- Дубман Э. Л. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара : Самарский университет, 2012. 235 с.
- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский север. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1911. Т. 3. 203 с.
- Евсеев В. Н. О «Синодике ермаковым казакам» // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура. Материалы Всерос. Научно-практ. конф. С междунар. участием / Под ред. В. Н. Евсеева, Г. С. Зайцева. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2012. С. 40–48.
- Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности). Томск : Изд-во ТомГУ, 1980. 251 с.
- Ермак. Энциклопедический словарь-справочник. Под ред. Г. С. Зайцева, В. И. Степанченко. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2018. 192 с.
- Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII в. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 324 с.
- Жеребцов И. Л. Коми — жители первых западносибирских городов в конце XVI – первой четверти XVII вв. // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса / Отв. ред. А. Ю. Конев. Тобольск : Изд-во ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 1997. С. 77–78.
- Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1969. 304 с.
- Самаровский край. История Ханты-Мансийского района / Загороднюк Н. И., Квашнин Ю. Н., Конев А. Ю., [и др.]. Тюмень : Изд-во Мандр и К°, 2003. 295 с.
- Замысловский Е. Занятие русскими Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Октябрь. С. 223–250.
- Зенько А. П. Русские старожилы Среднего Приобья: на стыке культур // Русские старожилы. Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А. В. Головнев. Тобольск ; Омск : [б. изд.], 2000. С. 45–48.
- Зенько М. А. «Этническое лицо» лесных ненцев: проблемы формирования традиционной культуры // Самодийцы. Материалы IV Сибир. Симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А. В. Головнев. Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 114–118.
- Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М. : Мысль, 1986. 333 с.
- Зимин А. А. Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1974. Т. 94. С. 271–290.
- Зимин А. А. Опричнина. М. : Территория, 2001. 448 с.
- Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М. : Соцэкгиз, 1960. 511 с.
- Зиновьев В. П., Лбова Л. В. Томская область // Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. С–Я. С. 267–273.
- Зинченко С. Н. Особенности социального и национального состава сибирских казаков в конце XVI–XVII в. // Присоединение Сибири к России: новые данные. Материалы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием / [Редкол.: Г. С. Зайцев и др.]. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2014. С. 85–98.
- Зубков К. И. Русский путь в Сибирь (опыт геополитического анализа) // Верхотурский край в истории России / Ред.-сост. Н. Н. Тагильцева. Екатеринбург : УрГПУ ; Банк культурной информации, 1997. С. 4–10.
- Зуев А. С. Аборигенная (инородческая) политика в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. А–И. С. 9–14.

- Зуев А. С. Ермак // Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. А–И. С. 535–536.
- Зуев А. С. Ермаковы казаки // Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. А–И. С. 537–538.
- Зуев А. С. Присоединение Сибири к России // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. К–Р. С. 493–498.
- Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2007. 120 с.
- Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2002. 330 с.
- Зуев А. С. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII–XVIII веках: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века) / Отв. ред. А. В. Бауло. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 85–154.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А. Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2017. 444 с.
- Зуев А., Слугина В. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. № 3. С. 30–44.
- Зыков А. П. Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья (Средневековье и Новое время). Екатеринбург : Уральский рабочий, 2012. 232 с.
- Зыков А. П. Север Западной Сибири в эпоху средневековья // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост. и отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. : [б. и.]; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2020. С. 67–72.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург : Волот, 2001. 320 с.
- Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск : Наука, 1999. 199 с.
- Илюшечкина Т. Н. Голландская версия Описания Сибири: к литературной истории памятника // II Ремезовские чтения 2005. Провинция в русской культуре / Сост. и отв. ред. Е. И. Дергачева-Скоп, В. Н. Алексеев. Новосибирск : РИО ГПНТБ СО РАН, 2008. С. 389–414.
- История Бурят-Монгольской АССР / Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ : Бурят-Монг. гос. изд-во, 1951. Т. 1. 574 с.
- История земли Уватской / В. И. Бронников [и др.]. Уват: [б. и.], 2000. 239 с.
- История казачества Азиатской России / Отв. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1995. Т. 1. 317 с.
- История Москвы / Ред. С. В. Бахрушин [и др.]. М. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. 777 с.
- История русской литературы / Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. Т. 2. Ч. 2. 440 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней / Гл. ред. А. П. Окладников, В. И. Шунков. Л. : Наука, 1968. Т. 2. 538 с.
- История татар с древнейших времён : в 7 т. / Гл. ред. Р. Хакимов. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Т. 4. 1080 с.
- История татар с древнейших времён : в 7 т. / Гл. ред. Р. Хакимов. Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Т. 5. 1031 с.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. 466 с.
- История Ямала / Под ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург : Баско, 2010. Т. 1. Кн. 2. 323 с.
- Исхаков Д. М. Арские князья на службе у московских государей: походы в Сибирь // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 49–52.
- Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк) / [Редкол.: Г. С. Зайцев и др.]. Тюмень : Экспресс, 2010. 184 с.
- Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII в. М. : Госюриздат, 1954. 171 с.

- Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск : Тип. ИП «Долгов Р. Н.», 2005. 340 с.
- Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М. : РГГУ, 2001. 575 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М. : Наука, 1989. Т. 1. 640 с.
- Карамзин Н. М. История Государства Российского. М. : Книга, 1989. Кн. 3. Т. 9–12. 732 с.
- Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург : Магеллан ; Нефтеюганск : [б. и.], 2009. 359 с.
- Кардаш О. В., Визгалов Г. П., Кениг А. В. Монкысь урий — городок XVI–XVII веков на реке Большой Юган (Краткие результаты комплексного археологического исследования) // Вестник «Археология Севера. Новые открытия» — полые открытия. Нефтеюганск : АНО «Институт археологии Севера», Вып. 1. 2018.
- Кардаш О. В., Слесаренко И. В., Родин С. О. Священная кедровая роща: формирование и развитие религии салымских хантов в IV–XX веках. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск ; Нефтеюганск ; Сургут, 2021. Вып. 19.
- Карнейро Р. Л. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. Волгоград : Учитель, 2006. С. 55–70.
- Катанаев Г. Е. Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб. : Комиссионер военно-учебных заведений, 1908. Вып. 1. 122 с.
- Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М. : Наука, 1996. 265 с.
- Кистерев С. Н. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатический / Ред. А. В. Антонов. М. : Памятники исторической мысли, 2000. Вып. 6. С. 90–147.
- Ключевский В. О. Сочинения. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 6. 487 с.
- Книжные сокровища Югры. Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Отв. ред. А. Т. Пашков. Екатеринбург : Волот, 2003. 426 с.
- Козляков В. Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М. : Молодая гвардия, 2011. 311 с.
- Козляков В. Н. Земское ополчение в Ярославле в 1612 г. // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. В. Н. Козлякова. М. : 2К, 2012. С. 14–25.
- Кокшаров С. Ф. Таёжная цивилизация // Очерки истории Югры / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. С. 29–52.
- Кокшаров С. Ф., Горшков С. В. Из опыта историко-археологических исследований Югры // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост. и отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. : [б. и.]; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2020. С. 62–66.
- Колева Г. Ю. Иноземный контингент в составе служилых людей Сибири: казаки «литовского списка» // Вестник Сургутского гос. пед. университета. 2014. № 4 (31). С. 118–127.
- Колева Г. Ю. Первые поселенцы Сибирского края // Десятые Тюменские родословные чтения. Проблемы сохранения исторической памяти. Материалы Всерос. научно-практ. конф. / [Редкол.: А. И. Баикина и др.]. Тюмень : Изд-во Тюм. нефтегаз. ун-та, 2013. С. 184–190.
- Колесников А. Д. Изменение демографической ситуации в Сибири в XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР / Ред. А. Д. Колесников. Томск : Изд-во ТГУ, 1980. С. 144–157.
- Колесников А. Д. Особенности первоначального заселения и освоения Сибири // Исторический опыт освоения Сибири / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск : [б. и.], 1986. Вып. 1. С. 139–141.
- Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М. : Наука, 1987. 229 с.
- Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). 2-е изд. М. : Координационно-методический центр прикладной этнологии Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1995. 218 с.
- Конев А. Ю. Неизвестный источник о крещении Лобана (Онжина) Алачева: к истории кодских князей и их потомков // Вестник Нижневартского гос. университета. 2018. № 4. С. 19–24.
- Коньков Н. Л. Тобольские воеводы конца XVI – начала XVIII века. [б. м.] : Возрождение Тобольска, 2001. 118 с.
- Копылов Д. И. Ермак. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 239 с.
- Копылов А. Н. Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни / Отв. ред. Н. В. Устюгов. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 330–370.

- Корецкий В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). Сб. ст. памяти члена-корреспондента АН СССР Виктора Ивановича Шушкова / [Редкол.: А. П. Окладников и др.]. М. : Наука, 1973. С. 37–59.
- Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М. : Наука, 1986. 271 с.
- Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия: 1604–1613. М. : Чарли, 1994. 799 с.
- Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1977. 190 с.
- Крадин Н. Деревянный город Берёзов // Тобольск и вся Сибирь. Кн. 22. Берёзов. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2013. С. 59–75.
- Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина [и др.]. Волгоград : Учитель, 2006. С. 184–208.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск : Наука, 1982. 504 с.
- Кузнецов Е. В. Сибирский летописец / Сост. Ю. Л. Мандрика. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 367 с.
- Курилов В. Н. Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск : Наука, 1974. С. 76–85.
- Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленности. М. : Древлехранилище, 2005. 324 с.
- Курносов В. В. К вопросу военного сотрудничества обских угров и сибирских татар в период позднего средневековья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всерос. (национальной) науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. С. 65–68.
- Курносов В. В. Роль аборигенных народов в завоевании Русским государством Западной Сибири // Пять столетий Югры. Проблемы и решения. Итоги и перспективы / Под ред. А. В. Спичак. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2022. Вып. 3 (10). С. 21–27.
- Кучумов И. В., Маслюженко Д. Н., Менщиков В. В., Сахибгареева Л. Ф. Покорение Западной Сибири в изложении Б. Э. Нольде // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. С. 24–27.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М. : Изд-во АН СССР, 1963. 371 с.
- Лапин Н. Военное искусство в сибирских походах Ермака // Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 36–44.
- Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времён Смуты до эпохи преобразований. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1890. 579 с.
- Леонтьев В. М. Источники и литература об основании и застройке г. Берёзова в конце XVI – начале XVIII в. // Источниковедение городов Сибири конца XVI – начала XX в. / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск : Наука, 1983. С. 17–26.
- Леонтьев В. М. Торговля Берёзова в XVII в., или Русские в Сибири. Новосибирск : ЭКОР, 1995. 511 с.
- Леонтьев Я. В. Первое Северное ополчение 1609–1610 гг. и его предводители (князь М. В. Скопин-Шуйский и воевода Д. В. Жеребцов) // Мининские чтения : тр. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Кузнецов. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2007. С. 77–94.
- Леонтьев Я. В. «Предаст же брат брата на смерть ...» (Воевода князя Скопина-Шуйского Я. П. Барятинский и тушинский воевода в Ярославле Ф. П. Барятинский) // Смутное время в России в начале XVII в.: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея земли» в Ярославле. Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. В. Н. Козлякова. М. : 2К, 2012. С. 279–283.
- Леонтьева Г. А. Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX в. / Отв. ред. Е. И. Соловьёва. Новосибирск : НГПИ, 1986. С. 3–19.
- Леонтьева Г. А. Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII – начале XVIII в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск : Наука, 1978. С. 76–94.
- Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1972. 23 с.

- Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М. : [СУНЦ МГУ им. М.В. Ломоносова], 2012. 321 с.
- Леонтьева Г. А. Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М : Российская Академия наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. 192 с.
- Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М. : Ин-т рос. ист. РАН, 2000. Ч. 1. 485 с.
- Литвинчук М. С. Формирование локальной группы русских в г. Сургуте и Сургутском уезде в XVII – начале XX вв.: этнонациональная характеристика // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2013. № 6 (27). С. 114–119.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 499 с.
- Лихачев Н. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб. : Тип. В. С. Балашева и КО, 1894. 235 с.
- Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. 754 с.
- Лопарев Х. Покорение Югорской земли // Подорожник. Краевед. альманах. Тюмень : Мандр и К^о, 2012. Вып. 13. С. 13–15.
- Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень : Софтдизайн, 1997. 264 с.
- Лурье С. В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры. Научный альманах. М., 1995. Вып. 2. Россия и Восток. С. 252–273.
- Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М. : Соцэкгиз, 1939. 342 с.
- Люцидарская А. А. К вопросу о роли служилого населения в развитии г. Томска во второй половине XVII в. // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Сб. трудов, напис. на материалах науч. конф. Ин-та истории, филологии и философии СО АН СССР / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск : [б.и.], 1972. Ч. 2. С. 5–14.
- Люцидарская А. А. Русско-мансийские отношения конца XVI–XVII в. // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 98–107.
- Ляпин Д. А. Дворянское представительство в структуре местного управления в городах-крепостях южного пограничья в конце XVI – начале XVII в. // Сословное представительство в России в контексте европейской истории (вторая половина XVI – середина XVII вв.) [междунар. науч. конф.] : сб. тез. докл. / Под ред. А. В. Доронина, В. Д. Назарова. М. : [б. и.], 2013. С. 75–78.
- Малов А. В. Приезды в Москву берёзовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным приходно-расходных книг Казённого приказа) // Меншиковские чтения. 2015. Материалы Рос. науч. конф. / Гл. науч. ред. П. А. Кротов. СПб. : XVIII век, 2015. Вып. 10. С. 157–184.
- Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск : Обл. кн. изд-во, 1940. 348 с.
- Мальцев В. П. «Ключ государства Московского» // Исторические записки. М. : Изд-во АН СССР, 1940. Кн. 8. С. 72–86.
- Манькова И. Л. Православный ландшафт городов Западной Сибири в XVII веке. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 394 с.
- Манькова И. Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска в XVII – первой половине XVIII вв.: приходские церкви // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города : сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием / Отв. ред. И. Н. Стась. Курган : Курганский Дом печати, 2015. С. 232–246.
- Манькова И. Л. Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах в первой половине XVII в. // Русское освоение Ямала до начала XX в. (документы и исследования). Салехард ; Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. С. 58–133.
- Манькова И. Л. Тобольские служилые люди Мокринские // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. С. 323–329.
- Манькова И. Л. Тобольский архиерейский дом как актер колонизации Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 82–91.
- Манькова И. Л. Формирование православного ландшафта русских поселений в Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII вв.) // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост и Отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. : [б. и.] ; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2020. С. 229–240.
- Мартынова Е. П. Обские угры к середине II тыс. н. э. (к вопросу о социально-политической организации в «дорусский период») // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири / Отв. ред. А. В. Головнев. Тобольск ; Омск : Омск. гос. пед. ин-т, 1999. С. 149–152.

- Мартынова Е. П. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири / Отв. ред. Г. П. Визгалов. Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2002. С. 82–91.
- Мартынова Е. П. Татарско-угорские политические связи в XIV – XVII вв. // Тюркские народы. Материалы V-го Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А. В. Головнев. Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 294–296.
- Матвеев А. В., Татауров С. Ф. Границы Сибирского ханства Кучума // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 70–78.
- Матвеев А. В., Татауров С. Ф. К вопросу об административно-территориальном устройстве Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 33–37.
- Мельников Б. В. Некоторые аспекты церковной политики Российского государства в Сибири (XVII век) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность : тез. докл. и сообщ. Межвуз. регион. науч. конф. / Отв. ред. Г. А. Дребушевская. Омск : Изд-во ОмГУ, 2000. С. 79–88.
- Мельников Н. М. Ермак Тимофеевич князь Сибирский, его сподвижники и продолжатели. Париж : Родимый край, 1961. 147 с.
- Мельникова А. С. Некоторые аспекты изучения денежной реформы 1654–1663 гг. // Денежные реформы в России: история и современность / Отв. ред. Е. А. Тюрина. М. : Древлехранилище, 2004. С. 28–36.
- Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI – XVII вв. М. : Стрелец, 2005. 320 с.
- Микулин Н. В. Г. И. Микулин — государственный деятель конца XVI – начала XVII века // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 135–138.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с. ; 1941. Т. 2. 639 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М. : Восточная литература, 1999. Т. 1. 630 с. ; 2000. Т. 2. 796 с. ; 2005. Т. 3. 598 с.
- Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства. СПб. : Издание Имп. Акад. Наук, 1787. 368 с.
- Миненко Н. А. Берёзов и Сургут в XVIII – первой половине XIX в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск : Наука СО, 1974. С. 86–109.
- Миненко Н. А. Городовые казаки Обского Севера в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). Сб. статей памяти чл.-кор. АН СССР В. И. Шункова / [Редкол.: А. П. Окладников(пред.) и др.]. М. : Наука, 1973. С. 336–349.
- Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1979. 350 с.
- Миненко Н. А. Русское население Нижнего Приобья в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969) / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск : Наука, 1972. С. 245–263.
- Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск : Наука, 1975. 308 с.
- Миненко Н. А. Тюмень. Летопись четырёх столетий. СПб. : Русь, 2004. 512 с.
- Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М. : Мысль, 1970. 391 с.
- Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 187 с.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 2-е изд. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
- Могильников В. А. Археологические памятники сибирских татар XIV–XVI вв. в Тобольском Прииртышье // Тюркские народы. Материалы V-го Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А. В. Головнев. Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 78–82.
- Моисеев М. В. Служилые татары — гонцы Посольского приказа XVI века. Материалы для биографического словаря // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 175–181.
- История и культура хантов / В. И. Молодин [и др.]. Томск : Изд-во ТомГУ, 1995. 123 с.
- Мордовина С. П. К истории утверждённой грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год / Отв. ред. С. О. Шмидт. М. : Наука, 1970. С. 127–141.
- Мордовина С. П. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 56–62.
- Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича. М. : Наука, 2005. 452 с.

Мыглан В. С. Климат и социум в Сибири в малый ледниковый период. Красноярск : Сибирский федер. ун-т, 2010. 230 с.

Мыглан В. С., Ведмидь Г. П., Майничева А. Ю. Берёзово : историко-архитектурные очерки. Красноярск : Изд-во Север. федерал. ун-та, 2010. 159 с.

Назаров В. Д. Зауральская эпопея XVI века // Вопросы истории. 1969. № 12. С. 103–116.

Найденов Н. А. Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1885. 164 с.

Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И. Н. Гемуев [и др.]. М. : Наука, 2005. 805 с.

Население Урала и Сибири XVI–XX вв. / Под ред. В. Д. Пузанова. Шадринск : Изд-во ШГПУ, 2019. 114 с.

Небольсин П. Заметки по пути из Петербурга в Барнаул. СПб. : Тип. И. Глазунова и К^о, 1850. 248 с.

Небольсин П. И. Покорение Сибири. СПб. : Русская симфония, 2008. 344 с.

Недбай Ю. Г. История казачества Западной Сибири. 1582–1808 гг. (Краткие очерки). Омск : [б.и.], 1996. Ч. 1. 116 с. ; Ч. 2. 202 с.

Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в первой четверти XVIII века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1993. 20 с.

Недбай Ю. Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. 272 с.

Нескоров А. В. О локализации поля сражения 23 октября 1582 г. Между войском хана Кучума и казачьим отрядом Ермака (к предьстории основания г. Тобольска) // Тобольск: времена, события, люди / Отв. ред. А. И. Татарникова. Тобольск : [б. и.], 2017. С. 16–28.

Никитин Д. Н., Никитин Н. И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI – начала XVIII в. М. : Русские Витязи, 2016. 128 с.

Никитин Н. И. Военно-служилые люди Западной Сибири XVII в. : из истории классово-сословного строя позднефеодальной России. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975. 39 с.

Никитин Н. И. Военные факторы колонизации Сибири как объект специального изучения // Российская история. 2014. № 3. С. 72–90.

Никитин Н. И. Выходцы из Белоруссии и Литвы в Тобольске XVII в. // Тобольск и вся Сибирь. Белорусы в Сибири / Сост. Ю. П. Перминов, Р. Ю. Фёдоров. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2019. Т. 2. С. 131–160.

Никитин Н. И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России / Отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1985. С. 51–70.

Никитин Н. И. Ермак // Исторический лексикон. История в событиях и лицах. XIV–XVI века / Сост. Т. П. Гусаров [и др.]. М. : Академкнига/Учебник ; Знание, 2006. С. 483–489.

Никитин Н. И. «За други своя» // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 83–87.

Никитин Н. И. Землепроходец Семен Дежнев и его время. М. : РОССПЭН, 1998. 190 с.

Никитин Н. И. Начало казачества Сибири. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1996. 95 с.

Никитин Н. И. О месте казачества Сибири в социальной структуре России XVII века (по поводу концепции Ю. Г. Недбая) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8. С. 151–160.

Никитин Н. И. О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова / Отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 224–231.

Никитин Н. И. Обский городок // Исторический лексикон. История в событиях и лицах. XIV–XVI века / Сост. Т. П. Гусаров [и др.]. М. : Академкнига/Учебник ; Знание, 2006. С. 489–491.

Никитин Н. И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 77–83.

Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М. : Наука, 1987. 176 с.

Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск : Наука, 1988. 255 с.

Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001. Вып. 4. С. 51–87.

Никитин Н. И. Торгово-промышленная деятельность военно-служилых людей Тобольска в середине XVII в. // Проблемы отечественной истории : сб. статей аспирантов и соискателей Института истории СССР / Отв. ред. А. М. Анфимов. М. : [б.и.], 1973. [Ч. 1]. С. 8–26.

- Новосадский И. В. Возникновение печатной книги в России в XVI в. // Иван Федоров первопечатник / Ред. А. С. Орлов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. С. 44–56.
- Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М. : Наука, 1994. 222 с.
- Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья / Под ред. Д. А. Редина. Екатеринбург : Волот, 1997. 154 с.
- Оглоблин Н. Бытовые черты начала XVIII века // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1904. Кн. 1. С. 1–21.
- Оглоблин Н. Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 195–207.
- Оглоблин Н. К вопросу о христианском имени Ермака // Библиограф. 1894. № 1. С. 23–26.
- Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) М. : Универс. Тип., 1897. Ч. 2. 162 с. ; Ч. 3. 394 с. ; Ч. 4. 288 с.
- Оглоблин Н. Н. Происхождение провинциальных подъячих в XVII веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 9. Отд. 2. С. 118–150 ; № 10. Отд. 2. С. 219–241.
- Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М., 1941.
- Очерки истории и культуры Верхотурья. К 400-летию г. Верхотурья / В. И. Байдин, И. Н. Белобородова, Е. М. Главацкая [и др.]. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1998. 288 с.
- Очерки истории Коды / В. М. Морозов, С. Г. Пархимович, А. Т. Шашков. Екатеринбург : Волот, 1995. 192 с.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. / Под ред. А. Н. Насонова. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 962 с.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / Под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 1032 с.
- Очерки истории Тюменской области. / Отв. ред. В. М. Кружинов. Тюмень : Тюмень, 1994. 269 с.
- Очерки русской литературы Сибири. / Отв. ред. В. Г. Одинокоев. Новосибирск : Наука, 1982. Т. 1. 606 с.
- Очерки истории Югры / Отв. ред. Д. А. Редина, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург : Волот, 2000. 407 с.
- Павлинская Л. Р. Особенности русской колонизации Сибири (XVII – начало XVIII в.) // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.) / Отв. ред. Л. Р. Павлинская. СПб. : МАЭ РАН, 2014. С. 3–66.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб. : Наука, 1992. 279 с.
- Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб. : Дмитрий Буланин, 2018. Т. 2. 622 с.
- Павлов А. П. Лобанов-Ростовский Федор Михайлович, князь (ум. ок. 1600 г.) // Власть в Сибири. XVI – начало XX в. / Сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск : Сова, 2005. С. 383–384.
- Павлов А. П. Московские дворяне и их роль в системе государственной власти России в первой половине XVII века // Проблемы истории России / Отв. ред. Е. Т. Артемов, Д. А. Редина. Екатеринбург : Волот, 2011. Вып. 9. С. 217–229.
- Павлов А. П. Щербатый Меркурий Александрович, князь (ум. Ок. 1601) // Власть в Сибири. XVI – начало XX в. / Сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск : Сова, 2005. С. 384–385.
- Павлов П. Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е годы XVII в. // Сибирь периода феодализма / Отв. ред. В. И. Шунков. Новосибирск : Наука, 1965. Вып. 2. С. 17–39.
- Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Люди кабальные. М. : Крафт+, 2001. 286 с.
- Пархимович С. Г., Пархимович С. Ю. Берёзовское городище как источник информации об истории и культуре города Берёзова к. XVI–XIX вв. // Меншиковские чтения 2019. Материалы Рос. науч. конф. / Сост. Л. В. Андриянова [и др.]. Тюмень : Титул, 2019. Вып. 12. С. 41–50.
- Патканов С. К. Сочинения. Т. 2. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрика, 1999. 317 с.
- Пелих Г. И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск : Наука, 1981. 424 с.
- Перевалова Е. В. Беглецы: к истории родов лесных ненцев // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А. В. Головнев. Тобольск ; Омск : Омск. Гос. пед. Ин-т, 2001. С. 143–147.
- Перевалова Е. В. «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народонаселение Сибири. Стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX века) / Отв. ред. А. В. Бауло. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 155–185.
- Перевалова Е. В. О значении жалованных грамот остяцких князцов // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А. В. Головнев. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 1999. С. 156–161.

- Перевалова Е. В. Обдорские ханты (хаби): к вопросу о формировании группы // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума) / Отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 2. С. 379–391.
- Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 46 с.
- Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург : ИИА УрО РАН, 2004. 413 с.
- Перцев Н. В., Сабаров А. Н. Аборигенные городки Нижнего Приобья в конце XVI–XVII в. (из опыта создания исторической карты) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 74–81.
- Пестерев В. В. Русская колониальная администрация в борьбе с фантомами сибирской государственности // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы междунар. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 109–114.
- Петров В. И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII – первая половина XIX вв.) // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. / Отв. Ред В. И. Шунков. Новосибирск : Наука, 1965. С. 201–217.
- Петров К. В. Князья Барятинские и Сибирь (конец XVI–XVII вв.) // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. научно-практ. конф., посвященная 400-летию города Сургута : тез. докл. / Отв. ред. И. Л. Манькова. Екатеринбург : Волот, 1994. С. 165–167.
- Пилипчук Я. В. «Пегаея Орда». К вопросу о средневековой истории селькупов // Культура. Наука. Образование. Проблемы и перспективы. Материалы V междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. А. В. Коричко. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. Гос. ун-та, 2016. Ч. II. С. 236–241.
- Пилипчук Я. В. Пелымское княжество манси в средневековой истории Сибири // Миллеровские чтения. Финно-угорский мир в древности, в средневековье и в новое время : тез. докл. и сообщ. / Отв. ред. Я. Г. Солодкин, М. М. Чореф. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. Вып. 1. С. 22–26.
- Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественно-го строя и сословных отношений в Смутное время). М. : Памятники исторической мысли, 1995. 470 с.
- Платонов С. Ф. Смутное время. СПб. : Лань, 2000. 479 с.
- Побережников И. В. Становление русской системы местного управления на Урале и в Сибири (XVI–XVII вв.) // Письменные источники по истории Западной Сибири / Отв. ред. Е. Н. Гололобов. Сургут : РИО СургПИ, 2004. С. 17–25.
- Покровский Н. Н. Российская власть и общество: XVII–XVIII вв. Новосибирск : Наука, 2005. 447 [1] с.
- Покровский Н. Н. Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189.
- Покровский Н. Н. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. По челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : СО РАН, 2006. С. 180–198.
- Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К. Предисловие // Тобольский архиерейский дом в XVII в. Новосибирск, 1994. С. 11–36.
- Покшишевский В. В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). [Иркутск]: Иркутское обл. гос. изд-во, 1951. 207 с.
- Полевой Б. П. Новое о Василии Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII – начала XX века / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск : Наука, 1981. С. 57–63.
- Полищук В. В. Тюмень изначальный // Сулеймановские чтения — 2006 / [Редкол.: Г. И. Зинатуллина и др.]. Материалы IX научно-практ. Конф. Тюмень: Экспресс, 2006. С. 84–87.
- Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М. : Наука, 1972. 392 с.
- Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтинным. СПб. : Тип. Горного училища, 1788. Т. 2. 561 с.
- Пузанов В. Д. Берёзов: город и гарнизон на севере Сибири // Вестник угроведения. 2014. № 2 (17). С. 118–126.
- Пузанов В. Д. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI – начало XVIII в.). Сургут : Таймер, 2011. 223 с.
- Пузанов В. Д. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII веке // Северный регион: наука, образование, культура. 2005. № 1 (11). С. 97–112.
- Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Сибири. Конец XVI – XVII в. СПб. : Алетейя, 2010. 432 с.

- Пузанов В. Д. Гарнизон Сургута в конце XVI – начале XVIII в. // Северный регион: наука, образование, культура. 2013. № 1 (27). С. 164–180.
- Пузанов В. Д. Гарнизоны городов Югорской земли: формирование и службы в конце XVI – начале XVIII вв.) // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост. и Отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. : [б. и.] ; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2020. С. 143–154.
- Пузанов В. Д. Годовальщики в Сибири в XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 132–142.
- Пузанов В. Д. Служилые люди Берёзовского уезда в XVII в. // Северный регион: наука, образование, культура. 2012. № 1–2 (25–26). С. 182–188.
- Пузанов В. Д. Сургут в военно-административной системе Сибири // Сургут в отечественной истории / Науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Изд-во СурГУ, 2001. С. 46–49.
- Рабинович Я. Н. Саратовский воевода Владимир Владимирович Аничков (1607–1608) // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2011. Т. 11. Вып. 1. С. 92–98.
- Резун Д. Я. Берёзово // Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. А–И. С. 195–196.
- Резун Д. Я. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX века / Отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск : Наука, 1981. С. 35–57.
- Резун Д. Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака? // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер.: Обществ. наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 17–20.
- Резун Д. Я. Очерки изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск : Наука, 1982. 220 с.
- Резун Д. Я. Предисловие // Первое столетие сибирских городов: XVII век / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. С. 9–35.
- Резун Д. Я. Предисловие // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск : Сова, 2003. Вып. 3. С. 3–7.
- Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск : Новосибир. кн. изд-во, 1993. 293 с.
- Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосибир. кн. изд-во, 1989. 304 с.
- Резун Д. Я., Романов Р. Е. Салехард // Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. С–Я. С. 7–8.
- Резун Д. Я., Соколовский И. Р. Пелым // Историческая энциклопедия Сибири / Гл. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. К–Р. С. 595–596.
- Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск : Сова, 2005. 198 с.
- Ромодановская Е. К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск : Наука, 2002. 390 с.
- Ромодановская Е. К. Черкас Александров // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 227–229.
- Российская империя от истоков до начала XIX века : очерки социально-политической и экономической истории / [Редкол.: А. И. Аксенов и др.]. М. : Русская панорама, 2011. 880 с.
- Русские / Отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. М. : Наука, 1999. 828 с.
- Русские старожилы Сибири. Историко-антропологический очерк / Отв. ред. В. В. Бунак, И. М. Золотарева. М. : Наука, 1973. 189 с.
- Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: исследовательские материалы и документы / авт.-сост. Н. Н. Баранов., Д. А. Редин, А. Т. Шашков. М. : Галерея, 2007. 591 с.
- Рябинина Е. А. Внешняя политика Кучум-хана в 1582–1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 90–95.
- Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 543 с.
- Салымский край / Сост. В. Н. Гриценко [и др.]. Екатеринбург : Тезис, 2000. 343 с.
- Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М. : Наука, 1978. 258 с.
- Сафронов Ф. Г. Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск : Якутское кн. изд-во, 1967. 96 с.

- Селин А. Столбовский мир 1617 года. 2-е изд. СПб. : БЛИЦ, 2019. 208 с.
- Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2008. 747 с.
- Семенов О. В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России / Отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург : Волот, 2008. Вып. 7. С. 295–333.
- Семенов О. В. Демьянские против самаровских // Родина. 2012. № 7. С. 88–90.
- Семенов О. В. Из истории первых лет существования Самаровского яма // Мининские чтения : тр. участников междунар. науч. конф. / Отв. ред. О. С. Аржанова. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2010. С. 443–454.
- Семенов О. В. История Демьянского яма в XVII в.: возникновение и первые годы существования // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (65). С. 152–159.
- Семенов О. В. К вопросу о позиции Перми Великой в годы Смуты // Мининские чтения. Материалы науч. конф. / [Редкол.: Е. А. Молев и др.]. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. Гос. ун-та, 2005. С. 36–45.
- Семенов О. В. К вопросу о положении городов и уездов Зауралья накануне и в годы Смуты // Мининские чтения: тр. участников междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Кузнецов. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. Гос. ун-та, 2007. С. 61–76.
- Семенов О. В. Общинная организация сибирских ямщиков в конце XVI–XVII вв. // Былые годы : российский исторический журнал. 2014. № 32 (2). С. 233–238.
- Семенов О. В. Организация профессиональной ямской гоньбы в Зауралье и Сибири в XVII в.: введение прогонов // Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты и перспективы исследовательского поиска: материалы всероссийской научной конференции (17–18 июня 2013 г.) / Отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : АМБ, 2013. С. 200–207.
- Семенов О. В. Первые управленцы ямских поселений в низовьях Иртыша // Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «V Бахлыковские чтения» (14–17 октября 2014 г.). Сургут : РИО СурГПУ, 2016. С. 27–29.
- Семенов О. В. Поверстная книга как источник по истории ямской гоньбы в Сибири до конца XVII в. // VII Зиминские чтения. Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А. А. Зимина. Материалы междунар. науч. конф. / Сост. И. Н. Ильина. М. : Архив РАН, 2020. С. 459–466.
- Семенов О. В. Правительственная связь на севере Западной Сибири в конце XVI – XVII вв. // Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях) / Сост и отв. ред. Р. Г. Пихоя. М. : [б. и.] ; Ханты-Мансийск : [б. и.], 2020. С. 214–228.
- Семенов О. В. Правительственные планы по ликвидации системы профессиональной ямской гоньбы в Нижнем Прииртышье в конце 30 – 40-х гг. XVII в. // Клио. 2011. № 1 (52). С. 91–94.
- Семенов О. В. Приходская жизнь русского населения Западной Сибири в XVII – начале XVIII в. На материалах Демьянского и Самаровского ямов // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 2 (44). С. 118–123.
- Семенов О. В. Система ямской гоньбы и государственное «судовое дело» в Западной Сибири в XVII веке // Российская история. 2012. № 3. С. 138–143.
- Семенов О. В. Уставные ямские грамоты как источник по истории правительственной связи в Московском государстве середины XVI – XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова : материалы к международной научной конференции (9–10 ноября 2017 г.) / Под ред. В. Л. Янина. М. : Изд-во МГУ, 2017. Выпуск 5. С. 171–176.
- Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР / Отв. ред. В. Т. Круть. М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1976. С. 18–57.
- Сергеев В. И. К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // Вопросы истории. 1959. № 1. С. 118–130.
- Сергеев В. И. Основание городов Западной Сибири (до середины XVII века) : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1962. 15 с.
- Сергеев В. И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3 (21). С. 113–124.
- Сергеев В. И. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова / [Редкол.: В. А. Александров и др.]. М. : Наука, 1967. С. 174–179.
- Сергеевич В. И. Военные силы Московского государства [XV–XVII вв.]. СПб. : Сенат. Тип., 1905. 68 с.

- Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe commonwealth» как исторический источник. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1891. 405 с.
- Сибирские реликвии : [из собрания Тобольского музея] / Ред. В. Ф. Петров. [б. м.] : Возрождение Тобольска, [б. г.], 279 с.
- Симачкова Н. Становление воеводской системы управления в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.). Тюмень : Изд-во Мандр и КО, 2006. 111 с.
- Скалон В. Н. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М. : [б.и.], 1952. 200 с.
- Скалон В. Н. Русские землепроходцы XVII в. В Сибири. Новосибирск : Сова, 2005. 284 с.
- Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины. С. 1–19. URL: <http://www.balto-slavica.com/forum/index.php?showtopis=8254.17.05.2011>.
- Скрынников Р. Борис Годунов. М. : АСТ, 2003. 413 с.
- Скрынников Р. Сибирская одиссея // На суше и на море : повести, рассказы, очерки, статьи. М. : Мысль, 1980. Вып. 20. С. 170–192.
- Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени». М. : Мысль, 1981. 205 с.
- Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск : Наука, 1986. 318 с.
- Скульмовский Д. О. К истории формирования сибирских гарнизонов (конец XVI – начало XVII в.) // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. / Сост. Е. К. Компанец. Тюмень : Мандр и К^о, 2007. Вып. 9. С. 39–48.
- Скульмовский Д. О. Томская разборная книга 1680–1681 гг. как источник по ранней истории сургутского казачества // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории / Под общ. ред. Я. Г. Солодкина. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2008. Ч. 3. С. 15–24.
- Скульмовский Д. О. Функции казаков сибирских городов и острогов на рубеже XVI–XVII вв. // Проблемы истории Сибири XVI–XX вв. / Отв. ред. Я. Г. Солодкин. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 57–65.
- Слѣзкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 509 с.
- Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск : Изд-во Вен-Мер, 1995. 676 с.
- Служилые люди Сибири конца XVI – начала XVIII века : биобиблиографический словарь / Отв. ред. И. П. Каме-нецкий. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020. 992 с.
- Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М. : Госполитиздат, 1951. 592 с.
- Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев : Тип. А. И. Гроссман, 1917. Т. 1. Вып. 1. 144 с.
- Со времен князя Самара: в поисках исторических корней Ханты-Мансийска / Отв. ред. В. М. Кружинов. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2007. 182 с.
- Соколовский И. Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2004. 212 с.
- Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 4. История России с древнейших времен. М. : Мысль, 1989. Т. 7–8. 752 с.
- Солодкин Я. Основатель Берёзова Никифор Траханиотов // Югра. 1998. № 7. С. 18–19.
- Солодкин Я. Г. «Беседа к вашей любви ...». Спорные проблемы истории сибирского летописания XVII века. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017. 330 с.
- Солодкин Я. Г. Были ли особые священнослужители в «дружине» Ермака? // Материалы и исследования по истории России / Отв. ред. Я. Г. Солодкин. Нижневартовск : ИП «Чореф Михаил Михайлович», 2019. Вып. 8. С. 36–39.
- Солодкин Я. Г. Воеводы и головы Берёзова с первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2001. Вып. 4. С. 10–16.
- Солодкин Я. Г. Возникновение Тобольского разряда (к истории регионального управления в России конца XVI века) // История государства и права. 2013. № 19. С. 52–58.
- Солодкин Я. Г. Вослед Савве Есипову. Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2011. 211 с.
- Солодкин Я. Г. Две сибирские челобитные второй четверти XVII в. // Документ в контексте универсальных практик : сб. статей по материалам второй Всерос. научно-практ. конф. / Отв. ред. Т. Н. Кондратьева, Т. А. Афанасьева. Тюмень : Печатник, 2010. С. 44–49.
- Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири. Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. 234 с.

- Солодкин Я. Г. «Ермаково взятие» Сибири: загадки и решения. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. Ун-та, 2010. 170 с.
- Солодкин Я. Г. Из истории Сибири первой половины XVII в. (военно-политический, административный и культурный аспекты) // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2004. Вып. 6. С. 11–36.
- Солодкин Я. Г. К биографии Григория Микулина // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 172–173.
- Солодкин Я. Г. К истории «Сибирского взятия»: о последовательности событий 1583 г. // Тюменский исторический сборник / Отв. ред. С. В. Кондратьев. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2015. Вып. 17. С. 121–130.
- Солодкин Я. Г. К оценке волнений «иноземцев» Берёзовского уезда в 1607 году: «шатость» или мятеж? // Меншиковские чтения 2011 : материалы чтений / [Редкол.: Д. А. Гранин и др.]. СПб.: Историческая иллюстрация, 2012. . Вып. 8. С. 114–117.
- Солодкин Я. Г. К предыстории основания первых русских городов и острогов в Сибири // Вестник Альянс-Архео. М. ; СПб., 2018. Вып. 24. С. 45–56.
- Солодкин Я. Г. Казачество Северо-Западной Сибири на рубеже XVI–XVII столетий : очерки ранней истории. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2018. 141 с.
- Солодкин Я. Г. Когда был заложен Берёзов? // Сибирский исторический журнал. 2004. № 1. С. 38–42.
- Солодкин Я. Г. Когда и кем построен Кетский острог? // Сургут в отечественной истории : Сб. тез. докл. исторических чтений / Науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Изд-во СурГУ, 2005. С. 11–14.
- Солодкин Я. Г. О датировке поставления Берёзова и Кетска // Северный регион: наука, образование, культура. 2003. № 1. С. 125–130.
- Солодкин Я. Г. О двух спорных проблемах ранней истории «русской» Сибири // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Нижневартовск ; Омск : Омскбланкиздат, 2011. Вып. 11. С. 4–13.
- Солодкин Я. Г. О начале шертования сибирских «иноземцев» московским государям (вопросы хронологии) // Вестник Нижневарт. гос. ун-та. 2016. № 3. С. 24–31.
- Солодкин Я. Г. О начальном этапе сибирской ссылки // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки. Нижневартовск : [б. и.], 1998. Вып. 1. С. 13–28.
- Солодкин Я. Г. О некоторых спорных проблемах начала освоения русскими Северо-Западной Сибири // Проблемы региональной экологии. 2006. № 3. С. 130–133.
- Солодкин Я. Г. Осаждали ли остяки Мансуровский городок? (К определению степени достоверности летописных свидетельств о начале русской колонизации Обь-Иртышья) // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 23. М. ; СПб., 2018. С. 3–10.
- Солодкин Я. Г. Основание Сургута в отечественной историографии // Современное состояние и перспективы развития этнографических музеев Ханты-Мансийского автономного округа в новом тысячелетии. Материалы окруж. науч. конф. / Под. Ред. Я. Г. Солодкина, Т. А. Клименовой. Ханты-Мансийск : Информационно-издательский центр, 2005. С. 79–84.
- Солодкин Я. Г. Основатели Тюмени В. Б. Сукин и И. Н. Мясной // Земля Тюменская : ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея. 2003 / [Редкол.: В. П. Петрова и др.] Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2004. Вып. 17. С. 42–49.
- Солодкин Я. Г. Основатель Сургута Владимир Аничков: вехи биографии // Актуальные проблемы истории Западной Сибири / Под ред. А. И. Прищепы. Сургут : Изд-во СурГУ, 2006. С. 3–9.
- Солодкин Я. Г. Остяцкие князья и хан Кучум накануне «Сибирского взятия» (к интерпретации одного летописного известия) // Вестник угроведения. 2017. № 1 (28). С. 128–135.
- Солодкин Я. Г. Первые воеводы и головы Сургутского уезда // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Екатеринбург : Уральский рабочий, 1999. Вып. 2. С. 5–11.
- Солодкин Я. Г. Пинежский летописец о «взятии» Сибирского ханства // Тюменский исторический сборник / Отв. ред. В. М. Кружинов. Тюмень : Вектор Бук, 2004. Вып. 6. С. 86–92.
- Солодкин Я. Г. Родоначальники «династий» берёзовских казаков XVII века // Казачество. 2017. № 27. С. 66–75.
- Солодкин Я. Г. Сибирское летописание XVII – первой половины XVIII вв.: спорные и малоизученные проблемы. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2018. 146 с.
- Солодкин Я. Г. Сколько сургутян «годовали» поначалу в Нарымском и Кетском острогах? (Опыт нового прочтения нескольких документов из миллеровской «Истории Сибири») // Материалы и исследования по истории России / Отв. ред. Я. Г. Солодкин. Нижневартовск : ИП «Чореф Михаил Михайлович», 2019. Вып. 7. С. 30–35.
- Солодкин Я. Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования // Очерки истории Сургута. / Науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Диорит, 2002. С. 24–35.

- Солодкин Я. Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2009. 177 с.
- Солодкин Я. Г. «Сургуцкий город» и присоединение к России сибирских земель в конце XVI – начале XVII вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. №1 (9). С. 31–38.
- Солодкин Я. Г. Что заставило Кучума покинуть свою столицу без боя? (О некоторых источниковедческих аспектах изучения начала крушения Сибирского ханства) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслоуженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 60–65.
- Солодкин Я. Г. Экспедиция Федора Дьякова (К предыстории основания Мангазейского острога) // Вестник «Альянс-Архео». М. ; СПб., 2020. Вып. 31. С. 123–136.
- Солодкин Я. Г. Югорская земля в конце XVI – начале XVII веков: предыстория и первые годы русской колонизации Северо-Западной Сибири. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2019. 172 с.
- Солодкин Я. Г. Являлся ли Алексей Галкин соратником Ермака? (К ранней истории казачества «Берёзова города») // Казачество. 2017. № 29 (5). С. 28–35.
- Солодкин Я. Г. Являлся ли кодский князь Алач вассалом Ермака и Ивана Грозного? (Показания источников и версии исследователей) // Вопросы угроведения. 2017. № 3 (30). С. 128–134.
- Солодкин Я. Г. Являлся ли Матвей Мещеряк последним атаманом «дружины» Ермака? // Присоединение Сибири к России: новые данные. Материалы Всерос. научно-практ. конф. с междунар. участием / [Редкол.: Г. С. Зайцев и др.]. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2014. С. 188–193.
- Софронов В. Вехи сибирской истории. Т. 2. Сибирское воеводство от возникновения до упразднения (XVII – начало XVIII в.). Тюмень : Общество русской культуры, 2020. 429 с.
- Списки воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам / Сост. А. Барсуков. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. 620 с.
- Станиславский А. Л. Брянский край и восстание И. Болотникова // Феодальный город / Отв. ред. А. М. Дубровский. Брянск : Изд-во БГУ, 1993. Вып. 1. С. 22–26.
- Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М. : Мысль, 1990. 272 с.
- Стариков И. О. Величавые символы Урала: гора Медведь-камень и казачий атаман Ермак // Зырянские чтения. Материалы Всерос. научно-практ. конф. / [Редкол.: В. В. Менщиков. И др.]. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 50–51.
- Степанов И. В. Хозяйственная деятельность московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII в. // Учёные записки ЛГУ. Серия ист. наук. Л., № 48. Вып. 5. 1939. С. 80–142.
- Степанов Н. Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма) : сб. статей памяти чл.-корр. АН СССР В. И. Шункова / Под ред. А. П. Окладников. М. : Наука, 1973. С. 106–124.
- Степанов Н. Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // Советская этнография. 1936. № 3. С. 19–34.
- Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М. : Синод. Тип., 1908. Вып. 2. 283 с.
- Сулоцкий А. И. Иконы, в почитании отличающиеся пред прочими в городе Берёзове // Сулоцкий А. И. Соч. в трёх томах. Т. 1. О церковных древностях Сибири. Тюмень, 2000. С. 235–238.
- Сутормин А. Г. Ермак Тимофеевич (Аленин Василий Тимофеевич). Иркутск : Вост.-Сибир. кн. изд-во, 1981. 176 с.
- Сухотин Л. М. Четвертки Смутного времени (1604–1617) // Чтения в имп. о-ве истории и древностей рос. при Московском ун-те. М., 1912. Кн. 2. 427 с.
- Татауров С. Ф. Последняя крепость хана Кучума на Иртыше // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 23–31.
- Темплинг В. Я. А была ли церковь?.. (О строительстве первой церкви в Обдорске) // Сибирский исторический журнал. 2006/07. С. 124–130.
- Терентьев А. Погромы ненцами ясачной казны в 1641 и 1642 гг. // Советская этнография. 1933. № 5–6. С. 67–76.
- Тихонов С. С. Монография о Тюменском и Сибирском ханствах // Средневековые тюрко-татарские государства. 2019. № 11. С. 174–178.
- Трепавлов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2017. 320 с.
- Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Восточная литература РАН, 2012. 231 с.

- Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. М. : Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.
- Трепавлов В. В., Беляков А. В. Сибирские царицы в истории России. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2018. 496 с.
- Трофимова О. В., Коновалова Е. Н. Топографические описания Западной Сибири XVIII века. Тюмень : Изд-во Тюм. нефтегаз. Ун-та, 2013. 456 с.
- Туров С. В. Берёзовские казаки — потомки сподвижников Ермака (к вопросу об истоках складывания исторического самосознания русского населения Сибири) // Меншиковские чтения. 2019. Материалы Рос. науч. конф. / [Ред.-кол.: В. В. Цысь и др.]. Тюмень : Титул, 2019. Вып. 12. С. 94–100.
- Туров С. В. Святыни града Берёзова // Историческая наука в Тюменском государственном университете. Материалы регион. Научно-практ. Конф. / Отв. ред. А. Г. Еманов. Тюмень : Вектор Бук, 2005. С. 50–60.
- Туров С. В. Храмы на речных островах // Православие на Обь-Иртышском Севере : материалы к историко-культурному атласу / Под ред. Л. В. Степановой [и др.]. Екатеринбург : Баско, 2007. С. 3–35.
- Тюменское и Сибирское ханства / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко [и др.]. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.
- Тюменцев И. О. Зарождение земского движения в Замосковье и Поморье в 1608–1609 гг. // Государство и общество в России XV – начала XX века : сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова / Ред.-сост. А. П. Павлов. СПб. : Наука, 2007. С. 259–276.
- Тюменцев И. О. Оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. М. : Цейхгауз, 2007. 64 с.
- Тюменцев И. О. Смутное время в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II. М. : Наука, 2008. 686 с.
- Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е. Костромичи и тушинские воры по материалам архива Яна Сапеги 1608–1611 гг. // Краеведческие записки / Отв. ред. О. С. Куколевская. Кострома : Ипатьевский монастырь, 2003. Вып. 6. С. 19–37.
- Тяпкина О. А. Северные города Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XX вв. / Отв. ред. В. А. Скубневский. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2001. С. 65–97.
- Ульянова А. Е. Структура сургутского казачьего гарнизона и его материальное обеспечение в конце XVI–XVII вв. // Малоизученные и дискуссионные проблемы отечественной истории / Отв. ред. Я. Г. Солодкин. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2007. Вып. 2. С. 18–31.
- Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI–XVII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 23 с.
- Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI – начале XVIII вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2004. № 1 (9). С. 47–54.
- Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI–XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 183 с.
- Ульянова А. Е. Сургутское казачество в конце XVI–XVII вв.: численность, состав, материальное обеспечение // Актуальные проблемы истории Западной Сибири / Науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Изд-во СурГУ, 2006. С. 10–19.
- Ульянова А. Е. Функции сургутских казаков в конце XVI–XVII вв. // Актуальные проблемы истории Западной Сибири / Под ред. Я. Г. Солодкина. Нижневартовск : Изд-во НГПИ, 2005. С. 46–64.
- Ульяновский В. И. Российские самозванцы. Лжедмитрий I. Киев : Либідь, 1993. 296 с.
- Файзрахманов Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань : Фэн, 2002. 488 с.
- Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М. : Госкультпросветиздат, 1956. 138 с.
- Фёдорова Н. В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала / Отв. ред. А. В. Головнев. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 54–66.
- Филь С. Г. Гуманитарные арабески о русском и польском наследии. Тюмень : Вектор Бук, 2010. 560 с.
- Филь С. Г. Казаки «литовского списка» // Казачество Сибири от Ермака до наших дней (история, язык, культура). Материалы междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. Г. С. Зайцев. Тюмень : Печатник, 2009. С. 186–198.
- Филь С. Г. Казаки «литовского списка» в Сибири XVI – начала XVIII столетий // Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско / Ред.-сост. В. Шульдяков. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2011. № 14. С. 209–215.
- Филь С. Г. Панин бугор в Тобольске (новый взгляд на этимологию оронима) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И. Я. Слоцова / Отв. ред. В. П. Петрова. Тюмень : [б. и.], 2001. С. 316–329.
- Фирсов Н. Н. Чтения по истории Сибири. М. : Рус. библиогр. ин-т бр. А. и И. Гранат и К^о, 1920. Вып. 1. 86 с.
- Флоря Б. Н. Десятильники // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 449.
- Фоминов А. В. Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валук и гибель Царева-Борисова // Очерки феодальной России / Ред. С. Н. Кистерев. М.; СПб. : Альянс-Архео, 2013. Вып. 16. С. 202–230.

- Харина Н. С. Присоединение сибирских территорий и строительство первых церквей в Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Западной Сибири / Науч. ред. А. И. Прищепа. Сургут : Изд. центр СурГУ, 2008. С. 16–25.
- Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л. : Наука, 1976. 189 с.
- Худяков Ю. С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 104–108
- Худяков Ю. С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники // Тюркские народы. Материалы V Сибир. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А. В. Головнев. Тобольск ; Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 240–243.
- Цветкова Г. Город на реке Аркарке // Тарская мозаика (История края в очерках и документах 1594–1917 гг.) / Отв. ред. Г. Н. Орлов. Омск : Омск. книж. изд-во, 1994. С. 4–8.
- Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII – первой половине XIX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. 364 с.
- Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М. : Древлехранилище, 2004. 395 с.
- Чернышов С. А. Краткий курс сибирской государственности: рецензия на книгу «Тюменское и Сибирское ханства» // Средневековые тюрко-татарские государства. 2019. № 11. С. 179–186.
- Чернякова И. А., Черняков О. В. Алтарные посвящения приходских церквей как отражение православного менталитета крестьянина-карела дониконовской эпохи // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г. Екатеринбург, 2010.
- Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889. 349 с.
- Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в. М. : Тип. А. Семена, 1856. 606 с.
- Шабалина И. Д. Берёзов в подлинных рисунках и документах // Меншиковские чтения. 2009. Материалы чтений, проводившихся 13–14 ноября 2009 г. Берёзовским районным краеведческим музеем поселка Берёзово ХМАО – Югры / Отв. ред. Э. Р. Абдурашитова. Берёзов : Берёзов. Тип., 2010. С. 75–85.
- Шаходанова О. Ю. Политика правительства по отношению к коренным народам Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. // Проблемы экономической и общественно-политической истории дореволюционной России / Отв. ред. В. М. Суринов. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2004. Вып. 2. С. 78–86.
- Шашков А. Т. Взятие Сибири // Очерки истории Югры / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. С. 103–134.
- Шашков А. Т. «Земли Сибирский город Берёзов» // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 683–710.
- Шашков А. Т. Из истории библиотеки старца Авраамия Венгерского (конец XVII – начало XVIII века) // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 469–478.
- Шашков А. Т. К богатствам «стран полунощных» // Очерки истории Югры / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. С. 75–102.
- Шашков А. Т. К истории возникновения в конце XVI в. Первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник. История. Религия. Культура / Отв. ред. И. В. Починская. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1997. С. 174–179.
- Шашков А. Т. К истории Воскресенского монастыря и церковью города Берёзова // Известия УрГУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2004. № 33. С. 187–203.
- Шашков А. Т. К истории Обского (Мансуровского) городка // Великий подвиг народа. Вторые военно-исторические чтения, посвященные 55-летию Победы в Великой Отечественной войне : тез. докл. / Отв. ред. Н. Н. Попов. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001. С. 171–178.
- Шашков А. Т. К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Материалы третьей регион. науч. конф. / Отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск : [б. и.], 1998. С. 10–16.
- Шашков А. Лодейный город // Родина. 2004. Спец. вып. Тобольск — живая былина. С. 7–11.
- Шашков А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2006. Ч. 1. С. 83–137.
- Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России / Отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001. Вып. 4. С. 8–51.

- Шашков А. Т. О сборе ясака с обдорских самоедов в XVI–XVII вв. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции / Отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : [б. и.], 1999. С. 223–230.
- Шашков А. Т. От княжества к ясачной волости // Очерки истории Югры / Отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. С. 135–160.
- Шашков А. Первые зауральские города и остроги // Югра. 1997. № 8. С. 18–21.
- Шашков А. Проезжая через Самарово. Из прошлого столицы Югорского края // Родина. 2007. № 10. С. 44–49.
- Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут : Диорит, 2004. С. 65–89.
- Шашков А. Славен град Берёзов! (Из истории создания города в Нижнем Приобье: гипотезы и факты) // Родина. 2003. № 7. С. 44–49.
- Шашков А. Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI – начале XVII в. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях : тез. окруж. научно-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея. Т. А. Исаева. Сургут : Дефис, 2003. С. 32–35.
- Шашков А. Т. Участие сургутских служилых людей в военных походах и экспедициях конца XVI – XVII вв. // Великий подвиг народа. Исторические чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне : тез. докл. / Отв. ред. Н. Н. Баранов. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1995. С. 46–50.
- Шашков А. Т. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С. А. Белобородов, Н. А. Мудрова, А. В. Полегаев [и др.]. Екатеринбург, 2003. С. 6–62.
- Шашков А. Т. Югорские князья в XV–XVIII вв. // Северный регион: наука, образование, культура. 2001. № 1 (3). С. 173–180.
- Шашков А. Т. Югра в эпоху Средневековья // Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург : Баско, 2013. С. 584–662.
- Шеймин П. К 300-летию покорения Югорской земли // Подорожник. Краевед. альманах / Ред.-сост. В. К. Белобородов. Тюмень : Мандр и К^о, 2012. Вып. 13. С. 8–12.
- Шемановский И. С. Избранные труды. М. : Советский спорт, 2005. 299 с.
- Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М. : Логос, 2002. Вып. 2. 160 с.
- Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск : Изд-во Пятигор. пед. ин-та, 1957. 558 с.
- Шереметев С. Д. Труды по истории Смутного времени. М. : Центр Внедрения Инноваций и Технологий, 2015. 356 с.
- Шерстова Л. И. Русские в Сибири XVII века: ментальные и социокультурные трансформации // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. / Отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск : РИПЭЛ, 2005. С. 16–28.
- Шерстова Л. И. Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века / Отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. С. 61–71.
- Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 311 с.
- Шишкин В. Г. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. С–Я. С. 434–439.
- Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. Третий период (1645–1676 гг.). Пермь : Тип. Губернской земской управы, 1884. 1168 с.
- Шпаковский Н. И. Стрельцы // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. № 9. С. 135–149.
- Шренк А. И. Путешествие к северо-востоку Европейской России. М. : ОГИ, 2009. 495 с.
- Шунков В. И. Вопросы аграрной истории России. М. : Наука, 1974. 374 с.
- Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.
- Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.
- Шунков В. И. Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. М., 1930. Кн. 3–4. С. 184–197 ; Кн. 5–6. С. 261–271.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут : Северный дом, 1993. 463 с.

Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 239 с.

Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX вв. / Отв. ред. В. А. Александров. М. : Наука, 1981. 273 с.

Югорск: от легенды до точки на карте / Н. Н. Баранов, С. В. Горшков, А. П. Зыков [и др.]. Екатеринбург : Волот, 1997. 160 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб. : И. М. Сибиряков, 1892. 720 с.

Языков С. А. «Выборы» посадских общин Сибири XVII – начала XVIII в. как исторический источник // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск : Наука, 1991. С. 160–177.

Яковлева А. М. К историографии Кунгурского летописца и «народных» источников сибирского летописания // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории / Под общ. Ред. Я. Г. Солодкина. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2007. Ч. 2. С. 88–95.

Якутия в XVII в. Очерки / Под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск : Якут. кн. изд-во, 1953. 439 с.

Ямал: грань веков и тысячелетий / Гл. ред., авт-сост. Ю. Морозов. Салехард : Артвид; СПб. : Русская коллекция, 2000. 655 с.

Ярков А. «Литовские ж люди белорусцы» // Тобольск и вся Сибирь. Белорусы в Сибири / Гл. ред. Ю. П. Перминов. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2019. Т. 1. С. 57–86.

Ярков А. П. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность : краеведческие записки / Сост. Е. К. Компанец, Нижневартовск ; Омск : Омскбланкиздат, 2011. Вып. 10. С. 21–54.

Ярков А. П. XVII век. Сибирь. Ислам и государственность // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. Д. Н. Маслюженко, С. Ф. Татауров. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 117–121.

Lantzeff G. V. Siberia in the seventeenth century. A study of the colonial administration. Berkley; Los Angeles : University of California Press, 1943. 235 p.

Указатель географических названий

Принятые сокращения:

вол. – волость; г. – город; губ. – губерния; д. – деревня; кр. – край (адм.-терр. единица); окр. – округ; рд. – разряд; р. – река; с. – село; у. – уезд; ю. – юрты

А

Аган, р., 46, 121, 122, 159
Азия 57, 71, 75, 83, 168, 206
– Северная 359, 363
– Средняя 23, 33, 189, 211
– Центральная 17, 130
Алазейский острог 334
Алатырский у. 53
Алачевская слобода 321
Александрова слобода 67
Алексинский у. 44
Алтай 42
Алымка, д. 242
Американский континент 144
Амстердам, г. 57, 65, 71, 75, 83, 168, 206, 219
Ангальский мыс 40
Ангара, р., 213
Англия 52, 73
Аремзянская вол. 217, 226
Аремзянский городок 27, 28
Арзамас, г. 52, 53, 55
Арзамасский у. 53
Аслымские ю. 277
Аслыпская вол. 127
Астраханское ханство 312
Астрахань, г. 55, 56, 82, 198

Б

Базанская вол. 263
Байбалаковские ю. 237
Балахна, г. 55
Балины (Балинские) ю. 216, 239, 240
Баранча, р., 26
Бардакова вол. 127, 158, 159, 160, 165, 274, 275

Бардаковка, р., 158
Бардаково княжество 15, 34, 158, 160, 361
Барсова гора 134
Барсово городище 133
Башкирия 223
Белая 57, 64
Белев, г. 51
Белогорская вол. 127, 128, 148, 153, 215, 237, 247, 276
Белогорские ю. 284
Белогорское княжество 214
Белогорье 13, 29
Белое море 45
Берёзов, г. 11, 13–16, 33–40, 44–55, 57–63, 66, 69–71, 73, 75, 76, 85, 87, 88, 96–98, 101–108, 120, 122, 128, 134–136, 140, 144–151, 153, 154, 158, 166–170, 172–177, 180, 182–185, 195, 197–199, 201, 202, 205, 206, 208, 210, 212, 215, 218, 260, 262–272, 276, 280, 282, 286, 292–295, 297, 298, 300, 302–307, 309, 311, 315–317, 320, 322, 331–354, 358–361, 364
Берёзовская протока 214
Берёзовский воскресенский монастырь 302–304, 320, 361
Берёзовский край 69
Берёзовский у. 13–16, 40, 50, 58, 69, 73, 104, 114, 120, 124, 127, 148, 149, 151, 165, 166, 168, 169, 175–177, 210, 215–217, 223, 260, 262, 264, 265, 269, 272, 276, 279, 280, 285, 328, 341, 360, 361
Берёзовый городок 129
Болхов, г. 73
Большая Конда – см. также Конда 111
Большеземельская тундра 118
Большой Юган, р., 142, 156, 160, 161, 162, 164, 165
Братский острог 213

Брянск, г. 56, 74
Брянский край 56
Бухара, г. 25

В

Вага, р., 77
Вагай, р., 12, 26
Валуйки, г. 56
Васпукольская вол. 135, 138, 140
Васюган, р., 125, 333
Васюганская вол. 127, 263, 278, 279
Вах, р., 153, 161
Ваховская вол. 127, 135, 138
Великая Китайская Стена 23
Великие Луки, г. 53, 54
Великий Новгород, г. 11, 64, 333. 334 – см. также Новгород
Великоустюгский р-н 350
Верхний Нарым – см. Нарым
Верхний
Верхняя Баиха, р., 123
Верхняя Нарымская вол., 260
Верхотазское зимовье 124, 268
Верхотазье 125
Верхотурский Николаевский монастырь 312
Верхотурский край 51
Верхотурский рд. 85
Верхотурский у. 126, 155, 200, 283, 364
Верхотурье, г. 33, 46, 51, 56, 57, 63, 64, 66, 70, 73, 85, 88, 89, 135, 180, 199, 205, 209, 224, 295, 296, 299, 302, 311, 312, 329, 355
Вильян, г. 52
Вишера, р., 125, 154, 155
Войкар (Войкарский), городок 36, 39, 359

Волга, р., 7
 Волгоград, г. 131
 Вологда, г. 46, 64, 66, 68
 Воронеж, г. 53, 56, 74
 Восточно-Европейская равнина – см. Русская равнина
 Восточное Забайкалье – см. Забайкалье
 Выборг, г. 55
 Вызь, р., 50, 60, 61, 129, 135, 260
 Вяземский у. 52
 Вязьма, г. 53, 57, 75, 77

Г

Галич, г. 56
 Галичский у. 52
 Гаринская слобода 301
 Гдов, г. 52, 55
 Германия 349
 Глушитский монастырь 303
 Голландия 349
 Горемыка, д. 242, 249
 Горный Алтай, 9
 Горшкова, д. 240

Д

Дания 54
 Данков, г. 54
 Даурская земля (Дауры, Даурия) 192–193, 207, 208, 212
 Дедилов, г. 56
 Демьянка, р., 27, 128, 221, 222
 Демьянская вол. 215, 242
 Демьянская ямская слобода 215, 221
 Демьянский ям 215–217, 220, 221, 223–226, 229–231, 241–247, 249, 250, 253, 254, 258, 300, 301, 311, 325, 346, 361
 Демьянское княжество 214
 Демьянское, с. 214
 Деншикова (Деншикова), д. 244
 Добрынина, д. 242
 Долматовский Успенский монастырь, 257
 Дон, р., 24
 Дорогобуж, г. 56, 57, 73, 75

Е

Европа
 - Западная, 349
 - Северо-Восток 57, 65, 71, 75, 83, 168, 206
 Европейский Север 16
 Екатеринбург, г. 17, 33, 36, 38, 40, 42, 62, 63, 72, 81, 82, 87, 91, 95, 102, 114, 116, 121, 125, 131, 133, 134, 138, 143, 146, 147, 151, 152, 154, 156, 157, 162, 166, 173, 179, 181, 182, 190, 195, 208, 212, 214, 223, 231, 236, 240, 253, 258, 259, 271, 280, 293–295, 297–300, 302, 307, 319, 324, 331, 334, 336, 337, 339, 347, 348, 365
 Емдырская вол. 135
 Емдырь, р., 134
 Емшики, д. 234
 Ендырская протока 237, 285
 Енисейская губа 123
 Енисей, р., 7, 12, 35, 36, 39, 42–44, 47–50, 70, 113, 120, 123, 125, 136, 168, 170, 176, 212, 213, 269, 344, 359, 360
 Енисейск (Енисейский, Кузнецкий или Тунгусский) острог 15, 35, 39, 47, 61, 168, 181, 186, 206, 207, 212, 213, 359, 360
 Енисейский край 35, 39, 45
 Енисейский рд. 85
 Енисейский у. 186, 191
 Естыльская вол. 127, 153, 264

Ж

Жаровка, р., 26
 Журунова, д. 244

З

Забайкалье 212, 360
 Заонежские погосты 302
 Заполярье 332, 346, 357
 Зиновьева (Зинкова, Зенкова), д. 240, 340
 Золотая Орда 17, 23, 131
 Зубцов, г. 54
 Зубцовский у. 51
 Зырянский городок 268

И

Ивангород, г. 51
 Илчма, городок 129
 Индигирский острог 64
 Иркутск, г. 27, 121, 184, 213
 Иртыш, р., 12, 26–29, 39, 41, 51, 59, 105, 127, 128, 146, 166, 168, 172, 214, 215, 217, 220, 223, 227, 232–237, 239, 242–246, 255, 278, 280, 284, 333, 361
 Исетская заимка – см. Кондинская Исетская заимка
 Исетский острог 322
 Исеть, р., 13, 322
 Искер, 14, 27, 128, 143
 Испания 10
 Ишик, д. 244, 245
 Ишим, р., 12

К

«Камень» – см. Урал 15, 30, 31, 40, 47, 50, 146, 276, 328
 Камчатка 17, 112
 «Кемская вершина» 39
 «Колыманская земля» 42
 Казанское ханство (царство) 312
 Казань, г. 40, 41, 65, 82, 185, 364
 Казым 266
 Казым, р., 121, 177, 260
 Казымская вол. 121, 127, 148, 166, 266, 267
 Казымский (-е) город(-ок, -ки) 113, 260, 267
 Казымское княжество 141
 Калуга, г. 53
 Калым (Келема, Калымская), вол. 30, 42
 Кама, р., 25, 26, 125
 Камчатка, п-ов, 17, 112
 Карбинская вол. 217
 Карабинский улус 27
 Караконская вол. 263, 279
 Каргопольский у. 249
 Кармыш-Юган, городок 140
 Кас, р., 49, 50
 Касимов, г. 53
 Кафа 11

Кахетия 52
 Кашлык – см. Искер
 Кеврольский у. 238
 Кетск (Кетский, Кунгопский) острог 15, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 44, 46–48, 50, 61, 63, 64, 68, 70, 85, 169, 207, 247, 277, 357, 360
 Кетский у. 13, 50, 125, 241
 Кеть, р., 42, 125
 Киев, г. 72, 74, 191
 Киртасская застава 359
 Китай 158, 227, 241, 242, 360
 Кишинев, г. 227
 Клин, г. 56
 Кода 128, 133, 134, 139
 Кодские вол. 136, 166, 282
 Кодский (-ие) город (-ок, -ки) 127, 134, 135, 152, 260, 282, 316, 318, 320, 321, 324
 «Кодский острог» (Кодский острошок) 46, 282
 Кодское (служилое) княжество 15, 19, 36, 44, 127, 134, 135, 136, 138, 141, 148, 360
 Коловерь, г. 52
 Коломна, г. 75, 331, 359
 Колпукольская вол. 135, 138, 233
 Колпуховская вол. 28, 215, 227, 229, 233
 Кольвань, область 42
 Конда, р., 27, 35, 40, 111, 125, 126, 128, 135, 139, 154, 155, 165, 227
 – Большая 268
 – Малая 261
 Кондинская вол. 111, 325
 Кондинская Исетская заимка 304, 323, 326, 327
 Кондинское княжество 152
 Кондинская низменность 333
 Кондинский (Кодинский, Кодцкий, Коцкий) Троицкий монастырь 237, 285, 304, 305, 324–327
 Копорье, г. 74
 Коряжемский Николаевский монастырь 302
 Кострома, г. 65, 66, 360
 Кострома, р., 65
 Косьва, р., 125
 Коурдакская вол. 226
 Кошелева, д. 242, 243

Крапивна, г. 74, 77
 Красноярск, г. 16, 96, 181, 189, 191, 207, 341, 360
 Красноярская вол. 30
 Красноярский кр., 123, 338
 Красноярский у. 191
 Кривкова, д. 242, 244
 Кромы, г. 53, 74
 Крым, п-ов 23
 «Крымская Украина» 52
 Кузнецкий острог – см. Енисейск
 Кузьмодемьянский острог 56
 Куленга, р., 212
 Куноват, р., 129
 Куноватская вол. 105, 107, 108, 121, 127, 148, 166, 264, 267
 Куноватские городки 135
 Куноватско-Ляпинское княжество 141
 Кунацкий острог 35, 39, 46, 360
 Курмыш, г. 102
 Курмышюганский городок 134

Л

Ларьятская вол. 263
 Лебаутова (Лебаутская), д. 245
 Леденкин шар, зимовье 123, 168, 271
 «Леликарский городок» 326
 Лена, р., 135
 Санкт-Петербург / Ленинград (СПб, Л.), г. 17, 22, 23, 27, 39, 41, 49, 56, 75, 119, 121, 123, 185, 218, 226, 284, 332, 342
 Ленский рд. 275
 Леушинский погост 333
 Леушинский туман, оз. 333
 Лихвин, г. 63
 Лихвинская засека 62, 63
 Лихобор (Лиговерь), г. 52
 Лозьва, р., 51, 111, 125, 126, 154, 155
 Лозьвинский городок 352
 Лумпокольские вол. 127, 263
 Лунпук, городок 40
 Луховской у. 73
 Лямин, р., 121
 Ляпинская вол. 127, 154, 156, 259, 264, 267, 280

М

Маковский волок 168, 212
 Маковский острог 35, 61, 360
 «Мауцкая вол.» 39
 Малая Конда, вол. 261
 «Мангазейская страна» 46
 Мангазейский (Монгазейский) острог 15, 35, 38, 39, 44, 45, 97, 123, 360
 Мангазейский у. 13, 120, 123, 124, 170, 173, 177, 260, 262, 268, 269, 271, 272, 332
 «Мангазейское море» 45
 Мангазейский морской ход 117, 332, 344, 345, 347, 353
 Мангазея (Мангазейский), городок 15, 35, 36, 38, 39, 44–46, 48, 49, 65, 66, 70, 71, 81, 85, 90, 91, 94, 96, 97, 109, 110, 113–116, 120–125, 127, 160, 166, 168–176, 185, 193, 204, 208, 211, 268, 269, 271, 272, 292, 316, 329, 331, 332, 334–355, 357, 359
 – Новая (Старотуруханское городище) 85, 94, 332, 334, 336–338, 341–344, 346, 352
 – Старая 176, 177, 353
 Мангазейский ям 241
 Мансуровский (Обской) городок 12–15, 38, 50, 134, 214, 260, 358, 359
 Мансуровский острог 58
 Медвежья протока 236
 Междугорский Ивановский монастырь 308
 Мезенское зимовье 173
 Мезень 120, 171, 177
 Мнасс, р., 12
 Минск, г. 182
 Мозянский городок 105
 Молоди, с. 56
 Монкысь-урий, городок 142, 160–162, 164, 165
 Москва (М.), г. 18, 23, 80, 86, 87, 96, 99, 109, 110, 127, 128, 145, 152, 178, 179, 181, 193, 209, 216, 219, 255, 262, 263, 310, 332
 Моховая, д. 244
 Муалымский городок 39
 Мурзина, д. 243
 Мценск, г. 74

Н

Надерева протока 227
 Надцынская (Надцинская) вол. 27, 217
 Надым, р., 121, 172
 Назымская вол. (Лебаут) 128, 215, 217, 242
 Надымская губа 116, 168, 169
 Надым (Надымский) городок 172–174. 176, 337, 340, 346
 Назымский (Назимский) городок 27, 128
 Нангакарский городок 134
 Нарва (Нарова, Ругодив), г. 51, 52, 56, 74
 Нарым, городок 15, 35, 39, 46, 47–49, 61, 63, 85, 94, 121, 162, 207, 264, 279, 302, 360
 – Верхний 41, 42, 43
 – Нижний 46
 Нарым, р.,
 Нарымские волости 242
 – Верхняя 260, 263, 264
 – Нижняя 263, 264
 Нарымский край 43
 Нарымский острог 35, 38, 41, 42–43, 46–48, 63, 68, 70, 277, 360
 Нарымский у. 13, 125, 147, 163, 241, 260, 264, 278, 360
 Надцинский улус 27
 Нева, р., 74
 Неман, р., 182
 Нерчинск (Нерчинский острог) 213
 Неулева протока 227, 23–241
 Нефтеюганск, г. 37, 49, 50, 53, 72, 142, 144, 150, 160, 161, 162, 164, 165, 174, 180, 184, 190, 201, 202, 205, 216, 284, 285, 287, 315, 332, 334–336, 338, 339, 342, 343, 347, 349–354
 Нижневартовск, г. 38, 39, 41, 42, 45, 48, 49, 68, 73
 Нижнеколымский (Стадухинский) острог 334
 Нижний Нарым – см. Нарым
 Нижний
 Нижний Новгород 65–67
 Нижняя Баиха, р., 123
 Нижняя Тунгуска, р., 39, 45, 136, 269, 360

Низянский городок 141

Ница, р., 219

Новгород Северский, г. 51, 52, 75

Новгород, г. 51, 55–57, 63, 67, 68, 72, 74, 348 – см. также Великий Новгород

Новгородский у. 42

Новосибирск, г. 7, 9, 16–18, 24, 25, 27, 36, 37, 39, 41, 42, 45, 47, 50, 58, 62, 64–67, 70, 84, 88, 91, 98, 100, 103, 104, 109, 115, 120, 125, 128, 132, 145, 158, 169, 173, 180, 185–187, 199, 202, 210, 212, 213, 217, 224, 225, 228, 229, 246, 259, 269, 271, 273, 297, 301, 307, 311, 312, 322, 333, 356, 363, 364

Новосиль, г. 52, 74

Ныробская вол. 246

О

Обдор 168, 170, 266

Обдорск, городок 116, 119, 120, 146, 169, 170, 174, 176, 177, 265, 266, 269–271, 337, 340

Обдорская вол. 114, 127, 146, 147–149, 153, 166, 173, 266, 267, 280

Обдорская застава 88, 138, 203, 272, 280, 328, 359

Обдорский (Носовой) острог 35, 37, 39, 40, 146, 360

Обдорский край 38, 116, 121, 122, 127, 166, 175, 208, 211, 271, 272, 339

Обдорское княжество 36–37, 39, 40, 51, 141, 146

Обская губа 44, 119, 123, 167, 169, 170, 172, 174

Обской городок – см. Мансуровский (Обской) городок

Обь, р., 7, 29, 41, 51, 119, 121, 122, 183, 231, 238, 276, 284, 285, 327

– Нижняя 11

– Юганская 279

Обь-Иртышье (Обь-Иртышское междуречье) 13, 14, 16, 50, 214, 228, 258, 358

Овсянкина, д. 243

Ольчиковы ю. 237

Омск, г. 22, 40, 116, 121, 133, 185, 190, 334, 342, 365

Омь, р., 41

Оскол, г. 54, 74

П

Палашкино, сельцо 73

Парабель, р., 125, 163

Парабельская(-ие) вол. 40, 263, 264

Паченка, р., 30

Пелым (Пелымка), р., 155, 205

Пелым (Пелымский городок) 15, 40, 50–52, 57, 58, 66, 85, 88–90, 95–97, 103, 104, 109, 111, 112, 128, 154–156, 162, 165, 182, 184, 185, 189, 193, 195, 198, 200, 204, 206, 207, 209, 212, 226, 260, 280, 292–297, 299, 301, 307, 311, 312, 320, 331, 346, 352, 359

Пелымь 36, 205

Пелымский острог 62, 301

Пелымский у. 13, 16, 85, 126, 154, 200, 241, 260, 268, 276, 280, 301, 341

Пелымское княжество 28, 30, 32, 111, 126, 134, 259, 292

Перегрёбное I, городище 333, 334

Перемышль, г. 54

Переславль Залесский 67, 74

Переяславль Рязанский 331

Пермская губ. 24

Пермский кр., 25, 58, 61, 71

Пермь, г. 58, 68, 70, 113

Пермь (Пермь Великая) 60, 113, 127, 134, 155, 223, 283, 292, 365

Перфильева, д. 242, 245

Печора, р., 58, 125, 146

Пим, р., 121

Пинега 247, 265

Поволжский регион – см. Поволжье

Поволжье 15, 17, 25, 96, 356, 357

– Нижнее 181, 198

– Среднее 52, 82, 359

Поганое, оз. 30

Подгородная вол. 49, 105, 127, 147, 209, 276, 280, 309

Подгородно-Юганская вол. 276

Подкаменная (Средняя) Тунгуска, р., 39, 45

Подмосковье (Подмосковные земли) 52, 298

Полуй, р., 146, 174

Полуйский (Обской) городок 337, 339, 340

- Польша 51, 68, 183, 218, 349, 359
 Поморье 15, 56, 62, 65, 67, 96, 117, 209, 226, 247, 356, 359
 Порхов, г. 56
 Приамурье 15, 206, 360
 Приангарье 360
 Прибайкалье 213
 Прибалтика 52, 56
 Прииртышье
 – Нижнее 27, 29, 162, 217, 219, 228, 245, 259
 Приобье 60, 118, 162, 232
 – Нарымское 43, 125, 139, 158, 159
 – Нижнее 27, 29, 51, 55, 58, 59, 61, 70, 133, 173, 198, 199, 211, 216, 320, 325, 333, 358, 361
 – Северное 13, 15, 16, 47, 50, 359, 360
 – Среднее 13, 16, 39, 47, 56, 127, 163, 216, 358, 361, 365
 – Сургутское 134
 – Томское 35, 133
 Припечорье 118
 Приполярье 118
 Притомье 36, 62
 Приуралье 15, 24, 25, 81, 333, 359
 Пронск 52, 74, 85
 Псков, г. 52, 53, 55, 348
 Пулинг-авот-ваш, городок 40
 Пумпокольская (Панпукольская Урнукова) вол. 47
 Пур, р., 39, 45, 46, 48, 81, 121, 122, 159, 160, 177
 Пур-Юган, р., 39
 Пустозёрск, г. 114, 117, 119, 120, 122, 168, 171, 175, 260, 265, 271, 334
 Пустозёрский острог 116, 171, 175, 271
 Пустозёрский у. 116, 119, 120, 122, 170–172, 175, 177, 236, 266
 Пустозёрское городище 334
 Пустозеро 117, 168, 265
 Путивль, г. 54
- Р**
 Ракобор, г. 55
 Рача, р., 28
 Рачева, д. 242, 244
 Рачево городище 29
 Репаловский у. 227
 Реполовская (Реполовское), д. 228, 235, 236
 Реполовские ю. 227, 234
 Реполовский мыс 228
 Реполовский погост 236
 Реполовский (Репаловский) яр 227, 234
 Речь Посполитая – см. Польша
 Ржев, г. 51, 53, 54
 Роговой городок (Сускар) 47, 266
 Россия (Русское, Московское государство, Russia, Rusysland) 7, 9–14, 17, 21–23, 25, 39, 41, 49, 56, 65, 69, 72, 73, 75, 76, 82, 83, 87, 108, 130, 133, 134, 139, 140, 159, 179, 181, 187, 191, 194, 202, 206, 207, 209, 212, 214, 231, 284, 286, 288, 331, 358, 366
 – азиатская 202, 331
 – европейская 73, 84, 181, 183, 185, 187, 188, 198, 202, 215, 226, 231, 232, 246, 331, 345, 351, 353, 360, 363
 – Север 188, 331, 334, 347
 – Северо-Восток 117
 – Северо-Запад 15
 Ростов (Ростов Великий), г. 54, 292
 Русская (Восточно-Европейская) равнина 7
 – Север 331, 356
 Рязск, г. 56, 75
 Рязань, г. 27, 54, 56, 57, 74, 359
 Рязанский у. 52, 56, 74
- С**
 Салымская вол. 127, 215, 263, 276
 Салымский край 156
 Сальма, р., 46, 51
 Самарово, с. 221, 232–241, 246, 247, 250, 253, 254, 329
 Самаровская ямская слобода 222, 240, 247, 249
 Самаровский городок 28, 358
 Самаровский ям 13–15, 216, 217, 219–222, 224–241, 245–248, 250–254, 256–258, 300, 301, 311, 319, 325, 329, 333, 335, 361
 Самаровы горы 214, 222
 Санкт-Петербург (Petersburg, СПб), г. 7, 17, 23, 24, 26, 28, 29–33, 39, 41, 42, 46, 47, 49, 56, 58, 59, 61–63, 65, 67, 68, 70, 73, 74, 76, 82, 83, 89, 116–118, 120, 156, 175, 176, 181, 186, 187, 189, 190, 192, 194, 202, 206, 208, 218–223, 225, 234, 282, 284, 292, 301, 312, 322, 357
 Саратов, г. 52, 55
 Саяно-Алтай 118
 Север 12, 120, 130, 131, 173, 209, 337, 340, 346
 – Европейский 16
 – Крайний 337, 355
 – Русский 16, 65, 96, 326, 331, 347, 350
 – Тобольский 156, 285
 Северная Африка 23, 129
 Северная Сосьва, р., 40, 51, 52, 54, 72, 149, 344, 345
 Северный Кавказ 51
 Северный Ледовитый Океан 22
 Севский острог 77
 Селияровский погост 240
 Селиярская вол. 263, 276
 Середняковая, д. 73
 Серпухов, г. 54, 56, 74
 Сибирская епархия, 281, 282, 307, 308, 311, 315, 316
 Сибирское, Тюменское ханство, царство (Сибирский юрт) 23, 25–27, 30–32, 41, 63, 65, 128, 134, 139, 223, 259, 364, 379
 Сибирь 7–17, 22, 24, 26, 27, 29, 31–34, 36–39, 41, 42, 45, 47, 49–51, 53–59, 61–64, 66, 67, 72, 77, 80–86, 88–92, 94–96, 98–100, 102–104, 106, 108, 110–112, 114–116, 120–129, 131, 134–137, 139, 141, 142, 144, 146–148, 150, 152–155, 157–162, 169, 171, 173, 181, 183–194, 196–199, 202–204, 206–215, 217–219, 221, 222, 224, 226–229, 231, 233, 234, 237, 239, 241, 242, 244, 245, 247, 250, 256, 258–262, 264, 266, 269, 271, 273, 276, 280, 283, 285, 289, 290, 292–298, 301, 304, 305, 307, 312, 313, 315, 316, 319, 325, 328, 329, 331–333, 340–342, 344, 346, 352, 356–360, 362–365
 – Восточная (Северо-Восточная) 17, 19, 33, 209, 334, 342
 – Западная 34–36, 40–42, 48, 51, 58, 59, 69, 76, 90, 98, 106, 113, 114, 116, 117, 120, 125, 126, 131–133, 135, 145, 146, 163, 167, 180, 182, 183, 185, 186, 190–192, 198–200, 202, 203, 207, 208, 211, 220, 223, 253, 275, 295, 296, 299, 300, 333, 334, 337, 340, 342, 348, 352, 357, 360, 363–365,

– Северо-Западная (север Западной Сибири) 12–16, 18, 34, 39, 40, 42–45, 47, 50, 51, 58, 62, 70, 73, 91, 96, 108, 115, 116, 118–121, 133, 143, 157, 179, 181, 182, 184, 188, 189, 191–193, 195–197, 199, 201, 203–206, 210–212, 215, 236, 240–242, 244, 245, 259, 260, 264, 273, 278, 293–295, 298–302, 304, 307, 316, 317, 319–321, 329, 331–349, 351, 355, 356, 358–360, 362, 363, 365

– Центральная 191

– Южная 17, 190, 363

Свияжск, г. 52

Смоленск, г. 72, 73, 75, 298

Собская застава 138, 193, 272, 328, 359

Собь, р., 39

Соликамск 25

Соль Вычегодская 61, 73–74, 146

Соль Камская 70

Солянка, д. 242

Соспас, протока 238

Сосьва, р., 72, 129, 344

Сосьвинская вол. 154

Старая Мангазея – см. Мангазея
Старая

Старотуруханское городище – см. Мангазея Новая

Стерхова, д. 245, 249

Стромынский острог 67

Стромынь 67

Субботина, д. 242, 244, 249, 250

Суботины, ю. 215

Сугмут-ваш (Халь-уш), городок 51

Суздаль, г. 53, 346

Суздальский у. 52, 53

Сумкина, д. 239

Сургут, г. 11, 13–16, 34–53, 55–64, 66, 69, 71, 72, 74–76, 81, 85, 87, 88, 91, 92, 94, 96, 100, 101, 108, 121, 135, 144–146, 150, 151, 157–159, 161–164, 177, 180–185, 189, 190, 193–206, 208, 212, 213, 215, 216, 218, 229, 231, 234, 236, 237, 255, 262, 264, 275–280, 284, 285, 287, 292, 293, 297, 299, 300, 302, 307, 331–336, 338, 339, 342, 343, 347, 349–354, 358–361

Сургутский у. 13–16, 40–42, 57, 59, 62, 73, 91, 100, 101, 125, 127, 151, 160, 161, 210, 215–217, 241, 242, 260, 262, 263, 273, 274, 278, 279, 293, 307, 341, 360, 361

Сурова, д. 245

Сухоруковы ю. 215, 229, 231

Сылва, р., 125

Сым, р., 49, 50

Сымская вол. 279

Сынский городок 169

Т

«Тюлькина земляца» 309

Табаринская (Таборинская) вол. 31, 111, 112, 276, 301

Табаринский городок 30

Таборинка, р., 301

Таборинская (Табаринская) слобода 301

Таборы, вол. 126

Тавда, р., 26, 29, 30, 59, 112, 125, 126, 198, 205, 260, 301

Тагил, р., 26

Таз, р., 35, 36, 39, 44–46, 81, 110, 115, 116, 119, 121–125, 160, 170, 173, 174, 176, 268, 316, 335, 336, 344, 345, 355

Тазовская губа 173, 265, 332

Тазовское устье 174

Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный окр., 123

Талимковы ю. 239

Тамбовская губ. 24

Тара, г. 219

Тартария (Великая Тартария) 57, 65, 71, 75, 83, 104, 114, 118, 129, 168, 206, 219

Тарусский у. 56

Тахтанская вол. 111

Темличеева (Базьянская) вол. 127, 215, 236–240, 276

Терек, р., 73, 187

Терсютская (Терсюцкая) слобода 322

Тимошкины ю. 237

Тимьянский городок 105

Тихий океан 7, 17, 182, 188

Тобол, р., 12, 26, 30, 51, 59, 219

Тобольск (Тоболск, Тоболеск), г. 26, 27, 33–35, 40, 41, 44–46, 51, 52, 55, 56, 58, 59, 63, 64, 66, 70, 71, 83–85, 88–93, 95, 96, 103–107, 109, 110, 112, 116, 121, 128, 133, 135–140, 145, 151–153,

158, 165–168, 170, 172, 173, 177, 180, 181, 184, 185, 191, 193, 194, 197–199, 214–222, 226, 228, 230–232, 234, 235, 238–240, 242, 246, 247, 253, 255, 268, 272, 276–279, 283, 286, 290, 294, 297, 299, 302–304, 307, 309, 312, 316, 318–320, 324, 327–329, 333, 338, 355, 361, 365

Тобольская губ. (и округа) 222, 232–241, 246, 247, 250, 253, 254

Тобольская епархия 281, 282, 305, 312, 316, 322

Тобольский Знаменский монастырь 299

Тобольский острог 15

Тобольский рд. 16, 58, 59, 84, 85, 199, 200, 224, 360

Тобольский у. 50, 59, 127, 215–217, 221, 227, 241, 360

Томск, г. 13, 15, 35, 36, 38, 39, 41, 47, 49, 57, 60, 63, 64, 66, 70, 74, 88, 96, 98, 136, 139, 143, 148, 162, 163, 169, 181, 189, 192, 199, 206–208, 217, 277, 316, 333, 337, 355, 358–360

Томская обл. 42

Томский край 358

Томский рд. 84, 85, 275

Томский у. 125, 216, 217, 360

Томь, р., 42

Торжок, г. 51, 63, 67

Торопец, г. 53

Тотьма, г. 89

Тромъёган (Тромёган, Тром-юган), р., 46, 121, 159, 161

Тугалова, д. 244

Тугаловская д. 244

Тульский у. 44

Тунгусский острог – см. Енисейск

Тура, р., 26, 51, 219

Турунск (Япанчин), г. 71, 89, 98, 100, 199, 276, 302

Турунский (Епанчин) острог 46, 66, 70

Турунский у. 200, 301

Туртасская вол. 27, 217, 242, 243

Турунганка, р., – см. Тромъёган

Турухан, р., 123, 333, 336, 344

Туруханск 85, 124, 168, 176, 207, 336

Туруханское зимовье – см. Новая Мангазея

Туруханский р-н 338

Тушино, с. 53, 72

Тым, р., 125

Тымская вол. 263, 278, 279

Тюменский острог 15

Тюменский у. 200

Тюменское ханство – см. Сибирское, Тюменское ханство

Тюмень, г. 27, 33, 39, 42, 45, 48, 51, 54, 55, 62, 63, 66, 68, 69, 70, 71, 73, 104, 137, 150, 162, 180, 181, 185, 198, 199, 205, 221, 226, 254, 273, 276, 305, 311, 322, 334, 34, 355

У

Уватская вол. 242

Уватский погост 242

Уват, (Овот, Уватская) д. 242, 243, 245, 249

Урал 11, 19, 23, 25, 29, 32, 33, 51, 57, 63, 65, 72, 81, 96, 99, 117, 119-122, 125, 127, 129, 152, 154-156, 160, 167, 175, 184, 186-189, 191, 192, 194, 199, 202, 205, 207, 211, 217, 218, 255, 275, 333, 337, 356, 361, 363

– Северный Урал 11, 169

Урало-Сибирская Субарктика 16

Уральский регион – см. Урал

Устюг (Великий), г. 61, 345, 347

Устюжский у. 246

Уфа, г. 55

Уфимский у. 223

Ф

Филина, д. 244

Филинский погост 244

Фокина, д. 242, 244

Х

Хакасия 9

Хантайское зимовье 176

Холмогоры, г. 52, 175

Холодилова, д. 242

Худосейское зимовье 124

Худосея, р., 124, 125

Хуннская держава 133

Ц

Царёв-Борисов, г. 54, 56

Цингалинские (Цынгалинские, Цингальские) ю. 28, 235

Цынгалинская (Цингальская) гора 28

Ч

Чандырь, городок 30

Чановские озера 41

Часелька, р., 121

Чая, р., 125

Чебоксары, г. 52, 67

Чебыковы ю. 240

Чердынский у. 233, 239

Чердынь 25, 51

Чернолесье (Chorno-lese) 121

Черноярская (Черный Яр), д. 241, 244

Чувашев мыс 13, 14, 26

Чукотка (Чукотский), п-ов 18, 112

Чулское зимовье 271

Чулым, р., 39, 125

Чусовая, р., 25, 125

Ш

Шаламова д. 221, 234

Шапшины ю. 238

Шацк, г. 54

Швеция 52, 74, 349

Шегарка, р., 125

Шеркалы I, городище 333

Шеркальские ю. 285

Шиш, р., 26

Шоркарский городок 105

Ю

Юганская вол. 127, 263, 274

Юганские вол. 273

– Большая 276

– Малая 276

Югорская земля 13, 14, 15, 16, 22, 34, 42, 43, 46, 58, 60, 69, 76, 113, 123, 307, 358, 361

Югорские княжества 154

Югорские у. 12

Югорский край 12, 14, 58, 80, 180, 258, 356, 361

Югра 7, 10–19, 28, 29, 34–36, 38, 41, 42, 45, 49, 53, 58, 62, 63, 73, 79, 81, 103, 107, 112, 113, 126, 127, 129, 131, 137, 139, 142, 145, 146, 148, 152, 156, 157, 166, 175, 176, 179–184, 185, 188, 189, 192, 195, 197, 206, 212, 213, 215, 227, 234, 235, 237–241, 245, 247, 275, 276, 281–285, 287, 288, 290–294, 306, 307, 312, 316, 317, 321, 327, 329, 331, 333–335, 338, 350, 356, 363, 366

Юрова (Юровская), д. 244

Юровой погост 244

Юрьевецкий у. 73

Э

Эмдер (Эмдерский), городок 133, 134, 157

Я

Якутия 9, 96, 209, 210

Якутск, г. 15, 90, 96, 207, 209, 210, 213, 360

Якутский (Якуцкий) острог 297

Ямал, п-ов 38, 39, 41, 45, 70, 115, 117–120, 138, 173, 265, 348

«Ямыцкая земля» 39

Ямыш (Ямышево, Ямышевское), оз. 46, 61, 91, 140, 359

Ярославль, г. 46, 51, 54, 57, 64, 66–68, 72, 75

Яр-Сале, с. 41

GEOGRAPHIC INDEX

Berkley 84

Eastern part of Asia 286, 298

London 284, 286, 288

Los Angeles 84

Staat von Sibirien 286–290

Ukraine 287

Eastern part of Europe, 286

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аблегири́м 129
Абрамов А. 170
Абрамов Н. А. 305, 322
Авваку́м 157, 166, 167
Агай 40
Адеры 114, 116, 119, 171, 172, 174
Адриан 311, 312
Азим 64
Азыпка 40
Айваседа (Айваседа станица) 114, 115, 122–124, 269
Айма 106
Айрапетян И. Ю. 87
Акатко 262
Акинфеев П. 208
Акишин М. О. 108, 109, 142, 147–149, 185, 322, 323, 325
Аксентьев И. 231, 325
Акуев С. 117
Алачев Г. 135
Алачев Д. М. 137, 138, 140, 161, 317, 318, 321, 360
Алачев И. 135, 152
Алачев И. 39, 40, 43, 135, 146, 148, 151, 159, 316
Алачев М. 139, 152, 323, 324
Алачев Никифор (Лобан) Онжин
Алачев П. О. 135, 140
Алачева А. 135, 149, 152, 316
Алачевы 47, 135, 136, 140, 159, 302, 316, 321, 322
Алачей 28, 128
Албычев И. 112
Албычев П. 46, 212
Албычевы 184, 198
Алей 25
Александр 129, 312
Александров В. А. 35, 39, 43, 44, 45, 47, 50, 60, 62, 63, 67, 70, 84, 88, 94, 102, 103, 104, 187, 188, 229
Александров Н. 200
Александров Ч. 146, 257
Алексеев В. В. 348
Алексеев Д. 254
Алексеев М. П. 121
Алексеев П. 104
Алексеев С. 249
Алексей М. 270, 309
Аленев (Оленев) М. 239
Али 14, 63, 64, 67, 68
Алтанай 64
Алтиков (Интиков, Илтиков) Меньшой 227
Алтын-ханы 12
Аменов Ф. 70
Андреев (Адрианов) Т. 252
Андреев А. И. 35, 39, 47, 50, 60, 157
Андреев А. Р. 25,
Андреев Е. 254
Андреев С. 124, 201
Андреев Т. 252
Андреевский И. А. 82
Андрианов А. В. 8
Аникиев И. 252
Анисимов А. 231
Анисимов В. 221
Аничков В. В. 39, 41, 55, 57,
Аничков Ф. В. 55
Анкудинов А. 248, 251, 254
Антипин К. 253
Антонко 148
Антонов А. 110
Анфилофьев Н. 204,
Анхимюк Ю. В. 47
Апатаков «Олешка» 50
Апухтин С. Д. 100
Арап И. 92
Араслан (Алп Арслан ибн Али, Арслан, Арасланалей, Араслан Алеевич) 67
Аргунов И[стома] (Савва). 39, 41, 45, 64, 70, 174, 197
Аргунов Л. 36, 61

Аргунов Н. 272
Аргуновы 197
Арефьев В. Ф. 248
Арефьев М. В. 248
Арефьев Ф. В. 248
Артемьев И. 254
Аседа 123–125, 176
Астраханец (Астраханцев) И. 256, 329
Аткатко 148
Атласов В. 209
Афанасьев Б. 110
Афанасьев И. 163–165, 312
Афонасьев И. 198
Ахмад-Гирей 25

Б

Бабаков В. 238
Бажен Кулак — см. Кулак Бажен
Базаров Д. 38
Базилевич К. В. 218
Базьянов Д. 236
Бай 123, 125
Байдин В. И. 18, 86, 310
Байков Ф. И. 173, 268,
Балюк Н. А. 228
Баранов М. Ю. 216
Барахович П. Н. 191
Бардак (Бордак) 39, 40, 43, 46, 62, 141, 156, 158, 159, 160, 161, 162, 360
Бардаков С. 157, 164
Бардаков Тонема (Тоник, Кинема, Дона), 39, 40, 43, 46, 156–160, 162, 163
Барсуков А. П. 73, 76
Бартенов В. В. 339
Барятинские 47
Барятинский (Борятинский) (Манка) И. М. 52–55, 73, 262
Барятинский (Борятинский) Ф. П. 41, 55, 57, 280
Барятинский (Борятинский) Я. П. 57, 81

- Барятинский П. И. 55
Баскаков Е. 208
Баскаков С. У. 227, 228, 247
Баталины (Ботонины) 196
Бахрушин С. В. 8, 13, 14, 17, 33, 35, 39, 41, 49, 58, 60, 84, 89, 90, 94, 96–99, 111, 114, 115, 129–132, 134, 136, 138, 139, 142, 146, 147, 152, 153, 155–157, 159, 161, 177, 209, 211, 212, 225–227, 255, 259, 260, 262, 264–266, 268, 269, 272, 342, 344, 348, 258, 363
Бачура О. П. 334
Башмаков А. Ф. 236
Башмаков К. М. 236
Башмаков М. И. 236, 248
Башмаков Н. М. 236
Башмаков Ф. М. 248
Башмаковы 236
Бебяков А. Т. 248
Бебяков Т. 248
Бегбелей 25
Безобразов И. Р. 100, 101, 274, 275
Бекбаулы абыз 154
Беликов Д. Н., 358
Белкин Б. И. 91–94
Белобородов С. А. 86, 310
Белов М. И. 29, 45, 46, 185, 331, 332, 335, 338, 344, 345, 347, 353
Белоголов 117
Белозёрец Н. Е. 298
Белокуров С. А. 53, 62, 66, 72–75
Бельский П. А. 47
Бельский Ф. Ф. 226
Беляков А. В. 41, 54, 56, 64–69
Бенешевич В. 74
Бернадская Ф. А. (Ондреевна) 137–138
Бернадский А. О. 137
Берх К. 285
Бесперстово И. 93
Беспрозванный Е. М. 86, 310,
Бессмертный И. 68
Биркин И. П. 37, 52, 55
Благой (Благово) А. И. 51, 55
Благой (Благово) И. В. 75, 77
Бобарькин Ф. 157, 162
Бобровский П. 202
Богданович Е. В. 55
Богословский М. М. 83, 96
Богоявленский С. К. 181
Болотников И. 56, 60, 69
Болтин И. Н. 7
Болховский С. 26
Большие К. 114–120, 141, 165, 169–175, 179, 269, 271, 337, 340
Бондарев Е. 213
Борис (Фёдорович) Годунов 36, 42, 43, 47, 51, 52, 54, 55, 57, 72–74, 82, 90, 146, 260, 296, 316
Борисов Е. 221, 252
Борисов П. 49, 70
Борятинский И. М.
Борятинский Н. М. 97
Боталин (Баталин) Г. 196
Боталин (Баталин) Е. А. 196
Боталин (Баталин) Я. 196
Бояр 27, 128
Бояршинова З. Я. 35, 38
Бродников А. 35, 41, 44, 45, 186
Брон Т. 183
Брызга И. 26
Булгаков И. 68
Булгаков Ф. Ю. 48
Буткеев А. 257
Бутурлин В. И. 213
Бутурлин Е. В. 56, 85
Буцинский П. Н. 8, 13, 14, 35, 39, 41, 42, 46–49, 68, 69, 104, 142, 150, 156, 157, 184, 192, 209, 211, 273, 341, 342
Быдылдин Ф. Г. 221
Быковский И. В. 256
- В**
- Ваганов Е. А. 16
Вайсман Г. З. 86
Вакулин Г. 257
Вакулин Ф. Н. 256, 257
Валцов М. 93
Вануйто (Ванюты) 114, 116–120, 171, 175
Варлаам 303
Василей 146–147
Василий [Шуйский] 69
Василий III 127
Василий О. 141, 148, 149,
Васильев Б. 254
Васильев В. И. 112, 119, 123
Васильев Г. 252
Васильев Е. З. 248
Васильев З. 227, 228
Васильев К. 250
Васильев Л. С. 132
Васильев М. 212, 248
Васильев О. 109
Васильев Р. 94
Васильев Т. 103
Васильев Т. 221, 228
Васильев III. 46
Васильев Я. 252
Васильева Е. 248
Васильева М. М. 249
Васильева Т. В. 249
Васильевский Р. С. 42, 44, 65
Ватцыны станицы 122
Вахромеев И. 81
Вахромеев Ю. 47
Вахрушев В. 295
Ваюсов Г. 104–107, 147, 149–151
Ваюсь 106, 146–149
Вельяминов И. Я. 103, 189
Вельяминов И. М. 103
Вельяминов И. 189
Вельяминов Л. А. 98
Вельяминов Н. Д. 65, 66
Вельяминов П. Н. 103, 280, 294, 297
Венгерский А. 322
Вербов Г. Д. 117, 123
Вергунов Е. М. 252
Вершинин Е. В. 14, 17, 34–36, 38–45, 47, 48, 50, 51, 57, 58, 60, 62, 68, 71, 73, 74, 76, 81, 82, 90, 91, 95, 96, 99, 116, 120–122, 135, 142, 146, 157, 162, 173, 182, 190, 199, 208, 223, 241, 271, 283, 294, 298, 302, 304, 307, 316, 317, 320, 321, 332
Веселовский С. Б. 52
Визгалов Г. П. 50, 53, 71, 72, 97, 103, 142, 144, 145, 150, 160, 162, 164, 180, 184, 190, 201, 216, 315, 332, 334–345, 347, 349–354, 357, 364
Викентьев Г. П. 53
Вилков О. Н. 199, 202, 205
Вилпин К. 239

Витсен Н. 24, 57, 65, 71, 75, 168, 206, 219
 Владимирский-Буданов М. Ф. 74
 Владислав 55, 63, 73, 75
 Владычкин Т. С. 104, 105, 107
 Внукова О. В. 35, 48, 49, 60
 Воейков А. М. 85
 Воейков 135
 Воймох 240
 Волконский Л. М. 101
 Волконский М. К. 85
 Волконский М. П. 54, 55
 Волконский Н. 189
 Волконский П. Ф. 95, 111, 112
 Вологжанин Я. 124
 Волынский А. В. 328
 Волынский В. С. 51, 52, 55
 Волынский И. Г. 37, 52, 54, 55, 316
 Волынский С. И. 37, 63, 73, 76, 151
 Волынский С. 73
 Волынский Ф. В. (Щепа) 75, 77
 Вонга 117
 Вонин Тойбохта (Тайбохта) 43, 48, 64, 263
 Воня 35, 40–43, 46, 141
 Воронцов М. К. 221
 Воскобойникова Н. П. 72
 Вохмин Г. Я. 224
 Второго (Второво, Вторушин) Г. И. 249, 252
 Вторушин Г. И. 249
 Вторушин Г. Г. 250
 Вторушин И. И. 250
 Вторушин Л. Г. 250
 Вторушина А. Г. 250
 Вторушина А. М. 250
 Вторушина М. Г. 250
 Вынги 114, 115, 117
 Выучеев 171
 Выходцев И. 257
 Вяземский И. М. 72

Г

Гаврилко 153
 Гаврилов А. 49
 Гаврилов Ф. 252

Гаврилов Ю. 212
 Гаврилова Е. 249
 Гагарин М. П. 303, 304
 Гагарин М. С. 94
 Гагарин П. А. 175
 Гагемейстер Ю. А. 206
 Газенвинкель К. Б. 48, 60, 185
 Галасеин П. 256
 Галичанин И. Ф. 110
 Галкин А. 212
 Галкин И. 212
 Гамель И. 58
 Гемуев И. Н. 132, 133
 Герасим 308, 312, 317, 318, 321
 Герцен А. И. 8
 Гигины 116
 Гизольфи З. 11
 Гимранов Д. О. 344
 Главацкая Е. М. 14, 86, 142, 178, 259, 310, 319
 Глазьев В. Н. 53, 74
 Глинский Ю. И. 256, 257
 Годунов И. М. 103
 Годунов И. 189
 Годунов М. М. 314
 Годунов П. И. 99, 224, 283
 Годунов Ф. А. 89, 155
 Голицын А. А. 104
 Головин В. 272
 Головин Ф. В. 43, 57, 74, 139
 Головнёв А. В. 41, 44, 114, 115, 117, 118, 120, 125, 179
 Голохвастов А. И. 57
 Голынский С. 256
 Гончарова О. В. 342
 Горбунов К. В. 197
 Гордон В. 58
 Горохов А. С. 249
 Горохов Д. Г. 257
 Горохов П. 232, 257
 Горохов С. П. 249
 Горчаков П. И. 40, 51, 128, 146, 292, 293, 301
 Горшков Е. И. 240
 Горшков Е. 240
 Галкин И. 61

Градовский А. Д. 82, 83, 181,
 Граля И. 74
 Грешная У. И. 246
 Грешной (?) Г. Т. 216, 246
 Грешной И. Г. 246
 Грешной М. Г. 246
 Грешной С. Г. 246
 Грибоедов И. Ф. 102
 Григорьев И. 251
 Григорьев К. 297
 Григорьев Ф. 298
 Грицкевич В. П. 182
 Гроза И. 63
 Грозин И. Г. 231, 256
 Громыко М. М. 24
 Гурий 312
 Гурлянд И. 74

Д

Давыдов А. П. 165–167, 175, 223, 272
 Давыдов К. 90, 91
 Данилевский Н. Я. 8
 Данилов Д. 70
 Девлет-Гирей 165–167, 223
 Деев Т. 46, 47, 60, 68, 197
 Деллагарди Я. П. 68
 Демидова Н. Ф. 88
 Демский С. Г. 88
 Демьян (Нимньюан) 27
 Дербень О. 277
 Дерунко 148, 149
 Детков Б. 221, 256
 Дженкинсон А. 123
 Джонсон Р. 121
 Дмитриев А. А. 58
 Дмитриев А. В. 229
 Дмитриев Т. 254
 Дмитрий И. 52
 Долгих Б. О. 35, 48, 111, 114–117, 121–127, 153, 158, 215, 264, 266, 273
 Долгорукие 90
 Долгорукий В. Г. 90
 Долгорукий Ф. Т. 57
 Долинин Н. П. 74
 Досаев Ч. 154

Дуленков М. 299
 Дунин-Горкавич А. А. 158
 Дурьян И. 63, 68
 Дьяков (Диakov) Ф. 44–46
 Дягилев Г. С. 251

Е

Евстрат 135
 Евстратий 302, 316, 317
 Егишев (Игишев) А. 248
 Егишев (Игишев) Д. Х. 248
 Егишев (Игишев) Х. А. 248
 Егишев И. Ф. 220, 227, 233, 251
 Егишева (Игишева) М. Х. 248
 Егишева (Игишева) М. 248
 Егольский (Егонский) Ф. М. 256
 Егорьев И. Т. 236
 Егорьев Т. 236
 Егорьева А. 236
 Егупов М. 193
 Егупов-Черкасский Н. И. 98
 Едигер 25
 Едурейко 119, 171
 Езынге 116
 Елецкий Ф. Б. 57
 Елизарьев Я. 221, 257
 Елиня 175
 Елистратов Г. 105
 Елуков Н. 263
 Елчанинов Н. Г. 48
 Елчанинов Ф. Е. 54
 Емельянов В. 249
 Емельянов Е. В. 249
 Емельянов Н. Ф. 47, 48
 Емельянов С. 252
 Емельянова А. С. 249
 Емельянова М. В. 249
 Енабай 112
 Еней 120
 Епан 112
 Ермак Тимофеевич 8, 9, 10, 12–15, 22–33, 45, 63, 67, 127, 128, 143, 144, 146, 166, 175, 187, 212, 257, 267, 272, 358, 362
 Ермолаев И. П. 82
 Ерш С. Т. 236

Ершов (Ершев) И. И. 236, 248
 Ершов (Ершев) И. Т. 236
 Ершов (Ершев) Т.-Д. С. 236

Ж

Жеребцов Д. В. 65–67, 90, 91, 360
 Жестея Т. 48
 Жировой-Засекин И. Ф. 74
 Жуков Е. А. (Пешек, Пешко, Пешка) 51

З

Забелин И. 22
 Завьялов И. 279
 Зайцев Г. С. 41, 44
 Замысловский Е. 211
 Зарницын 169
 Заруцкий И. М. 63
 Захаров Е. 228, 251, 252
 Захаров К. Я. 247
 Захаров П. Я. 247
 Звягин П. 238
 Землянин (Земленин) И. З. 227
 Зенько А. П. 118, 365
 Зенько М. А. 40
 Зимин А. А. 82
 Зиновий 285
 Зиновьев В. П. 42
 Зиновьев З. 255
 Зиновьев Ф. 255
 Змановский И. Ф. 237
 Змановский П. С. 238
 Змановский П. Ф. 237
 Змановский С. Н. 238
 Змановский Ф. М. 237
 Змеев И. 35, 39, 51, 55, 85, 135
 Змеев П. 40
 Зубакин Б. С. 39, 92, 159, 162, 163, 197
 Зубатый И. Ф. 163
 Зубов Б. А. 271
 Зубов И. И. 61, 69, 72, 73, 101
 Зуев А. С. 7, 9, 17, 58, 69, 98, 210,
 Зуев В. Ф. 285, 289, 290

Зыков А. П. 131, 133, 134, 157
 Зыков Ф. А. 297

И

Иван (Вычегжанин) 68
 Иван (Иоанн) Алексеевич 263, 315
 Иван III 11, 12
 Иван IV Грозный 23, 25, 52, 57, 67, 82, 127
 Иван Бессмертный — см. Бессмертный Иван
 Иван Гроза — см. Гроза Иванов
 Иван Иванович 52
 Иванов А. 68
 Иванов В. Н. 212
 Иванов Г. 33
 Иванов Е. 252
 Иванов И. 252, 253
 Иванов К. 105
 Иванов К. 249
 Иванов К. 317
 Иванов О. 200
 Иванов П. С. 248
 Иванов С. В. 87, 99, 109,
 Иванов С. 104, 107, 189, 201, 317, 326–327
 Иванов Ф. 193
 Иванов Я. 68
 Иванова А. 248, 249
 Иванова М. И. 248
 Иванчин Г. 104, 106, 309–311,
 Ивши (Еуши) — см. также Югучейский (Ючи, Еуши)
 Игнатий (Римский-Корсаков) 303, 304, 312
 Игнаткин П. С. 17, 58, 69, 98,
 Игнатъев О. 200
 Игнатъев Ф. 172
 Игонка (?) И. Т. 251
 Иевлев Д. 49
 Измайлов А. А. 107, 189, 208, 274,
 Измайлов В. И. 243, 273,
 Илинарх 92
 Ильин И. 250
 Иона 303, 323, 324

Ирина 92, 93
 Исаак 304
 Исакий 312
 Исленьев П. 155, 156
 Исхаков Д. М. 40
 Итилидка 169, 271
 Ичимка (Ичимха) 30

К

Казанец Н. Р. 109
 Кайгородов А. С. 254
 Кайгородов Е. А. 254
 Кайгородов И. Е. 254
 Кайгородов С. Л. 254,
 Кайгородова А. Н. 254
 Кайгородова А. Е. 254
 Кайгородова М. Е. 254
 Кайдалиха О. 93
 Кайдалов И. 48
 Кайдаловы 196
 Калинычев Ф. И. 187
 Каменецкий И. П. 33, 190
 Капландеев Чумей (Чюней) 139,
 148, 153, 154
 Карамзин Н. М. 8, 212
 Карача 26
 Карачеев Т. 119
 Карачеи — см. Харючи
 Кардаш О. В. 156, 173, 284, 285, 287,
 335, 337, 340
 Карлин А. Л. 227, 228, 233, 234, 251
 Карнейро Р. Л. 131
 Карп (Карпик) 50
 Карпик 105
 Карпин 64
 Карпов И. 251,
 Карс 122
 Катанаев Г. Е. 33, 189
 Катырёв-Ростовский И. М. 63, 64
 Кафтырев Я. П. 256
 Качалов И. 223
 Кашмылов М. 39, 45, 70
 Кашпиревы 197
 Квашнин М. К. 108, 294
 Кеврольцев С. 256
 Килдеяров (Кивдеяров) К. 227
 Киприан 33, 301, 302, 308, 312, 363
 Киприянов А. 104, 105
 Киприянов Б. 105
 Киприянов О. 105
 Кирилов В. 235
 Кирилов Е. И. 247
 Кирилов И. И. 247
 Кирилов Л. 168, 169
 Кирилова А. 247
 Кирпет 116
 Кирюшин Ю. Ф. 333
 Кистерев С. Н. 73
 Кихек 25
 Кичеев В. 263
 Кичей 43, 46
 Климантов В. 312
 Ключевский В. О. 8
 Князьков С. А. 80, 87, 99, 109
 Кобылинский С. 257
 Кобяков Ю. И. 54, 55
 Кодский И. 322
 Козловский Т. 234, 236
 Козловский Ф. А. 76
 Козляков В. Н. 64
 Кокорев Б. 208
 Кокорев Г. И. 94
 Кокоулин Б. 170, 171
 Кокоулин Л. Л. 213
 Кокоулин С. Г. 108, 204
 Кокоулин 119
 Кокоулины 197
 Кокшар К. И. 249
 Кокшаров М. Н. 249
 Кокшаров Михаил (1-й) Назарович
 249
 Кокшаров Михаил (2-й) Назарович
 249
 Кокшаров Н. К. 249
 Кокшаров С. Ф. 131, 133, 134, 157
 Кокшаров Ф. Н. 249
 Кокшарова Авдотья (1-я) 249
 Кокшарова Авдотья (2-я) 249
 Кокшарова А. 249
 Кокшарова Е. Г. 249
 Кокшарова М. 249
 Кокшарова М. Н. 249
 Кокшарова П. Н. 249
 Колединский В. Г. 56
 Колёмин И. И. 56
 Колесников А. Д. 22, 192, 357
 Колмогор В. 168
 Колов О. 272
 Колпашник П. 48, 63
 Кольчѐва Е. И. 82
 Кольцо И. 26
 Кольцов-Мосальский В. В. 59, 128
 Кондаков Афанасий (Офонасий)
 92,
 Кондаков М. 116, 169
 Кондратьев П. 231
 Конев (?) Я. И. 220, 239
 Конев А. Ю. 49
 Конев А. С. 239
 Конев В. И. 239
 Конев Иван (1-й) 239
 Конев Иван (2-й) 239
 Конев И. В. 239
 Конев М. В. 239
 Конев С. В. 239, 248
 Конев Я. С. 239
 Конева А. 239
 Конева М. С. 239
 Конева М. 239
 Конева Н. 239
 Конева П. С. 239
 Конева П. И. 239
 Конжинко 260
 Конон С. 239
 Константинов Ф. 239, 252
 Коняев Н. 22
 Копылов А. Н. 84, 202
 Копылов Д. И. 27
 Корепанов А. И. 238
 Корепанов В. И. 238
 Корепанов Е. И. 238
 Корепанов И. 239
 Корепанов И. И. 238
 Корепанов Л. С. 238, 251
 Корепанов М. 238

- Корепанов С. И. 238
 Корепанова А. И. (1-я) 238
 Корепанова А. И. (3-я) 238
 Корепанова Д. Л. 238
 Корепанова М. И. 238
 Корепанова Ф. И. 238
 Корецкий В. И. 56, 67, 90
 Корзиков Д. 170
 Корнилий 303, 307, 308, 323
 Корона О. М. 333, 338, 345, 346
 Коротай 156
 Корсаков Е. Ф. 76
 Корсаков И. С. 109, 110, 272
 «Кортес» 9
 Косвен М. О. 8
 Косинцев П. А. 340
 Кособоров Е. 227, 228
 Костомаров Н. И. 8, 60, 65
 Косякма 40
 Котошихин Г. К. 89, 223
 Котыин Б. 111
 Котыин О. 111
 Кочегомка 153
 Кочадамов В. И. 41, 357
 Коялов (Каялов) Томилка (Тамила) 237
 Крадин Н. Н. 131, 133
 Кренев Ф. И. 252
 Кривов 116
 Кривоног И. 200
 Кропоткин А. В. 88
 Кропоткин В. П. 62
 Крупник И. И. 115
 Крылов Г. В. 246
 Крылов Е. В. 246
 Крылов С. В. 246, 252
 Крылов Т. В. 246
 Кузака 92, 93
 Кузмин М. 204
 Кузнецов (Кузнечихин) Б. Д. 239
 Кузнецов А. Д. 248
 Кузнецов Д. Д. 239
 Кузнецов Д. 239, 248
 Кузнецов Е. В. 18
 Кузнецов И. Ф. 247
 Кузнецов Л. М. 247, 249
 Кузнецов М. Л. 247
 Кузнецов Н. Д. 251
 Кузнецов Ф. М. 247
 Кузнецова А. Л. 247
 Кузнецова А. О. 247
 Кузнецова М. Ф. (1-я) 247
 Кузнецова М. Ф. (2-я) 247
 Кузнецова М. Ф. 247
 Кузьмин М. 277
 Кузьмин С. В. 85
 Куклин А. С. 252
 Куклин Г. С. 252
 Кулак Б. И. 68
 Куланов А. 149
 Куланов П. 147, 149
 Кулановы 148
 Кунязев К. 263
 Купчеев Т. 46
 Куракин И. С. 50, 162, 163
 Курбатов А. В. 347, 349–351
 Курлаев Е. А. 231, 325
 Курлаков А. М. 42
 Курносов В. В. 41
 Кусаинова Е. В. 32
 Кутлышихов С. 235
 Кутыгей 127
 Кухтерин А. С. 50, 53, 72, 97, 103, 142, 144, 145, 150, 160–162, 164, 165, 180, 184, 190, 201, 285, 287, 315, 332, 334, 339, 342, 343, 347, 354, 364
 Кучум 14, 25–27, 30 32, 33, 41, 61, 65, 69, 128, 143, 156, 158, 165, 223, 358
 Кушкул 262, 276, 328
 Кушников О. 204
 Кырпу 115
- Л**
- Лабута 30
 Ладыкин Ю. 328
 Лазарев Т. М. 52
 Лайкин П. 263–264
 Лапотниковы 197
 Лаппо-Данилевский А. 208
 Ларионов М. 249
 Ларионов С. В. 110, 174, 249
 Лбова Л. В. 42
 Лебаут 128, 217, 242
 Левашев А. 85
 Лёвка 148
 Левкин Воломка (Волотка, Володимерко) 239, 240
 Левонтьев Т. 136
 Ледерейко 125, 272, 273
 Леклерк 7
 Ленгиев Н. 173
 Ленсин А. 177
 Леонтьев В. М. 13, 199
 Леонтьев М. 91
 Леонтьев П. 252
 Леонтьев Я. В. 60, 66
 Леонтьева Г. А. 88, 209
 Леонтьева Т. 200
 Лехей 117
 Лечман 148, 149
 Лжедмитрий I 52, 53, 57, 72–75
 Лжедмитрий II 53, 60, 64–66, 75, 152, 297, 360
 Лжедмитрий III 53
 Лисейцев Д. В. 73
 Литвинчук М. С. 41, 59
 Лихарев И. Ф. 89
 Лихарев Я. Н. 102, 210, 269, 270
 Лихачёв (Лихачев) А. 105, 108, 267, 269, 270
 Лихачев Р. 174
 Лихванов А. 231
 Лобанова Т. В. 334–338, 340, 341, 343–345
 Лобанов-Ростовский С. М. 41, 56, 57, 85
 Лобанов-Ростовский Ф. М. 58
 Логеи (Лахэ гэнз Лага-ганз) 117
 Логинов Д. 251
 Логочи 122
 Лодокуйский 114
 Лодыгин М. В. 44, 47
 Лодыгин Я. 260, 263
 Лодыженский М. С. 102, 119, 269, 270, 294
 Ломоносов М. В. 22, 61
 Лоншак С. 272

Лопарев Х. М. 12, 221, 222, 232–241, 246, 247, 250, 253, 254, 300
 Лохеи 117, 118, 171
 Лошаков И. 271
 Лугуев В. 148
 Лугуев Ш. 145, 146, 148, 149
 Лугуевы 148, 149
 Лугуй 129, 134, 141, 145, 260
 Лукьянов Б. 250
 Лурье С. В. 211
 Луца-Ванюта 114, 120
 Луцкий Семён (Семейка) 48
 Лызлов А. 70
 Лыков П. И. 111
 Лыткин Ю. М. 221, 252
 Лэхэ — см. Лохеи
 Любавский М. К. 8
 Любомиров П. Г. 67, 75
 Люмов К. 169
 Ляпунов П. 149

М

Мазепа В. С. 16
 Макарий 91, 301, 303, 311–315
 Малафеев С. 221
 Малов А. В. 49, 60, 70
 Малой С. А. 267
 Малой 116
 Малолетко А. М. 333
 Малышев Б. 63
 Маметкул 25, 26
 Мамрук О. 146–149, 152, 153, 157
 Мамруков Е. 166, 175, 267, 272, 280
 Мамруков М. 168–170, 172, 269
 Мансуров И. А. 15, 26–27, 134
 Манькова И. Л. 14, 71, 138, 231, 253, 295, 296, 299, 325
 Марина 249
 Мартини 286
 Мартынова Е. П. 133, 143, 365
 Медведев А. 243
 Медведев В. 243
 Медведев Г. 243
 Медведев Д. Я. 243
 Медведев Е. Я. 243
 Медведев И. Я. 243
 Медведев К. 243
 Медведев Т. Я. 243
 Медведев Я. Р. 243
 Медведчик О. Т. 110
 Мельник Г. А. 324
 Мельникова А. С. 218
 Мельников-Печёрский П. И. 24
 Меншиков А. Д. 305
 Меркурьев З. 252, 254
 Мефедев А. 312
 Мещерский И. А. 47
 Мещерский Н. Ф. 275, 299
 Микиров Я. 154
 Микифоров Я. 176
 Микулин Г. И. 52, 55
 Микулин И. И. 52
 Микулин Н. В. 53
 Милеску-Спафарий Н. Г. — см. Спафарий (Милеску) Н. Г.
 Милков И. П. 248
 Милков П. И. 248
 Миллер Г. Ф. 7, 13, 14, 27, 34, 36, 38–40, 42, 43, 45–51, 63, 64, 66, 68, 70–76, 88, 123–125, 128, 129, 139, 142, 147, 148, 150, 152, 154, 155, 157–162, 203, 215, 221, 222, 227, 236, 240–242, 244–247, 250, 256, 260–262, 264, 266, 280, 292–297, 300, 301, 316, 333, 356–358, 363
 Милов Л. В. 231
 Миловидов И. 66
 Миненко Н. А. 14, 18, 48, 50, 63, 69, 116, 120, 184, 188, 196, 197, 201, 205, 211, 212, 259, 364
 Минин 62, 155
 Миронов Г. 326
 Михайлов А. М. 253
 Михайлов Г. 253
 Михайлов Л. М. 253
 Михайлов М. 252, 253
 Михайлов Т. 104
 Михайлов Ф. М. 253
 Михайлов Я. 26
 Мокринский Д. И. 257
 Мокринский И. 257
 Мокринский Ф. И. 257
 Моликов Г. 175, 176

Молоков А. Т. 246
 Молоков А. 246
 Молоков В. Т. 246
 Молоков И. Т. 246
 Молоков П. Т. 246
 Молоков С. Т. 246
 Молоков Т. О. 246
 Мордовина С. П. 72, 74
 Морей К. 176
 Морж Г. Р. 63
 Мосальский (Рубец) В. М. 35
 Мосальский-Кольцов В. В. — см. Кольцов-Мосальский В. В.
 Москвитин И. 48
 Муггади 125
 Муксунов П. С. 240, 249
 Муксунова П. С. 240
 Мухин А. Д. 251, 252
 Мухин К. Д. 251
 Мухин М. В. 221
 Мухин С. В. 220
 Мыглан В. 16
 Мыгналов И. 177
 Мюллер Й. (Müller J. V.) 284, 285, 287, 288, 289, 290, 291

Н

Навацкий С. 136
 Надеры — см. Адеры
 Надымский Н. 173
 Наев К. 328
 Назинов С. 155
 Намак 39, 47
 Наречи 115, 116
 Насы 174
 Нащокин А. П. 52, 55
 Небольсин П. И. 7, 24, 186
 Недбай Ю. Г. 185
 Недевятковой станицы 122
 Неелов Р. И. 42
 Неелов 175
 Незговорский П. 256
 Нелединские 96
 Нелединский И. Ю. 66, 96
 Немчин (Немчинко) 116, 119, 171,

Немчинов О. 120, 177, 170
 Ненянки 120
 Неплюев 171
 Несвицкий А. М. 109
 Нестеров А. Г. 40
 Никитин В. 133,
 Никитин Н. И. 14, 22, 33, 36, 60,
 63, 68, 104, 106, 180, 183, 186, 191, 192,
 198–200, 203, 207–210, 356, 357
 Никитин П. 256
 Никифор 304
 Никифоров К. 252
 Никифоров Н. 94
 Ниля 122
 Ниримовы 122
 Нифантов Ф. 326
 Новицкий Г. 284, 285, 290
 Новокрещёнов Д. Г. 197
 Новосадский И. В. 49
 Новосельский А. А. 23, 85
 Норов Г. У. 40, 55
 Норов М. П. 38, 51, 55
 Нюптеев Т. 173

О

Обдорский 114
 Обобуров Б. 94, 97, 109
 Оболенские 57
 Обольянинов 169
 Обрамов О. 171
 Овсянкин И. Л. 224
 Овсянкин И. 252
 Овсянкин Т. К. 231
 Овсянников О. В. 185, 331, 332, 335,
 338, 345, 347, 353, 354
 Овцын Д. Л. 116, 120
 Овчинников И. 250
 Овчинников Р. В. 62
 Оглоблин Н. Н. 13, 14, 51, 85, 189,
 199, 204, 208, 210
 Огрызко И. И. 285, 290
 Окладников А. П. 8, 22
 Оксёнов К. 110
 Окулов Я. 194
 Окунь С. Б. 8
 Олбый 171

Оленев Г. 237,
 Олчиков (Олчинков) Капалчейка
 (Калпача, Капалчи) 165
 Онофриев К. 110
 «Онтонов Урнучко» 50
 Орлов Г. Н. 103
 Орлов Г. 97, 189
 Орлов К. 95
 Ортемьев М. 91
 Ортюхин И. 268
 Осдоня 147, 150
 Осипов М. 64, 257
 Осипова А. 235

П

Павел 327
 Павлинская Л. Р. 190
 Павлов А. П. 41, 58, 66, 73, 75, 82,
 83, 87
 Павлов В. 326
 Павлов И. 328
 Павлов Н. Ю. 325
 Павлов П. Н. 269, 341
 Павлова Н. 258
 Паламошный В. 207
 Палицын А. Ф. 94
 Пан Н. 26
 Панкратьев Н. 252
 Пантелеев И. 105
 Панютин Т. 43, 46
 Парабельский И. 163, 164
 Парабы 114
 Парасковьяца Исаковская жена
 221
 Парфёнов А. 312
 Пархимович С. Г. 72, 333–335,
 337–339, 342, 344, 345, 347, 349–354
 Пархимович С. Ю. 334
 Патлик 30
 Пачганов (?) З. В. 220
 Пачганов А. В. 240, 249
 Пачганов Б. А. 240, 249
 Пачганов Б. З. 240
 Пачганов З. В. 240, 251
 Пачганов И. З. 240
 Пачганов М. З. 240

Пачганов Т. З. 240
 Пачганов Ф. 240
 Пачганов Я. З. 240
 Пачганова А. 240
 Пачганова А. О. 240
 Пачганова Д. 240
 Пачганова Е. 240
 Пачганова Л. А. 240
 Пачганова П. А. 240
 Паченег (Печенег) 30
 Пашков И. 149
 Паштир П. 105
 Пвальмквист Э. 61
 Пелих Г. И. 125, 141, 158, 163
 Пенежанин (Пинежанин) С. Н. 247,
 251
 Первухин К. И. 252
 Перевалов В. С. 245
 Перевалов Г. Я. 245
 Перевалов И. Я. 245
 Перевалов Н. Я. 245
 Перевалов С. Я. 245
 Перевалов С. 245
 Перевалов С. С. 245
 Перевалов Т. Я. 245
 Перевалов Я. С. 245
 Перевалова Е. В. 34, 121, 122, 138,
 142, 147, 173
 Перфильев М. 213
 Пётр (Пётр Алексеевич) I 263, 315
 Петров В. И. 186
 Петров Е. 92
 Петров Я. 94
 Петрова Е. Н. 72, 335, 338, 350–352
 Петровы 94
 Пеший И. 36, 41
 Пивов В. В. 57
 Пивов П. В. 85
 Пидириска 119, 120, 179, 271
 Пидирисов Н. 120, 271
 Пилипчук Я. В. 41, 43
 Пинежанин Т. В. 109
 Писемский Г. И. 57, 74
 Питирим 303
 Питухин С. М. 249
 Пичуга А. К. 239

- Пластинин А. 248
 Пластинин И. Т. 248
 Пластинин И. 248
 Пластинин С. Т. 248
 Пластинин Т. К. 248
 Пластинина А. 248
 Пластинина Д. С. 248
 Пластинина Е. 248
 Пластинина М. 248
 Платонов С. Ф. 8, 60, 67
 Плесовский Л. 328
 Плешевский Я. 182
 Плещеев В. Т. 52, 54, 55
 Плещеев О. Т. 40, 55, 56, 58, 158
 Плещеев-Мешков А. А. 104–107, 167, 309, 311
 Плотник С. 208
 Плотник Я. 322
 Погадаев А. Я. 234, 239
 Погадаев А. А. 234
 Погадаев В. Д. 227, 233, 234, 236
 Погадаев И. В. 234, 251, 252
 Погадаев С. В. 234
 Погадаева В. А. 234
 Погадаева К. М. 234
 Погонин С. 227, 234, 235
 Пожарский Д. М. 62, 64, 67, 68, 73, 155
 Покровский М. Н. 8
 Покровский Н. Н. 45, 47, 60, 62, 63, 67, 70, 84, 88, 94, 102–104, 187, 188, 217, 229, 311
 Покшишевский В. В. 184
 Полетаев А. В. 35
 Поморец Ф. 68
 Помытко 106, 107, 309
 Пономарёв Г. С. 248
 Пономарёв Д. Т. 228
 Пономарёв Я. С. 248
 Попов В. 272
 Попов С. 198
 Попов Ф. К. 239
 Поповы 197
 Поромов И. В. 248, 249
 Поромов И. И. 249
 Поромов М. 239
 Поромов Т. В. 249, 252
 Поромова А. Т. 249
 Поромова М. И. 249
 Посев И. 175
 Посев М. 175, 176, 179
 Посевьев Г. 62
 Поскочин Л. М. 221, 222, 224, 225, 228, 230, 232, 235, 241
 Посников И. 257
 Посников М. А. 226, 227
 Пospelов В. М. 243, 249
 Пospelов Г. И. 249, 250
 Пospelов Е. В. 249
 Пospelов И. М. 243
 Пospelов И. В. 249
 Пospelов М. Ф. 243, 249
 Пospelова А. В. (1-я) 249
 Пospelова А. В. (2-я) 249
 Пospelова Д. В. 249
 Пospelова М. В. 249
 Пospelова П. В. 249
 Пospelова Т. И. 249
 Потаповы 197
 Потёмкин Ф. И. 102
 Прасковья 247
 Преображенский А. А. 98, 187, 233, 363
 Пресняков А. Е. 8
 Прибыльский Ю. П. 41, 44
 Прозоровский П. С. 177, 228
 Прокофьев И. 250
 Пронский П. И. 112
 Протасьев Д. П. 103
 Протопопов И. 227
 Прялицын И. 250, 251
 Пузанов В. Д. 14, 35, 29, 42, 43, 45, 46, 48, 49, 59, 66, 67, 70, 71
 Пуртеева А. 136, 151–154
 Пуртов И. 231
 Пуртов П. З. 221
 Пуруега 119, 120, 175
 Путилов Василий (Васка) 207
 Путинцев М. 305
 Пучей 114
 Пучи 116, 124
 Пушкарёв Л. Н. 24
 Пушкин Б. И. 89, 97, 168, 329
 Пушкин Г. Г. 61, 68, 90
 Пушкин Н. (Микита, Никита) Е. 91, 92, 93, 94, 100, 204, 274, 277, 278
 Пушкин Н. М. 89
 Пушкин С. Т. 35, 46
 Пущин И. 60
 Пяк (Пян-хасава) 40, 114, 121–123, 171
- ## Р
- Рабинович М. Г. 352–354
 Рагозин 108
 Разин С. 157, 226
 Ракай 122
 Резанко 106
 Резун Д. Я. 14, 35, 42, 44, 63, 64, 65, 181, 213
 Ремезов С. У. 23–26, 28–33
 Репнин И. Б. 279
 Ржевский И. Н. 41, 56, 85
 Родин С. О. 284, 285, 287
 Рожин П. 207
 Рожины 198, 200, 207
 Роман 27, 28
 Роман С. 128
 Романов М. Ф. 36, 54, 68, 70, 72–74, 95, 247, 294, 299, 308, 313, 314, 318, 328
 Романов М. 247
 Романов Н. И. 110
 Роставка И. 176
 Рудковская М. А. 333, 345, 346
 Ружников П. 328
 Рукин Ф. 256
 Рыбкин И. 200
 Рыкачев М. И. 320
 Рябой И. 149
- ## С
- Сабуров С. Ф. 59
 Сабы (Сабый, Сабей) 117
 Савва (Истома) — см. Аргунов Истома
 Савелов 176

- Савельев Н. 231
 Савин И. 253
 Савинов Д. 254
 Сагалаев А. М. 132, 133
 Садиков П. А. 56
 Салманов Г. С. 72
 Салманов М. 257
 Салтыков И. И. 217
 Салтык-Травин Иван 11
 Самар 28, 128
 Самаров Б. 262, 276
 Самаров Т. 148, 149, 153, 154, 262, 276
 Самойлов Т. 220, 251, 252
 Самсонов И. 253
 Сапега Я. П. 65, 66
 Сатарко 168
 Сахин Х. 117
 Сверчковы 197
 Свешников 119
 Сед К. 117
 Сейдяк (Сеид-Ахмед) 15
 Секлеев М. 140
 Селирта 123, 125
 Семёнов И. 110
 Семёнов И. (Кузнец) 193
 Семёнов Л. 170
 Семёнов О. В. 61, 67, 134, 215, 217, 220, 231, 250, 253, 255, 256, 300, 301
 Семёнов С. 254
 Сензехом 115, 123
 Серга 116
 Сергеев В. И. 13, 38, 58
 Сергеев Л. 248
 Сергеевич В. И. 194
 Сергушкин Т. 320
 Серебряников (?) И. А. 220, 251
 Серебрянников В. 104
 Сигуней 114, 115
 Сидоров Б. 254
 Сидоров И. 254
 Силины 196
 Силуянов И. 248
 Симачкова Н. Н. 35, 42, 48, 56
 Симеон 282, 283, 307, 309, 321, 322, 324
 Симченко Ю. Б. 119
 Синяев В. С. 35
 Скалон В. Н. 341
 Скобелев С. Г. 210
 Скопин-Шуйский М. В. 66, 67
 Скосырев (?) П. Т. 237, 247
 Скосырев Б. 237
 Скосырев Г. 237
 Скосырев Д. П. 237
 Скосырев И. 238
 Скосырев Н. П. 337
 Скосырев П. 238
 Скосырев П. П. 247
 Скосырев П. 237
 Скосырева А. С. 247
 Скосырева М. 237
 Скосырева Н. 237
 Скосырева П. 247
 Скосырева Ф. 247
 Скрытников Р. Г. 22, 25, 27, 30, 67, 127, 129
 Скрыпунов (Скрипунов) Г. М. 238, 251, 252
 Скрыпунов (Скрипунов) И. Г. 238
 Скрыпунов (Скрипунов) Н. Г. 238
 Скрыпунов Ф. Н. 238
 Скульмовский Д. О. 35, 39, 45, 48, 60
 Слэзкин Ю. Л. 130, 131
 Слесаренко И. В. 284, 285, 287
 Словцов П. А. 7, 229
 Слугина В. А. 17, 58, 69, 98
 Смирнов И. И. 147
 Смирнов П. П. 191
 Собей 171
 Соколова З. П. 132
 Соловьёв А. И. 132, 133
 Соловьёв С. М. 8, 23, 60, 66
 Солодкин Я. Г. 38, 42, 44, 45, 48, 51, 52, 54, 59, 60, 62, 67, 68, 70, 73
 Соль-Ванюта 114, 120
 Сопков (Собков) И. 296
 Сопли и Япти 114
 Сорока И. 173
 Сорокин И. 271
 Соснин И. 251
 Сотысиды 116
 Спафарий (Милеску-Спафарий) Н. Г. 159, 160, 227, 241, 242, 160
 Спехов И. 248
 Спехов М. И. 248
 Спехов С. И. 248, 252
 Спиридонов А. И. 241
 Спиридонов А. С. 240
 Спиридонов И. С. 240
 Спиридонов П. 97
 Спиридонов С. В. 240
 Станиславский А. Л. 56
 Старков В. Ф. 185, 331, 332, 335, 338, 344, 345, 347, 353, 354
 Степанов В. 108
 Степанов Д. 200, 201
 Степанов И. В. 181
 Степанов И. 297
 Степанов М. Ф. 247
 Степанов Н. Н. 129, 130, 209
 Степанов П. 95,
 Степанов Ф. 247
 Степанов Х. Ф. 247
 Стефанов С. 220
 Сторожев В. 55, 75
 Страленберг Филипп Иоганн фон (Strahlenberg Philip John von) 286, 288
 Стремиловский Ю. 231, 325
 Строгановы 25
 Строев 98
 Стромиллов Ю. Я. 37, 73, 75
 Суботин И. В. 252
 Сулешев Ю. Я. 99
 Сулоцкий А. И. 305
 Сумкин А. А. 238, 239
 Сумкин И. П. 239
 Сумкин П. А. 238
 Сумкин Ф. А. 238
 Сумкины 239
 Суриков В. И. 213
 Суханов М. 229
 Сухотин Л. М. 53, 89
 Сынка 155
 Сыраптейко 124
 Сысоев П. 229
 Сычов А. 171

Т

Токарев С. А. 8
 Толмачев И. 111
 Толочанов А. М. 37, 265
 Толстой В. С. 51
 Томило (Вычержанин) 68
 Томыл 117
 Тонья (Танья, Танга) 156, 157, 163 — см. также Бардаков Тонема, Кинема
 Торгулеев Л. 237
 Торгулеев Ш. 237
 Торлопов И. 104
 Торопчанинов А. 196, 279
 Торопчанинов А. 196
 Торопчаниновы 196
 Торопчаниха А. 200, 201
 Тоян 36
 Траханиотов Н. В. 51, 54, 55, 85, 129
 Тренин И. М. 248
 Трепавлов В. В. 17, 41, 54, 56, 65, 66, 68, 69, 132, 135
 Третьяк (Корела) 68
 Третьяков А. В. 255
 Третьяков В. 124
 Третьяков В. Е. 255
 Трисман В. Г. 57, 65, 71, 73, 168, 206, 219
 Трофим 317
 Трубецкой А. Н. 109, 137
 Трубецкой Д. Т. 63, 68, 73, 89
 Трясоголов 116
 Трясоголовый Карачеев — см. Карачеев Трясоголовый
 Тугунаско 148, 149
 Тудолилка 177
 Тудулин М. 116
 Тумач (Тумачев) С. 50
 Туполев А. Н. 213
 Туполк Л. 277
 Туров С. В. 45
 Тутолмин С. А. 257
 Тутолмин Ф. 177
 Тушин Г. И. 74, 75

Тынгин И. 168, 271
 Тынгин С. 271
 Тырков В. Ф. 57
 Тысыня 171
 Тычинских З. А. 40
 Тютютов 116, 169
 Тюменцев И. О. 54, 55, 65, 66, 72, 73
 Тюменцева Н. Е. 65
 Тютчев М. 92

У

Ульянова А. Е. 38, 39, 46–48, 50, 62, 70, 183, 192
 Ульяновский В. И. 72
 Ураксеев С. 237
 Урей 116
 Урунк 40
 Урусов И. С. 96
 Усковы 197
 Ухтомский П. М. 94, 124, 125, 173, 272, 273
 Учкутко 148
 Учот А. 129
 Ушаков А. М. 232, 234–240, 246, 248, 253, 256, 257
 Ушаков Б. 104
 Ушаков Г. М. 257
 Ушаков И. М. 256, 257
 Ушаков Ф. 257

Ф

Фанторин М. И. 177
 Фёдор (Вычегжанин) 68
 Фёдор [Иванович] 57, 58, 74, 117, 260, 294, 358
 Фёдор А. 87, 220, 315, 326
 Фёдоров Б. 317
 Фёдоров Д. 221
 Фёдоров И. 49, 102, 220, 251
 Фёдоров К. 204
 Фёдоров Н. 249
 Фёдоров С. 220, 254
 Фёдоров Т. 213
 Фёдорова М. 247

Фёдорова Н. В. 118
 Фёдорова Ф. 236
 Федосья 237
 Федотьица (Федосьица) 328
 Фёкла 237
 Фетинья 247
 Филарет 303, 304, 313, 314
 Филофей 303, 304
 Фирсов Н. Н. 8, 363
 Флоря Б. Н. 74, 309
 Фомин Я. 110
 Фоминов А. В. 56
 Фофанов И. 203
 Францбеков И. А. 266
 Францеженин С. 136
 Фролов А. 67
 Фрянчиков Г. С. 220
 Фрянчиков С. 220

Х

Хабаров Е. 186
 Хабаров И. 218, 222
 Хакк-Назар 25
 Харзеев М. 303
 Харючи 115, 117, 118, 120
 Хаска 119, 171, 271
 Хена (Хесня, Хыня) 119, 174, 269
 Хилков И. А. 166, 222, 272
 Хиян 116
 Хлопов (Нагай Хлопов) В. М. 54, 57
 Хлопов М. Т. 46, 264
 Хованский А. А. 92
 Хозка 116
 Хозяинов И. И. 228, 251
 Хомич Л. В. 117, 121
 Хомутов В. 46,
 Хрипунов Д. П. 35, 44–47, 316
 Хрипунов Я. 213
 Хромой 116
 Хромых А. С. 44, 69
 Хубей 117
 Худяков К. Ф. 235, 236
 Худяков К. К. 236
 Худяков Ю. 32

Худякова А. К. 236
 Худякова П. В. 235
 Худякова П. К. 236
 Худякова Ф. И. 235
 Худякова Ф. Ф. 236
 Хулеев М. 270
 Хулеев Пось (Поско, Пось, Пося) 119, 166, 174, 272
 Хулеев Х. 119, 166, 169, 171, 173–175, 269–271
 Хулеев Хена (Хеня) 174, 269, 271
 Хулейко 119, 171
 Хынин К. 120, 176, 179

Ц

Цеменков С. И. 18, 178
 Цынгоп [-мурза] 141, 260, 263
 Цынгопов Б. 148, 149

Ч

Чагин Г. Н. 365
 Чаплин С. 277
 Чебуков Т. 25
 Чекичев Н. 108
 Челпанов (?) М. В. 251
 Челпанов (?) Н. 251
 Чемоданов С. И. (Шестаков) 73, 74
 Чепчугов И. 110
 Чердынец (?) М. Г. 246
 Черкас А. 146
 Черкасов Б. 257
 Черкасов Д. 172
 Черкасова М. С. 75
 Черкасский П. А. 61, 69, 72, 73, 105, 147–151, 297, 317
 Чермный Я. 36, 45, 292
 Черная М. П. 337
 Чернецов В. Н. 117
 Черницын С. 226, 227, 256
 Черной С. 68
 Черняков Р. Ф. 221
 Чернякова И. А. 302
 Чернякова О. В. 302

Чечулин Н. Д. 181
 Чингисиды 65, 67, 68
 Чичеев О. 165
 Чичерин Б. Н. 82
 Чичерин Д. И. 228
 Чоглоков Г. 70
 Чулков Д. Д. 59
 Чумеев С. 140
 Чушола Г. 110

Ш

Шабалина И. Д. 73
 Шаламов (Шеламов) А. И. 235
 Шаламов (Шеламов) В. И. 235
 Шаламов (Шеламов) В. Н. 235
 Шаламов (Шеламов) Е. И. 235
 Шаламов (Шеламов) Иван (1-й) Никитович 234, 235
 Шаламов (Шеламов) Иван (2-й) Никитович, 234, 235
 Шаламов (Шеламов) Иосиф (?) Никитович, 234, 235
 Шаламов (Шеламов) К. Ф. 221, 234
 Шаламов (Шеламов) Н. К. 234, 235
 Шаламов (Шеламов) П. И. 235
 Шаламов (Шеламов) С. В. 235
 Шаламов (Шеламов) С. Н. 234
 Шаламов (Шеламов) Фёдор (1-й) Владимирович 235
 Шаламов (Шеламов) Фёдор (2-й) Владимирович 235
 Шаламов (Шеламов) Ф. Н. 234
 Шаламов (Шеламов) Я. Н. 234
 Шаламов Д. Б. 251
 Шаламова (Шеламова) А. И. 235
 Шаламова (Шеламова) В. В. 235
 Шаламова (Шеламова) В. И. 235
 Шаламова (Шеламова) М. В. 235
 Шаламова (Шеламова) М. И. 235
 Шаламова (Шеламова) О. 235
 Шаламова (Шеламова) П. В. 235
 Шаламова (Шеламова) С. В. 235
 Шалмачеев К. 170
 Шарума 123, 173

Шатанка 112
 Шахов Д. 104
 Шахов И. 176
 Шахов Н. 113, 147, 154, 259, 267
 Шахов Н. 105
 Шаховской И. Ф. 76
 Шаховской М. М. 35, 44–47, 81, 122, 149, 516
 Шашков А. Т. 14, 34–44, 48, 50, 51, 56, 58, 60, 62, 63, 68, 91, 135, 142, 146, 147, 151, 157, 169, 214, 224, 225, 228, 234, 235, 239–241, 247, 249, 254, 256, 293, 294, 298–300, 302, 303, 307, 317, 319, 322, 324, 333
 Шеймин П. 238
 Шелегина О. Н. 363
 Шемановский И. С. 46
 Шепелев И. С. 58, 60, 64–67, 69, 71, 73
 Шереметев П. Н. 55
 Шереметев Ф. И. 35, 67
 Шерстова Л. И. 17, 363
 Шехирев И. Н. 221
 Шилик 105, 106
 Шиловский М. В. 64
 Ширин А. И. 76
 Шишкин Ф. Г. 100, 101, 274
 Шишкин 98
 Шишонко В. Н. 223, 283
 Шиятов С. Г. 16
 Шмонин Ф. К. 251, 252
 Шпаковский И. Л. 182
 Шпаковский Н. И. 181
 Шпаковский Я. 182
 Шренк А. И. 117
 Штейниц В. 240
 Шубин Л. 117, 265
 Шуин Л. 111
 Шульгин И. 103
 Шунков В. И. 9, 10, 56, 67, 198, 208, 226, 246

Щ

Щеголдаев С. 173, 175
 Щелкалов А. 81

Щепельницын П. 105
 Щербатый М. А. 41
 Щербатый О. И. 217
 Щетинин Я. 49

Э

Элерт А. Х. 47
 Эренк Я. 183
 Эскин Ю. М. 39, 49, 60, 66, 70, 71, 74,
 91, 96

Ю

Югучейский (Ючи, Еуши) 14
 Юдин А. 320
 Юрьев В. 47, 70,
 Юрьев Д. 63, 67
 Юрьев О. 49, 136, 139, 147–149, 154,
 316, 320
 Юхи 116, 124, 169
 Ючи 114, 116, 124

Я

Ядринцев Н. М. 187
 Языков С. А. 103
 Яков (Яша, Ивши, Еуши) 124
 Яков Е. 221, 257
 Яковлев В. 221
 Яковлев Д. 254
 Яковлев Е. 252–254
 Яковлев И. 253
 Яковлев М. 326
 Яковлев П. 201
 Яковлев Т. 207
 Яковлев Ф. 63
 Яковлева О. 154
 Ялта 112
 Ялты 116
 Яптики 114, 171
 Яр (Яры) 114, 116
 Яркома 117
 Ясырь И. 50
 Яуров Х. 177
 Яшадолон(м)жакина 124

INDEX of NAMES

Lantzeff G. V. 84, 89,
 Weber F. C. 284
 Curt Friedrich Wreech von 286–290
 Müller John Bergard — см. Мюллер Й.

СОКРАЩЕНИЯ

- ААНИИ – Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт
- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук
- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией
- АМГ – Акты Московского государства
- АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России
- БСР – Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.
- ВГ – Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. М., 1982.
- ВИ – Вопросы истории
- ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией
- ИЭС – Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009.
- КЗ – Книга записная
- МАЭ – Музей антропологии и этнологии
- МнЧ – Мининские чтения
- ОИ – Очерки истории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (к 90-летию со дня образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и 900-летию первого упоминания Югры в русских летописях). М.; Ханты-Мансийск, 2020.
- ОС – Осадный список 1618 г. М.; Варшава, 2009.
- НДР – Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003.
- ОИЮ – Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.
- ПСЗ – Полное собрание законов [Российской империи]. Собр. 1. СПб., 1830.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- ПССГ – Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск, 1996.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- РГБ – Российская государственная библиотека
- РИБ – Русская историческая библиотека
- РК – Разрядная книга
- РСНЮ – Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: исследовательские материалы и документы. М., 2007.
- СГДД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел
- СЛС – Сибирский летописный свод
- СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- СР – Северный регион
- ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
- ТКДТ – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.-Л., 1950
- ТСХ – Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018.
- ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских

Научное издание

Вершинин Евгений Владимирович, **Визгалов Георгий Петрович**, **Главацкая Елена Михайловна**,
Манькова Ирина Леонидовна, **Никитин Николай Иванович**, **Семенов Олег Владимирович**,
Пузанов Владимир Дмитриевич, **Солодкин Янкель Гутманович**, **Трепавлов Вадим Винцерович**

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГРЫ

В восьми томах

Том 3

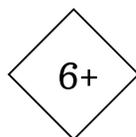
Югра в составе Московского государства

Составитель указателей А. Г. Киселёв
Корректор Н. А. Дубровина
Компьютерная верстка А. А. Манаенкова
Дизайн макета В. И. Оприцова, Р. В. Герасимов

Подписано в печать 09.02.2024 г. Формат 60×90/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Literata
Усл. печ. л. 53. Тираж 4000 экз. Заказ № 761

АО «Издательский дом «Новости Югры»
628011, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 46
тел.: +7(3467)350-280
Сайт: www.idnu.ru
E-mail: holding@idnu.ru

Отпечатано в ООО «Сургутская типография»
628403, г. Сургут, ул. Маяковского, д. 14
Сургутскаятипография.рф

ISBN 978-5-4422-0084-3

9 785442 200843